

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
РУССКИХ
МЫСЛИТЕЛЕЙ
ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ
XVIII ВЕКА

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
РУССКИХ
МЫСЛИТЕЛЕЙ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XVIII ВЕКА

ГОСПОЛИТИЗДАТ

1 9 5 2

МОСКОВСКИЙ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

КАФЕДРА ИСТОРИИ
РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
РУССКИХ
МЫСЛИТЕЛЕЙ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XVIII ВЕКА

Т О М

I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1 9 5 2

ИЗДАНИЕ В ДВУХ ТОМАХ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
И СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
И. Я. ШИПАНОВА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

след за М. В. Ломоносовым, положившим начало научному естествознанию и материалистической традиции в России, на общественной арене нашей страны во второй половине XVIII века выступила славная плеяда просветителей: Н. Н. Поповский, А. А. Барсов, Д. С. Аничков, С. Е. Десницкий, Я. П. Козельский, И. А. Третьяков, А. М. Брянцев, Д. И. Фонвизин, Н. И. Новиков, И. А. Крылов, А. Я. Поленов, А. А. Каверзнев, П. А. Словцов, П. С. Батулин и др.

Развитие передовой общественно-политической и философской мысли в этот период происходило в ожесточенной борьбе с отсталыми консервативными и реакционными течениями феодально-крепостнического строя. Передовые люди России боролись за ограничение произвола крепостников, за демократизацию науки, за распространение просвещения в стране, за развитие материальных и духовных богатств, за эмансипацию человеческой личности. Прогрессивно настроенные мыслители и писатели подвергли острой критике реакционный характер морали крепостников, рабское преклонение последних перед иностранщиной. Идеи просветителей этого периода оказали большое влияние на формирование воззрений А. Н. Радищева и его последователей.

Идеи русских просветителей второй половины XVIII века прямо или косвенно отвечали на вопросы, поставленные

всем ходом общественно-политического и экономического развития страны, в которой началось разложение феодально-крепостнической системы.

Деятельность русских просветителей этого времени замечательна тем, что она по своему объективному содержанию подрывала феодально-крепостнические устои, содействовала вызреванию нового, капиталистического уклада жизни. Хотя сами просветители и не задавались целью ликвидации крепостной системы, но выдвинутые ими общественно-политические идеи, в том числе и по крестьянскому вопросу, по вопросам философии и социологии, этике и т. д., шли вразрез с господствовавшими феодально-крепостническими порядками в стране, вразрез с религиозно-идеалистической и мистической идеологией крепостников.

Передовые идеи, выдвигавшиеся русскими просветителями XVIII века, представляли собой ценный вклад в мировую культуру.

Выдающееся значение в развитии передовой русской национальной культуры, в распространении просвещения и передовых идей в стране, в подготовке национальных кадров сыграл Московский университет, созданный в 1755 г. М. В. Ломоносовым. При открытии университета организовано было три факультета: философский, юридический и медицинский. Царское правительство, не согласившись с демократическим желанием Ломоносова, чтобы в университет и созданную при нем гимназию принимались и крестьянские дети, ограничило приемом в университет дворян, детей духовенства и отчасти мещан.

Но в самом Московском университете сразу же основной тон стали задавать не мистики, не Шадены, Рейхели и им подобные чиновники от науки, а ученики Ломоносова: профессора Поповский, Барсов и другие группировавшиеся вокруг них преподаватели, а также студенты. Продолжая линию своего учителя, Поповский и Барсов боролись за демократизацию университета, за ускоренное создание национальных кадров, в которых нуждалась страна.

Линию Ломоносова и этих пионеров-профессоров позднее продолжили питомцы Московского университета,

многие из которых стали вскоре видными профессорами того же университета: Аничков, Десницкий, Третьяков, Брянцев.

Крупнейшие деятели XVIII века Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин и др. были также воспитаны в Московском университете; они сыграли выдающуюся роль как писатели и сатирики, как изобличители крепостного права в России, как носители и проповедники новых, прогрессивных идей.

Уже во второй половине XVIII века Московский университет играл выдающуюся роль в развитии русской национальной культуры, в развитии материалистической философии и передовой общественной мысли, в подготовке национальных кадров для разных областей государственной, общественной и научно-культурной деятельности.

I

Время, когда на общественной арене в России выступали Поповский, Барсов, Аничков, Десницкий, Третьяков, Брянцев, Фонвизин, Козельский, Батулин, Поленов, Новиков, Каверзнев, Словоцков и другие прогрессивные писатели и мыслители, характеризовалось, с одной стороны, дальнейшим усилением крепостнического гнета, дальнейшим возвышением класса помещиков, с другой — усилением класса торговцев, купцов, наметившимся еще при Петре I.

В беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом И. В. Сталин указал, что «Пётр Великий сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса. Пётр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счёт крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»*.

* И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 105.

Наметившиеся социальные сдвиги в России в конце XVII и начале XVIII века, отражением которых были петровские преобразования, значительно усилились во второй половине XVIII века. Развитие товарно-денежных отношений, рост внутреннего и внешнего рынка, вовлекая помещичьи хозяйства в сферу торговли, побуждали помещиков к увеличению производства хлеба и других сельскохозяйственных продуктов для продажи и обмена. Это сопровождалось дальнейшим закрепощением крестьянства и усилением эксплуатации крепостных, увеличением крестьянских повинностей, усилением оброчной системы.

Наряду с усилением эксплуатации крепостных в помещичьих имениях, становившихся на рельсы рыночного производства, в стране шел процесс дальнейшего увеличения промышленного производства. Наряду с дворянской мануфактурой в стране развивалась мануфактура казенная, купеческая и отчасти крестьянская, давшая впоследствии фабрикантов из крестьян, таких, как Савва Морозов и др.

Казенная мануфактура развивалась главным образом на труде приписных, то-есть вновь закрепощаемых людей; в купеческой и крестьянской мануфактуре применялся как труд вольнонаемных, так и труд крепостных. Но труд вольнонаемных ничем существенно не отличался от труда крепостных.

Законодательные мероприятия Екатерины II предоставляли привилегии мануфактуре дворянской. Так, например, винокурением производством, приносящим огромные прибыли, могли заниматься только дворяне. Учреждение дворянского заемного банка, освобождение дворян от податей и т. д. — все это укрепляло экономические позиции этого класса.

«Со времени Петра, — писал Энгельс, — началась внешняя торговля России, которая могла вывозить лишь земледельческие продукты. *Этим* было вызвано угнетение крестьян, которое все возрастало по мере роста *вывоза*, ради которого оно происходило, пока Екатерина не сделала этого угнетения полным и не завершила законодательства. Но это законодательство позволяло помещикам

все более притеснять крестьян, так что гнет все более и более усиливался»*.

Придя к власти после дворцового переворота 1762 г., Екатерина II, удовлетворяя волчьи аппетиты крепостников, издает указ за указом, один реакционнее другого, направленные на укрепление экономических и политических позиций помещиков-крепостников.

В 1765 г. был издан указ, разрешивший помещикам ссылать за «продерзостное состояние» крестьян на каторгу, а в 1767 г. дополнивший его указ о запрещении крестьянам под угрозой ссылки в Сибирь жаловаться на помещика.

Губернской реформой, «Жалованной грамотой дворянству» и «Жалованной грамотой городам» Екатерина II сконцентрировала всю власть на местах в руках помещиков.

Дворянам предоставлялось исключительное право собственности на землю; дворянство освобождалось от обязательной военной и гражданской службы, от податей и т. д.; Екатерина ввела дворянские собрания, установила выбор уездных и губернских предводителей дворянства и т. д.

Екатерина II систематически усиливала крепостнический гнет. Она закрепостила свыше 800 000 государственных крестьян, узаконила крепостное право на Левобережной Украине, ликвидировала Запорожскую Сечь (1775), ограничила права казаков и т. д. Своим законодательством Екатерина II отдавала крестьян на произвол помещиков, чиновников, дравших с крестьян три шкуры; неугодных, «строптивых» бросали в тюрьмы и казематы, ссылали на каторгу, отдавали в рекруты и продавали как скот другим помещикам.

Телесные наказания крепостных, со смертельным исходом, были явлением обычным. В 1768 г. на всю Россию прогремело дело Салтычихи, замучившей до смерти более ста крепостных. Но зверские повадки Салтычихи сидели в каждом крепостнике.

Обремененные каторжными условиями труда, крестьяне выражали острое недовольство феодально-крепостническими порядками. Это недовольство нередко выливалось

* Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1951, стр. 332.

в крестьянские волнения и бунты, самыми мощными из которых были восстания крестьян против помещиков на Правобережной Украине под руководством Максима Железняка и Ивана Гонты (1768—1769) и особенно знаменитое восстание крестьян и «работных людей» Приуралья и Поволжья под руководством Емельяна Пугачева, происходившее в 1773—1775 гг.

Хотя крестьянские восстания и не были еще освещены политическим сознанием, были стихийны, тем не менее по своему общему направлению и содержанию они были антикрепостническими, прогрессивными, служили социальной основой формирования русской освободительной мысли в XVIII и позднее в XIX веке. Восставшие истребляли ненавистных им помещиков, отказывались от выполнения барских повинностей, от уплаты оброка, поставки рекрутов. «Крестьянский царь» Пугачев в устных обращениях к крестьянам, через именные указы и манифесты провозглашал ярко выраженную антикрепостническую программу.

В именном указе для «всенародного известия» от 31 июля 1774 г. Пугачев довольно полно и вполне ясно изложил программу «крестьянского царя»:

«Жалуем сим именованным указом с монаршим и отеческим нашим милосердием всех, — писал Пугачев, — находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короне и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностию и свободою и вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями, и соляными озерами без покупки и без оброка и свободяем всех прежде чинимых от злодеев дворян и градских мздоимцев-судей крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощений. И желаем вам спасения душ и спокойной в свете жизни...»

В этом отрывке по существу изложены главные идеи политической программы Пугачева. Эти же мысли почти дословно в зависимости от того, к кому они были адресованы, множество раз повторялись Пугачевым и в других

документах: в обращении к яцким казакам (Указ от 17 сентября 1773 г.), в обращении к угнетенным народностям России *, в именном указе на имя «Красногорской крепости коменданту и Сакмарским казакам и всякого звания людям» **.

Пугачев требовал освобождения из тюрем всех крепостных и других работных людей. Помещикам и царским чиновникам, которые будут препятствовать освобождению крестьян «головы рубить и кровь проливать» ***.

Пугачев рассматривал крепостников как истинных злодеев, которым «милости не будет», которым «головы рубить и пажить разделить» ****; «как сущих преступников закона и общего покоя, злодеев и противников против воли моей императорской, лишать их всей жизни, то-есть казнить смертию, а дома и все их имение брать себе в награждение» *****.

В именном указе от 31 июля 1774 г. Пугачев пишет: «кои прежде они дворяне в своих поместьях и вотчинах, оных противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с своими, крестьянами».

Пугачев и сами крепостные были глубоко убеждены, что по истреблении «противников и злодеев-дворян всякий может восчувствовать тишину, спокойную жизнь, коя до века продолжаться будет» (там же).

Пугачев стремился по освобождении крестьян сделать их людьми вольными, привести их в «благоцветущее состояние».

Он призывал крестьян не жалеть своей крови в борьбе с угнетателями, блюсти строгую дисциплину, поддерживать его армию, а от армии требовал при взятии городов и селений, где жители «приклонились к полной власти», «никакого жителям притеснения, разорения, обид, налог

* См. настоящее издание, т. II, стр. 89.

** См. там же, стр. 95.

*** Там же, стр. 101.

**** Там же, стр. 102.

***** Там же, стр. 98.

и бесповинного кровопролития не чинить» *, «ко взяткам, кроме съестного припаса, не касаться под опасением смертной казни» **.

Отсюда видно, что восставшие боролись за волю, за «хорошего царя», за установление в стране таких порядков, которые отвечали бы надеждам и чаяниям угнетенных крестьян.

«Мы видели, — говорил И. В. Сталин, — в выступлениях этих людей отражение стихийного возмущения угнетённых классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнёта» ***.

Однако борьба крепостных еще не могла в то время привести их к победе над своими коренными врагами — крепостниками.

«Крестьянские восстания, — учит И. В. Сталин, — могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели.

Кроме того, говоря о Разине и Пугачёве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя» ****.

Самодержавие и помещики, опиравшиеся на армию и полицейский аппарат, жестоко расправлялись с восставшими: Максим Железняк был сослан на каторгу в Нерчинск, Иван Гонта казнен, Пугачеву, приговоренному к четвертованию, отрубили голову; крестьян, принимавших участие в восстании, подвергали казни, экзекуциям, пыткам, ссылкам на каторжные работы и т. д.

Но несмотря на поражение, крестьянские восстания сыграли в истории нашей родины прогрессивную роль: они распатывали феодально-крепостнические основы.

Крестьянские волнения и восстания, оставляя неизгладимый след в сознании народа, в его изустном твор-

* Настоящее издание, т. II, стр. 115.

** Там же, стр. 120.

*** И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 112.

**** Там же, стр. 112—113.

честве, в преданиях, песнях, сказах и др., активизировали его волю к дальнейшей борьбе, оказывали также сильное влияние на развитие передовой общественной мысли. Крестьянский вопрос в России XVIII века выдвинулся на одно из первых мест; над его разрешением усердно бились наиболее передовые общественные деятели, писатели, экономисты, философы.

Вопрос о смягчении крепостного права уже неоднократно поднимал Ломоносов. Все общественные, научные, философские идеи Ломоносова были по природе своей и по своему содержанию антикрепостническими.

После смерти Ломоносова вопрос о крепостном праве в России все настойчивее выдвигается жизнью. Естественно, что передовые общественные деятели, писатели, мыслители второй половины XVIII века — Новиков, Козельский, Десницкий, Фонвизин, Поленов, Третьяков, Крылов, Коробьян, Голицын, Батурин и др. — бились над разрешением этого вопроса, первыми начали изобличать крепостное право. Вопрос об освобождении крестьян, вопрос о земле стал центральной проблемой русской общественной мысли и во многом определял ее дальнейшее направление. «Вы знаете, — говорил И. В. Сталин, — что осью революционного движения в России в старое время служил аграрный вопрос»*.

Никто из указанных просветителей еще не ставил вопроса об уничтожении крепостного права революционным путем. Их критика, сатира, направленная против крепостного права, как справедливо отмечал еще Добролюбов, часто не достигала своей цели, так как главным предметом ее изобличения было не осуждение крепостной системы в целом, а осуждение отдельных ее сторон, осуждение негуманного отношения помещика к крепостным, высмеивание невежества, расточительности дворян, взяточничества, крючкотворства и продажности чиновников и судей. Просветители наивно полагали, что «прогресс России зависит от личной честности какого-нибудь секретаря, от благосклонного обращения помещика с крестьянами,

* И. В. Сталин, Соч., т. 12, стр. 155.

от точного исполнения указов о винокурении и о шести процентах и т. д. Они не хотели видеть связи всех частных беззаконий с общим механизмом тогдашней организации государства и от ничтожнейших улучшений ожидали громадных следствий, как например, уничтожения взяточничества от учреждения прокуроров и т. п.»*.

Вопрос о крепостном праве в России в той или другой форме затрагивал все слои русского общества. Но особенно этот вопрос после самих закрепощенных занимал умы русских просветителей — Новикова, Десницкого, Третьякова, Козельского, Коробьина, Поленова, Фонвизина и др., сочувственно относившихся к угнетенному народу и стремившихся к развитию производительных сил своей родины. Это происходило вследствие того, что в недрах феодально-крепостного строя происходили социальные сдвиги, вопрос об уничтожении крепостного права выдвигался самой жизнью, всем ходом общественно-экономического развития страны. Товарищ Сталин учит: «Новые общественные идеи и теории возникают лишь после того, как развитие материальной жизни общества поставило перед обществом новые задачи»**.

Крестьянским вопросом занималось и царское правительство, создавая в 1765 г. Вольное экономическое общество в целях изыскания средств к поднятию производительности помещичьего хозяйства.

При обсуждении крестьянского вопроса в Вольном экономическом обществе и в Комиссии для сочинения проекта нового уложения сразу же наметились два направления. Одно направление — это лагерь заядлых реакционеров-крепостников крупных помещиков вроде князя Щербатова с Екатериной II во главе. Это направление отстаивало неприкосновенность крепостного права, осуществляло дальнейшее усиление экономического и политического господства помещиков. Другое направление представляли в 60—80-х годах Поленов,

* Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, 1935, т. 2, стр. 183.

** И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 546—547.

Новиков, Коробьин, Козельский, Фонвизин, Десницкий, Третьяков, Крылов и др.; они развивали просветительские идеи, горячо высказывались за ограничение крепостного права, за строгое упорядочение отношений между помещиками и крестьянами, гневно клеймили зверское отношение крепостников к крепостным. В печати эти идеи наиболее ярко были отражены в сатирических журналах Новикова, Крылова, в творчестве Фонвизина и др.

Н. И. Новиков (1744—1818) был крупным просветителем второй половины XVIII века. На протяжении многих лет он издавал сатирические журналы, сыгравшие немаловажную роль в изобличении варварских феодально-крепостнических пороков. Сатирические журналы Новикова «Трутень» (1769—1770), «Пустомели» (1770), «Живописец» (1772—1773), «Кожелек» (1774) были замечательны тем, что в них смело критиковался произвол помещиков, судей, полицейских, царских чиновников, осуждались пороки и невежество крепостников, их раболепие перед иностранщиной.

Белинский высоко ценил Новикова:

«Этот человек, — писал он, — столь мало у нас известный и оцененный (по причине почти совершенного отсутствия публичности), — имел сильное влияние на движение русской литературы и, следовательно, русской образованности... Владея значительными средствами, он издавал множество книг в такое время, когда у нас почти вовсе не было книг. Но и в этом случае, он действовал не как книгопродавец, хотя в то время и роль дельного книгопродавца была бы еще благодетельнее, нежели как могла бы она быть теперь. Нет! Новиков не был книгопродавцем: нажиться продажей книг несколько не было его целью. Благородная натура этого человека постоянно одушевлялась высокою гражданскою страстию — разливать свет образования в своем отечестве. И он увидел могущественное средство для достижения этой цели в распространении в обществе страсти к чтению»*.

* В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, 1914, т. X, стр. 309—310.

Близко к сатире Новикова примыкали сатирические журналы издателя В. Г. Рубана «Ни то ни сё» и «Трудолюбивый муравей», издателя М. Д. Чулкова «И то и сё» и «Парнасский щепетильник», издателя Ф. А. Эмина «Адская почта», издателя В. Тузова «Поденщина». По пути Новикова пошел в 80-х и начале 90-х годов Иван Андреевич Крылов, издававший журналы «Почта духов» (1789), «Зритель» (1792), «С.-Петербургский Меркурий» (1793).

Издавая через подставное лицо журнал «Всякая всячина», Екатерина II задавалась коварной целью подчинить себе общественное мнение, направив его в нужное русло: сатирические журналы должны были, ориентируясь на «Всякую всячину», отказаться от критики самодержавно-полицейского и крепостнического произвола, стать послушными, покладистыми, беззубыми и ручными.

Но это ей не удавалось. Сатирические журналы нередко вступали в полемику и со «Всякой всячиной», т. е. с самой Екатериной. Особенно сильно беспокоила Екатерину острая и яркая сатира журналов Новикова и Крылова. Этим собственно и объясняется, что в 1792 г. Екатерина заточила Новикова на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость, а Крылов вынужден был закрыть один за другим свои сатирические журналы и на время оставить Петербург и свои литературные занятия.

Впоследствии Белинский писал о сатирических журналах Крылова:

«Что же касается до его сатирических статей в прозе, наполнявших некогда издававшиеся им же журналы: *«Почту Духов», «Зрителя», «Санктпетербургский Меркурий»,* — то в них много ума, соли, местами даже жолчи, и вообще они представляют собою гораздо больше интереса, нежели как можно ожидать этого. Берешь их в руки с тем, чтобы перелистовать, а вместо этого со вниманием прочтешь их. Есть, правда, в них места довольно скучные, но они с избытком вознаграждаются характеристическими чертами нравов общества того времени. Есть и целые статьи, над чтением которых не будет зеваться»*.

* В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. X, стр. 456.

Русская сатира XVIII века была проникнута передовыми философскими и просветительскими идеями, отрицательным отношением ко многим неприглядным сторонам феодально-крепостнической действительности. Однако она еще не поднялась до революционного отрицания самодержавия и крепостного права.

«Они, — писал Добролюбов о сатириках XVIII века, — нападали на необразованность, взяточничество и ханжество, отсутствие законности, спесь и жестокость в обращении с низшими, подлость пред высшими и пр. Но весьма редко в подобных обличениях проглядывала мысль, что все эти частные явления суть не что иное, как неизбежные следствия ненормальности всего общественного устройства. Большею частью нападали на взяточника так, как будто бы все зло взяточничества зависело единственно от личной склонности таких-то к обдиранию просителей. Никогда в сатирах наших вопрос о взятках не переходил в рассмотрение общего вреда бюрократии и тех обстоятельств, которыми сама бюрократия порождена и развита. То же было и во всех других вопросах»*.

Добролюбов был прав, когда в статье «Русская сатира в век Екатерины» писал, что «никогда почти не добивались сатирики до главного, существенного зла, не раздражались грозным обличением против того, от чего происходит и развиваются общие народные недостатки и бедствия»**.

Русские сатирики во главе с Новиковым и Крыловым и русские прогрессивные общественные деятели, мыслители и писатели того же времени — Поленов, Коробьин, Козельский, Десницкий, Фонвизин, Третьяков, Чупров, Жеребцов, Маслов и др., поднимая вопрос об ограничении и смягчении крепостного права, о гуманном отношении помещиков к крестьянам, борясь за распространение просвещения в стране и искоренение невежества, взяточничества, крючкотворства, борясь против преклонения перед иностранщиной, не поднялись еще до революционных выводов об уничтожении крепостного права через крестьянское

* Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 139.

** Там же, стр. 138.

восстание, какие сделал А. Н. Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» и в оде «Вольность».

Хотя в таких выступлениях Новикова, как «Отрывок из Путешествия в*** И*** Т***», напечатанный в «Живописце», «слышится уже ясная мысль о том, что вообще крепостное право служит источником зол в народе»*, все же было бы неправильно смешивать в одну кучу общественно-политические воззрения Новикова, Крылова, Поленова, Коробьина, Фонвизина, Козельского, Десницкого, Третьякова и других русских просветителей второй половины XVIII века с общественно-политическими воззрениями Радищева. Выступление на общественной арене Радищева знаменовало собой революционно-антикрепостнический этап в развитии русской общественной мысли, в развитии русской литературы. Радищев, по определению товарища Сталина, был одним из представителей революционной России.

* *
*

В 1766 г. «Вольное экономическое общество», преследовавшее цель поднять производительность помещичьего хозяйства в России, объявило конкурс по вопросу: «Что полезнее для общества: чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираться должны?»

На конкурс было подано 160 работ. Из них премированы только 5. Вторая премия была присуждена Алексею Яковлевичу Поленову (1738—1816) — видному просветителю и мыслителю второй половины XVIII века.

Несмотря на то, что требования, изложенные в работе Поленова, носили умеренный характер, сама работа при жизни автора не увидела света и впервые была опубликована только в 1865 г., т. е. через 99 лет после ее создания.

Мнение реакционных дворян-крепостников, пожалуй, наиболее откровенно выразил А. П. Сумароков, который решительно высказался против освобождения крестьян

* Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 170.

и против собственности крестьян на землю, отстаивая незыблемость феодально-крепостнических устоев и помещичьей собственности как на землю, так и на крестьян. Вот рассуждения этого воинствующего крепостника:

«Задача ради решения: что полезнее обществу, чтобы крестьянин имел собственным именем пожитки ли одни, или и земли, до изъяснения решена быть не может; напр., когда спросится: потребно ли дворянину уметь писать по-русски, так должно примолвить: российскому дворянину, ибо дворянин английский может обойтись без русской грамоты; так и о крестьянах: свободному ли крестьянину, или крепостному; а прежде надобно спросить, потребна ли ради общего благоденствия крепостным людям свобода? На это я скажу: потребна ли канарейке, забавляющей меня, вольность, или потребна клетка, — и потребна ли стерегущей мой дом собаке цепь. — Канарейке лучше без клетки, а собаке без цепи. Однако, одна улетит, а другая будет грызть людей; так одно потребно для крестьянина, а другое для дворянина; теперь осталось решить, что потребнее ради общего блаженства, а потом, ежели вольность крестьянам лучше укрепления, надобно уже решить задачу объявленную. На сие все скажут общества сыны, да и рабы общества сами, что из двух худ лучшее, не имети крестьянам земли собственной: да и нельзя, ибо земли все собственные дворянские; так еще спрос: должны ли дворяне крестьянам отдавать купленные, жалованные, наследственные и прочие земли, когда они не хотят, и могут ли в России землями владеть крестьяне, ибо то право дворян. Что же дворянин будет тогда, когда мужики и земля будут не его: а ему что останется? Впрочем, свобода крестьянская не токмо обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежит»*.

В работе «О крепостном состоянии крестьян в России», поданной на конкурс в Вольное экономическое общество, Поленов подвергает критике многие стороны крепостного права.

* А. И. Ходнев, История императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года, Спб. 1865, стр. 24—25.

«Я не нахожу, — восклицал Поленов, — беднейших людей, как наших крестьян, которые, не имея ни малой от законов защиты, подвержены всевозможным не только в рассуждении имения, но и самой жизни обидам и претерпевают беспрестанные наглости, истязания и насилья, отчего неотменно должны они опуститься и прийти в сие преисполненное бедствий как для их самих, так и для всего общества состояние, в котором мы их теперь действительно видим» *.

Апеллируя к зачерствелым чувствам и рассудку крепостников, Поленов пытался внушить им мысль о необходимости принятия таких мер, которые помогли бы постепенно ликвидировать «бедственное состояние наших крестьян», их «плачевное позорище».

«Ничто человека в большее уныние привести не может, как лишение соединенных с человечеством прав» **, — писал Поленов.

Но, осуждая, например, торговлю людьми, Поленов не ставил еще вопроса о полном запрете этой торговли. Он только усиленно доказывал, что помещик «должен продавать все вместе, и землю и людей, а не разлучать родителей с детьми, братьев с сестрами, приятелей с приятелями; ибо, не упоминая о прочих несходствах, от сей продажи порознь переводится народ и земледелие в ужасный приходит упадок» ***.

Таким образом программа Поленова по крестьянскому вопросу была несмелой, непоследовательной. Выступая за облегчение участи крепостных, он еще не решался затронуть собственность помещика.

В интересах благополучия общества, по мнению Поленова, на первое место надо было выдвинуть вопрос «о учреждении крестьянского воспитания», о сохранении и увеличении населения в стране ****.

Для этого Поленов считал необходимым завести сельские школы, в которых обучать грамоте в зимнее время

* Настоящее издание, т. II, стр. 15—16.

** Там же, стр. 15.

*** Там же.

**** См. там же, стр. 16—21.

крестьянских детей, снабдив их дешевыми учебниками. В больших деревнях «для сохранения здоровья, — говорил Поленов, — нужно завести аптекарей» с аптеками и недорогими, но необходимыми лекарствами; упорядочить полицейское управление; улучшить гужевой транспорт, вести борьбу с пожарами и т. д.

Что касается вопроса о *недвижимой собственности*, то Поленов в противовес Сумарокову доказывал, что «каждый крестьянин должен иметь довольно земли для сеяния хлеба и паствы скота и владеть ею наследственным образом так, чтобы помещик ни малой не имел власти угнетать каким-нибудь образом или совсем оную отнимать» *.

Но и к этому пункту Поленов сделал целый ряд существенных оговорок. Он, например, считал, что в наследственном пользовании земля должна находиться до тех пор, «пока крестьянин исправно будет наблюдать все свои должности», т. е. нести повинности. В противном случае по требованию помещика эта земля через суд могла быть передана другому. Далее, по Поленову, крестьянину ни под каким видом не должно дозволяться продавать свою землю или дарить, или закладывать, или разделять между детьми, а «по смерти отца один из сынов будет ею владеть» **.

При этом Поленов высказывался за изыскание свободных земель и обеспечение землею тех, кто в ней нуждается; выдвигал вопрос о помощи поселянам со стороны помещиков семенами, скотом и даже деньгами. Эти мероприятия, убеждал Поленов помещиков, с лихвой себя оправдают.

Касаясь *движимой собственности*, Поленов считал, что ею крестьянин должен распоряжаться по своему усмотрению ***.

По проекту Поленова крестьянин должен работать на помещика один день в неделю, а прочие на себя; налоги должны быть точно определены и не превышать одной

* Настоящее издание, т. II, стр. 22.

** Там же.

*** См. там же, стр. 24—25.

десятой или какой другой части крестьянского дохода. Он высказывался за установление строгого контроля за тем, чтобы помещики не превышали своих прав и не грабили немилосердно крестьян*.

Вместе с тем Поленов считал, что во время стихийных бедствий крестьянам надо оказывать помощь, облегчать или на время совсем снимать с них подати.

Поленов высказывался за учреждение в стране специальных крестьянских судов, которые без волокиты разбирали бы крестьянские дела и по ним выносили свое решение; суды должны быть низшие и высшие**.

Мероприятия, которые выдвигал Поленов, должны были, по его мнению, проводиться медленно, с большой осмотрительностью и осторожностью.

Такова в общих чертах программа Поленова по крестьянскому вопросу. Конечно, эта программа не являлась революционной, ибо она не затрагивала самых основ феодально-крепостнической системы. Но уже факт осуждения торговли людьми, требование ограничения произвола, чинимого помещиками над крепостными, требование установления известных прав крепостных на недвижимую и движимую собственность, ратование за внедрение начального образования для крестьянских детей, создание крестьянских судов и т. д. было прогрессивным для второй половины XVIII в.

Осуждение различных сторон крепостного права имело место и у профессоров Московского университета С. Е. Десницкого, И. А. Третьякова и др.

В записке, составленной Комиссией для сочинения проекта нового уложения, Десницкий требовал улучшения благосостояния всех крестьян и особенно крепостных. Он высказывался за то, чтобы крепостных крестьян «никому не жаловать и не продавать», твердо означить, какие службы они повинны исправлять, какие платить подати, предоставить им «право чинить завещания»*** и т. д.

* См. настоящее издание, т. II, стр. 26.

** См. там же, стр. 27—28.

*** Настоящее издание, т. I, стр. 319.

Десницкий полагал, что экономическое и правовое положение помещичьих, дворцовых и экономических крестьян надо непременно улучшить, но с крайней осторожностью. Ибо, говорил он, «нет возможности без нарушения спокойствия государства дать оным земледельцам права и преимущества; однакож есть способы, по которым, следуя благоразумным учреждениям, можно поставить нечто в пользу сих жителей, всяких выгод лишенных, и прекратить некоторые злоупотребления, вредные для государства и для них пагубные»*.

Одним из таких вопиющих злоупотреблений, с которым надо было покончить, Десницкий считал торговлю людьми**.

Десницкий осуждал крепостников за жестокосердие при подборе дворовых людей, когда крестьянин по прихоти помещика вдруг лишается единственного сына или дочери, супруга лишается мужа, а государство теряет нужных и полезных ему граждан. Десницкий считал необходимым навести порядок в этом деле и через «хорошее законодательство» положить конец самоуправству помещиков. Вопрос о том, кому быть дворовым, должен решать не помещик, а «мир», крестьянское общество.

Десницкий считал, что «нижний род» надо снабдить правом, которое «состоит в утверждении навсегда свободы человеку, единожды оную от господина своего получившему, равномерно и его потомству с запрещением вступить снова в крепость»***, т. е. требовал запретить законом превращение в крепостных тех крестьян и их детей, которые однажды уже были освобождены от крепостной зависимости. Он требовал предоставления крепостным права собственности на движимое и недвижимое имущество, высказывался за распространение просвещения в стране, за улучшение суда, законодательства, осуждал пытки и казни, ратовал за равноправие женщин и выдвигал целый ряд других прогрессивных для XVIII века мероприятий.

* Настоящее издание, т. I, стр. 319.

** См. там же, стр. 320—322.

*** Там же, стр. 322.

Единомышленник и коллега С. Е. Десницкого и Д. С. Аничкова по Московскому университету И. А. Третьяков (ок. 1735—1779) тоже не обошел молчанием вопрос о крепостном праве в России. Третьяков относился к тем прогрессивно настроенным людям XVIII века, которые видели, какой огромный экономический вред наносит русскому государству крепостное право и которые хотели бы в рамках просвещенного самодержавия облегчить участь крепостных. В осторожной форме Третьяков доказывал, что крепостное право и нерадивое отношение к земледельцам и ремесленникам со стороны государства, правительства и помещиков отрицательно сказывается на экономическом благосостоянии родины.

Таким образом, Третьяков старался экономически обосновать необходимость смягчения и ограничения крепостнической эксплуатации. Он также высказывался за распространение просвещения и упорядочение законодательства.

Несколько по-иному, чем А. Я. Поленов, С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков, предлагал разрешить крестьянский вопрос Дмитрий Алексеевич Голицын (1734—1803), русский посол во Франции и Нидерландах, по своим общеполитическим воззрениям примыкавший к просветителям XVIII века. Голицын высоко ценил труды современных ему французских материалистов и даже первый издал во Франции после смерти Гельвеция одно из его главных сочинений — «О человеке, его умственных способностях и его воспитании». Второе издание Голицыным этой книги было французским правительством запрещено и сожжено.

Свои идеи по крестьянскому вопросу Голицын изложил в письмах к вице-канцлеру князю А. М. Голицыну, ближнему стоявшему ко двору Екатерины II.

Будучи заинтересован в развитии материальных и духовных сил страны, в развитии товарности помещичьего земледелия, в развитии промышленности и торговли, Голицын видел, что «без упразднения крепостного состояния крестьян»* это осуществить в широком масштабе невозможно. Он заявлял, что «освобождение крестьян не должно быть единичным действием частного человека»,

* Настоящее издание, т. II, стр. 42.

ибо это, по его мнению, привело бы к разорению отдельных помещиков; оно должно проводиться в рамках всего государства.

Высказываясь за личное освобождение, личную свободу крестьян, Голицын считал, что земля должна остаться в собственности помещиков, с тем чтобы последние сдавали ее на выгодных условиях в аренду тем же освобожденным без земли крестьянам.

Поясняя свою мысль об освобождении крестьян, Голицын заявлял: «Мне они (крепостные. — *И. Щ.*) не нужны. Я переношу всю ценность моего состояния на земли. Значит, все старание, все заботы мои будут устремлены на то, чтобы вся моя земля была обработана, чтобы вся она была снята; все прочее до меня не касается; излишек крестьянского населения меня не обогатит; существенным в моем хозяйстве будет то, чтобы каждый крестьянин имел участок земли, достаточный *не только для его пропитания, но и для обогащения его*, ибо, чем состоятельнее он будет, тем за высшую цену он станет снимать мою землю»*.

Несмотря на дворянскую сущность предлагаемых Голицыным мероприятий, проведение их на практике в XVIII веке открыло бы широкий путь развитию капиталистических отношений в России.

Эти в интересах помещичьего класса предлагаемые Голицыным мероприятия были встречены Екатериной II и ее окружением в штыки и отвергнуты как «радикальные» и опасные. На одном из писем Д. А. Голицына Екатерина II с раздражением писала:

«Еще сомнительно, чтобы пример вразумил наших соотечественников и увлек их за собою; это даже маловероятно. К тому же подобное распоряжение может нарушить безопасность помещиков и пр.»**.

Предложения Голицына были преданы забвению.

Большой спор по крестьянскому вопросу шел и в Комиссии для сочинения проекта нового уложения (1767), где точку зрения наиболее реакционно настроенных

* Настоящее издание, т. II, стр. 42—43.

** Там же, стр. 33.

крепостников отстаивал князь Щербатов, доказывавший незыблемость и святость дворянских привилегий, необходимость сохранения крепостничества во всем объеме и усиления дворянско-аристократической власти в стране. За спиной князя Щербатова стояли крупнейшие помещики, не желавшие и слышать об облегчении участи крепостного крестьянства и об ограничении все возрастающих аппетитов крепостников.

Знаменательно было выступление в Комиссии для сочинения проекта нового уложения депутата Г. С. Коробьина. Коробьин требовал издания законов, которыми были бы регламентированы отношения между помещиками и крестьянами, ограничены крестьянские повинности и ограждена крестьянская собственность от притязаний помещиков, чтобы была пресечена «воля у худых помещиков разорять своих хлебопашцев».

Предложения Коробьина казались крепостникам архирадикальными и были провалены.

Предложения Коробьина поддерживали депутаты: от черносошных крестьян Архангельской провинции Иван Чупров, от пахотных солдат Нижегородской провинции — Иван Жеребцов, от однодворцев Белгородской провинции — Андрей Маслов.

Иван Чупров одобрил предложения Коробьина как справедливые, направленные к «попечению о нищих, бедных и об обиженных»; он обрушился на депутатов купцов, требовавших предоставления им права иметь крепостных.

Чупров доказывал, что надо «узаконить, — в чем помещикам власть над крестьянами иметь и умеренную с них дань собирать».

Жеребцов подверг критике не только помещиков, но и «жадность к сребролюбию управителей или приказчиков»; он предлагал заменить управителей старостами, которых ежегодно избирали бы сами крестьянские общины.

Нарисовав страшную картину, когда помещик веселится на псовой охоте, а крестьяне горько плачут, через помещичье «отягощенис», «взирая на своих бедных, голых и голодных малых детей», депутат Маслов требовал

ограничить работу крестьян на помещика двумя днями в неделю.

В той же Комиссии для сочинения проекта нового уложения выступал общественный деятель философ, автор «Философических предложений» и других работ Я. П. Козельский*. Депутат от дворянства Екатеринбургской провинции Яков Козельский высказывался за то, чтобы крестьянские повинности перед государством и помещиками были точно определены и не подвергались самовольному нарушению со стороны помещиков, ибо, доказывал он, подобное нарушение ведет к изнурению народа и обеднению государства в целом.

В целях стимулирования развития хозяйства и постоянного увеличения в стране населения Козельский считал необходимым покончить с подушным оброком и установить оброк по дворам. Подворный, а не подушный оброк с крестьян должен был, по его мнению, обеспечить необходимые для процветания страны повинности.

Козельский высказал особую точку зрения о движимой и недвижимой собственности для крестьян. Он говорил:

«Что же касается до имений крестьянских движимых и недвижимых, то оставить оными пользоваться крестьянам, с тем только, чтобы они без дозволения помещика не властны были никому продать, ни заложить из недвижимых имений, а владели бы сами потомственно, без участия помещикова, для того что крестьяне, почитая те имения в собственности, предполагать будут себе за основание то, которое их от побегов удерживать станет, и прилежнее в земледелии упражняться будут»**.

Козельский полагал, что в этом должны быть заинтересованы не только крепостные, но и помещики и государство, так как крестьяне «прилежнее станут употреблять

* До сих пор в литературе не решен вопрос, является ли Я. П. Козельский — автор «Философических предложений» и Я. П. Козельский — депутат от дворянства Екатеринбургской провинции одним и тем же лицом. Следует, однако, отметить, что автор «Философических предложений» и депутат выражали одни и те же идеи.

** Настоящее издание, т. I, стр. 651.

себя к хлебопашеству» *, уменьшатся побегии, увеличится платежеспособность по государственным повинностям и помещицему оброку.

Таким образом, Козельский не выступал за немедленную отмену и уничтожение крепостного права, он был сторонником облегчения тяжелой подневольной участи крепостных, он был за поднятие стимула к труду, за «умеренное и сносное» отношение помещиков к крестьянам.

«Крестьянин же чувственный человек, он разумеет и вперед знает, что все, что бы ни было у него, то, говорят, что не его, а помещиково. Так представьте себе, почтенное собрание, какому человеку тут надобно быть, чтобы еще и хвалу заслужить?»**

Из русских просветителей, предшественников Радищева, Я. П. Козельский, Десницкий, Фонвизин, Новиков, пожалуй, были настроены наиболее демократично. В своих философских трудах и исторических работах они пытались теоретически обосновать необходимость смягчения крепостнической эксплуатации и установления некоторых организационно-юридических положений, одинаковых как для помещиков, так и для крестьян. Они осуждали расточительство и роскошь, высказывались за умеренность, трудолюбие и добродетель, придавая огромное значение вопросам просвещения и воспитания.

В предисловии к переводу книги Мозера «Государь и министр» Козельский осуждал эксплуатацию.

Как и другие просветители второй половины XVIII века, Козельский протестовал против распределения должностей и чинов в государстве по принципу знатного происхождения, а не по принципу личных способностей и личных дарований. Последний принцип Козельский отстаивает и в Комиссии для сочинения проекта нового уложения и в своих «Философических предложениях».

В этом вопросе русские просветители второй половины XVIII века были единодушны. Так например, Денис Ива-

* Настоящее издание, т. I, стр. 653.

** Там же, стр. 656.

нович Фонвизин ополчился против чванства и кичливости дворян. Его произведения «Недоросль», «Всеобщая придворная грамматика», «Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой форме государственного правления...» и др. были смелой и меткой критикой феодально-крепостнических порядков в стране.

«Всеобщая придворная грамматика» Фонвизина является изобличительно-сатирическим документом, в котором он высмеял и заклеймил господствовавшие при дворе порядки, изобличил ложь, лесть, раболепие и алчность, интриги, бесстыдство и подлость тех, кто третей около царского двора.

Какие люди составляют двор? На этот вопрос «Всеобщая придворная грамматика» отвечает: «гласные и безгласные». *Гласные* — это сильные вельможи, «кои по большей части самым простым звуком, чрез одно отверстие рта, производят уже в безгласных то действие, какое им угодно»*.

Безгласные, — учит грамматика, — то же, что твердый знак в алфавите: «без помощи других букв никакого звука не производят»**.

Что есть придворное число?

«Число у двора значит счет: за сколько подлостей сколько милости достать можно; а иногда счет: сколькоими полугласными и безгласными можно свалить одного гласного; или же иногда: сколько один гласный, чтоб устоять в гласных, должен повалить полугласных и безгласных»***.

Что есть придворный падеж? — спрашивал Фонвизин и отвечал:

«Придворный падеж есть наклонение сильных к наглости, а бессильных к подлости. Впрочем, большая часть бояр думают, что все находятся пред ними в *винительном падеже*; снискивают же их расположение и покровительство обыкновенно *падежом дательным*»****.

* Настоящее издание, т. II, стр. 250.

** Там же.

*** Там же, стр. 251.

**** Там же.

В этом же плане изложены и все остальные правила «придворной грамматики», выражающей общий всем русским просветителям XVIII века резко отрицательный взгляд на паразитизм господствующего слоя.

В работе «Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой форме государственного правления...» Фонвизин, будучи противником царской тирании и горячо высказываясь против крепостного права, против произвола царей и помещиков, доказывал, что где «произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может»*.

Фонвизин осуждал крепостнические порядки, обличал невежество, беззаконие и произвол власть имущих в стране, где «правосудие претворилось в торжище», где «алчное корыстолюбие довершает общее развращение», где правящие сословия «занимаются одним примышлением средств к обогащению» и действуют по подлому принципу, «кто может — грабит; кто не может — крадет»**.

Взгляды Фонвизина на крепостное право и самодержавие, мысли о необходимости демократизации общественных порядков, признание за народом права «спасать себя» от самодержца, нарушающего «общественный договор», и т. д. имели огромное влияние на развитие русской общественной мысли, на формирование идеологии дворянских революционеров-декабристов.

Особый интерес представляет поданное Десницким Екатерине II «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи».

Из этого документа видно, что Десницкий, будучи сторонником просвещенной монархии, пытается в известной мере демократизировать общественные порядки в России. Чтобы «наглость, посягательство, отягощение и утеснение» не оставались без наказания, он предлагал создать правительствующий сенат, который «должен состоять из всей империи и должен присутствовать безотлучно при монархах завсегда»***. Сенаторы не назна-

* Настоящее издание, т. II, стр. 254.

** Там же, стр. 256.

*** Настоящее издание, т. I, стр. 295.

чаются, а выбираются от губерний, провинций и корпусов. Сенаторы должны выбираться на пять лет помещиками, однодворцами, землевладельцами, купцами, «руко-месленными людьми», духовенством. Сенаторы не должны получать жалованье, а нести службу за свой счет, заседать все вместе, решать вопросы большинством голосов.

«По сему плану дворяне, разночинцы, равномерно как духовные и светские, находящиеся при сенаторской должности, будут уравнены без всякой отличности»*. В сенаторы одно и то же лицо может быть выбрано подряд не более двух раз.

Высшую *«судительную власть»* Десницкий предлагал организовать в девяти пунктах государства (Петербурге, Москве, Риге, Тобольске, Новгороде, Казани, Оренбурге, Глухове и на польской границе). В каждом из этих мест судительная власть должна состоять из двенадцати человек; от нее требовалось решать вопросы быстро и честно. Десницкий разработал систему ведения дел криминальных и «тяжебных», систему адвокатуры, наметил, в каких науках должны быть искусны судьи, считая особо необходимыми «нравоучительную философию», «натуральную юриспруденцию и законы своего отечества». Судьи должны быть одинаково справедливы ко всем сословиям.

Так называемую *«наказательную власть»* Десницкий предлагал поручить воеводам, контролируемым «судительной властью». О злоупотреблениях воевод «судительная власть» доносит правительствующему сенату, который применяет соответствующие меры. На воевод возлагается охрана порядка, сбор податей, исправление дорог.

Десницкий подробно разработал проект гражданского управления в городах, прав и обязанностей городской власти, члены которой независимо от сословий должны заседать вместе. Он высказался за облегчение податей, собираемых с народа.

Идеи, выдвинутые русскими просветителями XVIII века, объективно вели к ускорению развития капиталистического уклада, к ускорению победы капитализма над

* Настоящее издание, т. I, стр. 299.

крепостничеством, буржуазной идеологии — над идеологией феодалов-крепостников.

Говоря о просветителях XVIII и XIX вв., Ленин отмечал, что «новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии. Никакого своекорыстия поэтому тогда в идеологах буржуазии не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного»*.

И хотя русские просветители XVIII века еще далеки были от требований революционных действий, боялись активного выступления крепостных, но выдвигаемая ими программа уничтожения произвола помещиков подготавливала почву и для этого требования, которое и было вскоре выдвинуто А. Н. Радищевым.

II

Опираясь на достижения современного им естествознания и вслед за Ломоносовым питая острую вражду к схоластике, русские просветители XVIII века стремились поставить философию на службу обществу. Желание связать философию с жизнью, использовать ее для разрешения общественных задач, определить ее общественное назначение было одной из сильных сторон прогрессивных мыслителей России XVIII века.

Уже в первой своей «Речи, говоренной в начатии философических лекций при Московском университете» Николай Никитич Поповский (1730—1760), профессор Московского университета, доказывал, что век философии не кончился с падением древнего Рима, что философия и после этого по мере развития народов развивается и совершенствуется.

Любимый ученик Ломоносова Поповский (Ломоносов был знаком и с этой его речью, в рукописи сохранились его исправления) стал достойным его преемником на

* В. И. Ленин, Соч., т. 2, изд. 4, стр. 473.

службе русскому народу; он первый стал читать свои лекции по философии не на латинском, а на родном русском языке.

Еще оставаясь деистом, ¹ Поповский хотя прямо и не отрицал религиозного учения (официально, как профессор университета, он обязан был выступать как гонитель атеизма), но на первое место выдвигал не церковные, а естественно-научные положения; перед философией он ставил задачу познать не божественные откровения, а прежде всего природу и разнообразные формы ее проявления; познать, как устроить счастье и благополучие человеческого рода не на небеси, а здесь на земле. Философию как науку Поповский сравнивает с храмом, вмещающим в себе все научные достижения*.

Подобно другим мыслителям того времени Поповский рассматривал философию как мать всех наук и художеств, как науку, которая «рассуждает о всем, что ни есть в свете», пытаясь проникнуть в тайники природы и предписать «общие пути и средства всему человеческому благополучию»**.

В условиях русской феодально-крепостнической действительности, — когда церковно-религиозное учение было господствующей идеологией, стремившейся подчинить себе все науки, — провозглашение философии наукой наук, храмом всякого знания означало освобождение разума от опеки богословия.

Другой ученик Ломоносова, один из первых профессоров Московского университета, Барсов доказывал, что философия есть такая наука, которая «имеет власть рассуждать о всех без изъятия вещах по их причинам, то есть поелику она рассматривает союз и соединение причин с действиями». Философия, говорил далее Барсов, для того необходима, «чтоб узнать, что может причиною быть нашего благополучия и отчего оное как действие последовать может». Она «приобучает разум к твердому познанию истины», «рассматривает силы и свойства наших душ», «исследованием телесных свойств равномерно способствует она к нашему благополучию»***.

* См. настоящее издание, т. I, стр. 87—88.

** Там же, стр. 90.

*** Там же, стр. 107.

Следовательно, по мнению Барсова, предметом философии является изыскание таких истин, которые вели бы к благополучию человеческого рода.

Видным мыслителем того времени был Дмитрий Сергеевич Аничков (около 1733—1788), профессор философии и математики Московского университета. Вопрос о происхождении богопочитания и религии Аничков решал в атеистическом духе; в материалистическом направлении он решал и вопросы теории познания. Помимо вопросов происхождения религии, вопросов теории познания, взаимоотношения души и тела, он ставил вопрос и о предмете философии. Аничков считал, что предметом философии является «изыскание причин множайших вещей», вопросы гносеологии, в том числе постановка и разрешение такого затруднительного вопроса, как «соединение души с телом», или «о разных способах, теснейший союз души с телом изъясняющих».

Семен Ефимович Десницкий (умер в 1789 г.), профессор права Московского университета, единомышленник и близкий друг Аничкова, выдающийся просветитель, мыслитель-социолог, по-новому ставил важнейшие вопросы социологии.

В лекциях по праву Десницкий затрагивал и вопросы философии. Предмет философии он определял как познание «правил истины» и установление того, «что праведным и неправедным, добрым и худым почитается у разных народов»*. Отсюда у Десницкого философия и юриспруденция не только выступают вместе, не только дополняют друг друга, но в какой-то мере даже сливаются друг с другом. Философия охватывает проблемы нравственности, морали, этики, права.

«Первое руководство, — говорил Десницкий, — показующее, в чем свойственность наших рассуждений состоит, есть нравоучительная философия и натуральная юриспруденция»**.

Стремясь очистить «нравоучительную» философию от устаревших истин и положений, выдвинутых еще древ-

* Настоящее издание, т. I, стр. 199.

** Там же.

ними мыслителями, считая, что «ныне везде почти нравоучительная философия не совсем к делу ведет»*, Десницкий приближал ее к жизни, использовал ее для общественных потребностей и запросов своей эпохи. Десницкий подвергал критике схоластическую философию, основанную на так называемых четырех добродетелях: истине, премудрости, великодушии и воздержании, от которых выводились и «других премножество производных добродетелей»**.

Десницкий высмеивал, как абсурдные словопрения схоластиков и казуистов «о суде внутреннем и внешнем», о том, что согласно в человеке «с волею божиею и что не согласно», «справедливое может ли быть всегда полезным и полезное всегда ли и в каких случаях может быть честным, и так обратно»***.

О философах, кои витают в облаках, боятся спуститься на «грешную» землю, занимаются пустопорожним словопрением и не замечают повседневной жизни, Десницкий отзывался весьма непочтительно****.

Вслед за Ломоносовым он требовал, чтобы философия исходила из реальной действительности.

Десницкий был противником вмешательства богословия в дела науки. Он считал, что наука, в том числе и философия, должна заниматься реальным миром — вопросами возникновения собственности, семьи, нравственных принципов, форм государственного правления, изысканием путей к улучшению общественного устройства, к демократизации общественных порядков.

Стремление освободить философию от мистики, сделать ее наукой о реальной жизни — таков смысл требований Ломоносова и других прогрессивных мыслителей XVIII века. Большинство из них воспитывало юношество в стенах Московского университета и оказало огромное влияние на формирование их воззрений.

Несомненный интерес представляют рассуждения о философии Ивана Андреевича Крылова.

* Настоящее издание, т. I, стр. 200.

** Там же.

*** Там же, стр. 200—201.

**** См. там же.

В своих философско-сатирических письмах к Маликульмульку И. А. Крылов беспощадно высмеял невежественные рассуждения крепостников о науке вообще, о философии — в частности, противопоставив им свое довольно оригинальное понимание предмета философии как науки об основных принципах нравственности.

Крылов страстно доказывал, что философия должна преследовать «глупости вертопраха, бесчинства нахала и безумие невежды»*, воспитывать в людях честность и добрую совесть.

Мысли Крылова сводились по существу к признанию того, что философия должна разрабатывать и преподавать обществу нравственные наставления. Перед философами он ставил задачу разработки и пропаганды этических теорий и нравственных принципов, отвечающих здравому человеческому смыслу и интересам нормального развития общества. Мудрец не должен быть человеконенавистником, «несноснейшим врагом самому себе и всему роду человеческому»**. Философия, говорил Крылов, должна побуждать людей к исправлению нравов, к добродетели, к нравственной жизни.

«Я желаю, чтоб тот суровый и задумчивый мудрец, о коем я говорю, ненавидел только пороки, сожалел о порочных и чтоб, упрекая людей, зараженных оными, поставлял главнейшим своим предметом их исправление»***.

Людей, проповедующих безнравственную философию, распространяющих человеконенавистнические идеи, внушающих вредные для общества понятия, Крылов считал необходимым «побивать камнями».

«Сих извергов человечества надлежит истреблять со всевозможною поспешностию, опасаясь, дабы яд пагубных их предрассудков не повредил людей, наклонных и без того более ко злу, нежели к добродетели»****.

* Настоящее издание, т. II, стр. 311.

** Там же, стр. 290.

*** Там же.

**** Там же, стр. 291.

Но, говоря о нравственных принципах, Крылов, как и другие просветители XVIII века, не поднялся до понимания классового характера этих принципов. Он говорит о нравственных принципах вообще, отвлеченно и абстрактно, хотя в его рассуждениях пробивается струя демократизма.

Козельский, рассуждая о предмете философии, требует, чтобы предметом философии были земные дела, познание «мудро устроенных тварей», человеческих добродетелей и «испытание неизвестных истин причин». В отличие от Поповского и Аничкова Козельский особо подчеркивает этическую направленность предмета философии.

Определив философию как науку о нравственно-этических принципах, Козельский учил, что человеку «надлежит знать, что приобретение таких неоцененных преимуществ посредством философии зависит не от одного чтения философии, а от точного еще исполнения непорочных и святых ее правил»*.

Он требовал, чтобы слово не расходилось с делом, чтобы теоретические положения применялись в жизни.

Козельский придавал большое значение вопросам гносеологии; только «те люди философствуют, — доказывал он, — которые испытывают неизвестных истин причины, и что испытатели причин всех случающихся истин называются философы»**.

«Философия, — говорил Козельский, — (ежели сказать определительным образом) содержит в себе все науки»***, но она не подменяет, по его мнению, и не замещает собой эти науки, а только формулирует и излагает их общие принципы.

«Многие из тех наук сами собою очень пространны, и для того и преподаются особо и вне философии, для которой оставлены одни только генеральные познания о вещах и делах человеческих»****. Так, конкретизируя понятие предмета философии, Козельский определяет его как

* Настоящее издание, т. I, стр. 426.

** Там же, стр. 428.

*** Там же.

**** Там же.

формулирование общих, «генеральных» принципов о природе и человеке, о нравственности и добродетели.

Предмет философии Козельский трактовал необычайно широко, включая в него вопросы онтологии и гносеологии, вопросы о человеке, человеческом обществе, вопросы психологии и логики, права, этики и политики.

Философия прогрессивных мыслителей XVIII века должна была служить роду человеческому и «показывать пути» к общественному благополучию и процветанию. Самым важным и ценным в воззрениях этих мыслителей было то, что они связывали вопросы философии с основными сторонами общественной жизни, боролись за земную, общественную направленность философии, боролись за освобождение ее от влияния мистицизма и богословия.

В условиях феодально-крепостнического режима, господства церковно-религиозной, мистико-идеалистической идеологии материализм и атеизм подвергались жестокому преследованию. Передовые мыслители России не имели возможности прямо и открыто излагать свои материалистические воззрения и обычно прибегали к деизму, который служил вуалью, скрывавшей до поры до времени их материалистическую тенденцию в воззрениях на природу, сенсуалистическо-материалистическую основу их теории познания.

Обычно в их работах для отвода внимания церкви и цензуры сначала отдавалась дань «вседержителю вселенной», но затем философские рассуждения велись под углом зрения достижений современной науки, которые своими основными положениями опровергали идею «вседержителя», а следовательно и религию.

К воззрениям русских просветителей вполне применимо положение о том, что деизм, по крайней мере для материалиста, не более чем удобный и легкий способ отделаться от религии. Но и подобного рода приемы были для них мало спасительны. Диссертация Анничкова «Рассуждение из натуральной богословии о начале и проис-

шествии натурального богопочитания» была найдена богопротивной и по распоряжению святейшего синода сожжена. Поповскому было предъявлено обвинение, что он в переводе «Опыта о человеке» Попа выразил «основания такие, которые и св. писанию и с православною нашею христианскою верою весьма несходны». Работы Фонвизина запрещались, а сам автор подвергся притеснениям и гонениям. Каверзнев свою философскую работу «О перерождении животных» издал за границей на немецком языке, а переводчик этой работы на русский язык И. Морозов не указал имени автора, отметив только, что это «перевод с немецкого». За материализм и свободолобие подвергался преследованиям П. А. Словцов и многие другие.

В тех условиях деятельность прогрессивных русских мыслителей, отстаивавших передовые теории, являлась поистине научным подвигом. Они сохранили и продолжили материалистическую традицию, идущую в России от Ломоносова, подготовили и взрыхлили почву для ее дальнейшего развития в стране.

Философские взгляды Аничкова, Десницкого, Козельского, Каверзнева, Батурина, Словцова и др. на природу и ее явления, на происхождение человеческого знания, на возможность познания окружающего нас мира выковывались в борьбе как с отечественной реакционной идеологией крепостников, так и с идеалистическо-мистической философией Лейбница, Вольфа, Баумейстера, Винклера, Шадена, Шварца, Рейхеля и других идеалистов Западной Европы и России.

Остановимся сначала на теориях Аничкова. Общезнаменитые философские его воззрения изложены в его официальных «Словах», читанных им на торжественных собраниях в Московском университете, и в его диссертации о происхождении натурального богопочитания.

Уже само официальное положение преподавателя, а затем профессора Московского императорского университета — крайне связывало Аничкова. И тем не менее, поднимая вопрос о взаимоотношении души и тела, Аничков считал духовное зависимым от материального, или телесного, материальную субстанцию по отношению к созна-

нию — первичной, внешний мир и человеческие ощущения — источником познания*.

Вывод о материальном, предметном, чувственном происхождении человеческих знаний Аничков иллюстрирует рядом примеров из повседневной жизни человека, разбивая наголову как идеалистическую теорию врожденных идей картезианцев, так и идеалистическую теорию «предустановленного согласия» лейбнизианцев и вольфианцев.

Заслугой Аничкова как мыслителя являлось то, что развитие философии он видел в борьбе основных философских течений — *идеализма, материализма и дуализма*.

«Идеалистами, — писал Аничков, — называются те, кои хотя и допускают, что душа человеческая есть невещественная, токмо вещественное бытие мира и тел опровергают, допуская одно идеальное бытие оных»**.

Что же касается *материализма*, то Аничков относит к этой школе тех, «кои утверждают, что одно только существо находится в свете, и оное ... вещественное есть, откуда и произошли материалисты (materialistae)»***.

Аничков, правильно определяя дуалистическое направление в философии как течение, которое в основу всего кладет две субстанции — материальную и идеальную, — относит к нему картезианцев, лейбнизианцев и перипатетиков****.

Аничков отвергал идеалистическую точку зрения на соотношение души и тела. Он не соглашался с идеализмом: «Ежели сказать, что ничего кроме души не находится, то идеалисты своим мнением одержат верх над нами»*****.

В этой же работе — «Слово о разных способах, теснейший союз души с телом изъясняющих» — он подвергал основательной критике картезианцев, лейбнизианцев, вольфиан-

* См. настоящее издание, т. I, стр. 134—137.

** Там же, стр. 172.

*** Там же.

**** См. там же.

***** Там же, стр. 179.

цев и в противовес им доказывал, что душа зависит прежде всего от тела, но и тело в свою очередь испытывает влияние души. В осторожной форме Аничков выдвигал положение, что «душа наша иногда находится в таком состоянии, которого довольно причину удобнее в теле, нежели в ней самой, находить можно, а особливо когда она находится в состоянии таких размышлений, которые никакой между собою не имеют связи»*. Развивая свою мысль, Аничков утверждал, что «причина оных понятий будет заключаться в впечатлениях, которые в чувствах или в мозгу его учинены»**; что «душа есть существенный вид тела»; что «справедливо именуется душа формой или видом человеческого тела»***; что «тело и душа суть части сложного, теснейшим союзом совокупленные между собою»****.

В вопросе о взаимоотношении души и тела Аничков отдавал предпочтение теории перипатетиков, интерпретированной в материалистическом направлении.

Перипатетики Диксарх, Стратон, Аристарх и др. ополчались, как известно, против идеалистического учения Платона и его школы о бессмертии души: они отвергали учение о душе, как об особой субстанции; они считали, что деятельность души определяется телом и поэтому она погибает вместе с разрушением тела; что основой духовной деятельности являются материальная субстанция, чувственные восприятия; что «все существующее произведено природой»*****.

Склоняясь к материализму и ставя душу (психику) в зависимость от тела (материи), Аничков тем не менее недостаточно последователен и поэтому делает ряд уступок идеализму. В частности в вопросе о соотношении души и тела, отдав предпочтение «системе физического втечения», он не решается открыто отвергнуть бога. Чтобы избежать нареканий и преследований со стороны

* Настоящее издание, т. I, стр. 178—179.

** Там же, стр. 179.

*** Там же, стр. 182—183.

**** Там же, стр. 182.

***** См. «История философии», т. I, 1940, стр. 265.

реакционной профессуры, церкви и университетского начальства, Аничков прибегает к целому ряду жалких оговорок, которые запутывают и затемняют изложение и делают рассуждение внутренне противоречивым и непоследовательным.

В обосновании материалистической точки зрения на перипатетиков ссылался не только Д. С. Аничков, но и П. А. Словцов (1767—1843), преподаватель философии и красноречия Тобольской и Александро-Невской семинарий. В своем философском стихотворении «Материя» (1796) он писал:

Хотя непостижимым сим резонем
 Колблюсь я принять идеализм,
 Однак дерзаю защищать с Стратоном
 Систему вещества против софизм.
 Материя, все массы образуя,
 И бесконечну цепь существ связуя,
 Объемлет все до заднего кольца:
 От грубой глыбы даже до творца.
 Она, в различны виды наряжаясь,
 Живет и в насекомых и в слоне;
 И, в разноцветны краски изменяясь,
 Сияет в ясной льдине и в огне,
 В дожде играет алыми дугами,
 А в норде огненными облаками *.

Чтобы застраховать себя от подозрений в склонности к материализму, Словцов прибегает к оговоркам. Но эти оговорки никого не могли ввести в заблуждение.

Автор «Исследования книги о заблуждениях и истине» Батурин (ок. 1740—1803) решительно и смело воевал с мистицизмом Сен-Мартена, с его идеалистическим утверждением, что материальное складывается из идеального, вещественное из невещественного, с его «врожденными началами».

«Врожденные же начала, — писал Батурин, — им вымышленные, суть начала бестелесные; то мы вопрошаем, есть ли кто, прилежно рассматривающий деяния природы, который бы мог утверждать, что вещь нетелесная может составить вещь телесную? Он (Сен-Мартен. — *И. Щ.*) на-

* См. настоящее издание, т. I, стр. 407.

прыгает все силы воображения своего, столь плодovitого юродливыми мечтаниями, дабы соорудить здание системы вещественной на основаниях невещественных, обитаемое разных чинов существами бестелесными, и, окружа его густейшею темнотою, дабы слабость построения была не-приметна, старается вовлечь в оное неосторожных читателей, кои, прельщаясь достигнуть блаженства, познакомиться с невидимыми обитателями оногo и наслаждаться собеседованием их, мнят проникнуть мрачность, окружающую сей храм мечтательности»*.

В основе материальных тел, по мнению Батурина, лежит не бестелесное начало, а «четыре стихии» — земля, вода, воздух и огонь.

«Начало невещественное не может входить в состав вещей телесных и бездушных и быть их сущностию; то же сказать: ничто составляет что-нибудь; таковое утверждение будет не совсем благоразумно»**.

Батурин ополчался против мистического учения Сен-Мартена и Шведенберга о бессмертии души.

Что касается Козельского, то его труды — «Философические предложения» (1768) и «Разговор двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании» (1788) — являлись серьезным вкладом в развитие материалистической философской мысли в России.

При объяснении природы и ее законов он, как и подобает материалисту, не прибегал к божеству, а считал, что природу надо понять, исходя из ее собственных закономерностей, что все тела природы состоят из материального субстрата. «Вещество, или состав, или материя (materia) называю я то, — писал Козельский, — из чего состоит какая вещь»***.

Рассуждения Козельского о природе хотя иногда звучат несколько наивно, но вполне материалистичны. Козельский заявлял, что при объяснении «субстанции» надо опираться на научное естествознание, а не на богословие. Так как природа состоит из тел, или, по

* Настоящее издание, т. II, стр. 431—432.

** Там же, стр. 419.

*** Настоящее издание, т. I, стр. 449.

представлению Козельского, из четырех материальных стихий («начальных вещей») — земли, воды, воздуха и огня, то она может быть вполне объяснена с помощью соответствующих наук*.

К материальным явлениям Козельский относил и свет, утверждая, что «небесные пространства между огромными сего света телами не пусты, а наполнены лучами», что «солнечные лучи суть также тела»**.

В вопросе о строении материи Поповский, Козельский, Аничков, Брянцев и др. вслед за Ломоносовым отстаивали атомно-молекулярную теорию. Для них атомы были мельчайшими материальными частицами, из которых складываются все вещественные тела, реальностью, а не выдумкой досужего ума. Они опровергали идеалистическое толкование Лейбницем атома как духовной монады. Но будучи метафизическими материалистами, просветители считали, что сами атомы, лежащие в основе мироздания нельзя признать делимыми до бесконечности.

Рассматривая вещественный мир как мир реальный, существующий независимо от человека и его сознания, русские просветители XVIII века считали, что мир этот состоит из многообразных предметов и явлений, которые отличаются друг от друга по своей внутренней сущности. И эта сущность рассматривалась ими как нечто неизменное. Здесь сказывался метафизический характер материализма просветителей XVIII века.

С позиций механического естествознания Козельский, Брянцев и другие просветители XVIII века делили тела на твердые, текучие и жидкие.

К свойствам тел Козельский и другие просветители XVIII века относили тяжесть, плотность, форму, протяженность, движение и пр.

Из философских рассуждений Козельского, Аничкова, Фонвизина, Каверзнева, Словцова, Брянцева, Батурина видно, что они не сомневались в реальном характере времени и пространства.

* См. настоящее издание, т. I, стр. 575—576.

** Там же, стр. 609.

Считая, что каждая вещь занимает какое-либо место в пространстве и находится в «особливом способе соприбытия ее с другими», Козельский доказывал, что «пространство, рассуждаемое отделительно от тел, есть прямое ничто, а рассуждаемое в телах, есть протяжение»*.

Аничков в «Слове о разных причинах, немалое препятствие причиняющих в продолжении познания человеческого» (1774) писал: «...несправедливо многие умствуют философы, когда стараются доказать, что *пространство* (spatium) есть вместилище тел, так же как бы некоторое существо, в особливости состоящее»**.

Отвергая чистое пространство, просветители рассматривали его как протяжение, а время — как следование вещей друг за другом в пространстве.

Козельский дал определение времени: «Время называется продолжение в последовании одних вещей за другими»***.

Прогрессивные русские мыслители второй половины XVIII века сходились и в трактовке вопроса о причинности, признавая объективность ее существования.

«Причиною, — говорил Козельский, — называется то основание, от которого зависит бытие другого»****.

Причины Козельский делил «на действительные и конечные, на свободные и необходимые, на натуральные и нравственные, на близкие и отдаленные»*****. Этой же трактовки придерживался и Батулин.

Но понимание самой причинности у Козельского, Брянцева, как и у всех других мыслителей XVIII века, носило не диалектический, а метафизический характер. Признавая объективный характер причинности, они отрицали возможность скачков в природе и общественной жизни, считали скачки и случайности беспричинными и неправомерными. Доказывая, что одни вещи и явления

* Настоящее издание, т. I, стр. 450.

** Там же, стр. 156—157.

*** Там же, стр. 450.

**** Там же, стр. 451.

***** Там же.

обуславливают собой другие и что «такая зависимость происходящих вещей или дел от производящих называется связью»*, Козельский утверждал, что в природе ничего не происходит произвольно или без причины. Козельский подобно другим выдающимся мыслителям-материалистам XVIII века отвергал мистико-религиозное учение о судьбе, о роке и предопределении**. Батурин в труде «Исследование книги о заблуждениях и истине» беспощадно высмеивал масонскую мистификацию чисел, геометрических фигур и т. д.

Козельский и Батурин требовали не смешивать «натуральных», или вполне естественных, явлений природы с «вышенатуральными», т. е. сверхъестественными, требовали отличать истину, которая дается человеку в опыте, от религиозно-мистического откровения, которое принимается на веру***.

Русские мыслители второй половины XVIII века, в том числе и тульский критик Сен-Мартена, были приверженцами гелиоцентрической теории, признавали беспределность мирового пространства, заполненного планетами и другими мировыми телами. Словцов писал в своей поэме «Материя»:

Когда сих Солнцев, взяв до миллиона
И приложив им вслед шары к шарам,
Когда и Сирия и Ориона,
Пхнув по параболическим дугам,
Велю ходить вокруг центра им другого;
Когда и центры центров двину снова
Вкруг центра, деспота эфирных тел, —
И тут не весь материи предел****.

Учение о беспределности миров, как известно, шло вразрез с церковно-религиозным догматом. Недаром богословы и теологи, попы в профессорских тогах, в печати, в церкви и на кафедрах (Рейхель, Шаден, Шварц, прото-

* Настоящее издание, т. I, стр. 452.

** См. там же.

*** См. там же, стр. 452—453.

**** Там же, стр. 408.

перей Алексеев, митрополит Платон и т. п.) ополчались против просветителей, произносили речи, строчили трактаты в опровержение ненавистного им материализма и его приверженцев.

Опираясь на достижения естествознания, опровергая учение церкви об абсолютном покое земли, неизменности ее от века, русские просветители второй половины XVIII века вслед за Ломоносовым учили о вечном движении и изменении физического мира.

Наши просветители доказывали, что в основе движения лежит причина материальная, а не духовная. «Действие вещи, — писал Козельский, — есть перемена состояния ее, которой причина находится в самой переменной вещи»*.

Возражая Сен-Мартену, Батурин горячо отстаивал реальность и материальный характер движения.

«Он (Сен-Мартен. — *И. Ш.*) укоряет несмысленностью геометров, что они приписывают движение протяжению, или веществу, ибо он уверяет, что движение не в веществе находится, но в началах бестелесных. И потому течение какой-либо реки не есть движение телесности воды, но движение бестелесных начал, которые несут воду по ее стремлению; когда ядро, выстреленное из пушки, летит к цели своей, то сие делается не оттого, что ядро от силы пороха получило движение свое, но оттого, что бестелесные начала мчат его туда, куда оно выстрелено; если с какой-либо высоты тело летит на землю по законам тягости к центру земли, то равным образом начала бестелесные сему движению суть причиной»**. Но движение понималось Батуриным в свете достижений механики XVIII века, как механическое.

Картину механического движения как общего закона неорганической и органической природы набросал Словцов в философском рассуждении «Материя».

Словцов доказывает, что жизнь немыслима без движения того или иного материального субстрата, что только

* Настоящее издание, т. I, стр. 447.

** Настоящее издание, т. II, стр. 505—506.

степенью или разностью движения и можно объяснить различное проявление форм жизни от шифера до обезьяны*.

Рассуждения Аничкова, Козельского, Словцова, Брянцева, Десницкого; Батурина и др. свидетельствуют, что русские мыслители-материалисты XVIII века стояли вполне на уровне своего века, опирались на достижения современного им естествознания, отстаивали теорию эволюционного развития мира, отрицали абсолютный покой и неизменность в природе; движением материи пытались объяснить наличие разнообразных форм органической жизни в природе.

Десницкий доказывал, что окружающая нас природа и мировые тела (солнца, планеты и др.) постоянно подвержены изменению, «порывчивому движению», переходу из одного состояния в другое**.

Изменениям, «порывчивым движениям», утверждал он, подвержен весь мир, весь космос. Этому изменению подвержены растительное и животное царства, в том числе и человек.

«И весьма уповательно, — писал Десницкий, — что человек, равномерно как и все животные и растущие на земле вещи, из всех таких всеобщих свету перемен исключен быть не может»***.

Ученик и последователь Аничкова и Десницкого профессор Московского университета по логике и метафизике А. М. Брянцев (1749—1821) в работе «О связи вещей во вселенной», определяя вселенную, которая включает в себя «все планеты, все солнца», указывал, что она есть «чин всех вещей изменяющихся, как современных, так и одна за другою в бытии своем последующих и взаимное отношение имеющих»****.

Движение и изменение вещей Брянцев выводил из того, что «во вселенной одно зависит от другого, одно служит средством к другому как к концу; все вещи, следуя естества уставам, суть в союзе, содержании, сочетании и точной связи. Нет в оной ничего такого, которое бы не

* См. настоящее издание, т. I, стр. 407.

** См. там же, стр. 269.

*** Там же.

**** Там же, стр. 363.

было непосредственным действием чего-нибудь предшествующего или бы которое не определяло существования вещей последующих» *. Он считал, что движение вытекает из механической взаимосвязи и механического действия вещей друг на друга, где одна из вещей является причиной, а другая следствием ее изменения **.

Брянцев отличал «вещественную связь» от «идеальной», или мысленной, связи ***.

«Вещественную связь» Брянцев выдвигал на первое место. Ею, говорил он, определяется движение планет в мировом пространстве, ею определяется деятельность каждой вещи, каждого существа как видимого, так и невидимого, как близкого, так и отдаленного.

Механистическое истолкование связи вещей во вселенной привело Брянцева к отрицанию случайности: «случай слепой, — говорил он, — есть порождение невежества» ****.

В «Слове о всеобщих и главных законах природы» (1799) Брянцев, сделав учтивый поклон в сторону «всемогущего повелителя природы», ведет рассуждение под углом зрения достижений естествознания XVIII века: «...под именем всеобщих законов, — говорит он, — [мы] понимаем те... которыми природа везде управляется и которым вещественные и невестественные существа повинуются» *****.

К таким всеобщим, главным и объективно существующим законам природы Брянцев относил *«закон непрерывности»*, *«закон бережливости, кратчайшего пути или самомалейших средств»*, *«закон всеобщего сохранения»*, не отрицая при этом существование и других законов органической и неорганической природы.

Диалектика непрерывного и прерывного, количественного и качественного изменения, эволюции и скачка была Брянцеву неизвестна, как и другим материалистам XVIII века.

Закон «непрерывности» применительно к природе представляет собой, как указывал В. И. Ленин, «развитие

* Настоящее издание, т. I, стр. 376.

** См. там же, стр. 366.

*** См. там же, стр. 368.

**** Там же, стр. 375.

***** Там же, стр. 377.

как уменьшение и увеличение, как повторение»; при такой «концепции движения остается в тени *самодвижение*, его *двигательная* сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится *во вне* — бог, субъект etc.)»*.

Подобную концепцию В. И. Ленин характеризовал как мертвую, бедную, сухую. Брянцев был сыном своего века, за пределы метафизического материализма он не вышел.

Опираясь на экспериментально и теоретически обоснованный Ломоносовым еще в 1748 г. «закон всеобщего сохранения вещества и движения», Брянцев дает оригинальное толкование таким явлениям природы, как жизнь и смерть, которые он рассматривает в их единстве и взаимосвязи, возрождении и разрушении.

«Все рождения в природе основываются на разрушении. Смерть не другое что есть, как вид возрождения, восстановление новой стройности — переход к новой и совершеннейшей жизни, и исход в новое, обновленное тело. Но сущности вещей, первоначальные силы, из которых все сложения начало свое берут, никогда разрушиться не могут. Преобразование и превращение есть дело природы»**.

Батулин в «Исследовании книги о заблуждениях и истине» последовательно отстаивал наряду с движением и закон сохранения вещества в природе:

«Он (Сен-Мартен. — *И. Ш.*) уверяет, — писал Батулин, — что тела нечувствительно умирают, исчезают и уничтожаются. Однако он не почел за нужное объяснить, как делается исчезание сие, всем физикам непонятное, а требует, так как и во всем его учении, чтоб верили ему на слово его. Но если бы сия невразумительная система подлинно и действительно быть могла, то б ежедневное исчезание тел уже давно земной шар разрушило как сим беспрестанным исчезанием, так и тем, что естественное взаимное притяжение тел в рассуждении великости и тягости их при первом уменьшении глобуса, нами обитаемого, прервав бег одного по пути своему, привлекло бы его к телу, превосходящему его силою притяжения, и госпо-

* В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 328.

** Настоящее издание, т. I, стр. 382.

дин премудрый писатель не имел бы удовольствия соплетать темные и мечтательные свои рассуждения, ни покрываться покрывалом для блага себе подобных» *.

Идеи просветителей о законе сохранения вещества и движения в природе, об органической жизни в ее постоянном «прехождении» и изменении, обусловленных законами природы, являлись сильной стороной их мировоззрения, активной формой борьбы против идеализма и религии.

* *
*

Остановимся на одном из вопросов естествознания, трактовавшимся русскими мыслителями — на проблеме изменения в животном царстве, в которой также отчетливо выразилась материалистическая линия в русской философии и естествознании XVIII века.

После смерти Ломоносова продолжателями его научных традиций в естествознании были С. К. Котельников, Н. Я. Озерецковский, В. В. Петров, В. М. Севергин, С. Е. Гурьев, И. Д. Ертов и др. Эволюционные идеи в биологической науке развивал П. С. Паллас и другие, внесшие в науку XVIII века серьезный вклад. Российской Академией наук были организованы экспедиции по изучению флоры, фауны, природных богатств, необъятных просторов России, от Балтики до Кяхты и Камчатки, от Белого до Черного и Каспийского морей. Собранный русскими учеными богатейший материал по растительному и животному миру, по геологии, географии и этнографии страны, по экономической жизни народов явился ценнейшим вкладом в развитие научной мысли; их изыскания и открытия стали важным достоянием мировой научной мысли.

Необходимость подобных экспедиций для изучения природных богатств страны диктовалась развитием экономических потребностей России, развитием в ней промышленного производства и сельского хозяйства, усиливающимся развитием товарно-денежных отношений как внутри страны, так и на мировом рынке. Россия в те годы являлась поставщиком на зарубежный рынок продуктов и полуфабрикатов

* Настоящее издание, т. II, стр. 426.

*

сельского хозяйства, главным образом зерна, пеньки, леса, а также добывающей промышленности — руды.

Созданная еще Петром I Академия наук (1725) и потом возникшее в 1765 г. при Екатерине II научное Вольное экономическое общество в целях изучения экономики страны и поднятия производительности сельского хозяйства организовывали научные экспедиции для изучения природных богатств и экономики страны. Эти же организации нередко посылали наиболее способных людей за границу для совершенствования в науках. В числе семинаристов, посланных Вольным экономическим обществом совершенствоваться по естественным наукам за границу, был А. А. Каверзнев. За границей Каверзнев опубликовал на немецком языке философское рассуждение «О перерождении животных» (1775).

Небольшая по объему работа Каверзнева представляет интерес по своим общетеоретическим и философским выводам, так как в ней молодой ученый борется за материализм в естествознании, отстаивает идею генетического родства живых организмов и общего их происхождения, с одной стороны, развивает идеи изменчивости организмов под воздействием внешней среды — с другой. Он отстаивал идею эволюционного развития животного мира.

Каверзнев отвергал метафизическое утверждение Линнея о постоянстве и неизменности видов.

Выдвигая идею общего происхождения животных, включая в общую ветвь животного мира и человека, поставив его рядом с обезьяной, Каверзнев вступал в явное столкновение с церковно-религиозным учением.

Что касается изменчивости животных, то, как уже отмечено было выше, Каверзнев отстаивал точку зрения эволюционного развития, точку зрения трансформизма, или изменяемости видов под влиянием внешней среды; первую роль он отводил влиянию пищи и почвы, которая порождает пиццу. Относительно влияния на организмы «воздуха и климата» Каверзнев считал, что они в организме «производят лишь внешние изменения».

Наряду с этим Каверзнев отмечает значительную роль сознательной деятельности человека в изменении животного мира.

В скупых, но весьма ценных высказываниях Каверзнева об эволюционных изменениях в мире животных не только подчеркивается влияние поступавшей из внешней среды пищи, влияние условий внешней среды, но и воздействие искусственного отбора, «одомашненного состояния», деятельности человека в изменении животного мира, что он подтверждает многочисленными ссылками на искусственные породы собак, овец, коз, быков.

В лице Каверзнева русская материалистическая философия XVIII века имела выдающегося ученого, глубокого мыслителя, отвергавшего идеалистическо-мистическую точку зрения Бошпе, метафизические воззрения Линнея о неизменности видов и смело отстаивавшего эволюционные идеи. Каверзнев, имя которого долгое время предавалось забвению, является виднейшим предшественником дарвинизма.

* *
*

В философских трудах русских мыслителей второй половины XVIII века большое место занимают вопросы теории познания.

В этих вопросах русские мыслители стояли на позициях материалистического сенсуализма, доказывали, что источником познания является внешний мир, воздействующий на органы чувств человека; что познание начинается с ощущений, что врожденных идей нет, что в познании мира большую роль играет опыт, эксперимент, наблюдение.

Отстаивая материалистический характер происхождения человеческого знания и опровергая идеалистическую теорию врожденных идей, Аничков доказывал, что органы чувств являются проводниками к разуму и отвлеченному мышлению, или имеют «способность всеобщие о вещах производить понятия»*.

Аничков подробно и обстоятельно развивал мысль, что человеческая «душа видит глазами телесными, слышит

* Настоящее издание, т. I, стр. 156.

ухом, говорит языком, а для разумения и памяти употребляет в помощь находящийся в голове мозг, чувства и сердце»*. Теорию врожденных идей картезианцев он объявил «здравому рассуждению и началам психологическим» противной. Он говорил: «чтоб врожденные о вещах идеи в нас находились, сего допустить не можно»**. Аничков, как и другие просветители XVIII века, в теории познания большое место отводил опыту, эксперименту, наблюдениям. Вслед за Ломоносовым и Аничковым против теории врожденных идей единодушно восставали и остальные наши просветители.

В «Опыте Российского сословника» Фонвизин, определяя понятия «чувства», «чувствования», «чувственности», «чувствительности», «ощущения», вкладывает в них материалистическо-сенсуалистическое толкование***. В этом вопросе он стоит на общей с французскими просветителями XVIII века материалистической позиции.

Аничков, Брянцев и Батуриин выступали против средневековых схоластов, отрицавших роль чувственных восприятий в познании мира, и против скептиков, сомневавшихся в возможности познания мира. Они высоко ценили эксперимент и наблюдение.

«Как же человек судит, что не по чувствам? Ибо когда бы он не имел чувств, тогда бы он ни судить, ни рассуждать ни о чем не мог»**** — писал Батуриин.

Для Козельского, как и для других просветителей-материалистов, было неоспоримо, что «к познанию истин, или просвещению ума, нет более руководства, как только два, то-есть: одно — от природы вещей, а другое — от науки»*****.

Поэтому все сверхъестественное («сверхнатуральное»), непостижимое разумом не имеет отношения к науке.

Батуриин, Брянцев и другие мыслители доказывали, что «суеверие не что другое есть, как узы разума»*****. По-

* Настоящее издание, т. I, стр. 141.

** Там же, стр. 136.

*** См. настоящее издание, т. II, стр. 235.

**** Там же, стр. 409.

***** Настоящее издание, т. I, стр. 571.

***** Там же, стр. 379.

этому, указывали они, суеверия нужно искоренять путем распространения просвещения и прежде всего путем развития естественных наук, расширяющих наши знания о природе и ее многообразных явлениях.

Борясь с мистикой и идеализмом, Козельский, Батури-рин, Десницкий, Аничков и др. опирались на науку.

Козельский писал: «Как посредством чувствования понимаем мы присутствующие вещи, так чрез воображение представляем себе и возобновляем вид прежде понятых вещей; а чрез память познаем, что понятия, которые снова производим чрез воображение, суть те, которые мы прежде имели» *.

В противовес идеалистической философии и церкви русские просветители XVIII века не раз подчеркивали генетическое родство первоначальных форм человеческого познания с чувствами, воображением и памятью животных, обладающих высшей нервной системой. «Безразумные животные, — писал Козельский, — имеют чувства, мысли, воображение и память» **. Подобные же идеи подробно развивал и Батури-рин.

Идеи просветителей толкали пытливую мысль к дальнейшим исследованиям, изысканиям, к научной работе.

Козельский делит опыт, с помощью которого познается истина, на «*опыт простой*» (например, всякий может узнать, что огонь греет) и «*опыт ученый*» (не всякий узнает, что воздух имеет тяжесть, так как для измерения ее требуются особо чувствительные приборы). Разные вещи, явления и дела требуют разной степени познания. «Одни истины, — пишет Козельский, — познаем мы чувствами, другие — рассуждениями, а иные, как, например, математические, — многими умствованиями» ***.

Козельский, как и другие наши просветители, никогда не принижал значения разума в познании. Он писал, что «без умствования никоим образом обойтись не можно, только те умствования или заключения выводить надобно

* См. настоящее издание, т. I, стр. 459.

** Там же, стр. 460.

*** Там же, стр. 443.

из верных оснований, то-есть из несомнительных опытов или наблюдений».

Рассматривая познание как познание причин вещей и дел, Козельский делил его на три стадии. К первой стадии познания он относил *историческое* познание, «когда мы познаем какую истину просто», ко второй стадии — *философическое*, «когда мы какой истины узнаем причины», и, наконец, к третьей — *математическое*, «когда мы измеряем величину какой вещи, или количество дела» *.

Эксперименту и опыту просветители отводили первую роль в развитии наук, в частности в развитии физики, механики, геологии. «При испытании природы и ее таинств, — писал Козельский, — ... физика и все ее частные науки почерпнуты, распространены и возведены до высокой степени и великого приращения из неисчерпаемых источников природы несравненно больше наблюдениями и опытами, нежели умствованиями» **.

Природу, или «натуру», просветители считали первоосновой наук, исходным ее началом; колебаний и сомнений в этом вопросе у них не было.

«Главный и единственный всех физических наук предмет есть натура, — писал Козельский, — ... натура никогда не училась у математики, а, напротив того, математика — у природы, которая всех наук умнее и превосходнее» ***.

Эту же точку зрения отстаивал и Батулин.

Далекие от вульгарного, примитивного понимания, наблюдения и опыта, русские просветители учили не ограничиваться непосредственно доступным чувствам, а дерзать, преодолевать препятствия природы; изучая природу и ее явления, не игнорировать воображения, отвлеченного мышления, «хитрости и вкрадчивости, то-есть умствования» ****.

Противники ползучего эмпиризма и идеалистического рационализма, русские просветители вслед за Ломоносовым боролись за соединение чувственного с рациональным моментом познания, за научные обобщения. Чувственные

* См. настоящее издание, т. I, стр. 427.

** Там же, стр. 574.

*** Там же, стр. 576.

**** Там же, стр. 574.

восприятия рассматривались ими как начальный пункт познания; рациональные обобщения, рациональное познание не мыслили без ощущений и восприятий, без опыта и наблюдений. Просветители считали, что человеческий разум не пассивно воспринимает ощущения, а активно реагирует на них, вырабатывая представления и понятия о внешнем мире.

Но значение опыта в познании мира просветители понимали узко, односторонне, метафизически, не исторически. Опыт сводился ими к чувственным восприятиям, наблюдениям, экспериментам. Они не дошли, да и не могли дойти до признания того, что опыт включает в себя всю совокупность общественно-исторической и производственной деятельности людей.

Теория познания русских просветителей XVIII века была проникнута глубокой верой в силу и мощь человеческого разума, в безграничные познавательные возможности человека. Они неустанно боролись с врагами просвещения, с идеализмом, суевериями и предрассудками, с мистическим учением масонов и схоластов, они ставили перед собой задачу расчистить дорогу человеческому разуму, общественному прогрессу, науке.

* * *

*

Борясь за материалистическое миропонимание, русские мыслители уделяли значительное внимание вопросам происхождения религиозных верований.

Аничков этому вопросу посвятил свою диссертацию: «Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания» (1769), представленную им в Московский университет для получения звания профессора. Как уже было отмечено, официальная профессура работу Аничкова встретила в штыки, признала ее противоречащей религиозно-церковному учению, и святейший синод подверг ее сожжению. В этой своей работе Аничков рассматривает религию с рационалистических позиций, объясняет ее происхождение не божественным откровением, а невежеством и беспомощностью первобытных людей.

Одной из первых причин «богопочитания и боготворения» первобытного человека Аничков подобно другим передовым мыслителям XVIII века считал *страх*. Незнание причин, вызывающих грозные явления природы порождает в человеке, говорил Аничков, «великие заблуждения», приводит «его мысли в черную тесть страшных дум» *, к необузданному воображению.

«Восхищенное страхом воображение, — писал Аничков, — представляет непросвещенному и слабому человеку всякую вещь в страшном виде, отчего он наподобие зверя дичится, ужасается и трепещет и думает, что во всяком встречающемся с его чувствами предмете присутствует некоторое невидимое существо, вооружающее всю тварь и всякую вещь против него» **.

Эту основную мысль диссертации Аничков иллюстрирует примерами, подобранными и изложенными так, что их свободно можно было использовать и против христианской религии, с ее учением о дьяволах, чертях, нечистой силе.

Лешие, сатиры, демоны, говорил он, все эти «мнимые существа суть дело воображения, произведенного внезапным и великим страхом» ***, когда человек, находясь в сильно возбужденном состоянии, не мог воспринять явления и вещи «в собственном и натуральном их виде» ****, когда над разумом взяло верх воображение, толкнувшее его на путь фантастических домыслов и преувеличений.

«Итак, — пишет Аничков, — от страха, во-первых, произошло многобожие, и страх первых в свете произвел богов» *****.

К другим причинам, поведшим к богопочитанию у первобытных людей, Аничков относил «привидение» и «удивление», проистекающие тоже от невежества людей на ранних ступенях их развития. К «привидениям», говорил Аничков, относятся суеверия, предрассудки, фантастические пред-

* Настоящее издание, т. I, стр. 118.

** Там же.

*** Там же, стр. 119—120.

**** Там же, стр. 120.

***** Там же, стр. 121.

ставления. К таким «привидениям» он относил учение религии о елисейских полях, преисподней тартара, о рае, аде, чертях и т. п.

Что касается «удивления», то оно возникает у людей от неумения объяснить явления природы: «Для невежд всякая необыкновенная вещь кажется божественною»*. Отсюда Аничков делал смелый и решительный вывод:

«Впрочем, свободно можно утверждать, что невежественные народы не токмо подобны себе смертных, но равномерно и самые неодушевленные вещи по причине необыкновенных их действий боголепно почитали»**.

Аничков доказывал, что появление жрецов, лиц, якобы непосредственно общавшихся с богом, тоже обусловлено, с одной стороны, невежеством, с другой — злоупотреблением хитрецов и проныр этим невежеством. Жрецы, в корыстных целях объявляя себя заместниками бога на земле, захватывали в свои руки не только духовную, но и светскую власть. И народы должны были слепо им повиноваться.

Аничков, формально оговаривая, что его рассуждения не касаются православной церкви, тем не менее, подверг критике католическую церковь, в частности папство, доказывая, что власть папы, его «заместничество», имеет те же основания, что и власть жрецов, друидов, Магомета.

«От сего також ослепленного удивления народного, не упоминая других причин политических, и папа римский сделался заместником божиим и по подобному о себе простого народа разумению принял меч духовный и гражданский»***.

Из этого экскурса в историю религии, где Аничков подверг строгому анализу и критике не только «натуральное богопочитание» — язычество, но и католическое христианство, заместника бога на земле — римского папу, где чудотворство и святость пап Аничков квалифицировал как шарлатанство, алчность, корыстолюбие, ханжество и

* Настоящее издание, т. I, стр. 130.

** Там же, стр. 129.

*** Там же, стр. 128—129.

обман народа, легко было сделать вывод о сущности и православной церкви и ее служителей.

Как в вопросе происхождения религии, так и в отношении церкви Аничков стоял на атеистических позициях.

В выводах диссертации он заявил, что «все приписываемые богу совершенства происходят от человеческих мыслей» и не могут считаться достоверными, что христианское учение о троице «без откровения натурально понимать не можно»*. Бурю негодований вызвал он в среде реакционной профессуры. Протоиерей Петр Алексеев доказывал, что Аничков восстал против христианского вероучения. Архиепископ Амвросий «находил сочинение Аничкова соблазнительным и вредным для христианского закона и требовал уничтожения брошюры и наложения церковного наказания на ее автора» (Сухомлинов).

«Профессор Рейхель, в особенной латинской речи, — сообщает Шевырев, — укорял Аничкова в том, что он слишком увлекся Лукрецием, которого Рейхель называл между философами пролетарием»**.

Атеистические идеи Аничкова о естественном происхождении религии разделял и профессор Десницкий; наученный горьким опытом своего друга, Десницкий изложил эти идеи в более завуалированной форме в труде «Рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими оные у разных народов защищаются» (1772).

Вскрывая гносеологические корни религии, просветители не понимали еще ее социальных корней.

Дворянско-буржуазные историки русской философии или обходили молчанием философские труды Аничкова, Десницкого или фальсифицировали их; говорили о них маловразумительное. А между тем Аничков и Десницкий являлись крупными мыслителями материалистического и атеистического направления.

* Настоящее издание, т. I, стр. 132.

** Шевырев, История императорского Московского университета, М. 1855, стр. 142.

Передовые русские мыслители XVIII века решительно осуждали фанатизм в религии: нетерпимость, религиозные преследования, гонения, «крестовые походы», инквизицию, самосожжение, плотоумерщвление, аскетизм, ханжество.

«Не должно, — говорил Аничков, — чрез усилие никакой переменять веры, когда пременение оной соединяется с бóльшим возмущением. нежели спокойством народным» *.

«Крестовые походы, — писал Голицын, — бич, избретенный честолюбием и видами политическими, поддержанный изуверством и суевериями» **.

Профессор Третьяков считал, что там, где церковь брала верх над гражданской властью, где она подчиняла себе науку, там «всякое приумножение наук умножило духовных власть и доходы». Монахи, попы, капуцины, церковь заставляли «государей поднимать оружие и пламень за свой софизм и за честь своего силлогизма, сделанного на *Ferio* или *Barbara*» ***.

Злейшими врагами науки и прогресса Крылов и Батурин считали католическую церковь, прославившуюся гонениями, пытками, кострами инквизиции.

«Вспоминая пагубные дела... бесчеловечных законопроповедников, — писал Крылов, — не могу удержаться, чтоб не ощутить к ним величайшего омерзения. Против воли лишаюсь я философической моей твердости, ибо бедствия, причиненные людям суеверием, так велики, что, рассуждая об оных, нельзя быть равнодушну» ****.

Фонвизин в «Опыте российского сословника» (1783), составленном им для Академии наук, в толкование слов и понятий вложил острый политический и философский смысл и смело заклеил духовенство и святош.

Вольнодумством проникнуто послание Фонвизина «к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке». С точки зрения церковной ортодоксии рассуждение: «не знаю я того, мы созданы на свет и кем, и для чего» ***** уже было

* Настоящее издание, т. I, стр. 133.

** Настоящее издание, т. II, стр. 39.

*** Настоящее издание, т. I, стр. 351.

**** Настоящее издание, т. II, стр. 306.

***** Там же, стр. 219.

святотатством. Посулам и обещаниям попов небесного рая Фонвизин противопоставляет земную жизнь, земные реальные радости. Фонвизин клеймит духовенство за корыстолюбие, за готовность на всякую низкую ложь и подлость ради денег.

Недавно открытое советскими учеными философское рассуждение «Зерцало безбожия» является выдающимся материалистическим и атеистическим произведением конца XVIII века. Автор труда «Зерцало безбожия» еще не установлен: это произведение могло быть создано и Аничковым, и Десницким, и Козельским.

Автор «Зерцала безбожия» решительно отвергает все церковно-религиозные догмы о боге как ненаучные и вздорные. Учению церкви о свободе божественной воли противопоставляется идея детерминизма. Автор смело и тонко вскрывает абсурдность утверждений священного писания о совершенстве бога, безграничности божественного разума и его деяний.

Учению церкви о сотворении мира богом автор «Зерцала безбожия» противопоставляет материалистическо-атеистическое положение, что повседневный опыт, природа, рассудок, совесть убеждают нас, что «бог не есть творец и промыслитель мира», что «бог мира не творил», что «мир не зависит от бога яко бога», существует сам по себе и ни в каком божественном творческом акте и управлении не нуждается.

Формулируя атеистический принцип: «бог не есть присущ существованию», что «существовать богу по собственному его произволению — это значит без всякой причины; но сие безрассудство не совместно с величием бога», автор делает прямой вывод: «Следственно, бог не существует»; «даже и самая совесть вооружается против бытия бога». Отсюда вытекает, что «допустить существование бога — это значит восстать против опыта, разума, совести, дать цену совершенства богу, это малевать химеры. Следственно, бога нет».

Автор «Зерцала безбожия» решительно восстает против «внутреннего сознания», якобы говорящего о бытии бога.

«Сей довод (основывать бытие бога на внутреннем сознании), предлагаемый защитниками существования бога,

недействителен; он восстает против опыта, следственно, против природы; доказывать бытие бога внутренним сознанием — это значит доказывать предрассудки предков».

«Зерцало безбожия» заканчивается непримиримым отношением к церковно-религиозному учению, к богословам и теологам, решительным отрицанием бога.

«Все сие говорено было о том, дабы убедить в сей истине, что бога нет; все причины, представляемы[e] здесь, доказывают несовершенство его. Что бог несовершен, это правда. Ибо иметь пределы деяний разума, воли, не быть творцем и промыслителем мира от него — это значит быть несовершенну. Несовершенный не есть бог. Ибо несовершенство несовместно с совершен[ством]. Следственно, бога нет».

Выступая с критикой идеализма, русские просветители наносили удары по идеалистическим сторонам учений Декарта, Лейбница, Вольфа и мартенистов (масонов). Эта борьба русских просветителей второй половины XVIII века являлась частью общей борьбы, которая велась в философии на протяжении всех предшествующих веков между материалистами и идеалистами.

В борьбе материализма с идеализмом русским материалистам-просветителям XVIII века принадлежат несомненные заслуги. Славные страницы вписаны ими в науку по философским и естественно-научным воззрениям в области неорганической и органической природы, по разработке теории познания, по происхождению и сущности религии, по критике различных религиозных систем и мистических учений.

Стесненные драконовскими цензурными условиями, преследуемые церковью, реакционной профессурой, они все же сумели сохранить просветительские и материалистические идеи, сумели распространять их и в подцензурной печати.

В истории философии навсегда запечатлены имена русских просветителей XVIII века, отстаивавших и развивавших материалистические традиции, идущие в России от Ломоносова.

III

Что касается социологических идей, выдвинутых Десницким, Фонвизиным, Козельским и др., то они своей общей направленностью подрывали официальную науку крепостников и церкви об обществе.

Этот подрыв начинался с ответа на вопрос, что представляет собой человек в системе мироздания.

Церковь, как известно, учила, что человек — образ и подобие бога — не имеет ничего общего с остальным животным миром. Фонвизин в противовес церковно-религиозной точке зрения смело обобщал: люди и *скоты* составляют род *животных*.

«Все то создание, которое имеет душу живую, — писал он, — называется *животное*. Следственно, человек и *скот* под сие название подходят. Но если человек называется в добром смысле *животным*, то *скотом* иначе не именуется, как в дурном смысле, то-есть когда рассудок управляет им не больше, как *скотом*»*.

Будучи идеалистами во взглядах на общественную жизнь Аничков, Фонвизин, Козельский, Десницкий, Каверзнев, Батурин и другие, называя человека общественным животным, главное отличие человека от животного видели не в общественно-производственной деятельности, а в степени развития разума.

Просветители старались доказать происхождение человека из животного царства, происхождение его сознания из примитивной формы сознания животных.

Передовые русские мыслители второй половины XVIII века изучали и ценили труды французских просветителей, переводили работы их и распространяли в России, защищали их от нападок церкви и реакционных дворянских идеологов. Идя в одной шеренге с выдающимися французскими просветителями XVIII века, русские просветители тем не менее подходили критически к идеям западноевропейских мыслителей. Так, свои знаменитые «Философические предложения» Козельский начал с возражений против антиисторического взгляда Руссо на культуру

* Настоящее издание, т. II, стр. 246.

и цивилизацию; ссылаясь на исторические факты, Козельский доказывает, что возврат цивилизованных народов к первобытному состоянию совершенно исключен, а лозунг — назад к «естественному состоянию» весьма вреден. Люди должны искать счастье не в легендарном «золотом веке», не в древнепатриархальном состоянии, а в цивилизации, усваивая и приспособляя ее к своим потребностям и нуждам. Возражая против некоторых положений Руссо, русский просветитель заявлял, что «теперь уже то натуральное его (общества. — *И. Ш.*) благополучие невозвратно, и в нынешнем состоянии вселенная все опыты утверждают, что к достижению благополучия нет ближе и приличнее средств, как прямая добродетель и прямой разум; но как обоих сих качеств точное познание зависит от учения, то для того здесь от него и начать должно»*.

Для наглядности Козельский ссылаясь на пример колонизации Америки европейцами, которые как «просвещенные волки» с «великим аппетитом», набросившись на туземное индейское население, обрекли его на истребление и вымирание. Наши просветители XVIII века были сторонниками теории «естественного права» и «общественного договора». В основе своей эта теория была идеалистической, но в истолковании просветителей она служила оружием в борьбе за смягчение и ограничение крепостного права в России, за отмену телесных наказаний и эмансипацию человеческой личности, за установление и соблюдение в стране строгой законности.

Подобные же идеи мы находим у Десницкого и у Фонвизина в его работе «Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой форме государственного правления...», которая начиналась словами: «Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных»**.

Подобно другим просветителям XVIII века Фонвизин был сторонником просвещенной монархии. Он считал, что просвещенный монарх должен соблюдать «общественный

* Настоящее издание, т. I, стр. 412—414.

** Настоящее издание, т. II, стр. 253.

договор», ум и сердце его должны быть столь благородны и превосходны, «чтоб никогда не удалялся он от общего блага и чтоб сему правилу подчинил он все свои намерения и деяния»*.

Фонвизин горячо отстаивал положение, что истинно просвещенный государь «не может равным образом ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, как постановя в государстве своем правила непереложные, основанные на благе общем и которых не мог бы нарушить сам, не престав быть достойным государем»**.

Осуждая царский и помещичий произвол, Фонвизин писал, где «произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; тамо есть государство, но нет отечества; есть подданные, но нет граждан, нет того политического тела, которого члены соединялись бы узлом взаимных прав и должностей»***.

Стремясь оградить народ от произвола царей и крепостников, просветители апеллировали к тем же царям и помещикам, к их разуму и совести.

Но там, где произвол царей достигает высокой степени, там за народом, говорили просветители, остается право спасать себя от этого произвола.

«Тиран, где б он ни был, есть тиран, и право народа спасать бытие свое пребывает вечно и везде непоколебимо»****.

Это, конечно, было еще только предупреждение царям и крепостникам, что чрезмерное насилие и угнетение могут привести народ к восстанию, к самому же народу просветители еще не обращались и народной революции боялись.

Во взглядах на общественную жизнь просветители в основном придерживались точки зрения «степенно восходящего» развития.

Так, Десницкий выдвигал идею постепенного развития человечества от примитивных ступеней к высшим сложным формам, доказывал, что человечество прошло четыре состояния, «из которых первобытным почитается *состояние*

* Настоящее издание, т. II, стр. 253.

** Там же, стр. 254.

*** Там же.

**** Там же, стр. 262.

народов, живущих *ловлею* зверей и питающихся *плодами саморождающимися* на земле; вторым — *состояние* народов, живущих скотоводством, или *пастушеское*; третьим — *хлебопашественное*; четвертым и последним — *коммерческое* *.

«По оным четверояким народов состояниям, — говорил Десницкий, — мы должны выводить их историю, правление, законы и обычаи и измерять их различные преуспеяния в науках и художествах» **.

Десницкий считал, что формы общественной жизни не вечны: например, институт частной собственности — тоже явление историческое; он прослеживает ее возникновение и развитие.

«Писать о вымышленных состояниях рода человеческого, — критиковал Десницкий абстрактно-идеалистические рассуждения Пуффендорфа, — не показывал, каким образом собственность, владение, наследство и пр. у народов происходит и ограничивается, есть такое дело, которое не совсем соответствует своему намерению и концу» ***.

Развивая свой оригинальный взгляд по данному вопросу, Десницкий считал, что народ, на первой ступени истории еще грубый, дикий и непросвещенный, скитается по земле без всяких законов, без правительства ****, живет ловлей диких зверей и собиранием плодов, от холода и зноя скрывается в пещерах, шалашах и укрывается «зверскими кожами», пользуется самыми примитивнейшими орудиями, «и орудия их самонужнейшими почитаемые суть те, которые необходимо нужны на уловление и приготовление зверей в пищу» *****.

Собственность на землю, на скот, жилища, съестные припасы отсутствует; и если собственность имеется, то только на некоторые вещи личной самозащиты; люди на этой ступени «не имеют довольного случая к приобретению

* Настоящее издание, т. I, стр. 270.

** Там же, стр. 271.

*** Там же, стр. 204.

**** См. там же, стр. 270.

***** Там же, стр. 274.

великого понятия о собственности, потому что, будучи незнающими, каким образом сохранять пищу от истления, они никогда и не помышляют о скоплениях оных в великом количестве на будущее время»*. Поэтому «собственность сих редко у них бывает подвержена татьбе и похищению»**.

Эту свою, важную с научной точки зрения мысль Десницкий формулирует следующим образом: «у народов, живущих ловлею зверей, и самое употребление вещей бывает по большей части нераздельное и общее всем. Ибо как они живут все в одной хижине или пещере, то оных жилищ имеют совокупное и нераздельное владение и употребление; и как они едят все вместе, то их и съестные припасы бывают всем общи, а по недостатку даже и самые одеяния у них, точно как и у наших крестьян, бывают носимы и обоим полом одинакие и нераздельные»***.

Отсутствие частной собственности у людей, живущих ловлей зверей и собиранием плодов, Десницкий иллюстрирует на примере из жизни древних германцев и американских индейцев, которых европейцы застали на стадии первобытно-общинного строя.

Отсутствие частной собственности Десницкий связывал с низким развитием ремесла, когда люди свои скромные и бедные потребности удовлетворяли собственным «рукоделием».

Эти мысли Десницкого о характере собственности на ранней ступени развития человечества свидетельствуют о высоком научном и теоретическом уровне русской общественной мысли второй половины XVIII в.

Характеризуя скотоводческую ступень развития общества, Десницкий отмечал, что на этой стадии представление людей о родовой, или общинной, и частной собственности расширяется, в собственность родовую и частную поступает большее количество движимых вещей, общество на этой стадии находится в более выгодном материальном обеспечении, чем на стадии звероловства. Стало

* Настоящее издание, т. I, стр. 273.

** Там же, стр. 274.

*** Там же.

быть, переход от звероловства и сбора готовых продуктов природы к скотоводству был прогрессом. Но на стадии скотоводства, или пастушеского хозяйства, говорит Десницкий, частная собственность на землю еще отсутствует. Стада животных находятся в собственности большой семьи или общества, т. е. рода*.

Поэтому собственность не передается по наследству и не отчуждается в частные руки.

Хлебопашество было новым шагом человечества по пути прогресса. Десницкий рассматривает и эту стадию как совершившийся факт, не задаваясь вопросом о причине перехода от скотоводства к земледелию. Переход этот сопровождается оседлым образом жизни, наличием постоянных жилищ, увеличением необходимых для жизни продуктов.

Наличие больших земельных просторов и сравнительная редкость населения не сразу приводят к закреплению земли в частную собственность, говорит Десницкий. Каждая община занимает столько земли, сколько ей нужно и сколько она в состоянии обработать. Но по мере распространения и развития земледелия обрабатываемая земля постепенно начинает закрепляться за теми, кто ее из года в год обрабатывает, удобряет и т. д.

Но и здесь еще первоначально земля не передается по наследству, не дарится и не продается, так как ее владельцем является община или род.

Собственность на движимые предметы, считал Десницкий, предшествует собственности недвижимой, т. е. собственности на землю, но на ступени хлебопашества понятие о родовой и частной собственности у человечества стало более отчетливым**.

На ступень *коммерческого*, высшего, по мнению Десницкого, состояния народы переходят с появлением торговли, когда «хлебопашество получило довольно приращение и приведено было в некоторое совершенство», когда «художества (ремесла. — *И. Ш.*) и рукоделия начали постепенно умножаться и в совершенство приходить»; когда «художествами» занимается уже не всякий член общества,

* См. настоящее издание, т. I, стр. 280.

** См. там же, стр. 284.

а «особливые и нарочитые мастера»*, т. е. когда произошло отделение ремесла от земледелия. Хотя точка зрения на общественное развитие человечества и на развитие собственности в рассуждениях Десницкого и примитивна, но для своего времени она была крупнейшим завоеванием социологической мысли, содержа в себе элементы историзма.

Объективно в своих рассуждениях Десницкий отражал интересы народившегося в России класса купцов и фабрикантов; он бескорыстно и горячо ратовал за неприкосновенность частной собственности и самый прогресс в общественной жизни связывал с утверждением частной собственности, с отказом людей от собственности общинной.

Просветители не видели принципиальной разницы между рабством и крепостным правом, между рабовладельческим строем и феодальным. В понятие «рабство» они включали как античное рабство, так и крепостническое состояние.

Заслуживает внимания точка зрения Поленова на вопрос «о происхождении рабского состояния». Поленов подобно многим мыслителям XVIII века ошибочно считал, что главной причиной рабства являлась война, когда побежденные и пленные превращались в рабов, а победители — в господ, но тот же Поленов начинал догадываться, что причиной рабства являлось и «бедственное положение» многих людей, вынуждавшее их на «добровольное, а иногда и принужденное» рабство: «многие, хотя по природе вольные, думая кончить свои бедствия и надеясь сыскать себе защиту, предпочли рабское состояние благородной вольности и тем вечно себя посрамили, а потомство свое сделали несчастливым»**.

Как «теория насилия», так и предположение о «добровольном согласии» на рабство, конечно, являются научно несостоятельными, но мысль, что «бедственное положение», экономическая нужда обрекала людей на рабство, должна быть отмечена как замечательная догадка Поленова.

* См. настоящее издание, т. I, стр. 284.

** Настоящее издание, т. II, стр. 14.

* *
*

Отбросив официальную церковно-религиозную точку зрения об извечном существовании моногамной семьи, Десницкий один из первых в России пытался подойти с исторической точки зрения и к этому весьма сложному явлению. В работе «Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оно приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими» (1775) Десницкий высказал мысль, что на ранних стадиях развития человечества «форма супружества» была более примитивна, чем в настоящее время.

Исходя из своей общесоциологической концепции о четырех ступенях развития человечества, Десницкий считал, что на стадии звероловства человек выступал как «дикий пустынножительный гражданин», прикрытый звериными шкурами, которому были неизвестны «ни грады, ни селения, ни союзы и ниже самая под пятою его лежащая земли собственность». «В таких обстоятельствах, где глад и хлад, или и един токмо палящий зной составляет все человека наследие, какое может быть понятие супружества, когда оно и на деле иметь возможность не дозволяет?» *

Десницкий считал, что на этой ранней стадии человеческого развития у народов нет «никакого порядочного (т. е. упорядоченного. — *И. Щ.*) супружества и ниже имени оно. Смешение у них обоого пола невозбранно есть вместо супружества» **.

На стадии «скотоводства», в «пастушьем состоянии», народы, как, например, британцы, галлы, древние германцы или «бесчисленные народы под державою Российскою и в соседстве», «скитающиеся юртами и ордами», по большей части имеют групповой брак, находятся в «нетерпимом в христианстве смешении». Родство может быть определено здесь только по женской линии, отец доподлинно неизвестен.

* Настоящее издание, т. I, стр. 259.

** Там же, стр. 260.

Десницкий делал вывод, что даже многоженство и многомужество являлись известным шагом вперед сравнительно с более ранним, совсем неупорядоченным супружеством охотничьей стадии развития человечества. Таким образом, возникновение семьи, или «формы супружества», определялось хозяйственным развитием народа: чем выше степень его хозяйственного развития, тем совершеннее становилась форма семьи.

«Но со всем таким варварством жены и при сем начале для хозяйства оказались полезными, и сия первая происходящая от них польза была первым введением супружества» *.

С переходом от первобытного состояния к земледелию, от кочевого образа жизни к оседлому, когда человек «утверждается на едином жилище. очищает селения, прилежит к земледелию, насаждает вертограды, устроит домоводство и навывает сельскому житию» **, хозяин-мужчина нуждается в помощнике по «домоводству». «Толикий помощник в жизни другой не может быть никто лучшим, как жена его. Соединяющая в такой союз природа супругов сама предписывает собственные каждому должности и открывает им происходящую от наблюдения оных пользу, приятность и услаждение» ***.

Десницкий ищет причину возникновения моногамной семьи в естественно-историческом процессе, в назревших общественно-исторических потребностях.

История человеческого рода, говорил Десницкий, «довольно доказывает, что в таком сельском состоянии (когда человек начинает заниматься скотоводством и земледелием. — *И. Ш.*); не столько любовь обоего пола взаимная, сколько происходящая от общежития мужа и жены польза была причиною первоначального порядочного (т. е. упорядоченного. — *И. Ш.*) супружества. Глубокая древность уверяет нас, что Цекропс, пришедший из Египта в Атику народов предводитель, был первым учредителем супружества и оное единоженственным утвердил. Но сей

* Настоящее издание, т. I, стр. 261.

** Там же.

*** Там же, стр. 262.

народа предводитель и законоположник супружества никогда бы оно в обыкновение единоженственным ввести не мог, как то и не ввел совершенно, если бы народ его не был довольно созрелый в сельском житии еще и до прехождения своего из Египта, и мы видим из истории, что сей народ в Аттике при первом поселении начал жить и жил действительно не токмо в семействе, но и в обществе сопряжен, в котором состоянии польза супружества первоначальным народам открывается не токмо в домоводстве, но и в продаже детей»*.

На стадии *коммерческого состояния* семья, или супружество, доказывает Десницкий, более совершенствуется и становится единобрачной. Но наряду с совершенствованием общества богатство, сосредоточиваемое в немногих руках, ведет и к «разращению народов», к разращению и супружеских отношений. Остатком варварских обычаев, не соответствующих «просвещенному веку», позорящих современного человека, Десницкий считал открытую или прикрытую форму покупки или продажи женщин: калым, приданое, подарки и т. д.

Конечно, теория происхождения «супружества», или семьи, выдвинутая Десницким, является еще несовершенной и во многом неверной. Но, если учесть уровень развития социологической мысли XVIII века, станет ясно, что теория Десницкого имела громадное прогрессивное значение, поскольку он пытался подойти к решению этого вопроса исторически и найти причины возникновения и развития семьи не в божественном промысле, не в биологии, а в общественных условиях жизни людей, поскольку вопрос о семье он связывал с развитием собственности и хозяйственной целесообразности.

Наиболее совершенной формой «супружества» Десницкий считал ту, где женщина не утеснена в своих правах и равноправна с мужчиной, где брак основан не на экономическом расчете, а на добровольных началах, где исключается многоженство и многомужество.

Десницкий горячо ратовал за эмансипацию и образование женщины, доказывая, что она при благоприятных

* Настоящее издание, т. I, стр. 262.

условиях выступает «с толиким успехом, что многие, к бессмертной славе своего пола, нимало мужскому не уступающими в науках доказали себя пред всем ученым светом»*.

* *
*

Русских просветителей XVIII века волновал вопрос о происхождении власти как общественной силы, которой люди должны подчиняться. Отыскивая причину ее происхождения, они останавливались главным образом на теории естественного права и общественного договора, отвергая церковно-религиозную версию о божественном происхождении государственной власти, о вечности и нерушимости порядка господства и подчинения. Особый интерес представляют мысли, высказанные Десницким.

На вопрос о том, «какие случаются обстоятельства в обществе, которые советуют одному поддаваться власти и повелению другого», Десницкий выдвигает три главные причины: физическое неравенство людей, духовное неравенство и, наконец, богатство, или имущественное неравенство.

Люди, говорил Десницкий, на ранних стадиях человеческой истории отдаются под власть физически сильного и ловкого человека не только от удивления перед его силой и ловкостью, но и по расчету, что такой сильный человек может оказать им «покровительство в жизни», защитить от нападения других, не говоря уже о том, что они таким образом страхуют себя от его собственных преследований и притеснений.

Но с дальнейшим общественным развитием и совершенствованием, говорил Десницкий, значение физического превосходства уступает место превосходству умственному. И вот наиболее одаренные в умственном отношении люди выдвигаются в старейшины, в судьи, в военные полководцы, остальные становятся под их начало.

Таким образом, в возникновении «власти и старшинства в народах, от которых происходит и их правление»

* Настоящее издание, т. I, стр. 267.

умственная одаренность, по Десницкому, играет еще большую роль, чем физическая. Но что особенно важно по данному вопросу в социологических воззрениях Десницкого, так это то, что из трех факторов, определявших «власть и старшинство в народах» на более поздних этапах общественного развития, главное место он отводил не физическому и умственному превосходству, а богатству, имущественному неравенству*.

«Итак, превосходное богатство есть первый источник всех достоинств, чинов и преимуществ над другими. Превосходное также богатство действительное есть начало и основание всех чиновположений и одного разделения властей, которые столько ныне взошли в употребление во всех государствах»**.

Идеи, развитые Десницким в XVIII веке, являлись крупнейшим завоеванием общественной мысли, ценным вкладом в социологическую науку.

Пороки феодально-крепостнического уклада России не заслонили от наблюдательности русских мыслителей несостоятельность буржуазных общественных порядков на Западе, основанных также на имущественном неравенстве, на угнетении немногими основной массы населения.

Субъективно русские просветители были противниками общественного неравенства, они стремились к искоренению в обществе неравномерного распределения богатств; они считали, что чрезмерная концентрация собственности в немногих руках и бедность и недостатки всех остальных не могут способствовать укреплению общества, ведут к противоречиям и раздорам в нем***. Но осуществление их принципов повело бы на деле к установлению буржуазных отношений.

«Внутреннее благосостояние обществ, — писал Козельский, — полагаю я в добронравии его и трудолюбии»****.

Просветители страстно хотели, чтобы труд в обществе был распределен равномерно между всеми членами

* См. настоящее издание, т. I, стр. 210—218.

• ** Там же, стр. 217.

*** См. там же, стр. 534.

**** Там же, стр. 526.

общества, чтобы от трудовой деятельности никто из способных к труду не отказывался, чтобы трудолюбие всячески поощрялось, а лень и безделье презирались и наказывались; чтобы благами труда пользовались равномерно все, кто трудится. Отдых, веселье объявлялись «натуральной» общечеловеческой потребностью, а не одних привилегированных.

Относясь к труду с глубоким уважением, просветители рассматривали его как источник богатства, а леность и безделье — как непростительное расточительство.

Принцип «умеренности», «неповинности», «справедливости» по общей своей тенденции и по существу был антифеодальным. Просветители протестовали против того, чтобы крестьян, ремесленников и других трудящихся относить к «подлому» сословию.

Подлыми, говорил Козельский, нужно называть не простых людей, а тех, «кто упражняется в порочных делах»*.

Ратуя за развитие в обществе полезного труда, за приобщение к нему всех членов общества независимо от условий, в том числе и женщин, просветители считали, что труд не должен быть чрезмерным и изнурительным. Размер, или объем, труда должен быть таким, чтобы человек мог безбедно «содержать себя, престарелых родителей и малолетних детей»**. Общество, говорил Козельский, где одни мучаются в непосильном труде, а другие нежатся в лени, уподобляется «полку, в котором командиры очень богато одеты, а солдаты ободраны»***.

Изучая общественную жизнь, Козельский пришел к замечательному выводу, что «для труда человеку довольно восьми часов в сутки, другие восемь часов может он употребить на одеяние, кушанье, забаву, и третьи восемь часов на сон»****. Им был выдвинут вопрос не только о правильной организации труда в обществе, но и о всестороннем развитии разнообразных форм ремесел, или «художеств», пропорционально сельскому хозяйству. По

* Настоящее издание, т. I, стр. 475.

** Там же, стр. 536.

*** Там же.

**** Там же, стр. 536—537.

его мысли, общество должно быть организовано так, чтобы ремесла и наука были поставлены на службу человеку, чтобы они облегчали труд, чтобы в обществе искоренить бедность, с одной стороны, и чрезмерную роскошь — с другой.

Выступая с проповедью гуманистических принципов, русские просветители заявляли, что «нет несноснее того безбожного и зверского некоторых людей мнения, которые почитают свое удовольствие и благополучие в страдании и несчастии своих ближних»*.

Эти рассуждения просветителей, проникнутые любовью к труду, к умеренной жизни, резко осуждавшие зверское отношение человека к человеку, лень, расточительность и т. д., были направлены против самодержавия, против дворян-крепостников, немилосердно сосавших кровь крестьян и подвергавших их жестокому угнетению.

Будучи идеалистами во взглядах на общественные закономерности, просветители не сумели выработать еще цельного представления о будущем общественном устройстве. Их идеалы были абстрактны и утопичны. Не будучи сторонниками утопического социализма, они тем не менее осуждали угнетение человека человеком, заявляя, что угнетение людей более свойственно варварским векам, чем современной цивилизации.

Взгляды русских просветителей XVIII века свидетельствуют об их тенденции к демократизму, об их высоких гуманных принципах.

Осуждая эгоизм, корыстолюбие, человеконенавистничество, они с негодованием заявляли: «Какой это стыд для человечества, лишенного человеколюбия!»**. Они считали, что отношения между людьми должны строиться на разумных и взаимовыгодных условиях; они доказывали, что нынешнее «состояние человеческого общества, или сожития, требует от нас того, чтоб мы друг другу делали взаимную помощь и добро»***. Конечно, эти принципы носили еще отвлеченный характер, но тем не менее их

* Настоящее издание, т. I, стр. 540.

** Там же, стр. 518.

*** Там же, стр. 486.

антифеодалная, антикрепостническая направленность несомненна.

Просветители подчеркивали общественное назначение человека, общественную роль человеческой деятельности: «тот, кто думает, что может обойтись без других людей, обманывается много, а кто думает, что без него обойтись нельзя, обманывается еще больше»*.

* * *

*

Русские мыслители XVIII века интересовались вопросом происхождения и роли науки в истории человечества. И здесь они высказывают смелые и оригинальные мысли. Третьяков, профессор права Московского университета, развивал мысль, что появлению науки предшествует развитие ремесла, или «художества». «Художества, — говорил он, — издревле и поныне во всех государствах всегда предваряют науки»**.

Развитие «художеств» и науки Третьяков связывал со стремлением людей к материальному благополучию, которое на определенной ступени неминуемо приводит к разделению труда, когда общество делится «на хозяев и работников»***.

Разделение общества «на хозяев и работников» повело к тому, что у одних все их время уходило на физический труд, а у других — на праздные и умственные занятия. Люди, освободившиеся от физического труда, т. е. «хозяева», в отличие от «работников», теперь на досуге стали заниматься искусством, наукой****. Подобно другим просветителям Третьяков боролся за демократизацию науки, за приобщение к ней народа.

Русские мыслители были горячими приверженцами просвещения, они считали, что развитие науки оказывает сильное влияние на общественную жизнь; оно служит прогрессу человеческого общества. По их мнению, просвещение способствует внедрению в сознание людей высо-

* Настоящее издание, т. I, стр. 515.

** Там же, стр. 339.

*** Там же, стр. 337.

**** См. там же, стр. 339.

ких моральных и гуманных принципов, способствует искоренению всякого рода предрассудков, искоренению жестокости и варварства помещиков в отношении крестьян. Насаждение школ и знаний в народе, по мнению просветителей, должно обязательно привести к смягчению нравов в обществе, к улучшению общественного устройства, к улучшению рода человеческого вообще.

Продолжая линию Ломоносова, просветители боролись против аристократической кастовости и сословности в науке и литературе; они были за демократизацию науки. Поповский, Аничков, Третьяков, Десницкий, Брянцев, будучи выходцами из «разночинцев», читали курсы своих лекций не по-латыни, а на русском языке, что являлось тогда неслыханным делом. Поповский первым в России отказался от традиционного преподавания философии на мертвом латинском языке. Весьма плохо, говорил Поповский, когда наука, столь необходимая и полезная для общества, является доступной малому числу людей, владеющих латинским языком, надо, «чтобы каждый российский язык разумеющий мог удобно ею пользоваться»*.

Ломая укоренившуюся традицию, Поповский указывал, что преподавание на латинском языке служит серьезным препятствием в приобщении многих к философии. Кроме того, латинский язык уже не вмещает в себя всего того, что дали и дают наука и философия в следующие за падением Рима века.

«Век философии не кончился с Римом, она со всеми народами последующих веков на их языке разговаривать не отречется; мы причиняем ей великий стыд и обиду, когда думаем, будто она своих мыслей ни на каком языке истолковать, кроме латинского, не может»**.

Поповский горячо призывал слушателей университета не бояться трудностей, верить в собственные силы и стремиться прославить Россию в совершенствовании и развитии философской и естественно-научной мысли.

Просветители развивали науку и философию, учитывая общественные запросы, осуществляя тесную связь с

* Настоящее издание, т. I, стр. 91.

** Там же, стр. 90.

жизнью. Они доказывали, что государство должно быть кровно заинтересовано в развитии наук, способствующих укреплению его мощи, и были против вмешательства церкви в дела науки.

Стремясь к демократизации науки, просветители в своих сатирах осмеивали и невежество господствующего класса, крепостников.

* *
*

Посвящая немало труда вопросам войны, просветители видели, что столь частые династические и грабительские войны являются страшным бедствием для народа, для экономики страны.

Десницкий подверг критике теорию Гуго Гроция о естественном праве государства нарушать мир объявлением войны*.

Козельский в «Философических предложениях» развивал мысль о том, что «обществам надобно беречься, чтоб не начинать без крайней нужды одному с другим ссоры, а наипаче войны»**, так как войны ведутся из-за захвата богатства одного государства другим, а человечество претерпевает великие разорения и горести: «на место потерянных людей нельзя получить ни новых доходов, ни новых таких людей»***.

Козельский осуждал Англию, Испанию, Голландию и другие охваченные горячкой стяжательства и жадности западноевропейские страны, которые, угнетая колонии, разоряли их богатства и «своим проворством, как магнитом», притягивали к себе сокровища всего света****.

Осуждая войны, ведущиеся ради обогащения одних за счет ограбления других, Козельский высказал мысль, что войны не вечны. Но его программа уничтожения войн через внедрение в общественную жизнь принципов «умеренности» была от начала и до конца утопической, несбыточной. Про-

* См. настоящее издание, т. I, стр. 202—203.

** Там же, стр. 543.

*** Там же, стр. 543—544.

**** См. там же, стр. 545.

светители не могли еще знать, что дело не в «умеренности», а в господстве частной собственности, что, сохраняя частную собственность на средства производства, нельзя уничтожить причин, порождающих войны.

Просветители были самыми решительными противниками макиавеллизма в политике; они порицали правительства, которые «на свете по Макиавелеву правилу почитают то за член веры, чтоб не терпеть благополучия близкого подле себя соседа»*, и, проклиная громко Макиавелли, втихомолку ему подражают**.

Учитывая реальную действительность, Козельский понимал, что грабительские войны долго еще будут продолжаться. Поэтому он предлагал для безопасности ставить крепости на границах*** русского государства, содержать пропорционально территории государства и количеству народа войско, обучать военному делу «всякого звания людей»****, готовить их к тяжелой военной жизни, к походам, к выносливости, стойкости, храбрости.

Уже в XVIII веке на Западе и в США распространялись расистские теории. Особой популярностью расистские идеи пользовались у американских, английских и испанских работарговцев, прикрывавших свою неприглядную деятельность «теориями» о якобы неполноценности негров и о якобы цивилизаторской миссии белых.

Русские просветители не могли обойти молчанием этого гнусного факта. Резкую отповедь расистам дали Каверзнев, Десницкий и другие просветители, отвергнув их бредни о неравноценности и неполноценности черной и желтой рас.

Каверзнев доказывал, что все народы независимо от цвета кожи, волос и глаз составляют «большую и единую человеческую семью», что «цвет кожи, волос, глаз изменчив благодаря влиянию климата, однако это влияние не простирается на внутреннюю [организацию]; я имею в виду

* Настоящее издание, т. I, стр. 546.

** См. там же, стр. 550.

*** См. там же, стр. 548.

**** Там же, стр. 549.

величину тела, черты лица, образ жизни и [душевные] свойства»*.

Десницкий подобно другим русским просветителям XVIII века сурово осуждал работорговлю «в Северной Америке, где европейцы великое отправляют купечество и барышничают людьми, точно как скотиной и вещьми»**.

Такому же осуждению со стороны русских просветителей подверглась колониальная грабительская политика Англии, Испании, Америки, Голландии.

Просветители разоблачали лживую версию колонизаторов, будто народы колоний не подготовлены к самостоятельной, свободной жизни, а колонизаторы несут этим народам просвещение.

«Многие люди, — писал Козельский, — беспрестанно говорят, что облегчение делать невыполированному народу в его трудностях предосудительно; и я думаю, что некоторые из них говорят сие по незнанию, что выполлировать народ иначе нельзя, как чрез облегчение его трудностей, а другие по неумеренному самолюбию, что почитают в неумеренном господствовании над людьми лучшую для себя пользу»***.

В лице русских просветителей XVIII века мы видим гуманистов, осудивших работорговлю как явление позорное, недостойное звания человека. Выступая с критикой феодально-крепостнических порядков в России, просветители не видели, однако, идеала и в буржуазных порядках западноевропейских государств. Они видели, что страной там правят «сокровиществующие миллионщики», облыжно выступающие от имени народа. Десницкий, имевший возможность наблюдать воочию английские выборы в парламент, пришел к справедливому заключению, что они основаны на прямом надувательстве и проводятся в интересах богатых банкиров, лендлордов, тех же «сокровиществующих миллионщиков»****.

Русские просветители XVIII века с их демократической тенденцией искренне сочувствовали обманутому

* Настоящее издание, т. I, стр. 391.

** Там же, стр. 229.

*** Там же, стр. 535—536.

**** См. там же, стр. 290—291.

английскому народу, они искренне хотели видеть такие представительные учреждения, где не попирались бы интересы народа. Надобно желать *«совершеннейшего представления в парламенте народа аглинского»* *, писал Десницкий.

* *
*

Развитие передовой общественной и научной мысли в России во второй половине XVIII века проходило в условиях борьбы с реакционными теориями церковников и крепостников. Отрицая творческие возможности, самостоятельность и оригинальность русской культуры, крепостники старались отгородиться от народа и рабски подражали иностранщине; они внушали народу вредные идеи о его якобы духовной неполноценности, сами же усваивали отрицательные черты западноевропейских аристократов; пристрастие к чужестранному доходило до того, что и самые пороки они нередко почитали добродетелью **.

Патриоты своей родины, передовые деятели русской культуры решительно восстали против пресмыкательства перед заграницей. Страницы сатирических журналов Новикова, Крылова и др. были заполнены острой критикой англоманов, франкоманов и прочих иностраноманов. Новиков, Крылов, Фонвизин и др. ядовито высмеивали дворян, имевших «к иностранным порокам прилепления» ***.

Передовые русские мыслители никогда не отгораживали Россию от остальных народов мира, они не ставили непреходимой грани между русской культурой и культурой других народов. Им было чуждо как низкопоклонство перед иностранщиной, так и дух национальной заносчивости и кичливости. Видя, что в среде дворянства, сановников, царского двора подражание за границе приняло уродливый характер и сопровождается пренебрежением к русской культуре и ее представителям, они сочли своим

* Настоящее издание, т. I, стр. 289.

** См. настоящее издание, т. II, стр. 188.

*** Там же.

прямым патриотическим долгом осадить зарвавшихся дворянских космополитов.

Приступая к изложению «Философических предложений», Козельский писал, что его идеи не являются пересказом мыслей знаменитых философов прошлого или настоящего, что никому из философов, как бы он ни был велик, он не подражал, а выводы свои делал самостоятельно, исходя из наблюдений жизни и общественных запросов*.

Это же с полным правом могли сказать о себе Поповский, Аничков, Десницкий, Брянцев, Фонвизин, Каверзнев, Батурин и другие русские просветители XVIII века, горячо любившие свою родину и искренне желавшие ей благоденствия и счастья. Благородные патриотические идеи пронизывают всю деятельность наших просветителей.

Русские просветители XVIII века и Московский университет сыграли выдающуюся роль в распространении просвещения и развитии русской национальной культуры, национального самосознания передовых слоев общества, в развитии передовых идей философии и социологии; сыграли большую роль в укреплении материалистической традиции в России и нанесли сильный удар по реакционной идеологии, по идеализму и мистицизму. Идеи русских просветителей были проникнуты демократической тенденцией. Выступая в защиту крепостного крестьянства, осуждая социальное неравенство и злоупотребления помещиков, они подготовляли условия для формирования русской революционной освободительной мысли XVIII—XIX веков.

И. Я. ЩИПАНОВ

* См. настоящее издание, т. I, стр. 425.

НИКОЛАЙ НИКИТИЧ
ПОПОВСКИЙ

РЕЧЬ,
ГОВОРЕННАЯ В НАЧАТИИ ФИЛОСОФИЧЕСКИХ
ЛЕКЦИЙ

ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ГИМНАЗИИ
РЕКТОРОМ НИКОЛАЕМ ПОПОВСКИМ

Взирая на толикое ваше собрание, почтенные слушатели, на вашу благородную ревность о просвещении учением вашего разума, чувствую я в себе некоторую особливую радость и поощрение к охотнейшему понесению подъемлемого мною труда с несомненною надеждою о успехе. Надежду мою утверждает ваша с полезнейшим намерением о учреждении сего университета согласная охота, которая чрез благосклонное ваше присутствие довольно себя оказывает. Радость производит во мне имеющая из того произойти всяя пространнейшая в свете Российския империи слава. Ваше обо мне мнение и предуверенность о порядочном исправлении порученной мне должности не только труд сей облегчает, но еще и к понесению тягостей больших с усерднейшим желанием возбуждает; и хотя я не могу нимало сомневаться, чтобы вы пользы важности и величества философии не представляли в мыслях своих так, как она и действительно в себе находится, однако и я для лучшего изъяснения и подтверждения ваших мнений как по моей должности, так и по обыкновению не премину упомянуть о том вкратце.

Представьте в мысленных ваших очах такой храм, в котором вмещена вся вселенная, где самые сокровеннейшие от простого понятия вещи в ясном виде показываются; где самые отдаленнейшие от очес наших действия природы во

всей своей подробности усматриваются; где все, что ни есть в земле, на земле и под землею, так, как будто на высочайшем театре, изображается; где солнце, луна, земля, звезды и планеты в самом точном порядке, каждая в своем круге, в своих друг от друга расстояниях, с своими определенными скоростями обращаются; где и самое непостижимое божество, будто сквозь тонкую завесу, хотя не с довольною ясностью всего непостижимого своего существа, однако некоторым возбуждающим к благоговению понятием себя нам открывает; где совершеннейшее наше благополучие, которого от начала света ищем, но сыскать не можем и по сие время, благополучие, всех наших действий внешних и внутренних единственная причина, в самом подлинном виде лице свое показывает. Одним словом, где все то, чего только жадность любопытного человеческого разума насыщаться желает, все то не только пред очи представляется, но почти в руки для нашей пользы и употребления предается. Сего толь чудного и толь великолепного храма, который я вам в неточном, но только в простом и грубом начертании описал, изображение самое точнейшее есть философия. Нет ничего в природе толь великого и пространного, до чего бы она своими пронизательными рассуждениями не касалась. Все, что ни есть под солнцем, ее суду и рассмотрению подвержено; все внешние и нижние, явные и сокровенные созданий роды лежат перед ее глазами. От нее зависят все познания; она мать всех наук и художеств. Кратко сказать, кто посредственное старание приложит к познанию философии, тот довольно понятие, по крайней мере довольною способностью, приобретает и к прочим наукам и художествам. Хотя она в частные и подробные всех вещей рассуждения не вступает, однако главнейшие и самые общие правила, правильное и необманчивое познание природы, строгое доказательство каждой истины, разделение правды от неправды от нее одной зависят. Подобно как архитектор, не вмешиваясь в подробное сложение каждой части здания, однако каждому художнику предписывает правила, порядок, меру, сходство частей и положение всего строения, так что без одного его самые искуснейшие художники успеть не могут. Множество и различие вещей, красота, великолепие, происхождение,

продолжение и перемена естества ум и сердце человеческое в восторг и приятное удивление приводит. Но я оставляю все сии преимущества философии, которые, может быть, без дальних доказательств, примеров и изъяснений не всякому могут быть вразумительны: едину необходимую в философии представлю вам нужду и потребу. Некоторые погибшие люди, называемые афеисты, заразившись или упрямства, или неудобнопонятности душевредным ядом, бытие божие с невозвратным отрицанием отвергают и начало сего света или ему ж самому приписывают, или различным причинам; и таких людей мы, христиане, будучи просвещенны познанием веры, сожалея, если восходем возвратить от заблуждения и гибели на путь истинный, коим-то образом учинить можем: откровенной богословии им и представлять нечего, ибо они как бога не признают, так и богословию и священное писание отвергают. Прочего не хочу упоминать, чтобы между всеми святостями священнейшие имена, о которых и воспоминать должно с благоговейнейшим почтением, от замерзания их богодосадительных слов не претерпели какого прикосновения. Таких отчаянных людей, кто иной может привести в чувство? Одна только философия. Она в своей части, называемой естественная богословия¹, не ссылаясь на божественное писание и на свидетельство святых отцев, ложные безбожников возражает мнения и доказательства опровергает и, рассматривая только едину натуру и рассуждая, что само чрез себя ничто не может быть, принуждает их к признанию, что есть некоторое существо, от которого вся тварь бытие и пребывание свое имеет. Но, вспоминая о пользе философии, едва не позабыл я предложить вам и о ее трудности. Сие имя трудность приписывают философии те, которые на нее и издали взглянуть не смеют. Напротив того, пословица гласит, что неусыпный труд все побеждает. Но в чем состоит ее трудность? Мне кажется, в одном только долговременном путешествии, то-есть кто хочет научиться философии, тот должен искать старого Рима², или, яснее сказать, должен пять или больше лет употребить на изучение латинского языка. Какой тяжелый доступ! Но напрасно мы думаем, будто ей столь много латинский язык понравился. Я чаю,

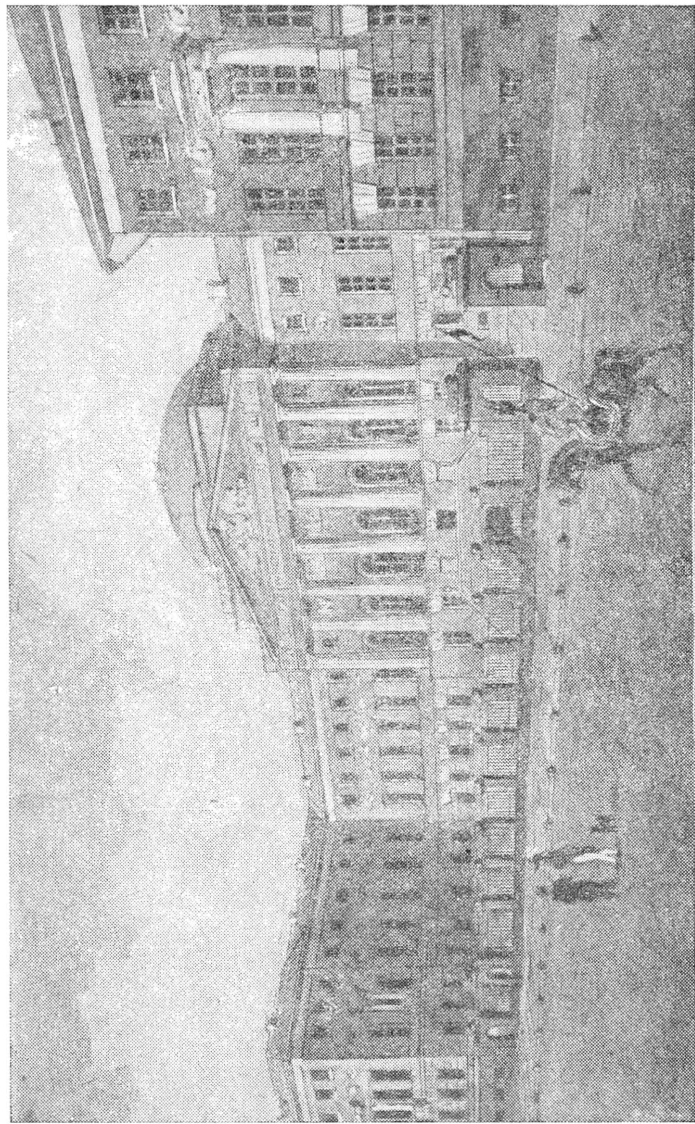
что ей умерших и в прах обратившихся уже римлян разговор довольно наскучил. Она весьма соболезнает, что при первом свидании никто полезнейшими ее советами наслаждаться не может. Дети ее — арифметика, геометрия, механика, астрономия и прочие — с народами разных языков разговаривают, а мать³, странствовавши чрез толикое множество лет по толь многим странам, ни одного языка не научилась! Наука, которая рассуждает о всем, что ни есть в свете, может ли довольствоваться одним римским языком, который, может быть, и десятой части ее разумения не вмещает? Коль далеко простирается ее понятие, в коль многих странах обретаются те вещи, которые ее подвержены рассуждениям, толь многие языки ей приличны. В сем случае всего досаднее то, что прочим наукам, из которых иные и не всякому могут быть полезны, всякий человек на своем языке обучиться может. Напротив того, у философии, которая предписывает общие пути и средства всему человеческому благополучию, никто не может потребовать совета, когда не научится по-латине. Итак, какое философии бесчестие, а нам вред, что всея вселенная учительница будучи, едва малой части обретающегося в свете народа может принести пользу! Век философии не копчился с Римом, она со всеми народами последующих веков на их языке разговаривать не отречется; мы причиняем ей великий стыд и обиду, когда думаем, будто она своих мыслей ни на каком языке истолковать, кроме латинского, не может. Прежде она говорила с греками, из Греции переманили ее римляне, она римский язык переняла весьма в короткое время, и несметною * красотою рассуждала по-римски, как не задолго прежде по-гречески. Не можем ли и мы ожидать подобного успеха в философии, какой получили римляне? Почти равным образом попечение основателей сего университета, ваша, почтенные слушатели, ревность к учению и охота, присокупив и наше, как природных россиян, трудолюбие и доброжелательство о умножении пользы своего отечества, немалую подают к сему надежду. Сверх того и пространство земель, подверженных Российской империи, нас еще

* В тексте «несметною» — повидимому, опечатка. — *Ред.*

больше уверяет и утверждает в сей приятнейшей надежде, ибо римляне не реже от тех самых народов были побеждаемы, которых оружием приводили в свое послушание, и часто в покоренные собою земли ни одним глазом взглянуть не смели. Следовательно, хотя что и было в покоренных им народах достопамятного, однако для подозрительного послушания и беспокойства философии их, усмотреть того было невозможно. Но мы, довольствуясь возлюбленным покоем и надежнейшею тишиною, объемля толь пространные различных народов области в непринужденном послушании, но в искреннем и дружелюбном вспомоществовании, не безопаснейшее ли подадим место философии, где по мере пространства земель многообразные натуры действия любопытству нашему откроятся? Что ж касается до изобилия российского языка, в том перед нами римляне похвалиться не могут. Нет такой мысли, кою бы по-русски изъяснить было невозможно. Что ж до особых надлежащих к философии слов, называемых терминами, в тех нам нечего сомневаться. Римляне по своей силе слова греческие, у коих взяли философию, переводили по-римски, а коих не могли, те просто оставляли. По примеру их то ж и мы учинить можем. У логиков⁴ есть некоторые слова, которые ничего не значат, например: *Barbara, Celarent, Darii*⁵. Однако силу их всякий понимает; таким же образом поступим и мы с греческими и латинскими словами, которые перевести будет трудно; оставя грамматическое рассмотрение, будем только толковать их знаменование и силу, чем мы знания своего не утратим ни перед самими первыми греческими философами; итак, с божиим споспешествованием начнем философию не так, чтобы разумел только один из всей России или несколько человек, но так, чтобы каждый российский язык разумеющий мог удобно ею пользоваться. Одни ли знающие по латине толь понятны и остроумны, что могут понимать философию? Не безвинно ли претерпевают осуждение те, которые для незнания латинского языка почитаются за неспособных к слушанию философии? Не видим ли мы примеру в простых так называемых людях, которые, не слыхавши и об имени латинского языка, одним естественным разумом толь изрядно и благоразумно о вещах

рассуждают, что сами латинщики с почтением им удивляются. Самые отроки могут чрез частое повторение привыкнуть и [к] глубочайшим предложениям, когда они им порядочно и осторожно от учителей внушаемы бывают, только лишь бы на известном языке предлагаемы им были.

Того ради, слушатели, какое вы тщание оказываете теперь, при начале паступающего учения, такое ж и в следующем его течении продолжайте. Трудность в рассуждении благородного и рачительного воспитания есть не что иное, как только пустое имя. Если будет ваша охота и прилежание, то вы скоро можете показать, что и вам от природы даны умы такие ж, какие и тем, которыми целые народы хвалятся; уверьте свет, что Россия больше за поздним началом учения, нежели за бессилием, в число просвещенных народов войти не успела. Что касается до трудности сего учения, то я всю тяжесть на себя принимаю; ежели же снести его буду я не в состоянии, то лучше желаю обессилен быть сею должностию, нежели оставить вас без удовольствия. Но ваше усердие и охота ваша, внешними знаками оказываемая острота обнадеживает меня, что я о тяжести предприемлемого мною дела никогда каяться не буду. Представьте себе, что на вас обратила очи свои Россия; от вас ожидает того плода, которого от сего университета надеется; вы те, которых успехи если будут соответствовать желанию российских добродетелей, то вся ваша надежда, которую вы воображаете в своих мыслях, уже наперед исполнена. Прилежное о вас старание господина куратора⁶ сего университета обнадеживает вас, что вы по окончании трудов и добрых успехов во учении будете своим состоянием весьма довольны. Итак, будучи поощрены и своею ко учению склонностию и сверх того одарены несумненным чаянием чести и награждения, покажите, что вы того достойны, чтоб чрез вас Россия прославления своего во всем свете надеялась.

ЗДАНИЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
Построено в конце 1780-х гг. архитектором М. Ф. Кавалковым.

**ПИСЬМО
О ПОЛЬЗЕ НАУК И О ВОСПИТАНИИ
ВО ОНЫХ ЮНОШЕСТВА**

азличны, меценат! к бессмертию дороги:
Иной, повергнув тьмы людей себе под ноги,
Через раны, через кровь, чрез кучи бледных тел,
Развалины градов, сквозь дым сожженных
сел

Отверз себе мечом путь к вечности кровавый
И с пагубой других достиг бессмертной славы;
Но плач и вопль сирот и стон оставших жен,
Родителей печаль и треск упавших стен
Гремящую трубу их славы заглушает
И ясно проникать в слух смертных воспящает.
Другой, подняв верхи ужасных пирамид
Превыше туч, где ветер и буря не шумит,
Потомству по себе мнит память тем оставить
И имя чудными громадами прославить;
Но многих труд веков, несчетных тысяч пот,
Под тягостию сей вздыхающий народ,
На вечные труды и муки осужденный
И в жертву гордости невинно принесенный,
Мучительскую тем доказывают власть
И самолюбную избличают страсть.
Тот мыслей хитростью и скрытностью советов
И темнотою своих сомнительных ответов
Народов дружбу рвет союзных меж собой

И возмущает их возлюбленный покой,
Чтоб ссорю других своим дать силы боле
И дале расширить отечественно поле:
Надеясь делом сим политиком прослыть
И титло мудрого министра заслужить.
Итак, не истинной прельщаемся хвалою;
Призраком лишь ее и тению пуюю!
Не подлинная нас в делах предводит честь,
Но легкомыслие и хвастовство и лесть;
Нам похвалою то и славою быть мнится,
Коль в нас чему-нибудь простой народ дивится.
Не мог скрыть *Демосфен* веселья своего,
Как женщины «*вот он!*» шептали про него.
Младенца удивить безделицей не трудно:
Пустому может он дивиться безрассудно.
Обманщик знатоком покажется наук,
Как насмеется он глазам проворством рук.
Но паче похвала нас та увеселяет,
Котора у живых вокруг ушей летает.
Что хочешь про меня тихонько рассуждай,
Лишь только во глаза хулой не досаждай.
Аммонов жрец, дары приняв, в уме смеялся,
Когда ответ его правдивым показался
Нехитрому царю¹, что он *Зевесов сын*;
Хоть изо всех богов скончался он един.
Весьма безумен *Крис*², имея столько злата,
Что титла не купил Юпитерова брата.
Скажи про *Юлия*³, что в Риме он тиран,
Что вольность он теснит неправедно граждан;
Но меч в его руке обуздывает слово,
Отцом его признать все общество готово:
Он держит на своих отечество плечах,
Он может лишь один в колеблемых стенах.⁴
Пороки истребить, восстановить законы;
И нет, кроме его, другия обороны.
Но только слух прошел, что *отчества отец*
Достойный получил делам своим конец,
То льва бездушного поверженное тело
Трусливый попирал осел ногами смело.
Уж *отчества отца* тираном стали звать:

Доброты прежние пороками считать.
 Вот как народному вверять себя языку,
 Ласкательным словам, плесканиям и крику,
 Где действует одна надежда или страх,
 Где искренности нет, ни истины в сердцах!

Но что бесстыднее! фортуны обижаем,
 Как власть ее своим советам причисляем:
 Что счастьем сделалось, что случай учинил,
 Величеству своих приписываем сил.
 Лисица петуха всего съесть не успела,
 Как волка близ себя внезапно усмотрела:
 Нарочно для тебя я берегу, дружок;
 С тобою, говорит, последний съем кусок.
 В свою влечем хвалу, хоть наше, хоть чужое:
 И мелочь самую мы больше кажем втрое.

Но много ли таких мы найдем на земле,
 Чтоб честность предпочли напрасной похвале;
 Чтобы имели дух и сердце благородно
 И не смотрели бы на мнение народно;
 Чтоб не прельщались ни суетной хвалой,
 Не оскорблялись бы безумною хулой;
 Чтоб совести одной и правде угождали
 И на бесстрашный бы потомства суд взирали:
 Где злобы, зависти, ниже потачки нет,
 Где малым и большим по выслуге ответ;
 Чтобы держались во всем сего устава,
 Что честь и похвала, величие и слава
 Во добродетельных заслугах состоит,
 С любовью ко своим и прочим без обид;
 Чтоб твердо верили, что все дела честные
 Хоть в жизни хуляются от ненависти злых,
 Иль меньше хвалятся по существу заслуг,
 Но как из брэнного изыдет тела дух,
 Тогда им должная цена постановится
 И мрачным никогда забвеньем не затмится!

Ты к славе, меценат, надежней путь избрал,
 Что мусы возлюбил, что зреть их предприял:
 Обычаем худым, растленной нашей воле
 Чем можно пособить и чем исправить боле?
 Сие осталось едино врачество,

Душевный исцелить недуг и естество.
 Прошли те времена, прошли златые веки,
 Как разумом простым водимы человеки,
 Не ведая наук, незлобие блюли,
 И от неправд себя, как яда, берегли.
 Но в наш несчастный век проклятые пороки
 Взошли на самый верх и степень превысокий:
 И некуда уже взойти выше им;
 То ж будут делать впредь, что мы давно творим.

Имеем от младых ногтей мы свет природный,
 Который нас ведет на путь, блаженству сродный;
 Имеем семена естественных доброт,
 Которы дать могли б плоды своих красот;
 Но вредные людей испорченных примеры,
 И в ложных мнениях погрязши, лицемеры
 Природу нежную младенческих умов,
 Доброту красную естественных даров
 В противну сторону напрасно преклоняют:
 Где был бы красный цвет, там терние возвращают,
 Как взрытая земля, что влагой смягчена,
 Удобно внутрь себя приемлет семена,
 Так ложны мнения, в младый ум впечатленны,
 Нетрудно могут быть надолго вкорененны.
 Когда же пустится их корень в глубину
 И отрасли свои распустит в ширину;
 Когда с годами вдруг чрез возраст укрепится,
 То скоро ли тогда сие искоренится?

Блажен, кто, получив родителей честных,
 Воспитан в строгости обычаев святых,
 Издетска научен знать, хвально что, бесчестно,
 И к честности кому течение известно:
 Сей радость есть отцов, надежда матерей,
 Родства сей красота и честь семьи своей!
 Не игры на уме и не непостоянство,
 Не вкус и шегольство, пирушки и убранство;
 Но польза общества, потомства похвала,
 Чтоб вечность получить чрез славные дела.
 Таков был *Александр*⁵ в свои младые годы,
 Пока не покорила роскошные народы!
 Победы славные и тяжкие труды,

Походы дальние — ученья суть плоды.
 Таков был *Сципион* ⁶ для отчества любви:
 Он в жизни не жалел ни здравия, ни крови;
 Но кто тому виной, что жизнь он презирал?
 Родитель в том его наставил, воспитал.

Опека добрая, прилежное ученье,
 Пример похвальных дел, честное обхождение,
 Незараженное сообществом худым,
 Все может произвести в младенцах, что хотим.
 Сие и добрую природу утверждает
 И склонную ко злу способно исправляет.

Но много ли таких родителей сыскать,
 Чтоб честности детей старались наставлять?
 Неправедным житьем, продерзкими делами
 Дорогу им ко злу показывают сами.
 Когда ты, деньгами обклавшись, дрожишь,
 Полушки нищему одной не уделишь,
 Надеешься ль, чтоб сын не знал к богатству страсти;
 Чтоб бедных искушал из скудости, напасти?
 Когда насильственно обидишь немощных,
 Без всякой жалости смотря на слезы их;
 Когда их образом теснишь бесчеловечным,
 То сын твой будет ли, то зря, мягкосердечным?
 Ты в роскошах уснул, во сладостях погряз,
 Другьям и недругам ты лжешь на всякий час:
 А хочешь, чтоб был сын воздержен и умерен,
 Чтоб тайну сохранял и в слове был бы верен.
 За то же ремесло, за кое и отец,
 Примается и сын, смотря на образец.
 Купеческий сынок смышляет, как взять втрое:
 Смекает, как продать за целое гнилое.
 О картах и дитя с слугами говорит,
 Которого отец над оными сидит.
 Как язва, так пример пороков переходит
 И, заразив отцов, детям болезнь наводит.

В том крепость дивная, божественный в том дух,
 Который, таковы соблазны видя вокруг,
 Но к оным во младых летах не поползнется,
 И от прельщающих приман сих отречется.
 Сей возраст мудрые толь свято люди чтут,

Такою честь ему по правде отдают,
Что дом тот почитать за храм велят священный,
Где отрок есть, в уме еще несовершенный;
И ничего чтобы не делать перед ним,
Что стыдно было б нам соделать пред другим;
И чтобы ничего при нем не говорили,
За что б нас правильно другие осудили.

Язычники нам сей оставили закон.

В какой, о небо! стыд нас всех приводит он,
Что, будучи святой мы верой просвещенны,
Имеем сей закон в забвенье погруженный;
И к службам хитростным приучивая псов,
Наставить не хотим к полезному сынов!
На вас, родители, потребуют отчета,
Что ваших жизнь детей позором стала света,
И что в беспутствах дни свои ведут они,
Причиною тому лишь только вы одни!

Когда кто от детей почтения желает,
Тот «я отец твой!» им всегда напоминает.
Но чем они должны тебе? иль что зрят свет?
Но их испорчен нрав: и свет их сей клянет.
Иль что вскормил ты их, как были малолетны?
И в сем уста твои должны быть безответны:
Природа и закон не только что своих,
Воспитывать велит младенцев и чужих;
И самы варвары к ним не жестокосерды;
И звери лютые ко детям милосерды.
На *Ромулов* с горы и *Ремов* плач сошла
Волчица⁷ и сосцы младенцам подала.
Тогда ты их отец и присный их родитель,
Когда им в детстве был наставник и учитель,
Когда ты разум их ученьем просветил
И к добродетели дороги им открыл,
Без коей самая жизнь мука и досада,
И коя в самых нам несчастьях есть отрада;
Когда их научил зло с благом различать,
Держаться истины, пороков убегать.

Сие родителей о детях небреженье
Чрез собственное ты об оных попеченье
Стараешься теперь исправить, меценат!

Един ты обще всех приял в опеку чад,
Представив мудрый твой совет Петровой дочери⁸:
В Минервин храм⁹ отверз российским детям двери
И случай подал им свой разум просвещать:
Познанием наук себя обогащать.
Бессмертная твоя к отечеству заслуга
Не увядет, пока земного станет круга.
Не на тщеславии основана она,
На пользе истинной людей утверждена:
Россиянам она приятна и полезна,
Похвальна от чужих и варварам любезна.
Сей истинной хвале ничто не повредит;
И зависть оную и злоба подтвердит.
Ни в жизни ты притворств в хвалах не опасайся,
И славы по конце правдивой дожидайся:
Деяньем сим всегда себя увеселяй,
И лучшия хвалы ты в жизни не желай.

[К ПОРТРЕТУ М. В. ЛОМОНОСОВА]

Московский здесь Парнас изобразил витию,
Что чистый слог стихов и прозы ввел в Россию.
Что в Риме Цицерон и что Virgiliй был,
То он один в своем понятии вместил.
Открыл природы храм богатым словом россов —
Пример их остроты в науках Ломоносов.

АНТОН АЛЕКСЕЕВИЧ
БАРСОВ

РЕЧЬ
О ПОЛЬЗЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ПРИ ОТКРЫТИИ
ОНОГО

1755 ГОДА АПРЕЛЯ 26 ДНЯ

чение — все, говорю я, потому что самое слово университет, точно то как вещь в себе заключает, так и именем. Ибо оный не иное что есть, как место, определенное и посвященное наукам и учению; так что назвавши университет его именем, в мысли и понятии представлять должно все собрание потребных в жизни человеческой наук, весь круг просвещающего разум учения. Не довольно ль краткого сего изъяснения к уверению всякого о пользе учреждения сего университета, ежели бы только мог кто о том сомневаться? Ибо не видно ль, что оная столько ж далеко простирается, сколько польза самых наук и самого учения? Разве кто и о сем сомневаться мог бы? Но я толь преобидного роду человеческому и самому человечеству рассуждения ни в ком найти не уповаю; наипаче удостоверен, что всякий имеет естеством всяянное и вложенное доброе мнение о науках и почтение к учению; и что всякий приносимую оным всему человеческому обществу пользу, без сомнения, признавает; что видеть можно и в тех, кои, не имея сами в науках участия, в других превозносят оные похвалами и удивлением своим показывают, коль они блаженными почитают тех, коих разум освещен учением.

Но вопрошается: какая бы точно была толь знатная и великая польза, изливаемая на нас от наук, для которой

любовь и почтение к учению как бы рождены с нами и возвращены быть кажутся? Чтоб сей вопрос пристойным удовольствием ответить, то надлежит рассмотреть, на какой мы конец всемогущим и всеблагим творцем нашим созданы и в свет сей произведены; о чем столько мы и естеством научены и особливо неложным божним словом удостоверены, что едва кто найдется, кто б не исповедал, что мы, с одной стороны, ко всемогущей власти творца нашего созданы так, как и весь сей свет и все прочие твари, к славе и прославлению его самого; а с другой, по неизреченной оного ж создателя благодати, к собственному нашему благополучию, для которого мы из разумной и благою волю имеющей души и хитросложенного тела составлены и для которого нам толь многие даны и сообщены душевные и телесные силы и дарования, свойства и склонности. И сия то есть причина оного безмерного и бессмертного нашего желания и старания о благополучии, которым все наши мысли объаты и все действия заняты, которого мы непрестанно ищем, но редко оное находим: так что родившись к крайнему благополучию, нередко почитаем себя осужденными ко всегдашнему злополучию. Что ж так? и для чего? Не ты ли говорил, что естество наше от бесконечной всевышнего благодати одарено душою разумною и имеющею волю к добру преклонную? Но было, было то время, что разум наш доволен был к совершенному познанию нашего благополучия и воля послушна была без упорства разуму и самое благополучие в руках наших находилось! Ныне же, оным преступлением праотца нашего, оным оскорблением божиего благоутробия, оным громким падением высоты естества нашего лишены мы толиких преимуществ, и едва не обнажены конечно. Ибо разумная души наша сила коль ныне немощна и воля коль развращенна, кто не чувствует? Уже мы не знаем ни самого благополучия нашего, в чем оное состоит, ни пути, который к оному нас довести может, ни средств, чрез которые оное достигается: обманываемся в представлении истинного добра, обманываемся в избрании принадлежащих к получению оного способов, и во всем к оному шествии своем заблуждаем и запинаемся. Коль неописанная бедность сия наша, кто не ощущает с жалостию? и кто не признает, не говоря уже полезною, но

нужною, необходимою и спасительною той вещи, которая бы в состоянии была, если несовершенно, что в сей жизни невозможно, то хотя отчасти, наградить сей урон и возвратить нам естество наше, возвратит нас естеству нашему? А сие неоцененное сокровище где можем мы инде обрести, как токмо в науках, которые к тому единственно все склоняются, чтоб, сколько при сей слабости и растлении естества нашего возможно, учинить нас совершенными и благополучными?

Но как учение столько многократно и науки столько многообразны, сколько естество вещей, им подлежащих, многообразно: то видите, высокопочтеннейшие слушатели, коль продолжительна и с краткостию времени несходна, и терпеливости вашей затрудительна речь моя учинилась бы, ежели бы я предпринял каждой науки порознь исчислять пользы. Чего ради позволено мне будет об одной только философии, и то в краткости, упомянуть: тем паиначе, что то ж разумеется может и о прочих науках, которые все к философии некоторым образом принадлежать могут, поелику она имеет власть рассуждать о всех без изъятия вещах по их причинам, то-есть поелику она рассматривает союз и соединение причин с действиями. И, во-первых, на какой она конец и в сем самом трудится? Без сомнения, для того, чтоб узнать, что может причиною быть нашего благополучия и отчего оное как действие последовать может? Притом философия приобучает разум к твердому познанию истины, чтоб оный напоследок знать мог, в чем наше истинное благополучие заключается; испытует неиспытанное естество божие, рассматривает силы и свойства наших душ и из того определяет наши должности в рассуждении творца нашего, в рассуждении населяющих с нами землю человеков, в рассуждении высших, низших, равных, своих, чужих, кровных, знаемых, приятелей и неприятелей. Сие же для того, что исполнение оных должностей приносит нам благополучие: так как исследованием телесных свойств равномерно способствует она к нашему благополучию. Ибо и самые окружающие нас тела и силы их служат нашему телу как к сохранению здравия в целости и к возвращению оного в целость, так и к другим потребам и удовольствиям...

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ
АНИЧКОВ.

РАССУЖДЕНИЕ
ИЗ НАТУРАЛЬНОЙ БОГОСЛОВИИ
О НАЧАЛЕ И ПРОИСШЕСТВИИ
НАТУРАЛЬНОГО БОГОПОЧИТАНИЯ,
КОТОРОЕ... НА РАССМОТРЕНИЕ ПРЕДЛАГАЕТ
ФИЛОСОФИИ И СВОБОДНЫХ НАУК МАГИСТР
ДМИТРИЙ АНИЧКОВ
1769 ГОДА АВГУСТА... ДНЯ

Ваше, почтеннейшие члены! щедрое представительство в моем деле, равномерно как и ваше единодушное избрание меня в показанное звание суть такие благодеяния, за которые обязуюсь я доказать себя на сем месте благодарным и достойным вашего обо мне благоприятного мнения. Ибо если я столько могу похвалиться, что под вашим единственным руководством успел и, вашим будучи, так сказать, воспитанником, к участию равномерно ныне с вами удостоиваюсь, то сколько такое попечительное и сердцам вашим природное добротворство служит к украшению наших времен и сколько оное имени вашему делает чести и учащимся придает ободрения, о том сами рассуждайте. Нынешнее ваше всегдашнее к тому желание и стремление, чтоб насадить и распространить сей наук вертоград собственными плодами и доказать оный свету собственным ваших рук делом, преобразится вашим преемником в подобное желание и стремление, от чего напоследок произойдет в потомках всероссийская ревность и любовь к наполнению училищ достойными и совершеннейшими предводителями природными. И я нимало не сомневаюсь, что вы сему посильному моему рассуждению, как произростшему от вас плоду, столько же отдадите уважения по благоприятству ко мне, сколько вы уже обыкли отдавать и всякому свое по истине и справедливости.

Впрочем, никто, разве мой недоброхот и завистник вышающемуся под вашим предводительством учащемуся юношеству, не может против предприятого мною рассуждения восстать с клеветой или с поношением, но, напротив того, я еще уверен, что всяк сделает мне в сем случае всякое снисхождение и своими на оное благоразумными возражениями поправит мою мысль неукоризненно, если только без пристрастия взойдет в подробность моего винословия и рассудит неудобность оного по точным причинам и обстоятельствам народным.

По точным причинам исследовать происшествие натурального богопочитания и боготворения есть не иное что, как учинить такое испытание природы и души человеческой, которая по своим непостижимым и часто сокровенным от разума действиям заводит испытателей своих в невыходимый лабиринт. Ибо откуда то рождается, что иной облаку безводному и восходящей в превыспренных местах туче всякое благоговение воссылает со трепетом, когда, напротив того, другой, ставши на холме с жезлом железным¹, ругается смертоносной молнии и презирает колеблющий звуком небеса и землю гром*.

Каким образом мучимый под плугом в пределах знойных вол и закалаемый в жертву тучный телец получали себе златое изваяние, олтари и жертву у народов**? Почему другие премногие, пресмыкающиеся на чреве, противные воззрению человеческому твари и прозябающие на поверхности земной зелия в лик небесных причтены? И, наконец, каким побуждением человечество и все, что наидражайшим

* По нынешним опытам, учиненным над электрическою силою, узвано, что ударяющая молния на человека, держащегося рукою за железо, не может вредить, хотя бы железо и растопилось в его руке, ежели только оное будет такой прут или шест, который бы одним концом водружен был в землю, а другим на аршин выше головы его стоял.

** Когда узнает вол, почто в весенний зной
Под плугом мучится для пользы он чужой,
Иль будучи включен в египетские боги
И лавром увенчан, приемлет жертвы многи,
Тогда уже и мы возможем то понять,
Почто творец судил такими нас создать.

(См. Попа «Опыт о человеке», письмо 1, стр. 6.) [Перевод Поповского, 1757.]

почиталось в человечестве, принуждено было страдать в угождение рукотворенному божеству? Утвержденных ныне в православном исповедании греков праотцы, от которых Европа получила просвещение, девиц и юнош в жертву приносили идолам. Невест, каких только на услаждение мыслей человеческих истинный бог и натура в супружество даруют, афиняне на олтаре закалали. О! сколь несчастный тот жених, который в их отечестве среди богатств, красот и убранства в чертоге испещрен сидел, ждущий пришествия невесты как исполнения всем своим желаньям, когда веденная к нему на брак и сопряженная уже душою и единомыслием непорочная дочь, на середине и наверху подобных ему желаний, внезапно горестное составляет позорище отводится, и будучи к жениху всеожженная любовью, в свирепом, как перо, огне вдруг всеожигается телом и пред глазами родительскими за мнимое благополучие морской греческой силы. Толико зол могло воспричинствовать суеверие! вопиет римский стихотворец *. Но что? одна ли Греция такого заблуждения и суеверия была пример? Египет и Иудея, от которых напоследок вселенныя вождь и великого совета ангел произыде и от которых всем истинный свет воссиял, были издревле источники всякого многобожия; и в сих странах обитающие народы не только животных, но и самое былие травное боголепно почитали **. А когда народы, просвещенные учением и имеющие притом самого бога издревле предводителем во всем, подвержены были толикому заблуждению, то в каком суеверии и богонеистовстве должны закосневать варварские народы, на которых еще ни учения, ни благодати божией свет не воссиял?

Сие в тонкость исследовать с показанием точных причин многобожия, у разных народов почитаемого, есть дело не

* См. *Лукреций*, О натуре вещей, кн. 4, стих 102. [Стих 101.]

** См. *Ювенал*, Сатира 15, О суеверии египтян.

«O sanctas gentes! quibus haec nascuntur in hortis numinal» Сие самое г. Ломоносов на российском языке изобразил следующим образом:

...Коль святы те народы,
у коих полны все богами огороды!

(См. *Ломоносов*, Риторика, стр. 134.)

одного меня, но многих ученейших мужей; и хотя не должно сомневаться о том, что нынешний ученый свет довольно в состоянии удовольствоваться и во всем почти любопытство человеческое, однако в таком испытании натуры человеческой не меньшая еще предлежит опасность и от неугождения по мыслям человеческим. Для предупреждения от такого приключения я должен здесь напомнить о некоторых предосторожностях, какие наблюдать прилично по времени и по вкусу народному, дабы в противном случае какой-либо суевер не почел моего рассуждения о толь странных души действиях соблазнительным. Сия опасность многих полезных писателей перо преобратила в собственный им страх и трепет. Но мы видим из истории, сколь великое в том неблагополучие рода человеческого, что те самые, которые назывались проповедниками повелений небесных, толкователями божества и во всем не иными, как богомудрыми богословами², неоднократно доказывали себя наипаснейшими роду человеческому и столько же вредными обществу, сколько они были неясны и непостоянны в своем учении, и которые, сверх того, имели еще сердце, столько наполненное ядом и гордостью, сколько они в доброй душе и истине пусты были. Европе известно, сколько раз они силились привести вселенную во замешательство и заставляли целые государства принимать оружие и пламень на защищение их чести и здорных мыслей. Всякий благоразумный человек, который не держался неосновательного их мнения, почитался безбожником, и всякий вельможа, который безмерно их не жаловал, проклинаям и от церкви ими отлучаем был, кратко сказать: по несправедливости рассуждений в своей богословии они мучили людей и истребляли знатных и ученых мужей за дела, за которые одному токмо богу оставалось их судить. Блаженны россов предки, что до их пределов не доходило такое коварное учение и враждебное исповедание веры, за которое в одну ночь по тридцати тысяч народа пропададо! *

* Такое кропопролитие, навеки попопительное, случилось у французов в Париже 1572 года, августа 24 дня, в ночь на память с[вятого] *Варфоломея*, которая потому и называется *nox cruenta* [кровавая ночь]. К сему празднику в Париж по наущению иезуи-

Но несказанно, блаженнейшие мы их потомки, что в наши времена владычествует и обладает нами премудрая, трудолюбивая и милосердая Екатерина, при которой мы можем, не выходя за предел благопристойности, несоблазнительно открывать свои мысли и можем свободно доказывать, в чем истинное богочитание и в чем прямое блаженство каждого и всех состоит. Такими наслаждаясь благоприятными выгодами и сохраняя притом православное исповедание веры, я приступаю теперь к моему рассуждению, и моя должность состоит в том, чтоб показать причины, какие были побуждением у народов к богочитанию и боготворению, с некоторым примечанием о многобожии и о разном преуспевании народов в разном исповедании веры.

Итак, во-первых, надлежит нам утвердить свои мысли в том, что нет почти ни одного из знатных действий человеческих такого, которое бы не имело своей побудительной причины, и нет притом ни одного средства, по которому бы можно было отличать единственные действий человеческих причины от содействующих совокупно с единственными. В физических и неодушевленных телах причины скорее познаются и удобнее различаются одни от других; напротив того, причины душевных действий иногда случаются столько содействующими в одной, что ни под каким видом не можно бывает узнать, которой из них должно приписывать больше действия; а иные из сих нередко бывают и такого непостижимого свойства, что в тот же час, как начинаем примечать оные, перестаем и чувствовать действие

тов приглашены были все протестанты, называемые *гугеноты*, как на день бракосочетания прищессы Маргариты, тогдашнего короля французского Карла IX сестры, идущей в супружество за короля Наваррского. Десять тысяч людей православного исповедания побито было старанием оных иезуитов в ту ночь в одном Париже, а двадцать тысяч по разным местам французского государства, и в память такого варварского заклания и бесчеловечия сделана была медаль, изображающая на одной стороне короля, сидящего на троне и попирающего ногами кровавый труп человеческий с девизом: *virtus in rebelles* [беспошадность к мятежникам], а с другой стороны герб увенчан между двумя столбами с девизом же: *pietas excitavit iustitiam* [милосердие вызвало правосудие]. 24 August 1572 (см. *Rapin, L'histoire*, кв. 2, стр. 102) [*Рапен*, История].

их. В доказательство сего возьми всяк, например, человека воспаленного гневом, который, сколько бы ни старался заподлинно узнать, от чего точно в нем дух приходит в такое тревожение, когда во гневе, не может ни видеть самого себя, ни чувствовать разгневанным, но токмо испра- тующим гнев, потому что в нем и дух, как скоро прекра- тится гнев, совсем другим чувством объят бывает, и на- меряемый им опыт, наконец, бесплодным остается *. С другой стороны, если возьмем в рассуждение любовь и пристрастие как содействующие причины в одном человеке, то и в таком случае не можем мы сказать, которая из сих больше наводит человека, и утверждать, что один чело- век любит другого потому, что он пристрастен к нему, будет точно обоюдное об нем утверждение. Равным образом, если возьмем пример из политических причин, то и в таком случае не можем точно определить, от роскоши ли больше, или от безмерной обширности во владении римляне пришли в упадок, ибо как та, так и другая из сих причин действо- вали совокупно, когда правление римское преклонялось к падению и разорению. Почему и я заблаговременно дол- жен уведомить, что и натурального богопочитания при- чины, какие намерен я здесь показать, суть такого же свой- ства, то-есть содействующие, а не единственные, и глав- нейшими из оных могут почтены быть *страх, привидение и удивление*.

I

СТРАХ

Чтоб доказать происшествие богопочитания и боготво- рения от страха, привидения и удивления, то надобно, во-первых, знать, каким образом натурально человек доходит до понятия о высшем существе? И для такого наме- рения следует принять в рассуждение оные первоначаль-

* Такой опыт могут делать над собою люди горячего и вспль- чивого сложения, и оный столько же им полезен будет, сколько и азбука, которую древние советовали читать неумеренным во глесе.

ных и варварских народов состояния, в которых непросвещенным людям чинов положения почти не известны были, а как скоро являться начали, то больше примечаемы и увеличиваемы быть стали простым народом. Опыт, притом и долговременная жизнь в такие времена и у таких народов обыкновенно бывают одними источниками всякого знания и премудрости; того ради положим, например, что в одном из таких первоначальных семействе *, или обществе, окажется сперва человек приметным и отменным в знании по причине долговременного его жития и обращения в свете, то такого человека знание молодым и необращавшимся в свете натурально покажется ужасным и необыкновенным, так что они от такого новоявленного в человеке превосходного знания будут приходиться в изумление и недоумение и по той причине будут отдавать одному такому человеку всякую честь и поклонение со всяким раболепством и трепетом. Но положим, например, что вскоре за таким мудрецом в семействе, или обществе, появится еще какой герой ** и что сей последний в состоянии поднять камень, которого трое или четверо и с места тронуть не могут, и что он один победил неприятеля, которому многие противостоять не могли. Сии два прежде невиданные примеры всеконечно подадут невежественным народам ужасное понятие о силе и премудрости, несравняемой с смертных силами и премудростию. После сих двух, то-есть силы и премудрости, примеров, ежели и еще покажется непросвещенным какое третье действие, которое ниже силою, ниже премудростию, но некоторым неизвестным им манием соделано, то они, имея уже понятие о сильном и премудром существе, без сомнения, могут заключить, что еще есть и третье,

* Семействами, или обществами, как кто хочет называй, напредь сего почитались такие первоначальные гражданства, и такими можно оные понимать, какие были колена иудейские, семья Авраамово, семья Исааково и проч., которые общества и священная история доказывает не иными, как семействами, состоящими из одноземцев и однофамильцев.

** Странствовавшие в американских и африканских селениях сказывают, что такие герои обыкновенно бывают у них государями и почитаются как некоторое божество, на которых, когда они кушают, народ не смеет взирать, но, упавши ниц на землю, пред оными лежит.

превосходнейшее, нежели два первые, существо. Таким образом, показав степенно восходящее первоначальных народов понятие о высшем существе, нам нетрудно будет доказать, сколько натурально невежественные народы от страха, привидения и от удивления делают себе премножество разных богов из всякого непостижимого явления, собою происходя в натуре. Ибо известно уже из истории варварских народов и довольными примерами засвидетельствовано, что дикие народы в знании вещей почти немногим превосходят животных, от которых они, живучи в натуральном состоянии, и сами еще научаются многому *. Известно ж притом и сие, сколько в превыспренних и преисподних природы пределах случается чудовищ, страшилищ и смертоносных явлений, каких и ныне простой народ, не понимая, как от неприятных, крестообразно защищается; следовательно, человек, которого натура от рождения бессмысленным и страдательным в такие бедственные ввергает обстоятельства, не может не подверженным быть великому заблуждению и не может на ужасное, необыкновенное и непостижимое, в натуре собою происходящее, инако взирать, как только со трепетом и восхищением всегдашним. Порывчивое в нем воображение, как необузданный конь, стремится с преткновением на все и влечет без разума повсюду рассыпанные его мысли в черную тень страшных дум; спаситель — разум сих не может успевать за оными, но оставляет все мыслей смертного строение на зыблющемся непрестанно основании, почему оставленное без такого надзирателя и восхищенное страхом воображение представляет непросвещенному и слабому человеку всякую вещь в страшном виде, отчего он наподобие зверя дичится, ужасается и трепещет и думает, что во всяком встречающемся с его чувствами предмете присутствует некоторое невидимое существо, вооружающее всю тварь и всякую вещь против него. Шумящий от ветра в ночи куст и трясущееся листвию дерево представляется ему некоторым неприятным духом; сверкнувшая и упавшая с высоты на землю молния кажется ему оным небесным путем,

* Например, употребление лекарств, по признанию самих врачей, взято от животных.

по которому некоторый всеильный Юпитер с своим ужасным воинством скорее мыслей человеческих летает; отзывающийся в недрах земных треск и исходящий из тучных гор пламень приводят ему на мысль негодование преисподних богов; восходящие из глубины морской с сверкающими чешуями чудовища наводят на него новый ужас и в изумлении представляются ему новым и в бездне обитающим божеством. Кратко сказать: от страха у непросвещенных народов произошли богами Юпитер, Сатурн, Марс, Нептун, сатиры и премоножество других небесных и преисподних богов. И что подлинно страх и воображение были первые источники толикого многобожия, тому неоспоримым доказательством суть оставшиеся и донныне находящиеся языческих богов изваяния и изображения, из которых многие точно начертаемы и вырезываемы были предзнаменовательно изображающими действия, к единственному их благоволению принадлежащие, какими и ныне пишутся Церес, Диана, Минерва, Венера, Купидон, Бахус и подобные сим. Однако почему у них сатиры, то-есть лешие, изображались в половину человеком и в половину скотом, и кто подал понятие смертному о черном демоне в такой ужасной и скаредной ипостаси с багровым носом, с рогами и с хвостом? * Сии и подобные сим мнимые существа суть

- * Вперило людям в ум, что с молнией всегда
Снисходят боги к нам от горних мест сюта;
Когда ж рассядется земля, то все чудища
К нам идут в скважины из адского жилища;
Что есть на небесах веселія места,
Что под землю страх, печаль и теснота,
Страх выдумал бесов и к ним приставил рога.

См. «Опыт о человеке», г. Попа, письмо 3, стр. 49: см. также Лукреция, кн. 5, стих 1160 и след., той же книги стих 1216 и след., кн. 6, стих 49 и след., и Овидия «Письма героические» XIII, стих 150, где изображено следующее:

Nunc quae causa deum per magnas numina gentis
Pervulgarit et ararum compleverit urbis
Suscipiendaque curarit sollemnia sacra,
Quae nunc in magnis florent sacra rebu'locisque,
Unde etiam nunc est mortalibus insitus horror
Qui delubra deum nova toto suscitât orbi
Terrarum et festis cogit celebrare diebus...

(Lucretius, lib. 5, ver. 1161 et seq.)

дело воображения, произведенного внезапным и великим страхом, который во многих, а особливо в слабых, примечается столь сильно действующим и насилующим самую природу, что иногда действительно переменяет и самое зренис натуральное в человеке. Внезапно воскипевшее от страха в артериях кровообращение и сильное притом случившееся биение сердца, соединенное с ужасным трепетанием всего тела, довольно в состоянии воспричинствовать в оптических нервах такую перемену, от которой и глаза человеческие не могут представлять являемых во время страха вещей, в собственном и натуральном их виде. Разум в таком случае уступает сам воображению и, будучи сим преодолен, признает за существо, какого, кроме как токмо в мыслях человеческих, нигде в натуре не обретается. В таких обстоятельствах находясь, человек, то-есть будучи обладаемый во время страха воображением, и окружаемый отовсюда различными явлениями, удобно может наконец уверен быть, что и на всяком месте, где только такие странные натуры действия случаются, присутствует некоторое невидимое и вышнее существо, которого силою вся совер-

[Ну, а причину того, что богов почитанье в народах Распространилось везде, города алтарями наполнив, И учредился обряд торжественных богослужений, Ныне в особых местах, совершаемых в случаях важных, Также откуда теперь еще в смертных внедрен этот ужас, Что воздвигает богам всё новые капища всюду На протяженьи земли и по праздникам их наполняет... (Лукреций, О природе вещей, изд. Академии наук СССР, перевод Ф. А. Петровского, М. 1946, кн. 5, стихи 1161—1167, стр. 349.)]

Praeterea cui non animus formidine divum
Contrahitur, cui non correpunt membra pavore,
Fulminis horribili cum plaga torrida tellus
Contremit et magnum percurrunt murmura caelum?

(Lucretius, lib. 5, ver. 1218 et seqq.)

[Иль у кого же тогда не спирает дыхания ужас
Пред божеством, у кого не сжимаются члены в испуге,
Как сдрогнется земля, опаленная страшным ударом
Молнии, а небо кругом огласят громовые раскаты?

(Лукреций, цит. изд., кн. 5, стихи 1218—1221, стр. 353.)]

Cetera quae fieri in terris caeloque tuentur
Mortales, pavidis cum pendent mentibus aequae,
Et faciunt animos humilis formidine divum

наются * и которому он, как высшему смертных, принужден молиться и почитать оное боголепно, дабы в противном случае оное ему не вредило и, призываемое в молитве, благодетельствовало. Итак, от страха, во-первых, произошло многобожие, и страх первых в свете произвел богов **.

Depressosque premunt ad terram propterea quod
Ignorantia causarum conferre deorum
Cogit ad imperium res et concedere regnum.

(*Lucretius*, lib. 6, ver. 50 et seqq.)

[Всё остальное, что здесь на земле созерцают и в небе
Смертные, часто притом ощущая и страх и смущенье,
Дух принижает у них от ужаса перед богами
И заставляет к земле поникать головой, потому что
В полном незнании причины вынуждаются люди ко власти
Вышних богов прибегать, уступая им царство над миром.

(*Лукреций*, цит. изд., кн. 6, стихи 50—55, стр. 371.)]

... nos anxius omnia cogit,
quae possunt fieri, facta putare timor.

(*Ovidius*, Epist. XIII, Heroid., ver. 150.)

[... мы страшным все представляем,
Что может произойти, и происшедшее внушает страх.

(*Овидий*, Героиды, письмо XIII, стих 150.)]

- * Quippe ita formido mortalis continet omnis,
Quod multa in terris fieri caeloque tuentur
Quorum operum causas nulla ratione videre
Possunt ac fieri divino numine rentur.

(Vid. *Lucretius*, lib. I, ver. 151 et seqq.)

[И оттого только страх всех смертных объемлет, что много
Видят явлений они на земле и на небе нередко,
Которых причины никак усмотреть и понять не умеют,
И полагают, что всё это божьим веленьем творится.

(*Лукреций*, цит. изд., кн. 1, стихи 151—154, стр. 15.)]

- ** Primos in orbe deos fecit timor ardua caelo
fulmina cum caderent, discuss' quae maenia flammis,
atque ictus flagraret athos.

(Vid. *Petronius*.)

[Первых всюду богов делает страх, небесная высь,
Падающие молнии, землетрясения и пылающий огонь,
Также извержение огнедышащей горы.

(См. *Петрония*.)]

II

ПРИВИДЕНИЕ *

Но только ли что страхом и одним воображением многобожие языческое совершается? Никак. Ибо за одним качеством души следует другое, и воображение, однажды

* Через привидение я разумею здесь невещественные образы, какими у древних назывались *ideae, phantasmata, simulacra et imagines rerum* [идеи, сказки, призраки и привидения].

Nunc agere incipiam tibi, quod vehementer ad has res
Attinet, esse ea quae rerum simulacra vocamus;
Quae, quasi membranae summo de corpore rerum
Dereptae, volitant ultroque citroque per auras,
Atque eadem nobis vigilantibus obvia mentis
Terrificant atque in somnis, cum saepe figuras
Contuimur miras simulacraque luce carentum,
Quae nos horrifice languentis saepe sopore
Excierunt...

(Vid. *Lucretius*, De rerum natura, lib. 4, ver. 29 et seqq.)

[Я приступаю к тому, что тесно сюда примыкает. Есть у вещей то, что мы за призраки их почитаем; Тонкой подобно плеве, от поверхности тел отделяясь, В воздухе реют они, летая во всех направлениях. Эти же призраки, нам представляясь, в испуг повергают Нас наяву и во сне, когда часто мы видим фигуры Странных призраков тех, кто лишен лицемерия света; В ужасе мы ото сна пробуждаемся, их увидавши.

(*Лукреций*, цит. изд., кн. 4, стихи 29—36, стр. 209.)]

Cuius, uti memoro, rei simulacrum et imago
Ante oculos semper nobis versatur et instat.

(Idem, lib. 2, ver. 112 et 113.)

[Образ того, что сейчас описано мной, и явление Это пред нами всегда и на наших глазах происходит.

(Там же, книга 2, стихи 112—113, стр. 79.)]

Nam veluti pueri trepidant atque omnia caecis
In tenebris metuunt, sic nos in luce timemus
Interdum, nilo quae sunt metuenda magis quam
Quae pueri in tenebris pavitant finguntque futura.

(Idem, lib. 3, ver. 87—90.)

[Ибо, как в мрачных потемках дрожат и пугаются дети, Так же и мы, среди белого дня, опасаемся часто Тех предметов, каких бояться не более надо, Чем того, чего ждут и пугаются дети в потемках.

(Там же, кн. 3, стихи 87—90, стр. 149.)]

вперив в голову особливо что-либо странное и необыкновенное, навсегда предает оное памяти, которая при встречающихся подобных прежде бывшим случаям и местах возобновляет все то, что тревожило человека прежде за несколько лет. Отчего и страх, однажды вперенный в ум, напоследок бывает налогом природе человеческой. Истинно удивления достойно, что те самые качества, которыми смертный превышает прочих животных и уподобляется вышнему, служат иногда столько же к пагубе, сколько и к совершенству человеческого существа. Одни мысли рождают в нас другие, а как первые, так и последние, питая наши души, прекращают у нас жизнь. Геройских мыслей сила, стоик отваживался в глубокой древности доказать себя непоколебимым против всех неприязненных нашему существу помышлений *; однако всеу все такое было его сопротивление против природы, и может статья, что до такого величества души никто еще из смертных не достиг и не достигнет никогда. Мы чувствуем ежечасно, сколь трудно нам бороться со страстями, сколь неудобно сопротивляться порывчивому воображению и сколь не в силах мы выгнать из памяти, что иногда и по пустому воображению в нее вселяется. И, напротив того, у нас есть больше охоты и склонности к воспоминанию того, что больше нам странным и неприязненным однажды показалось. Когда ж сие действительно и ежечасно с нами случается, а притом и в такие веки, в которые столько уже средств против худых воображений и против несправедливых рассуждений изыскано, — то какому беспокойству души и какому заблуждению в мыслях должны подвержены быть народы, которые для своей скудости ума едва ли еще в состоянии и два отличить от трех. В таком недостатке разума человек действительно принимает за истинное существо, что только

* Стоики утверждали, что не должно человеку и в самых крайностях унывать духом, но надлежит стараться с посильным напряжением, чтоб не доходить до крайностей; при котором напряжении, если не удастся преодолеть все крайности, то тогда уже и все злополучие должно почитать за ничто, хотя бы от оногo последовало потеряние жизни, фамилии или и целого государства разорение. Словом: для стоиков смерть — копейка, голова — нажитое дело, и все бездела.

есть мечта и одно привидение*. И сие приняв, во-первых, в мысли своей за истинное, после старается хотя простыми, но токмо усердными изобразить начертаниями и предать оные потомкам от рода в род, и на множество веков так, что напоследок ни строгость философии, ни твердость разума, и ниже самое премудрое правление сего богонеиущества прекрагить не может. Ибо невежды и непросвещенные действительно услаждаются такими заблуждениями и, придумывая привидения на привидение, умножают и увеличивают многобожие и свое богонеиущество. Ныне всяк довольно уверен, что Юпитера и подобных сему никто руками в самом деле никогда не осязал; однако та же мечта и привидение, которые вскоре, по представлении его в мыслях, и невидимым человеку делают, побудили смертного употребить руки и разум к изваянию и начертанию одного с находящимся в руке его множеством молний и с другими ему приписанными принадлежностями. В православном исповедании нигде не сказано, какой точно и где находится для праведных рай, а для грешных ад; о первом и сам апостол утверждает, что оный есть такое жилище, какого еще око смертных не видало, ухо не слыхало и которое на сердце человеку еще никогда не всходило. О втором же Златоуст, когда его спрашивали, говорил, что и ведать не нужно, где и каков есть точно ад, а советовал только всячески стараться, чтоб не попасться никому в оный. Однако многие суть и в христианстве столько богонеистовые, которые нас клятвенно и ныне уверяют, что они, особливо в недугах, действительно видели рай и ад и что первый представлялся им прекраснейшим садом, преисполненным веселия, а другой преужасным котлом, клокочущим несгораемую некоею

* Sed quaedam simulacra modis pallentia miris;
Unde sibi exortam semper florentis Homeri
Commemorat speciem...

(Vid. *Lucretius*, De rerum natura, lib. 1, ver. 123 et seqq.)

[Но только призраки их удивительно бледного вида.
Он говорит, что ему появился оттуда Гомера
Вечно цветущего лик...

(*Лукреций*, там же, кн. 1, стихи 123—125, стр. 13.)]

жирною материею, и что они при всем таком привидении, будучи с душою и телом на сем жилище, видели бога, которого они и в гадании не познают, лицом к лицу, и дьяволов также. Равным образом и из древних никто действительно, разве только одними мыслями, не снисходил в преисподние тартара жилища и не бывал на Елисейских полях, однако предания сих учат, что и в их тартаре есть печаль и теснота, а в раю веселые и пространные уготованы места. И хотя многие мифологи толкуют все языческое многобожие другим образом, однако с большею вероятностью можно утверждать, что оное все происходило просто от мечты, привидения и от великого суеверных углубления и закоснения в таких мыслях. Из сего всякому нетрудно догадаться, коликому бы неблагополучию род человеческий подвержен был, ежели бы, по прошествии болезни, вскоре забвению предаваемы не были оные невещественные и ужасные привидения, от которых одержимые сильными горячками столько мучатся. Отсюда также можно видеть, сколь нечеловечески поступают те, которые малолетным отрокам дозволяют читать и сами рассказывают о демонах, о леших и о прочих страшилищах. Ибо от таких нечувствительно вкрадывающихся в младенческие мысли идей нежное отрочество страждет безмерно *. От сих також старые напрасно мучатся и, одержимые болезнями, сугубо претерпевают. Словом: от невещественных привидений больше суеверия, многобожия и зла рождается в свете, нежели от каких других причин.

* Когда младенца плачущего чем-нибудь страшным унимают, напоминая ему то, чего уже он и сам ужасается, то сие иногда с таким успехом совершается, что, и пришедши в возраст, ребенок не смеет ночью выйти один из покоев и, будучи наполнен и напуган такими страшными идеями, иногда и апоплектическим ударом поражается, что, может статься, в самом деле то же самое есть, что простые говорят, будто бы в то время некий родимец бьет ребят, при котором приключении если в скорости не будет употреблена такая предосторожность, чтоб закутать ребенка и скрыть его от света, то он по смерть сумасшедшим останется. О сем медики основательнее, нежели я, могут рассуждать. Впрочем, опытом сей премудрости наученный простой народ и такое средство в таких припадках с великим успехом употребляет.

III

УДИВЛЕНИЕ

Что варварские и непросвещенные народы иногда и от удивления к необыкновенным качествам человеческим боготворят подобных себе смертных, о том почти и сомневаться не можно. И сие самое хотя я уже несколько и изъяснил двумя примерами премудрого и сильного существа, однако надобно еще пространнее доказать, в каких обстоятельствах и в рассуждении каких наипаче качеств человеческих и вещей непросвещенные восхищаются удивлением и по причине оного богонеистовствуют. Обстоятельства народные кроме других примет могут быть нам известными наипаче по натуральному и приобретенному состоянию. Ибо в натуральном состоянии, то³-есть когда народы скитаются в лесах, степях и по горам рассыпанные без утвержденного жилища, во-первых, телесные качества, примеченные в человеке, боголепно почитаются превосходными, потому что у таких народов силою и огромным тела движением все почти совершается, а не острою разума и прозорливостию, и такие качества служат им премного при всяких встречающихся случаях, как, например, на войне, на ловле и во всяких важных предприятнях. Следовательно тот, который превосходил всех сверстников в силах и оными совершал великие чудодействия, натурально привлекал на себя взор всех зрителей. Непросвещенные зрители в таких обстоятельствах, то-есть от безмерного толикому героя могуществу и силе удивления в изумление приходят и его одного поставляют выше жребия смертных, будучи в таком мнении, что он не собою, но некоторым невидимо присутствующим в нем существом такие необыкновенные и невозможные дела совершает. Так, например, положим, что одному из варваров удалось свирепого тигра и неприступного льва страшные челюсти растерзать, или одною рукою поколебать какое огромное здание со множеством находящегося в нем народа, то сии его дела будут доказывать, что он Геркулес, Самсон и Атлас. Или положим еще, что и другому удалось одним ударом низвергнуть и обезглавить

ужасно вооруженного какого-либо Исполина и Голиафа⁴, то пред таким вскоре и самые колена Израилевы⁵ все затрепещут и ему одному в гимнах жертву воссылать станут. И так от удивления произошло новое земнородное божество, которому глубокая древность воздвигла олтари и храмы, и сих, гремящих по вселенной славою, смертных сынов имена в неприступном сиянии написаны были на блестящих золотых скрыжалех, им же и изваяния соделаны из неветшаемого металла и твердого мрамора. Потомки, с восхищением взирая на такое рукотворенное существо, напоследок причли их в лик небесных и веки оных назвали геройскими*.

Но как искусство по природе есть второй источник совершенств человеческих и натуральное притом состояние народов по своему течению переменяется в лучшее и возвышается в совершеннейшее, того ради и качества человеческие, оказываемые в возвышающемся смертных состоянии, натурально кажутся еще удивительнейшими несравненно первых. Ибо как скоро народы начинают приходить в познание вещей и самих себя, то они опытом же узнают и то, что хитростию, проворством и подобными сим душевными качествами несравненно счастливее и большие совершаются дела, нежели одним гигантским сложением тела, почему премудрый законодатель и утвердитель общества в возвышающемся состоянии натурально удивительнейшим кажется, нежели Геркулес и подобные тому богатыри. Ибо в сем случае несравненно большие дела и с большею удобностию производятся. Следовательно, если кто, происшедши от неизвестной породы, делается напоследок вождем народным и повлечет за собою тьмы разных народов, разного состояния и разных нравов,

* Из мифологии известно, что древние богатыри наконец все почти назывались *полубогами* или *меньшими богами* (*semidii vel dii minores nec non dii medicumti*). У древних також *геройским веком* (*heroica aetas*) назывался оный век, чрез который ныне разумеются первоначальные народов общества в тройком состоянии, то-есть: 1) когда они живут ловлею диких животных, 2) когда начинают приспавать и приучать животных и живут ордами в изобилии скота, и 3) когда они начинают жить хлебопашеством и на утвержденных жилищах.

такое удачливое дарование души не только самовидца, но и слышащего натурально приводит в изумление и заставляет думать, что такой человек имеет или непосредственное сообщение с некоторым невидимым существом, или в его ипостаси сам всеильный бог толикие и такие совершает дела. А что такие предприимчивые люди могли случаться особливо в первенствующие веки, о том и сомневаться не должно. Ибо нельзя стать, чтобы все смертные и в какие-нибудь времена были одинакого сложения, одинакого дарования или проворства и хитрости; сверх сего, и то надобно знать, что такому произведению великих и представляющихся богу подобными людей не меньше в тогдашние времена споспешествовала оная непросвещенных народов легковерность, по причине которой они аки бы с природы весьма склонны приписывать человеку, превосшедшему в одном, и все качества, какие одному токмо богу приличествуют. В таких обстоятельствах жрецы, которые, кроме как только чтоб предстоять олтарю, ни к чему больше не способны⁶, в необыкновенной испещренной одежде * невеждам казались имеющими непосредственное сообщение с оным существом, к которому и весь прибегает народ. И сей, по несправедливости своих рассуждений, одним аналогическим образом и то еще заключает часто, что жрецам, как ближайшим всегда к богу предстателям, натурально следует поручить и все правление. Сходно с таким заключением мы видим из истории варварских веков, что такие жрецы были купно и правителями целого народа, какими примечаются у древних британцев друиды, а у турок Магомет, который и один есть довольным доказательством сея истины. От сего також ослепленного удивления народного, не упоминая других при-

* И одно одяние необыкновенное на предстоящих олтарю действительно имеет такой успех в рассуждении простого народа, что непросвещенные, например, римляне, в первый раз увидев кардинала в блестящей от злата и камней одежде со священными пред ним предтечами, в восторг приходят от удивления и, будучи в изумлении, спрашивают друг друга, ест ли то он и пьет ли, как и прочие люди? Хотя в самом деле он такой же грешник, как и тот самый крестьянин, который от невежества столько удивляется ему и по своей простоте его обожает⁷.

чин политических, и папа римский сделался наместником божим и по подобному о себе простого народа разумению принял меч духовный и гражданский.

Впрочем, свободно можно утверждать, что невежественные народы не токмо подобных себе смертных, но равномерно и самые неодушевленные вещи по причине необыкновенных их действий боголепно почитали. И таких вещей, о которых и ныне невежды от удивления богоневестствуют, находится в натуре неисчерпаемое море, почему, оставляя многих исчисление и описание, можно только то вообще здесь доказывать, что непросвещенные удивляются вещам и оные от удивления боготворят единственно по незнанию точных причин, производящих странные в вещах действия. Ибо у простолюдинов и ныне самое высочайшее о непонятных им вещах винословие не далее простирается, как токмо до того, что *бог ведаёт* о том, чего они не поминают. Здесь все их пространство рассуждений кончится, и за сей предел более они винословствовать не могут. И ежели кто поумнее станет доказывать простому человеку, каким образом точно происходит что в натуре, на такого знатока он еще и вознегодует и будет желать, чтобы тот, кто иначе толкует ему что-либо непонятное и необыкновенное, внезапно наказан был тем же самым действием вещи, которое он от удивления и от ослепления за божественное почитает*. Следовательно, если для обмана простых людей и для скверной прибыли выдумлет жрец какое-либо изваяние или образ, плачущий водою сквозь потаенные скважины, или оракул, глаголющий необыкновенным механическим голосом, то к такому месту тотчас толпами пойдут идолопоклонники молиться и

* Когда в Петербурге профессор *Рихман* по причине той, что его так называемый *кондуктор* не имел сообщения с землею, электрическою силою был убит, тогда весь простой народ еще и обрадовался тому, что бог так наказал его за то, что он высшее своего понятия испытывал. И многие невежды и пустомели, а особливо дряхлые и престарелые в уме старухи, клятвенно уверяли всякого, что они в то время действительно видели ангела с огненною проволокою, которою он так ударил профессора по голове, что в мигновении ока и души в нем не осталось, утверждая при том, якобы гром есть такая тайна, коей еще и евангелисту Иоанну, своему наперстнику, бог не открыл⁸.

удивляться как новоявленным чудесам. Равным образом если электрическая сила, стремясь из земли в выспрь, выходить станет и, одерживаемая металлом на гранадерской голове, осветит шишак оного, то римский солдат, увидев сие, без сомнения, заключит, что ему явился Кастор либо Поллюкс⁹. И ежели еще та же электрическая сила, выходя из земли чрез куст и озаряя оный, не повредит, то и в таком случае подле стоящий простодушный пастушок, конечно, подумает, что ему явился бог в неприступном снпнии, причем ежели скотина его покажется здоровою и веселящеюся, то он не преминет и сие приписать оному ж явлению, равномерно как и солдат свою победу — мнимому Кастору или Поллюксу¹⁰. Премного о таких и подобных сим явлениях баснословит римский историк Ливий. Подобное ж примечается богонеистовство, происходящее от удивления и у нынешних невежественных варваров, как то из Ансонова путешествия¹¹ известно, что когда его военный корабль приплыл к народам, никогда не видавшим такой величины судна, то зрители, приметя оное, движимое некоторою невидимою силою, по выстрелу из одной пушки все пали на колена и оному поклонились. Подобным образом и камчадалы думали, что русские солдаты были сыны громовы и никаким их оружием непрепобеждаемы, когда в первый раз увидели от них залп и беглый огонь из ружейного выстрела. Кратко сказать, для невежд всякая необыкновенная вещь кажется божественною. Из всего, что я ни говорил здесь, кажется, довольно явствует, что причинами суеверия, многобожия и богонеистовства были главными страх, привидение и удивление. А как сии причины действовали и имели свой успех, то-есть совокупно ли все или порознь каждая, того я доказывать на себя не принимаю, довольно с моего знания прибавить к сим еще одну, как содействующую причину, какою я поставляю оную природную особливо простым народам склонность ко лжи, по которой они столь ревностно всегда увеличивать готовы всякую вещь и всякое явление, какие только им странными и непонятными кажутся. Ибо во всяком человеке, не выключая и просвещенного, действительно примечается столько склонности к тщеславию, самовластию и к самслюбию, сколько и ко

лжи, почему ходящая толпами на поклонение к идолам языческая чернь и оттуда обратно возвращающаяся несравненно усугубляет и увеличивает виденное там больше, нежели как оно в самом деле было. Слышащая от нее другая чернь охотно принимает то и, рассказы на рассказы прибавляя, весь наполняет свет многобожием, суеверием и лжею. От чего напоследок языческая вера во всем бывает не иное что, как введенное преданием обыкновение и долговременным наблюдением утвержденное богонеистовство, которого без опасных следствий не токмо переменить, но ниже поправить не можно. Ибо все то, что множеством народа принято и повсеместно наблюдается чрез множество веков, весьма трудно отменить. Народ за то обыкновенно везде негодует на правление и, в противном случае возъярясь и взбесясь, до крайностей великих доходит и стоит за свои заблуждения, не щадя ни души ни тела. Доказывать сие примерами излишним покажется.

Теперь, узнав, от каких причин и коlikому заблуждению в вере подверженным бывает смертный, в следующем внемли всяк православному исповеданию, которое учит почитать истинного бога в любви и простоте сердца; прямому божеству жертва и кадило мерзостны, но жертва, оному благоприятна, — *сердце чисто и дух сокрушен*. Глубока древность от заблуждения и от несправедливости рассуждений понимала бога одним страшилищем и призывала его с высоты в смертоносном блеске и из бездны в пламени огненном. Одно христианство признает его источником всякия благодати и щедрот * и, обуреваемое в напастях, к нему вопиет: Авва отче! и, прибегая к нему на всякий час, представляет его родителем, веселящимся о всех смертных, аки о своих чадах. Христианство учит *любить бога всею душою и всем помышлением и ближнего своего, аки самого себя*. О! когда бы сие одно составляло в самом деле все православие и сие одно только вперяли

* Нигде в историях, ни в стихотворцах языческих не примечается, чтоб бог назывался у них всемилостивым и доброжелательным роду человеческому. Он у них везде описывается страшным и аки бы самым страшилищем, что самое доказывает, что бог происходит у них от страха.

бы в ум смертным истинные величества божия проповедники! На сих, уверяет спаситель сам, основан весь закон христианский, и сие сходно с натуральным рассуждением и с самою строгостию философии; и ежели бы сие ж самое и в действително всемирно произведено было, никогда бы не было в христианстве несогласий, ни расколов; жили бы все без бранного навета, и всякому бы свое как должное отдавалось. Но в том великое смертных неблагополучие, что и самое христианство столько уже превратилось от своей первоначальной сущности и расторгнулось на толпкие раздоры, что в оных согласить смертных и множества веков не довольно. Иезуиты, самые пастыри Христова стада, которых по достоинству столько ненавидит весь мир, приватный из благочестия делают интерес, простирая алчные руки к ненасытному сребролюбию и под именем спасения разоряют порученное себе от бога и вверенное от монархов стадо, сделав самую веру завесою мнений своих ложных¹². Боже! удали от российския церкви такое злоупотребление, излей от духа благодати твоего на заблуждающих в бринских лесах¹³ и на непросвещенных в Севере¹⁴. Соедини всех нас в единомыслие о тебе и утверди по вселенной истинную и одну веру.

ПОЛОЖЕНИЯ,
ВЫВЕДЕННЫЕ ИЗ ВСЕГО ПРИ СЕМ ПРЕДЛОЖЕННОГО
РАССУЖДЕНИЯ¹⁵

I

Бога в троице без откровения натурально понимать не можно.

II

Противно натуре человеческой верить тому, чего в мыслях и в воображении представить не можно.

III

Все приписываемые богу совершенства происходят от человеческих мыслей, и потому оные не сообразны его существу и не могут быть доказательными его совершенств.

IV

Простой и непросвещенный народ склонен к многобожью и закосневает в оном.

V

Все веры, выключая откровенную, суть одни токмо обыкновения народные.

VI

Не должно чрез усилие никакой переменять веры, когда прменение оной соединяется с большим возмущением, нежели спокойствием народным.

VII

При возвышающемся познании человеческого о вещах возвышается купно и человеческое понятие о боге.

VIII

В самом высочайшем и просвещеннейшем состоянии народы не понимают бога иначе, как токмо всемогущим и премудрым.

IX

Всякий раскол в вере рождается от неосновательных, а особливо предупрежденных мыслей.

X

Древность преданий много споспешествует к закоснению народов в суеверии.

XI

Невежественные токмо народы понимают бога страшным и неприступным в своих мыслях.

СЛОВО
О СВОЙСТВАХ ПОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
И О СРЕДСТВАХ, ПРЕДОХРАНЯЮЩИХ
УМ СМЕРТНОГО
ОТ РАЗНЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ...

ГОВОРЕННОЕ ДМИТРИЕМ АНИЧКОВЫМ
ИЮНЯ 30 ДНЯ 1770 ГОДА

бщее почти всех философов мнение, почтеннейшие слушатели! состоит в том, что все познание наше получает начало свое от чувств, по оному: *нет ничего такого в разуме, чего бы прежде не находилось в чувствах.* И хотя вещи нераздельные, бытие свое имеющие и чувствами нашими понимаемые, по причине бесчисленных обстоятельств столько различествуют между собою, что ни одна другой во всем подобная быть не может, однако они имеют такие признаки, чрез которые единственно отличаются от других, и потому именуются точно определенными или особенными. Но как и такие находятся вещи, которых мы непосредственно понимать не можем, например вещи бестелесные, почему двояким образом ум наш в рассуждении понятия о вещах действует: то-сть непосредственно оным понимаем мы вещи телесные, образоразличия и случайные разных существ принадлежности; посредственно ж или чрез посредство чувствуемых вещей понимаем мы вещи бестелесные, моральные и всеобщие вещей принадлежности. Такой различный ума нашего способ в рассуждении приобретения понятий подал случай философам разделять разум на *чистый* и *нечистый*, великое несогласие как в рассуждении основания такого разделения, так и в рассуждении знаменования оного имеющим. Ибо одни из них основание такого разделения единственно выводят из разли-

чия предметов, и потому называют тот ум чистым, который понимает бестелесные вещи, а который понимает телесные, тот именуют нечистым *. Другие ж, напротив того, думают, что ум наш тогда токмо может называться чистым, когда мы понимаем какие вещи без всякого об оных предварительного воображения, а нечистым потому, поелику мы сперва в мысли своей представляем некоторое вещественное подобие, когда о каких вещах намереваем рассуждать **. Но справедливее нечистым ум наш может называться потому, что во всяком нашем познании находится сбивчивость, сбивчивые ж понятия рождаются от чувств и воображения. Из чего явствует, что никакое познание разумных тварей никогда не может быть чистое. Почему Платоновы последователи и советуют, чтоб мы всегда мысль свою отвлекали от всякого чувствования; ибо утверждают они, что действие всякого чувства часто обманывает нас, и мысль наша светом истины тогда токмо озаряется, когда она не утверждается на чувственных представлениях, но сама к себе возвращается и не верит никакому чувству, как токмо себе. Сему мнению последуя, картезиане ¹, и, во-первых, Пурхотий, многими доводами утверждают, что все наше познание не зависит от чувств, поелику премного таких находится вещей, которые ни под каким видом чрез чувства не могут доходить до наших мыслей; например, каким бы образом могли мы доказывать о всевышнем существе, то-есть о боге, что он есть всемогущий, преблагий и премудрый всех тварей создатель, когда бы о нем не находилось в мыслях наших *врожденного понятия* ***. Да и невозможно, говорят они, чтоб

* Vid. *Joh. Jac. Syrbius*, Inst. philos. primae, p. I, lib. V, § 26, p. 132. [См. *Иоганн Якоб Сирбий*, Важнейшие принципы философии.]

** Vid. *Val. Ern. Loescherus*, Praenot. theol., praenot. IV et V. Contra indifferentist., pag. 160 et seqq. [См. *Валентин Эрнст Лешер*, Введение в богословие, введение IV и V. Против равнодушных, стр. 160 и сл.]

*** Чрез врожденное понятие разумеют они такое, которое с самого начала жизни нашей и до смерти всегда в нас находится и которое одна первоначальная причина без вспомоществования другой какой-нибудь причины во всех вообще вливает (vid. *Purchot*, *Metaphys.*, p. 2, sect. 3, c. 4, prop. 4). [См. *Пурхот*, *Метафизика*.]

пресовершенное существо могли мы понимать своими чувствами, когда оно, поелику невестественное, никакого вида о себе в чувства наши вперить не может. Правда, что мы непосредственно понимать бога не можем, да из творспий заключаем о творце; но чтоб врожденные о вещах идеи в нас находились, сего допустить не можно. Ибо кто может удостоверить нас, что мы с самого начала жизни своей действительным образом понимали вышнее существо, сущее и первые начала? Никто поистине, потому что, если бы в нас находились врожденные понятия, то бы все люди о всех вещах одинакое имели понятие, и душа человеческая по необходимости бы должна была таким особливо, а не другим образом понимать представляющиеся предметы. Но как сие здравому рассуждению и началам психологическим противно, чтоб душа не была свободная, и притом выше сего доказано, что мы все понятия как о чувствуемых, так и о нечувствуемых вещах приобретаем чрез чувства посредственным или непосредственным образом, следовательно, не имеем мы врожденных о вещах понятий.

Опыт довольно научает нас, что мы на сей земной шар вступаем, не имея еще никакого ни о чем понятия, а потом постепенно снискиваем идеи вещей телесных, от которых уже наконец отвлекаем понятие вещей бестелесных, то-есть: ум наш по врожденной себе способности невидимые вещи познает из видимых, от особенных вещей отвлекает всеобщие понятия, о будущем рассуждает из настоящего и из бытия вещественных сущих понимает о невестественных. Таким образом, например, из бытия видимых вещей, которые поелику сами собою не могут дать себе бытия, заключаем, что непременно находится такое существо, от которого бы оные, как от первоначальной причины, зависели. Равным образом из преизрядного порядка, наблюдаемого между вещьми в сем видимом свете, заключаем, что бог есть един и премудрый *; идею духа полу-

* *Сл[авный] Сирбий* доказывает бытие божие из бесконечного желания человеческого следующим образом. Имеют, говорит он, люди бесконечные желания, но как такое желание врожденное есть и соестественное, то не может быть тщетное, а когда не тщетное, то

чаем, когда, исключив все те свойства, какие в телах примечаем, яко то разделение на части, фигуру и проч., при-совокупляем к оному разум и волю. Равномерно сущего, существа и других вещей чрез отвлечение получаем идею.

Но если спросить того, кто ясно чувствует в себе врожденные идеи, для чего не знают их те, кои, будучи воспитаны между зверями или от природы будучи глухи и немые, после научаются с людьми говорить и сообщать им свои мысли, а о том ничего не упоминают, что они до того времени понимали? * Поистине ничего не будет ответствовать на сие. Ибо опыт уверяет нас, что младенцы по прошествии некоторого времени начинают получать идеи о вещах, например, получив они сперва себе чрез чувства или чрез отвлечение две идеи, сравнивают оные между собою, а потом постепенно и до того доходят, что и между тремя идеями, помощью сравнения, находят уже новые истины; то-есть ум наш действует в нас наподобие арифметиста. Ибо как желающий знать арифметику должен, во-первых, понять простые числа и оные чрез счисление выговаривать, а потом сносить два числа чрез сложение, вычитание, умножение и деление и, наконец, чрез тройное правило сравнивать между собою три числа, и из известного количества находить неизвестное, так равным образом и ум наш прежде всего понимает простые идеи, например идею луны, идею света, идею видимых тел и проч., потом две идеи — например: *свет тела освещает, солнце светит* — между собою сравнивает и, наконец,

следует, чтоб то, к чему оно отнесится, неотменно имело бытие; отнесится ж такое бесконечное желание человеческое к бесконечному благу, то-есть богу; след[овательно], есть бог. Conf. «Philosoph. prima», p. 19, et Dissert. eiusdem «De desiderio hominis infinito», l'opie habita. [Ср. «Важнейшие принципы философии» и трактат «О бесконечности человеческих желаний», сокращенное издание.]

Стурмий же доказывает бытие божие из строения человеческого глаза, *Гамбергер* — из действия человеческого сердца, *Вузепер* — из мозгу и проч. (vid. *Buddeus* lib. De superstit.). [См. Буддеуса книгу о суевериях.]

* *Exempla eiusmodi ex Bern. Connor et «Hist. academ. scient.» an. 1703, «De prompta habes» in «Act. erudit.», Lips. 1707, p. 507. [Такие же примеры из Берне. Коннора и «Истории Академии наук», 1703, и статьи, напечатанные в «Ученых записках», Лейпциг 1707.]*

из сравнения трех идей между собою выводит, что когда свет тела освещает, то и солнце или луна, послыку также действуют, суть свет и могут освещать тела *. Из чего явствует, что три токмо суть действия ума нашего, а не больше, то-есть: *понятие, рассуждение и умствование*, хотя некоторые из новейших французов и агличан к сим трем действиям и присовокупляют четвертое, то-есть *способ* (methodum), но несправедливо, ибо способ не что иное есть, как образ учреждать идеи, рассуждения и умствования порядочным образом и по правилам **.

Будей же и Ридигер все действия способности познавательной разделяют на ум, рассуждение и память и чрез то не токмо способности смешивают с действиями, но и надлежащие законы разделения и различения пренебрегают ***.

Итак, начало и источник всех способностей душевных, принадлежащих до нижней части познания человеческого, есть *могущество*, или *способность* так называемая *познавательная* (Potentia, sive facultas cognoscendi), то-есть такая способность, помощию которой душа, будучи зависима от телесных органов или внешних или внутренних ****, представляет себе разные вещи, и вне ее находящиеся. Но как вещи, которые мы чрез способность познавательную себе представляем, суть или *нераздельные* или *отвлеченные* ***** и нераздельные суть или присутствующие или отсутствующие, и первые понимаем чувствами, а послед-

* Vid. Thom. Hobbes in libell., De corpore, p. I, ab initio. [См. Томас Гоббе, О теле, начало первой части (1655).]

** Martin Knutzen, Log., p. 61. [Мартин Кнутцен, Логика.]

*** Eiusdem ibid., p. 62. [Там же, стр. 62.]

**** Внешние чувства всем известны, яко то зрение, слышание, вкус, обоняние и осязание. Чрез внутреннее ж чувство разумеется не что иное, как способность познавать все то, что собивается в нашей душе (vid. Honorat. Fabri, L. II, Caesar. Cremonius, tr. II, lib. IV). [См. Гонорациуса Фабри, кн. II, и Цезаря Кремониши, трактат II, кн. IV.]

***** *Нераздельным или особенным* (individuum seu singulare) называется такое сущее, которое так определено, что другим образом не может определено быть, например, сия книга. Чрез *отвлеченные* ж сущие, инако называемые *всеобщими* (abstracta seu universalia), разумеются такие сущие, которые приличествуют многим, например, животное, также человек и проч.

ние чрез воображение и память, отвлеченные ж умом и разумом, то к нижней части познания человеческого, какое имеем мы общее со скотами, особливо относятся способности *чувствования, воображения и памяти*. Напротив того, к вышней части познания человеческого принадлежат собственно так названные способности *разумения, рассуждения, умствования, внимания и отвлечения*, единственно одному человеку, поелику разумом одаренному, свойственные.

Хотя никто и не спорит в том, что человек имеет способность разумения, поелику внутреннее всякого сведение уверяет в справедливости сего, однако великое несогласие имеют между собою философы в рассуждении способа, по которому душа наша обыкновенно производит в себе понятия о телесных и бестелесных вещах. И, во-первых, перипатетики² кроме пяти внешних чувств допускают еще четыре внутренние, то-есть: 1) *общее чувство*, в нижних частях мозга обитающее, которое все внешних чувств предметы, аки бы в одну кучу собранные, в себе вмещает и распознает оные между собою; 2) *фантазию*, или *воображение*, которое вещи, чувствами понимаемые, соединяет и почитается сокровищем изображений общего чувства; 3) *способность мысленную*, которая нечувственные вещи, но отвлеченные, например добродетель, честность, пользу и проч., понимает; 4) *чувственную память*, которая соблюдает изображения и оные в свое время так, как присутствующие, опять представляет. Ум обыкновенно разделяют они на *действующий* (*agentem*) и *страждущий* (*patientem, passibilem, sive patibilem*): первый, по их мнению, поелику не имеет никакой в себе изображенной идеи или вида, хотя и почитается *выскобленную доскою* (*tabula rasa*) *, однако имеет между тем способность от вещественных воображений, чистейшим некоторым, как Корсин говорит **, и невещественным собственным светом озаренных, отвлекать невещественный некоторый вид, который потом не более уже в мозгу, перемешанном вещественными

* Vid. *Aristoteles*, lib. 3, De anima, cap. 14. [См. *Аристотель*, кн. 3, О душе, гл. 14.]

** Vid. *Corsin*, Phys. part. tract. 2, disp. 4, c. 4. [См. *Корсини*, Трактат о физике.]

обстоятельствами, но в самом уме, от таких обстоятельств отделенный, очищенный и точно аки бы в невещественность приведенный изображается. Чрез страждущий же ум* разумели они тот самый, на котором отвлеченные действующим умом виды изображаются, от которых оный будучи определен производит познания и оные также в себя вмещает. Таким образом, думают они, что внешний предмет, например свет, изображает вид свой или образ в чувственном органе, то-есть в глазу, и душа, обитающая в оном с сим видом, от предмета *впечатленным*, производит другой вид, то-есть *изображенный*, помощью которого собственно бывает зрение света.

Но справедливее мне кажется, когда во всяком познании человеческом три степени различаются. Первый из оных, как и выше сего упомянуто, есть общий с бессловесными скотами и состоит в движении или возбуждении телесного органа; второй заключается в некотором понимании оного изображения и почитается собственным души; третий, наконец, познания человеческого степень состоит в рассуждении, которое душа, сделав понятие о вещи, немедленно производит. Таким образом, например, как скоро увижу я какой предмет, тотчас отвлеченный от оного свет доходит до моего глаза и приводит оный в движение; ибо из вещей ничего до наших чувств не доходит, кроме движения или впечатления. Потом такое изображение, впечатленное в самых нижних частях моего глаза, чрез посредство оптических нервов и тоненьких оного жилок к самому мозгу или обиталищу душевному переносится, отчего в душе и последует понятие о том мною видимом предмете. Наконец, за рассуждением, помощью которого душа почитает тот предмет таким или другим, последует внешнее действие, то-есть движение, которое, начиная от мозга, во все члены разливается чрез нервы. То-есть душа наша сообщает свои силы собственному своему телу** не чрез вещественное излияние, но чрез способ

* Такой ум называет Аристотель тленным и смертным. (Vid. *Aristoteles*, lib. 3, De anima, cap. 6). [См. *Аристотель*, О душе.]

** Чрез собственное тело разумеется такое, от которого все понятия о вещах зависят непосредственно и над которым душа

соединения своего с телом. Ибо когда душа находится в соединении с телом, хотя сама собою и могла бы исполнять свои действия, однако по причине соединения своего с телом не может исполнять оных без тела, пока не находится в оном; и тело получает от души могущество, или силу, чтоб быть органом или орудием для действий душевных. Таким образом, душа видит глазами телесными, слышит ухом, говорит языком, а для разумения и памяти употребляет в помощь находящийся в голове мозг, чувства и сердце. И обратно, глаза видят, уши слышат, голова разумет не по естественному своему сложению, или собственною своею силою, но силою души, сопряженной с телом. Ибо по разлучении души от тела телесные органы ничего такого не оказывают. Равным образом по повреждении телесных органов, хотя душа сама в себе и почитается разумною, токмо действий или не может оказывать, или по крайней мере неисправно оказывает оные.

Итак, мы вещь, сперва глазами усмотренную, а потом в мысли своей представленную, или стараемся получить себе, яко пользу нам приносящую, или отвращаемся от оной, яко не надобной и никакой пользы неприносящей. Впрочем, самое понимание, от движения причиненного в каком органе, весьма должно отличать. Ибо часто случается, что мы нимало не чувствуем того, что видим глазами, когда мысль наша объята бывает другими предметами, а самые чувства тогда по большей части обманывают нас, и мысль наша никакого о предмете, чрез оные представленном, не имеет понятия, когда рассуждение наше вскоре за оным последует. Таким образом, в малолетстве все почти наши рассуждения относятся к чувствам, и ничему мы больше не верим тогда, как токмо тому, что чувствами понимаем. Почему и вещи добрыми или худыми называем для того только, что оные или полезны или вредны нашему телу.

наша имеет первичную непосредственную власть в рассуждении приведения в движение органов оного. Часть же нашего тела, для исправления особливо сей, нежели другой, должности способная, именуется *органом телесным*.

Когда ж во время всякого чувствования должно происходить некоторой перемене в чувственных нашего тела органах и оную перемену, произведенную от вещей, вне нас находящихся, душа должна себе тотчас представлять, то явствует из сего, что ни душа без тела не может иметь понятий о вещах, ни тело без души чувствовать, в чем и состоит крепчайший оный души с телом союз и неразрывное сопряжение, хотя и кажется нам, что будто бы иногда тело, иногда душа порознь чувствуют; однако всегда в одно время и совокупными силами. То-есть тело во время чувствования причиненные перемены и от внешних вещей произведенные в чувственных его органах в себя вмещает, а душа оные себе представляет. Например, когда я слышу гром от выстрела пушечного, то сие бывает таким образом, что причиненный на воздухе звук, от сильного ударения друг об друга тел, пробравшись сквозь тончайшие и сокровеннейшие ушей моих проходы, ударяет во внутреннюю перепонку органа слышания, и как токмо сие происходит, то в ту же самую минуту и душа представляет себе перемену, причиненную в ушах. Впрочем хотя и можем мы воспрепятствовать, чтобы внешние вещи меньше действовали в чувственные наши органы и в оных производили перемены, например, можем мы закрыть глаза, если не хотим видеть лица мертвого и престарелого человека, можем с Улиссом³ заткнуть уши, если не хотим слышать гласа поющих Сирен, можем также, наконец, ум свой отратить от одних внешних вещей и в другие вперить так, как Афенодор у Плиния*; однако не в нашей то воле состоит, чтоб, какое ни захотели, такое и могли мы произвести чувствование. Ибо никто не может сделать того, чтоб жесточайшая болезнь подагра тому, кто всегда полагал надежду на ноги, такое приносила увеселение, какое приносят согласная музыка и сладкопение. Из чего явствует, что ум человеческий в рассуждении чувствования таким обязан законом, что по оному, так определенному от бога, всегда должен поступать; то-есть если в чувственные наши

* Vid. *Plin.*, lib. VII, epist. 27, p. 537, edit. Cortii et Longolii. [См. *Плиний*, кн. VII, письмо 27, стр. 537, изданную Корцием и Лонголием.]

органы * действуют как внешние предметы и производят в оных какую перемену, то таких перемен не может не представлять себе душа.

Но спрашивается, всегда ли душа человеческая, будучи совокупленная с телом, помышляет, то-есть способность разума всегда ли оказывает приличествующее себе действие? Утверждает сие Картезий с своими последователями и особливо потому, что он сущность души полагает в действительном и всегдашнем помышлении, а сущность тела в действительном протяжении. Согласует с Картезем и Волф, который, полагая, что сущность души состоит в воображательной силе, в расположении органического тела в сем мире вещественным образом и учреждении чувственных органов формально ограниченном, далее утверждает, что душа и во сне производит понятие о целом свете, но только темное или сбивчивое **. Другие ж, напротив того, в рассуждении сего вопроса ничего не определяют, потому что опытом еще не дознано, говорят они, чтоб душа, находясь или в глубоком сне, или во чреве матернем, или во младенчестве, могла всегда мыслить. Ибо часто случается, что мы, пробудившись от сна, нимало не памятуем того, что или видели во сне, или о чем помышляли, а о том и никакого сведения другим сообщить не можем, что мы делали, находясь во чреве матернем, или в самом младенчестве. Из чего явствует, что душа хотя и есть существо помышляющее, однако не всегда помышляет так, как, например, человек, хотя и называется животным разумным, однако часто отступает от своего разума и в рассуждении своих дел нередко уподобляется бессловесным животным; или как во власти душевной состоит, что она может на время оставить свое хотение, так равным образом может она оставить на время и свое помышление о вещах. Да и подлинно так, что действительное и всегдашнее

* Чувства наши по справедливости почитаются вратами, чрез которые виды, от внешних вещей отвлеченные, входят в нашу душу, откуда потом происходит всякое познание. Почему справедливо говорит Цицерон, что натура человеку чувства как некоторых спутников и вестников дает. См. Цицерон, кн. 1 о законах.

** Vid. Wolf, Psych. rat. § 66 et § 191. [См. Вольф, Умозрительная психология.]

помышление не есть сущность души, но токмо свойством и принадлежностью ее должно почитаться *, поелику ум разумной души не всегда оказывает свои действия или по причине поврежденных чувственных органов, или за недостатком воображения, от которого оный во время своего помышления неотменно должен зависеть, хотя и имеет непрерывное стремление каким-нибудь образом изъявлять свое бытие. Почему великое различие должно полагать между могуществом или врожденною способностью ума нашего и между самым его действием: то-есть в силу первого всегда свойственно и приличествует нашей душе, что она имеет сведение о себе самой и о других вне ее находящихся вещах; в силу ж последнего хотя и не всегда изъявляет она самым делом свое сведение, однако, кто может сказать, что новорожденный, например, младенец не имеет разума, поелику оный еще не изъявляется чрез приличествующие действия? Никто поистине, да и невозможно сего утверждать, ибо причиною того не приведенные его еще в совершенство телесные органы, а самая душа, которая по врожденным себе склонностям и способностям как существо, имеющее уже бытие, имеет всегдашнее и непрерывное стремление к изъявлению своего бытия?

Но как величайшая надобность в том состоит и первым началом всякой истины приемлется *знать самого себя*, то за весьма нужное почитается прежде всего испытывать, сколь далеко силы способностей душевных простираются, и смотреть, не подвержен ли бывает ум наш каким заблуждениям, дабы создающим нам великолепное здание для истины и премудрости при окончании оногo, как лишенным надлежащих иждивений, не могли другие сказать следующего: *Сей человек нача здати и не може совершити* **. То-есть всегда мы в мысли своей должны содержать, что ум наш, поелику весьма тесными ограничен пределами, превеличайшим часто и опаснейшим подвергается заблуждениям, так что оные иногда причиняют вред

* Vid. *Cl. P. Corsin*, Phys. part. tr. 2, disp. 4, cap. 1, § 5. [См. Корсини, Трактат о физике.]

** См. Лука, гл. 14, стих 30.

нашему благополучию, лишают всего имения, другим предадут на посмеяние и поругание, когда мы от них бываем изобличаемы в оных, а нередко и самую жизнь до крайней опасности доводят. Из чего явствует, что никакой погрешности и никакого заблуждения, происходящего от нашего ума, не должно оставлять в пренебрежении, но стараться по крайней возможности о истреблении оного. Ибо хотя некоторые из оных и кажутся на первый случай маловажными, однако притом то надобно знать, что и от малой искры великие рождаются пожары и маловажные погрешности много препятствуют нам в том, чтоб мы не столь удобно могли доходить до Коринфа⁴, где истина и премудрость обитают.

Погрешностию же или заблуждением ума нашего называется, когда мы ложное принимаем за истинное, и хотя такое заблуждение не собственным и формальным, но материальным токмо должно почитаться, поелику в простых попятнях такого не находится, однако по большей части самое наше познание бывает истинною и единственною причиною такого заблуждения, поелику мы, не исследовав надлежащим образом какого понятия, скоропоспешно рассуждение свое отвлекаем от оного и так впадаем в формальное заблуждение, обыкновенно называемое *смещением рассуждений*. Но гораздо пристойнее разделяются заблуждения на теоретические и практические, из которых первые причиняют вред нашему познанию о вещах, например, заблуждаю я, когда говорю, *что душа человеческая есть телесная*, а последние развращают свободные наши действия. Почему практические заблуждения причиняют больший вред, поелику все спасение наше ближайше зависит от надлежащего свободных наших действий соображения. Но как от теоретических заблуждений непосредственно происходят и практические, то и сих весьма должно остерегаться всякому.

Весьма бы продолжительно было, п[очтеннейшие] с[лушатели], если бы я хотел псчислять здесь разные причины, от каких именно какие происходят заблуждения, почему за благо и рассудил изъяснить одни токмо средства, помощью которых можем мы предохранять мысли свои от разных заблуждений. И, во-первых, ничто так не препятствует

нашему познанию, как предрассуждения*, полученные во младенчестве. Ибо мы прежде еще созрелого своего разума вперяем в свою голову многие безрассудные мысли, которые с летами нашими вместе возрастают, умножаются и большею частью столь укрепляются и вкореняются, что напоследок оным, как чрез долгое употребление и привычку вкоренившимся в нас, будто бы общим некоторым понятиям, почерпнутым от самой природы, противиться или за непристойное почитаем, или совсем не в состоянии бываем. В особенности ж много вреда причиняет нашему познанию предрассужденне чувств**, которое также с самого начала жизни нашей обладает нами, ибо мы все, что ни находимся в свете, первее понимаем чувствами, нежели разумом, и потому скорее повинемся оным, нежели сему. Но весьма легко можно свободиться от таких заблуждений, если мы будем последовать самому опыту, который точно может уверить нас, что не всегда вещи имеют такое свойство, какими оные на первый случай представляют нам чувства, но при всяком чувствовании должны мы наблюдать особливо все те правила, какие предписывают нам философы***. Должны притом последовать

* Чрез слово *предрассуждение* некоторые в пространном смысле разумеют всякую погрешность или всякое ложное мнение; собственно ж значит не что иное, как источник, или ложное начало, заблуждений; иногда означает всякое такое предложение, которое с скоропоспешностию принимается, без надлежащего исследования, ложное ли оно или истинное. Славный же аглицкий канцлер Бакон Веруламый предрассуждения называет *логическими идолами* (*idola logica*). Ибо как идолы от многобожников почитались вместо истинного бога, так и предрассуждениям, как настоящей истине, надлежащее почтение от зараженных оными отдается (*vid. Martin Knutzen, Elem. philosoph. rational., p. 167 et 168*). [См. *Мартин Кнутцен*, Элементы умозрительной философии.]

** Предрассуждение чувств особливо состоит в том, когда мы то весьма малым почитаем, что видим издали, и удивляемся тому, когда сказывают нам физики, что все тела могут делиться на бесчисленные и весьма малые части, или когда пределами земли почитаем токмо то, что постигаем нашим зрением; также когда отрицаем бытие того, чего не понимаем своими чувствами, и проч. (*vid. Joh. Fried. Hiller, Log., p. II, sect. I, cap. IV, pag. 152*). [См. *Иоганн Фридрих Гиллер*, Логика.]

*** Правила для чувств: 1) чувственные органы должны быть неповрежденные, например, слепой не может рассуждать о цветах,

наставлениям физиков и математиков, которые подают нам весьма изрядные правила в рассуждении того, каким образом надлежит нам сообразовать свои мысли и приводить оные в согласие между собою; то-есть великое различие должны мы полагать между учеными и неучеными *, особливо чувства свои сообразовать с разумом своим, когда оные представляют токмо то, что грубого в телах находится, и, наконец, во время самых души нашей перемен нечистому своему разумению противопоставлять чистое и беспримесное разумение; а больше всего, чтоб чувства не могли доводить нас до заблуждения, надобно приятность оных растворять с приятностию всегдашнего рассуждения. Предрассуждение ж воображения, также зависящее от чувств и препятствующее нашему познанию чрез безрассудное соединение идей, удаляют от нас подробные вещей понятия, помощью которых можем мы отделять от вещей все то, что в оных случайным токмо образом находится. Ибо, чем яснее и подробнее какую вещь понимаем чувствами, тем удобнее воображаем себе оную ** и, чем чаще одно и то же чувство повторяется, тем больше силы получает себе воображение ***. Сильнее притом и лучше действует в нас

а тот, кто болен горячкою, — о вкусе; 2) чувствами пошимаемые предметы должны находиться в надлежащем расстоянии от чувственных органов, например солнце, поелику оно от нас весьма далеко отстоит, почитаем мы тарелкою, хотя в самой вещи имеет оно круглую фигуру; 3) тела, между самым предметом и самым органом находящиеся, например воздух, вода, стекло, всегда должны быть однообразны, ибо, если оные переменяются, то и самое изображение предмета показывается отменным, например когда я смотрю сквозь голубого, зеленого или желтого стекла, то и все предметы в таком же виде мне представляются, и проч. (vid. p. *Hermann Osterrieder*, Log. pract., dissert. II, sect. III, art. I, § 295, pag. 412). [См. *Герман Остерридер*, Практическая логика.]

* Мы обыкновенно и лучше слушаем таких людей, которые рассказывают нам пустые и ничего хорошего в себе не заключающие басни, нежели тех, кои говорят нам о деле, и большею частию гнушаемся первыми, а последних с охотою при себе содержим.

** Например, в котором городе я жил больше того или величину, или порядок строения, или положение, в отсутствии будучи, удобнее могу привести себе на ум, нежели такого города вид, в котором только мимоездом одну ночь переночевал.

*** Примером могут служить те, кои или любви, или роскошам, или играм вдавшись, столь сильно прелестями оных заражены бывають, что напоследок, будучи не в состоянии сами собою обла-

воображение, когда внешние наши чувства находятся в покое, нежели в то время, когда оные или чувством зрения, или слышания и проч. воспящаются. Ибо самым опытом известно, что виды вещей, которые нам представляются во сне, гораздо сильнее утверждаются в нашем уме, нежели те, кои понимаем мы не во сне, поелику во время сна прочие внешние чувства находятся в покое, а одно токмо воображение тогда действует*. Но чтоб воображения сходственные были с нашим разумением, то не одни токмо те книги, которые наполнены разными увеселительными повестями, должны мы читать, но особливо такие, в которых заключаются разумные наставления, служащие для исправления злых наших нравов и безрассудных мыслей. Ибо, чем чище становится мысль наша, тем ближе подходим мы к познанию бога.

От заблуждений, которых причиною бывает слабая наша память, легко свободиться можем, если мы те вещи, которые надлежит твердо и долго помнить, будем рассматривать многими чувствами чрез долгое время с спокойным духом и надлежащим вниманием. Много также способствует для памяти, соединенной с воображением, и подкрепляет оную означение вещей чрез идеи и слова, нам гораздо известные, а особливо наша память, от которой единственно зависят все науки**, умножается от того, когда мы будем

дать, и стремительным своим безумием, как бы некоторым вихрем восхпленные наверх, стремглав упадают.

* Удобно можно понять, 1) для чего те, кои желают живо себе представить какую вещь, обыкновенно закрывают свои глаза; 2) для чего воображение в тишине и во тьме сильнее действует; изрядно в рассуждения сего пишет Плиний: *«отасюда леса и пустыни и самое оное безмолвие, какое употребляется при ловле птиц, великим побуждением бывает для мыслей человеческих»* (см. Плин., кн. 1, письмо 7), и, наконец, 3) для чего те, кои любят науки и прилагают свое старание к оным, удаляются от людей и лучше желают быть в уединении. Тот же Плиний, описывая способ учения, говорит: *«удивительно, сколь много безмолвием и темнотою питаются мысли человеческие»* (см. Плин., стр. 699).

** Не напрасно Платон везде называет память великою и сильною богинею, но потому всеконечно, что она много может во всех науках и художествах. Для сей-то причины многие из древних философов имели великое прилежание к науке, так называемой *мнемонической* (*ars mnemonica*) (vid. Morhof, in Polyhistor., tom I, lib. II, cap. 6). [См. *Даниель Моргоф*, Всеобщая история наук.]

начинать свои упражнения от самых легчайших понятий, как то и математики советуют. Да и слабость ума нашего не дозволяет нам вдруг рассуждать о многих и притом важных вещах. Из чего явствует, что за то токмо должны мы приниматься, что сносно, и смотреть, что могут и чего не могут снести силы наши, по оному: *quid valeant humerū, quid ferre recusent* [делать посильное, отвергать непосильное], или по мнению апостола: *всякому существу в нас не мудрствовати паче, еже подобает мудрствовати, но мудрствовати в целомудрии* *. То-есть таким только должны мы обучаться наукам, которые нужны и полезны, и таким, которые не превосходят и не превышают нашего понятия или для уразумения которых средства суть легчайшие и известные и притом не отягощают ни разума, ни памяти нашей как бы порознь рассыпанными предметами или к тому не принадлежащими. Ибо *большую частью, как Сенека говорит, не знаем мы много надобного и нужного потому только, что весьма многому излишнему обучаемся*. Впрочем, память наша долговременным употреблением и упражнением утверждается и увеличивается, и мы те вещи доле помним, о коих доле и больше рассуждаем **. Когда ж память как бы из своих сокровищ, что уделяет нам, то в таком случае прилежно смотреть должно, та ли самая вещь, которую я чрез память желал привести себе на ум, или токмо подобная оной, дабы подобие или сходство вещей не могло нас обмануть, то-есть чтоб подобных или сходственных вещей не могли мы почесть за одни и те же самые вещи. И сие тем удобнее получить можем, если последовательным образом будем рассматривать обстоятельства той вещи, которая нам приходит на память. Ибо чем больше обстоятельств в рассуждении какой вещи рассматриваем со вниманием и нескоропоспешно, тем яснейшее и подробнейшее об оной понятие наше бывает, и о

* См. «*К римлянам*», гл. 12, стих 3⁵.

** Справедливо Цицерон говорит, что память ослабевает, ежели оставить оную без упражнения (vid. *Cic.*, lib. De senectute, cap. 7). [См. Цицерон, Книга о старости.] И Квинтилиан тоже подтверждает, что память всегдашним упражнением подкрепляется (vid. *Quintil.*, Institut. orator., lib. I, cap. 1). [См. Квинтилиан, О воспитании оратора.]

подобии или сходстве одной с другою без всякой почти погрешности рассуждать можем. Если ж такие обстоятельства совсем не приходят на ум и память никакого не делает вспомоществования, то в таком случае лучше ничего положительным образом не утверждать о той вещи и никакого не делать рассуждения.

Хотя отвлечение всеобщих о вещах понятий много способствует для просвещения нашего разума, и мы чрез сие почти одно отличаемся от бессловесных скотов, однако и такое действие нашего разумения часто отвлекает нас от истинного и надлежащего рассуждения и особливо когда мы что в уме своем представляем в отделенном смысле, а в самой вещи почитаем то же самое соединенным, и действия которые токмо вообще почитаются или добрыми или худыми, относим к особенным случаям. Таким образом поступая, впадаем в заблуждение, происходящее от предрассуждения отвлечения, то-есть когда или о всеобщих, или об особенных вещах несправедливо рассуждаем. Но кто знает, что всякое сущее, действительно находящееся, точно определено, а отвлеченные сущие, поелику неопределенные точно, без дальнего определения не могут иметь бытия, тот легко может избежать заблуждений, происходящих от предрассуждений отвлечения, и особливо если тех же самых свойств, какие приписываются вещам, действительное бытие имеющим, не будет присвоить отвлеченным сущим и притом самые отвлеченные сущие не будет почитать за сущие в отделенности состоящие и имеющие такое ж отношение к вещам, какое имеют между собою особенные и точно определенные вещи *. Ничего

* Такому заблуждению подвержены были славные и ученые мужи Невтон и Локк, которые *пространство* (spatium) почитали вещественным, отделенным и в соединении с другими вещами находящимся сущим; когда, напротив того, чрез слово spatium не что иное разумеется, как порядок вещей соприбывающих, поелику то есть соприбывают взаимно между собою. Не меньше заблуждают также и математики, которые от бесчисленного разделения на части математического и в отвлеченном смысле взятого тела заключают, что и физическое тело может делиться на бесконечные части. Не упоминаю о простом народе, который смерть почитает отделенным существом и изображает оную с косою и с другими принадлежно-

здесь не упоминаю я о тех заблуждениях, какие обыкновенно происходят от разных темпераментов или от разных склонностей человеческих. Ибо всяк сам собою может дознать, каким он по своему сложению и по своим склонностям может подвергаться заблуждениям и какие, напротив того, для избавления от оных предохранительные употреблять средства. Вообще ж для всякого человека в рассуждении природных его склонностей может служить сие правило: всяк должен стараться о том, чтоб надлежащим образом познать самого себя и особливо иметь подробное понятие, какая большею частию склонность господствует в нем, а сие спознав, должен иметь в призрании все то, что с склонностями его согласно, и до тех пор не соглашаться на произволение оных, пока надлежащим образом не рассмотрит, каким именно склонностям последовать должно. Что ж принадлежит до прочих предрассуждений и средств, предохраняющих от заблуждений, то я оставляю далее исчислять оные, почитая мое слово продолжительным, но об одном токмо средстве, как бы всеобщем, какое нам предлагает Картезий, кратко упомяну: *от предрассуждений, говорит он, не иначе свободиться можем мы, как если будем с рассуждением сомневаться о всех в жизни собывающихся таких приключениях, в которых хотя малейшее подозрение в рассуждении несправедливости находим.* И так кончится здесь мое приятное слово...

стями. Сюда ж принадлежат и те, которые под именем болезни *лихорадка* разумеют в отделенном смысле 12 сестр, то-есть будто бы в свете находится 12 лихорадок.

СЛОВО
О РАЗНЫХ ПРИЧИНАХ,
НЕМАЛОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ ПРИЧИНЯЮЩИХ
В ПРОДОЛЖЕНИИ ПОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО...
ГОВОРЕННОЕ... ИЮНЯ 30 ДНЯ 1774 ГОДА

Многие люди имеют такое обыкновение, что они о вещах, чувствам их подверженных, рассуждают не иначе, как оные им представляются; хотя в самой вещи такое представление их с настоящими свойствами тех вещей совсем не согласует. Так, например, видимые тела, по причине отдаленности представляющиеся чувствам их небольшими, за такие и почитают, хотя оные, напротив того, по настоящему своему составлению преужасной суть величины. Равномерно и о других многих предметах, различные и удивительные в себе заключающих качества, производят такое понятие, что оные ни по чему не следуют подвержены быть рассуждению их, поколику чувства ничего к сведению принадлежащего в оных не обретают. О правильном также и порядочном движении, свойственном телам небесным, имеют такое понятие, что якобы оные такого движения не имеют; причину ж сего ежели изыскивать будут, то найдут, что они зрением своим того постигнуть не могли. И о разных переменях собственного своего ума во многих случаях равномерно рассуждают, то-есть часто приписывают сие и другое действие уму своему, но оно, напротив того, нимало не сходствует с его настоящими свойствами, отчего и происходят нередко многие развратные пристрастия и телом обладающие различные непорядочные действия.

Известно, наконец, также и то, что о нравственных действиях другого не всегда по внутренней их доброте, но по внешней, чувствам их в противном виде представляющихся, рассуждают обыкновенно. Из чего, как бы некоторого источника, всякие заблуждения и ложные рассуждения, проистекая и разлившись по всему роду жизни и учения, в превеликие приводят их обманы. Да и не удивительно: ибо как первоначальные наши понятия о вещах темные суть и сбивчивые, а не подробные и не отвлеченные надлежащим образом от самых вещей, то и заблуждения, от таких понятий произrostшие, вкоренившись в мыслях наших, как бы некоторую им причиняют преграду в поступлении к дальнейшему познанию, так что, наконец, ни одно действие ума нашего не исправляет должности своей порядочно, будучи при самом начале приведено в такое порабощение. И сие особливо зависит от того, что мы не с должным вниманием рассуждаем о вещах, хотя бы то или от небрежения, или худой привычки происходило, или причиною того было сие, что душа наша, всегда имея склонность далее поступать и как бы перескакивать с одного места на другое, недолго углубляется в рассмотрении самых вещей и различении оных между собою.

Но как всякой истины первым началом почитается *знание самого себя*, то мы легко можем свободиться упомянутых болезней душевных, когда, прежде всего испытав свои силы, будем рассматривать, сколь далеко могут оные простираться, чтоб нам, начавшим высокое здание истины и премудрости, в самом продолжении не лишиться нужных и потребных для такого здания иждивений и чрез то не остаться в посмеянии; а особливо ежели надлежащим образом рассмотрим разные причины, доводящие ум наш, теснейшими пределами ограниченный, до разных заблуждений.

Нет нужды пространно доказывать здесь, что род человеческий многим и тяжчайшим подвергается и может подвержен быть заблуждениям, когда толикое множество несогласующих между собою народов нравами, обычаями и другими обрядами находится в обширном сем свете. Но одно сие полезно знать, что заблуждения великим суть препятствием внутреннему и внешнему нашему

благополучию, так что многие из оных лишают нас чести и всего имения, до великого доводят нас стыда и посмеяния, когда открыты бывают, и нередко самую жизнь нашу в крайнюю ввергают опасность. Из чего явствует, что о искоренении оных всевозможное должны мы прилагать старание. Однакож, как и Буддей утверждает *, прежде всего потребно знать причины оных, давно уже многими разумнейшими исследованные философами, и разделение оных по крайней мере всеобщее.

Заблуждения или первообразные суть, от которых другие происходят, или производные, то-есть происходящие от других. В числе первообразных заблуждений считаются предрассуждения, как бы рассуждения, еще незрелые и предваряющие здравый разум. Иные с Цицероном называют оные такими мнениями, когда мы без всякого рассуждения и дальнейшего размышления ложную или не довольно спознанную вещь признаем за истинную. Бакон же Веруламий весьма разумно уподобляет предрассуждения истуканам **, ибо как язычник, не знающий правил истинного богопочитания, воздает честь божескую таким неодушевленным изваяниям, так равномерно многие из смертных, не последуя здравому рассуждению, наблюдают и как бы обожают различные предрассуждения, так что едва ли и свободяются от оных. Сие ж самое подтверждает и один стихотворец, говоря: *Dediscit animus sero, quod didicit diu*, то-есть *нескоро отвыкаем от того, к чему привыкли чрез долгое время* ***. Надобно думать, что и престарелые люди по сей же причине упорно стоят в своих мнениях и бесстыдно стараются защищать оные, хотя бы и великому подлежали предосуждению. Изрядно Гораций **** для таких людей воспевает следующее:

Vel quia nil rectum, nisi quod placuit sibi, ducunt;
Vel quia turpe putant parere minoribus, et quae
Imberbes dediscere, senes perdenda fateri;

* In element. philosoph. instrument., p. I, cap. 2, § 30. [В книге «Первоначальные основания философских утверждений».]

** De augmentis scient., lib. I, cap. 4. [Об усовершенствовании наук.]

*** Poeta tragicus in Troade ¹. [Трагический поэт в «Троянках».]

**** Epistola I, lib. 2. [Письмо 1, кн. 2.] ².

то-есть: или потому они суть упрямы, что ничего за справедливое не почитают, кроме того, что им нравится; или потому, что за бесчестье вменяют повиноваться младшим и признаться в том, что они, будучи уже стариками, должны позабыть все то, чему научились в молодости.

И тако чувства, во-первых, пленив разум наш в послушание, с самого нашего младенчества великое причиняют нам помешательство в точном познании вещей. И, конечно, так: ибо чувства первее начинают обладать нами, и мы скорее и охотнее повинемся оным, нежели сему. Ибо мы, положившись на оные, часто не приравливаем представлений своих к самым вещам, что бы и надлежало делать, но обратным образом обыкновенно в таком случае поступаем, то-есть самые вещи сравниваем с своими представлениями. Так, например, солнце, в превеликом от нас отдалении находящееся, представляем себе некоторым кругом огненным, не постигая зрением своим другой его стороны и не понимая того, что оно есть тело шаровидное. Так, равным образом думаем, что тела небесные имеют круговое и все равное обращение; искуснейшие ж, напротив того, астрономы разное разным небесным телам приписывают движение, изведав то чрез надежнейшие и достовернейшие опыты. А чтоб такие положения наши сходствовали с самыми небесными явлениями, то мы на сей конец премногие другие часто вымышляем, и такие, которые не столько из рассматривания самых тел, сколько из излишнего и несправедливого представления мыслей наших простекают.

И поистине, ничто так большего вреда не причиняет познанию человеческому, как такая неограниченная вольность вымышлять что-нибудь по своему произволению, полагаясь на одни токмо чувства, с составлением же и видами самих вещей не сообразуясь. Да и излишнее упражнение, употребляемое в рассматривании и различении между собою вещей мелких и пустых без употребления в помощь для чувств исправного орудия, нередко великие умы разумнейших мужей доводит до крайнего истощения: в самой же вещи многого незнание составляет великую часть премудрости. Мы обыкновенно стараемся в самых

вещах найти то, что в одном токмо чувстве находится. Итак, не разбирая, что добро и худо, что полезно или вредно, по одному токмо чувству о том так и заключаем, хотя б то и с великим нашим соединено было вредом; а того и не понимаем, что чувства наши в рассуждении души одно токмо делают вспоможение, как микроскопы или телескопы в рассуждении глаз. Кратко сказать, столько мы на чувства свои уповаем, что, все свое познание зависящим от оных почитая, и утверждать не сомпеваемся: *нет ничего в разуме, чего бы прежде не находилось в чувствах.*

Да и продолжаемое чувствование, инако называемое воображение, и из того непосредственно происходящее вымышление чего не делают, и до какого оные не доводят нас заблуждения, всякому, думаю, известно. Ибо часто мы воображаем в мыслях своих золотые горы, а в самой вещи никогда не видывали таких; часто, отделяя нечто от одной вещи, присовокупляем оное к другой без всякого приличества и разбора; и чрез такое, наконец, совокупление одного с другим производим в свет различные чудовища, каких никогда в оном не находилось и не могут находиться, разве в одном токмо нашем вымышлении. Так, например, стихотворцы представляют себе Гарпии³ наподобие девицы, имеющей женские волосы, крылья и тело ястребиные, уши медвежьи, а руки человеческие. Но кто видал когда такое чудовище? и кто будет подтверждать, что такое чудовище находится в свете? Никто поистине; но всяк скажет, что оно обитает токмо в воображении стихотворцев.

Хотя отвлечение, то-есть способность всеобщие о вещах производить понятия, много вспомоществует нам в просвещении нашего разума и чрез то отличаемся мы от бессловесных скотов, однако и оно нередко совлекает нас с пути истинного; а особливо когда мы отделенными представляющиеся в уме токмо нашем вещи и в самом деле почитаем оные быть такими; или когда представляющееся нам токмо вообще что-нибудь добрым и худым, относим оное и к особенным случаям. Так, например, безрассудно опасаемся смерти или боимся лихорадки, как бы некоторых существ, в отделенности находящихся. Равным обра-

зом несправедливо многие умствуют философы, когда стараются доказать, что *пространство* (spatium) есть вместище тел, так же как бы некоторое существо, в особенности состоящее. Но больше всего подвержены такому заблуждению все те безбожники, кои, не хотя употреблять имени божия и, следственно, не желая ему яко создателю своему воздавать должного почтения, вместо того употребляют имя натуры, не зная и сами изъяснить и истолковать сего слова.

Не меньшее помешательство причиняет нам в продолжении нашего познания и *самолюбие* (philautia), то-есть непорядочная любовь к самим себе, ибо сим пороком зараженные люди ни рассуждать справедливо, ни умствовать правильно о вещах не могут, но обо всяком деле по своим токмо пристрастиям и прихотям рассуждают, хотя истина совсем независимою от оных почитается. Предложено уже было выше сего мною, п[очтенные] с[лушатели], что мы почти никогда не рассуждаем о вещах по их сущности, но большею частию при всяком рассуждении имеем отношение к самим себе. И так навывки чрез то аки бы почтение оказывать себе, всегда в сходственность с склонностями своими и о других заключаем. А особливо когда думаем, что все наши помышления и все мнения столько суть ясны и достоверны, что по предложении оных всяк и принужденно может согласиться на оные; тех же, кои инако думают и рассуждают, невеждами и безрассудными людьми обыкновенно почитаем. По сейто причине, как можно думать, столь долго в презрении и находились многие преполезные средства и достовернейшие опыты, поколику, излишно уповая на самих себя, люди нимало о изобретении оных не старались, но думали, что все подвержено одному токмо-их разумению. Да и ныне много находится столько высокомерных, что они, о природной своей остроте высокими мнениями будучи надменны, думают, что все подвержено их знанию. Итак, положившись на то, издеваются над неизвестностию темных учений, описывают вредительные действия, науками в душах производимые, вооружаются против тех, кои с неусыпным попечением обращаются в трудах, словом: внутренно веселятся и других уверяют, что они никакому

учителю и никакой школе ничего не должны, но все получили от природы⁴. Но сколь тщетны таковых людей такие мнения и какому оные подвержены предосуждению, всяк может разуметь. Г. Локк справедливо говорит, что победа, непостоянным остроумием и лишенным всяких замыслов невежеством одержанная, тотчас исчезает, как скоро истинное учение и прилежность против оных выступят. Да хотя бы такие презрители наук и упражняющиеся в оных и не обманывались в своих мнениях и в самом деле разумом гораздо превосходным одарены были от природы, то бы не должны ли они были с большею справедливостию почитать оные природные свои дарования поощрением к прилежанию, нежели причиною презрения к наукам. Ибо более достоин поношения и посмеяния тот, кто тучную и плодоносную от природы землю оставляет в пренебрежении, нежели тот, коего поле едва токмо за приложенные труды может заплатить своему делателю. Чрез самолюбие, наконец, как утверждает Гаузен*, питается дух противоречия. Ибо, говорит он, часто мы, отчаявшись собственными своими силами защитить высокое о себе мнение, чужую славу и честь стараемся себе похитить и на оных воздвигнуть храм своему высокомерию. Такой противоречия дух питают по большей части зависть, ревность, ненависть и другие страсти, ослепляющие разум.

И подлинно, страсти, ежели они овладеют разумом нашим, много оному воспящают простираться к дальнейшему познанию вещей.

Так, например, с зависти худо рассуждали иудеи о Христе спасителе мира: *«Мы, — возопили они против него, — закон и мимы, и по закону нашему должен есть умереть»***. Равномерно и от страха они ж следующее составляли умствование: *«аще оставим его тако, вси веруют в него, и придут римляне и возьмут место и язык наш****. От излишнего ж желанья и надежды часто вместо желаемой и чаемой вещи принимаем такую, которая или

* Log. [Логика], р. II, гл. VIII, art. III, § 253.

** Иоан, гл. 19, ст. 7.

*** Иоан, гл. 11, ст. 48.

подобна токмо той, или воображение представляет такое по оному: *quod volumus, facile credimus*, то-есть *чего жееаем, тому легко верим*. Примером в сем случае могут нам служить те же самые несчастливые иудеи: они от безмерного желанія, чтоб видеть мессію, и от излишней надежды на имеющее быть чрез него искупленіе от бедственнаго их состоянія, в такое, наконец, пришли заблужденіе, что и самых обманщиков не сомневались принимать за чаемого ими мессію, кои на них вместо свободы — порабощеніе и вместо вольности — несносныя тягости налагали *. Не можно и о следующих страстях умолчать, как то о честолюбіи и сребролюбіи, яко главнейших нарушителей спокойствія душевнаго, поколику сим порокам вдавшіеся люди часто сами себя другим попускают обманывать. Например, честолюбивых прельщают разные предсказатели и астрологи, предвозвещая им неизвѣстно по каким признакам счастье или несчастье; а сребролюбивых обманывают ворожеи или алхимисты: первые — показывая им, что в сем или в том месте великое сокрыто сокровище, а последние — уверяя их, что они могут философическій составить камень и разные из разных металлов сделать превращенія⁵; в самой же вещи *Alchymista nihil habet in cista*, то-есть *у алхимистов сундуки чисты*.

До сих мест, п[очтенные] с[лушатели], исчисляемы были мною внутренніе причины, препятствующіе нам в продолженіи нашего познанія, теперь остается, да и самый порядок велит, кратко упомянуть и о внешних, в числе коих кроме других многих считается особливо худое воспитаніе. И поистине, весьма сожалительно, когда видишь, что многіе родители, ежели только должно называть их родителями, такіе находятся в свете, что они о воспитаніи своих детей ни малейшаго не имеют попеченія, но подлые свои поступки и различныя пороки или гнусныя собственныя своимп примерамп, или скверныи словами в младые их сердца всевают. Но более

* Напр., Саббатеи Севи Смирней около ста лет пред сим временем, как историки повествуют, более двухсот тысяч иудеев из всей почти Азии, Африки и Европы подманив, привел их потом себе в подданство (см. Остерриедер. Лог. Практич., стр. 340).

всего разные юноши разными пороками заражаются оттого, что родители их, или с излишеством потакая и поблажая им, ничему другому, таким образом поступая с ними, не научают их, кроме одной нежности и непосредственно из сей происходящему высокомерию и неповиновению. Другие ж, напротив того, родители, жестоко и сурово поступаая с своими детьми, часто ругают их и нередко наказывают, и чрез то отняв у них всю охоту к наукам, из умных делают их глупцами и из благородных гнусными подлецами; а того не знают безрассудные, что невежда токмо исправляется страхом и что наказание есть последнее уже средство, и то для ленивейших. Квинтилиан за неблагопристойное почитает наказаниями принуждать детей к исправлению их должностей. Локк же говорит, что тогда только должно употреблять наказания, когда все другие средства без всякой пользы употребляемы были. Весьма бы желательно было, когда бы родители старались наиприлежно испытывать еще с малых лет кроющуюся в детях своих к тому или к другому склонность и в сходственность с оною сим или другим обучать наукам. Ибо первая жизни заря обыкновенно предвозвещает последующей сияние или темноту по оному: *quod iuvenis suescit, senex demittere nescit*, то-есть *к чему с молодости привыкнешь, от того и в старости не скоро отвыкнешь*. Также *urit mature, quod vult urtica manere*, то-есть *и крапива молодая жжет*. Так некогда из одного беремя дров, которые Протагор, будучи еще мальчиком, связал, принаравливая к своим плечам, узнал Демокрит, что в нем великая острота разума находится. То же самое повествуют историки и о удивительном остроумии Токсиквира, которого в одно время увидев господин его, что он не токмо порядочным образом на плеча свои кладет дрова, но и в печи оные по порядку обыкновенно располагает, присоветовал ему, хотя сам и не был ученый, записаться в службу, где он находясь в короткое время так прославился, что напоследок великим японским государем под именем Тайкосама свету был известен.

Другая внешняя причина, познанию нашему также причиняющая препятствие, не меньшего требует внимания — обращение, говорю, с простым народом. Известно

уже всякому, коликими и какими простой народ заражен бывает предрассуждениями. Везде во всяком простом народе приметить можно бесчисленные заблуждения, от неразумения и легковёрности одного по большей части происходящие. Ибо простые люди обыкновенно, имея грубое сложение мозга и излишество в крови, всему верят без всякого дальнего размышления; особливо ж по разности климатов, сложений телесных и обыкновений у разных народов разные ложные и произошли мнения, а оттуда так называемые народные ненависти и вечные брани, по свидетельству Ювеналову в 15 Сатире. Но больше всего сожаления достойно, что простые люди, будучи воображения своего рабами и мало имея смысла, от заблуждений своих, каких сами они не примечают, ни чрез кого отучены быть не могут, да и никто учинить того, хотя бы и хотел, не осмеливается по причине обладающего уже ими такого предрассуждения. Столько они в сей жизни зла не токмо самим себе, но и другим причиняют, что разумнейшие люди более жалобу на них приносят, нежели о исправлении их помышляют. Да и неудивительно, потому что душа наша, никакого еще не имев понятия о вещах, сопрягается с телом и по совокуплении с оным помощью чувствования и воображения с малых лет от простых людей научается всему тому, что напоследок во всю нашу жизнь приводит нас в замешательство и притом все мысли и действия наши как бы некоторою черною краскою прикрывает и затмевает...

СЛОВО
О РАЗНЫХ СПОСОБАХ,
ТЕСНЕЙШИЙ СОЮЗ ДУШИ С ТЕЛОМ
ИЗЪЯСНЯЮЩИХ...
ГОВОРЕННОЕ... АПРЕЛЯ 22 ДНЯ 1783 ГОДА

Хотя все истинные философы единогласно всегда утверждали и ныне утверждают, что душа человеческая есть существо простое не вещественное, духовное и по сущности своей бессмертное, однако в объяснениях дружеского и теснейшего ее союза с телом совсем не согласуют между собою, но разные — разные тому полагают причины. И подлинно великой важности дело, когда и высокие умы, будучи не в состоянии постигнуть того, не предали нам прямого, настоящего и с понятием сходственного о том объяснения, в чем и превосходнейший оный римский вития Цицерон сам признается и говорит*: «Когда я рассматриваю душевную природу, то всегда темнейшее во мне рождается об ней понятие, отменная ли она находится в теле, как в чужом доме, против того, когда она выйдет из оногo и преселится на небо, как в собственное свое жилище». Свидетельствует также в том и блаженный Августин**, «что способ, по которому духи соединяются с телами и становятся животными, столь удивителен, что человеку постигнуть того не можно». Свидетельствует, наконец, в том же сверх многих других с. Григорий Нисский***, ибо говорит он: «Хотя душа с телом и имеет

* См. *Тускулан*, вопр.¹, кн. 4, гл. 22.

** См. *Август.*, кн. 21, о град. бож., гл. 10.

*** *De opific. homin.*, сар. 5. [О деяниях человеческих, гл. 5.]

теснейший союз не без довольной причины, токмо того мыслями понять и словами изобразить не можно». И не без причины, ибо где что-либо натурально темным и невразумительным представляется и превосходит меру нашего познания и притом никакого ниоткуда в том удостоверения получить не можно, там безрассудно силится разум человеческий объяснить оное. Однакож если, по слову Цицеронову, почитается непристойным изнеможение в изыскивании того, что само в себе похвально, не можно оставить без исследования и взаимного соединения души с телом, поколику познание сего, как само в себе похвальное, величайшую в разных науках составляет пользу.

Соединение души и тела человеческого, знаменитое оное и удивления достойное малого света явление умы и старания тех, кои изыскивают причины вещей, довольно уже упразднило. И, во-первых, новейший век изобиловал писателями о сем важном предмете столь много, что ни в какое время о соединении души и тела и о исследовании причин оного столь великого старания не прилагали философы. И так, не о новом здесь будет простираться речь моя к вам, п[очтеннейшие] с[лушатели], но об известном давно уже ученому свету предмете. Ибо весь почти древних мудрецов собор с простым народом удобно согласовал в том, что причина такого удивительного согласия, какое в переменах души и органического тела примечаем, заключается во взаимном одного на другое действии, которое схоластики назвали *физическим втечением* (*physicus influxus*). И такое положение в особливости принято или для того, поколику такой способ объяснения всех удобнее, или потому, что природа души и тела не столько еще вразумительна, а невещественность души неизвестна была, или скоропоспешность рассуждения, общественный всем смертным порок, такое мнение влиял в человеческие мысли, или, наконец, от довольно познанной обоих таких существ природы разумные предки такое положение предали своим потомкам. Но поступим далее.

Взаимное соединение души и тела человеческого есть не что иное, как зависимость понятий, которыми мы вещи, вне нас находящиеся, себе представляем, от перемен, сбывающихся в теле нашем, а особливо в чувственных

наших органах. И подлинно, если на все то, что συμβαηεται в душе и теле нашем, посмотрим со вниманием, то увидим ясно, что как только внешние предметы подействуют на чувственные наши и порядочно расположенные органы и произведут в оных перемену, то вдруг производятся и в душе нашей понятия, представляющие нам те предметы; как же скоро прекратится движение в тех чувственных органах, от внешних предметов возбужденное, так скоро исчезают и понятия. Если, например, взираем мы на солнце, то вдруг лучи оногo, чрез зеницу ока прошедшие в органы зрения, производят в душе представление, изображающее вид огненного оногo светила, и сие паки в мгновение исчезает, если отвратив лице свое и глаза от того светила, воспящаем чрез то вход огненным тем лучам в оные органы. Равным образом воздух, от выстрела пушечного приведенный в движение, действует на уши наши, то-есть в ту же самую минуту оный сильнейший звук производит в оных, приводя прочие слышащего оный человека размышления в замешательство. То же должно понимать и о прочих чувствах, то-есть о вкусе, обонянии и осязании, действующих на душу нашу*. Не меньше примечаем также, что воспоследовавшим в теле нашем некоторым известным движениям соответствуют известные понятия душевные. Так, например, когда вредные болезненные припадки заражают тело наше, приводя в замешательство естественное движение крови и других жидкостей, разделяют непрерывные части, сверх меры колеблют жизненные духи**, чрезвычайно растягивают тоненькие мозговые жилки*** и обыкновенную мозга умеренность совсем пременяют, тогда душа наша,

* См. *Гамел*, О теле одушевлен., кн. 1 и след., *Волф*, Физику, сл. *Бюергаав*, Наставл. медическ. и *Гоффман*, Медиц. системат.

** *Жизненные духи* ² (*spiritus animales*) суть не что иное, как некоторое весьма тонкое, жидкое и скоро движущееся существо, из крови, в жилах находящееся, рождающееся.

*** *Тоненькие жилки* (*nervi*), по свидетельству анатомиков, суть некакие белеющиеся веревочки, которые из внутреннего существа мозгу, как бы из источника прористекающие, по всему животному телу весьма удивительным искусством рассеваются, и сквозь них, поколику внутреннее сих жилок составление есть пустое, жизненные духи, проходя, как бы озаряют или просвещают оные.

сбивчивыми и необыкновенными представлениями будучи обременена, выходит из своих пределов и впадает в безумие, в чем свидетельствовать могут бессонница страждущих огневицею и безумство с ума шедших людей *. По возвращении ж порядочного в теле растворения и по пресечении силою лекарств необычайного жидкостей телесных движения, и душа, как бы уврачеванная, к прежним и порядочным возвращается понятиям **. Равным образом обременяющие свой желудок излишним количеством горячих напитков не только в теле возбуждают воскипение крови и других жидкостей, но и мозг свой наполняют и как бы покрывают излишеством жизненных духов, от чего не токмо в членах бывает тяжесть и язык ослабевает, но и душа равномерно, как движение жидкостей в теле, приводится в замешательство, так что оживотворенные оною люди во всем тогда о себе позабывают и не помнят того, где они находятся ***.

* *Nunc accedit uti videamus, corpus ut ipsum
Suscipere immanis morbos durumque dolorem,
Sic animum curas acris luctumque metumque...
Quin etiam morbis in corporis avius errat
Saepe animus; dementit enim delirique fatur.*

Lucretius.

[Надо добавить еще, что, подобно тому как и тело Тягостно мучат недуг и жестокие боли порою, Так же подвержен и дух и заботам, и горю, и страху... Мало того: коль болезнь поражает нам тело, то часто Дух начинает блуждать и высказывать вздорные мысли.

(*Лукреций*, О природе вещей, кн. 3, стихи 459—461, 463, 464. Перевод Ф. А. Петровского, изд. Академии наук СССР, М. 1946, стр. 169).]

** *Et quoniam mentem sanari, corpus ut aegrum,
Cernimus et flecti medicina posse videmus.*

Idem.

[Если ж мы видим, что ум точно так же, как тело больное, Можно лечить и что он врачеванью вполне поддается...

(Там же, стихи 510, 511, стр. 173).]

*** *Cur ea sunt, nisi quod vemens violentia vini
Conturbare animam consuevit corpore in ipso?*

Idem.

Подобное явление дознают на себе и полнокровные, у коих не токмо кровеносные сосуды по причине излишества крови весьма расширяются, но и мозг излишними наполняется жизненными духами, и острота чрез то разума притупляется. Притом известно всем, что живость, являющаяся в душе, зависит от лет, или особливо от расположения телесного. Таким образом младенцы, поелику нежное их тело не позволяет в мягком еще и слабом мозговом существе возбуждать или довольных, или скорообращающихся жизненных духов, производят понятия о всех почти вещах сбивчивые или только темные. Как же скоро начнет возрастать и укрепляться тело их, тотчас умножаются и силы душевные и понятия становятся яснейшими и продолжаются таковыми до тех пор, пока тело, чрез лета обетшавшее и многими печальми или болезнями изнуренное, не начнет притуплять душевных сил и паки показывать вид младенчества *. Все сие утверждается на оных примечаниях, каковые обыкновенно предлагают нам описатели разного сложения телесного.

Итак, понятия душевные от известных обстоятельств телесных и, во-первых, от движения, в чувственных органах воспоследовавшего, как по своему виду, так и по непосредственному последованию зависят. Ибо доказано уже, что известным движениям телесным известные и точно соответствующие в душе бывают представления, и в то же самое время, когда чувственные органы от внешних предметов приводятся в движение, происходят и в душе понятия об оных. Следовательно, сии движения суть как бы указатели наших представлений, и как бы определенные условия, из которых понять можно, для чего особливо

[Не потому ль это так получается все постоянно,
Что даже в теле душа возмущается крепостью винной?

(Там же, стихи 482, 483, стр. 171.)]

* Praeterea gigni pariter cum corpore et una
Crescere sentimus pariterque senescere mentem.

Lucretius.

[Дальше, мы видим, что ум одновременно с телом рождается
И одновременно с ним и растет, и стареет с ним вместе.

(Там же, стихи 445, 446, стр. 169.)]

такие, а не другие суть оные понятия и для чего в сие особливо время, а не в другое собываются в душе нашей. Почему и довольная причина такого определительного вида и непосредственного сопребывания понятий с некоторыми движениями и условиями телесными заключается в тех движениях *. Ежели ж кто скажет здесь: когда понятия душевные зависят от движений телесных как в рассуждении своего с оными непосредственного сопребывания, так и в рассуждении определительного вида, то, следовательно, зависят от движений телесных также и в рассуждении своего действительного бытия. Но сие можно отразить следующим образом: хотя опыт и доказывает, что довольная причина заключается в движениях телесных, для чего такие, а не другие и для чего в сие особливо время, а не в другое собываются в душе понятия, однако не доказывает того, чтоб оные и в рассуждении действительного своего бытия зависели от тех же движений. Представь, например, себе живописца, искусно изобразившего вид попугая: то ты из фигуры и качества той птицы хотя и понимаешь, для чего такое, а не другое есть изображение, токмо не скажешь того, что и действительное бытие такой же птицы, в натуре находящейся, зависит от живописца. Почему причина бытия от причины качества и сопребывания весьма различествует.

С другой стороны примечаем, что некоторые тела нашего члена возбуждаются разными движениями, как только воспоследует в душе нашей произволение и определение, чтоб оные были; и паки прекращаются и престают те же самые движения, если только то угодно бывает душе. Например, когда я приемлю намерение написать что-нибудь и душа по надлежащем размышлении определяет, чтоб я принялся за перо, то рука моя того ж часа исполняет волю душевную, то-есть принимается за перо, и мысли ее обыкновенными знаками изображает на письме. Как же скоро повелевает и определяет она оставить сие, тотчас и рука бывает в недействии. Равным образом усматриваем тогда происхождение чрезвычайного движения жидкостей в теле нашем, когда сильнейшие вождения

* См. Волф, Латин. онтол., § 56, [стр.] 851.

возбуждаются в душе нашей. И сколько есть видов страстей, столько и доказательств сея истины иметь можно. Посмотри, например, на человека, пылающего гневом, и увидишь, как сильно в нем кипит кровь; как по всем устам его разливается в великом множестве краска, ясно доказывающая воскипение его крови; как он махает руками, и ногами своими топчет землю, и как он, наконец, разные на себя восприимлет виды. И что ж сие доказывает? Не то ли, что от такого пристрастия, воспоследовавшего в душе, чрезвычайные движения, особливо крови и других жидкостей, возбуждаются в теле? То же самое, что во гневе, и в других пристрастиях приметить можно, хотя не во всех одинаковым образом и столь ясно. Ибо как во время гнева из самих внутренностей человеческих выходит кровь на поверхностные части тела, так во время страха та же самая кровь от внешних частей во внутренность к самому простирается сердцу, как то бледность, на лице нечаянным страхом пораженных оказавшаяся, доказывает ясно.

Хотя движения, собывающиеся в теле, и зависят от желаний, воспоследовавших в душе, однако не всегда и не всякие движения бывают в теле нашем по воле душевной. Ибо находятся такие, которые не состоят во власти ее, а хотя которые и состоят и собываются когда-нибудь, токмо собываются по механическому строению тела, а не по другой какой причине. Так, например, не может душа наша остановить по своему произволению течение крови и движение прочих в теле нашем находящихся жизненных духов; почему и случившееся превратное крови и других жидкостей течение не внутренним повелением души, но внешними врачуетя средствами. Так, например, внутренние тела нашего части, для питания и движения жизненных духов определенные, как то сердце, желудок и проч., не повинуются воле нашей и не состоят под властью нашею, разве потому только, что душа наша имеет во власти своей расположение внешних вещей, от коих то и другое тех частей состояние зависит, могут оные повиноваться воле душевной. Равным образом тело наше, наподобие крылатого Меркурия³, не может подражать летанию птиц или чрез широкую перескочить реку, хотя бы гонимый неприятелем воин того и весьма желал, и

о таковых желаниях тысячные производил определения. Ибо всяк может понять, что ни строение тела его, ни величина и тяжесть тому быть не дозволяют; следовательно, тщетное в таких случаях старание души нашей о том бывает, чтоб по своему желанию то и другое в теле произвести движение... Что ж принадлежит до первых пратцев наших, то имели ль они до падения своего такую ограниченную власть над своим телом или бессмертия их основание в том единственно состояло, что могли они и превратные в теле их собывающиеся жизненных духов движения воспящать и вместо оных полезнейшие производить по своему желанию; или чрез вкушение оного запрещенного плода, как некоторым напоенного ядом*, некоторые в жилах находящиеся каналы, заградив и машину всего тела повредив, всей оной власти большую часть лишились? О том другим, искуснейшим в знании священного писания, рассуждать оставляю**.

Наконец, в рассуждении чувственных органов и следующее примечать не бесполезно, то-есть что оные не могут иметь движения, сообразного произволениям душевным, когда будут повреждены, а тоненькие жилки, по всему телу рассыпанные и до самого мозга простирающиеся, будут прерваны. Ибо из самого опыта известно, что при таких обстоятельствах сколько бы ни старалась душа в том или в другом чувственном органе произвести движение, но не в силах бывает, поколику жизненные духи, возбужденные от произволения душевного, когда тоненькие те жилки прерваны, не могут чрез оные иметь непрерывного течения и непосредственного прикосновения к тем чувственным органам для произведения в оных надлежащего движения; и обратно, хотя бы от внешних предметов в том или в другом чувственном органе и произошла какая перемена, токмо она по причине прерыва, находящегося в тех жилках, чрез посредство жизненных духов не может перенесена быть до самого мозга для произведения в душе такого или другого представления.

* См. *Бонарт*, О соглас. разум. и веры.

** Conf. Nieventit., Observat. theol. de limitata a mente corporis dependentia, cum praef. Wolf.

Из чего явствует, что оные органы, обыкновенно называемые мышцами (musculi)*, в коих произвольные совершаются движения, управляются тоненькими жилками, по всему рассыпанными телу и находящимися в оных жизненными духами; а каким образом чрез посредство тех мускулов разные могут быть движения жизненных духов, о том известный оный математик Альфонс Борелль в своем сочинении *О движении животных* описывает презрядно, где и удивительные тех мускулов силы исчисляет, и такими быть оные доказывает из механических начал, что небольшая жизненных духов сила и слабое оных стремление может производить величайшие чрез посредство оных мускулов действия. Почему душа наша небольшую должна иметь силу для произведения в чувственных органах движения, когда она толпкими механическими силами во время своих действий на тело и при произведении движений подкрепляется. Притом если тоненькие жилки, на поверхности мозговой находящиеся, будут иметь равномерное и равновесное напряжение, какое полагает *Фушер*** , то и того еще меньшая сила довольна для произведения произвольных в теле движений. Итак, разные в теле движения от воли душевной, или от желания разумного и чувственного зависят как в рассуждении сопребывания, или непосредственного последования так и в рассуждении определительного вида.

Таким образом, соединение души с телом основано на несомнительных опытах свидетельствах. Ибо тогда мы что-нибудь опытом познаем, когда замечаем то, углубляя внимание в свои представления***. Но когда мы углубляем внимание свое в представления свои, то всегда известные душевные понятия соединяются с движениями, от внешних предметов в чувственных наших органах возбужденными. Равномерно и в теле нашем определенные возбуждаются движения, как только таковых или душевная

* Мышцы, или мышики (musculi), суть части телесные, красноватые, из волокон съезживающихся и из сосудов состоящие, повод к движению делающие.

** Conf. *Bülfinger*, Tract. de harmon. praestabil. [*Бильфингер*, Трактат о предустановленной гармонии.]

*** См. *Волф*, Латин. отгол., § 664.

воля, или чувственное желание потребует. Почему как зависимость представлений наших от движений, собою происходящих в теле, так и зависимость движений от желаний душевных в рассуждении сопребывания или непосредственного последования и в рассуждении определительного своего вида утверждаются на таковых наблюдениях. Следовательно, соединение души с телом на несомнительных опытах свидательствах основано.

Но кто не знает, что должность философа состоит в том, чтоб изыскивать причины множайших вещей? Почему из числа таковых не можно исключить и соединения души с телом, хотя исследование сего важного предмета множайшим подвержено затруднениям, так что никто еще и до сих пор прямого и настоящего об оном не издал в свет рассуждения. Плотин, славный платонический философ, с учеником своим Парфрием целые три дни разговаривал о соединении души с телом *, но мало в том успел. Подобным образом славный Лейбниций хотя не три дни и не три года, но более десяти лет упражнялся в изобретении нового положения, как о том сам свидетельствует, токмо толикими своими трудами точно и прямо совершенного не произвел дела, в чем и самые защитники предуставленного согласия признаются. Впрочем, в таких обстоятельствах не надлежит ослабевать, но должно, вступя в следы своих предшественников, подражать их старанию. Ибо и карлы иногда бывают великанами, когда они, презрев всякую робость, во всем поступают смело.

Итак, для объяснения сего, в чем состоит теснейший союз души с телом, должно показать причину и, во-первых, для чего из перемен, собою происходящих в теле от внешних предметов, идеи или понятия об оных производятся в душе, и не инаковым образом, как будто бы само тело чрез себя непосредственно производило оные в душе? Во-вторых, для чего по одному только мановению душевному собою происходят в теле произвольные движения и также не инаковым образом, как будто бы непосредственно причиною оных была сама душа? Ибо сии два обстоятельства

* Vid. «Journal des Savants», an. 1695. [См. «Журнал ученых» за 1695 г.]

теснейший союз души с телом в совершенном и всецелом виде составляют. А что трудно такой союз прямым и основательным образом изъяснить, сие зависит от того, что две оные части, составляющие взаимное соединение между собою, то-есть душа и тело, в рассуждении своего существа весьма различествуют друг от друга. Ибо душа человеческая есть дух, который чрез сие, что он с своим телом соединяется крепко, долгою, или широтою телу никоим образом приноровлено быть не может. И хотя мы сему, что сотворенный дух может действовать на всякое тело и оное приводить в движение, больше верим, нежели знаем, однако с разумом несходно, чтоб тело, величина сама по себе грубая, прямо могло действовать на дух и в оном само чрез себя производить разные перемены. Почему и удивляться не для чего, что некоторые, не понимая сего трудного дела, осмеливаются или утверждать, что душа человеческая есть вещественная, или совсем опровергать вещественное тел бытие. И потому одни из них *идеалистами* (idealistae)*, а другие *монистами* (monistae)** названы. *Дуалисты* ж (dualistae), кои утверждают, что самую вещь два существа находятся в свете сем, одно вещественное, а другое невещественное, на три разделяются класса: к первому из оных принадлежат последователи Картезиевы, утверждающие соединение души с телом чрез случайные причины, почему мнение их и называется *системою случайных причин* (systema causarum occasionalium, vel assistentiae). Ко второму классу относятся последователи Лейбнициевы, доказывающие соединение души с телом чрез предуставленное согласие, почему такое их положение и именуется *системою предуставленного согласия* (systema harmoniae praestabilitae). В третьем же классе состоят перипатетики, доказывающие соединение души с телом чрез физическое втече-

* Идеалистами называются те, кои хотя и допускают, что душа человеческая есть невещественная, токмо вещественное бытие мира и тел опровергают, допуская одно идеальное бытие оных.

** Монистами именуются те, кои утверждают, что одно только существо находится в свете, и оное или вещественное есть, откуда и произошли *материалисты* (materialistae), или невещественное.

ние, почему такое их мнение и называется *системою физического втечения* (*systema physici influxus*).

Для лучшего журазумения вышеобъявленных положений может служить нам следующий пример. Если желаю я писать письмо, то принимаюсь тотчас за перо и изображаю обыкновенные характеры. Здесь *хотеть писать* относится к душе, *приняться ж за перо и писать* — к телу. Итак, для изъяснения сего, каким то образом бывает, что как только в душе моей последует желание писать письмо, тотчас повинуется тому рука и движется, во-первых, последователи Картезиевы объясняют сие событие таким образом: как только воспоследует в душе желание писать, то бог, как бы из машины некакой призванный и от побуждения душевного случайно определенный, приводит в движение телесные органы. Последователи ж Лейбницевы утверждают, что в самое то время, когда рождается в душе желание писать, тело собственною своею силою, без всякого побуждения душевного, движется по законам, искони от бога предуставленным, так, как двой часы, в одинакую меру сделанные, точно согласуют между собою, хотя ни одни из них не действуют на другие, но каждые только то, что до них принадлежит, исправляют сообразно законам составления своего. Наконец, перипатетики говорят, что сие делается чрез физическое втечение, то-есть как только родится в душе желание писать, то она, как прямо производящая или действующая причина, по влиянной себе от бога силе приводит в движение находящиеся в руке тоненькие жилки чрез посредство находящихся в них жизненных духов.

Положение Картезиево, или система случайных причин, утверждается на следующих основаниях: 1) что душа и тело человеческое суть два существа, столь различные между собою, что одно на другое действовать никоим образом не может. Почему 2) и утверждают, что премудрый строитель мира, как первый виновник человека, всегда при нем находится, и 3) по случаю каждых представлений, собывающихся в душе, соответствующие тем представлениям движения возбуждает в теле, и обратно, 4) по случаю каждых движений, воспоследовавших в теле, каждые представления производит в душе сооб-

разные тем движениям. Но Малевбранш против сего положения учинил некоторую отмену, в том только состоящую, что всех таковых собоюющихся в теле движений и всех таковых собоюющихся в душе представлений произведения богу, как непосредственно действующему, единственно приписывает; то-есть сам бог для тела преобразует душу и производит в ней всякие понятия и желания, которые впечатлениям, учиненным в теле, и образованиям одного соответствуют; и обратно, для души сам тот же бог возбуждает всякие движения в теле, поколику таковых, а не других желает душа.

Но сие мнение заключает в себе многие другие ложные положения: 1) что сотворенные причины не суть настоящие причины, но только случайные; 2) что разум человеческий по врожденной себе силе не производит понятий самовластно, но принужденно; 3) что душа человеческая не имеет действительной власти над чувственными органами, почему и не есть свободная. И всех сих положений несправедливость явствует из следующего: во-первых, когда мы внутренне сами о себе понимаем сие, что мы *помышляем, рассуждаем, умствуем, также желаем, отвращаемся, ноги или руки приводим в движение и останавливаем оные по своему произволению* и проч., то не безызвестно нам, что мы действуем и без всякого принуждения приноравливаем самих себя к тем действиям. Ибо известно, что всякий человек в отменнейшем тогда находится состоянии, когда он по своему произволению приводит в движение какой-нибудь член своего тела, нежели в то время, когда в нем самом от другого производится такое ж движение. Почему справедливо говорит Туллий*: «Чувствует душа то, что она движется; и что когда чувствует, то чувствует притом и сие, что она собственно своею, а не чужою движется силою». Малевбранш же совсем противное тому полагает, ибо он в 6 книге *О изыскании истины*, стран. 2, гл. 3, так пишет: «Не только тела не могут быть истинные причины какой-либо вещи, но и благороднейшие твари, то-есть души, равномерному под-

* Lib. 1. Quaest. Tuscul., с. 28. [Тускуланские беседы, кн. 1, гл. 28. *Туллий* — Марк Туллий Цицерон.]

вержены бессилию. Ибо ничего не могут они сами собою познавать, если бог не просветит и не вразумит их; ничего не могут чувствовать, если бог не произведет в них такого или другого чувствования; ничего не могут желать, если бог не произведет в них желания, и проч.» Итак, разумная душа в желаниях и отвращениях своих наподобие тела, когда оно жегомо бывает огнем, страдательною себя представляет, поколику сам бог один избирает и производит в ней желания и отвращения, и, следовательно, разумная душа в рассуждении своих действий не имеет свободной воли.

Но если бы сам бог особливо в теле движения и особливо в душе желания и отвращения производил, то бы не можно было доказать, какую нужду душа имеет в теле, и обратно, телу — какая надобность обстоит в душе? Да и самые беззакония, содеянные телом, по сему положению, в вину душе не могли бы причисляемы быть, когда она не действует на тело; и заблуждения, в помышлениях, рассуждениях и умствованиях случающиеся, человеку в вину приписывать бы не надлежало, поколику событие оных непосредственно зависит от бога. Итак, нравственные законы были бы бесполезны: например, закон, запрещающий убивать, никакой бы не имел силы, поколику для произведения убивства сам бог один и непосредственно приводит в движение телесные органы, а душа по одному принуждению повинуется тому, то-есть по случаю таких, а не других в теле воспоследовавших движений. Наконец, чрез сие бы положение не можно было иметь никакого понятия о соединении души с телом. Ибо как неразумно сказанным почитается сие, что двои часы, в коих точно одинакое находится движение, имеют соединенье между собою потому только, что часовой мастер, взяв оные в свои руки, одинаким образом может привести в движение колеса и пружины обоих, так и чрез положение случайных причин, что душа с телом имеет соединенье, худо заключают защитники оногo из того, что действием всегда присутствующего бога как в душе, так и в теле собываются непрерывные движения. Притом не почитается философическим такое объяснение, когда сказано будет: магнит притягивает к себе железо, и магнитная стрелка всегда и

постоянно обращается к полюсу потому только, что бог, присутствуя при магните, движет железо и магнитную стрелку к полюсу сам непосредственно управляет, ибо все знают, что есть бог, как говорит блаженный Августин *, «от которого зависит всякий способ, всякий вид, мера, число, вес и все, что ни бывает естественным образом»; однако никто чрез такое знание не делается разумнейшим, следовательно, и взаимное соединение души с телом философическим образом не объясняется чрез сие, когда сказано будет, что оно есть для того, что бог чувствуемых вещей понятие вперяет в душу, как только оные в чувственных органах произведут перемену, и тело сам непосредственно приводит в движение, как только пожелает душа, чтоб оное воспоследовало в теле.

Что принадлежит до положения Лейбницева, или системы предустановленного согласия **, то оно утверждается на следующих основаниях: 1) что душа человеческая есть как бы некоторая духовная машина, в которой непрерывным порядком одно помышление за другим и одно желание за другим следует по одной только врожденной душе силе, нисколько не завися от движения, в том или другом чувственном органе воспоследовавшего, так что понятия и желания таким же образом, как теперь, и тогда воспоследовали в душе, когда бы ни тела, ни сего видимого мира не находилось, и особливо под таким условием, что ни одной бы не находилось такой минуты, в которую бы какого понятия или какого желания душа не имела. Почему Лейбниций и называет душу человеческую существом, коего понятия и желания, числом бесчисленные, продолжаются непрерывным порядком и таким, который никогда прерваться не может. 2) Что тело есть как бы некоторая вещественная машина, таким искусством от пре-

* Кн. 5, О граде бож., гл. 11.

** Началом сего положения почитается 1695 год, автором же оного Лейбниций, который более десяти лет трудился над оным и, наконец, издал оное в *дневнике ученых*, «Journal des Savants», под титулом: «Système nouveau de la nature et de la communication des substances, aussi bien, que de l'union, qu'il y a entre l'âme et le corps». [«Новая система природы и связи существей, также и о союзе между душою и телом».]

мудрого всех вещей творца сделанная, что, нимало не завися от души, может производить все те движения, какие и ныне собывающиеся примечаем в теле, соединенном с душою, то-есть таким же бы образом движения, соответствующие желаниям душевным, собственно телу силою, от впечатлений, чувственным органам причиненных, не завися от души, как теперь, и тогда воспоследовали в теле, когда бы не находилось души. Почему Волфий и полагает, что возможно есть такое тело, в котором некоторый порядок движений чрез впечатления внешних предметов в чувственные органы соблюдаем быть может. Итак, 3) сии две машины, весьма различествующие между собою, то-есть душу и тело, так вместе соединил премудрый и всемогущий творец, что все движения, собывающиеся в теле, всегда соответствуют всем понятиям, желаниям и отвращениям, воспоследовавшим в душе. Для лучшего уразумения сего положения, говорят защитники представленного согласия, представь себе, что душа твоя, отделенная от тела собственною своею силою, в одно время производит три понятия, непрерывно одни за другим следующие: то в самое то же время собственною телу силою бывают и в мозгу оною три движения, хотя не все вдруг, однако таким образом, что одно движение следует за другим, так как и в душе одно понятие бывает после другого в непрерывном порядке. Потом представь себе две сии машины уже соединенными таким образом, что в одно и то же время, когда душа производит понятия, производятся и в мозгу движения, и когда в душе бывает другое понятие, тогда и в теле случается другое ж движение: то из сего удобно можешь понять машину, соединенную из души и тела или составленную как бы из двух машин, хотя неодинаковых, токмо всегда сходствующих между собою в своих действиях.

Но сие мнение, равномерно как и система случайных причин, заключает в себе многие другие ложные положения: 1) что по принятии сего положения действия бы человеческие внешние, произвольные и движения телесные, независимо от души собывающиеся в теле, в силу одного строения телесного, как бы необходимого начала, определенные происходили, и душа не имела воли пресекать

внешние действия и движения телесные, естественно происходящие, или не в силах находилась делать оным препону. Ибо, по мнению Волфиеву, оные движения воспоследовали бы в теле и тогда, когда бы оно и не было соединено с душою. Равным бы образом и понятия о вещах по необходимости в душе нашей производились, так что и препятствия оным никакого учинить мы не могли бы, поколику душа наша по сему положению в рассуждении своих действий ни от какого внешнего начала не зависит. Но как внутреннее сведение удостоверяет нас в том, что в нашей свободной воле состоит, чтоб возбуждать в себе самих всякие понятия или приводить на мысль прежние, то явствует из сего, что понятия в душе нашей собою не по необходимости какой-либо, но по ее произволению, в чем такожде и священное писание на многих местах свидетельствует ясно, что чувствуемые вещи и наши чувства много способствуют понятиям и желаниям душевным⁴. Притом положение сие явную открывает дорогу к нечестному житию, поколику главное оного начало состоит в том, что перемены, случающиеся в чувственных наших органах, нимало не способствуют произведению понятий и желаний душевных. Почему для соблюдения честных размышлений в душе и для истребления порочных из оной все равно, какое ни будет употреблено старание о соблюдении или исправлении внешних чувств. Но если для внутренности человеческой ничего не пользует старание о внешности, то всяк поистине свободно может поблажать своим чувствам; да хотя бы и захотел кто сделать какое препятствие оным, токмо бы понятия и желания и без тела воспоследовали. 2) Равным образом по сему положению тщетными должны почитаться изнеможения плоти нашей, причиняемые от нас для покорения оной духу. Ибо, по мнению защитников сего положения, и без того душа имела бы несправедливые желания и разные вожделения.

Итак, без довольной причины в системе предустановленного согласия полагается, что душа наша имеет непрерывное течение своих понятий, так что каждое предыдущее понятие заключает в себе довольную причину каждого последующего. Ибо душа наша иногда находится в таком

состоянии, которого довольную причину удобнее в теле, нежели в ней самой, находить можно, а особливо когда она находится в состоянии таких размышлений, которые никакой между собою не имеют связи. Например, если кто, взяв в свои руки словарь какого-нибудь языка, прочтет в оном хотя около двух тысяч слов, из коих каждое производит в мыслях его весьма разные понятия, токмо идея первейшего слова никогда не будет содержать в себе довольную причину последнего, да большею частию вся причина оных понятий будет заключаться в впечатлениях, которые в чувствах или в мозгу его учинены. Сверх сего система предустановленного согласия не объясняет, какая есть оная сила, которая управляет телом, чтоб оно производило движения, сообразные желаниям душевным. Почему и спрашивается у защитников сей системы: оная сила одарена ли разумом, или нет? Если скажут, что *одарена*, то она или есть *разумная душа*? почему в таком случае для объяснения соединения души с телом будет иметь место система физического втечения, или есть бог? почему и в сем случае для объяснения того ж соединения будет иметь место система случайных причин. Но как они ни того, ни другого не допускают, то остается им на вопрос наш отвечать, что оная сила *не одарена разумом*; а когда так, то следует, что все внешние действия человеческие ничем не разнятся от скотских. Но такое заключение совсем противно здравому рассуждению.

Никоим образом также не можно разуметь чрез сие положение, находится ли в свете сем что-нибудь другое кроме души и имеют ли вещи или между собою, или с нашею телесною жизнью взаимное отношение. Ежели сказать, что ничего кроме души не находится, то идеалисты своим мнением одержат верх над нами. Но защитники предустановленного согласия говорят, что понятия душевные проистекают из самой ее природы; почему и не могут почитаться оные, разве видами вещей токмо возможных, а не бытие имеющих; потому что, по их мнению, душа таким же бы образом помышляла и тогда, как теперь, когда бы никакого тела и сего мира не находилось. При этом говорят они: каким образом может удостоверить себя душа в том, что понятиям, внутри ее произведенным,

толикое ж число предметов, вне ее находящихся, соответствует? Не может она убедить себя в том одним своим умозрением, поколику она не на вещи, но на одни только оных идеи взирает; не может удостоверить она себя в том причинами, поколику такие идеи не суть причины бытия вещей; не может, наконец, удостоверить она себя в том действиями или произведениями, поколику такие идеи не происходят из самих вещей. Если ж виновник и начальник сего положения славный Лейбниций скажет, что душа сотворена с понятиями о всем мире, которые она потом малопомалу производит, и как притом известны мы, что божеские понятия суть точно сообразны вещам, то равномерно и сомневаться не можно нам о том, чтоб и наши понятия не соответствовали вещам; однако из сих Лейбнициевых слов следует: 1) что понятия, производимые о вещах, не суть подобия оных, и мы имеем оные врожденные себе, чего многие философы не допускают; 2) яснее должно изъяснить, какие суть части и свойства той *карты*, как называют они, *космографической* (*mappe cosmographicae*), на которой весь мир представлен и изображен быть может. 3) Довольная и обстоятельная причина показана быть должна, для чего душа при развертывании той карты всегда начинает свои размышления от тех вещей, которые прежде чувствам подвергаются, и никогда далее сего не поступает. Например, помощью глаз открывается на той карте идея Сатурна: то для чего душа, однажды открыв оную, прочее в той идее Сатурна заключающееся, как то части, разные тела, фигуры, силы и взаимные оных отношения, без телескопа не усматривает в той идее? для чего без употребления чувств и опытов из той сатурновой идеи ничего понять она не может? для чего не все люди одинаковую имеют способность то или другое объяснить на той карте? для чего, наконец, столько ложных и вымышленных идей обращается в мыслях наших, когда карта она никаких других идей, кроме вещественных, в себе не заключает, и все люди о всех вещах врожденные, следовательно, непрменяемые имеют понятия? Из чего явствует, что совсем ложно сие мнение, чтоб душа человеческая и тело были такие существа, из коих одно от другого в рассуждении своих действий не зависело. Ибо между понятиями

душевыми и движениями телесными находится такая связь, какая между производящею причиною и ее производением всегда примечается; ибо как по положению производящей причины полагается произведение ее, так и по учинении перемены в каком-нибудь чувственном органе должно быть понятие в душе, и особливо такое, чтоб оно соответствовало впечатлению, в чувственном том или другом органе причиненному, и тем яснейшее или темнейшее, чем большее или меньшее учинено было то впечатление. Итак, система предустановленного согласия, опровергающая зависимость души от тела, в рассуждении движений, воспоследовавших в оном, и обратно, зависимость тела от души, в рассуждении желаний, воспоследовавших в оной, несправедлива, и последователей сей системе объяснение философическим почтено быть не может, поколику основания и начала, на коих они утверждают свои мнения, суть неизвестные, сомнительные и произвольные.

Наконец, положение перипатетическое, или аристотелико-схоластическое, или система физического втечения, утверждается на следующих основаниях: 1) Душа и тело суть два существа, по сущности своей, весьма различествующие между собою, и потому, 2) хотя и почитаются оба несовершенными, токмо чрез взаимное совокупление составляют нечто третье, то-есть человека, и 3) таким образом душа, в отношении к телу, есть *внутренний вид* (*forma intrinseca*) и *первое начало* (*principium primum*) как сущности, так и действия его, а тело, в отношении к душе, есть *подлежащее образования* (*subiectum modificationis*); 4) душа вмещается в теле нераздельным образом, так что вся во всем находится теле, и притом вся во всякой оного части, и, следовательно, 5) не извне, но внутренне все в теле движения, как произвольные, так и естественные производятся физическим образом, так что, 6) когда тело от вещественного какого предмета приводится в движение и получает чрез то перемену, тогда и душа участвует в том движении и перемене, поколику она чрез действующую силу своего разумения о тех движениях и переменах сама в себе производит понятия, и 7) все сие весьма скоро и почти в мгновение сбывается по причине теснейшего соединения ее с телом. Притом справедливость сего перипатетического положения очевидна из того, что душа и тело не могут существовать раздельно, и притом душа не может существовать без тела, а тело без души не может существовать.

патетического мнения может видна быть из следующего: во-первых, самым ежедневным опытом у[до]стоверяемся мы в том, что душа наша по своему произволению и по своей власти производит не только понятия о переменах, во внутренних или внешних чувствах воспоследовавших, но и движениями телесными, особливо произвольными управляет, так как, напротив того, когда не будет души или когда действие ее, по причине чувственных органов, сделавшихся неспособными, подвергается некоторой медленности, и тело тогда или совсем, или отчасти перестает иметь движение. И как тело и душа суть части сложного, теснейшим союзом совокупленные между собою, то и случившаяся каким-нибудь образом перемена в одной такого сложного части должна чувствуема быть и в другой того ж сложного части. Притом по сему положению душа в нравственном смысле почитается обязанною отдавать отчет как за движения, так и чувствования телесные, сходственные ли оные будут или несходственные с естественным правом, чего чрез систему предустановленного согласия и систему случайных причин не доказывается. Наконец, поколику душа есть существенный вид тела, то она, внутри его производя свои действия, побуждает жизненные духи, чтоб оные чрез ту или другую жилку переносили желание ее к тому мускулу, помощью которого движение телесное такое, а не другое и теперь по произволению душевному произведено быть должно. Равным образом и движение, возбужденное в теле, чрез жилки к мозгу перенесенное, определяет душу к тому, чтоб она произвела совершенную идею определенного чувствования.

А что душа, как существо невещественное и духовное, может вещественным и физическим образом действовать на тело, сие можно видеть на многих местах в священном писании*. Притом если бы сущему невещественному и духовному, по сущности его, противно было действовать на тело, то бы и бог, который есть чистейший и неограниченный дух, действовать и сущие телесные в движение приводить не мог; и как он учинить сие может неограниченным образом и собственно своею силою, то и душа

* [Ссылка на библейские тексты опущена.]

то же самое, хотя ограниченным образом, и силою, от бога ей данною, сделать в состоянии бывает; поколику той же самый бог по образу и по подобию своему сотворил оную *; и если движения, называемые произвольными, по одному мановению душевному возбуждаются в теле и по воле ее продолжаютя в оном, то прямым образом оные от души, как от внутреннего начала, ограничиваются, и такое ограничивание тела, в рассуждении движений его, не есть на воображении только основанное действие, но вещественное и естественное, и потому не может произведено быть иначе, как только чрез настоящее действие, или, как схоластики говорят, чрез физическое втечение, следовательно, душа вещественным и физическим образом действует на тело.

Итак, система физического втечения пред прочими другими положениями имеет преимущество для следующих причин: 1) по сей системе справедливо именуется душа формою или видом человеческого тела; 2) чрез сие положение не уничтожается свободная человеческая воля, потому что внешние действия не силою только строения телесных органов или непосредственным присутствием Божиим, но силою и властью одной души, одно движение пред другим избирающей, производятся; 3) ясно и вразумительно изъясняет сие положение, каким образом душа, как начало избирающее и производящее, за внешние произвольные действия повинна бывает терпеть наказание или иметь награждение, чего ни Картезий, ни Лейбниций, в сходственность началам богословским, чрез свои положения не доказывают.

Но если скажет кто, что система физического втечения противна бессмертию души, потому что в силу сего положения все чувствования зависят от действия тела на душу; и как по разрушении тела уничтожатся чувствования, то и душа, после смерти тела своего в глубочайшем и непрерывном сие будучи погружена, ни понимать, ни о прошедшем помнить, и ниже себя за ту же самую признавать не будет; но для бессмертия душевного не должно необходимым почитать сие, чтоб она и после смерти тела своего

* [Ссылка на библейский текст опущена.]

имела чувствования. Ибо душа не есть сущее прямо страдательное и такое, в котором ничто, кроме впечатлений, от тела возбужденных, не имеет места. Но может она тогда продолжать такие свои действия, какие она собственно своею силою и во время соединения своего с телом обыкновенно продолжала, то-есть может иметь она желание и отвращение, помнить о прошедших вещах, рассуждать, умствовать и употреблять чистое разумение. Почему от состояния души, соединенной с телом, к состоянию ее, с оным разлучившейся, не можно иметь заключения, ибо разум доказывает, что душа наша, по разрушении тела, отменный против прежнего образ ограничивая получает *. Как, например, человек, когда он, будучи заключен в темницу, принужден бывает претерпевать всякую нечистоту и дурной запах, происходящий от сгустившихся паров, изведен же из оной, чистейшим воздухом пользоваться начинает со всяким своим удовольствием, так и душа наша, как бы из темницы некакой, из сего бренного и грубого тела будучи изведена, отменнейшие против прежних имеет производить понятия.

Итак, будет непременно такое время, в которое к величайшему нашему благополучию немало воспользует нам совершенное самих нас познание, когда душа наша с большим и живейшим удивлением будет взирать на себя самую, нежели с каким взирала она на сей свет и на вещи, находящиеся в оном; будет непременно такое время, в которое мысленные очи наши, просветившись немерцаемым светом, узрят в совершенном своем виде оное бесконечное, верховное и крайнее благо, к достижению которого стремительное всегда в сей жизни имели мы желание. Познаем в свое время, что всеблагий творец всяческая во всех действовал по своему высочайшему благоволению...

* Conf. *Thümmig*, Dissert. de immortal. anim., § 24. [Ср. *Тиммиг*, Диссертация о бессмертии души.]

СЕМЕН ЕФИМОВИЧ
ДЕСНИЦКИЙ

СЛОВО
О ПРЯМОМ И БЛИЖАЙШЕМ СПОСОБЕ
К НАУЧЕНИЮ ЮРИСПРУДЕНЦИИ,
В ПУБЛИЧНОМ СОБРАНИИ ИМПЕРАТОРСКОГО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА...
ГОВОРЕННОЕ... ИЮНЯ 30 ДНЯ 1768 ГОДА

же довольно, слушатели, вседержитель благословил и препрославил российское оружие. Соседние державы, с удивлением взирая на необъемлемую обширность здешней империи, единомысленно утверждают, что свет еще не видывал таких пространных под одним народом владений, какие ныне себе оружием приобрела Россия. И думал ли из древних кто, чтоб славянин, с начала своего немногочисленный и неизвестный почти и в последующие времена, мог сделаться когда обладателем толликих стран и законоположником толь многочисленных народов? Могуществом творца и множество миров из ничего в бытие произведено, и его словом уничтожено быть может; однако смертным представляется, что распространить государство до половины гемисферы¹ есть не одного народа, но целого рода человеческого дело. И если кто еще желает из прошедшего и настоящего узнать, каким путем и до коликого величества доходил и возвышается ныне росс, тот может из истории уверен быть, что и он к достижению своего благополучия имел подобные греку и римлянину желания, которые дабы счастливо совершить, призывал бога и человек на помощь. Божиим и человеческим пособием подкрепляемый и ревностию к своему отечеству воспаленный, он издревле мужественно ополчался против иноплеменных и совокупленными силами и оружием чрез

множество веков защищался от неприятельских нападений. Во многих своих предприятиях росс имел непрепобедимые и внутри и вне отечества препятствия, которые подвергали жизнь его и правление разным переменам и крайнему опасению. Частые перемены и великие затруднения уменьшали в нем одну только силу, а не разум, довольный к изысканию средств для отвращения общего злополучия. Ибо хотя он иногда, препобежденный большею силою и не единожды наподобие римлянина страшных Ганнибалов у себя во вратах видеть имел несчастье, однако, и обуреваемый такими напастями и воздыхая под игом работы чужия, имел своих Сципионов и поборников великих, под которых предводительством он, аки некий исполин, проходя сквозь горы, огонь и воду, наконец, простер свои завоевания до таких границ, к которым и смертных род еще приблизиться не смел. За что он был уже неоднократно увенчан славою в середине льдов и в пределах знойных носил неувядаемый венец за свой кровавый подвиг. В мнувши годы он Европу в самой середине мечом и пламенем устрашал², и его ныне, как собственный вития³ говорит *, и в образе изваянного страшится галл, гот, сармат и саракен. Такой, свет уже видит, был успех российского оружия, и такие оным издревле совершались чудодействия! Грек и римлянин не могут похвалиться толиким обширным завоеванием, каковым росс ныне по справедливости возносится. Творец его намерениям и предприятиям поспешствует во благое, и аки бы единственно для него, оставя на Юге и возлюбленные себе издревле места, ныне в полных странах невечерний росу жиздет познания свет. Азия уже отворяет ему своих сокровищ недро, из которого девицы и юноши его почерпают себе великолепие и украшение. Серебро и золото истекает у него в своем отечестве, и народы носят ему дани, где лишь только меч его сверкнет. Соседние державы, в брани изнемогая, главы свои преклоняют под его покровительство и заступление. Свою ныне силою и могуществом он отворяет и морем и землю новый проход на иной свет ** и своим любопытством и изысканием

* Смотри *Ломоносовы* Похвальные надписи, надпись 5 [к памятнику] Петру Великому⁴.

** В Северную Америку Ледяным морем⁵.

он хочет свету доказать, сколько росс один в состоянии обитать и в самых неприступных народах странах. Сии исполнив желанья и принеши воздаяние совершителю толиких благ, россы, шествуйте в другой храм славы! Настоящая Минерва⁶ российская старается воздвигнуть вам новый Олимп⁷, на котором дела ваши и труды, надобные при мирном состоянии отечества, сугубую честь вашему имени принесут и радостнейшее преобразование в житии вашем произведут. Вы видите и из намерения ее величества, коль достойное она своих великих дарований и коль достойное общего всех и ревностного старания ныне в отечестве предприимлет дело⁸. Такие предприятия, полезные роду человеческому, одним оружием и единственным упражнением военным в желаемое действие произведены быть и достигнуть до своего совершенства благопоспешно не могут. В сердце человеческое никто проломом не входит, и люди с природы все к одному и тому же упражнению рождены и способны нигде не бывают. У всех народов и во всяких государствах примечается издревле и поныне разная склонность и отменное дарование к различному упражнению; и что люди в ином государстве, не последуя толикому многоразличному и природному в них стремлению желаний, одно военное упражнение за величественное почитают и к оному все свое старание прилагают, тому бывают причинами смежное со многими такого народа поселение и долговременное оно с начала закоснение в войне с соседними народами*. В противном случае и

* Греческие республики и нынешнее Великобританское государство, единственно по причине своего поселения на островах, на которых они неприятельским нападениям не столько подвержены бывают, вскоре по поселении военное упражнение ободрять перестали и, пользуясь таким выгодным положением мест, в купечестве, науках и художествах упражняются. Напротив того, римские народы, будучи с начала в таком поселении, в котором их соседние народы всегда беспокоить могли, принуждены были прилежать к военному упражнению и ободрять оное чрез 700 лет. В России по той же причине военное искусство и упражнение в великом почтении и уважении. В других европейских государствах военное чиноположение отдано в торг охотникам, и ранги военные и команды покупают[ся] и продаются офицерами, которые сами и со всем войском бывают наемные. Впрочем, какой успех в рассуждении целого общества имеет стоящая армия⁹, наемные войска и обыкновенно

в других обстоятельствах народы по своей склонности, охоте и дарованию избирают себе разный образ жития, и от такого многообразного упражнения обыватели купно с целым отечеством несравненно больше прославляются и бывають не только себе, но и целому свету несказанно полезнейшими. Сие не в предосуждение военачальному в государствах чиноположению сказано, но только здесь для доказательства общему всех рассуждению предлагается то, что при мирном состоянии и что во брани народы за главное правило наблюдать и к чему большее, в обоих случаях, старание прилагать должны, дабы таким обоудным во все обстоятельства проницанием могли заблаговременно узнавать, к чему больше их отечество преклоняется, в чем оного большая сила и крепость и в чем прямое оного и общее всех благополучие состоит. Пленить и покорить многочисленные народы и распространить державу есть только доказать военное искусство и превосходную оного силу; но удержать безмерные завоевания в единомысленном повиновении и с удовлетворением всенародным есть такое дело, которым неоспоримо доказывається человеческая премудрость и счастливое правительствующих дарование к совершению великих дел. Первого славу заслужили кровию предкп российские, и сего последнего честь остается заслужить потомкам неусыпным попечением о народной пользе и ревностным споспешествованием к окончанию добродетельных намерений и предприятий наша всемилоостивейшия монархини. Варварские герои Атила, Чингисхан * и Тамерлан с своими гуннами и татарами внезапно ужасные завоевания сделали. Тогда при нападении толикого варварства на варварство Европе представлялось, что сих народов оружием, как всемирным потоком, премногие государства поглощены и покрыты были; однако их победы и завоевания кончились во всем не пнак, как ветреная буря, которая, восстав от Востока и с ужасным стремлением прошед до Запада, обратно на Восток с шумом возвратилась, оставляя за собою только

называемая милиция¹⁰ и какие суть лучшие средства к учреждению армии по времени и месту, — сие составляет предмет рассуждения в натуральной юриспруденции.

* В издании 1768 г. «Генгисхан». — *Ред.*

одни следы своего свирепства в государствах, чрез которые проходила. Подобные были завоевания и Александра Великого¹¹, то-есть вскоре за победой исчезающие. Внезапным превосходного в силах одного народа нападением завоеванные народы разного правления, разных нравов и состояния в скором времени не могут действительно соединиться во единый народ с победителями и не могут быть удержаны в покорении чрез долгое время. Для верного соединения подданных и для их единодушного и единомысленного повиновения своему правлению требуется веков, изрядного законоположения, согласного исповедания веры и великой взаимной коммерции с своими и с соседними народами *. Римляне своими продолжающимися

* Купечеством больше народы скрепляются и соединяются, нежели каким другим средством. Доказательством неоспоримым есть целая Европа, в которой ныне совсем невозможно победителю овладеть целым государством или разорить оное вконец, ибо прочие державы, будучи в взаимном между собою купечестве, и прежде объявления войны восстают против зачинающего. В последнюю Прусскую войну¹² многие державы переведались оружием без всякого почти завоевания знатного и без всякой корысти. Господин Волтер, описывая Полтавскую баталию¹³, говорит: «Что с начала нынешнего века в Европе уже до двухсот знатных баталий выдержано и знатнейшими самими и кровопролитнейшими победами завоевано было несколько маловажных провинций и городков, которые по замирении паки возвращены, кому принадлежали. А от Полтавской победы и баталии, говорит он, родилась напобирнейшая в свете империя» (voyez «L'histoire de Russie sous Pierre le Grand» par mr. de Voltaire, tome I, p. 350). [См. *Волтер*, История России при Петре Великом, том I, стр. 350.]

Сему причине господин Волтер никакой не определяет; однако, без сомнения, можно утверждать, что в тогдашние времена и в тамошних местах, где толикая война происходила, купечеством соединенные области, каковы были Британия, Франция, Гишпания, Португалия, Итальянские и Голландские республики, не дозволяли ни одному победителю великого завоевания оружием приобрести. Многие приписывают сие действие союзному ныне заведению междоусобных в Европе трактатов; однако можно спросить, для чего учреждается между нынешними державами такой взаимный союз и откуда ведут свое начало самые междоусобные трактаты? Купечество было их началом, и для купечества по большей части оные ныне учреждаются. И что без купечества такие трактаты и союзы действительными не бывают и удобно нарушаются, тому кроме нынешних примеров доказательством есть бывший и у греков Амфикионский конгресс¹⁴, общим согласием всех греческих

победами и немощными сначала силами подобную Рос-сийской империю созидали. Они не в единое нападение на всех соседних, но покорив сперва один народ и вооружаясь потом на другой, распространяли свои завоевания. Сначала им всегда успешно удавалось совершать свои намерения. Непрерывным и неизменным успехом своего оружия они довольно ободрены и заохочены были к непрерывной войне с окрестными народами. Победа у них всегда последовала за победою, и всякое завоевание было им воспалением к кичливости и горделивому мнению о своей военной славе, от чего напоследок то произошло, что у римлян одно только упражнение военное в мыслях, в славе и почтении было, а прочие упражнения, необходимо надобные при мирном состоянии отечества, в презрении оставлены. Ибо у всех народов, что большая часть людей за величественное признает, к тому у всех все желание и помышление стремится, и в том одном каждый всякого ревностно превзойти старается*. По сей причине мы видим, что в государствах, в которых одна военная слава и военное чиновное положение предпочитается во всем, свободные науки и художества благопоспешно не процветают, и сходно с сим заключением мы також видим, что у римлян при военном состоянии, которое у них чрез 700 лет продолжалось, никаких почти философов, стихотворцев,

областей учрежденный для наблюдения равновесия во всех державах, который без знатного купечества желаемого успеха не имел и вскоре после заведения был уничтожен. Купеческий азиатский трактат (The asiatic league) и заключенные в оном (Hanse towns) города, когда Восточной Индии коммерция Итальянскими республиками чрез Средиземное море вся отправляема была, можно сказать, началом и заведением были нынешних в Европе союзных трактатов. Желающие о сем уверены быть, могут прочесть Martin's «History of trade and commerce», 2 vol. folio, the last London edition. [Мартин, История промышленности и торговли, т. 2, последнее лондонское издание.]

* Сам Цицерон, который совсем не рожден быть солдатом и который публично говаривал «да уступит победа миру» (cedant laurea togae), принужден был, наконец, искать консульства единственно для того, чтоб получить себе публичный триумф и показать себя достойным такого величественного состояния, к которому тогда у римлян каждый достигнуть старался. Conf. Ciceronis epistolam ad Marcum Catonem. [Ср. Письма Цицерона к Марку Катону.]

историков и знатных художников не было*. А когда такие науки и искусства в небрежении у военного народа, то в каком забвении и несовершенстве суд и истина у него оставлены бывают, когда оные одним мечом предписываются. Солдат с природы не любит и не терпит продолжительных и трудных исследований в тяжёбных и криминальных делах; у него короткий раздел и решение в обоих случаях. «Разделяй и повелевай» (*divide et impera*) — у него только и правила главного для всего отечества; «даю, сказываю, приговариваю» (*do, dico, addico*) — был генеральный издревле у римских судей ответ на все и самые партикулярные дела, которые к сим трем только словам истцы приноровливать должны были; в противном случае и за одно слово вовсе удовлетворения своего лишались**. В нынешних судах, где только милость и истина совокупно присутствуют, природы глас вопиет: «Отвори всем пути к блаженству, и пушай тот больше преимущества, чести и достоинства наслаждается в отечестве, который больше в оном тягости несет! Ограничь судью и судимого, да никто из них предписанного им предела не преходит! Утверди права, принадлежащие всякому с первого до последнего!

* *Virgilius, Tibullus, Propertius, Ovidius, Horatius et Livius* [Виргилий, Тибулл, Проперций, Овидий, Гораций, Ливий] появились у римлян в мирное время при Августе, при котором их янусов храм затворен¹⁵ и войско учреждено было наемное, которое до Августа составляли сами граждане и обыватели римские, служба в оном по очереди.

** Невежественный народ обыкновенно осуждает человека во всем, если только он в одном неправым явится; но человек рассудительный и просвещенный снисходительно принимает в рассуждении, что хотя много требоваше не согласно бывает в одном, однако для того не должно лишать его своего удовлетворения, если только оное в другом явится вероятным. Римские судьи, видно, издревле все дела судили, принимая или отвергая оные вовсе, если только они в одном чем не приноровлены были к их генеральному ответу, приведенному к одному из сих трех слов: *do, dico, addico*. По старинным римским законам никто не мог взыскивать ничего, кроме как только по одному праву, если кто стяжанную вещь отчасти подарком и отчасти куплею потерял, тот оной за одним процессом взыскать не мог, но принужден был двойной и особенный суд об одной вещи иметь. И кто за незнанием больше взыскивал чего на ком перед судом, тот и всего требуемого лишался. *Qui plus petebat, causa cadebat. Conf. tit. 13, D. de edendo.* [См. гл. 13 декрета о правах судей.]

Внемли с кротостию к немощному и обидимому и накажи низвержением сильного и попирающего нагло святость прав! Сделай, чтоб всяк в своем грехе достойно и праведно казнен был! Дозволь ходатайствующим с обеих сторон иметь свободный и публичный голос пред судом за судимых, дабы ничто в тайне, но откровенно и посторонним известно судимо было и исходило бы во свет для научения народного, поелику сим одним средством всяк нечувствительно научается всему тому, чего ему в житии и во владении своем опасаться должно. Добродетельный кроме защищения пред судом ничего не ищет, и закон, сколько бы оно строгость ни тяжела, не для его, но для преступников издается»...

Причем:

- 1) Наша должность будет — изыскивать причины, которые побудили народ учиться законоискусству.
- 2) Показывать, какие части юриспруденции по времени и месту необходимо нужны для преподавания в училищах.
- 3) Изъяснить примерами те части юриспруденции, которые за ближайшие к делу усматриваются.

О НАТУРАЛЬНОМ ПРОИСШЕСТВИИ ЗАКОНОУЧЕНИЯ И О ПРИЧИНАХ, КОТОРЫЕ ПОБУДИЛИ ЛЮДЕЙ УЧИТЬСЯ ЗАКОНОИСКУССТВУ

В начале всякого общества, когда обыватели еще только начинают порядочно жить, законы в таком первоначальном гражданстве обыкновенно бывают над меру просты и немногие, и потому всем известны и вразумительны без учения. В таком состоянии общества не случается никаких важных прав, происходящих от различного состояния, какие у нас примечаются между государем и подданными, между судьей и судимым, между отцом и детьми, между мужем и женою, между опекуном и состоящим под опекою, между господином и рабом и проч. И если в таком натуральном состоянии народов были какие права, примечания достойные и происходящие от взаимных дел между обывателями, то оные, должно думать, были весьма маловажные

и невеликую у них в движимых и недвижимых имениях производили чувствительность; потому что такие права еще ниже свою долговременностию во владении имения, ниже своим затруднением в стяжании оного великой надежды к непрерывному и непрепятственному присвоению имения и довольной власти к употреблению оного в первоначальных владельцах не производили. В недвижимом имении, как то в земле и подобных сему вещах, всякое насилие и всякая наглость, если какая случалась, удобно обывателями претерпеваемы были, ибо такое имение у первоначальных народов, будучи в крайнем изобилии, несовершенстве и дешевизне, еще и долговременным употреблением утверждено не бывает. Движимое ж у таких народов имение толь маловажное понятие в рассуждении собственности производило, что оного право у них не больше чувствительно было, как только до тех пор, пока движимое имение в руках владетеля находилось; а как скоро из рук первого владетеля потерян или другим каким случаем выходило, тотчас такое право и такое имение собственным невозвратно другого владетеля становилось *, ибо человек с природы за то больше стоит

* У всех непросвещенных и варварских народов, у которых кроме движимых вещей других обыкновенно во владении не находится, право собственности почитается совсем нераздельным от права стяжания. Знатный пример сего можно видеть у Charlevoix, [Шарльвуа], который в своем «Путешествии» говорит: «что одна старушка, имеючи только пожитка одно ожерелье ценою до 10 французских эку (российскою монетою около 11 рублей с $\frac{1}{4}$), которое она всегда с собою носила в сумке; случилось однажды, что она в работное время на поле принуждена была повесить свою сумку на дереве; другая женщина, приметя то и желая похитить оное от нее, думала, что в таком случае удобно она могла то сделать без всякого подозрения на себя в воровстве. И дабы произвесть такое свое намерение в действо, она желала только, чтоб она старушка несколько поудалилась; что как скоро сделалась, она, прибежав к дереву и схватя сумку, вскричала: «Ах! как счастливо я нашла толь драгоценную вещь». Бедная старушка, вдруг оборотясь, говорила, что это мое и что она повесила ту сумку на дереве, и сверх того утверждала, что она не потеряла и не позабыла ее на дереве, а хотела снять и взять с собой, идучи домой. По многом споре между сими двумя женщинами, у которых со всем тем никаких укоризненных в воровстве слов не происходило, напоследок все дело отдано было на рассмотрение посредственнику, который был

и с тем удобно расстаться не желает, что он с большею трудностью снискивает. От трудности, которую он при стяжании ощущает, рождается в нем натурально некоторая неусыпная предосторожность, которая заставляет его всегда беспокоиться о своем имении; отчего такой, как обыкновенно говорится, дрожит над своим имением, опасаясь, дабы оно не радеиет, насильством или обманом похищено не было. Сие коротко можно доказать примером купцов и дворян. От купца щедроты не должно ожидать, когда он сам заботится и присматривает за всем, не имея приказчиков и сидельцев; напротив того, дворянин, которому все достается чужими руками и ни за что своего поту не проливает, тщеславится за предел в своей щедроте. Само чрез себя разумеется, что в натуральном состоянии люди не имеют почти никакого понятия о собственности и живут по большей части управляемы не законами, но застарелыми обычаями, каковыми управляемы были древние афиняне, лакедемоняне и нынешние камчадалы*.

в деревне первоначальным и который по исследовании дела говорил: «что по сущей правде, такая вещь, таким образом снисканная, принадлежит к тому, кто нашел; но понеже обстоятельство, говорил он, суть такие, что если нашедшая сумку женщина не хочет слить сребролюбивой, она должна возвратить оную взыскивающей старушке, довольствуясь некоторым подарком, который по совести за возвращение ей обязуется та сделать».

* Удивительное сих народов примечается сходство. По законам Ликурга¹⁶ не дозволялось воровать соседям у соседей; и если кто против сего закона отваживался сделать, тот должен был поступать в том столь проворно, чтоб никто его похищения не сведал. *Г. Миллер* и другие с ним писатели Камчатской истории¹⁷ объявляют, что подобное ж сему закону наблюдается и в Камчатке, так что в Чутском девипа не может и замуж выйти, пока не окажет такого удачливого искусства в поровстве. Суеверные любители древностей подумают, что камчатские народы переписывали когда-нибудь законы у Ликурга, хотя в ликурговы времена, может статься, люди столько ж искусны были в рукописании, сколько и нынешние камчадалы. Народные обыкновения везде бывают сходны, когда самые народы находятся в подобном между собой невежественном и варварском состоянии. Так должно рассуждать и о всех греческих законодателях установлениях, каковые были у них в рассуждении женщин, в рассуждении общего кушанья, в рассуждении их необыкновенной монеты и в рассуждении убийства рабов для научения дворян военной практике.

Но как скоро польза и надобность вещей движимых и недвижимых стала народом столько чувствительна, что многие чрез потеряние оных в разорение приходять казались, то отсюда начали в обществах происходить тяжбы, ссоры и смертоубийства, для отвращения которых законы сысканы, показующие, в чем святость прав и в чем принадлежащая всякому собственности и наследие состоит. Кратко сказать, опытом дознавшая в возвышающемся состоянии человеческом надобность вещей и трудность в снискании оных купно с долговременным и непрерывным оных владением напоследок ограничили все то, что ныне у нас *своим* и *чужим* называется. Таким образом, постепенно возвышаясь, народы, в познании собственности и довольствуясь сначала немногими простыми и несовершенными законами, не требовали нарочитых людей для истолкования оных. Римляне, которые почти и всему свету законы предписывали, сначала столь немного законов и для себя имели, что оные и с прибавлением греческих в 12 таблицах поместиться могли. В сии времена и в таком состоянии у римлян законы были чрезвычайно просты и немногие. Цицерон однажды сам публично пред сенатом римским изъяснился, что он, будучи обязан премногими своими и публичными делами, довольно надеялся доказать себя наискуснейшим юристом в три дни. Сие явно доказывает, что юриспруденция у римлян и в цicerоновы времена еще не составляла трудной науки, поелику она, как видно, не требовала особенного упражнения и труда для изучения. Ибо во всех обществах, как скоро многие и различные обывателей права в свое и точное известное утверждение законами, уставами и обыкновением приведены бывають, тогда и сия наука самим опытом узнается трудною и неудобною для уразумения общего. Следовательно, не прежде, но в таком состоянии общества и законоучение начинает требовать особенных людей, которые одному оному должны посвятить свою жизнь и все свое упражнение положить в оном. В Риме даже до уничтожения республики каждый патриций (дворянин) ходатайствовал в суде сам за своих приятелей, и никто тогда не думал, чтоб такое дело требовало какого учения или долговременного упражнения. В таком состоянии

правлений судьи також не больше искусны бывают, как и самые адвокаты; судейскую должность при начале всякого общества отправляют военные или такие люди, которые больше при дворах находятся. У турков папа есть военачальник, градоначальник и судья; и по объявлению странствующих в турецких приморских владениях, как то в *Туне* и *Триполе*¹⁸, повар есть первый министр и действительно отправляет обе должности. Подобного ж происхождения примечаются министры и поныне в Польше, какие недавно присыланы были и к российскому двору от конфедерационной комиссии. *Conêtable* во время феодального правления во Франции действительно был конюший королевский и считался между первыми министрами. В старину и в Англии *constable*¹⁹, то же, что конюший, столь великим человеком почитался, что первое место занимал в военной коллегии. Нынешнее достоинство, что почитается первым в Европе, быть *secrétaire d'état*, [(франц.)] или *secretary of the state*, [(англ.) — государственный секретарь или министр], произошло от шпионов, которых в феодальном правлении высокие особы при себе держали. Но исправляющий житие человеческое частый опыт и ревностное областей о народной пользе старание великое преобразование в судах и в правлении производят, и мы видим, что те же римляне по долговременном благосостоянии своего отечества столь обширными в своих законах оказались, что оные, которые сначала в 12 досках все заключались, напоследок и в двутысячных книгах не вмещались*. Потомки, не рассуждая, что такого множества законов требует натуральное возвышение народов в правлении, принимались сокращать римские законы, когда теперь во всех государствах противное на деле оказывается, и народы чем в большее совершенство приходят, тем больше законов в последующие времена требуют. Они нужны для точного и известного правоположения владельцев, граждан, обывателей и их имений; в противном случае наглость, посягательство, отягощение и утеснение везде попускается без наказания. Сверх сего разные

* Смотри L. II, § 1 C. de veter. iur. enucleando. [См. закон II, § 1 Кодекса об истолковании стародавних законов.]

дела в государствах с разными соседними державами равномерно, как и перемена в правлении для войны, мира и коммерции, разного установления и законоположения требуют, которыми не меньше судьи, как и позываемые на суд, обязаны быть должны. По сей причине в Британии и других европейских государствах сенат и парламенты с государями ежегодно законы вновь делают, старые дополняют, поправляют и уничтожают, так как надобность и обстоятельства требуют, от чего все в законах сделалось столько обширно и неудобно для общего всех знания, что ныне нарочитые искусные люди на то везде в правлениях требуются, какие ныне в государствах воспитываются и в дела допускаются адвокаты и судьи. Теперь, узнав, какие причины побуждением были к законоучению, в следующем мы приступаем к рассуждению о надобных науках для учащихся юриспруденции.

О НРАВОУЧИТЕЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ, О ЮРИСПРУДЕНЦИИ ВООБЩЕ И О ТОМ, ЧТО СОДЕРЖИТСЯ В ОБЕИХ СИХ НАУКАХ

Наше знание, касающееся до правил истины, зависит:

- 1) От свойственности наших рассуждений о том, что праведным и неправедным, добрым и худым почитается у разных народов.
- 2) Такое наше знание премоного зависит от изучения разных решений судебных, случающихся в разных правлениях.

Первое руководство, показующее, в чем свойственность наших рассуждений состоит, есть нравоучительная философия и натуральная юриспруденция.

Второе средство для снабдения нашего разума разными примерами решений судебных есть учение такой системы законов, в которой бы можно ясно приметить начало, возвышение и совершенство правления. А поелику в свете кроме системы римских законов другой столь подробной и полной еще нигде не обретается, по сей причине римские права после натуральной юриспруденции должно показывать, хотя оных учение в иных государствах совсем для других причин введено.

После нравоучительной философии, натуральной юриспруденции и римских прав обыкновенно в университетах преподается отечественных законов юриспруденция, что все учащиеся, окончив и будучи исследованы и засвидетельствованы во всем, допускаются адвокатами в дела тяжёбые и криминальные для оказания своего искусства на деле и напоследок бывают судьями *. Каким образом нравоучительная философия, натуральная, римская и российская юриспруденция преподаваемы должны быть, сие показуется в следующем:

О НРАВОУЧИТЕЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Из всех писателей, которых я имел случай читать, усматривается, что ныне везде почти нравоучительная философия не совсем к делу ведет. Юриспруденция ж натуральная преподается или совсем старинная, обыкновенно ныне называемая *казуистическою*, или другая, не лучше прежней, сочиненная вновь, и вся почти выбранная из римских прав. Старинная нравоучительная философия основана есть на сих четырех добродетелях, *iustitia*, *prudentia*, *fortitudo*, *temperantia* (истина, премудрость, великодушие и воздержание), которые в сей науке доказываются главными (*virtutes cardinales*) и от которых любители древности выводят и других премножество производных добродетелей (*derivativas virtutes*), поднимая споры неугомонные о том, что справедливое может ли быть

* Нельзя всего здесь учения, потребного для судьи или адвоката, точно определить; он сам больше узнает, что к его упражнению необходимо надобно, когда в свою должность вступит. Впрочем, можно о нем свободно утверждать, что он принужден иметь полное университетское воспитание и должен знать разные языки, как, например, латинский, французский, немецкий и аглинский, дабы посредством сих мог читать разные системы законов и чрез то мог усугубить свое знание, пужное при встречающихся случаях в суде, в котором иногда бывают дела, не имеющие предписанных законов и которые судья должен решить по справедливости и истине. Упомянутые здесь науки довольно будут служить для основания. Прочие ж преподаваемые права, как то: положительное, вексельное, военное, морское и пр., желающие знать могут читать сами и разуметь без всякого затруднения.

всегда полезным и полезное всегда ли и в каких случаях может быть честным, и так обратно. Такие вопросы и такие добродетели изъясняются в старинной нравоучительной философии, и в подобной ей натуральной юриспруденции оные приводятся для подтверждения прав персональных и вещественных, с некоторым в сей последней метафизическим словопрением о суде внутреннем и внешнем (*de foro interno et externo*), в котором нынешние схоластики силиятся доказывать, что в человеке сходствует с совершенством его внутренним и внешним и что согласно в нем с волею божиею и что не согласно, разделяя притом человеческую совесть по логически, на *предыдущую* и *последующую*, на *известную* и *вероятную*, на *сомнительную* и *недоумевающую* (*in antecedentem et subsequentem, certam et probabilem, dubiam et scrupulosam*), seu ut aliis absurdius est, *cautereatam* [ручаюсь, что все это абсурд]. В таком лабиринте они ищут общего всем натуральным правам начала*.

В Британии, где сначала великая вражда между светскими и духовными учеными происходила, от словопрения междоусобного премного появилось различных систем философии, называемой *speculative philosophy* [спекулятивная философия]²⁰; и толикое множество политических, метафизических и нравоучительных сочинений в свет издано, какого еще ни в каком другом государстве не

* Теряют время трудящиеся в таких от чувств человеческих удаленных изобретениях. Мы можем узнать и доказать божие всемогущество и подобные сему вседержителя качества; но какая его воля и намерение есть, в сем состоит тайна, в которую еще и высшие нас существа желают проникнуть, и какая из того польза, что иной выводит начало всех натуральных прав, поставляя оным честность с полезностию или выводя оное, и от того, что всяк, чего себе не желает, того и другому делать не должен. Ибо тем прав и законов изъяснить не можно. Суть и другие *principia iuris naturae* [основы естественного права], которые изысканы больше для меридиана немецкого, нежели к делу в судах. Сей род ученых, чем недостаточнейший в своем знании, тем тщеславнейший в своих изобретениях, and like empty vessels, makes the greatest noise — свет еще ничего не видит, а он уже и в газетах гремит, что им сыскано *quadratura circuli* [квадратура круга]. В следующую почту, может статься, и его ж *perpetuum mobile* [вечный двигатель] выйдет.

примечается. Отсюда прославились *Гоб, Комберланд, Мандевилль, Лок, Баркле, Болинброк, Сьдне, Гарингтон* и недавнейшие *Гочесон, Давид Гюм** и господин *Смит*, из которых последних один метафизику, а другой нравоучительную философию к великому удовольствию ученого света издали. В моем рассуждении, если не обманываюсь, господина *Смита* нравоучительная философия ближайше с натуральною юриспруденциею соединена, нежели все другие системы сея науки.

О НАТУРАЛЬНОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

В сей науке должно изыскивать причины, которые действуют во всех государствах и суть основанием всех законов и правлений. *Grotius* [Гроций], повидимому, был первый из ученых, который издал в свет нечто подобное натуральной юриспруденции. Его книга о мире и войне (*De bello et pace*), со всем ее недостатком и несовершенством, может стать, и до сих времен есть наилучшая система юриспруденции, какую только еще свет видел. Однако его сочинение есть казуистическое, сделанное умышленно для принцев и высоких областей, в котором доказывается, в каких случаях войну можно праведно объявить и сколь далеко оное право должно простираться. *Grotius* утверждал, что все государства, не имея верховного над собой единоначальника, суть между собою наподобие первоначальных народов в состоянии натуральном; и потому война во всех государствах есть только и средство для отмщения обид государственных. По его мнению, войну можно праведно объявить во всяком случае и за всякую обиду, за которую удовольствия сыскать по законам в суде невозможно. Такой предмет в его сочинении о мире и войне натурально побудил его вникать во все установления государств и изыскивать начала гражданских законов, причем он принужден был описывать и дока-

* See *Hume's* «*Essays of human nature*», 3 vol., and *Smith's* «*Moral sentiments or sympathy*». [См. *Юм*, Опыт о человеческой природе, т. 3, и *Смит*, Теория нравственных чувств или симпатии.]

зывать права государей и подданных, разные законопреступления, различные владения и обязательства и кроме сего все то, что казалось быть предметом законов, так что иной подумает, что в сих он первых книгах намеревал издать целую и полную систему юриспруденции натуральной.

Другой по *Гроции* некоторого примечания достоин был господин *Гоб*, агличанин. Сей человек имел великое отвращение и ненависть к духовенству, которому вкорененное в то время в Британии несносное суеверие подало причину писать и доказывать, что порабощение мыслей человеческих церковной власти было единственною причиною несогласий и междоусобной брани, происходившей тогда в Британии при Карле первом и при регенте Кромвеле. В сопротивление усиливающейся тогда церковной власти он старался издать систему правоучительной некоторой юриспруденции, в которой он доказывал, что совесть человеческая сначала и всегда повинна была одной только гражданской власти и что воля одного только государя всегда была предписанным внутренно правилом для поведения обывателей. По его мнению, народы, пока не сошлись еще в сообщество, все были в состоянии несогласном и жили один с другим враждебно, и что они, избегая зла, претерпеваемого в таком натуральном состоянии, договор сделали поддаться одному обществом избранному государю на тот конец, чтоб он один у них имел право решить все несогласия и жалобы, происходящие в обществе, и чтоб повиновение его воле составляло гражданское правление и благосостояние, без которого бы у них добродетели не было, что они уже из первоначального своего состояния дознали. Отсюда господин *Гоб* то выводил, что повиновение верховной власти было сначала и должно почитаться основанием и существом всех добродетелей. Богословы, почитая за должность опровергать такое странное учение добродетели, вооружились пером против господина *Гоба*, доказывая, напротив, что первоначальное состояние человеческое не было состояние враждебное и что общество могло, хотя не столь согласно, устоять и без гражданского правления. Они також доказывали, что человек и в таком состоянии имел некоторые права себе

принадлежащие, каковые люди могли иметь и тогда к защищению своего тела, к наслаждению плода от своих трудов, к заключению контрактов с кем хотели и пр. Сие подало причину многим писать pro и contra [за и против]. Славнейший из всех в словопрении сем сделался архиепископ Комберландский, писатель de legibus naturae [О законах природы].

Пуффендорф, следуя отчасти господину *Гобу* и отчасти а[рхиепископу] Комберландскому, писал de officio hominis et civis, т. е. о должностях, какие человек наблюдать должен в состоянии натуральном и гражданском. *Пуффендорфов* труд подлинно был излишний, ибо писать о вымышленных состояниях рода человеческого, не показывая, каким образом собственность, владение, наследство и пр. у народов происходит и ограничивается, есть такое дело, которое не совсем соответствует своему намерению и концу.

После сих один ученый прусский барон *Соссеиус* [Кокцей] писал о юриспруденции 5 книг. Некоторые из них остроумно писаны и ясно, особливо те, в которых он писал о законах. В последней книге он дал содержание разных систем немецких о натуральной юриспруденции. Кроме сих авторов, других нет никаких примечания достойных о сем предмете *.

Содержание юриспруденции натуральной заключается в четырех частях, из которых:

- 1) О происшествии правлений в разные веки и у разных народов;
- 2) О правах, происходящих в обществе от различного состояния и звания людей;
- 3) О правах, происходящих от различных и взаимных дел между обывателями;
- 4) О полиции, или благоустроении гражданском.

В первой части о происшествии правления можно делать некоторые наблюдения о причинах и натуральном происшествии власти и старшинства у народов, изъясняя

* Ибо другие хотя и писали, однако не столько о юриспруденции, сколько о других науках вместе, как то обыкновенно немецкие ученые делают единственно для того, чтоб прослыть полигисторами.

оние историческим описанием, взятым от первоначальных народов, о которых мы ясное понятие имеем; после сего показывать должно здесь правления натуральные, какие случаются у народов, живущих сперва одною ловлею зверей, потом хлебопашеством и, наконец, купечеством; что учинив, показывать должно правления европейских держав, описывая оных начало февдальное, и их перемену из сего в аристократическое или монаршеское, или в какое оные преобразились напоследок правление, доказав сперва, что и самое правление февдальное не иное было, как аристократическое, состоящее из вельмож, имеющих над собою государя неполномощного; в заключение сей первой части должно показывать начало, возвышение и совершенство своего отечественного правления.

Во второй части показывать должно права натуральные, какие имеет человек к защищению своего тела, имени и пр. После сих изъяснять права приобретенные, какие случаются между государем и подданными, между судьей и судимым, между рабом и господином, между родителями и детьми, между мужем и женою, между опекуном и состоящим под опекою, причем должно показывать начало, возвышение и совершенство примечаемой во всех правлениях власти законодательной, судительной и наказательной с показанием, каким персонам каждая из сих властей бывает поручена сначала и какие люди отправляют сии должности напоследок в правлении. Сверх сего здесь должно показывать историческим, метафизическим и политическим порядком введение в государствах порабощения и закрепления народов, какое бывает порабощения действие в рассуждении целого отечества, каким образом и для каких причин в иных государствах оное уничтожено, а в других закоснело; при сем можно показывать начало и возвышение дворян по линии природной, военной и штатской, и кроме сего в сей части должно показывать причины родительской власти над детьми, причины многоженства, или полигамии, введение бракосочетания и причины запрещения оного в известном поколении средства.

В третьей части должно показывать свойство прав, происходящих от различных между обывателями дел,

каковые суть вещественные: собственность, право дозволенное²¹, наследство, заклад и особливые привилегии и другие персональные; контракт и подобное контракту право; преступление и подобное право в преступлении. *Dominium, servitus, haereditas, pignus et privilegia exclusiva; contractus et quasi contractus, delictum et quasi delictum*. Сии все права сколько недостаточны бывают у непросвещенных народов и сколько оные ограничены и в совершенство приведены у нынешних, сие историческим доказательством должно пространно изъяснять, показывая их точные основания, на которых они утверждаются, особливо здесь рассуждать должно, каких следствий произведением бывают в обществе дозволяемые между привилегиями откупы; и напоследок здесь же должно показывать, какие суть наилучшие и действительнейшие средства к восстановлению и подтверждению сих прав, когда они каким случаем нарушены бывают; и потому здесь должно принимать в рассуждение различные жалобы и прошения.

В четвертой и последней части натуральной юриспруденции, называемой полицией, должно показывать все то, что принадлежит до благоустройства и благосостояния, удобного содержания и безопасности обывателей, и рассуждать о средствах, надобных к предупреждению внутренних тревожений и к защищению от неприятельских нападений. Почему здесь первый рассуждения предмет занимает учреждение посланников своих и иностранных с принадлежащими им правами. Потом должно рассуждать, какие наилучшие суть средства к учреждению и содержанию армии по времени и месту и сколь опасных следствий произведением бывает находящееся завсегда внутри государства великое войско. При сем введение и ободрение мануфактур, покровительство коммерции, надежное учреждение банков и монеты для благопоспешности купечества и несомнительной доверенности во всем в рассуждение здесь принимать необходимо должно. А понеже земля, как недвижимое имение, почитается завсегда во всех государствах за надежнейшее сокровище, по сей причине должно рассуждать, какие здесь наилучшие средства суть к приведению хлебопашества в совер-

шенство. И поелику для удержания достоинства, власти, славы и величества империи, равномерно как для заведения и содержания наук, художеств и войска требуются великие государственные изживения, затем должно здесь паче всего стараться изыскивать способы для собирания на то казны государевой и для рачительного оной соблюдения, причем должно показывать, какие точно вещи и какие люди надежны и способны для сборов и пошлин государевых.

О РИМСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

По разорении Римской империи великим переменам и предосудительному нареканию подвержен был и закон римский. В иных государствах он принят и, соединясь с февдальным, имеет свою некоторую силу и поныне, как, например, в Германии, особливо в Померании *; напротив того, в других юриспруденцию римскую столько возненавидели, что оной и учиться неоднократно запрещено было. Сие происходило оттого, что римские права вводимы были в иных государствах насильно для приватной пользы некоторых и с намерением для уничтожения отечественных в государствах законоположений. В 12 веке монахи, которые хотели все науки сами поглотить и оставить светских во тьме и невежестве, юриспруденцию римскую с таким усердием по всей Европе учить и вводить оную в разные правления старались, что не устыдились доказывать и государей узаконения еретическими, которые не имели своего основания на римских правах. Им прибыль советовала то делать; ибо они, предвидев, что светские за незнанием прав римских и языка, на котором они писаны были, при введении римской юриспруденции не могли бы в своем государстве ни судьями, ни адвокатами быть, в котором случае монахи, пользуясь светских невежеством, чрез такое свое учение юридическое могли бы сами со временем вступать в гражданские дела и быть

* Confer. «Historiam iuris» de Balthasar, pag. 43 et 44. [Ср. *Вальтазар*, История права.]

судьями и адвокатами. В таком намерении и предприятии они действительно столько своим законоучением римским успели, что в Англии издревле *nullus clericus, nisi causidicus* [всякий священник — адвокат] было законом утверждено, судьи в то время в Англии все почти из духовных выбираемы были. Папа Иннокентий IV, видя такой успех в юриспруденции своего причета церковного и желая, чтоб одни благословенные им римские права имели свое действие, еще и больше умышленно запрещал и читать аглинские права для того, что оные не были на римских основаны. Напротив того, аглинский король Стефан, видя такое бессовестное и вредное монахов с успехом производимое в делах гражданских намерение, указом запретил читать и учиться римской юриспруденции, монахами преподаваемой, за что они сего государя безбожником и богоотступником почли *. Чрез такие приключения римская юриспруденция отчасу в омерзение приходила и преподаваема была во многих государствах не с тем намерением, с каким оную должно было преподавать. Теперь она преподается здесь единственно для того, чтоб снабдить наш разум довольными примерами разных решений, случающихся в обществе, и чтоб нам иметь подробное понятие о полной системе законов. Для такого намерения нет в свете лучших законов, кроме римских, ибо ни один еще народ в Европе столь долговременно не жил и столь не скоро до своего совершенства доходил, как римляне, которых течение столь продолжительное было, что нам из

* Желаящие о всем том уверены быть могут прочесть *Mr. Blackstone's, Discourse on the study of the law* [*Блэкстон, Рассуждение об изучении юриспруденции*], откуда всяк может видеть, что монахи в тогдашние времена в Англии во всем не ипак поступали, как нынешние немецкие ученые в России поступают, которые один свой Геттингенский университет забралом всей премудрости доказывают, утверждая, что в России не имеют и бога, вразумительно изображенного на своем языке, не рассуждая, что их *Gott* [бог] и этимологии почти своей не имеет. Когда на российском бог, если взять от боязни, весьма натуральное и свойственное всем первоначальным людям имеет свое произведение, *etenim timor primos in orbe fecit deos* [ибо страх создал в мире первых богов]. Удивительно, что Бишинг, живучи и сам в России, сего не познав, писал так в своей географии.

их законов можно видеть всякую степень, по которой они восходили до своего величества. В противном случае для такого намерения можно бы преподавать и другую какую-нибудь систему, например немецкую, французскую, аглинскую, если бы только она была столь полная, какова есть римская.

О РОССИЙСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Удивительно, что в России до сих времен никакого почти особенного старания к отечественной юриспруденции прилагается не было. Мы не имеем и поныне никаких сокращенных по примеру других государств наставлений российских законов; и хотя старинные сводные уложения²² и не однажды деланы были, однако за неимением совершенных и печатных трудный доступ есть к запертым в частных хранилищах рукописным. Причиной тому, может статья, было то, что в России на природном языке все во всенародное известие издаваемо было, и в российских указах не было никогда таких трудных и невразумительных слов, какие примечаются в законах феодалных правлений*. Сверх сего, тому причиною было сначала немножество законов в России и дел государственных. Ныне в России по причине множества дел, и внутрь и вне государства происходящих, и по причине разных беспрестанно устанавливаемых возобновлений законы и дела довольно

* У нас не было и издревле ни в тяжбных, ни криминальных делах таких невразумительных латинских и французских слов, каковые приняты в Англии и поныне наблюдаются. Например: *quo warranto* [поручительство, гарантия]; *sur concessit* [уступка, примирение]; *sur cognizance* [подсудность, компетенция]; *de droit tantum* [особое право]; *sur grand and render* [о доказательствах и выводах]; *praemunire* [предупреждение]; *mittimus* [приказ о заключении в тюрьму]; *habeas corpus* [закон о личной свободе]; *distringas corpus* [приказ об описи имущества за долги]; *carias* [ордер на арест]. От таких странных форм у нас в судах еще не претерпевают затруднений, когда в Британии все оные столь строго наблюдаются, что и мужик у них иногда принужден просить секретаря: «сделай мне *habeas corpus* или *mittimus*».

умножились и требуют уже необходимо, чтоб сделаны были и напечатаны для общего всех знания краткие *наставления всероссийских прав*. Что нетрудно бы сделать, показав, во-первых, главное всех российских прав разделение на *права*, происходящие от различного состояния людей в России, и на *права*, происходящие от различных и взаимных дел между обывателями российскими. В первой части показывать должно прерогативы монархов российских и права, дозволенные от них подданным своим, каковы суть между дворянами и крепостными, между родителями и детьми, между мужем и женою, между опекуном и состоящим под опекою, между судьёю и судимым, где показывать должно всех департаментов и коллегий государственных учреждение и дела, к ним принадлежащие. Ко второй части российской юриспруденции относить должно права *вещественные и персональные*, то-есть собственность, владение, наследие, право дозволенное, заклады, откупы, контракты и подобные сим права; и сверх сего все тяжёбые и криминальные дела с назначенными по указам наказаниями к сей же части относить должно. Таким или подобным сему образом можно сделать наставления российских прав для общего знания и для удобнейшей практики в судах. Для преподавания такой юриспруденции российской особый требуется профессор в училищах российских, которого должность есть — показывать оную порядком историческим, метафизическим и политическим, снося притом законы российские с натуральным об них рассуждением.

Сии в моем рассуждении науки для благопоспешного в России законоучения необходимо нужны. Впрочем, немецкие доктора *iuris* [права] могут выдумывать столько надобных юриспруденций, сколько им угодно будет.

Для лучшего изъяснения описанных здесь наук я принужден здесь присовокупить два примера, из которых бы читатель мог довольно видеть, каким образом натуральную и римскую юриспруденцию преподавать должно.

РАССУЖДЕНИЕ О ПРОИСШЕСТВИИ ПРЕИМУЩЕСТВА, ВЛАСТИ И СТАРШИНСТВА В НАРОДАХ, ОТ КОТОРЫХ ПРОИСХОДИТ И ИХ ПРАВЛЕНИЕ

Когда мы посмотрим на правление какого-нибудь просвещенного и вычищенного народа и когда рассудим со вниманием столь огромную и многосложенную одного машину, столь искусно приновленную к наилучшему и важнейшему намерению и совершению дел, истинно сего в свете не находим удивительнее и непонятнее. Откуда то произошло, что толикое число уединенных и рассыпанных по степям людей, наконец, в сообщество сошлось и согласилось жить совокупно? Каким образом немногие числом персон превысили прочих всех и приняли преимущество и власть над многими? Каким образом другие премногие склонились уступить свою природную вольность и поддаться власти и повелению немногих? И, наконец, каким ухищрением тьмы народов удержаны в покорении, против собственной воли и собственного интереса избрали последовать таким мерам, какие только заблагорассуждалось правительствующим для их поведения предписать.

Чтоб уразуметь происшествие правления, мы должны, во-первых, рассудить, какие случаются обстоятельства в обществе, которые советуют одному поддаваться власти и повелению другого.

Такие обстоятельства, которые натурально снискивают одному преимущество над многими и повиновение от всех, могут случиться в обществе трояким и отменным образом. *Первое* из таких обстоятельств случается в обществе одного человека превосходство в качествах телесных, как то: его дебелость и крепость тела необыкновенная; *второе* обстоятельство такое случается в обществе одного человека превосходство в качествах душевных, как то: его хитрость, проворство, предвидение, прозорливость и проч.; *третье* из таких обстоятельств случается в обществе одного человека превосходство в богатстве и изобилии всего.

1) Что и одно превосходство в телесных качествах в состоянии снискать довольное человеку преимущество и уважение, то случается у таких народов, которых состояние

советует уважать и почитать такие качества, ибо в непросвещенном веке, когда еще науки и художества мало известны, дебелость и крепкое телосложение весьма надобно роду человеческому. Сие качество телесное премного им служит на войне, на уловление животных и в нискании нужного пропитания. Следовательно, такие только качества необходимо нужны для непросвещенных и варварских народов; сими они возносятся и в сих они с ревностью стараются превзойти один другого. Тот, кто несравненно превосходит всех своих сверстников в крепости и поворотливости своего сложения, чрез такое качество происходит в великую честь и достоинство. Такие качества в человеке, особливо когда случаются при каком жестоком телодвижении, например: на войне, на уловлении и убиении зверей, заслуживают ему великую честь и славу у всех даже до раболепства. Его знатные и геройские дела прославляются везде, один он их надежда и слава в отечестве, в котором он живет, он их Голиаф²³ и защитник во всех их ссорах и несогласиях с соседними народами; во всяком случае он воспримется от всех с отменным вниманием и уважением; при всех их увеселениях и забавах и во всех их предприятиях его мнение и слово за божественное почитается, так что, наконец, он бывает во всем не иначе, как вождь и первоначальник, у всех своих сверстников и знакомцев единственно по причине ослепленного удивления, которое непросвещенные оказывают таким превосходным его телесным качествам.

Сверх сего, непросвещенные народы отдаются под власть человеку превосходных качеств телесных не только с ослепленного своего удивления таковым его качествам, но також и с намерения для того, чтоб в таком своем подданстве сыскать себе выгоду и покровительство в житии. Ибо у народов, которые за неимением ружейных изобретений не знают, как уравнить гиганта с пигмеем, превосходная крепость и сила телесная, без сомнения, должна оказаться с явным выигрышем в бою и в сражении. Следовательно, у таких народов немощный по принуждению поддается сильному и покоряется, опасаясь в противном случае худых следствий, которых он, будучи довольно уверен, с своим сопротивлением иначе всячески миновать

не может. Почему у таких народов, особливо при важных предприятиях против общего неприятеля, малосильные обыватели поддаются и охотно сильному, уповая, что под такого предводительством и управлением в походе все их намерения счастливо совершатся. Таким образом и в таких обстоятельствах превосходство в крепости и действовании телесном может человеку снискать довольное преимущество и уважение пред прочими. Так, например, и в школах между юношеством мы видим, что если случится один, который бывает несравненно проворнее и сильнее всех своих соучеников, такого все за богатыря и предводителя во всех своих играх и забавах признают, так точно ж делается и у непросвещенных народов: главный у них, или атаман, обыкновенно в своей шайке уважается с великой отменностью перед прочими, единственно для чрезвычайной дебелости и крепости телесной. В таких непросвещенных странах, где такие атаманы общенародно выбираются, они часто производят их в великое старшинство и достоинство так, что и самое царское имя часто придают им с одного своего пристрастного удивления к их превосходным качествам телесным. Когда иудейские колена, из различных обывателей состоящие, вознамерились соединиться и жить под державой одного, на время избранного государя, их избрание одного главного обывателя в государя явно доказуется, что происходило единственно по причине его дебелости и крепости тела, которые качества сверх еще соединены были с осанистым взором...²⁴

2) Превосходные качества суть и другие, которые еще большее уважение и преимущество человеку перед прочими снискивают, нежели те, что в теле примечаются; когда народы начинают хотя мало возвышаться в познании вещей, они вскоре опытом уверены бывают, что качества душевные несравненно превосходят телесные и что премудрость, хитрость и прозорливость сравниться не могут с одной скотской дебелостью и крепостью тела. В полководстве на войне или в посольстве к неприятелям неподражаемое искусство Нестора и неудобьпонятная хитрость Улисса²⁵ скоро ими усматриваются, что такие качества произведением бывают больших следствий, нежели телесная крепость Аякса²⁶, и потому сии дарования больше исходатайствуют

человеку преимущества, нежели первые. При сем надобно знать, что люди в разуме, остроте и замыслах обыкновенно больше превосходными других кажутся, нежели каковы они в самом деле суть. Ибо мы, не имея средства никакого, по которому бы могли измерить такие дарования и поставить им точный предел, ослепленные и пристрастные часто отдаем почитание таким в человеке дарованиям, которых сами не понимаем, и увеличиваем оные больше, нежели оные в самом деле суть. Сие точно так случается и ныне везде в собраниях, где, если кто сыщется превосходнее прочих в изрядных разговорах, в приятных и замысловатых шутках, на того всех и глаза обращены, к того разговорам всех и уши наставлены, словом, того все больше уважают, нежели он достоин, и такой нечувствительно столько преуспеваает над всей компаниею, что ему только одному внутренно от всех дозволяется подавать вид, какой хочет, всем и склонять всех в какое угодно самому мнение. Одного его разговоры и шутки со вниманием от всех воспринимаются, когда других все, что ни говорят, с презрением часто мимо ушей у всех пропускается. Подобным образом философ, генерал, придворный или какой-нибудь другой человек, какой только случается, или гораздо выше прочих всех в компании по своему рангу, или который по отменному своему дарованию в обществе редким слывет и не имеет себе в компании подобного, — таковым людям всегда счастливо удается уловлять сердца слушателей и делать из них премножество раболепных себе потатчиков и подражателей во всем. Сим случаем, то-есть пристрастным удивлением одних к превосходным в человеке примечаемым дарованиям душевным и несправедливостью рассуждений других о таких качествах, один, пользуясь, снискивает уважение и преимущество над всеми; притом и польза, которой ожидают люди от человека превосходных дарований душевных, есть сама чрез себя явна и известна. В походе и на войне люди имеют великую причину премного надеяться на себя, когда они состоят под предводительством полководца с великим знанием и упражнением в воинском искусстве, и потому в великих и важных предприятиях самый разум им советует отдавать себя защищению и управлению такого человека, который

неоспоримо доказанные такие на то дарования в себе превосходные имеет. При делах государственных, как то при заключении трактатов и других подобных сим, люди великою надеждою себя ласкают в ожидании общего благополучия, когда такие их дела поручены бывають министру премудрому, искусному и прозорливому, и потому в сомнительных обстоятельствах и трудных делах правление поручается такому, который довольные уже в таком звании свои оказал дарования. Сходно с сим заключением и утверждением мы видим, что у всех народов невежественных и просвещенных превосходные качества душевные возводят человека на высокую степень достоинств и власти. Доказывать сие еще больше у нынешних вычищенных народов излишним покажется. Уважение и покорность, которую отдают великой премудрости, есть началом и источником той тиранской власти, которая у непросвещенных и варварских народов старым над своими детьми попускается. Но сие пространнее изъяснено будет, когда я буду говорить о родительской власти, ибо у непросвещенных народов за неимением рукописания и печати и за неимением никакого другого удобного средства к замечанию достопамятных дел собственная всякого человека долговременная жизнь и довольная в свете упражнением есть только источник всей премудрости и всего знания, и те только у таких народов превосходными в знании слывут, которые пожили довольное время в свете. Отсюда також и то происходит, что у непросвещенных народов выбираемые на старшинство, как то в первоначальники или атаманы, обыкновенно бывають посредственных лет люди, которые при таких летах, не потеряв крепости телесной, снискали уже довольное упражнение в свете и в искусстве военном. Сие самое хоть по случаю, однако кстати здесь может истолковать невероятную долготу царствования некоторых государей, упоминаемых в истории варварских веков. По общему и единомысленному всех историков счислению примечено, что царствования некоторых государей, о которых мы только ясные предания имеем, и по самой ближайшей догадке не выходит больше как двадцать два года, считая по столько на каждого царствования. А в римской истории объявляется,

что и семь государей царствовали двести сорок лет, так что если нам разделить сих государей долготу царствования равномерно, по тридцати по четыре года почти достанется на каждого царствования. Такая необыкновенная долгота царствования не будет казаться удивительной, если только примется в рассуждение то, что тогда государи выбирались крепкою, сильным и дебелого сложения, а они не всходили на престол по наследству, и такие государи у них обыкновенно бывали средних лет и возраста до вхождения на престол. Следовательно, тем чаще им удавалось долговременнее царствовать, нежели нынешним государям наследственной короны, которые в нынешние просвещенные и роскошные веки имеют право всходить на престол один после другого без всякого разбора в летах и телесной крепости.

3) Но что больше еще из сих обстоятельств придает человеку чести, достоинства и преимущества, то есть превосходное человека богатство и изобилие во всем человеку достаточному и изобильному. По причине его безмерного богатства все пути отворены к достоинству и чинам; в таком состоянии он, будучи надмеру знаменит, привлекает взор на себя всех других нижнего состояния и меньшего достатка. Прочие все взирают с удивлением на его великолепие, украшение, роскоши и различные прихоти и увеселения, посреде которых он со всей своей свитой блещет и сверкает всем в глаза. Предстоящие зрители, свидетели и проповедники его величества, славы и великолепия, с природы склонны увеличивать все такие его выгоды и прохладения, усугубляют своим проповеданием еще больше его превосходство над всеми. Одного его слухом земля наполняется. Окрестные народы отвсюду стекаются к нему на поклон, и когда предстоит его лицезрению, всякий из них, будучи исполнен ужаса и удивления, благоговейно всякую честь отдают ему. Сие столь изрядно изъяснено благоразумным сочинителем новой нравоучительной философии господином Смитом, что описания больше не требует. К такому человеку люди в подданство идут не только с удивления на его великолепие, но больше еще для пользы и покровительства. Ибо человек такого величественного состояния, дабы пока-

заться везде сходственно с его рангом и достоинством, принужден покупать премного вещей для великолепия своего и славы, и потому многие снискивают у его себе хлеб и пропитание, снабжая его такими надобностями или отправляя ему те услуги, которые к такому его величественному состоянию надобны; а поелику он всегда требует премножество людей в службу для своего спокойствия, роскоши, прохлады и тщеславия, того ради премножество бедных идут к нему в службу и тем снискивают у него себе пропитание. Если он пожелает сделаться еще больше знаменитым и властелином над всеми сообывателями и согражданами, для такого намерения он не шадит своего богатства. Чрез щедрое свое гостеприимство и заботление, чрез хитрое подавание своей милости и чрез многие свои ко всем одолжения и обещания он старается снискать и подкупить к себе премножество отступников и последователей. Таким образом, человеку, несравненному всем в богатстве, премножество бывает обязанных людей, которые принуждены отдавать ему честь и уважение. Некоторые раболепствуют ему от тщеславия, желая отличными сделаться его к себе милостью. Некоторые от благодарности то делают ему за полученные от него одолжения, когда другие служат и угождают ему, имея в намерении свой верный прибыток и ожидая представительством его снискать себе будущее благополучие. Итак, превосходное богатство есть первый источник всех достоинств, чинов и преимуществ над другими. Превосходное також богатство действительное есть начало и основание всех чиновположений и оного разделения властей, которые столько ныне взошли в употребление во всех государствах. Каждый человек доказывает свой ранг и родословную в своем отечестве и как такой везде принимается с известным уважением и отличностью, которые ему отдаются по мере его богатства и достатка. У варварских народов единственно посредством богатства превосходного начальники или атаманы делаются повелителями над своими согражданами и удерживают свое достоинство и власть над всеми. Ибо такие, имея великий достаток в земле, скоте и в пище, довольно в состоянии кормить премножество бедных и недостаточных людей, которых

пропитание совсем зависит от них. Единственным також посредством превосходного богатства и в нынешних *народных правлениях* правительствующие удерживают свое достоинство, величество и власть, соединенные с уважением и с всеподданнейшим повиновением. Их безмерные сокровища и великолепности, зависящие от них единственно все места, чести, достоинства, определяемые ими жалованья и прочие сим подобные правительствующих прерогативы, по которым они довольно в состоянии премногих жаловать, многих к месту доставить ²⁷, а неисчислимым почти и самое нужное пропитание подать, — сии все суть такие обстоятельства, в которых великие особы удобно могут тьмы народов единственно от себя зависящими сделать. При сем примечать должно, что хотя богатство и достаток всегда бывают источником достоинств и чинов, однако они не с равномерным успехом действуют во всех веках и у всех народов, поелику не всякое богатство не всяких людей уловляет сердца. То, например, богатство, которое богатый расточает на покупку всего того, что касается до его роскошей и прохладного жития, не делает ему столько преимущества над теми, от которых он покупает, сколько над другими, которые, съедая покупаемые им роскоши, участники и служители бывают его благополучия. Купец и фабрикант, которые доставляют ему все потребности на его великолепие, весьма мало надеются на его милость и доброе сердце, поелику их прибыль и интерес несравненно больше зависит от множества покупателей, нежели от единого только, а потеряннем одного покупателя они не много раскаиваются; но люди, которые умножают его честь, власть и преимущество больше всех, суть его питомцы, его надворные, на его земле живущие, которые от его единственно зависят и которых он в состоянии несчастливими и благополучными сделать. Какие точно народы и в каких обстоятельствах, завися от богатых, умножают их достоинство, честь и преимущество над многими, сие подробно показывается в принадлежащих к сей части юриспруденции рассуждениях, в которых изъясняются три народного правления перемены и состояния, какие случаются у обывателей, когда они живут сперва одною ловлею животных, потом хлебопашеством и, наконец, купечеством,

РАССУЖДЕНИЕ О РОДИТЕЛЬСКОЙ ВЛАСТИ,
КОТОРУЮ У РИМЛЯН ИМЕЛ ОТЕЦ
НАД СВОИМИ ДЕТЬМИ
И КОТОРАЯ ПРИМЕЧАЕТСЯ И У ВСЕХ НАРОДОВ,
КОГДА ОНИ В НЕВЕЖЕСТВЕННОМ
И ВАРВАРСКОМ СОСТОЯНИИ НАХОДЯТСЯ

Когда мы рассуждаем о правлении, законах и обычаях римского народа, ничто нам с первого взгляду так странным и противным в натуре не кажется, как родительская у сего народа неограниченная власть над своими детьми. Мы думаем и по правде то твердим, что есть противно натуре и несходно с людкостью и обыкновением нынешним позволять и враждебным державам на войне поработать и кабалить людей; однако такую власть, которой мы не дозволяем ныне иметь победителю над своим неприятелем, римляне давали отцу над своими детьми.

По старинному закону римскому отец имел полную власть продавать и убивать своих детей, и сей закон в последующие времена принят и подтвержден был в 12 таблицах так: *in liberis iustis vitae, necis venundandique patri potestas esto*, то-есть в своих детях отцу живота, смерти и продавать власть да будет.

У римлян сын при жизни своего отца и до выпуску из отцовской фамилии по обыкновению, что у римлян бывало *per emancipationem* [освобождение от власти отца], почитался во всем не иначе, как собственное имение своего отца или, вразумительнее сказать, как крепостной человек у господина. Ибо хотя он в сравнении с прочими людьми и в рассуждении других персон почитался вольным человеком и хотя он мог отправлять всякие должности публичные и иметь на себе высокие звания государственные, однако со всем сим в рассуждении своего отца не больше почитался, как раб и крепостной у своего господина; он не мог владеть никаким имением под своим именем, и все, что бы он ни приобретал собственным трудом или щедротою и подаяннем других, оное всегда не себе, но отцу своему приобретал, так что отец всякое стяжание сыновнее мог отдавать по произволению кому хотел и постороннему

(см. § 1. inst. per quas personas cuique acquiritur) [см. § 1 Установления о правах владения приобретенным имуществом].

По стилю римских судей, сын в приобретении имени назывался орудием или инструментом, находящимся в руках своего отца, равномерно как и раб у них почитался только за орудие, оставленное в руках своего господина. Такое по старинному закону римскому было бедственное состояние сына! При отце своем, пока он содержался в его фамилии и власти, ему не только не дозволялось приобретать себе ничего, но сверх сего он подвержен был смертной казни у своих родителей и мог быть продан отцом в рабы и отдан в заклад по произволению отцовскому (см. § 7 inst. de noxalibus actionibus) [см. § 7 Установления о наказаниях за провинности].

Старинное сие у римлян узаконение, строгое чрез себя и несносное, каковым оное нам кажется, продолжалось не с великою переменою и в самом цветущем состоянии правления римского.

Первое предстательство, которое, мы видим, учинено было римским правлением в пользу сына, состояло в дозволении ему права к приобретению имени упражнением военным, которое приобретение у римлян называлось *resulium castrense* [имущество, приобретенное на военной службе]. При Юлии и Августе императорах многие законы изданы были в пользу и поощрение тех, которые желали служить в римской армии, и вследствие чего узаконено было, чтоб все то, что ни приобретал сын своею службою на войне и в солдатстве, было собственным его имением и больше бы не почиталось отцу приобретенным стяжанием чрез сына.

В последующие времена подобное ж облегчение законами учинено детям для поощрения к свободным наукам, в котором указано, чтоб все то, что ни приобретал сын упражнением в таких науках, оставалось собственным у сына, а не у отца. Больше еще усугублено права сыну в приобретении имени по пренесении столицы римской в Константинополь²⁸. По указам Константина* и неко-

* *Констан.*, L. 4, C. de bon. matr.²⁹.

торых после его государей * установлено было, чтоб сын имел собственность и полное владение в тех маетностях, которые он получал в подарок от своей матери или от матерних сродственников, равномерно как и в тех имениях, которые ему доставались при женитьбе, и чтоб отец мог только пользоваться одними доходами от таких маетностей и имений сыновних **.

Напоследок Юстиниан *** узаконил, чтоб сын в полученной маетности в подарок и от какой-нибудь персоны кроме своего отца, равномерно как и в снисканном имении собственным трудом и художеством, имел полное владение и собственность; а отцу бы в сих сыновних имениях только пользоваться одними плодами и доходами, покамест жив.

Подлинно неизвестно нам, в которое точно время власть продавать детей у отца отнята, а уповательно, что сия власть совсем уничтожена прежде Диоклитиана, как то видно из указа сего императора ****; однако в одном случае и сия власть продавать детей дозволялась и продолжалась даже до константиновых времен. Сей государь, стараясь прекратить старинное варварское у римлян обыкновение выкидывать детей, дозволил еще отцу в крайнем убожестве продавать новорождаемых младенцев, с тем приказанием, чтоб родителям после или и другим людям невозбранно было выкупать таких детей, заплатив покупателю цену, за которую они проданы были.

Живота и смерти власть над своими детьми, во-первых, уменьшил своими указами Траян и его наследник Адриан. Сии государи употребили свою власть наказывать и отца в таких случаях, когда жалоба происходила на него за убийство неповинных смерти детей. Також и во время императора Северия мы не видим, чтоб отцу дозволялось по своей власти казнить смертно своих детей, кроме как только в смертноубийственном детей покушении на своих родителей. Но и в таком случае не дозволялось отцу

* *Аркадием и Гонор.*, L. 2, C. *ibidem*.

** *Leo et Athemius*, L. I, L. 4, L. 5. C. *de bonis, quae liberis* ²⁹.

*** L. 6, C. *de bonis, quae liberis* ²⁹.

**** L. 1, C. *de pat. qui filios distraxerunt* ²⁹.

управляться своею рукою, но приказывалось ему жаловаться на них в суде, в котором по рассмотрении дела дозволялось ему предписывать казнь виноватым детям, какую он хотел. (L. 3. Cod. de patria potestate) [Закон 3 Кодекса об отцовской власти.]

Наконец, живота и смерти власть у отца совсем отнята указом императора Константина, в котором велено и отца, убивающего своих детей, казнить, точно так, как и отцеубийцев. (L. 1. Cod. de his, qui parentes vel liberos occidunt.) [Закон 1 Кодекса о тех, кто убивал родителей или детей.]

Итак, из вышепоказанного видно, что власть продавать и кабалить своих детей, прежде нежели власть живота и смерти над оными, законоположением у отца отнята. И что сие действительно учинено так, то явно подтверждается в изданном законе императором Константином (L. ult. Cod. de patria potestate). [Закон последний Кодекса об отцовской власти.]

Сей порядок, которому правление римское следовало при уничтожении толикой различной власти отцовской, не будет казаться нам странным, если возьмем в рассуждение такой власти свойство и различные побудительные причины, которые заставляли отца употреблять оную над своими детьми.

У римлян, точно так, как и у других народов, редко случаться могло, что отец (хотя бы то ему дозволялось и по законам), против природной в нем к детям горячности, дерзал завсегда убивать бесчеловечно тех, которых он в любви родил. Такому жестокосердию в груди родителей гнездиться не попускает натура, которой закон выше всех обязательств поставляется. Но отец для ненасытной жадности и сребролюбия скорее и чаще может отважиться у варварских народов продавать своих детей в рабы без меньшего в сем, нежели в первом дерзновении, совести угрызения.

Следовательно, сходнее и удобнее представлялось правлению римскому зачинать сперва прекращать ту власть у родителей, которая ими чаще могла быть на зло употреблена, дабы сим средством наперед отвращено было то зло, которое во всех фамилиях несноснейшим чувство-

валось и о котором повсеместный в государстве происходил вопль.

Такая неограниченная и полномочная власть, законами дозволенная у римлян отцу над своими детьми, хотя совсем противная обычаям просвещенных и вычищенных нынешних народов, согласна всячески с нравами невежественных и варварских народов.

У варваров и диких народов чего натуральнее ожидать надлежит, как только что сильный всегда отягощать будет немощного и что каждый человек больше будет склонен к употреблению той власти с строгостию, которую он у себя имеет. Человеколюбие, сожаление, милосердие и подобные сим добродетели, которыми бог и просвещенный человек любитя непрестанно, редко можно сыскать у варварских народов, так что и самая горячность природная к детям редко великой и никогда нежною чувствительностию в груди зверского человека не ощущается. И хотя бы жалость одна и наисильнейшая из всех союзных страстей, чувствительность, в таком человеке действовала, однако при многих случаях не в состоянии противустоять его врожденному жестокосердию и вспыльчивости. Она не может его удержать от такой крайней ярости, чтоб в оной он, как скоро не понравились ему, не оставлял вовсе и не предал своих детей гладу и смерти.

Выкидывать и бросать куда-нибудь как щенков невинных и несмысленных младенцев кажется нам столь бесчеловечное и противное натуре человеческой дело, и сверх сего, оное ж столь сильно запрещено в совести не человеколюбием уже, но чадолюбием, что в наши времена разве тот отважится такую бесчеловечность сделать, в котором, можно сказать, есть столько чадолюбия, сколько и выражения такого на нашем языке; однакож мы видим из истории, что сие делать в обыкновении было у всех почти народов, когда они находились в невежественном и варварском состоянии.

Отсюда мы можем свободно заключить, что у народов, у которых выкидывать младенцев обыкновение есть, пришедшие в возраст дети у отца не в великой нежности и любви содержатся; в таком состоянии и у таких народов отец думает о себе, что он не меньше есть как самовластен

и самодержец над своими детьми и над своей фамилией; он понуждает их служить себе во всяких случаях и нести всю тяготу в отправлении всякой должности в дому; будучи с природы сам горд и ленив, он прохлаждается в роскошах и праздности и почитает все другие упражнения за подлые, кроме тех одних, которые требуют в нем отважности, крепости, проворства и скотской в его теле дебелости, как таких качеств, в которых он только одних возносит и всех своих сверстников превзойти старается. А поелику он всегда взирает на своих детей не иначе, как на своих слуг и рабов, того ради он удобно может польститься на хороший барыш за продажу детей. И поелику ярость и гнев в таком варваре удобно загораются и поелику он всегда поступает как самовластный государь в своей фамилии, в которой он не обык слышать и видеть никакого ни в чем сопротивления, для сих причин не должно удивительным казаться то, когда он при некотором и необыкновенном к себе сопротивлении и неуважении, разъярясь и взбесясь, иногда часто удержаться не может и от самого необыкновенного и неслыханного в натуре варварского дела убить, зарезать или растерзать рожденных из себя детей.

Сверх сего, у таких народов и самые дети, в малолетстве будучи не в состоянии пропитать и защищать себя, не могут не поддаваться во всем самовластному произволению отцовскому и не только тогда, когда они в малолетстве находятся, но равномерно и после, когда уже они в возраст и крепость приходили, ибо нельзя стать, чтоб они вскоре могли сделаться не зависящими от отца и могли бы отвергнуть такое иго и власть, которой они с малолетства столько воспитаны были.

У нас и под старость лет натуральные остаются навыки и склонности к почитанию таких людей, которых мы под их смотрением в юности научились уважать. Мы видим в течение нашего жития, что весьма трудно нам сравниваться с теми персонами, которых мы чрез долгое время навыкли признавать за несравненно высших себя.

Рабы у римлян, [которые были] воспитаны и выросли в доме своих господ, не вскоре за получением вольности от них оставляли те поведения и склонности, которым они

в подлом своем состоянии научены. Они еще и после, как уже на волю выпущены были, почитали за должность отдавать своим патронам то же подобострастие и раболепность, которые им делали прежде как своим господам. Сию натуральную и происходящую от долговременной привычки рабскую покорность римское правление, наконец, и за должную быть узаконило господам от своих выпущенных на волю людей, по которому узаконению *liberti*, или выпущенные на волю принуждены были отдавать своим патронам то, что в их законе называлось *obsequium et reverentia*, то-есть покорность и почтение.

Так точно и дети, которые с младенчества навыкли служить и повиноваться тиранской власти отцовской, думают и после, что такое повиновение и покорность во всем отцу есть достойное и праведное и что противное поведение воли отцовской есть незаконное и предсудительное. И хотя бы сын иногда и отважился поступить против врожденного в нем такого к отцу повиновения, однако в таком случае долго он может сомневаться о своей собственной силе при сопротивлении отцовской. Он долго не позабудет тех ударов, которыми его отец в юности благословлял, и будет дрожать и в возраст пришедши той руки, от которой он столь частые побои принимал и к которой — он сам был многократный свидетель — коликие геройские дела совершались в соседстве.

В такой повиновения чувствительности сын еще больше уверен бывает, когда начнет рассуждать, что отец, имея во своей власти многочисленную фамилию и будучи при такой многочисленной фамилии самодержавен и почитаем от всех с трепетом, довольно в состоянии и другим всем приказать сопротивляющегося одного покорить и наказывать, как самому угодно.

Сверх сего и другое обстоятельство, которое придает отцу над детьми толикой власти немало и под старость лет, есть то великое уважение, которое у варварских народов приписывается и отдается обыкновенно старикам. У невежественных варваров, которым ни рукописание, ни печать и ниже другое какое средство к замечанию достопамятных дел и вещей не известно, долговременная жизнь есть только и источник всякого знания и премудрости;

следовательно, у таких народов те только учеными и премудрыми сльвут, которые довольное время на свете пожили и у которых трясущаяся зима на бороде казалась. При сем должно еще примечать, что у непросвещенных и невежественных народов превосходное знание обыкновенно бывает источником також достоинств и чинов. У них человек, который знает некоторые натуральные явления толковать и предсказывать, каковых чернь и подлость не понимает, всегда уважается с безмерным суеверием и удивлением. Они думают, что такого человека знание простирается и до таких вещей, о которых он в самом деле ни малейшего понятия не имеет. При всяких важных предприятиях все у него совета и наставления спрашивают. Им кажется, что он имеет сообщение с некоторым невидимым существом и может предвидеть и предсказать будущего сбытие и в случае приказать переменить стройный чин и порядок в натуре одним своим чародейством и обаванием.

Мы видим из истории, что в непросвещенные веки и невеликое понятие о небесных телах всегда разумеемо было соединенным с высокою астрологиею и малое знание химии представлялось им, что в состоянии было открыть неогцненное сокровище и сделать их бессмертными.

А понеже старые люди у варварских народов для своего долговременного в свете обращения обыкновенно бывают, а по крайней мере почитаются превосходнейшими всех молодых в знании и премудрости, того ради старых людей по мере их лет все больше почитают, уважают и боятся их молодые. У греков во время Троянской войны ³⁰ человек, который жил до третьего века, повсеместно уважался для премудрости и наставлений и первым почитался советником и наставником во всех их предприятиях. Известно из универсальной истории на аглицком, что у татарских народов избирание в государи всегда достается по жребию старому человеку из царского поколения. У арапов, что называются бедуильские арапы, предводительство или, лучше сказать, атаманство всегда достается тем, которые довольное пожили и обращались в свете, и на их языке слово, которое значит предводителя или начальника, значит оно ж и старого человека. У амерпканских индейцев

ничего важного никогда отнюдь не предпринимается без совета и согласия старых людей, что самое строго ж наблюдалось в старину у иудеев в завете иудейского законодателя, и сие удивительное завещание для старых людей написано: *«Пред лицом седого востани, и почти лице старче»* (см. *Левитских книг* гл. 19, стих 32)...³¹

У китайцев, у которых великое примечается пристрастие к старинным своим обычаям и у которых рукописание и печать еще немногим известна, подобное и ныне уважение отдается седине и долговременной жизни; говорят, что у них ни знатный, ни богатый, ни придворный первый министр не может позабыть отдавать почтение, которое у них должно старым людям, так что и сам император не может не почитать старость, примеченную и у подлости.

При сем надобно знать, что старые люди больше почитаются для премудрости у невежественных народов, нежели у просвещенных уважаются такие люди с людкости и по человечеству. Сие ясно доказывается из одного приключения у греков, у которых однажды в Афинах, в публичном собрании в комедии, представленной в честь и торжество всей республики, случилось, что старый человек пришел поздно, ища места в собрании публичного по своей старости и достоинству. Многие из юношей афинейских, видя старика, продирающегося с трудностию в тесноту, издали руками давали знать, чтоб он к ним в ложу пожаловал, что увидя старик полез сквозь толпу народа к афинейцам; но когда он пришел к ним в ложу, узнал там, что намерение у молодых ребят было сидеть тесно и издеваться над стариком, которому вскоре после начало смеяться все дворянство афинейское в ложах. По счастью старика, в собрании тогда особенные места назначены были для чужестранных, в которые приметя старик, что в них лакедемоняне сидели, принужден был выйти к ним, где по приближении его лакедемоняне, народ больше набожный и добродетельный, нежели вежливый и ученый, привстали старику все даже до единого и с великим почтением посадили его с собой. Что увидя, афиняне вдруг тронулись спартанской добродетелью и, узнав своих нравов такое развращение, в ладоши ударили спартанцам, на что посаженный старик вскричал: «Афиняне узнали,

что есть похвальное, но лакедемоняне сделали похвальное» (см. *Спектатор*, кн. 1)³².

Когда такое уважение, которое у варварских народов старым людям отдают, соединится в одном человеке с тем повиновением, которое дети с привычки столько склонны отдавать отцу, то должно думать, что подобострастие и суеверие у детей к родителям может удобно выходить и за предел.

В таком порабощении и с такого пристрастного удивления к их премудрости и старости лет дети будут почитать своих родителей за некоторое высшее существо и верить, что от них все их благополучие зависит, почитая родителей клятву за единственную причину всего неблагополучия и их благословение — за неоцененное в житии наследие. Доказывать сие еще больше излишним покажется.

Из вышепоказанных примеров и доказательств видно, что такая полномощная власть над своими детьми дозволялась отцу не только у одних римлян, но и у всех народов, когда они находились в состоянии невежественном и варварском.

У старинных галлов отец имел живота и смерти власть над своими детьми (см. *Caesaris Comment. de bello Gallico*, lib. 6) [Сочинение Цезаря, Записки о галльской войне, кн. 6], и весьма уповательно, что отец имел толикую же власть над детьми в старину и у немцев (см. *Heinessii Elementa iuris german.*) [*Гейнекций*, Первоначальные основания германского права].

Из истории татарской о Тамерлане и Чингисхане * и из других премногих писателей, которые странствовали в варварских государствах, видим, какое безмерное уважение дети отдают своим родителям (см. *Histoire générale des voyages*, tom. 9, page 20) [Всеобщая история путешествий]; у татар и арапов дети почитают и боятся своего отца, как самодержавного государя. Правда, что у татар не слышно, чтоб продавали детей в рабы; причиной сему, может быть, то, что у них нет надобности и нужды в рабах, равномерно как у них нет еще и сообщения с купеческими

* В издании 1768 г. «Гашгисхан». — *Ред.*

государствами, ибо многие у сих народов находятся такие орды, которые и поныне живут, не поселясь, одним скотопитательством и ловлею зверей без хлебопашества и коммерции, в котором состоянии излишнее число рабов причиняет только затруднение в прокормлении. По сей причине у татар только продают и покупают одних дочерей замуж.

Напротив того, в Северной Америке, где европейцы великое отправляют купечество и барышничают людьми, точно как скотиной и вещьми, у таких народов отец и ныне продает детей обоюго пола невозбранно. Я слышал от англичан, что у сих народов иногда и сын отца продает европейцам. Но сие редко случиться может для причин вышеобъявленных. Впрочем, весь свет довольно знает, что в Африке во всех приморских варварских поселениях ужасная власть отцу дозволяется над своими детьми и ничего столь в обыкновении нет, как продавать детей. У сих народов дети не могут появиться своим родителям и не могут принять от рук их ничего без низкого коленопреклонения перед ними (см. *Histoire générale des voyages*, tom. 5, page 368 и page 359) [Всеобщая история путешествий].

У израильтян видно, что отец издревле имел живота, смерти и продавать власть своих детей (Бытия, гл. 42, ст. 37). Моисей запретил отцу предавать смерти своих детей и узаконил, чтоб сын за великое дерзновение против отца приводим был к старейшинам града и чтоб люди того града камением побивали того сына до смерти (Второзак., гл. 21, ст. 18); однако кажется, что Моисей еще дозволил отцу продавать своих детей, а по крайней мере он, как видно из книг (Исхода глава 21, ст. 7), не отнял такой власти у родителей.

Один писатель на латинском языке (*Sigonius*, *De antiquitatibus iuris civilis Romani*, lib. 1, cap. 10) [Сигоний, Древнеримские гражданские законы, кн. 1, гл. 10] утверждает, что и в России издревле отец имел живота и смерти власть над своими детьми; но о сем я ближайшего известия еще не имею. Впрочем, если отец или мать сына или дочь убьет до смерти, за такое смертоубийство родителей в России велено только в тюрьму на год заключать, и что сыну с отцом в России ни в тяжёбом, ни

в криминальном деле суда нет, на то у нас и поныне есть в Уложении изданный и самым делом часто доказываемый закон, с старинным римским сходный: *inter patrem et filium nulla actio* (L. 4. D. de iudiciis) [между отцом и сыном не должно быть никаких тяжб (Закон 4 декрета о судопроизводстве)]. И если сын или дочь станут в суде просить на своих родителей, то за дерзновение детям велено поставлять и за то бить кнутом. И не велено притом с стороны детей ничего в оправдание принимать и не верить им ни в чем, о чем просят на своих родителей, так что и одно слово родителей в суде довольно в состоянии сына и дочь довести до кнута и сделать обоих вечно несчастливими и шельмованными без всякого в таком случае к немощному полу женскому снисходительства и сожаления. Желающие о сем уверены быть, могут прочесть в Уложении главу 22, статьи 6, 3 и 5.

У персиян во время Аристотеля, греческого философа, отцу власть над своими детьми точно такая позволялась, какая и господину над рабами (см. *Aristot. Ethic., lib. 6, cap. 10*) [*Аристотель*, *Этика*, кн. 6, гл. 10].

Сверх сего, то должно о всех народах вообще примечать, что в тех государствах, где полигамия, или многоженство, водворяется, чрез которую родительская горячность к детям, будучи разделена на многих, уменьшается и истребляется, в таких государствах больше власти и с большею строгостью употреблять дозволяется отцу над своими детьми. И сия власть в таких государствах долго не уничтожается и после, как уже они и в совершенство начнут приходить.

Так должно думать о китайцах и персиянах, ибо хотя китайцы уже и вышли из варварства, однако усилившееся у них многоженство, или полигамия, удерживает и поныне в обыкновении неограниченную власть родителей над своими детьми.

У китайцев ничто так не почитается за святость, как родительская власть над своими детьми. Они, когда хотят доказывать кому, коликую власть имеет китайский император, обыкновенно говорят, что она есть такая великая, какую и отец имеет у них над своими детьми. Ибо у них действительно отец и поныне имеет власть живота, смерти

и продавать своих детей; продавать он может их и privately по произволению, но когда ему надобно убивать их, он должен приводить их в суд и там обвинять их на смерть. Где какое бы ни было преступление сына виноватого, в том верить судья должен и одному слову отцовскому, не принимая ничего во оправдание с стороны сыновней; о сем иезуитские миссионеры и Père le Comte [Лекомт] в своих «Mémoires Chinoises» [«Китайские мемуары»] так уверяют нас.

Выкидывать младенцев у греков чрезмерно в обыкновении было и не запрещалось законами. По старинному закону афинскому отец имел полную власть продавать своих детей в рабы; Солон, запрета отцу продавать сынов, позволял дочерей продавать, которые не хранили своего девства и непорочности нравов (о сем Petit. in legem [О законном иске] 44 и *Плутар[ха]*).

Из толиких народов довольно видно, что полномощная власть над детьми родителям у всех народов, равномерно как и у римлян, позволялась с тою только разностию, что у римлян сие варварское обыкновение продавать и убивать своих детей продолжалось больше и после, как уже они в цветущее состояние пришли.

Причины сему, может статься, были следующие:

1) Римляне были народ военный и беспокойный. Они мало упражнялись в искусстве, надобном при мирном состоянии государства. С начала их правления, даже до преобразования оного в монаршеское состояние, они заняты были в войне непрерывно, в которой им сначала всегда удавалось счастливо, от чего их владение сделалось надмеру обширным не в одной земле, но в разных за морями, за горами, за островами в государствах завоеванных; от чего их мысли больше всегда заняты были в изыскании средств к удержанию в покорении столь обширного государства не законами, но силою войска. И, следовательно, военная слава у них должна для такого их течения дел составлять первый предмет, к которому достигнуть всяк с первого до последнего старался, оставя все другие упражнения и науки.

От сего, наконец, то произошло, что у римлян мало старания и внимания приложено было к вычищению нравов, к поправлению законов и к преуспеванию в таких науках и упражнениях, которые смягчивают жестокие сердца и нежными делают чувства в человеке; для сих причин римляне и в последующие времена, когда они сделались богатыми и роскошными, они не доказали столько ж себя вежливыми и законоискусными, сколько другие народы по мере богатства и прохладного жития. Ибо много у них осталось и поныне старинной суровости и зверских обычаев, и многие из их варварских установлений, продолжаясь без поправления, чрез долгое время, наконец, не в предосуждение нынешним просвещенным векам сказано, почитаются у потомков с таким уважением, какое отдают суеверные подражатели вещи, которая получает все свое освящение от одной глубокой древности.

2) Другою причиною продолжению римских варварских обычаев и узаконений было их правление народное, то-есть республика.

В прямой республике, как в таком правлении, которое больше есть правлением законов, нежели людей, весьма трудно можно обойтись без смятений и тревожений. И всячески невозможно удержать всех в единомысленном повиновении верховной власти, в которой всякий гражданин принимает равномерное участие. Здесь и последний думает о себе, что он наравне с первым. Такое мнение равенства часто в республике выходит за предел и делается препятственным к согласию возобновляемых установлений в государстве. Народ не повинуется магистрату, который он сам выбирает к управлению государством. Каждый желает себе столько власти в законоположении, сколько и в осуждении по законам. В таких обстоятельствах законы и не делаются и не исполняются со строгостию и беспристрастностию, от чего рождается всенародное своевольство и раздор в отечестве.

Вольное или общенародное правление продолжалось у римлян чрез долгое время. При начале у них правление было аристократическое. У них государь был первый судья, выбираем сенатом и подтверждаем всем народом. По уничтожении государей их правление сделалось демо-

кратическим, или всенародным, и, следовательно, тем самым больше подверженным бунтам и несогласиям.

Другие обстоятельства, которые сделали республику Римскую несогласной и непорядочной, были их обширные безмерно завоевания в своем владетельстве, ибо несравненно труднее удержать республику в просторном, нежели в умеренном владетельстве, и удобнее восстановить спокойство и тишину в немногочудстве, нежели в бесчисленном гражданстве.

Для сих обстоятельств во всех древних республиках порабощение некоторых людей премного способствовало к устоянию такого правления и к восстановлению тишины и спокойства в отечестве. Ибо в таких правлениях целость и благосостояние отечества того требует, чтоб те, которые большую часть составляют народа и которые больше склонны бывают к бунтам и возмущению, всегда содержались в неволе. Следовательно, в государстве, где правление иначе не может своего величества и власти удержать, порабощение и невольность для некоторых людей необходимо произойти должны. А понеже римские кроме сих обстоятельств имели еще обширные во владении своем завоевания, нежели какой другой из древних народов, того ради по мере толикого пространства империи больше пресечения вольности и порабощения в римском народе требовалось. В сей политике римляне поступали еще и далее, продолжая и другую кабалу в своем отечестве, то-есть порабощение детей своих. Такая полномощная власть, дозволенная отцу над своими детьми, равномерно надобна была у римлян, как и порабощение других подлого состояния людей необходимо нужным казалось для подкрепления слабости в правлении и для восстановления спокойства и тишины в народе. Ибо верховная римская власть, покорив начального в фамилии, удобнее могла в повиновении к себе содержать и прочих в фамилии чрез дозволение полной власти тем, которые в магистрате первенство иметь могли.

Итак, римляне с намерения, видно, политического, чрез долгое время не только не отнимали у родителей сей власти, но еще и подтверждали оную законами до тех пор, когда уже ей надобно было и совсем уничтоженной быть.

Из всего сего, что я ни говорил здесь, то надобно вообще знать, что такая власть отцовская у римлян, сколько бы ни казалась на теории противною натуре человеческой, на деле не могла быть столько вредная, сколько она другим народам такой представляется, и что она, когда народ в просвещение приходит, родителями действительно не может быть совсем на зло употреблена по причине природной в родителях к детям горячности и усердия. Свидетельством и доказательством сего неоспоримым суть нынешние просвещенные веки и вычищенные народы, у которых ныне и детям почитать от любви своих родителей и родителям не раздражать своих чад бог и натура приказывает.

Такие и подобные сим знания и науки требуют от вас, российские юноши, ревностного старания при мирном состоянии. Вашего спокойства ничто ныне ни внутрь, ни вне отечества не мятет. Живем теперь без бранного навета, златой и безмятежный препровождаю век, который по предсказанию зиждителя Российской империи к нам возвращается и в котором публичные дела с беспрепятственным успехом отправляются, науки, художества и всякое искусство без помешательства продолжаются; путешественник ныне российский ни на море, ни на земле не одерживается, все препятствия, какие только могли бы помутить столь дорогой порядок в отечестве, везде премудрыя Екатерины заступлением и предвидением, как манием божественным, отвращаются. Такие выгоды, столь нужные к совершенству юношества российского, монаршеским ее везде предварением доставляемые, не могут учащимся не быть довольно чувствительными. В таких благоприятных обстоятельствах находится ныне Россия, и свет уже довольно видит, что премудрая наша монархия такое имеет к учащимся милостивое благоволение, каковым ныне никакой монарх в Европе праведно похвалиться не может. Почему из одной чувствительности одолжений во всех училищах, которые она, не щадя великих издержек, старается на всегдашнем своем матернем попечении утвердить, учащиеся не преминут усугубить ревностное старание и крайнее разумение для доказанья себя достойными толикой покровительницы наук. Поставленные

при таких местах и по сердцу ее избранные предводители, отправляя ревностно порученную себе должность, взаимным с подчиненными себе рачением не оставят прочим всем доказать, сколько целость и крепость отечества и общее всех благополучие в исполнении прилежном ее повелений состоит. Сия искренняя единоподушность, столь достойная от целого света трудолюбивой монархине, вскоре разольется по всем сердцам в ее державе, с сугубою ревностью к отечеству, с сугубым единомыслием к признанию и прославлению ее добродетельных намерений и предприятий.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ РАССУЖДЕНИЕ
О ВЕЩАХ СВЯЩЕННЫХ, СВЯТЫХ И ПРИНЯТЫХ
В БЛАГОЧЕСТИЕ, С ПОКАЗАНИЕМ ПРАВ,
КАКИМИ ОНЫЕ У РАЗНЫХ НАРОДОВ
ЗАЩИЩАЮТСЯ...**

ГОВОРЕННОЕ... АПРЕЛЯ 22 ДНЯ 1772 ГОДА

День, в который человек изволением всеильного творца природы счастливо от утробы матерния разрешается и свой первый взор на свет возводит, составляет, слушатели, важную в течение жития человеческого эпоху. Во дни сем¹ восприемлет рождаемый жизни своея начало, которое праздновать всякому полу, чину и возрасту есть сродно, приятно и радостно. День рождения своего с улыбкой нежные объемяют младенцы; девицы и юноши оным красуются, и престарелые торжествуют оный с отношением и упованием на приближающую вечную жизнь. Важность такового торжества сама чрез себя достойна смертных внимания. При нем воспоминание натуральное делается прошедшего и грядущего с воссыланием благодарения богу за первое и с возложением на него надежды в последующем. Юношество убо возрастающее в мужество, благодари творца в сей день своим от силы в силу прехождением! Мужество и престарелость, при торжестве своего рождения облекися в надежду на готовящуюся в вечности всякому по делам неветшасмую жизнь и в своем преклонении лет преклони мысли к совершению непорочного, честного и добродетельного жития на сем жилище! Такое чувствование рождаемым в свой день вливает в сердце самая природа человеческая; с таким благоговением признавать свое рождение всякому велят

христианские обыкновения и закон; и с не меньшим чувствоприношением праздновали день своего рождения древние народы и язычники. Они при обновлении ежегодичного своего рождения воздерживались от пороков, от пролития крови, убивства и заколения животных. Язычник римлянин, однако, исполнен примерной ревности к своим обычаям, имел и по своей вере невидимого хранителя жизни, которому день своего рождения посвящал боголепно с препровождением оного в добродетели и благопристойности и сверх сего с великим пиршеством и торжественным приветствием поздравлял рождением своих родителей, благодетелей, сродников и знаемых ², обновляя своих тезоименитых ³ наичувствительнейшим выражением: *ныне рожденный, здравствуй* *. Правительство везде толь важному для всякого рождению уважение отдает великое

* Удивительное сходство древних обычаев с нынешними примечается в наблюдении рождения. У римлян обыкновение было именинников дарить, поздравлять и пир делать при рождении приятелям: сей пир состоял в великолепном ужине, который у римлян назывался *coena natalitia* [главная трапеза]. При ужине у них приятелям и гостям подносили некоторый род каши жареная, *Plin., lib. 8, cap. 18* [Плиний, книга 8, глава 18], которая у них по обыкновению при рождении делалась у всякого именинника и называлась *sacrum natalium*, то-есть священное приношение, при обновлении рождений употребляемое; сверх сего римляне своему ангелу, или, по их, — гению, приносили ладан, цветы и мед; по старинному суеверию древних ангел, или по их *genius natalis* [ангел рождения], счастливую делал планету, под которою кто рождался, и для того при рождении, празднуемом всяким, призываем был в молитвах спутником и хранителем природы человеческия. При обновлении рождения древние воздерживались от всякого заколения, почитая за грех проливать в тот день кровь и отнимать жизнь, в которой кто себе жизнь получил. О сем пространнее можно видеть *apud Lucianum in Demosthenis encomio, item ex Ovidio Trist. lib. 4. eleg. 13. et lib. 5. eleg. 5. Horat. lib. 2. epist. 2. v. 187 nec non Martial. lib. 2. epig. 66.* [У Лукиана в Похвале Демосфену, также у Овидия — Скорби, книга 4, элегия 13 и книга 5, элегия 5; Гораций, книга 2, послание 2, стих. 187, а также Марциал, книга 2, эпигр. 66.] Из сего последнего писателя можно видеть, что иногда у римлян при рождении на ужине бывало и до 600 гостей.

Sextenti coenant a te Iustine vocati,

Lucis ad officium, quae tibi prima fuit.

[Шестьсот, званых тобою, Юстин, обедают для твоей славы, которая была у тебя первой.] Впрочем, у древних празднуемый при рождении *genius* [дух] назывался *gignendo* [хранителем рожденио-

и день рождения своего позволяет и последнему торжествовать с надлежащим увольнением от всяких должностей и дел публичных, отдавая тот день всякому по своей вере на умоление подателя и хранителя жизни человеческого.

Сие творить при обновлении рождения каждого из частных в обществе людей научает природа, древность, закон и правительство; но несравненно с большим наблюдением истины воздавать больше при рождении великим и таким особам, которых величеством прямо возвеличился и достиг до своего совершенства народ, научает нас кроме древности и нынешний просвещеннейший весь свет. В глубокой древности повелитель народов, пышный Рим, с каким восхищением и великолепием праздновал рождение своих монархов и поборников отечества великих, когда все многочисленнейшие онога народы стекались отсюда на представляемые в память их рождения великолепнейшие позорища и когда все области онога почитали их день рождения святым и признавали повсеместно спасительным отечеству, в который кроме радостных восклицаний никаких словопрений судебных, никаких истязаний и никаких по иску требований никому во всей державе производить не дозволялось. Судища все тогда молчали, оставляемы были дела публичные и приватные, не тревожили народа позыватели на суд, ходатайства нигде ни за единого на суде не требовалось, единый день рождения их, во всем уподобленный светлomu празднику, был ходатайственным за всех прегрешения и отпущения *...

В принятом издревле законоучении вещи разделяются на принадлежащие к *правам божественным* и *человеческим*. Принадлежащие к *правам божественным* вещи, о которых здесь наше идет рассуждение, разделялись у древних на *священные, святые и принятые в благочестие*:

го], то-есть от того, что такой, по их мнению, при всякого рождения рождался на охранение жизни рожденного, и которого язычники во всем не иначе понимали, как православные своего ангела хранителя, что явствует из стихов греческого комика Менандра:

Mortalium cuilibet nato suos

Vitae custos rectorque genius iungitur. [Каждому из смертных при рождении дается его жизни хранитель, дух-руководитель.]

* См. LL. 7 et 11. Cod. de feriis [см. 7 и 11 законы Кодекса о преступлении].

in tō res sacras, sanctas et religiosas. Сие старинное языческое разделение вещей, взятое из римских прав, в последние времена императоры греческие приняли и в христианский закон с таким притом подтверждением, чтобы собственность сих вещей единому токмо богу навсегда принадлежала. Такое о сих вещах законоучение, поелику принято от государей первоначальных греческия церкви, не противно нашей вере, и сверх того оно здесь приводится не в закон положительный, а единственно только для показания и сношения с тем, что такое благоговение описываемым здесь вещам отдаваемо было не токмо в первоначальном благочестии, но даже и в самой древности язычников.

1. О ВЕЩАХ, ПОЧИТАЕМЫХ СВЯЩЕННЫМИ У РИМЛЯН-ЯЗЫЧНИКОВ И У РИМЛЯН, ПРИНЯВШИХ ХРИСТИАНСКОЮ ВЕРУ, С УРАВНЕНИЕМ ОНЫХ С ВЕЩЬМИ, ПОЧИТАЕМЫМИ В РОССИИ СВЯЩЕННЫМИ

Вещи у римлян-язычников *священными* почитались, которые торжественно и пред всем народом языческими их первоначальными идолослужителями богам посвящаемы были. Таковыя у римлян язычников почитались *жертвенники, храмы, идольские капища и полагаемые в оных вещи на сохранение: arae, aedes, fana, templa et donaria*. Посвящение сих вещей производилось с великим обрядом: во-первых, самое то место, на котором оные созидаемы были, окропляемо было водою и благоговествуемо *предсказателями*, после чего следовало положение камня краеугольного, называемого по их *lapis auspicalis*. Сверх сего при создании таких вещей требовалось сената римского благоволение, народа подтверждение и высочайшее государей чрез первых идолослужителей храма посвящение, которое они часто и сами отправляли, чему примером есть оставшееся в древности Ромула посвящение храма Юпитеру Феретрию * 4.

* *Iupiter feretri, haec tibi victor Romulus rex arma fero templumque iis regionibus, quas modo animo metatus sum, dedico, sedem*

Таким торжественным образом посвященные вещи назывались священными; противным сему и частным образом посвящать вещей никому не дозволялось, и в противном случае таких вещей не велено ниже у язычников признавать за священные*. Римляне имели в идолопоклонстве и собственные всякому вещи священные, как, например: *sacra natalium*, *sacra deorum penatium*; однако и сих без посвящения первоначальных идолослужителей делать возбраняло правительство, откуда явствует, что римляне и в идолопоклонстве великую осторожность наблюдали при освящении вещей, опасаясь, дабы чуждое какое божество в их веру чрез тайное посвящение не возшло и не произвело бы расколов в народе, что самое и афиняне делали, не позволяя никому в доме чудотворений делать тайно**. Посвященные правильно и торжественно вещи оставались в собственности того божества, которому посвящены; никому оными владеть не дозволялось, никому оных ни покупать, ни продавать, ни закладывать не можно было, так что по разрушении оных и одно место священным оставалось до тех пор, пока или неприятелем овладеемо не было, или пока вызыванием святыни простым не сделалось***.

opimis spoliis, quae, regibus ducibusque hostium caesis, me auctorem sequentes posterī ferent. Смотри *Гейнекция Antiq. Roman. ad inst. lib. 2, tit. 1, pag. 423.* [Юпитер, несущий победу, я, победитель, царь Ромул, приношу тебе это оружие и посвящаю храм для тех краев, которые я только что в уме наметил, а также место хранения оружия, взятого у неприятельских полководцев; после того как пали их цари и полководцы, его принесут оставшиеся в живых, идущие за мной. См. *Гейнецкий*, Римские древности. Руководство, кн. 2, тит. 1, стр. 423.]

* *Sacra vocant augusta patres; augusta vocantur templa sacerdotum rite dicata manu.* Ovid. *Fast.* 1, v. 403. [Святое называют отцы священным; священными называются храмы, рукою жрецов надлежащим образом освященные. См. Овидиевы фасты, 1, стих. 403.]

** *Vid. Cornelius Nep., Alcib., cap. 3* [см. *Корнелий Непот*, Алкивиад, гл. 3].

*** *Conferantur de hoc LL. pr. princ. L. 6, § 2. D. h. t. L. 9, § 5. D. eod. § 8 inst. h. t. L. 6, § 3. D. eod. L. 36. D. de relig. L. 9, § 2. D. h. t.* [Об этом говорится в законах, в первую очередь в законе 6, § 2. Об этом также говорится в законе 9, § 5; о том же § 8, указание того же

Вещи священные у римлян-христиан, по точнейшему определению христианских законоположников Юстиниана и Константина, назывались, которые торжественно чрез архиепископов богу посвящаемы были, и такие именно в Юстиниановых законах означаются храмы божии, вклады и утвари церковные, сосуды церковные, чертоги государевы * и подобные сим вещи, какие только торжественно священным чином для богослужения посвящаемы были **.

Сии вещи по старинному языческому узаконению и в христианстве изъяты были от продажи и употребления частным людям, никто их не мог ни продать, ни купить, ни заложить, разве как только в случае для искупления пленников христианских и для пропитания бедных, для которых и по правилу Кормчия книги: *церковное богатство*

закона в § 3, о том же закон 36. Декрет о религии, закон 9, § 2 о том же.]

* Что чертоги государей римских священными почитались, то сие можно видеть из разных указов, как, напр.: Cod. lib. 12. t. 13. de comitibus et archiatris sacri palatii. Cod. lib. 1. t. 34. de officio comitis sacri palatii. De privilegiis eorum, qui in sacro palatio militant. Cod. lib. 12. tit. 29. [Кодекс, кн. 12, тит. 13. О служащих священного дворца. Кодекс, кн. 1, тит. 34. Об обязанностях служащих священного дворца. О преимущественных правах тех, кто служит в священном дворце. Кодекс, кн. 12, тит. 29.]

** Sacrae res sunt, quae rite per pontifices deo consecratae sunt: veluti aedes sacrae, et donaria, quae rite ad ministerium dei dedicatae sunt: quae etiam per nostram constitutionem alienari et obligari prohibuimus, excepta causa redemptionis captivorum. Si quis autem auctoritate sua quasi sacrum sibi constituerit, sacrum non est, sed profanum. Locus autem, in quo aedes sacrae sunt aedificatae, etiam diruto aedificio sacer adhuc manet, ut et Papinianus scripsit. Inst. § 8 de rerum divis et acquirendo earum dominio. [Священными являются вещи, посвященные богу надлежащим образом верховными жрецами, как, например, храмы и приношения, по установленному обряду освященные для богослужения, которые мы также согласно нашему установлению запретили отчуждать или закладывать, за исключением тех случаев, когда приходится выкупать пленных. Но если кто-нибудь своей властью что-нибудь объявит для себя якобы священным, то оно не священное, но мирское. Место же, где построены храмы, даже в случае их разрушения, еще остается священным, как писал Папиниан. Постановление § 8. О вещах, посвященных богу, и о вступлении во владение ими.]

есть нищих богатство *. Таким торжественным образом однажды посвященные богу вещи пребывали священными навсегда и по разрушении своем в остатках на месте. Христианские государи, подражая древности языческой и предохраняя православную церковь от расколов, запрещали ** и христианам уединенные (приватные) делать богослужения. Сему старинному, в благочестие принятому

* L. 22. Cod. de sacrosanctis ecclesiis. — Sancimus nemini licere, sacratissima atque arcana vasa, vel vestes caeteraque donaria, quae ad divinam religionem necessaria sunt, cum etiam veteres leges ea, quae iuris divini sunt, humanis nexibus non illigari sanxerint, vel ad venditionem, vel hypothecam, vel pignus trahere etc. Excepta causa captivitatis et famis in locis his, in quibus hoc contigerit: nam si necessitas fuerit in redemptione captivorum, tunc et venditionem praefatarum rerum divinarum et hypothecam et pignorationes fieri concedimus: quia non absurdum est, animas hominum, quibuscunque vasis vel vestimentis praeferri. [Закон 22 Кодекса о священных собраниях: «Запрещаем кому бы то ни было продавать священные и для тайн хранимые сосуды или одеяния и прочие приношения, необходимые для богослужения, так как еще прежние законы запрещали отягощать мирскими долговыми обязательствами, продавать или закладывать все то, что находится под защитой сакрального права. Исключение может быть сделано при выкупе пленных и голоде там, где это случается, ибо если есть необходимость выкупить пленных, то разрешается и продажа и залог указанных выше священных предметов, потому что не может быть нелепости в том, что человеческие души считаются ценнее каких бы то ни было сосудов и одеяний».]

Смотри *Кормчие книги* ⁵, лист 20, прав. 73: Церкви данного сосуда или завесы и прочего не подобает взимати или продавать от церкви. Лист 129, прав. 25: Церковных вещей не продавати. Лист 382, прав. 22: Сосуды священные продаяти на искупление пленных. Лист 17, прав. 89: Церковное богатство — нищих богатство. Лист 353: Церковный тать ношным зверем предается ⁶.

** I. N. 58: ut in privatis domibus sacra mysteria non fiant: Et priscis sancitum est legibus nulli penitus esse licentiam, domi quae sacratissima sunt agere: sed publice sincere procedere in credulitatem et dei culturam, secundum sanctionem de his sacratis actibus traditam. Et nos etiam hanc in praesenti ponimus legem, quam cum omni cautela teneri volumus. Omnibus enim interdicimus magnae huius civitatis (Constantinopolitanis) habitatoribus, magis autem etiam totius nostrae ditionis in domibus suis habere quasdam quasi orationum domos: et in his sacra celebrare mysteria: et hinc fieri quaedam catholicae et apostolicae traditioni extranea etc. [Постановление. № 58 о том, чтобы в частных домах не совершались богослужения: и древними законами было установлено, что священнодействия дома безусловно воспрещаются, но разрешаются всенародные

правилу последуя, премудрый монарх Всероссийский Великий Петр в Регламенте⁷ именно запретил, кроме фамилии царского величества, никому отнюдь не создавать и не иметь частных церквей и сверх сего вай-прилежнейше приказал епископам по присяжной своей должности смотреть и разыскивать являемые чудотворные иконы и привозимые от чужестранных в Россию вещи священные и мощи святых. Творящих сему противное, пренебрегающих церковь публичную и священнодействующих приватно в домех по правилам Кормчия книги велено проклятию предавать*. Такие понятия о вещах священных согласны всячески с простодушием первоначальных народов языческих и служат к подтверждению просвещеннейших обычаев христианских. Непросвещенных и не устроенных в путех своих народов языческих правительство, будучи не в состоянии иным образом удерживать от нарушения публичных зданий и от употребления оных на особенную каждого пользу, принуждено было делать посвящение таким вещам торжественное, с клятвенным притом призыванием богов и с подтверждением об них особых законов**. Сие внешнее и кажущееся просвещеннейшим народам излишним, идольское посвящение, имело свой действительный успех***, и народы собрания вероисповедного или религиозного характера, согласно сохранившимся установлениям по поводу этих священнодействий. И в настоящее время мы также издаем этот закон, который мы желаем неукоснительно исполнять. Поэтому мы запрещаем жителям этого великого государства (Константинопольского), в большей же мере также жителям всех подвластных нам областей иметь в своих домах якобы молитвенные дома и здесь совершать богослужения; это чуждо католическому и апостольскому преданию и т. д.]

* Смотри *Регламент духовный*, пункт 7, лист 75...⁸ В том же Регламенте духовном пункт 6 и 7, лист 14...⁸

Смотри *Кормчей книги* лист 55, прав. 6...⁸

** Solebant, inquit *Heineccius*, dedicationi templorum quaedam leges adici, quales hinc inde in vetustis marmoribus leguntur recensitae a Brisson, form. 1. p. 125. Conf. *Heineccius* Antiq. Rom. lib. 2. tit. 1. p. 424. [Гейнекций говорит, что посвящение храмов сопровождалось известными законами, которые имеются в надписях на древнем мраморе и приводятся Бриссоном, рисунок 1, стр. 125. Срав. *Гейнекций*, Римские древности, книга 2, тит. 1, стр. 424.]

*** Ut diligentius urbs religione, quam moenibus cingeretur. *Cicer. de nat. deor.* III. 40. [Чтобы город лучше охранялся религией, чем стенами. *Цицерон*, О природе богов, III, 40.]

первоначальные, воспящаемы таким торжественным вещей преданием в покровительство невидимым существам, научались богобоязливости и собственности посвященных вещей, поелику принадлежащей единственно богам, не касались так, как чуждому и принадлежащему совсем другому человека имению. Введение такого благоговения в первоначальном гражданстве имело точно такое намерение, и успех оно было произведением сего простого, но токмо полезного понятия о священных вещах. В последующие просвещеннейшие времена правление, получив на то довольнейшую силу и власть, обнародованными повсеместно законами запретило не прикасаться таким вещам и не делать из таких вещей частных никому употреблений, которые на истинное богослужение определены единственно для возбуждения в народе большего к благочестию внимания и уважения.

II. О ВЕЩАХ СВЯТЫХ У РИМЛЯН-ЯЗЫЧНИКОВ И У РИМЛЯН-ХРИСТИАН, С УРАВНЕНИЕМ ТАКИХ ВЕЩЕЙ В ЗАКОНЕ РОССИЙСКОМ

Вещи у римлян-язычников святыми почитались в *двояком разумении*. В первом смысле вещи у них почитались *святыми*, которые для покровительства и защиты торжественно посвящались языческим их так называемым *полубогам* (*diis medioxumis*), и в сем смысле у римлян сначала почитались святыми одни только *стены городские и предместия* (*romoegia*)*. Городские *вороты* в сем разумении сначала не почитались святыми; причиною тому писатели древностей римских поставляют старинное первоначальных римлян при заложении и посвящении градов употребление *плуга* или *сохи*. Сии орудия,

* Слово *romoegium*, которое здесь я назвал предместием, ввело у римлян место, внутри и вне лежащее близ стен городских. Оно оставляемо было подле стен с обеих сторон святым для неприкосновения к ограде. На сем месте пасаждаемы были особливые травы, называемые по их *ragmina*, которые давались некоторым персонам в знак того, что они *святы* и *шкем не оскорбляемы*.

обходя избранное на город место, основатели града поднимали, не *роя* оными и не святя того места, на котором намеревались быть воротам городским. От такого старинного и странного другим народам заложения и посвящения градов у римлян произошло и название городу общее *urbs*, которое от слова до слова значит *сохой обрытое место* *. В другом разумении у римлян вещи назывались святыми, которые защищаемы были от повреждения святостию прав истязательных; и в сем последнем знаменовании почитались святыми не токмо *стены городские с предместиями*, но равномерно и *вороты и укрепления военные* в ополчениях **. По сему також разумению назывались у римлян некоторые и персоны святыми, а именно: *родители* и *патроны* ***. *Трибуны* народа римского**** и *посланники*, из которых последние назывались еще и преимущественно пред прочими *священно-святыми* и не

* *Urbs* — происходит от старинного латинского глагола *urbare* [огораживать]; *id est aratro definire* — сохой или плугом ограничить. *Varro de ling. Latin. IV. 32. p. 24; Pompon., Leg. 239. § 6, de verb. signi* [*Варрон, О латинском языке, IV. 32, стр. 24; Помпоний, Закон 239, § 6, О словесных знаках*]; но желающие подробнее узнать, каким образом заложение и посвящение градов происходило у древних римлян, могут прочесть о сем *Гейнекциу, Antiq. Roman. ad inst., lib. 11. tit. 1. pag. 433 et 434.* [Римские древности. Руководство, кн. 11, тит. 1, стр. 433 и 434.]

** *Nec non etsi vallum quis transcendat, aut per murum castra ingrediatur, capite punitur. L. 2. § 17. D. de re militari.* [А также тот, кто перейдет через вал или переберется в укрепленный лагерь через стену, карается смертью. Зак. 2, § 17. Декрет о военном деле.]

*** *Liberto et filio semper honesta et sancta persona patris ac patroni videri debet. L. 9. D. de obsequ. patet. ac patron. praest.* [Вольноотпущеннику и сыну личность отца и патрона должна быть всегда почитаемой и святой. Зак. 9, О почитании отца и патрона.]

**** *Plebs, quos pro se contra vim auxilii ergo, decem creassit, tribuni eius sunt, quodve plebem rogassint, ratum esto: sanctique sunt: neve plebem orbam tribunis relinquunt.* *Frag. XII tabularum, p. 756.* [Те, которых плебеи выбрали для себя в количестве десяти человек, для защиты от насилия, пусть будут их трибунами, и все то, что они вносят на обсуждение народа, да будет имеющим силу закона, а они сами — неприкосновенными. И трибуны пусть не оставляют народ беззащитным. Фрагм. XII таблиц, стр. 756.]

оскорбляемыми (sacrosancti et inviolabiles) *. В сем последнем разумении и христианские монархи римские узаконили почитать за святые вещи *стены городские, ворота и законы гражданские* **. При возобновлении сего святодательного вещам узаконения христианские государи римские удержали старинное знаменование слова *sanctus*, которое по сему последнему разумению и в новейших законах римских значит *огражденного святостию прав истязательных* *** 9.

* Si quis legatum hostium pulsasset, contra ius gentium id commissum esse existimatur: quia sancti habentur legati. L. ult. D. de legation. Liv. lib. 30. cap. 43 et Dionys. Hal. lib. 6. p. 410. [Если кто-нибудь нападет на вражеского посла, то этот поступок считается противным международному праву, потому что послы считаются неприкосновенными. Закон последний. Декрет о посольствах. Ливий, книга 30, глава 43, Дионисий Галикарнасский, книга 6, стр. 410.]

** Sanctae quoque res, veluti muri et portae civitatis quodammodo divini iuris sunt: et ideo nullius in bonis sunt. Ideo autem muros sanctos dicimus, quia poena capitis constituta est in eos, qui aliquid in muros deliquerint. Ideo et legum eas partes, quibus poenam constituimus adversus eos, qui contra leges fecerint, sanctiones vocamus. Inst. § 10 de rerum divis. et acquir. ear. domin. [Неприкосновенными также считаются вещи, как, например, стены и ворота города; они в известной мере находятся под защитой сакрального права и поэтому не принадлежат никому. Стены мы называем поэтому неприкосновенными; смертная казнь установлена для тех, кто совершит какой-нибудь проступок против них. Поэтому мы называем санкциями те части законов, которыми устанавливаем наказание для тех, кто нарушил эти законы. Положение, § 10. О предметах, посвященных богу, и владении ими.]

*** Sanctum est, quod ab iniuria hominum defensum, atque munitum est. Sanctum autem dictum est a *sagminibus*. Sunt autem *sagmina* quaedam herbae, quas legati populi Romani ferre solent, ne quis eos violaret. Sicuti legati Graecorum ferunt ea, quae vocantur *cerycia*. L. 8. § 1. D. de reb. divis.

Proprie dicimus sancta, quae neque sacra, neque profana sunt, sed sanctione quadam confirmata: ut leges sanctae sunt: sanctione enim quadam sunt subnixae: quod enim sanctione quadam subnixum est, id sanctum est, et si deo non sit consecratum: et interdum in sanctionibus adicitur, ut qui ibi aliquid commisit, capite puniatur. L. 9. § 3. D. h. tit. [Святым является то, что защищено и ограждено от насилия со стороны людей. Святое происходит от слова *сагмен*; сагмены же известные травы, которые обыкновенно носят послы римского народа, чтобы оградить себя от чьего бы то ни было насилия, подобно тому как послы греков носят то, что назы-

Святые вещи у римлян-язычников оставляемы были в собственности единственной богов, и у римлян-христиан такие почитались принадлежащими к правам *божественным*. Для сих причин святых вещей по римскому закону никто не мог иметь во владении, или употреблять на собственную пользу. К стенам городским никто ничего не мог приделать, и перелезть чрез оные никто не смел под опасением смерти. Також никому сих вещей без дозволения государей или градоначальников возобновлять не дозволялось*. Но в России, кроме некоторых ворот в монастырях и в приходских церквах, городов и стен городских святыми не называют, и называемые у нас ворота святыми совсем не в том знаменовании берутся, в котором свои понимали римляне, а единственно только для того называются у нас святыми, что в оные бывает крестное хождение, и Спасские в Кремле ворота, может быть, для того больше всех

ваются перицей. Зак. 8, § 1. Декрет о вещах, посвященных богу.

Святым в собственном смысле мы называем то, что не является ни священным, ни мирским, но утверждено какой-нибудь санкцией, как, например, законы святы, потому что они именно основаны на известной санкции, ибо то свято, что основано на какой-нибудь санкции; и если то, что не посвящено богу, но иногда связано с санкциями, подвергается какому-нибудь оскорблению, то такое преступление карается смертью. Закон 9, § 3, Декрет под тем же заглавием.]

* *Muros autem municipales nec reficere licet sine principis vel praesidis auctoritate: nec aliquid eis coniungere vel superponere. L. 9, § 4. D. de reb. divis. Si quis violaverit muros, capite punitur: sicuti, si quis transcendet scalis admotis vel alia qualibet ratione: nam cives Romanos alias, quam per portas, egredi non licet: cum illud hostile et abominandum sit: nam et Romuli frater Remus occisus traditur ob id, quod murum transcendere voluerit. L. 11. D. h. tit.* [Стены же муниципального города не позволяется восстанавливать без разрешения главы правительства или наместника, точно так же не допускается ни пристраивать к ним что-либо, ни надстраивать. Зак. 9, § 4. Декрет о вещах, посвященных богу. Повредивший стены наказывается смертью, точно так же как и перешедший через стены при помощи лестниц или каким-либо иным способом, потому что римским гражданам не разрешается выходить из города иначе, как через городские ворота; другой выход является вражеским и недопустимым, так как, по преданию, и брат Ромула Рем был убит, ибо хотел перейти через стены. Зак. 11. Декрет под тем же заглавием.]

почитаются и дондсь, что в оные патриархи древние имели свой торжественный ход. Санкт-Петербург, хотя и во имя святого Петра сооружен, однако, поелику по нынешнему европейскому обыкновению создан, не имеет ни в самом бытии, ни в законе нашем ни стен, ни ворот, святостию прав защищаемых. Законы гражданские и совершаемый по оным суд свято почитать во всей России узаконил Великий Петр*, угрожая на суде присутствующим и предстоящим проклятием и строгим истязанием за неуважение судебных мест и законов. Впрочем, у нас собственно в таком и во всем римскому подобном разумении защищаются святостию прав истязательных *имя божие, святые угодники и особа монаршая* от всякия хулы и поношения**. Сверх сего защищаются у нас святостию прав истязательных *чертоги государевы, родители* и нынешние *депутаты*¹⁰, избранные к сочинению проекта Нового Уложения***.

* Надлежит обретающимся в сенате, в синоде, коллегии и Канцелярии и во всех судных местах всего государства судиям и пришедшим пред суд чинно поступать: понеже суд божий есть, проклят всяк, творяй дело божие с небрежением, и проч. и проч. Смотри настоящие указы *государя императора Петра Великого*, изд. 1724 года.

** Будет кто инверцы какия-либо веры или и русский человек возложит хулу на господа бога и спаса нашего Иисуса Христа или на рождшую его пречистую владычицу нашу богородицу и присво деву Марию, или на честный крест, или на святых его угодников и про то сыскивать всякими взыски накрепко, да будет сыщется про то до прямиа и того богохульника, обличив, казнити, сжечь. Уложения гл. 1, стат. 1, гл. 2, стат. 1, 2 и 3; смотри також о сем военный артикул 3, 4, 5, 6, гл. 1 и в главе 3 арт. 19 и 20: Кто против его величества особы хулительными словами погрешит, его действия и намерения презирать и непристойным образом о том рассуждать будет, оный имеет живота лишен быть и отсечением головы казнен. Смотри також о сем указ, изданный в 1730 году апреля 14 дня, и кроме сих смотри указы ее величества нынешния императрицы всероссийския, 1, издан 1762 года октября 9 дня, об отлучении вин впадших в разные преступления, в котором примечай следующее: *кромѣ богохульников и вазнейших по двум первым пунктам, такожжде в злодеянии воровства и разбойничества и смертоубиства приличившихся, всем другим преступникам указов и проч.* Смотри також ее величества милостивейший указ о уничтожении Тайной канцелярии, издан 1762 года октября 19 дня.

*** О чертогах государевых, защищаемых такою святостию прав, смотри Уложения главу 3 о государеве дворе, чтоб на государевом

Введение святых вещей, равномерно как и персон у римлян-язычников, премного споспешествовало к удержанию народа от повреждения первых и от оскорбления других. Ибо в первоначальном гражданстве, когда еще правительство других средств к управлению народа не имело, тогда под присенением веры идольския все управляемо было. В последующие времена и при возвышающемся просвещеннейших народов состоянии такие средства правление оставляет и на место сих приемлет строгость и святость законов как несравненно действительнейшие способы к восстановлению порядка, тишины и спокойствия в обществе.

III. О ВЕЩАХ, ПРИНЯТЫХ В БЛАГОЧЕСТИЕ РИМЛЯНАМИ-ЯЗЫЧНИКАМИ И РИМЛЯНАМИ- ХРИСТИАНАМИ С УРАВНЕНИЕМ ОНЫХ С ПРИНЯТЫМИ В НАШЕ БЛАГОЧЕСТИЕ

Принадлежащими к благочестию вещи у римлян-язычников назывались, которые всякому из частных людей умершим при погребении в своем или в общем кладбище делать дозволяло правление *; и такими у них почитались

дворе ни от кого никакого бесчинства и брани не было, стат. 1, 2, 3 и 5.

О родителях, защищаемых такою святостию прав, смотри Уложения главу 22, стат. 4 и 5. И сверх сего надобно помнить детям и то, что Моисей о родителях написал и что в нашем законе церковном принято: иже злословит отца своего или мать свою, смертию да умрет, и иже бьет отца своего или мать свою, смертию да умрет.

О депутатах смотри выгоды депутатские в Наказе¹¹, § 23. Во всю жизнь свою всякий депутат свободен, в какое ни впал бы прегрешение, от смертныя казни, от пыток и от телесного наказания; кто же на депутата, пока уложение сочиняется, нападет, прибьет его или убьет, тому учинить вдвое против того, что в подобных случаях обыкновенно. И сверх сего российским государственным депутатам даны медали, которые то же почти значат, что римских послов и трибунов *sagmina* [пучки священной травы, служившие знаком неприкосновенности].

* *Religiosum autem locum unusquisque sua voluntate facit dum mortuum infert in locum suum, in commune autem sepulchrum etiam invitis caeteris licet inferre. Sed et in alienum locum concedent*

-гробы и украшения надгробные (монументы)*, созидаемые в память мертвых и посвящаемые в покровительство преисподним богам (*diis manibus, vel diis inferis* [божественные души или божественные подземные души]). При созидаании таких в память мертвым вещей римляни суеверие и тщеславие выходило за предел. Рождение у них и смерть были два обстоятельства, которые съедали их сокровища; суеверие и многобожие тревожило их души безмерно в обоих сих обстоятельствах, и римляне своим житием доказали, что скорее им тогда совокупно всем можно было сделаться повелителями вселенных, нежели в роскошном обществе обладателями сильными своих страстей. Оставшиеся потомкам великолепные их гробы и огромные украшения оных были посвящаемы с великим иждивением мертвых теням, не требующим ничего; и от такого приносившего живыми и не ощущаемого мертвыми благоговения

domino licet inferre, et licet postea ratum habuerit quum illatus est mortuus, religiosus locus sit. L. 6. § 4. D. de divis. reb.

Religiosum locum unusquisque sua voluntate facit dum mortuum inferre in locum suum, in communem autem locum purum invito socio inferre non licet, in commune vero sepulchrum etiam invitis caeteris licet inferre. Inst. § 9 de reb. divis. [Каждый, кто хоронит мертвых на принадлежащем ему месте, сам превращает его в святое; погребать же мертвых в общих гробницах, даже при возражении со стороны других, разрешается. При согласии владельца можно хоронить и на чужих местах. Место считается святым и в том случае, когда разрешение получено, после того как похоронен мертвый. Закон 6, § 4. Декрет о вещах, посвященных богу.]

Каждый, кто хоронит мертвых на принадлежащем ему месте, сам делает это место святым. Хоронить же на незанятом общественном месте против воли сограждан не разрешается, но хоронить в общей гробнице, даже при возражении со стороны других, разрешается. Положение, § 9. О вещах, посвященных богу.]

* Чем разняствовал гроб от монумента, то довольно изъясняется в приложенном здесь законе: *Monumentum generaliter res est memoriae causa in posterum prodita: in qua si corpus vel reliquiae inferantur, fiet sepulchrum. Si vero nihil eorum inferatur, erit monumentum memoriae causa factum, quod Graeci Κενотаφιον id est inane sepulchrum appellant. L. 42. D. de religios.* [Монумент вообще есть предмет, предназначенный для памяти на будущие времена; он становится гробницей, если в нем хоронят тело или останки. Если же в нем никто не хоронится, он будет памятником, воздвигнутым для памяти, который греки называют кенотафисом, т. е. пустой гробницей. Зак. 42. Декрет о религ.]

родился у римлян повсеместный закон признавать неодоушевленные камни и прах принадлежащими к услаждению и покровительству невидимых преисподних существ. Их гробы и места погребательные действительно были посвящаемы богам преисподним, равномерно как и другие вещи посвящались существам, невидимым другим, что самое довольно можно видеть из их надписей надгробных*. Что такие вещи единственно принадлежали к собственности и покровительству богов — хранителей мертвых, то сие языческое понятие у римлян родилось из предварительного их понятия о вещах священных и святых. Одно многобожие рождало у них другое, а как первое, так и последнее всегда клонилось к утверждению их правления, то и не удивительно, что сии вещи хотя и по особенному произволению каждого гражданина в благочестие были приемлемы, однако единожды приняты, повсеместно наблюдались ненарушаемыми, так что из оных другого употребления делать никому не дозволялось** и переносить оные без позволения государей и первоначальных идолослужителей языческое суеверие запрещало.

* Обыкновение было у римлян посвящать и надписывать свои гробы богам преисподним одними только начальными литерами, чему примером здесь может служить одна надпись, взятая из древностей римских; D. M. vel D. M. S. id est: Dis Manibus Sacrum: vel Dis Inferis Manibus Sacrum; смотри *Гейнекций* Antiqu. Roman. ad inst. lib. 2. tit. 1. p. 424, 425, 426, 427 et sic porro. [D. M. или D. M. S. обозначает посвященное божественным душам или посвященное подземным божественным душам, см. *Гейнекций*, Римские древности. Руководство, книга 2, глава 1, стр. 424, 425, 426, 427 и след.]

** Senatus consulto cavetur, ne usus sepulchrorum permutatio-nibus polluat, id est, ne sepulchrum aliae conversionis usum accipiet. L. 12. § 1. D. de religios.

Sed si religiosus locus iam factus sit, pontifices explorare debent, quatenus salva religione desiderio reficiendi operis medendum fit. L. ult. D. § 1 de mort. infer. et sepul. aedifican.

Deorum manium iura sancta (id est intacta) sunt. Hos, id e. manes, letho latos divos habento: sumptum in illos luctumve minuunto. Frag. XII tab. p. 753.

Ossa, quae ab alio illata sunt, vel corpus, an liceat domino loci effodere vel eruere sine decreto pontificum, seu iussu principis quaestionis est? et ait Labeo expectandum vel permissum pontificiale seu iussionem principis: alioquin iniuriarum fore actionem adversus eum, qui eiecit. L. 8. D. de religios. [Постановлением сената воспрещается нарушать какими-либо изменениями порядок погребе-

В последующие христианские времена римские государи, отдавая долг мертвым по истинному благочестию, подтвердили сие языческое узаконение и погребательные места сделали навсегда принадлежащими к единственному своему и церкви покровительству. В силу такого богоугодного и полезного узаконения без их позволения и без сведения поставленных ими градоначальников никто не мог нарушить сего на упокоение мертвым правительством учрежденного жилища *. Сверх сего римляне-язычники, равномерно как и православные, стараясь об отвращении от града тлетворного воздуха, под присенением веры запрещали погребать мертвых во граде **. А поелику сии вещи издревле язычниками и православ-

ния, то-есть не допускается, чтобы гробница была использована для других целей. Зак. 12, § 1. Декрет о святом. Но если святое место уже установлено, то верховные жрецы должны определить, в какой мере можно, не нарушая требований религии, удовлетворить желание восстановить сооружение. Последний закон. Декрет, § 1. О погребении мертвых и возведении гробниц.

Права умерших да будут святы, то-есть неприкосновенны. Их, то-есть умерших, следует считать божественными, перенесенными в царство теней, и пусть печаль о них утихнет. Фрагм. XII таблиц, стр. 753.

Можно ли владельцу места вырывать или удалять останки или тело, похороненное другим лицом, без разрешения жрецов или повеления главы государства — это является вопросом, и Лабео говорит, что следует ожидать или разрешения жрецов, или повеления главы государства; в противном случае против того, кто удаляет, возбуждается дело о нарушении закона. Зак. 8. Декрет о святом.]

* *Nemo humanum corpus ad alium locum sine Augusti affatibus transferat.* L. 14. Cod. de religios.

Si vi fluminis reliquiae filii tui continguntur, vel alia iusta et necessaria causa intervenit: existimatione rectoris provinciae transferre eas in alium locum poteris. L. 1. Cod. de religios. [Никто не смеет переносить тело человека в другое место без обращения к Августу. Зак. 14. Кодекс о святом.]

Если останки твоего сына смываются течением реки или если имеется какое-нибудь другое важное и несложное обстоятельство, то ты можешь с согласия правителя провинции перенести останки в другое место. Зак. 1. Кодекс о святом.]

** *Mortuorum reliquias, ne sanctum municipiorum ius polluatur, intra civitatem condi, jam pridem vetitum est.* L. 12 cod. de relig. *Nominem mortuum in urbe ne sepelito neve urito, homini mortuo ne ossa legito.* Frag. XII tab. p. 753. [Чтобы не нарушалось святое право муниципиев, уже раньше было запрещено хоронить останки мертвых в городе. Закон 12. Кодекс о святом.]

ными в благочестие приняты и свято почитаемы были чрез множество веков, того ради нарушение оных и похищение почиталось за святотатство* и по Кормчей книги правилам такое дерзновение жестоко и различно наказуется**.

Из приводимых мною здесь многообразных древности и потомства примеров, служащих к утверждению благочестия, следует опос наиважнейшее в житии человеческом нравоучительное начало, по которому только единому род человеческий может управлять свои поведения и соблудности оных благопристойность. Сие начало собственно называется чувствованием должности своея в человечестве; оно состоит в уважении общих правил, нужных для поведения, приличного каждому. Средства к достижению,

Умершего человека не разрешается ни хоронить, ни сжигать в городе. Кости мертвого не должны быть вырыты. Фрагм. XII таблиц, стр. 753.]

* *Sepulchris, inquit Heinectius, et eam legem additam reperimus, ut si qui ibi furtum fecisset, perinde obligatus sit, ac si sacrilegium commisisset.* Смори *Гейнекция* *Antiq. Roman. ad inst. lib. 2. tit. 1. p. 428.*

Sacrilegium vero acquiparatur parricidio ex legibus XII tab. Sacrum sacrove commendatum, qui clepserit (clam sustulerit) rapseritque parricida esto. *Frag. XII tab p. 753.* [Мы находим, говорит Гейнекция, и применение к могилам того закона, в силу которого укравший из могил так же отвечает по этому закону, как и совершивший святотатство. См. *Гейнекция*, Римские древности. Руководство. Книга 2, гл. 1, стр. 428. Святотатство по закону XII таблиц приравнивается к отцеубийству. Если кто украл (утаил) святое или вверенное святому, подвергается тому же наказанию, как и совершивший отцеубийство. Фрагм. XII таблиц, стр. 753.]

** Иже мертвые во гробех совлачит, да продастся. Кормч. книга, глава 28, лист 376.

Гробных татей како судити и мучити, гл. 28, лист 357. Аще же телеса мертвых или кости подвижающе или ирвращающе убозии суще, конечно, мучини будут. Аще же честный и богатый, раскититя имене их и сквозь град поруганы бывше в заточение послются.

Гробный тать и во дни пасхи в темнице затворяется. Лист 354.

Гробный тать десять лет запрещение да примет: два лета да плачется, три да послушает божественных писаний, четыре да припадает и едино лето да стоит с верными без общения и потом да причастится божественных таин. Лист 243, прав. 63 и лист 269, прав. 7.

совершаемые по сим правилам благопристойности, суть учение, воспитание, пример и благочестие. Без сего повсеместно и свято наблюдаемого уважения к общим правилам в поведеньях не может быть ни один человек в обществе, на которого бы поступки много можно надеяться. Чувствование своєю должности в человечестве и уважение принятых для поведенья правил в обществе составляет самое существенное различие между человеком, держащимся правил и честности, и человеком ветреным, неосновательным и неустроенным во всех путех своих. Один из таких, наблюдая воспрятые им основания жизни, поступает твердо и постоянно во всех случаях, наблюдая согласную с благоразумием пристойность поведений во всю свою жизнь. Другой, напротив, ведет себя различно и случайно и стремится без разбору, к чему лишь только его своенравие, склонность и корыстолюбие повлечет. Без такого чувствования своєю должности в человечестве, ежели и последнейший не может сохраниться долг учтивости, которую столь удобно всякому соблюсти можно и которую нарушать редко иному важная случается причина, то как без такого чувствования когда кто и без помышления о том сохранить может правила честности, правды, целомудрия и верности, которые столь трудны в соблюдении и которых к нарушению столь многие случаются в житии побуждения? Трудно предписать для поведений роду человеческому общие правила нравоучительные и труднее еще исполнять оные, однако и на последнем соблюдении оных основано самое бытие общества человеческого, которое в противном случае обратилось бы в ничто, если бы род человеческий вообще не был наптан чувствованием надобности толь важных для поведенья правил общих. Сие благоговейное чувствование своєю должности еще больше убсждает наше в том мнении, влиянное сперва от природы и подтвержденное напоследок разсуждением философским, что такие и толь важные правила нравоучения суть повеления и закон всевышнего, который за исполнение оных всегда готов наградить обильно повинующихся и наказать не брегущих о своєю должности в человечестве, и что такое мнение или понятие о правилах поведенья общих влиянно смертным от природы, тому

свидетельством неоспоримым есть приводимое здесь римлян языческое многобожие, происшедшее единственно от благоприменения и уподобления своих страстей к существам, воображаемым ими высшим человеческого. Римляне в невежестве и затмении своего языческого суеверия часто имели столь нелепые понятия о своих богах и приписывали оным такие страсти, которые по нынешнему просвещеннейшему рассуждению не делают чести природе и человеческой, чрез что они изображали предосудительное человечеству существо. Однако, с другой стороны, они и по своему суевию доходили до таких существ и приписывали оным такие качества, которые восхищали их к удивлению и казались человечеству подобием совершенств божиих. Юпитер в их воображении был отмститель во гнев[е] зло творящим, податель истинный и судия превысший всех, и потому обидемый призывал его свидетелем в претерпеваемых неправдах с таким притом упованием, что и он будет судить обидящих с негодованием, какое и последнего от человек воспламенить могло бы к отмщению за неправду; самый злодей и преступник правил истины чувствовал себя достойным всякого отмщения по осуждению всего рода человеческого; природный страх его внутренно убеждал о подобных на него негодованиях одного существа, от которого совесть его укрыться и власти его противиться не могла. Сии натуральные надежды и боязни чувствования родили у римлян многобожие, и их боги, взятые из уподобления к ним своих страстей, почитались всенародно защитниками человечества, награждителями добродетели и отмстителями неправды. Отсюда может видеть всяк, что и языческое римлян суеверие в самом своем начале подавало святость наблюдаемым в обществе правилам нравочения еще и прежде, нежели оные рассуждение философское и истинное благочестие подтвердило; и что иное, как не страх смерти и воображительное применение к состоянию мертвых, у римлян было произведением богов преисподних, защитников телес мертвых. Понятие одного страшного и бесконечного сегования, какое натурально воображение наше приписывает мертвецам, происходило равномерно и у римлян оттого, что они живые к учинившейся над мертвыми премене

присовокупляли свое внутреннее чувствование оныя перемены. Они входили воображением живые в мертвых состоянии и влагали, ежели можно так сказать, свои души в их неодоушевленные тела и оттуда заключали, каковым бы их в таком случае надлежало быть страстотерпением. От сего самого в воображении применения нашего натурального философа *, рождается и то, что приближение нашего разрушения всегда представляется нам столь ужасным и что воображение тех обстоятельств, которые по смерти, без сомнения, никакого чувствования нашему телу печального причинить не могут, делает нас столько бедственными в живых. И так отсюда произошло одно наиважнейшее не токмо для римлян, но и для всего рода человеческого начало, *ужас смерти*, великий яд, как утверждает тот же философ, человеку во счастья, но великий и воздержатель рода человеческого от неправды, который когда постигает и умерщвляет единого, хранит чрез то и соблюдает страхом целое общество.

Теперь мне более не остается говорить о православном благочестии, подающем толь сильные побуждения к совершению добродетели и хранящем христианина толь убедительными воспящениями от пороков, что правилам благочестия, коль бы они ни общи и ни ограничены были, кроме не чувствующего благопристойности, едва кто вправду и подумает противиться; и ежели примеры добродетельных в православии мужей не нужны, ежели честность души, непорочность нравов и наблюдение истины в житии православному не надобны, когда такие добродетели и язычнику были услаждением, то с какими глазами будут взирать отцы, когда их сыновей за развращенное житие повлечет правосудие гражданское на самую бесчестнейшую смерть, каково тогда будет матерям смотреть на развратную жизнь своих дочерей, и муж какое тогда поведет житие с предавшеюся слабостям всем супругою! Такому нечестию не токмо в православии, но ниже в самом язычничестве не пощущает водворяться природа человеческая...

* Господина *Смита*, глава 1, О симпатии ¹².

ЮРИДИЧЕСКОЕ РАССУЖДЕНИЕ
О НАЧАЛЕ И ПРОИСХОЖДЕНИИ СУПРУЖЕСТВА
У ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ НАРОДОВ
И О СОВЕРШЕНСТВЕ, К КАКОМУ ОНОЕ
ПРИВЕДЕННЫМ БЫТЬ КАЖЕТСЯ
ПОСЛЕДОВАВШИМИ НАРОДАМИ
ПРОСВЕЩЕННЕЙШИМИ...
ГОВОРЕННОЕ... ИЮНЯ 30 ДНЯ 1775 ГОДА

предприятю мною, слушатели, о супружестве рассуждении можно, во-первых, то за-подлинно утверждать, что сие мужа и жены общежитие, неустроенное прежде и основанное ныне на правах, сделавшись от всемирного своего употребления обыкновенным, на-последок и в ученом свете не стало быть столько примечаемым, сколько бы оному надлежало быть примечаему, как такому смертных союзному началу, от коего происходит всех нас рождение и оное общежительное рода человеческого размножение, от которого напоследок родились многолюднейшие грады, возросли обширнейшие государства и необъемлемые империи. Что от повсемственного и единообразного употребления делается нам вещь обыкновенною и непримечасною, тому свидетель есть оный светильник светов — солнце, которое, поколику всегда нам в обыкновенное время и в одинаком виде восходящим и заходящим представляется, того ради непримечасным и не кажется инако, как простым кружком; а каким образом от края небесе исход его и стретение его ¹ до края небесе делается, и каковым способом день дни отрыгает глагол и ночь ночи возвещает разум ², о сем примечания делать для обыкновенности никому почти и на память не приходит; и потому один еще только Невтон ³ великий на земле ближайшее к небу о том наблюдение сделал. Равным образом и другие

премногие, ближе нашим чувствам подверженные, растущие на земли и от солнца цветущие вещи подобного для обыкновенности своей лишаются примечания смертных. Но в юридических наблюдениях и, кроме сей обыкновенности, для которой примечания не делаются, было препятствием немалым несовершенное древних законоучение, неравное оных тщание, безмерное и беспорядочное множество законоучительских примечаний, которых прочтение отнимало у всех почти размышление, утомляло рачительную память и в изнеможение приводило всю остроту разума и рассуждения. По сим причинам, когда ни натуральный порядок в изложении и истолковании прав народных, ни подробное сношение обыкновений и законоположений нынешних с первоначальными наблюдаемы не были, то и неудивительно, что прежних веков законоучители и писмоводители не столько для изъяснения вещей, к их упражнению принадлежащих, сколько для показания своей должности писали. В таком преподавании бременном и непорядочном юриспруденция, наука, впрочем, благороднейшая и полезнейшая, от множества пространных писателей учинилась бременною и учащихся умы обременяла и отягощала. Но труд человеческий и разум чего на свете не превозмогают! С возрастающими оными громадами написанных древних книг юридических возрастало у новых писателей не меньшее и рачение ко приведению оных в порядочнейшую и полезнейшую систему, и к счастью наших времен, мужественными и великодушными учеными возвращен и нашей науке надлежащий способ исторический, метафизический и политический, которого употреблением всяк удобно может проникать в самые отдаленнейшие, в самые странные обыкновения и установления народные и может оные со сношением с своими исследывать по различному народов состоянию и по природе всего рода человеческого, коего знания нет ничего на свете смертным полезнее и приятнее. Таким способом, каковы я в слове моем примечания учинил, о том, елико времени и вашей терпеливости достанет, кратко предложить намерен.

По нынешнему просвещеннейших народов совершеннейшему понятию, супружество признается за согласие,

благословенное богом, предупреждаемое законом и воспринимаемое добровольно между мужем и женою в таком намерении, чтоб жить сочетавающимся во всю жизнь совокупно и единосупружественно, хранить непорочность и верность жития супружеского, родить детей и подавать оным общее вспоможение в воспитании и защищении, как общему своему порождению, а притом не оставлять друг друга не токмо во время деторождения, но равномерно и после вскармливания, воспитания и распределения детей на собственных каждому основаниях жизни.

Описанное здесь понятие супружества утверждается на предписанном всякому слову законе, и поколику до одного народы не иначе, как множеством веков доходят, того ради здесь надлежит с присовокуплением показывать оное тройкое состояние народов, по которому они восходят от малых начал до возвышающегося купно с ними и их понятия о вещах.

Первый степень смертных заключается в тесных натуре пределах, и первоначальное народов гражданство есть пустыня общая со зверьми; сих ловитвою и бытием самороджаемым питается дикий пустынножительный гражданин, вертеп его дом, и одеяние нешвенное из кожи зверския; наг он из утробы матерния исходит плотию, и при первом появлении во свет он не меньше прочих животных и разумом обнажен. Ему тогда ни грады, ни селения, ни союзы и ниже самыя под пятою его лежащая земли собственность неизвестны. В таких обстоятельствах, где глад и хлад, или и един токмо палящий зной составляет все человека наследие, какое может быть понятие супружества, когда одного и на деле иметь возможность не дозволяет? Самая любовь, хотя бы и наисильнейшая из всех была страсть, без пищи и пития, как говорится в пословице латинской, гладнеет. В сем состоянии, когда все нужное ко продолжению жизни спискивается крепостию, трудом и не меньше как исторжением насильственным у природы, жена по слабости своего сложения мужу не токмо не может быть помощницею, но паче обременением, а рожденные дети еще большим ему бывают отягченем; и если жена для слабости своя не может быть тогда полезно мужу в понесении тяжести житейския,

то она и того меньше может прельщать его неизменным дарований внутренних и прелестей наружных. Ибо какой красоте можно быть на лице того человека, который в середине льдов и в снегах северных живет погребен, или который в знойных пределах открытый под солнцем и иссохший скитается по степям. Сверх сих неудобств и самое обращение обоюго пола у таких народов, незапрещенное и незазорное со всяким, натурально рождает холодность и отвращение от такого неразлучного общежития. Сходственно с сими примечаниями, мы не находим в сем первоначальном состоянии народов никакого порядочного супружества и ниже имени оногo. Смещение у них обоюго пола невозбранное есть вместо супружества, и жены у таких мужей суть вместо рабынь, над коими они живота и смерти власть имеют.

Итак, когда в первом народов состоянии несродно быть кажется супружеству для худых, то следует оному свое начало иметь во втором для лучших обстоятельств; и потому второй возвышающегoся состояния человеческого степень приобретается заведением в собственности животных, или, иначе сказать, скотоводством и небольшим хозяйством. Сим средством человек достигает к выгоднейшему и прохладнейшему житию, от которого делается он, во-первых, общежительнейшим и, исшед из пустыни, наслаждается благорастворенным воздухом в степях, хотя и без утвержденного жилища; однако против прежнего довольно облегчен и облечен живет семейством в пастушьем состоянии, в каковом Юлий Цесарь, славный древних народов победитель и описатель, застал первоначальных британцев, галлов и старинных германцев и в каковом находятся и у нас скитающиеся юртами и ордами татары, калмыки и подобные сим бесчисленные народы под державою Российскою и в соседстве. В сем состоянии, сколько нам известно по описаниям таких народов, супружество по большей части состояло во многоженстве и нетерпимом в христианстве смещении. «По десяти и по дванадцати мужей, — говорит Цесарь о британцах, — живучи вместе и, по большей части братья с братьями и отцы с детьми, имеют жен у себя общих. Но рожденные от них дети именуются тех детьми, которым матери их

в девстве сперва достались»⁴. Равным образом и Тацит, неменьший Цесаря в описании первоначальных народов, утверждает, «что из таких народов одни токмо германцы одними женами в супружестве довольствовались»⁵. Из сих писателей доводов, кажется, довольно явствует, что во втором состоянии народов супружество какое бы то ни было, многоженственное ли оно или и несходное с христианскими обычаями, однако начинает быть известным и обыкновенным. Жены в таком первоначальном супружестве хотя и ни в какой нежности не содержатся и нимало не разнствуют от рабынь, над которыми, как тот же Цесарь утверждает⁶, мужья имели варварскую живота и смерти власть, но со всем таким варварством жены и при сем начале для хозяйства оказались полезными, и сия первая происходящая от них польза была первым введением супружества.

Несовершенное и в сем, как то и само собой доказывается, было супружество состояний: того ради, усмотрев его начало, посмотрим и на совершение его в следующем народов возвышении. Попечительна о блаженстве смертных природа верховное счастье человека, повидимому, утвердила на всегдашнем его устремлении к высшему состоянию. Одни желания рождают в нем другие; а как первые, так и последние всегда влекут его и возносят к возвышению; того ради низвержение в низшее состояние, равномерно как и закоснение во едином, всеми чувствуется наужаснейшим злополучием, какому только род человеческий подвержен быть может. Чувствование сего злоключения делает человека предосторожным и, восхищая его от упадения, споспешником ему и стражем есть во всех желаниях, ведущих его жизнь на верх благополучия. Таким страстоприимством от природы устремляемый и предохраняемый, человек, одни исполнив желания, предается другим и избирает вдаль себе лучший способ жития: утверждается на едином жилище, очищает селения, прилежит к земледелию, насаждает вертограды, устроет домоводство и навывает сельскому житию. Великая здесь человеку открывается перемена и довольная за труды приносится награда; остепенившись на едином месте, при достатке и спокойствии он имеет больше времени и способов

ко приведению своего жилища в порядок. С умножением его дому умножаются его и дела в домоводстве, за которыми поколику сам уже он присмотреть не в состоянии, того ради натурально представляется ему надобность в избрании такого помощника, на которого бы он мог надеяться и который бы ему был верен, тщателен и усерден, как он сам себе. Снисканный им таким образом толикий помощник в жизни другой не может быть никто лучшим, как жена его. Соединяющая в такой союз природа супругов сама предписывает собственные каждому должности и открывает им происходящую от наблюдения оных пользу, приятность и услаждение. На такой конец, когда она мужа сотворила приобретателем и искателем вне дому благ, жену хранительницею оных сделала внутреннейю дома. Прекрасное описание супружеския должности в домоводстве, приложенное здесь Цицероново⁷, довольно доказывает, что в таком сельском состоянии не столько любовь обоего пола взаимная, сколько происходящая от общежития мужа и жены польза была причиною первоначального порядочного супружества. Глубокая древность уверяет нас, что Цекропс⁸, пришедший из Египта в Аттику народов предводитель, был первым учредителем супружества и оное единоженственным утвердил. Но сей народа предводитель и законоположник супружества⁹ никогда бы оного в обыкновение единоженственным ввести не мог, как то и не ввел совершенно, если бы народ его не был довольно созрелый в сельском житии еще и до прехождения своего из Египта, и мы видим из истории, что сей народ в Аттике при первом поселении начал жить и жил действительно не токмо в семействе, но и в обществе сопряжен, в котором состоянии польза супружества первоначальным народам открывается не токмо в домоводстве, но и в продаже детей. Сию происходящую от корыстолюбия и варварства пользу имели все первоначальные народы в обыкновении, и не токмо греки, персы¹⁰, римляне, но даже и нынешние обитающие в Африке и Америке народы, от которых последних покупаемые всею Европою арапы суть довольноным доказательством сея истины. В Африке во всех приморских варварских берегах родители всегда имеют наполненные анбары детей, узамы связанных, из

коих продажи делают барыш и прибыль, как у нас из вещей неодоушевленных и несмысленных животных ¹¹. Сие корыстолюбивое продавание детей было побуждением немалым ко введению супружества и причиною полигамии, извержения младенцев и оных варварския власти, каковая по старинным законам ¹² дозволялась родителям в животе, смерти и продаже детей. Но каково бы ни было супружество в сем состоянии, однако происходящая по оному от жены и детей польза в сельском житии велика, и плоды в оном человеку приносятся весьма обильные, из которых он иные на блаженство и услаждение свое, иные в замену на потребности и в продажу на сокровища обращает, отчего напоследок открывается смертным и самое высочайшее состояние — *коммерческое*.

В сем состоянии великое рода человеческого делается преобразование в житии, нравах и правительствах. Здесь оные первоначальные уничиженные жительство забвению предаются, оставляется бедным сельская жизнь, богатым зиждутся грады, возносятся мраморны палаты, и человек, наследив сие новое и великолепное жительство, среди богатств, красот и убранства раболепно почитаемый, делается всемирным союзником и властелином над множеством прибегающих к нему и ищущих у него милости и пропитания. В таких благоприятных обстоятельствах совсем противными прежним напитан бывает он страстями и новыми бесчисленными снабден средствами к исполнению своих желаний. Смиренномудрие, скромность и повиновение удаляются от сердца богача, и на место сих вселяется в душу его высокомерие, гордость и неуступчивость. Достаток, богатство и изобилие во всем суть средства, которыми сокровиществуящий миллионщик пленить может в послушание себе целый свет. В таком преображении народов самое правительство нередко приходит в замешательство и, сделавшись в коммерческом состоянии колеблющимся, переменяется иногда в народное, аристократическое или в смешанное изо всех, какое ни есть третье; и в сем состоянии по причине достатка, изобилия и роскоши великое рождается совершенство и развращение народов, почему и супружество при таком случае с совершенством своим нередко иногда и на развратное мужа и

жены житие похожим примечается. Для сих обстоятельств понятие о совершенном супружестве надлежит нам вывести не от поведений супругов, но от предписанных супружеству законов и от средств, каковыми оное приобретаемо, сохраняемо и совершаемо было.

Что касается до средств, то из оных первым в приобретении жены было мужа долговременное сожитие с нею, и сим средством римляне, как то из законов их явствует, сначала приобретали жен¹³. А поколику сей способ есть весьма простой и натуральный, то хотя и не прямо, однако правдоподобно можно утверждать, что долговременным сожитием мужа и жены совокупным сначала и у всех народов супружество приобретаемо было.

Второй способ в приобретении жен состоит в покупке оных, называемом в римском законе *coemptio*¹⁴. Сим средством також многие народы покупали жен, и в России у казанских татар оное покупание и ныне еще в обыкновении, и деньги, платимые тестю за выдаваемую дочь в замужество, называется по-татарски *калым*. Но как в таком состоянии мужья имели варварскую оную живота и смерти над женами власть и жены за ними не иначе, как рабыни, жили, того ради выдающих в такое порабощение дочь родителей и сродников жалость часто заставляла делать жениху подарки, дабы он благосклонно с дочерью в замужестве поступал. От сих подарков родилось приданое, которое напоследок взошло в такое обыкновение, в каковом оное ныне видим и у всех народов. Последний способ в приобретении жен состоял в заключении приличных к тому договоров и в призывании торжественном на утверждение супружества свойственныя всякому народу веры. У римлян-язычников сей последний обряд назывался *confarreatio*¹⁵, то-есть жертвоприношение, состоящее в посвящении идолам домашним некоего хлеба, который почти во всем походил на употребляемый встарину при свадьбах в России и наблюдаемый у простолудимых малороссиян и поныне *жорвай*, у которых также и *deductio domum sponsae* [торжественный обряд обручения] по примеру римлян наблюдается и поднесь. Сей обряд свадьбы совершаем был наиторжественнейшим образом самими идолослужителями первоначальными, без которых

преходящая из родительского в мужнин дом невеста не могла быть препорученною покровительству тех идолов, коих за хранителей своих почитал ее муж¹⁶. А поколику сие супружество употребляемо было в возвышенном состоянии и между первейшими и знатнейшими фамилиями, того ради торжественному оному бракосочетанию всегда предшествовал брачный договор (*contractus sponsalitiis et sponsalia*), обряд во всем похожий на примечаемый у нас жениха и невесты сговор, который у римлян и за год до свадьбы торжествовать было можно, и в оном при свидетелях заключаемо было со стороны невесты приданое, а со стороны жениха — вено¹⁷ (*dos et donatio propter nuptias*).

Сими последними способами супружество у народов даже и языческих к совершенству приведено и законом начало быть предупреждаемо; но в просвещеннейшие веки христианские супружество несравненно большую получило себе твердость и совершение, когда оное сам истинный бог всесильным словом неразлучным утвердил, церковь приняла во хранение и правительство, оградив оное законами, предписало:

1. Быть супруеству по согласию не принужденному сочетающихся и по согласию родителей.

2. Наблюдать при вступлении в оное обоим полу предписанный законом возраст.

3. Хранить с обеих сторон верность и непорочность супружеского жития и не осквернять оного ни многоженством, ни многомужием.

4. Не совершать оного в возбраненном степени родства, и дозволяемого не делать тайно и вне церкви своей.

На сии предписанные правила всеобщие есть толь великое множество законов, что от вмещения и объяснения оных здесь предпринятое мною слово могло бы возрасти и в целую книгу, почему, оставляя сношение прав и показание оным точных причин особливому дополнению, в заключение кратко покажу, по каким обстоятельствам при возвышающемся народов состоянии женский пол не токмо уравнен мужескому, но в некоторых случаях и предпочтен оному.

Из вышедокананного мы видели, что у разных народов, а наипаче у римлян первоначальных, жены у мужей

наподобие рабынь содержались и приобретаемы были, подобно как вещи, куплею и одним сожитием. Из сего порабощения и зависимости они вышли не иным образом, как своими дарованиями и приданными великими. Происшедшее от оных малых подарков, даваемых жениху от родителей и родственников выходящая замуж невесты, приданое возросло напоследок в столь великое и лестное имение, что по оному и одному жена в понесении бремени супружества не токмо равную своему сделала мужу, но иногда и превосходящую его достатком своим. Такое их имение сделало жену независимую от мужа, и в возвышенном состоянии возвеличенный ее род, и знатный союз родни не допустит ее у мужа ни до малейшего наругательства и своим заступлением защитит и восхитит ее даже и от угрожаемых обид. Сие обстоятельство и одно в состоянии было сделать жену довольно уважаемую пред ее мужем.

Сверх сего, просвещение нравов народных и последовавшее оттуда большее чувство людскости и человечества, которое у нас смягчает сердца и воспящает нам быть жестокосердыми, были причинами немалыми в отменении оного древних бесчеловечного обхождения с женами и в уничтожении варварския оныя мужниа власти живота и смерти над женами. В непросвещенные и варварские времена сильный всегда немощного утеснял, и каждый склонен был к употреблению и малейшиа власти даже до отнятия жизни у не могущего сопротивляться оной. Но в просвещеннейшие веки вместо сих страстей восходит на сердце человеку сожаление и снисхождение к слабостям немощного, и храбрость, большею почитаемая в великодушии, приписывается тому, кто при всей своей власти и силе больше к милости, снисхождению и пощаждению в души расположения имеет. От такового расположения души расположение подобное клонится и в правительстве к защищению обиждаемого и к сокрушению обиждающего; и потому при избавлении женского пола от толикого варварства не меньше просвещение нравов, как и совершенство правлений, действовало. Премудрый законоположник и просветитель России Великий Петр между прочими премудрыми своими законоположениями и оное не меньше достойным примечания в своем изложении Табели о рангах¹⁸

сделал узаконение, по которому женский пол и преимущественно девиц не токмо уважил, но несравненно еще и предпочтенным отличал перед мужским¹⁹. Сверх Петровых законоположений суть и другие премногие, по которым женский пол в просвещеннейшие времена и у римлян преимущественным сделан на суде истязания перед мужским²⁰. Толико в просвещении нравов народных споспешествовало правительство к уравнению и превознесению сего низверженного в древности пола!

Но душевные женского пола дарования и качества внешние несравненно больше напоследок пленили мужский пол в любовь и почтение к себе; сие драгоценное сокровище, которое ныне толиким служит украшением женам, то-есть воспитание их и дарование, подобно как металл в земле, погребено было у первоначальных народов в нищете и непомышлении. Когда, напротив того, в наши времена первое о воспитании их всеми прилагается старание и с толиким успехом, что многие, к бессмертной славе своего пола, нимало мужскому не уступающими в науках доказали себя пред всем ученым светом...

**ЮРИДИЧЕСКОЕ РАССУЖДЕНИЕ
О РАЗНЫХ ПОНЯТИЯХ, КАКИЕ ИМЕЮТ НАРОДЫ
О СОБСТВЕННОСТИ ИМЕНИЯ
В РАЗЛИЧНЫХ СОСТОЯНИЯХ ОБЩЕЖИТЕЛЬСТВА...
ГОВОРЕННОЕ... АПРЕЛЯ 21 ДНЯ 1781 ГОДА**

Когда мы рассуждаем исторически и философски о различных преуспеваниях рода человеческого в различных знаниях и понятиях вещей и когда мы, снисходя с превознесенного нашего состояния, проникаем в самые отдаленнейшие от нас и кажущиеся пред нами низверженными и не восстающими народы, то не находим, слушатели, сего умозрительного народов созерцания для нас удивительнее, приятнее и полезнее. Ибо если мысленно себе представим испещряющегося искусством галла¹, сокровиществующего богатством батава² и пролетающего небеса, моря и земли в своих Невтонах и Ансонах³ британца; и если сравним сих, возносящихся толь несравненным своим состоянием народов с камчадалами, готтентотами и обитающими в северных и южных пределах народами, которым в наследие глад и хлад или и один токмо палящий зной природа оставила и на которых еще ни благодати божией, ни учения человеческого свет не воссиял, то сколь чудным, сколь удивительным и сколь приятным и научительным нашему взору представляется такое исследование рода человеческого, а особливо если к оному присовокупим еще и оное прежде бывших преславнейших народов воспоминание, в котором римлянина, поражавшего тьмы галлов и германцев⁴, и грека, некогда покорявшего все страны Азийские⁵, ныне лишь только одно имя у нас отзывается.

Сии толь чувствительные, прискорбные и чудные перемены рода человеческого многих уже великодушных и мужественных испытателей природы заставляли думать, что нет в наших ни рассуждениях, ни в испытаниях доказательных оснований, по которым бы можно сию вселенную утверждать вечною, не прменяемою или вреду какому не подверженною. Непрестанное, говорят они, и порывчивое движение всей видимой нами атмосферной материи, стремительные земли обращения, за которыми все части колеблются, примечаемые на небе перемены, простые к тому ж знаки не меньше, как и самые исторические предания всемирного потопа или повсемственного стихий восколебания, — все сии приключения свету доказывают смертность мира сего и его видимое с одного состояния в другое прехождение. Из таких наблюдений великими испытателями природы заключения нередко выводимы были уже и такие, что свет сей должен иметь свое отрочество, юность, мужество и престарелость так, как и свои, из которых состоит, не секомые и далее не разделяемые части ⁶. И весьма уповательно, что человек, равномерно как и все животные и растущие на земле вещи, из всех таких всеобщих свету перемен исключен быть не может. В цветущем мира состоянии, может быть, род человеческий имел бдольшую крепость в душе и теле, вождеденнейшее здравие, долговременнейшую жизнь и бдольшую склонность и силу к порождению; однако если повсемственный порядок вещей и обществ человеческих течение имеют такие степенно восходящие и нисходящие обращения, то их весьма нескоро можно приметить и отличить в столь кратком веке, каков в летописях и преданиях означается жизни человеческой. Возраст и крепость тела, долгота жизни, острота и пространство разума доказываются нам и во всех почти веках бывшими природными роду человеческому. И в таком нашем мнении о сем уверяют нас те самые искусства и науки, кои заподлинно процветали в одни веки и в другие упадали; и хотя они при таких своих переменах и повсемстно исчезали в одном народе, однако в последовавших за оным других народах паки возникли и размножились по всему почти свету. Итак, сколько нам известно и сколь далеко чинимые нами о сем наблюдения

могут простираться, то мы не можем еще заметить никакого ущерба в естестве человеческом, и потому не можем и измерять различные рода человеческого преуспевания, возвышения и низвержения по оным приписываемому свету отрочеств, юностям, мужествам и престарелостям, по которым, как утверждает великий философ и историк аглинский *, вовсе принимался исследывать многолюдство древних и малолюдство нынешних народов излишествующий в своих о сем писаниях Воссий.

Но, к счастью наших времен, новейшими и рачительнейшими испытателями природы человеческия открыты нам несравненно ближайšie средства к исследованию народов в различных преуспеваниях по таким обстоятельствам и состояниям, по которым они, начинаясь от первобытного своего общежителства со зверьми, восходили до высочайшего степени величества и просвещения. Таковых состояний роду человеческому полагали и древние писатели четыре, из которых первобытным почитается *состояние* народов, живущих *ловлею* зверей и питающихся *плодами саморождающимися* на земле; вторым — *состояние* народов, живущих скотоводством, или *пастушеское*; третьим — *хлебопашественное*; четвертым и последним — *коммерческое*. По сим состояниям преславнейшие писатели римские Юлий Цесарь, Тацит и Саллюстий измеряли различные преуспевания не токмо своего народа, но и других премногих **, и по их всеобщему описанию доказывается кратко, ясно и неоспоримо: «Что первобытные везде народы, кои от греческого языка и на латинском прозваны *aborigines*, были грубые, дикие и непросвещенные; в ловле диких зверей и в собирании плодов, кои земля без удобрения рождала, всю жизнь препровождали; из зверских кож их одеяния, и из пещер земных их дома были; и не долго такие народы на одних местах пребывали, но по всем неутвержденным жилищам скитались без всяких законов, без правительства, свободны и распустаны. Некоторые из сих, будучи между собою в соседстве, иногда добровольно, а иногда и по принуждению, для

* Г. Гюм в философических и политических сочинениях.

** [Примечание по-латыни опущено.]

удобнейшего пропитания и для отражения всеобщих себе неприятелей, в общежительство сошлись и семейства у себя и селения завели, в котором соединении нужда научила их хлебопашеству и ограждению себя стенами для защищения от неприятелей. После чего законы, права и правительства у них начали происходить. Таким образом сошедшимся в общежительство народам надобно было некоторыми природными правами поступиться, а особливо когда необходимость того требовала, чтобы и частных людей силы соединяемы были с силами общества для отражения всеобщего неприятеля. Но и при сем теснейшем соединении первобытные народы упорно за собою удерживали свои персональные права и природную вольность и не прежде, как по прошествии долговременности, оными поступились правительству. От сего обстоятельства и самые первоначальных обществ народных правительства примечаются столько слабыми и неустроенными, что в оных судьи, кроме медиаторской или посредственнической, никакой другой почти силы, ни власти над частными людьми имеющими не доказываются»⁷.

Такое происхождение и возвышение обществ человеческих есть сродно всем первоначальным народам, и по оным четверояким народов состояниям мы должны вывести их историю, правление, законы и обычаи и измерять их различные преуспевания в науках и художествах. Сими восхождением достигал римлянин до необъемлемая империи, и подобными сим достижениями превозшли римлян нынешние европейские народы и на развалинах их империи, как уверяет г. Робертсон, утвердили свои несравненно просвещеннейшие науками и обогащенные художествами державы.

При сем воспоминании и сравнении народов возрите, превознесенные под благословенною державою Екатерины российские потомки, на своих отдаленнейших предков и при всерадостнейшем торжестве рожденные ныне на просвещение и преуспевание толиких народов монархини воспомните, от каких малых начатков происходили российские первобытные народы *aborigines* и до коликого ныне они достигли величества, славы и могущества!..

Итак, сообразуясь высочайшим намерениям великой предводительницы просвещения и преуспевания народного, елико времени и вашей благосклонной, п[очтеннейшие] с[лушатели], терпеливости достанет, краткое предложить намерен *рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имени в различных состояниях общежителства.*

Собственность по самому высочайшему понятию нынешних просвещеннейших народов заключает в себе:

1. Право употреблять свою вещь по произволению.
2. Право взыскивать свою вещь от всякого, завладевшего оною несправедливо.
3. Право отчуждать свою вещь, кому кто хочет, при жизни и по смерти.

Каким образом разные народы и в различных состояниях натурально и постепенно достигают до понятия сего права собственности, о том теперь следует рассуждение.

I. СОСТОЯНИЕ НАРОДОВ, ЖИВУЩИХ ЛОВЛЕЮ ЖИВОТНЫХ И ПИТАЮЩИХСЯ ПЛОДАМИ, САМОРОЖДАЮЩИМИСЯ НА ЗЕМЛЕ

1. Когда человек честным образом овладеет какою вещию, то чрез такое овладение он делается к ней паче прочих пристрастнейшим и приобретает чрез то ощутительное ожидание к беспрепятственному употреблению завладеваемой им вещи. Вследствие такого пристрастия и натурального ожидания, рождающегося в человеке к овладению вещи *, и мы, посторонние зрители, почитаем лишение таковой вещи несносным для человека, а особливо,

* Г. Блакстон ⁸, коего сочинения ныне и на российский язык переводятся, утверждает из священного писания, что по оному слову божию: «раститесь, множитесь и наполняйте землю, и обладайте ею» (*Бытия*, кн. 1, гл. 1, с. 28), живущий на свете сем человек только может и собственности иметь над внешними вещьми. Но как о сем толь важном предмете имеются у разных агглинских, равномерно как и у других европейских писателей, новейшие рассуждения, того ради таковых мнения и я вознамерился здесь подробнее исследовать.

когда он лишается ее насиллием и обманом другого человека, ибо мы взираем на всякое такого рода покушение и посягательство не иначе, как на самое величайшее бесчеловечие и внутренно чувствуем себя расположенными к наказанию такого злодея и к прекращению таких пороков в обществе. При таком несправедном похищении вещи, приобретенной честным образом, нам представляются обстоятельства похитителя и владельца совсем несходственными, в которых владеющий вещию кажется нам имеющим несравненно большую связь с оною, нежели другой, похищающий ее; и владелец нам представляется больше претерпевающим от лишения своей вещи, нежели похититель, когда он правосудием принуждается быть без нее.

От сего пристрастия и ожидания, какое мы получаем при завладении вещи, рождается у нас самопростейшее и первое понятие о собственности, и в силу оногo мы почитаем, что лишать человека владения или препятствовать ему в употреблении своей вещи есть явное беззаконие и что владеющий оною имеет право употреблять ее по своему произволению и исключать прочих всех от владения и употребления своей вещи.

Но в первобытные времена и в первоначальном естественном состоянии, когда народы получают главнейшее пропитание ловлею диких зверей и собираемых плодов саморождаемых на земле, мы не видим такого ясного понятия о собственности, какое ныне примечается установленным между народами просвещеннейшими. Ибо когда люди живут в сем первоначальном состоянии и получают все свое прокормление от ловли зверей в воде и на земле, тогда они не имеют довольного случая к приобретению великого понятия о собственности, потому что, будучи незнающими, каким образом сохранять пищу от истления, они никогда и не помышляют о скоплении оных в великом количестве на будущее время. В таком состоянии и обрабатывание земли бывает мало им известно и внимательно; но как скоро народы узнают питательнейшую пищу, приуготовляемую из животных, то они и предпочитают оную пище, приуготовляемой из растений, поколику первая вкуснейшею представляется диким народам, нежели последняя. По сей причине редко случается

у таких народов, чтоб они прилагали старание к великому и собиранию плодов земных на пищу. Сверх сего, и самое одеяние у диких народов бывает весьма простое и немногое и состоящее по их климату из кож животных и рубищ самопростейших. Здания же, в коих дикие народы укрываются от зноя и от стужи, состоят в самопростейших хижинах, пещерах и вертепах, сделанных природою или и немногим искусством и трудом человеческим. Нижё притом такие у них жилища снабдены великим множеством сосудов, орудий и приборов домашних по той причине, что у них никакого к тому изобретения и искусства не имеется, и орудия их самонужнейшими почитаемые суть те, которые необходимо нужны на уловление и приуготовление зверей в пищу.

Сии сами собою простые и немногие вещи составляют всю собственность имения у народов, живущих ловлею зверей и питающихся плодами саморождаемыми на земле. А поколику они имеют весьма немногие и недрагоценные у себя во владении вещи, того ради и собственность сих редко у них бывает подвержена татьбе и похищению. Нижё при том и находящиеся у них вещи пребывают в долговременном их владении, ибо, когда живущий в таком состоянии человек убьет или и поймает какого дикого зверя, то он тотчас его съедает или приносит в дом на скорейшее съедение своим домашним. Следовательно, в толь краткое время владения он не имеет случая пристраститься к такой вещи больше других людей и, употребив немного труда при завладении вещи, он малочувствует и несправедливости в похищении оных другими людьми у него.

Сверх сего, и то надобно примечать, что у народов, живущих ловлею зверей, и самое употребление вещей бывает по большей части нераздельное и общее всем. Ибо как они живут все в одной хижине или пещере, то оных жилищ имеют совокупное и нераздельное владение и употребление; и как они едят все вместе, то их и съестные припасы бывают всем общи, а по недостатку даже и самые одеяния у них, точно как и у наших крестьян, бывают носимы и обоим полом одинакие и нераздельные.

Итак, когда у народов, живущих ловлею зверей и питающихся плодами саморождающимися на земле, не имеется

в вещах раздельного владения, то им и различие того, что *твое* и *мое*, весьма мало вразумительно. Сходственно с сим заключением, когда Колумб впервые прибыл к американцам, то они испанцам невозбранно позволяли брать и употреблять у себя все, что ни было у них; но когда американцы равным образом стали брать у испанцев, что им нравилось, и встречены были с явным отказом им во всем, то они такому испанскому с ними поступку не могли довольно надивиться и почли такое обхождение крайне странным и неслыханным прежде в их отечестве (*смотри Путешествие Колумба, гл. 2, стр. 44, на аглинском*).

2. А поколику народы, живущие ловлею зверей, не имеют довольно ясного понятия о праве собственности к употреблению вещи раздельному и особенному каждого человека, то они еще и меньше имеют понятия о праве взыскивать свою вещь от всякого, завладевшего оною по потере и похищении, ибо сия вторая часть права собственности им еще и паче невразумительною бывает потому, что оное ожидание к беспрепятственному употреблению владеемая вещи у таких народов весьма умалется и почти исчезает, как скоро вещь и соединенное с нею владение теряется. Сие примечание весьма прилагательным может быть у таких народов во всех их движимых вещах, из каковых у них и все почти имение состоит. Ибо когда у питающегося ловлею животных человека пойманный зверь уйдет, то надежда у него к сысканию ушедшего зверя натурально прекращается, как скоро из рук его животное вырвется. Равным образом, когда такой человек потеряет владение и движимой какой вещи, то его надежда к отысканию и употреблению оной скоро умалется; и нашедшие оную его товарищи нимало не сочтут за обиду потерявшему прибрать такую вещь себе и употребить в свою пользу, потому что у таких народов владения не утверждены и не защищаемы бывают ни правительством, ни законами. Итак, у всех первоначальных народов, имеющих во владении одни только движимые вещи, право собственности примечается совсем нераздельное с владением, то-есть продолжающееся только, пока вещь во владении имеется; и такое понятие о праве собственности приметил уже и французский путешественник

Шарлевуа народов северных американских, у которых, по примечанию сего писателя, всякая вещь, хотя бы и на малейшее время потеряна была, невозвратно становится во владении нашедшего оную; и сие он доказывает ниже-следующим случаем: «Некоторая американская старуха, имеючи только и пожитков, что одно ожерелье, ценою до 10 французских эку, около 11 рублей с четвертью, которое она в работное время на поле принуждена была повесить на дереве; что приметя другая женщина, как скоро удалилась хозяйка, прибежала к дереву и, похитив сумку, вскричала, сколь счастливо ей удалось найти такую драгоценную вещь! Бедная старуха, взглянув на свою вещь, тут же говорила, что она была ее, что она ее повесила тамо и не потеряла, не позабыла, и хотела снять, идучи домой. По многом споре между сими двумя женщинами, у которых, однакож, никаких укоризненных слов в воровстве не происходило, дело дошло до начальника деревни, который по рассмотрении всего говорил, что по сущей правде найденная вещь принадлежит тому, кто нашел; но если нашедшая сумку женщина не хочет прослыть корыстолюбивою, то она должна возвратить ее взыскивающей старухе и быть довольною некоторым за то подарком, который старуха ей по совести обязуется дать».

Такого неразрывного права собственности со владением и теряемого с потеряннем владимой вещи много примечается происходящего от сих обстоятельств и продолжавшегося и в законоположениях таких народов, кои уже и просвещенными почитались, а именно: по старинным законам римским, когда человек закладывал свою вещь за долг, то собственность закладываемой вещи всегда предполагается была в законе приносимую заимодавцу, который оную собственность возвращать по уплате долгу закладчику обязывался и контрактом. По сей самой причине и по тем же старинным законам римским, если человек отдавал вещи другому по обещанию, исторгнутому насильем, то он уже не почитался владельцем исторгнутых таким образом у него вещей, и имел *персональную чело-битную*⁹ на претерпенные чрез то убытки, которая чело-битная (*actio metus causa*) у римлян и подаваема была.

в случае исторгнутых страхом или насилием вещей лишь только на одного похитителя, а до других, перекупивших оную, не простиралась, до которых она распространена была гораздо после и переименована *персонально-вещественною челобитною* (*actio personalis sed in rem scripta*). Подобное ж понятие о собственности примечается бывшим и у всех древних германцев, у которых по старинным законам, если человек давал свои вещи на время, то потерянных не мог вещественною челобитною отыскивать у другого, завладевшего оными неправедно. Сие обыкновение, как утверждает Гейнекций, и поныне почитается законом в Любеке, Гамбурге, Пруссии, Швеции и Голландии (*Heineccii ad tit. d. de rei vindicat.*) [*Гейнекций, глава о законах востребования по иску вещей из его труда «История гражданского права римлян и германцев»*].

3. В заглавии сего рассуждения у нас было сказано, что по самому высочайшему народов понятию о собственности, владеющий вещию человек имеет право и отчуждать оную всяческим образом при жизни и по смерти. Сие право собственности рождается в человеке от прежде описанного права, по которому он имеет власть и к употреблению владеемой вещи по своему произволению. Ибо если в воле хозяина состоит истреблять свою вещь употреблением, то он может и бросить и поступиться оною кому хочет; оставленную и отказанною таким образом от него вещью может другой овладеть точно так, как бы она и никогда первому не принадлежала. Из сего натуральное следует заключение, что овладевший вещью по отчуждению хозяин имеет такое же право употреблять оную по произволению, какое имел и отчуждивший ее хозяин. Ибо возымевши над отчужденною вещью равномерную власть, он может равномерно ее и употреблять по произволению и, получив ее честным образом и по добровольной уступке, он не имеет и причины сомневаться, чтобы такое завладение вещи могло причинять прежнему хозяину оной или другому кому-нибудь какое-либо беспокойство и досаду. Сим уравнительным одного права с другим мы снискиваем понятие и о последнем, третьем, праве, по которому владеющий вещью уполномочивается отчуждать оную добровольно при жизни и по смерти.

Но сколь бы сего права происхождение ни было ясно и вразумительно для нас, однако оному ни малейшего уважения не делается у непросвещенных, а особливо у живущих ловлею зверей народов, по той причине, что у них мало бывает и случая к отчуждению вещей в таком бедственном и недостаточном состоянии, в котором они, не имея никаких художеств, не имеют для продажи и обмена никаких и вещей. У таких народов рукоделия бывают весьма простые и немногие, и потому всеми частными семействами везде и производятся не с излишеством, но сколько надобно для себя самих. Почему у таких народов коммерции или мены вещей никакой почти не примечается; и для того живущие в сем состоянии народы не могут иметь понятия о таком праве, для употребления которого они и случая почти не имеют. Да хотя бы в таком состоянии кто и отважился отчуждать или променивать свою вещь, но одним словесным своим произволением он того сделать не может по той причине, что в таком состоянии народы бывают весьма вероломны и не соблюдающие своих обязательств и договоров. И мы видим из путешествия г. Нордена по Нилу реке, что у народов, обитающих там, в вышнем Египте, отчуждение вещей, чинимое по купле и продаже, обыкновенно разумеется не совершенным даже и тогда, когда вещь отдана бывает и заплачена, как то явствует из следующего Норденова там приключения, а именно: когда слуга его купил в тамошнем месте овцу, приведенную одним из обывателей к их судну для продажи, то по долгом и хлопотливом торговании продавец оставил овцу покупателю за два севилана¹⁰ и, взяв деньги за оную, отошел от него; но не более как чрез полчаса возвратился опять к покупателю и, отдавая ему деньги, требовал возвращения своей овцы. Огорченный покупатель таким поступком продавца не хотел нарушить своего договора, тем менее, что ему надобна была овца для пищи; но продавец упорно настоял и сделал такой крик при сем случае, что многие из его одноземцев, сбежавшись толпами, требовали непременно возвращения овцы; чего ради покупатель, дабы не дойти до великой крайности, принужден был взять деньги свои обратно и возвратить ему овцу. Но при всем том она комедия еще

не кончилась, ибо продавец по немногу времени вторично пришел к нему с овцою, за которую требовал уже трех севиланов. Не рад будучи продавцу и товару такому, покупатель отогнал его прочь; но сей, приметя, что он не хотел купить у него овцу, старался упорно принудить его взять оную за первую цену, то-есть за два севилана. По многим хлопотам напоследок с обеих сторон покупателем взята была овца за один севилан и за небольшую меру хлеба, коего цена, однакож, была гораздо меньше севилана. — В государстве, Мондиго называемом, лежащем во внутренней стране Африки между реками Серрелиона и Сенегал, обыкновением установлено позволять человеку, продавшему что-нибудь поутру, уничтожить свой договор до захождения солнца, возвратя назад цену. Сие странное обыкновение, говорит г. Норден, великим было поводом к обманам, ибо в таком случае, если бы кто купил птицу или яйцо, то великая из того опасность следовала есть оное, не дождавшись другого дня, поколику покупатель принужден бы был заплатить за оное вдесятеро, в случае если бы он, съевши купленное, при требовании не в состоянии был возвратить назад (*смотри о сем нынешнюю Универс. Истор. на аглинском языке, т. 17, стр. 275*)¹¹.

Сия самая трудность, происходящая от недостатку понятия о праве отчуждения собственности, была причиною введения толиких форм и обрядов, кои у народов непросвещенных обыкновено наблюдаются при всяком заключаемом обязательстве.

II. СОСТОЯНИЕ НАРОДОВ, ЖИВУЩИХ СКОТОВОДСТВОМ, ИЛИ ПАСТУШЕСКОЕ

Когда народы поправят свое состояние приучением и разведением у себя диких зверей домашними, то они натурально возвышаются и в своем понятии права, принадлежащего до собственности. В сем состоянии они владеют именьями несравненно в большем и многообразнейшем количестве, нежели народы, живущие ловлею диких зверей. Ибо, изобилуя стадами различных животных, они имсют великое приумножение имений и, будучи оными в недостатках своих удовольствованы, имеют

спокойнейшую и прохладнейшую жизнь, отчего и сами они делаются расположенными больше к людскости, человечеству и к наблюдению правоты в обществе. Словом, в сем состоянии пастушеском и скотоводственном народы примечаются имеющими больше понятия о собственности потому, что в оном начинают владеть бóльшим множеством вещей прочнейших и долговременнейших, нежели в первом состоянии; и, живучи в пастушеском состоянии прохладнее, выгоднее и в большем обществе, они бывают благосклоннейшими и обходительнейшими. Сверх сего, и самая польза, происходящая от утверждения всякому частному человеку собственности, начинает быть в сем состоянии гораздо больше известною. Ибо в сих обстоятельствах каждый начинает довольно чувствовать, что и он равным образом будет обижен, если обидимого не будет защищать.

1. Но, невзирая на все вышесказанные и благоприятствующие к утверждению собственности выгоды, есть и в сем состоянии препятствие, не дозволяющее и живущим народам скотоводством доходить до совершеннейшего понятия о праве собственности к употреблению вещей по произволению; и в достижении до такого понятия о сем праве они воспящаемы бывают по причине их совокупного и нераздельного имения, каковое у них примечается общественным в семействах и в соседствах.

Разные семейства в юртах и ордах кочующих и живущих скотоводством народов хотя и многолюднейшие бывают, однако имеют владения у себя общие и наблюдают тесное между собой общежительство. Живущие скотоводством народы часто собираются обществом и пируют вместе; их стада пасутся вместе и на общей всем земле и присматриваются совокупным надзиранием всех семейств людьми.

Таким образом живут в обществе, простирающемся в каждой юрте до трех, четырех и до пятисот обывателей, готтентоты; таким же образом живут африканские ж народы, кочующие при берегах рек Сенегала, Цестры и Серрелионы (*смотри о сем нынешнюю Универ. Истор., кн. 15, стр. 498, и кн. 17, стр. 257, на аглинском*). Подобным образом, как утверждает Ксенофонт, жили в старину и спартанцы.

2. Живущие скотоводством народы еще и менее имеют понятия о праве собственности, принадлежащем к отыскыванию вещи от всякого завладевшего оною потому, что они не имеют собственности в земле и, пресмыкаясь с места на место, не могут пристраститься довольно к одному утвержденному жилищу. А поколику они еще не имеют собственности ни в чем другом, кроме как токмо в одних движимых вещах, того ради и непонятным для них представляется то, чтоб их собственность оставалась ненарушимую, когда владение движимых вещей потеряется. Для сих причин у скитающихся и живущих в пастушеском состоянии народов не примечается не токмо никакой собственности в земле, но ниже и разделения оной никакого не бывает. Сходственно с сим заключением, когда Авраам патриарх вознамерился отделиться от Лота, своего родственника, тогда и говорил к нему так: «Не се ли вся земля пред тобою есть; отлучися ты от мене: аще ты налево, аз надесно; аще же ты надесно, аз налево» (*Бытия*, гл. 13, стр. 9). Такое понятие о праве отыскывать свои земли имели народы и в оном незлобивом и святом пастушеском состоянии, из которого довольно и ясно доказывается, что они тогда ни собственности, ни разделения в земле не присвоивали.

3. Но если живущие в пастушеском состоянии народы не имеют довольно понятия о праве отыскывания своей собственности, то они и несравненно меньше иметь должны понятия о праве отчуждения своей собственности по причине их совокупного и общественного владения, которое, как и выше сказано, единожды затвержденное у всех, не дозволяет частному человеку отчуждать своего имения ни при жизни, ни по смерти.

III. СОСТОЯНИЕ НАРОДОВ, ЖИВУЩИХ ХЛЕБОПАШЕСТВОМ

Когда народы преуспеют столько в хлебопашестве, что могут от одного получать главнейшее свое пропитание, тогда они выгоднее для себя находят поселиться на избранной ими одной земле для непремяемого жилища. От долговременного их на одном месте пребывания самая их земля

делается больше удобренною; и народы, живущие на одном непременимом жилище, больше могут заpastись плодами земными и надобными орудиями для удобрения земли и снятия плодов с оныя. Сверх сего, от долговременного пребывания на одном месте и обработки оного народом также открывается и та польза, что их земля способнейшею делается и для паствы скотов. В таком хлебопашественном состоянии каждый человек обрабатывает землю, прикосновенную к своему жилищу, и натурально желает получить на владение оныя исключительное и всегдашнее право собственности. А поколику и всякий обыватель имеет к тому одинакое желание и как в таком состоянии земли довольно имеется для всех, того ради в таком приобретении не может быть и препятствия никому и немного может быть и споров в разделении земель. Следовательно, в первоначальном хлебопашественном состоянии всякий обыватель занимает для себя столько земли, сколько ему надобно и сколько он в состоянии обработать оныя; отчего у таких народов и самое количество земли примечается почти равномерным у каждого хозяина.

Итак, когда человек приложит довольно трудов к обрабатыванию особливою части земли, тогда лишить его оныя покажется всякому делом бесчеловечным и несносным; вследствие чего он будет всякому представляться имеющим большее, нежели другой кто, право ко снятию и употреблению плодов, которые он посеял на ней. По окончании жатвы у первоначальных хлебопашцев и вся привязанность их к земле разрушалась; но когда посевы хлеба наступали, тогда паки каждый обыватель, обрабатывая свою прежнюю землю, чувствовал к ней новую привязанность на будущий год, и чем долее кто обрабатывал одну и ту ж самую часть земли, тем большее отчасу к ней чувствовал пристрастие и ожидание в беспрепятственном оныя владении и употреблении впредь. В продолжение такого прилагаемого каждым обывателем к своей земле обрабатывания, напоследок всякий хозяин получает и всегдашнее право к употреблению занятой им сначала земли. Таким образом, когда народы довольно успеют в хлебопашестве, тогда они и землю начинают употреблять

к различным надобностям и получают совершенное и исключительное на владение оныя право, вследствие которого и самые земли их начинают быть разделяемыми сперва между обывателями, а потом и между семействами и соседями.

При сем надобно примечать, что иногда понятие собственности, состоящей в земле, некоторым образом умножается чрез понятие собственности в движимых вещах; и хотя сие последнее понятие собственности бывает и всегда предыдущим первому, однако понятие собственности в движимых вещах не меньше иногда умножается и чрез понятие собственности, заключающейся в земле, а особливо когда такая собственность обыкновением введена бывает в употребление. Ибо если понятие права к употреблению вещи по произволению, во-первых, движимыя рождается оттого, что движимая вещь по существу своему удобнее снискивается людьми, и в которых всякий в состоянии движимую вещь захватить руками и удержать оную собственными силами во владении, то от сего в человеке рождается больше пристрастия и ожидания к овладению и употреблению движимыя вещи, когда вопреки земля хотя по существу своему неудобная и не объемлемая силами человеческими во владении, однако по взятому понятию от движимых вещей понятие собственности человек не меньшее приобретает и в недвижимой земле. В другом случае земля обыкновенно представляется вещию долговечнейшею и драгоценнейшею и производит в человеке большее пристрастие и ожидание к овладению и употреблению; почему человек, лишенный такой вещи несправедливо, больше представляется всем претерпевающим и обиженным. От сих обстоятельств право употреблять свою вещь по произволению, взятое от движимых вещей, сделалось напоследок понятнее и в недвижимых.

Право отчуждать свою вещь при жизни и по смерти, кому угодно, в хлебопашественном состоянии не примечается совершенным. Ибо как земля по своему существу не может быть переносима с места на место, то не может и подать первоначальным хлебопашцам понятия к отчуждению ее; однако и сие понятие, как ее отчуждать другим,

натурально рождается у людей от предыдущего понятия собственности в движимых вещах, которые по своему существу ранее начинают быть отчуждаемы и переносимы другим во владение. Такое совершенство права собственности происходит от введения хлебопашества, и в сем состоянии собственность понимается совсем отделенною и отличенною от владения.

IV. СОСТОЯНИЕ НАРОДОВ КОММЕРЧЕСКОЕ

Напоследок, когда хлебопашество получило довольное приращение и приведено было в некоторое совершенство, тогда художества и рукоделия начали постепенно умножаться и в совершенство приходить. При таком первоначальном появлении художеств всякий человек занимался всеми почти художествами, какие напоследок начали производиться особливыми и нарочитыми мастерами. От сего обстоятельства получили народы несравненно совершеннейшее:

1. Понятие о праве собственности, по которому дозволяется человеку употреблять свою вещь по произволению. Сие право получает несравненно большую силу (а) от введения многих новых собственности в разных вещах, (b) оно увеличивается от преумножения в народах просвещения нравов, (с) напоследок получает оное свою большую силу от большего понятия общепольности, происходящей от утверждения собственности. Сия последняя причина, то-есть общепольность утвержденной собственности, имеет свой успех и во всех выше показанных состояниях, однако больше действует в коммерческом состоянии народов.

2. Право отыскивать собственную вещь от всякого завладевшего оною неправедно человека в большее также совершенство приходит в коммерческом состоянии для вышесказанных же причин.

3. Право отчуждать свою собственность другим, по которому коммерческое состояние больше, нежели какое другое, отличается, получает свое совершенство оттого, что многие народы в сем состоянии имеют больше случаев

менять и продавать свои вещи. Право отчуждать свои вещи уповательно скорее в употребление принято в тех вещах, которые человек собственным трудом сам приобретает, нежели в маестностях, принадлежащих к семейству или фамилии; отчуждение же семейственных маестностей при жизни постепенно ввело право отчуждать оные и по смерти в завещаниях*.

Сие посильное и прекращенное для необременения вашей, почтеннейшие слушатели, благосклонной терпеливости рассуждение я предоставляю пространнейшему исследованию собственности во всеобщей системе юриспруденции. Начало и происхождение собственности в возвышенном состоянии народов соединено с непосредственным происхождением и самых правлений государственных, и от введения собственности в земле родились оные древние европейские баронские и маркграфские чиновательства, которые в старину равнялись и царским достоинствам и которые междоусобными враждами к благополучию народному разрушились, и на их разрушениях возникли ныне благоустроенные и процветающие державы европейские. Словом, от сего начала происходило во всех первоначальных европейских государствах феодалное правление, о мудрости которого хотя и многие многообразно мудрствуют, однако оное в самой вещи было не иное что, как сущее правление аристократическое, состоящее из вельмож и имеющее над собой государя не полномощного. Сие феодалное и происходящее от различного введения собственности в землях правление, хотя и всем первоначинающимся государствам сродно, но как оное по причине своих неурядиц бывает подвержено великим и натуральным переменам, того ради и показание точных всему причин требует пространнейшего

* При описании состояния народов *пастушеского, хлебопашеского и коммерческого* краткость речи не позволяет столь подробно исследовать, сколько и первоначальное народов состояние. В противном случае сие рассуждение могло бы сделаться безмерно обширным, а особливо если бы к оному присовокуплено было исследование собственности феодалной европейской с уравнением притом и собственности землевладельческой российской, каковая у нас в древние времена была.

исследования юридического и исторического, к совершению которого откроет нам со временем и глубокая древность обстоятельнейшее сведение обо всех оных древних собственности землевладениях российских, коих число по разным послужным, местническим и окладным спискам¹² простиралось в России с лишком до пятидесяти родов. Много такой драгоценной древности у нас содержится в разных книгохранилищах, и издано уже во свет оных немало, которая общепользность премного послужит к объяснению древней истории и политики российской...

[ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ
К ПЕРЕВОДУ КНИГИ БЛЭКСТОНА
«ИСТОЛКОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ ЗАКОНОВ»]

[Примечание к стр. 97 I тома]

Господин Блэкстон в сем толковании начал, полагаемых основанием закону естественному, весьма невразумительным покажется читателям, и потому за нужное почел здесь приобщить объяснение переводчик российский следующее: К снисканию законоискусства потребны суть правоучение и законоучение, или этика и юриспруденция, поколику правила истины выводятся:

- 1) От свойственности наших чувствований справедливости и несправедливости,
- 2) От знания различных решений судебных, случающихся в обществе.

Первый способ к совершению наших чувствований справедливости и несправедливости показуется в этике, или правоучительной философии. Другой приобретается знанием различных решений судебных или изучением полной системы законов.

В толковании причин или начал моральных два пункта или два вопроса должно принимать в рассуждение:

- 1) По первому спрашивается: в чем добродетель состоит? Или, иначе сказать: какое поведение составляет в человеке характер, достойный похвалы, чести и уважения?
- 2) По второму спрашивается: какую силою или качеством душевным делается то, что мы иной поступок или характер, каков бы оный ни был, предпочитаем другому

в человеке? Или, иначе сказать: почему и каким образом то происходит, что душа человеческая одно поведение в человеке предпочитает другому; одно называет праведным, а другое неправедным; одно признает достойным похвалы, чести и награждения, а другое поведение судит быть достойным осуждения и наказания? На сих двух пунктах основана вся нравоучительная философия, или этика, которая знание составляет первоначальное учение законоискусства.

Из вышесказанных первый вопрос разрешается тем, когда мы рассуждаем о добродетели, как состоящей, по мнению доктора Готчесона, в *доброжелательстве* или в *желании блага*, сродственном человеку, или как заключающейся, по мнению доктора Кларка, в *поведении благоприменительном* ко всем тем обстоятельствам, в коих мы находимся, или в *благоразумном искании и приумножении* нашего собственного благополучия, как то полагают другие.

Второй вопрос разрешается тем, когда мы рассуждаем о добродетельном характере или поведении, как похваляемом в нас *нашим самолюбием*, которое оный представляет нам и другим наиболее споспешествующим к приумножению нашего собственного благополучия; или как похваляемом нам *нашим разумом*, который показывает всякому разность между одним характером и другим точно такую, какая есть между правдою и лжею; или как похваляемом нам особливим качеством душевным, называемым *нравственным смыслом*, коему иной характер нравится, а другой не нравится; или, напоследок, как похваляемом нам и по другому, действующему в природе человеческой началу, каковым называется *симпатия*, или *страстопримство*, в делах и поведеньях человеческих.

Все сии моральные начала остроумно и подробно исследованы господином Смитом в его новой системе нравоучительной философии, названной *Sympathy or moral sentiments*, которую желающие могут читать переведенную уже и на французском языке.

Господин Блакстон в толковании здесь закона естественного по началам моральным держался системы доктора Готчесона и полагает добродетель в *доброжелательстве*,

или в *желании блага*, похваляемом всякому собственным *самолюбием*. Впрочем, как доктор Готчесон, так и г. Блакстон оба заражены казуистическим законоучением, коего в Англии родителем был господин Гоббс.

[Примечание к стр. 86 II тома]

Удивительный и непостигаемый ниже премудрейшим законодательством аглинским примечается здесь обман, чинимый при выборе членов парламентских, а именно: провинциальный большой помещик, имеющий обширные в разных провинциях землевладения, может не токмо сам выбран быть, но с собою и других премногих по сердцу своему выбрать в члены парламентские, распродавши ложным образом во всех провинциях свои землевладения на сорок шиллингов, или на 10 руб., каждому желающему дать на него свой голос, которые землевладения, если бы были обширностию у кого в Англии равны обширности здешних землевладельцев¹, то такой помещик, если бы совесть и закон не запрещали, легко мог бы купить не токмо себе, но и всем своим единомышленникам всегдашнее право на всех почти членов, выбираемых из провинций в нижний парламент² аглинский. Сие-то самое злоупотребление разумеет и г. Блакстон, когда в выше-сказанном заглавии при конце желает *совершеннейшего представления в парламенте народа аглинского*. Но если бы сей, толико потрудившийся в описании закона аглинского и его злоупотреблений муж услышал еще и о таком злоупотреблении закона в государстве, в котором даже умирающие и желающие располагать в последний раз своим имением, обманывают бога, государя и самых ближайших родственников и знаемых, то такому лже-составлению закона не токмо он, но ниже и из слышащих кто-либо поверить бы мог. Однакож сие везде равномерно, как и в Англии, делается по оному обманывающему закон и народ ложному перепродаванию и перезакладыванию имения. И сей обман и в Англии тем же законным прикрывается правилом, в которое все как в громогласную трубу трубят, что крепостному быть по

крепостям, не разбирая притом, хотя бы в оном крепостном было сущее дарение или и сущий обман и воровство, кроющееся под видом отчуждения именных политического. Причиною таких злоупотреблений есть невозможность во всеобъемлемости закона общего, который всех частных людей польз и обстоятельств никак объять не может, и предписание в генеральном законе правил на всякое партикулярное человека располагание именных, воспринимствовало б во всеобъемлемости закона бесконечные препинания и изъятия. Но при всем таком показании злоупотреблений закона, я думаю, никто не пожелает растлить свой разум толиким злостворством и сделаться столько упражняющимся в ябедническом искусстве, чтоб мог такие злоупотребления толковать законными и сущей правоте непротивными.

[Примечание к стр. 137 II тома]

Г. Блакстон полагает причиною смерти Карла первого его подписание и соглашение на акт, уполномочивающий быть парламенту всегдашнему и несменяемому; но г. Гюм, великий философ и историк аглинский, полагает причиною смерти сего несчастного государя коммерцию, которая в тогдашние времена столь безмерно усилилась, что даже мясники и пивовары, заседая в законодательстве, подавали страшный приговор на своего законного государя. Напротив того, сей же самый писатель утверждает, что когда при Генрике VIII коммерция аглинская не столь была обширна и безмерна, то и оба парламены³ при сем государе были в трепете и, как восточных монархов гнусные рабы, похваляли в нем даже и самое бесчеловечие. Да сие и действительно в Англии последовало от безмерной и худо предуправляемой коммерции. Ибо сокровиществующие миллионщики ужасное во всем правительстве могут делать наваждение, influence, и могут нечувствительно тьмы народов от себя зависящими сделать; и это знак не токмо дурной, но и весьма опасной коммерции, когда она вся перевалится в руки немногих богачей, которые своим безмерным достатком задавляют

всех прочих и делают такую нечувствительную во всем монополию, или единопродавство, которого ни самое предмудрое правительство предусмотреть и отвратить не может. Кратко сказать, у сокровиществующих миллионщиков даже и самое правосудие может быть нечувствительно на откупе.

[Примечание к стр. 555 II тома]

Чрез прошение права *or by petition of right* разумеется узаконение, состоявшееся при Карле I, в силу которого ни один из подданных не может быть принужден давать короне ни подати, ни денег взаймы, ни подарков без согласия на то парламентского; и в сем установлении имеются еще и другие премногие выгоды для подданных аглинских ⁴.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О УЧРЕЖДЕНИИ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ, СУДИТЕЛЬНОЙ
И НАКАЗАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Всемилоостивейшая государыня!

ерность и усердие, столь достойные от подданных государям приношения, никому из монархов столь единомышленно от всех, как вашему императорскому величеству, и никогда столь ревностно, как при нынешнем вашем попечении о благосостоянии империи, воздаваемы не могут быть.

Все намерения, для которых ваше величество все нынешнее время мирное изволили посвятить, доказывают неоспоримо ваш великий приватный труд, ваше могущество, премудрость и счастливое дарование к совершению великих дел.

Подданные притом, когда стараются воспешествовать толиким вашим нынешним трудам, через то они то только доказывают, что истинный долг им велит своей монархине и отечеству отдавать, уповая, что чрез такие свои соответствования ревностными вашему величеству покажутся.

С такой надеждой па высочайшую милость и снисходительство вашего императорского величества к своим подданным смёю вашему совершеннейшему рассуждению всеподданнейше предложить свое мнение здесь о учреждении в вашей империи законодательной, судительной и наказательной власти.

Ваше императорское величество для таких представлений, без сомнения, рассудительнейших меня изволите

иметь в повелении подданных, которых долговременное упражнение в делах государственных несравненно больше будет уважаемым в вашем высочайшем изволении. И кроме таких подданных вашему величеству в таких важных предприятях служить за счастье почитают и самые первые из ученых в Европе, которые по своему основательнейшему рассуждению в законоискусстве и в делах политических больше могут предвидеть, что полезным и возможным есть для учреждения в вашей империи.

Того ради мое, без таких совершенств, о представляемых здесь учреждениях рассуждение не может заключать в себе никакого другого разумения, как только то одно, что я из последних [сил] дарованием служить своей всемилостивейшей монархине стараюсь.

Впрочем, я должен признаться, что я со всем моим таким посильным старанием никаким быть больше не сужду себя, как только последним рабом, каковым имею счастье навсегда пребыть.

*Вашего императорского величества
всеподданнейший*

СЕМЕН ДЕСНИЦКИЙ

В императорском
Московском университете
1768 года февраля 30 дня

Законы делать, судить по законам и производить суд во исполнение — сии три должности составляют три власти, то-есть законодательную, судительную и наказательную власть, от которых властей зависят все почти чиновположения и все главное правление в государствах*.

Следовательно, учреждение сих властей по времени и месту, особливо при нынешнем намереваемом в России возобновлении¹, должно составлять у позванных на такое дело подданных первый рассуждения предмет.

При учреждении сих властей ту надобно осторожность иметь, чтоб одна власть не выходила из своего предела в другую и чтоб притом всякая из сих властей имела своих надзирателей, которых опасению чтоб она была всегда подвержена.

Если сии власти прежде всего счастливо учреждены и ограничены будут в законоположении, прочие все устано-

* Многие политические авторы (а особенно барон *де Монтескю* в своем сочинении («*Sur L'esprit des loix*») [«О духе законов»]) писали о сих трех властях так, как оные по течению своих дел учреждены были в разных государствах. А как сии власти по времени и месту учреждены быть могут для непродолжительного отправления дел государственных, о том законодатель сам больше может ведать.

В сем плане я старался по крайнему разумению приноровить учреждение таких властей нынешнему возвышающемуся российскому монаршескому состоянию.

вления, какие надобными покажутся, удобно по совершении сего главного дела учинены быть могут.

Каким образом такое установление в действие произведено может быть, о сем смею вашему императорскому величеству всеподданнейше предложить свой план.

I. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Сей власти в Российской империи кроме монархов никто в полном значении не может иметь; позванные, однако, на такую должность монархами персоны могут и в законодательной власти иметь столько участия, сколько и ныне правительствующему сенату дозволяется, то-есть их должность может дозволена быть с приказанием и по усмотрению монархов российских делать указы вновь, старые поправлять, дополнять или уничтожать так, как надобность и изволение монаршее потребует*; сверх сего сенаторов будет дело пошлины в государстве налагать

* Делать, дополнять, поправлять или уничтожать законы—сего со временем потребуют обстоятельства, когда государство начнет еще в большее совершенство приходить и когда коммерция и пошлины начнут подниматься. В государствах, которые еще до совершенства великого не дошли, законы бывали надмеру просты и не многие. У римлян в двенадцати таблицах все законы помещались, однако, по долговременном состоянии государства, те же римляне столь обширными в своих законах оказались, что оные, которые прежде в двенадцати досках заключались, напоследок и в двутысячных книгах не вмещались. В Великобритании, где ныне законы в великом совершенстве, и одно сокращение законов занимает двадцать пять книг. Многие ученые, не рассуждая, что такое множество законов требует натуральное возвышение народов в правоправлении, принимались сокращать римские и других государств установления и законы, когда совсем противное во всех государствах на деле доказывается. Иная статья нельзя, народы чем больше возвышаются, вычищаются² и в высшее совершенство приходят, тем больше отчасу законов требуют. Сего требует точное и известное правоположение всем владельцам, всем обывателям и всем их имениям. А в противном случае наглость, посягательство, отягощение и утеснение везде будет попускаться без наказания. Следовательно, для сих и других при многих государственных дел правительствующий сенат должен состоять из всей империи и должен присутствовать безотлучно при монархах завсегда.

и облегчать оные, как надобность потребует, войну продолжать и заключение трактатов с соседними державами наблюдать, дабы отечеству предосудительными не были. А поелику законодательная власть всех прочих высшей поставляется, то следует, чтоб в сенате российском и апелляции всех дел, которых в нижних судах не решено, свое конечное решение имели. И когда будут по сенатскому рассмотрению пошлины и казна государственная налагаема и собираема, того ради справедливо монархи могут приказывать такому правительствующему сенату иметь смотрение и в расходах казны государственной так, чтоб все коллегии и корпусы и университеты без изъятия в издержании и расходах государственной казны правительствующему сенату ответны были.

1. ИЗ КАКИХ И ИЗ СКОЛЬКИХ ЛЮДЕЙ СОСТОЯТЬ МОЖЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СЕНАТ

Для толикой обширности Российской империи сенат должен по крайней мере состоять из шести или из восьми сот персон. Сви люди могут по соизволению монархов выбираемы быть из земельных владельцев в губерниях и провинциях, сверх сего из купеческих и художественных людей ³ п, наконец, из духовных и училищных мест так, чтоб всякая губерния, провинция и корпусы имели своего в законодательной власти представителя, заступника и ходатая, которому бы своих сограждан соподданных и соседей обстоятельства и жалобы всегда известны были, и через него всему государственному правлению в сенате на рассмотрение представляемы были.

2. КАКИМ ОБРАЗОМ И ОТКУДА ВЫБИРАТЬ СЕНАТОРОВ

В губерниях и провинциях сенаторы могут по соизволению монархов выбираемы быть помещиками, однодворцами и живущими в губерниях и провинциях земельными владельцами так, чтоб тот только владелец имел честь иметь голос свой и участие в избирании, который по крайней мере платит подушного за свою землю и за крепостных пятьдесят рублей в год в казну, а которые платят до

тысячи и больше подушных денег за своих собственных крепостных и за свою собственную землю не под чужим именем, те чтоб ни под каким видом не имели больше голосов при выборе, как только что один голос: кандидатом становиться в сенаторы можно безопасно дозволить всякому, кто только в состоянии может жить при такой должности на своем иждивении, ибо сенаторы не должны ни полущки иметь жалованья, довольствуясь притом одной честью и привилегиями, какими их монархам российским заблагорассудится наградить за такое рачительное их старание об отечестве. А от такого избрания та справедливость в политике произойдет действительно, что только тот будет больше чести, достоинства и участия иметь в правоправлении, который больше тягости несет в отечестве, и тот только может быть сенатором, который платит больше в казну государеву и который будет иметь у себя капитал по крайней мере до двух тысяч в год.

3. КАКИМ ОБРАЗОМ ДРУГОГО ЗВАНИЯ СЕНАТОРЫ МОГУТ БЫТЬ ВЫБИРАЕМЫ

Из купеческих и ремесленных людей могут иметь голос при выборе кандидата в сенаторы те, которые будут платить пошлины в казну за дозволенный им промысел купечеством в отечестве до пятидесяти рублей, а кандидатом себя объявлять можно дозволить всякому из купцов безопасно, который в состоянии будет отправлять такую должность и жить безотступно при дворе на своем содержании.

Из духовных можно дозволить сенаторами быть без выбору архиереям, которые имеют порученные себе епархии, за которые их должность будет ходатайствовать и представлять их обстоятельства и нужды в сенате по сему правлению: архиереи також на своем содержании должны отправлять сенаторскую должность, поручив смотрение своих епархий наместникам и консисториям⁴.

Из университетов и разных корпусов, училищ наук и художеств могут выбраны быть в сенаторы присутствующими в тех местах, какие им заблагорассудятся, персоны на своем же содержании, которые будут за них

ходатайствовать. Училища, имея таких представителей в правительствующем сенате, не будут требовать кураторов⁵.

Впрочем, поскольку человек и из каких мест выбирать в сенаторы достанется, сие можно точно узнать и умерить по рассмотрении губерний, провинций и городов знатнейших; а больше еще сие известно будет по герольдии и гильдиям⁶, а те места, которым монарх милостиво соизволит указать иметь своего члена в правительствующем сенате, должны будут с благодарностью такое дозволение монаршее за честь и славу себе признавать.

4. НА СКОЛЬКО ВРЕМЕНИ СЕНАТОРЫ ВЫБИРАЕМЫ МОГУТ БЫТЬ

Сенаторы когда на своем содержании без жалованья будут служить государю и отечеству долгое время, одним будет причинять безмерный убыток; того ради на пять лет выбирать сенаторов довольно и неубыточно будет. По окончании сего времени новых сенаторов на место прежних выбирать из тех же мест монархи могут приказать, при котором выборе, если иных из тех же самих, кои и прежде были сенаторами, выберут имеющие право выбирать и если они сами не откажутся служить в сенате на следующие пять лет, таким патриотам служить вторично отечеству возбранять, кажется, причины нет. Однако одному и тому же три раза сряду кандидатом в сенаторы ставиться и выбирать не должно позволять, ибо от такого запрещения та польза отечеству воспоследует, что многие, а не одни только, люди будут иметь больше случаев оказать свои услуги отечеству и научиться правоправлению и законоискусству в сенаторской должности.

5. КАКИМ ОБРАЗОМ ЗАСЕДАТЬ И ДЕЛА ОТПРАВЛЯТЬ СЕНАТОРАМ

Сим средством выбранным и позванным сенаторам на одну и ту же должность, то-есть служить государю и отечеству (которое звание они должны под клятвенною присягою с посильным старанием и по крайнему разумению отправлять), польза отечества советует дозволить иметь

всем равномерный свободный голос и заседать всем совокупно в сенате; дела, какие им монарх заблагорассудит приказать решить, всегда большинством их голосов чтоб решены были в сенате. Что учинив, подавать монарху и ожидать от него на всякое решение конечное повеление. А сенату правительствующему никаких узаконений без изволения и приказания монархов в России отнюдь самому не предпринимать и не делать. В Великобритании пока оба парламента с королем не согласятся, во Франции пока секретарь⁷ и парламент не подпишутся, до тех пор никакое узаконение намереваемое в действие произведено быть не может и не будет иметь силы закона. В России, однако, монаршеское состояние и целостность отечества требует узаконить совсем противное сих государств установлениям, то-есть чтоб до тех пор ничто во всенародное известие издаваемо не было и не имело б силы указа, пока не получит себе на то монаршего изволения и подтверждения. Для такой предосторожности монарх может приказать правительствующему сенату российскому выбирать из себя одного ежегодно президента, которого должность будет представлять монарху, какие дела за которыми по течению своего решения требуют. Впрочем, привилегии и чины таким патриотам монарх должен дозволить, какие самому заблагорассудятся; а для славы и величества Российской империи не излишно б было, если бы монархи российские соблаговолили приказать построить в Москве и Санкт-Петербурге особливые здания для заседания и жилья правительствующего сената российского.

6. ВОЗРАЖЕНИЕ НА СЕЙ ПЛАН С ОПРОВЕРЖЕНИЕМ ОНОГО

Из вышепредставленного видно, что по сему плану дворяне, разночинцы, равномерно как духовные и светские, находящиеся при сенаторской должности, будут уравнены без всякой отличности, что, может статься, произведет негодование между позванными на сенаторскую должность; особливо духовному чину, может быть, сие уравнение странным покажется.

Что до духовного чина, оный по своему смиренномудрию не может почитать за несходственность или неприличность

себе заседать с присутствующими в сенате персонами первого класса. Поелику и с разумения сего плана иные персоны не могут быть как первого класса обыватели российских, а прочие только будут иметь один голос при выборе кандидатов в сенаторы. Сверх сего один пастырь при таком множестве стада не может столь обстоятельно присмотреть всего за оным, сколь шестьсот или восемьсот человек в сенате. А от поползновения одного, поставленного над многими, тьмы народов могут заблуждаться и предосудительными сделаться себе и отечеству.

Дворянству ж в заседании совокупно с разночинцами в сенате согласным не быть причины нет. У них во всех неприватный интерес, но целого отечества польза и благосостояние должно всегда за главное правило в наблюдении поставляемо быть. Впрочем, все несогласия и раздоры, если будут какие происходить между светскими и духовными в сенате, оные довольно в состоянии и одним словом монарх всероссийский уничтожить, который в российской церкви и империи есть самодержец и есть один всего правительствующего сената надзиратель и судья, от которого приказаний зависит и в его единственном повелении сенат будет завсегда.

Отказываться ж, будучи довольно в состоянии служить в единомышленном повиновении государю и отечеству, сие по справедливости может почестся за такое уклонение от добротворства, за которое удаляющиеся от сенаторского звания должны стыдиться пред богом и пред всем светом. Наше отечество составляет некоторую целость, которой мы все считаемся частные члены, почему за непростительный грех поставляется у народов, если кто, живучи в отечестве, независящим себя от онога считает. Благоденствия и злоупотребления всяк должен помнить те только одни, которые простираются до целого отечества, которому всяк одоужается за все, что только имеет у себя. Верный отечества сын, когда проливает свой пот и свою кровь за целость своего отечества, чрез такие свои услуги он только то отдает, что долг велит отечеству. Оно его рождает, воспитывает и кормит за то. Оно своею святостью прав защищает его от домашних обид и своею силою и оружием от неприятельских нападений. Отечество делает его знаменитым и

доставляет его к месту⁸, чести и достоинству. Оно награждает его заслуги и отомщает его обиды и, наконец, как усердствующая мать к детям, оно старается утвердить его благополучие столь непоколебимо, сколько возможность смертным дозволяет счастливыми быть. Того ради всяк позванный и выбранный на такую должность, сколько в совести обязуется служить при оной целому отечеству, — сие и доказывать больше излишним покажется.

II. СУДИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Из вышепредставленного плана разумеется, что законодательная власть будет состоять и будет собираема из всей Российской империи в одно место, то-есть в столичный город как в свой центр; судительная, напротив того, власть не меньше требует, чтоб распределена была во всей империи и так:

1. В КОЛИКИХ МЕСТАХ В РОССИИ СУДИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ ДОЛЖНА БЕЗОТЛУЧНО ПРИСУТСТВОВАТЬ

Обширность Российской империи, непродолжительное решение дел, а больше еще спокойство и тишина, столь надобные в отечестве, требуют, чтоб в России по крайней мере в восьми местах известное число искусных судей безотступно присутствовало, как то в Риге, в Санкт-Петербурге, в Tobольске, в Новгороде, в Москве, в Казани, в Оренбурге, в Глухове и, если можно, еще в каком-нибудь месте и на границах польских.

2. ИЗ КАКИХ ПЕРСОН В СИХ МЕСТАХ СУДИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ СОСТОЯТЬ МОЖЕТ

Для скорого отправления дел и для безобидного оных решения судительная власть во всех вышепомянутых местах должна состоять из двенадцати человек, в котором числе должен заключаться генерал-адвокат, четыре генерала-судьи криминальные. Прочие семь должны быть генералы-судьи тяжёбных и криминальных дел в месте, где совокушно со всеми двенадцать судей составлять будут.

3. КАКАЯ ДОЛЖНОСТЬ МОЖЕТ ПОРУЧЕНА БЫТЬ ГЕНЕРАЛУ-АДВОКАТУ

Он может быть в суде государственный прокурор⁹, или истец, которого должность будет присутствовать в суде криминальном и тяжёбом и смотреть, чтоб в тонкость все по указам судимо было. Сверх сего, генерала-адвоката должность будет уличенье всем виноватым насылатъ и именем монарха российскаго звать всех без изъятія в суд, приличенных в воровстве, разбое, смертоубийстве и в других криминальных делах изболженных, которых всех его ж должность будет приказать содержать под судом и в тюрьмах и крепостях до тех пор, пока они достойное по своим делам и по законам наказание не понесут.

4. КАКАЯ ДОЛЖНОСТЬ МОЖЕТ БЫТЬ ЧЕТЫРЕХ ГЕНЕРАЛЬНЫХ КРИМИНАЛЬНЫХ СУДЕЙ

Сих персон должность может быть, во-первых, та же, что и прочих седми генеральных судей, то-есть их дело будет заседать и судить тяжёбные и криминальные дела совокупно в назначенном себе месте; сверх сего, сих четырёх судей должность будет ездить с генералом-адвокатом в принадлежащие к их губерниям провинциальные города два раза в год и по два вместе, где они должны будут стоять во всяком городе шесть дней и судить криминальные дела, ибо тяжёбные дела могут без затруднения из всех городов переносимы быть в главный суд губернии, где все двенадцать судей присутствовать будут.

5. КАКИМ ОБРАЗОМ СУДЬИ ДОЛЖНЫ СУДИТЬ ДЕЛА КРИМИНАЛЬНЫЕ И ТЯЖЕБНЫЕ

Тяжёбные дела они должны судить по правам, по крепостям¹⁰ и, если прав не будет доставать, по справедливости и истине*, криминальные — по свидетельству очевидному.

* Судить по истине и справедливости в случае, когда закон не будет доставать, ибо всех приключений ни в котором государстве законами ограничить и предвидеть вперед невозможно, того ради необходимость требует в таких непредвидимых случаях дозволить

А как те, так и другие судимы должны быть публично в присутствии и посторонних людей, причем свидетельства всякого доходить надобно под клятвенным обязательством, и все-то, что свидетели будут говорить под таким обязательством, судьи попеременно должны сами подычму сказать, чтоб он писал за ними сказываемое от свидетелей и чтоб притом криминальное дело, однажды начато в суде, за одним разом и кончено было, хотя бы оное продолжалось и двадцать часов или и далее, и кроме сего наблюдения для большей предосторожности в осуждении виноватых и для явственной справедливости суда излишно б было, если б монархи российские соблаговолили узаконить по примеру английскому выбирать из сорока человек посторонних пятнадцать свидетелей¹¹ на вспоможение и оправдание судьям при исследовании дел криминальных и тяжбных; такие люди могут по произволению и по усмотрению судей выбираемы быть на всякий суд из всех обывателей в городах, где суд совершаться может, и то только на время, пока суд кончится. Сии пятнадцать человек для того нужны, чтоб были самовидцы и свидетели всему исследованию дел, чтоб их должность была под клятвенною присягою сказать по исследовании всего дела, виноват ли судимый или нет, что учинив последнее, судьи дело будет по их голосу или по большинству их голосов произнестъ суд и приказать оный в исполнение произвести. Сверх сего, не худо бы было, если б таким судьям приказано было все решения дел криминальных и тяжбных печатать и издавать оные в всенародное известие, ибо через сие установление такой изрядный успех в правосудии произведен быть может, что и судья принужден будет с великою осторожностью поступать в суде. И люди притом, читая разные решения, нечувствительно больше будут научиться всему тому, чего им в житии и во владении своем опасаться должно.

судии решить и судить дела по совести и справедливости, и сколь далеко такое дозволение судии простираться должно, сие також с осторожностью узаконить должно. О сем обстоятельнее писал один лорд судья господин Кемз в Шотландии целую книгу: Lord Kames'es «Equity» [Лорд Кемз «Закон, основанный на справедливости»].

6. В КАКОМ ЗНАНИИ И НАУКАХ СУДЬИ ИСКУСНЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ

Искусство и знание, надобное судьи, зависит:

- 1) От свойственности его рассуждений о том, что добрым и худым слывет в свете.
- 2) Такое его знание несравненно еще больше усугублено может быть из учения премногих примеров судебных дел.

Первое руководство, показывающее, в чем свойственность наших рассуждений состоит, есть нравоучительная философия, натуральная юриспруденция и кроме сих учение природы человеческой; которая больше познается с чтения и примечаний писателей о разных правлениях народов, нежели из школьных метафизических споров.

Второе средство для снабдения наш разум довольными примерами судебных дел есть учение такой системы, в которой бы можно ясно видеть все примеры судов, и сверх сего начало, возвышение и совершенство правления. Для сего лучшей нет другой системы, кроме законов римских. Почему следует, чтоб судьи до вступления на такую должность довольно управлялися¹² в нравоучительной философии, натуральной юриспруденции в римских законах, и кроме сих наук они должны подробно знать и искусно толковать законы своего отечества *, что все изучив и

* Всех наук, в которых судья должен искусен быть, здесь нельзя описать подробно. Судья, когда вступит на свою должность, сам больше еще узнает, в чем его знание и упражнение состоять должно. А теперь можно с доказательством об нем утверждать вообще, что он припужден будет иметь полное университетское воспитание, для которого по причине столь обширного государства российского со временем могут быть учреждены училища во всех местах, где такие главные судьи тяжёбные и криминальные будут присутствовать, равномерно как и факультеты адвокатские с библиотеками, надобными адвокатам. Впрочем, судья точно так, как человек художественный, чем больше будет иметь в своей голове разных примеров, надобных к его профессии, тем больше будет искусен в своем деле и знании. И потому он должен знать историю, разные языки, как, например, латинский, немецкий, французский и английский, дабы с помощью сих мог читать разные системы законов и тем бы мог усугубить свое знание и искусство в делах судебных.

Учреждение адвокатов для того надобно, чтоб дела с великою осторожностью и справедливостью решены были. Многие думают, что адвокаты великое затруднение своим словопрением причиняют

будучи исследован во всем и засвидетельствован, во-первых, профессорами юридического факультета, а потом факультетом адвокатов, намеревасмы в судьи должны такое свое звание оказывать еще и на практике адвокатом по крайней мере пять лет, по исполнении которых они должны и сами собой и через приятелей рекомендовать себя монарху для достоинства в судьи, и чтоб в судьи кроме монарха самого никто его не мог ни под каким видом производить, сие та кож со строгостию узаконить польза отечества требует.

7. НА СКОЛЬКО ВРЕМЕНИ И НА КАКОМ ЖАЛОВАНИИ СУДЬИ МОГУТ БЫТЬ УЧРЕЖДЕНЫ

Чтоб судья беспристрастно всякому суд и правду предписывать мог, не взирая ни на кого, то должно его столько не подверженным никаким угрожениям и ни от кого не зависящим сделать, чтоб он за свое правосудие и за строгость своего суда никого не мог опасаться, чего действительно сделать инак не можно, пока монархи не соблаговолят узаконить, чтоб судья, однажды сделан, по самую смерть судьей и при своей должности пребывал завсегда и чтоб притом ему полная власть дана была судить всякого без изъятия так, что и апелляции на него делать никому б не дозволялось, разве в случае когда он явно против закона кого осудит. И тогда адвокату или виноватому можно дозволить на судью апелляцию учинить в правительствующий сенат, где он произвольному монарха ¹³ штрафу или наказанию подвержен должен быть. А дабы судья сходственно мог по своему рангу и достоинству жить, того ради генерал-адвокату и чetyрем криминальным судьям жалованья дозволить можно по две тысячи по шестисот рублей в год на каждого, прочим семью генеральным судьям по две тысячи рублей в год на каждого.

в суде; однако во многих государствах опытом дознано, что без споров в суде справедливости доходить иного средства другого никакого нет; и чтоб в правительствующем сенате в главных судах тяжбных и криминальных одни только адвокаты ходатайствовали, сие со строгостию узаконить справедливость и осторожность судов требуют; в низших судах, как, например, в магистрате, провинциальных и воеводских канцеляриях могут ходатайствовать нотариусы и стряпчие.

Генерал-адвокат и четыре помянутые судьи должны на своем коште ездить в провинциальные города для осуждения виноватых и для непродолжительного решения дел.

При сем не излишно б было, если б монархи соблаговолили приказати построить приличные здания для заседания и для жилья судей в губерниях, где они присутствовать будут, а в провинциальных городах — судебные места с тюрьмами и дома с квартирами для приезжих судей.

Впрочем, одеяния, знаки и преимущества судьям дозволить может монарх, какие самому заблагорассудится.

Я при сем должен признаться, что всех правил, по которым судьи поступать должны и каким образом уличенья насылатъ и звать виноватых в суд, сего в тонкость всего уразумительнее иначе сделать нельзя, как только разве, сделав взмышленный суд криминальный и тяжбебный по сему плану, очевидно всему депутатству в Комиссии¹⁴ представить, для чего я завсегда всеподданнейше в повелениях вашего императорского величества состою. Но сие, может быть, излишним покажется. Того ради, что главнейшее к совершенству судительной власти принадлежит, всеподданнейше прошу высочайшему вашему императорского величества рассуждению предложить, то-есть дабы соблаговолено было для лучшей осторожности узаконить:

1) Чтоб судьи имели только власть судить всякого без изъятия, а российский бы монарх только один имел право прощать, кого самому заблагорассудится, для чего монарх может учредить секретаря и канцелярию, которого должность состояла бы осужденных предлагать дело и наказание, учиненное по суду, самому монарху на изволение, для которого шесть недель осужденным на покаяние и ожидание по осуждении времени дозволить довольно будет.

2) Когда такая осторожность в столь главном суде учреждена будет, для которой и судья сам не меньше, как и позываемый в суд, законами обязан будет, тогда и самая справедливость правосудия и благосостояние отечества больше могут удостоверить законодателя о надобности, повсеместной в Российской империи, чтоб всяк без изъятия в своей вине казнен был, как, например, убийца — смертию, вор — шельмованием и самым бесчестным наказанием и прочая.

8. ВОЗРАЖЕНИЕ НА Сие ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Подлинно, что такая строгость законов, для которых виноватые иногда принуждены будут удовлетворить суду и правам отечественным не иным чем, как самим животом, такая строгость не может иной показаться, как несносною и тяжестною. Ученые консультанты не преминут употребить сильное возражение на сие, доказывая, что жизни, которой поелику, кроме бога, никто не в состоянии дать, у человека и отнимать оную права не имеет никто ж. Сверх сего, многие благородные и знатные фамилии возопиют на такую строгость законов, представляя свой род и свою кровь достойными сожаления и исключения от такой строгости. — Что до первого возражения, оное совсем неоспорительно и происходит у ученых от несправедливости рассуждений; такие силлогизмы в правоправлении совсем к делу чужие. Монарх или его приказанием и судья, наказуя смертоубийцев и злодеев, опасных в отечестве, через то делает он то только, что бог и натура велит: око за око, зуб за зуб, и жизнь за жизнь отнимать — был закон божий и есть довольно натуральный. натура, которая свыше от бога человеку вливается, всегда влечет нас к такому отмщению за зло, что у нас по христианству и по человечеству нет милости не сотворшим милости. О смертной казни, если она поделом умерена и не выходит за предел строгости, всяк непристрастный зритель внутренно благоволит и осуждает виноватого до тех пор, пока он на том же месте, где зло сотворил, и подобною рукою и орудием, какое сам на зло употребил, достойное наказание понесет. Доказательством сего неложным есть повсеместный глас народа, который при таких случаях обыкновенно говорит: «того ли еще достоин такой злодей! Он должен тысячною смертию умирать» и прочая. При смертной казни ту только надобно осторожность иметь, чтоб строгость за предел не выходила, ибо в противном случае природное благоволение о учиненной над виноватым казни у непристрастных зрителей преобразится в сожаление и в осуждение самих судей, от чего смертная казнь может потерять тот успех, который правление должно стараться произвесть так действительно, чтоб виноватые и внутренно

и всем народом осуждаемы были и не могли бы ожидать себе ни от кого сожаления. — Знатные ж притом и благородные дворяне, приличены в криминальных и смертоубийственных делах, исключения себе из такой строгости и святости прав разве для того только будут просить, чтоб все и самые спасительные законы недействительными в отечестве сделать, чего они и сами, как сыны отечества, не могут желать. Бесчестными публично и поносительными делами пред всем народом благородных, как чернь и подлость, будет безмерное наказание, ибо у благородных честь наравне с жизнью поставляется, так что у нынешних просвещенных европейских народов благородных чести и в самих крайних обстоятельствах великое уважение отдается; по сей причине у других народов вязать у столба и шельмовать благородного не осуждают, и благородные у таких сами лучше вдвое наказание себе избирают, нежели такое бесчестное одно. Последнего офицера, если казнить палкою и шпагою, в таком случае он скажет, что палкою скотину, а шпагою офицера бьют, что самое есть довольным доказательством всей отменности, надобной благородным в наказании перед подлостью, то-есть благородных можно штрафовать, в ссылку ссылать и смертно казнить, только не шельмовать.

III. НАКАЗАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ*

Сия, поелику последняя, власть должна больше зависима быть от высших, нежели какая другая из сих властей. И для того порядок в отечестве требует узаконить, чтоб имеющие наказательную власть ничего важного отнюдь от себя не предпринимали без осуждения публичного пред судьями.

1. КОМУ ПРИЛИЧЕСТВЕННО НАКАЗАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ МОЖЕТ БЫТЬ ПОРУЧЕНА

Сию власть по соизволению монарха можно дозволить и поручить безопасно воеводам в губерниях и знатнейших только провинциальных городах так, чтоб один воевода

не зависел от другого, а зависели они все от самого монарха, который один бы только доставлять их к такому месту самовластен был. Сие указание для того надобно, чтоб великие люди его не могли низвергнуть за неприятную им строгость, учиненную по воеводской должности.

А дабы иногда и воевода напрасно не обижал невинных, для сего осторожность требует узаконить, чтоб он подвержен был судьям двенадцати в главном губернском суде, которые должны при всяком суде публично спрашивать присутствующих людей, нет ли жалобы какой на воеводу кому и нет ли обиды кому от него. И если явится какая жалоба или обида кому от него, судьи должны рапортовать о сем в правительствующий сенат, где воевода произвольному монарха штрафу и наказанию подвержен будет.

2. КАКАЯ ДОЛЖНОСТЬ МОЖЕТ ПОРУЧЕНА БЫТЬ ВОЕВОДЕ

Его должность может состоять вообще в том, чтоб спокойство и тишину наблюдать в порученных себе местах, то-есть воров, разбойников и подобных сим в тюрьму брать и описывать их к генерал-адвокату, который им будет насылать уличение, приказывая им именем монарха являться и готовиться к известному времени на суд в провинциальном городе или в главном суде губернском.

Сверх сего его должность будет — осужденных в тюрьме содержать и в приказанном судьями месте казнить. Наконец, воеводы ж должность может быть собирать подушное и пошрины из земельных владельцев, которые будут приказывать ему правительствующий сенат в порученной ему провинции или губернии.

А понже для отправления толиких дел и для рачительного смотрения за оными требуется известное число людей на помощь воеводе, того ради надобно позволить воеводам в губерниях по сту человек солдат пехотных и по двадцати конных, которые все должны единственно под его смотрением состоять, и воевода бы за их шалости всегда ответен был судьям. В провинциальном городе довольно будет и пятидесяти человек воеводе для исполнения его должности.

Жалованья воеводам губернским и провинциальным можно дозволить по шестисот рублей, а если можно, и дома им построить на казенный счет.

В столичных городах, как то в Санкт-Петербурге и Москве, воеводам жалованья можно дозволить по тысячи рублей в год и сверх сего и дома приличные ж им выстроить. Солдат також в таких городах дозволить воеводе, сколько надобность требует. И, кроме сего учреждения, в столичных городах порядок, спокойство и безопасность требует, чтоб оные разделены были на команды, как, например, Москва — на двенадцать команд, и имели бы в каждой команде офицера со ста восьмидесятью пехотных и двадцатью конных человек безысходно, на месте, выстроенном для всякой команды с подзornoю башнею, с тюрьмою, с пожарною трубою и с пожарными боченками английскими, которых действие на пожаре есть неизменное и неоспоримое*.

Солдат пехотных во всякой команде будет дело — стоять по улицам на карауле завсегда и наблюдать спокойство и тишину в назначенных им местах; конных солдат дело будет — с дозором ездить, ловить беглецов, воров, разбойников и уходящих из тюрьмы криминальных осужденных людей. Офицеров, поставленных в своих командах, должность будет — строгое иметь смотрение за солдатами и приказывать приводимых к ним виноватых содержать в тюрьмах до дальнейших по рапорте приказаний от своего

* Сии боченки или машины называются «*mr. Godfrey's machines or Barrels*» [«машинны или боченки Годфрея»]. Они бывают разной величины и весу, с пяти фунтов даже до пятидесяти фунтов, наполненные водою, растворенною с химическим антифлогистоном¹⁶. Сих машин опыт и действие не премину сообщить в мае месяце экономическому собранию¹⁶ при диссертации о учреждении хлебопашества в России на лучшем основании. Сих боченков можно выписать или приказать на заказ сделать в Англии по крайней мере для столичных городов и для флота. И кроме сего не излишно б было, если б приказано выписать из Британии на год одного механика для изделия новых медных пожарных труб. Такой есть господин Ват, человек преискусный в механике, математике и натуральной философии, который, приехав с своими работниками в Россию, может за сорок или за пятьдесят тысяч рублей наделать машин в один год довольное число самых наилучших из государственных материалов.

воеводы, которого також должность будет приличных и приводимых в смертоубийстве, в воровстве, в бунтах и в других криминальных делах описывать к генерал-адвокату и приводить к судьям на осуждение, по исполнении которого его ж должность будет наказывать и казнить осужденных в приказанных судом местах. Сверх сего в столичных городах воеводы должность будет смотреть строго, чтоб все по командам было исправно, для которого смотрения он должен сам повсеместный генеральный иметь дозор и объезд во всех командах по крайней мере однажды в неделю. А в противном случае, когда воевода упустит или умедлит исполнить свою должность, за такое нерадение он должен подвержен быть строгому истязанию, во-первых, перед судьями, а потом штрафу и наказанию произвольному монаршему в правительствующем сенате. На все такое учреждение в столичных городах по две тысячи по восьмисот солдат на каждый город довольно будет. Солдаты и офицеры могут быть употреблены для такой должности отставные, только не совсем престарелые и дряхлые, для которых магазины¹⁷ и строения каменные по командам обыватели московские и Санкт-Петербургские выстроить не откажутся, будучи довольно уверены, что им в противном случае постоянных иметь в доме солдат и посылать своих дворовых людей на караул несравненно дороже становится и больше причиняет затруднения и беспокойств, нежели такое строение, которое, однажды сделано, служить будет для солдат и караульных завсегда. Впрочем, не излишно б было, если б соблаговолено приказать и во всех городах губернских и значительнейших провинциальных построить для солдат воеводских квартиры и магазины безопасные при воеводских домах так, чтоб находящиеся при нем солдаты всегда были пред его глазами и не отягощали бы подданных своим непорядочным постояльством, что все сделать на свой же кошт городские обыватели охотно согласятся и сверх сего не оставят исполнить, если приказано будет выписать в такие свои города пожарные трубы для защищения от огня, от которого они столько повсеместно претерпевают без таких машин, которых достаток, смотрение и всегдашняя исправность поручена воеводе, без сомнения, могли бы многих от огня восхищать и избавлять.

В ДОПОЛНЕНИЕ СУДИТЕЛЬНОЙ И НАКАЗАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

А дабы и малейшие обиды без наказания и удовлетворения пропущаемы не были, которыми главный суд утруждать излишно будет, того ради в провинциальных городах решение таких обид, которые больше двадцати пяти рублей урону не будут причинять претерпевающим оные и не будут притом криминальные, можно узаконить, чтоб решены были помещиками, однодворцами и купцами той провинции, для которого установления монарх может в таких местах приказать помещикам, однодворцам и купцам иметь свою канцелярию и заседать во оной по шести человек четыре раза в месяц и решить маловажные дела, не дозволяя и апелляции чинить на них в высший суд. Через маловажные обиды должно разуметь те, которые незнанием или нерадением людей происходят, как, например, если кто, у кого лошадь заняв, испортит, или если чья скотина, на чужую пашню всходя, урон другому причинит, и подобные сим. Сверх сего такой провинциальной канцелярии можно приказать смотрение дорог и строе-ние порядочное в городе.

Такое узаконение можно дозволить и произвести в действие только в маловажных городах в провинциях, напротив того, в столичных, губернских и знатных купеческих городах сие все должно принадлежать к гражданской власти, на которую я хотя и не обещался в предисловии, однако принужден здесь дать план.

IV. ГРАЖДАНСКАЯ ВЛАСТЬ

Сия власть поручена должна быть таким людям, которые в городе живут и у которых больше дел отправляется в городе. Следовательно, такую власть иметь можно дозволить гражданам, а более еще купцам и художественным людям.

1. В КАКИХ ГОРОДАХ И ИЗ КОЛИКИХ ЛЮДЕЙ ГРАЖДАНСКАЯ ВЛАСТЬ СОСТОЯТЬ ДОЛЖНА

В столичных городах для множества дел и для непродолжительного оных отправления городская власть состоять должна из семидесяти трех персон, то-есть из восемнадцати человек дворян, живущих в городе, пятидесяти пяти купцов, которые, все вместе составляя семьдесят три человека, могут быть разделены на шесть департаментов, так чтоб всякий департамент состоял из двенадцати человек, как то из девяти* человек купцов первой гильдии и из трех человек дворян, а остального одного от семидесяти трех все совокупно большинством голосов должны выбирать президентом гражданской власти.

1. Первого департамента должность будет отправлять дела в городе вексельные так, как им вексельный устав или правительствующего сената закон будет повелевать.

2. Второго департамента дело будет наблюдать дешевизну съестных продаваемых припасов в своем городе, то-есть иметь рачительное смотрение, чтоб все в лавках и на рынках продаваемо было известною ценою и государственным законным весом и мерою. И кроме сего второго департамента должность будет — истреблять барышников и перекупщиков, которые, вещей сдорожая цену, причиняют обывателям излишний урон и затруднение в содержании.

3. Третий департамент будет иметь смотрение гражданской архитектуры, чтоб она по предписанному правительствующим сенатом плану в городе строго наблюдаема была и чтоб в противном случае город от непорядочного строения и разваленных обветшалых зданий утеснения и нелепости в себе не являл.

4. Четвертый департамент будет наблюдать починку улиц и каналов, надобных для отвращения нечистот в городе; сего також департамента должность будет смотреть, чтоб фонари везде порядочно расставлены в известное время светло горели и чтоб дороги в окрестных местах около города всегда починены были.

* В издании 1905 г. ошибочно напечатано «десяти». — *Ред.*

5. Пятого департамента дело будет собирать пошлины с обывателей и торговых людей, какие с каких вещей и по сколько правительствующий сенат им на потребу городскую гражданской власти дозволит.

6. Шестого и последнего департамента дело будет решать маловажные дела, которые претерпевающим не будут причинять урону больше двадцати пяти рублей и не будут притом криминальные.

По рассуждению сего департамента должны решены быть все обиды и несогласия, какие будут происходить между извозчиками, харчевниками и приезжими в город торговыми людьми. Президента при всех сих департаментах должность будет присутствовать в собрании и смотреть, чтоб все члены в известное время были в суде и отправляли бы дела в непродолжительном времени. А понеже гражданской власти департаменты все дела будут отправлять по предписанным им от сената уставам, того ради апелляции на сии департаменты не дозволять, разве в случае, когда гражданская власть явно погрешит против предписанного ей сенатского указа, и тогда обидимым гражданскою властью можно дозволить жаловаться судительной власти, где поступающий департамент против предписанных правил должен подвержен быть строгому истязанию¹⁸ и произвольному штрафу главных двенадцати судей.

2. НА СКОЛЬКО ВРЕМЕНИ И НА КАКОМ СОДЕРЖАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВЛАСТИ ЧЛЕНОВ ВЫБИРАТЬ ДОЛЖНО

Когда принимающие на себя гражданскую власть будут обыватели городские, из которых иные от города питаются, иные в городе разживаются, того ради поочередно всякому обывателю служить при должности гражданской на своем содержании через два года неубыточно будет. А если кто из обывателей или из купцов будет отказываться служить при такой гражданской должности, такие непатриоты и недоброхоты чтоб платили штрафу по двести пятьдесят рублей за ослушание и упрямство.

3. ИЗ КОЛИКИХ И ИЗ КАКИХ ЛЮДЕЙ В ДРУГИХ ГОРОДАХ ГРАЖДАНСКАЯ ВЛАСТЬ СОСТОЯТЬ ДОЛЖНА

В губернских и знатных купеческих провинциальных городах гражданская власть может поручена быть двенадцати человекам, в которых числе должно быть семь человек купцов и пять человек дворян обывателей городских или из живущих поблизости города.

Должность сих человек та же в городах губернских и знатных провинциальных должна быть, какая вышепредписанная гражданской власти и в столичных городах, с той только отменой, чтоб в губернских и других городах члены гражданской власти заседали все вместе, не разделяясь на департаменты, и отправляли бы гражданскую власть совою, выбрав одного из себя президентом.

Впрочем, во всех городах, как и в столицах, гражданской власти члены отправлять могут свою должность через два года поочередно на своем содержании, а за ослушность чтоб подвержены были вышеписанному штрафу.

Знаки при сем и одеяния для отличности гражданской власти от прочих властей, равномерно как и строение, монарх может дозволить, какие самому заблагорассудится.

Что до строений публичных для заседания сенаторов, судей магистрата и воевод, оные особливо в столичных городах должны быть великолепные, безопасные и выстроенные в центре города, при которых строениях не излишно бы было, если б монархи соблаговолили приказать иметь для сената, судей, адвокатов и магистра общую великолепную церковь, в которую всем таким учрежденным властям ходить всякое воскресенье однажды, по крайней мере хоть по несколько членов, благочинность религии и польза отечества требует, и чтоб притом члены всех властей ходили в такую церковь в параде при своих знаках и в назначенном им одеянии, имея всякая власть пред собой своего герольда, несущего перед нею регалии, даже до мест, назначенных в церкви всякой власти особенных; сие також с строгостию узаконить веры утверждение требует.

Теперь в России не только светским, но ниже духовным властям в публичную церковь ходить и очевидно перед

всеми в оной стоять обыкновения нет. Архиереи и архимандриты все почти имеют свои private церкви, в публичной церкви их, кроме только как служат, никто не видит; в публичную церковь, когда без служения, они ходят через постоянные двери в алтарь, в котором их никто не видит. А от примера властей духовных и светских, присутствующих публично в церкви, сколько утверждения веры зависит, сие доказательство не требует.

Для такого учреждения российские монархи в правительствующем сенате со временем могут принять в рассуждение поправление календаря церковного так, чтоб все праздники всегда приходили и отправляемы были в воскресенье и чтоб день воскресный святить с таким благоговением старался всяк, чтоб в оный и публичные питейные дома и трактиры до окончания обедни отворяемы не были и никому б не дозволялось, кроме монарха, иметь private церквей. Корпусы и училищные места могут иметь свои особенные церкви, равномерно как и места в оных особенные для присутствия начальствующих в оных и подначальных.

О сем так всеподданнейший и последний раб, высочайшему вашему императорскому величеству представляя рассуждению, должен признаться, что в столь кратком плане нельзя подробно всего, что касается до таких учреждений, описать. Ваше императорское величество, по совершеннейшему вашему дарованию, несравненно больше изволите ведать, что полезнейшим и благовременнейшим есть для поправления и учреждения в вашей империи. Я здесь старался по крайнему разумению предложить краткую и генеральную только идею о учреждении сих властей в столь обширном вашем владительстве, думая, что, если б ваше высочайшее изволение было приказать комиссии и консультантам приступить, во-первых, к рассуждению и учреждению сих властей, предпринимаемые вашего величества столь полезные роду человеческому намерения могли бы скорее и благопоспешнее в действие произведены быть. На искусном учреждении сих властей все блаженство подданных и государей состоит. Правда, что законодательная власть по справедливости у всех

народов за первую поставляется; однако от судительной, наказательной и гражданской власти все исполнение законов зависит, без которого и самые наилучшие и премудрейшие узаконения недействительны. Многие народы опытом дознали, что лучше не иметь иных законов, нежели, имея, не исполнять, ибо от неисполнения некоторых законов та слабость рождается в правлении, что многие легкомысленно заключают и обо всех прочих государственных установлениях. Но и сие не может быть неизвестным вашему высочайшему рассуждению, почему подданным остается только просить вышнего о непрерывном счастье и успехе вашему величеству в предпринятом деле и ожидать с терпением счастливого всех желаний и святых намерений ваших сбытия. Впрочем, столь достойный ваших великих дарований изволите ныне принимать на себя труд, о том довольно уже монархи и высокие области в Европе уверены. Рассыпанные притом в северной стране и другие, в середине льдов и пределах знойных находящиеся беззаконные и беспомощные народы какую благодарность вашему величеству должны будут, когда вашим нынешним возобновлением и старанием ревностных ваших училищ к такому блаженному состоянию дойдут, в котором увидят свет истинный, показующий им, в чем святость прав, в чем целость отечества, в чем истинное исповедание веры и праведное трудов мздовоздаяние состоит. Соседние державы, увидев такое радостное преобразование в вашем владетельстве, не оставят ваше царствование бессмертной славе передать и щедрого у вас дружества, покровительства и союза искать, обязуясь с своей стороны равномерно вашему величеству во всех ваших предприятиях служить.

Сия искренняя единодушность, столь достойная от целого света вашему величеству, вскоре разольется по всем сердцам в вашей державе с сугубой ревностью к отечеству, с сугубым единомыслием к признанию и прославлению ваших добродетельных намерений и предприятий.

*Сочинял в императорском
Московском университете юриспруденции доктор*

СЕМЕН ДЕСНИЦКИЙ

1768 года февраля 30 дня.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ О НИЖНЕМ РОДЕ

Сей род государственных жителей, состоящий под общим наименованием пижнего или земледельческого рода, имеет ныне в России довольно хорошее положение. Одна часть оного пользуется правами и преимуществами, состоянию его приличествующими, другая, насупротив того, всех выгод лишена и потому не имеет ни малейшей собственности. К первой части относятся однодворцы¹⁹, пахотные солдаты²⁰ и люди, ландмилицию содержащие²¹, также черносoshные²² и ясашные крестьяне²³; к последней принадлежат дворцовые, экономические²⁴ и помещичьи крестьяне. Сие различие следует комиссии хранить навсегда, дабы порядок в ее труде беспрестанно был наблюдаем.

О ПЕРВОЙ ЧАСТИ НИЖНЕГО РОДА
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ

Оная, как сказано, разделяется на четыре степени: первая заключает в себе однодворцев; вторая — пахотных солдат и содержащих ландмилицию; третья — черносoshных; четвертая — ясашных крестьян.

Но дабы с желаемым основанием утвердить сих жителей благосостояние, потребно означить нижеследующее:

1. Сколько в какой губернии и в каких именно уездах сих разных степеней нижнего рода находится и в каком числе.

2. Какие права и преимущества имеет каждая степень, также когда и от кого оные получила.

3. Каких служб от них государство требует и какие они несут подати.

4. В каких они более обращаются упражнениях.

5. Каким порядком они правятся в рассуждении нынешнего своего состояния.

Узнав обстоятельно и в подробности сии разные предлоги, надлежит приступить к начертанию таких узаконений, которые бы составляли права и преимущества сей части государственных жителей и могли бы утвердить

спокойствие и усугубить трудолюбие сих полезных для общества членов.

1. Во-первых, пужно истолковать, что есть однопорец, пахотный солдат и прочие, и притом изъяснить, что они точно принадлежат государству.

2. Чтоб оных жителей никому не жаловать и не продавать.

3. Означить, какие службы они повинны исправлять и какие платить подати.

4. Какой род суда по земским делам могут иметь между собою.

5. На какие предлоги простирается их собственность, из чего проистекает.

6. Право чинить завещания. Здесь потребно изъяснить, какие вещи им можно завещать.

7. Каким образом и куда выходить могут люди из сего рода?

О ВТОРОЙ ЧАСТИ НИЖНЕГО РОДА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ, ПРОСТО ИМЕНУЕМЫХ КРЕСТЬЯНАМИ

Сию часть нижнего рода по количеству жителей, ее составляющих, можно б было именовать главною; но она, будучи лишена всех выгод, такожде не имея ни малейшей собственности, справедливо должна быть названа второю частию.

По всем вышеозначенным обстоятельствам нет возможности без нарушения спокойствия государства дать оным земледельцам права и преимущества; однакож есть способы, по которым, следуя благоразумным учреждениям, можно поставить нечто в пользу сих жителей, всяких выгод лишенных, и прекратить некоторые злоупотребления, вредные для государства и для них пагубные.

О УЧРЕЖДЕНИЯХ ДЛЯ КРЕСТЬЯНСТВА

Здесь, как уже сказано, не одни помещичьи крестьяне разумеются, но также дворцовые и экономические. Учреждения в их пользу должны быть сделаны с крайнею осторожностью, и потому при сей работе принять должно во уважение четыре следующие предлога:

1. Чтоб оные учреждения не имели вида повелений.
2. Чтоб ничего не учинить во вред помещиков, ниже подать крестьянству поползновения к непослушанию и дерзости.
3. Чтоб единственно зависело от воли помещицъей употребить в действо те учреждения.
4. Чтоб крестьяне ни под каким видом исполнения оных не могли требовать.

И для того сии учреждения должны быть сделаны наподобие образцов, содержащих в себе, согласно с правилами и основаниями правительства, некоторое сельское в рассуждении лиц нижнего рода распоряжение, в котором надлежит постановить выгоды и означить некоторый род собственности для крестьян, коими помещик для вящей своей пользы ради умножения их трудолюбия имеет власть их награждать.

Самый опыт нас удостоверяет, что от наблюдения такого рода порядка происходит великая прибыль для помещика. Лифляндия в том служит ясным доказательством: там крестьянин более платит господину, нежели где-либо в России; притом же известно, что земля во оной области не весьма плодородна и без одобрения²⁵ почти ничего не производит; в оной же губернии пользуясь земледелец приличными его состоянию выгодами не менее для того пребывает послушен своему господину; наконец, не слышать там и дерзостей, чинимых крестьянами.

Но точное положение всего вышеписанного должно быть основано как на правилах начальных, в Наказе²⁶ нашем изображенных, так и на обстоятельном сведении²⁷ нынешнего состояния российского крестьянства и состояния земледельцев других земель, от которых иногда можно заимствовать некоторые благоразумные ради устройства нижнего рода учреждения.

О ПРЕКРАЩЕНИИ НЕКОТОРЫХ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ В РАССУЖДЕНИИ КРЕСТЬЯНСТВА

Противны человеколюбию, пагубны для государства, вредны самим помещикам ныне чинимые продажи крестьян в розницу или хотя и семьями, но без земель. Какое

жалкое позорище видеть граждан, скитающихся в недрах своего отечества и повинных всегда в новых и неизвестных им обитать жилищах, наконец, зреть их разлученных с их семьями. Такое зло, более всего препятствующее размножению народа и благонравию, надлежит совсем искоренить и внести в закон, дабы некоторый помещик своих крестьян без их согласия не продавал на вывод²⁸, ниже переводил из одной своей деревни в другую, когда оные находятся в дальнем между собою расстоянии; и здесь следует означить, в каком расстоянии переводы крестьян чинить дозволяется.

В рассуждении дворовых людей, которые совсем принадлежат к нижнему роду потому, что они крепостные, вошли равномерно в частное домостроительство великие злоупотребления, кои нужно пресечь законами. Дворяне берут из крестьян, кого хотят, в дворовые, редко сами сие чинят, а большая часть оное исполняет чрез приказчиков, которые при таком наборе мало наблюдают правила человеколюбия и правосудия; тогда иной земледелец теряет единого своего сына, на которого всю свою надежду в производстве сельских трудов и все утешение в старости своей полагал; тогда случается, что недавно вступившая в брак супруга лишается своего мужа, а отечество — полезных граждан; но нет возможности исчислить здесь в подробности все такого рода огорчения и вредности.

Весьма бы противно было справедливости лишить помещиков средства и удобства иметь надлежащее число людей для услуг своих. Но полезно учинить в рассуждении сего предлога устройство или распоряжение, могущее удовлетворить помещиков без удручения крестьянства и земледелия; и сие предоставляется той частной комиссии, до которой оная работа принадлежать будет. Между прочим, не полезно ль будет постановить:

1. Чтоб помещик сам, а не чрез поверенных набирал из крестьянства в дворовые или бы требовал оных от миру, чрез что освободятся земледельцы от насилий и досад, наносимых от приказчиков.

2. Означить лета и состояние в рассуждении своей семьи того крестьянина, которого можно взять в дворовые.

3. Какое, наконец, помещик повинен сделать утешение или удовольствие той семье, от которой он принимает человека в дворовые.

Рассмотря в подробности сию материю, можно разные по оной сделать узаконения. Но здесь мы окончим единым только правом или преимуществом, которым неотменно надлежит снабдить нижний род. Оно состоит в утверждении навсегда свободы человеку, единожды оную от господина своего получившему, равномерно и его потомству с запрещением вступить снова в крепость²⁹.

П Р И Л О Ж Е Н И Е III³⁰

ЛИТЕРА А ВТОРОЙ ЧАСТИ ПЛАНА

Но сюда следует придать, что находятся в России особливые народы, занимающие от упражнений всех трех государственных родов жителей. Их вообще не можно причислить к единому из оных, ниже между ими самими установить известный и выше сего озпаченный в рассуждении лиц порядок. И потому прилично здесь об них дать явления.

Не единые дворяне и находящиеся в подушном окладе, то-есть люди, записанные в посад, и земледельцы составляют количество граждан, скипетру российскому подверженных. Разные суть народы, на границах империи или в окрестностях оных обитающие, носящие всегда воинские службы и охраняющие отечество от внезапных внешних предприятий. Главный предлог, для которого оные устроены, суть воинские действия; и того для все сочлены сих обществ, могущие поднять оружие, должныствуют, когда только от них востребуется, исправлять прямую воинскую службу.

Сии народы состоят под двумя званиями: одни именуются казацкими войсками, куда относится и войско запорожское; другие слывут нечочующими народами. Из сих наименований явствует, что между ними находятся наподобие штаб- и обер-офицеров разных чинов предводители, коим потому следует иметь некоторые офицерские

выгоды. Оные ж самые предводители, равно как и все их подчиненные, в мирное время пропитывают себя всем, чем возможно только пользоваться в их жилищах; равно вдаются в промыслы, в торговлю, а иные и в земледелие, которое тамо благоразумными законами может быть вяще поощряемо; сие причиною есть, что не можно сии народы причислить к одному какому-либо государственному роду особенно. Но из сего самого проистекает, что между оными сообществами нельзя равномерно учредить известное разделение лиц на три рода жителей. Свойственно сим людям пребывать вкупе воинами, купцами и орателями³¹. Установление между ими, чтоб одни единственно купечествовали, а другие б пахали, было бы дело для государства вредное и для их пагубное, также бы не согласовалось с общим наименованием войска. Наконец, самые гражданские их упражнения должны, естественно, иметь особый порядок и вид, потому что они только случайные или временные, ибо по первому повелению от правительства жители тех мест повинны оставить свои спокойные упражнения и жилища и отъехать вооруженными, куда приказано, на неизвестное время.

Из всего вышешисанного означается, что те народы, имев совсем особливое основание, предлог, род жизни и будучи в отменных от прочих наших подданных обстоятельствах, должны иметь особливое положение или права и преимущества в рассуждении лиц.

Но дабы желаемым порядком сие исполнить было можно, надлежит хранить всегдашним правилом, что при новом положении войскового рода государственных жителей нужно всегда соображать частное их состояние и благоденствие с состоянием государства и пользою общею и согласовать, елико возможно, сии разные предлоги. Права же и преимущества сих народов не только не должны обратиться во вред и предосуждение прочих наших подданных, но вящие служить в их удовольствие.

Ибо хотя некочующие в области нашей находящиеся сообщества и казацкие войска именуется здесь для различия народами, однако они суть единственно на особом основании состоящие граждане, и все их количество составляет только часть российского народа.

Компссия не может приступить к сей работе, не разделя оную на две части: на положение казацких войск и положение неkochующих народов. Потом надлежит принять во уважение нижеследующее:

1. Сколько сих разных народов или войск в российской империи находится.

2. Из коликого числа людей каждое войско составлено.

3. Под каким климатом каждое войско обитает, какую имеет веру, нравы и обычаи.

4. Сколько земель под каждым войском состоит. Здесь следует означить качество тех земель.

5. Каких соседей из наших подданных войско имеет и в какой близости.

6. В каких гражданских упражненииах войско более обращается.

7. Каким порядком каждое из сих войск шше правится.

8. Какой род службы каждое войско несет в военное время и какой род службы — в мирное.

9. В каком положении находится каждое из сих войск в рассуждении соседних держав.

10. Какие войска более услуг империй оказали.

Что ж принадлежит до неkochующих народов, то о них в точности многих известий получить нельзя; однако при такой неудобности надлежит равномерно сделать им благополучнейшее и согласное с государственными интересами положение. Единое их наименование довольно изъясняет, что они в земледелии по образу своей жизни упражняться не могут, а торговлю (когда в оной случайно и обращаются) чинят еще беспорядочнее казацких войск, и так они более пользуются естественными выгодами ненаселенных частей нашей области. Из сего самого обстоятельства явствует, что надлежит сделать некоторое устройство в сей беспорядочной их жизни и принять предосторожности, могущие прекратить хотя отдаленный, но чувствительный вред для империи. Оные предосторожности состоят, например, в точном определении земель, где те народы по их обыкновению могут с места на место переходить; в предписании их поведения с соседями, как домашними, так и чужими, и проч.

Без сомнения, сей войсковой род государственных жителей, которому примера нигде в Европе не ощущаем, есть по обстоятельствам и положению России весьма для нее полезен, но нет ли возможности в рассуждении отечества еще сию полезность усугубить.

Избегая всякого насилия, не можно ли казачьих войска поощрить к земледелию, ибо сожаления достойно видеть плодородные и под лучшим климатом состоящие земли не оранными.

Искусства и рукоделия могут ослабить военный дух, а земледелие вяще его подкрепляет.

Не можно ль изобрести способы, могущие привлечь нечочующие народы к жизни порядочной и к обитанию на одном месте и в домах.

Нельзя ли сих толь диких народов нравы смягчить просвещением.

Изю всего вышесказанного ясно усмотреть можно, что в сем отделении, в котором требуется узаконить правила, касающиеся для благоденствия казачьих войск и нечочующих жителей, упомянуты предлоги, принадлежащие к общему всего государства, а не к особенному каждого гражданина благу, как то земледелие и просвещение. Но сие учинено для двух причин: во-первых, потому, что размножение хлебопашества и заведение наук между сими народами требуют совсем отменного учреждения от узаконения оных во всем государстве, поелику оное учреждение зависит от положения их земли, от состояния жителей, от их склонности и от поведения как их самих между собою, так и с порубежными ³² обитателями; наконец, для того, что сии жители хотя и составляют часть всего государства, однако взирать на них должно как на сообщества, имеющие с российскими гражданами отличное на своем месте пребывание, особое поведение, неодинакое упражнение и разный жития род. Чего ради и положение о казачьих войсках и нечочующих жителей касается до особой комиссии, которая бы при всеобщем государстве российского узаконении состояла под именем: комиссия о войсковых государственных жителях.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

О УЗАКОНЕНИИ ФИНАНСКОМ

Общее наименование. Финансы заключают в себе смысл пространный: они имеют предлогом доставление государству надельных и довольных по его надобностям доходов. Из чего явствует, что финансы справедливо разделяются на две главные части: 1) на издержки государства, 2) на доходы оного.

О ИЗДЕРЖКАХ ГОСУДАРСТВА

Благосостояние и соблюдение государства, такожде сохранение частнос жизни и имений сочленов общества требует, дабы правительство чинило ежедневные денежные издержки, которые так необходимы, что если б паче чаяния оные прекратились, то бы и государству долженствовало всеконечно рушиться.

Нужно сии издержки точно означить прежде, нежели мыслить о доходах, ибо в сем случае государь имеет во всем особливое положение, ему надлежит учреждать свои доходы по расходам. Но в чем состоят сии последние, оно ясно ниже сего окажется.

Глава общества, то-есть государь, должен иметь состояние и наблюдать наружности, с знаменитым его саном и с верховною его властью согласные. Благопристойность требует, чтоб довольствие и великолепие окружали его престол; но ему, аки источнику благоденствия общества, приличествует чинить награждения, ободрения и милости, отчего непосредственно возрастут добродетели и умножится усердие служить отечеству. Здесь означается первый род государственных издержек.

Надлежит блюсти внутренний государства порядок, состоящий в надзирании над гражданами и в чинении суда и расправы. Того для потребно содержать полицию, градоначальника, присутствующих, их подчиненных, наконец, и самые судебные места. Сие составляет второй род государственных издержек.

Предприятия, касающиеся до пользы общей, паче в государстве еще неустроенном, разделяются на бесчисленные предлоги: сюда относится строение городов, дорог, делание каналов, чищение рек, разные учреждения для народного воспитания и призрения, разные установления, могущие привести науки и художества в цветущее состояние. Отсюда происходит третий род государственных издержек.

Но все бы вышеписанное чинено было без основания, когда б государство не имело защиты от внешних предприятий. Из чего явствует, что надлежит беспрестанно иметь разные войска, как сухопутные, так и морские, строить и содержать крепости, хранить запасы всяких снарядов. Из чего проистекает четвертый и главный род издержек государственных.

Такие издержки должно именовать нужными, ибо без оных, как уже сказано, не токмо правление поколеблется, но и действительно истребится.

О ДОХОДАХ ГОСУДАРСТВА

Сделав означение всем государственным издержкам, которые все вышепомянутому разделению подвержены, надлежит приступить к средству, которым те издержки сделать можно сносными и получать доходы, равные оным.

Нет нужды здесь изъяснить, что подати суть дань, которую каждый гражданин платит для сохранения не токмо своего благосостояния и спокойствия, но своей жизни и имений. Каждый человек мыслящий оную ощущает.

Но на какие предлоги ³³ налагать подати? Как уменьшить издержки при сборах? Как сделать доходы верными? Как оными управлять? Сии вопросы суть те, которые решить весьма нужно.

ВОПРОС ПЕРВЫЙ: НА КАКИЕ ПРЕДЛОГИ ПОДАТИ НАЛАГАТЬ?

Считают пять предлогов, на которые можно учинить накладку: 1) лица; 2) имения; 3) произрастения домашние, употребляемые народом; 4) товары отвозные и привозные;

5) действия. От чего проистекает другое разделение податей — на принужденные и добровольные. Первый предлог заключает в себе подати принужденные, прочие более или менее содержат в себе подати добровольные, исключая соль³⁴.

ПЕРВЫЙ ПРЕДЛОГ — НАКЛАДКА НА ЛИЦА

Сей род податей находится у нас под именем подушных сборов и простирается на средний и нижний род граждан, то-есть на записанных в посад³⁵ и на хлебопашцев. Сия подать, хотя принужденная, не может удручить народ и земледелие, когда она умеренна и расположена с осторожностью.

ВТОРОЙ ПРЕДЛОГ — НАКЛАДКА НА ИМЕНЯ

Здесь именем называется единственно имение недвижимое.

Сей род доходов именуется у нас побором с оброчных статей, к которому относятся земли, рыбные ловли, мельницы, бани, лавки, амбары и прочее. Из чего явствует, что сии предлоги можно вообще разделить на две части: на земли и строения.

Умеренная накладка на земли, утвержденная на верном и точном исчислении и оценке оных, есть действие весьма благоразумное, отнюдь крестьянство и земледелие не отягощающее, в чем Англия нам довольным служит примером; накладка же на строения вообще более в себе полезности содержит, потому что она располагает по количеству богатства граждан и что нижний род от сих податей свободен.

ТРЕТИЙ ПРЕДЛОГ — НАКЛАДКА НА ПРОИЗРАСТЕНИЯ ДОМАШНИЕ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ НАРОДОМ

Хлеб в первом своем образе, аки необходимое произрастение для жизни человеческой, от всякого сбора государственного должен быть свободен. Итак, остается три рода произрастения или вещей, подверженных накладке: 1) соль; 2) вино; 3) табак.

Соль для пищи весьма необходима, но ее употребляют дворяне, купцы, духовные, служивые и приказные люди и иностранцы равномерно, как и крестьяне. Следовательно, оная накладка не единственно простирается на нижний род по примеру подушных сборов. С другой стороны, сия подать есть принужденная, потому что бедный, как и богатый человек, необходимо употреблять соль должен.

Вино же и табак суть по большей части предлоги роскоши, почему подвержены большей перед прочими вещами накладке.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПРЕДЛОГ — НАКЛАДКА НА ТОВАРЫ

Весьма б оная была отяготительна, когда б числилась у нас, как в иных землях, внутренними сборами пошлин, ибо от сего родились бы злоупотребления бесконечные; насупротив же того, портовые и пограничные сборы, будучи для народа почти нечувствительны, потому что относятся до богатства, никаким вредным злоупотреблениям не подвержены. Сюда следует прибавить, что великой важности стоит, дабы продавец, а не покупатель платил пошлины с товаров, ибо без сей предосторожности великие могут произойти злоупотребления, совсем противные вольности частной гражданина.

ПЯТЫЙ ПРЕДЛОГ — НАКЛАДКА НА ДЕЙСТВИЯ

Оный род сборов заключает в себе пошлины с челобитен, закладных, крепостей, штрафов с судимых и тому подобного; оный менее всех выше помянутых для казны верен, но всех, кажется, простее.

ВОПРОС ВТОРОЙ: КАК УЧИНИТЬ ПОДАТИ ЛЕГЧАЙШИМИ ДЛЯ НАРОДА?

Хотя принужденные подати, то-есть подушный оклад весьма нужно для разных причин сохранить, однако в новом расположении государственных доходов должно предпочитать подати преимущество тем, которые более от принуждения отделяются, которые более касаются для

всех вообще государственных жителей и которые вяще простираются на предлоги роскоши.

Правда, что все граждане равное получают покровительство от правления, но великое находится неравенство в их состоянии в рассуждении имений. Итак, благоразумие и справедливость требуют, чтоб, елико возможно, накладки были учреждаемы согласно с сим неравенством состояния и, если так можно сказать, чтоб быны были установлены по геометрической прогрессии.

Глас народа во всех странах вопиет, что откупы для него отяготительны, и сие легко рассудить можно. Государь получает известную сумму от откупщика; но оный за всеми издержками при сборах обыкновенно получает великую прибыль, которая бы суммы оставались у народа, когда бы правительство без посредственника сбирало свои доходы; к сему ж следует придать, что откупщики, будучи жадны приобрести сокровища, беспрестанно жалуются, якобы многие их правами потаенно пользуются, требуют для сего строгих указов и учреждений, чинят следствия, отчего народ вяще чувствует удручение и утеснение.

Наконец, дабы более накладки сделать подданным, елико возможно, нечувствительными, надлежит хранить всегдашними правилами: 1) чтоб во всяких случаях избегать монополий; 2) не налагать внутренние всяких родов на товары пошлины; 3) когда находятся откупщики, то крайне над ними надзирать.

ВОПРОС ТРЕТИЙ: КАК УМЕНЬШИТЬ ИЗДЕРЖКИ ПРИ СБОРАХ?

Здесь следует подробное рассуждение о мелочах, которых количество важный составляет для правительства предмет.

Например, соль во многие места возят гужем³⁶, не возможно ли взыскать инде водяные ходы, от чего бы и издержки при соляных сборах всеконечно уменьшились.

Не возможно ли учредить, чтоб подушные деньги платимы были от помещиков или деревень, или от доходов в воеводских канцеляриях, а для сбора сих податей особливых бы людей не посылать в случае недоимки, но другие бы принять средства.

Не возможно ли совсем другой распорядок учинить соляным и винным доходам, или с откупщиками винными учинить договоры совсем на другом основании и, следовательно, менее издерживать при сборах сего предлога.

Разные сему подобные можно сделать начертания.

ВОПРОС ЧЕТВЕРТЫЙ: КАК СДЕЛАТЬ ДОХОДЫ ВЕРНЫМИ?

Сие касается отчасти комиссии о размножении земледелия и торговли, ибо чем народ будет достаточнее, тем будет в состоянии более платить и, следовательно, платить верно. Но и комиссия о финансах по сему вопросу немало долженствует иметь упражнение.

Можно здесь упомянуть вообще, что есть подати, преисполненные в естестве своем неудобностями, и таковые надлежит отменить; иные, например, сборы, за исключением издержек при оных, столь маловажны, что не стоят и старания. Другие простираются на такие предметы, которые могут быть скрытны или неизвестны, и таковые следует вовсе отменить.

Подушный оклад [в] России весьма умерен, но от чего в иных провинциях частые бывают недоимки: от того ль, что там меньше обращается денег, нежели в других местах? от того ль, что тягостен делается отвоз избытков, что искусств и рукоделий не находится, что, наконец, народу там мало средств к обогащению или что оный вяще других удручен?

Известно, что иногда предприятие единого канала пролило реки сокровищ в уезды, бывшие до того времени в крайней бедности.

Ныне опыт показывает, что винные доходы, которые столь важны для правления, весьма неверны. Сие зло, как и прочие такого ж рода дела благоденствия общего, должно всеконечно прекратить.

ВОПРОС ПЯТЫЙ: КАК ДОХОДАМИ УПРАВЛЯТЬ?

Надлежит все отрасли финансов подвергнуть единому начальству, которое бы кроме никакого не имело предмета.

Ибо всевозможное знание, трудолюбие и старание какого-нибудь учрежденного места едва может быть достаточно для сего рода управления; но необходимо нужно, чтоб то место могло видеть всегда финансы как вообще, так и в тончайших их подробностях, чтоб всегда могло оно соображать частный какой-либо труд и следствие с основаниями, потому что в финансовых обращениях малейшая иногда ошибка может великие приключить убытки государю и бедствия народу.

Подпора надзирающего места над финансами есть ревизион-коллегия, или контора, для которой надлежит учредить обряд управления совсем особенный; она сохраняет порядок финансов, открывает злоупотребления в их источниках и принуждает всех отменное наблюдать рачение и точность в сборах и издержках казенных.

Для всего вышепомянутого потребно учредить комиссию, которая бы состояла под именем: комиссия о финансах или о доходах государственных.

ИВАН АНДРЕЕВИЧ
ТРЕТЬЯКОВ

СЛОВО
О ПРОИСШЕСТВИИ И УЧРЕЖДЕНИИ
УНИВЕРСИТЕТОВ В ЕВРОПЕ
НА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЖДИВЕНИЯХ...
ГОВОРЕННОЕ... 1768 ГОДА АПРЕЛЯ 22 ДНЯ

риятна есть, слушатели, отдаленных времен гистория, которая глубокой древности дела предает до днесь потомкам в пример и в научение. Сея посредством мы проникаем в бездну веков и в пределы вселенных и видим там тьмы разных народов, из которых иных свирепый Марс¹ в середине самого цветущего состояния мечом и пламенем истребил, иных внезапное стихий возмущение, от одра спящих восхитив, в преисподнии расселины земли поглотило, и других премногих, которых неизбежная престарелость, алчный глад, тлетворный воздух и неисцелимые болезни от земли и от наших очес на вечность преселили. Видим, кроме сего, все света перемены или такие его по степеням восходящие и нисходящие обращения, от которых оный, как некоторые думали, наподобие смертного, иногда из своего отрочества в юность и в мужество, иногда обратно, из своея престарелости в первобытное отрочество преходящим казался².

Когда завидящая смертных толпикому из протекающих веков источнику премудрости древность старалась вечно-стью и забвением прошедшее все от нашего знания сокрыть, тогда гистория достопамятных дел одним к себе человеческим люблением и любопытством без рукописания и печати сохраняема была; тогда трясущие сединами праотцы наши не только такие ужасные в свете происхождения,

но и самое начало света и живущих в нем тварей рожденным от себя от рода в род рассказывали. В нынешнем ученом свете наблюдаемая во всем строгость твердого и доказательного рассуждения, не позволяя в нас предыдущему пред рассудком, порывчивому воображения стремлению последовать, запрещает и гисторию представлять таким приятным собеседником, каковым она у первенствующих народов на живом языке была. Однако с большею вероятностию можно хоть непрямо утверждать, что в такие времена и у таких народов событие прошедшего всего от древности потомству во всем не иначе, как живым голосом и с показанием места и времени, предаваемо и приемлемо было...

О НАТУРАЛЬНОМ ПРОИСШЕСТВИИ НАУК И УДОБНОСТИ, С КОТОРОЮ ОНЫЕ У ДРЕВНИХ СНИСКИВАЛИСЬ

В глубокой древности, когда человек еще только начал приходить в познание вещей и самого себя, одна долговременная жизнь и многочастный преткновения опыт были источники всей премудрости и всякого знания. Следовательно, люди в таком состоянии за неимением никакого другого средства к научению себя и других не могли иметь великого и понятия о вещах. От чего таких людей знание и рассуждение обо всем должно быть надмеру недостаточное, краткое и простое. И если у первенствующих народов какое было понятие о науках, достойное примечания, оное, должно думать, всегда выражаемо было на природном языке живым голосом без печати и рукописания. И такое знание у них, по причине простоты, краткости и удобства языка вскоре за объявлением всем известно и вразумительно было. Их изобретения и ремесленности были також чрезвычайно простые и немногие и потому всему обществу безызвестными и невразумительными быть не могли. Мы видим, что у греков и других народов издревле всякий почти обыватель знал всякое искусство и ремесло. Такое, однако, повсемственное знание нимало нам не должно казаться удивительным,

поелику оное у древних равномерно, как и у нынешних непросвещенных народов, сначала всегда находилось чрезвычайно простым и в крайнем несовершенстве. Но как скоро знание человеческое о разных вещах начинает возрастать и умножаться до такого степени, в котором требуется ревностного старания, отменного дарования и долгого упражнения, тогда и самым опытом доказывается, что для такого повсемственного всецей знания не всякий бывает в обществе способен и рожден. Сверх сего, такого разделения в упражнениях требует и самая польза в обществе, ибо люди как скоро начинают возвышаться и в совершенство приходить, они опытом же узнают и то, что им дешевле и прочнее становится всякое нужное, когда оное в замену других потребностей мастерами нарочитыми доставляется*. Отсюда происходит разделение трудов в обществе с большим значением и действительнейшим успехом. От сего разделения трудов рождаются искусства, которых посредством начинают чувствовать обыватели облегчение в своем житии. Таким образом возвышаясь постепенно, смертные, увидев свою жизнь несравненно удобнейшею и приятнейшею паче прежней, употребляют еще большее старание, чтоб оную сделать еще способнейшею и соответствующею возвышающемуся своему состоянию. Одни желания рождают в них другие, а как первые, так и последние всегда клонятся в них к одному намереваемому прохладнейшему житию, то, наконец, по разделении трудов натурально происходит в обществе разделение и самих людей, как то: на хозяев и работников. Работные люди в таком состоянии принуждены искать себе пропитания у своих хозяев, охотно принимают всю прежнюю сих тяготу на себя, оставляя хозяем одно присмотрение за собою и повеление. Сим средством человек, исполнив свои желания, живет спокоен от забот и попечений

* Так, например, когда зажиточный обыватель видит, что он имеет у себя с излишеством хлеба, соли, мяса и подобных сему съестных припасов, такого человека и самый опыт учил тогда излишек отдавать в замену: сапожнику за обувь, портному за одеяние, механику за орудия и пр., поелику сим средством он не сомневается достать себе такие нужные вещи от нарочитых людей дешевле, прочнее и без дальнего себе труда.

прежних. Сию перемену и такое возобновление и облегчение в житии он долженствует единственно своему художественному состоянию. И такое есть начало и успех художеств, которые по справедливости могут назваться таким орудием, посредством которого люди приобретают богатство, снискивают спокойнейшую жизнь и возвышение в житии³. В следующем мы приступаем к рассуждению о происшествии натуральном и успехе самих наук, которые також великие перемены производят в человеческом состоянии.

Попечительная о блаженстве смертных натура конечное счастье человека утвердила в трудолюбивом его простирании к высшему и совершеннейшему преуспеваю. Низвержение из высшего в низшее состояние, равномерно как и закоснение в одном, есть такое злополучие смертных, что к претерпению оно и у самих стойков великодушия недостает*. А поелику сие счастье натурой утверждено на одном трудолюбивом простирании к высшему и лучшему состоянию или на такой ласкательной надежде к оному, которая с природы ни в ком не ограничена, то и не удивительно, что все люди к достижению до такого состояния, хотя не с равным успехом, с равномерным, однако, и бесконечным желанием не только силятся, но и равномерно все, от первого до последнего, оным наслаждаются, одною ласкательною своею надеждою в трудолюбивом своем простирании все подкрепляемы и ободряемы. И так, сходно с сим утверждением, мы видели уже из вышепоказанного, с каким напряжением и с каким успехом человек достигает к лучшему и высшему состоянию посредством единственного своего художества. Сим образом он, снискав богатство и все потребное к прохладному житию и удовлетворению своих прихотей, его следующие желания по предсказанному началу с природы клонятся к другому, высшему и удобнейшему упражнению. По сей причине мы видим из течения жития человеческого, что тот, который прежде отправлял подлое ремесло, и оным снискав

* Во многих обществах от несправедливости рассуждений и от враждебного несогласия между людьми высшего и низшего состояния происходят установления, препятствующие такому натуральному течению; однако оные действительными нигде не бывают, поелику они совсем противны самой натуре человеческой.

довольный достаток, детей своих никогда, разве по при-
нуждению, тому же самому не обучает. Он отдает их
в училища и, не щадя и последних иждивений, старается
и чрез приятелей и самим собою доставить их к месту⁴
и привести в выгоднейшее и почтеннейшее состояние.
В доказательство сего мы довольно имеем примеров
у древних и нынешних народов. У древних Солон из
купца сделался философом; Сократов отец, будучи сам
каменщиком, сына воспитал философом; Демосфенов отец,
сам лавочник, сына воспитал ретором. Что ж до нынеш-
них ученых, оные все почти тако[го]ж происшества и
существа⁵. Сии примеры не в предосуждение здесь уче-
ному свету приводятся, но только в доказательство того,
что наук началом было не что другое, как только одно
людей свободенных от трудов досужное и праздное
время, чему не меньшим доводом есть и самое название,
из греческого данное училищам (σχολή), по-русски школа,
которое до слова на подлиннике значит досуг или празд-
ность. Выводить начало и происшествие наук от другой
причины доказательнее невозможно и было б излишно.
Ибо действительно тогда только люди винословствовать
и любопытствовать о вещах начинают, когда они, снискав
все нужное к прохладнейшему житию, на досуге пребы-
вают. А понеже сей образ жития никаким другим способом
столь удобно не снискивается, как художественным про-
мыслом, то отсюда мы свободно можем заключить, что
художества издревле и поныне во всех государствах
всегда предваряют науки. Теперь, узнав, какое есть свой-
ственное начало наук и художеств, остается ведать, какой
свойственный должен быть предмет наук сначала у народов.

В начинающемся ученом веке, в котором еще не было
ни училищ, ни учителей, натурально следует быть учи-
телям самим отцам. Их дом был школа; их фамилия были
их ученики, и их науки были наблюдения, основанные на
опыте и долговременном житии. Такого начала наук мы
довольно имеем примеров в священной гистории у дре-
вних праотцев. Ибо покамест рукописание изобретено
и тиснение печати снискано⁶, старых людей долговремен-
ная жизнь и их примечания, о свете учиненные, составляли
их науку, в которой вся их первенствующая философия

заклучалась. А поелику всякому довольно известно, сколько непросвещенные народы суеверию и легкомыслию подвержены бывают, то следует, что у них натурально первым предметом должно быть их винословие и разглагольствие о многобожии* и нравоучении, соединенном с некоторым словопрением о прошедшем и будущем житии. Грубые, притом и невежественные народы с природы суть весьма неумеренны в своих словопрениях, поднимая обо всем неугомонные споры, от которых рождается изобилие слов** и несогласие в мнениях. Для прекращения и избежания таких междоусобных раздоров некоторые побуждены были к изысканию известных правил, посредством которых они уповали свои слова и рассуждения привести в некоторое ergo⁷, аки бы в известный вес и точную меру. Что самое подало причину к изобретению логики и риторики. Сходно с сим утверждением мы видим, что логика и риторика были первые науки, которые древними прежде всех наук в совершенство приведены почти неподражаемое. И мы видим також из Иова, Сираха, Екклезиаста и всех Соломоновых сочинений⁸, равномерно как и из Горациевых писем и других премногих, что их писание все состоит в нравоучении и богословии, пословицами и заповеданиями преподаваемых. Сии, однако, начала наук сперва должны быть весьма не обширны, просты и почти всему обществу известны, поелику на природном и живом языке преподавались; и во всем не иначе, как и самые художества были сначала у народов, то-есть без разделения их на части и без учрежденных ко всякой части учителей. Однако напоследок, когда разные мнения таких мудрецов умножились, тогда и на деле оказалось, что оные все изучить и затвердить тот только в состоянии был, который к ним особенное старание или природное дарование имел. Ибо невозможно тому стать, чтоб с самого начала люди в обществе были одинакого дарования и равномерного прилежания и склонности ко всему.

* De politheismo.

** Всяк, если применится только к простолюдым, услышит, что многие из них при вспылчивых спорах говорят Гомеровым и Виргилиевым стилем и также иносказательные слова употребляют, которых иногда и с намерения выдумать цельза.

По сей причине тот, кто чрез отменное дарование и труд несравненно превосходнейшим других в науке оказался, без сомнения, мог снискать себе довольно последователей, из которых иные учились у него из любопытства, другие от тщеславия, единственно с намерением, дабы чрез то прослыть учеными.

Отсюда произошло два рода учащихся людей: одни учились для испытания природы и оныя испытанием и сами питались; другие, не входя в такую глубину, для препровождения праздного времени подражать и последовать первым за украшение себе почитали. Люди притом с природы, чем меньше знающие и неискреннее в чем бывают, тем больше они тщеславнее и неискреннее в откровении своих таинств. Любопытство же ко всему таинственному с природы у всех бывает неменьшее, как и самая неискренность мудрецов; по сей причине одни, чтоб удовлетворить своему любопытству, старались награждать других за откровение. А как те, так и другие довольно праздного времени имели таким безмолвным образом забавляться; то, наконец, по разделении трудов и художеств, в обществе произошло разделение и учащихся. Так, например, один сыскался в обществе, который имел больше охоты, склонности и старания к замечанию всех тех мнений о правоучении и о прочих знаниях, преподаваемых прежде в домах своими праотцами, и который сим средством столько успел пред прочими, что в состоянии был все оных мнения заметить известными себе только знаками, как то иероглифами для памяти и для сообщения другим; то такой без сомнения был в первенствующем ученом веке первый мудрец и первый учитель, тайносказатель и письмоводитель. Что все непротивно сему заключению доказывается и самим именем древней философии и древних философов. Древняя философия в отличие от нынешней называлась предательною⁹ (*traditionalis philosophia*). Философами издревле почитались волхвы, астрологи, алхимики, пророки* и учителя преданий, как Зороастер¹⁰

* В Ветхом завете во многих местах поминается о лживых пророках, откуда видно, что в тогдашние времена держать пророков, астрологов и волхвов при дворах так в обыкновении было, как недавно в Европе было ж в обыкновении держать шутов.

у персов и подобные ему премногие у халдеев и арабов.

Такой свойственный был предмет первенствующей философии, и такие были первенствующие философы. Художества в оные времена уповательно не в лучшем же были состоянии с науками.

В последующие времена, когда Греция и другие окрестные народы начали возвышаться и в большее совершенство приходить, рукописание изобретено, посредством которого баснословная прежних мудрецов философия напоследок получила столько разных себе любителей, сколько и ум человеческий тогда склонен был к разному мнению. Отсюда произошли стоики, скептики, академики, перипатетики, эпикуры, циники¹¹ и подобные сим с той только отличию перед прежними, что всяк из сих писал некоторым порядочным расположением и с некоторым основательным доказательством. Люди с природы ко всяким новостям жадны, и потому скоро и самые пустые мнения сих философов с уважением принимали. Философы, зная свой верный прибыток в сем случае и ведая, что тот только и учнейшим мог прославиться, который больше за собою последователей имел, наконец все, как художники свои товары, свои системы выхваляя в осуждение другого, столько между собою несогласными сделались, сколько и духовные при вселенских соборах¹². Предмет их философии столько многообразен был, сколько и самих сих философов наименования были. Иные утверждали бессмертие души, другие уничтожение оной с телом доказывали; иные полагали верховное счастье в роскошах, когда другие оное заключали в некоторой алчной добродетели; иные утверждали свет сей провидением божим управляемым, когда другие доказывали оный созданным и управляемым случаем и некоторым механическим манером; иные утверждали, что человек на сем жилище мог поступать и делать все по произволению, когда другие доказывали, что он все делает по принуждению здесь. Наконец, некоторые из них такие дерзкие утверждения вводили в свою философию, по которым неприличные и помышленню дела достойными философа доказывали. Впрочем, их *μετά τὰ φυσικά* [метафизика (греч.)] было одно собрание

трудных слов. Они в своей политике наделали таких республик¹³, которые нигде в свете, кроме как только в их голове, не обретались*. Логика их есть крайнее совершенство наук**, без которой, однако, всяк может говорить и рассуждать столь изрядно, сколько и философ со всем его ergo глубоко заблуждать может. Римляне к греческим наукам никакого прибавления не сделали, как то видно из Люкреция и Цицероновых философических сочинений, из двух только и философов известных у римлян. Сей народ, препровождая все свои веки в войне со всем светом, не имел и времени прилежать к наукам; что ж до художеств в те времена, оные, по моему мнению, выключая одну архитектуру, невеликую честь древним приносят, ежели их сравнить с нынешними. О европейских часах римляне и греки и понятия не имели. Телескопов у них и в помышлении не было. Наши ружья и пушки, если б они увидели, Юпитером им показались бы. Их мореплавание, равномерно как и их морские экспедиции аргонавтические и карфагенские¹⁴, и компаса не имели, от чего их Эней в Средиземном море столько времени заблуждал. Их коммерция столько маловажна была, что в оной и упражнение за бесчестие почиталось. География им и в половинной части света неизвестна была. Однако их художества со всем таким недостатком еще в лучшем состоянии были, нежели их науки. Но понеже художества везде сами собою приносят довольно награждение человеку, по сей причине оные не требовали публичного иждивения для своего совершенства. Их науки со всем таким многообразием систем были весьма не обширны и по причине природного языка, на котором преподавались, были скоро и удобно понимаемы, так, что оные и теперь ученик посредственного упражнения в греческом и латинском языке может удобно прочесть и сразуметь все в полгода. Ибо их систем не

* Желающие уверены быть о таком нашем о древних философах рассуждении, могут прочесть *Диогена Лаерция Гисторию о древней философии*, с которой *Геннеций* и *Брукер* свои книги сочинили.

** Многие и поныне принимаются писать свои Логик, однако их труд бесполезен. *Аристотель* сей науки предмет так истощил, что вынешним прибавлять к оному в пользу ничего не остается.

должно представлять такими обширными, какие ныне у нас преподаются. Их междоусобные несогласия, как выше доказано, были многие к делу чужие и во всем не иначе, как раздоры нынешние в церкви Великобританской *. Словом, большая часть их философов были несносные схоластики и поднимали обо всем неугомонные споры, не в пользу ни себе, ни отечеству, за что самое по справедливости им уже от многих сказано. «*Vix aegrotum somnare quidquam tam nefandum, quod non aliquis dixerit philosophus*». «Едва кто и в горячке может такой здор сгретить, про который бы уже древний философ не врал». Полезные обществу у древних науки были: у египтян геометрия, у греков математика в большом совершенстве; у сих також красноречие нужным и полезным было в судах по причине их демократического правления. Юриспруденция у греков почти никакой не было. Сей народ больше застарелыми нравами, нежели предписываемыми законами, управяем был. Солон и Ликург, их столь славные законодавцы, в ученом свете больше неосновательного шуму, нежели законов, наделали. У римлян математическое учение совсем оставлено. Юриспруденция у них сначала столь проста и коротка была, что она и с греческими переписанными законами и с своими вновь сделанными не занимала больше, как двенадцать досок **. Красноречие у римлян было в неподражаемом почти совершенстве; и по причине их подобного с начала греческому правления к большей пользе служило отечеству в судах. Сии только и науки были у древних, то-есть риторика, юриспруденция и математика, которые для своей пользы и великой надобности в отечестве должны б,

* В сем государстве во всяком почти городе до шести и больше разных вер исповедуемых найти можно, как то: calvinists, catholics, lutherans, presbyterians, quaquers, moravians, dissenters, seceders and the like. [Кальвинисты, католики, лютеране, пресвитериане (пресвитериане), квакеры, моравиане (сектанты «моравские братья»), диссентеры (диссиденты), сисидеры («отщепенцы») и проч. — сторонники различных религий и сект в Англии.]

** *Leges XII tabularum*: на сих досках вся римская юриспруденция, словами в воробья величиной вырезана, для всенародного известия в середине города выставлена была, так что оную всяк, кто желал, мог, думаю, и в 12 часов, как «Отче наш», наизусть затвердить.

кажется, на государственном иждивении преподаваемы быть. Однако и сии науки, поелику не обширны и на природном языке столько удобны, не могли по справедливости требовать от целого общества никакого себе ободрения. Прочие ж их сочинения, как то стихотворское и гисторическое, будучи чрез себя одно дело и забава праздных людей, какого награждения государственного, кроме общенародной похвалы, ожидать могли*? Отсюда явствует, что у древних не было училищ на государственном коште по причине их необширности, их удобства на природном языке и их невеликой пользы в рассуждении целого общества. Сколько природный язык удобства подают в науках и разных сочинениях, тому неоспоримым доказательством суть два римские стихотворцы. Виргилий, будучи малолетен, писал такие поэмы, каковых ныне на латинском писать и сорокалетний не отважится. Овидий и в отрочестве такой непринужденный навык в стихотворстве оказал, что оный, когда его и лозой секли, стихами изрядными говорил**; впрочем сколько удобны их науки были по причине и своей необширности, сие сам Цицерон засвидетельствовал довольно, когда однажды в публичной речи перед сенатом сказал, что он без сомнения уповал сделаться наискуснейшим юристом в три дни. Сим самим доказывается, что в тогдашние времена люди повсемственное имели понятие обо всех науках и что тогда отделения и упражнения особенного ко всякой науке не требовалось. Такое у древних было учение и понятие о вещах короткое и удобное. У них не было столь обширной математики, которая и одна теперь у нас требует упражнения во всю жизнь. У них не было столько гисторических книг, которых множеством мы ныне в состоянии покрыть и целые их государства, они и не слышали про такую увеличенную медицину, для которой и одной ныне в Европе особенные коллегии учреждены. Натуральной философии у них почти только одно имя было, когда она у нас по

* Похвала, оказанная при олимпийских увеселениях¹⁵ Геродоту Галикарнасскому, побудила Туцидида писать Гисторию Пеллопоннежскую.

** *Iam iam non faciam versus, carissima mater.* [Больше уже не буду сочинять стихов, дражайшая мать.]

своей обширности и в седми частях едва вмещается и имеет премножество книг, принадлежащих ко всякой части. Их законы, как мы уже и прежде доказывали, в 12 досках, как в 12 страницах, все содержались, когда в Британии и подобных сему государствах и одно сокращение законов в 25 книгах не вмещается. О богословии у них ни одной особенной книги не было, когда у нас есть таких уже почти неисчерпаемое море и об одних непримиримых несогласиях церковных, столько с политическими делами связанных, что без чтения сих мы не можем никакого основательного и понятия иметь о нынешней европейской истории. Сколько ж при сем у нас о метафизике, о нравоучительной философии, о юриспруденции, о коммерции, агрикультуре, о мануфактурах, о механике и о разных художествах для нашего чтения и разумения книг написанных есть, описать всех невозможно; а все такие книги не на природном, как у древних, но на разных и таких языках, которых и одни ó, η, τò; il, elle, un; il, la, lo; a, an, the; der, die, das; hic, haec, hoc¹⁶, как употреблять свойственно, мы инак научиться не можем, пока наш язык к сим долговременным упражнением как механическому некоторою силою приноровится. На что все у нас требуется иждивения, труда и столько времени, что многие в сих потеряли здоровье, жизнь и истощили богатство. Изрядно о сем изъясняется в предисловии на Квинтилиана один оксфордский профессор, который говорит¹⁷: «Что нынешним ученым по причине множества и трудности толиких языков времени почти недостает на другие вновь сочинения». Впрочем, что до пользы древних наук, выключая их красноречие и юриспруденцию, какую другие их науки пользу отечеству приносили, сего мы истинно не видим ни в действии, ни в сочинениях их писателей. Их натуральная философия состояла в рассуждении одних пустословных атомов и в взмышленных некоторых взаимных вещей состраданиях*, чрез которые существо вещей не может изъяснено быть. Она не была наподобие нынешней физики столько основана на математике, столько опытами доказываема и столь к художествам и к механике

* Sympathia.

прилагаема. Вся их математика заключалась в одних остроумных доказательствах, без всякого употребления в коммерции, в мореплавании, астрономии, артиллерии и в механике. Их медицина, может стать, больше умерщвляла, нежели исцеляла людей, и потому оную у римлян рабы отправляли. Если бы их натуральная философия, математика и механика такое изобретение свету даровали, чтоб оного посредством мореплавателя на всякое время и на всяком месте в самой точности мог узнать, где он находится, и сколь далеко и сколь близко он от какого места и от какой опасности отстоит, их Архимеду все державы подписали бы 20 000 фунтов стерлингов за оное, за которое ныне, к бессмертной славе своего отечества, британец (Mr. Harrison) [Гаррисон] получает. Подобным образом, если б их медицина доказала себя столько нужною и полезною, чтоб оная могуществом миллионы народов от смертоносных язв, от тлетворных ветров и от различных недугов спаслись, непременно для такой науки и у древних государи не пощадили бы ни частного, ни публичного великого иждивения. «Веперина болезнь, — говорит один великобританский философ *, — и одна в состоянии теперь погубить столько народов, сколько и самые три оные главные божеские наказания, то-есть глад, война и моровая язва». И ежели б сия болезнь исцеляема не была нынешнею медициною, целые государства оною уже бы давно истреблены были. Таковы нынешней медицины плоды! не упоминая других ее полезных действий, чрез которые люди почти от мертвых восстают. При сем коликую пользу государствам приносят химия и минералогия, от которых ныне крепость, защищение и спасение государств зависит и которые своим заступлением оное полезное равновесие в свете произвели, что ныне и пигмей уже огромному гиганту в сражении неуступчивый отпор дать в состоянии находится. От сих наук зависят все ружейные заводы, морская и сухопутная артиллерия, мануфактуры и медицина, и потому сии

* See David Hume's «Essay on the populousness of ancient nations». [См. *Давид Юм*, Опыт о народонаселении древних государств.]

науки у нынешних по достоинству требуют большего пред всеми прочими государственного иждивения, ободрения и награждения.

Итак, из вышедоказанного всяк видит, что причины, для которых нынешние державы в своих государствах науки и художества на казенном утвердили содержании, были совсем противные причинам, для которых древние своих училищ не имели на подобном же основании. То-есть сему причинами были у нынешних держав, во-первых, трудность наук и художеств, по причине неприродных и разных языков, на которых оные у нас и поныне преподаются; следующая сему причиною была нынешних наук и художеств великая обширность и совершенство, и, наконец, усмотренная из сих явная польза и необходимая надобность в отечестве тому была причиною, большею всех других.

Однако сии причины не все совокупно и не во всяком государстве европейском действовали и были побуждением к такому училищ заведению. В России единственно для ожидаемой пользы и для народного просвещения оные заводятся. В других, напротив сему, государствах совсем другое начало и намерение было таких учреждений. Почему и историю учрежденных университетов в других государствах должно от других обстоятельств и причин выводить.

Когда западным государством римским овладели разные немецкие варварские народы, римляне, будучи не вскоре совсем искоренены, по разным областям, которые при сих переменах произошли, оставлены были жить чрез несколько времени на своих установлениях и правах. Однако, наконец, постепенно остатки римлян соединены были во единый народ с варварским. При котором соединении сделалось правление *февдальное*, подобное почти во всем польскому, состоящему из вельмож и имеющему над собою государя. По вкоренении сих варварских народов в Западной Римской империи остальные римляне, отчасу больше в упадок приходя, наконец, совсем покорены были своими победителями. При сем последнем римского народа уничтожении остатки римлян были еще монахи и церковные люди, которые держались римских установлений и сохра-

няли между прочими науками римские права. Варварские народы между тем, приняв христианскую веру и будучи в безмерном суеверии и невежестве, по большей части управляемы были тогда духовными, которым прибыль советовала держаться римских прав, не для того что к сим они привыкли, но с намерения, чтоб со временем, при тогдашних беспорядках и замешательствах в разных государствах, сохранить себе маестности и приобрести великие стяжания. При сем надобно знать, что в тогдашние времена, когда вся Европа в невежестве, суеверии и варварстве погрязла, одни духовные сохраняли остатки некоторых древних наук. Они побуждены были к сему благому делу от своего звания и от обстоятельств, в которых они тогда находились. По особливому своему званию они принуждены были упражняться в богословии и диалектике и знать все оные церковные раздоры, которые тогда происходили на востоке и западе. По их священному чину они довольно в состоянии были удержать себе важность, достоинство и попечение, которое суеверные им всегда готовы отдавать даже до раболепства. Таким образом духовные, возвышаясь и усиливаясь нечувствительно, наконец сделались соперниками, во-первых, знатым фамилиям, а потом и самым державным особам. В тогдашние времена вельможи удерживали свое достоинство, будучи полководцами при армии и возвышаясь по военному чиноположению; напротив того, духовные, пользуясь благородных людей невежеством и суеверием, в большую отчасу приходили силу чрез свое учение и знание. На такой конец и с таким намерением духовные, дабы исполнить свои желания, особливые в разных европейских государствах учредили школы, в которых между прочими науками в юношество врождали такие замыслы, которые при встречающихся случаях могли бы их намерению соответствовать. Сии школы сначала при заведении своем учреждены были на иждивении духовных и на подавании светских. Но когда папа римский и весь его причет церковный, возшедши на трон своего владычества, такую власть и силу получил, что мог по своей благостыне и целые государства дарить, кому хотел, тогда и сии училища от него получили маестности, доходы и великие

привилегии. Такое есть начало университетов нынешних в Европе, которых учреждения совсем неизвестны были прежде ни грекам, ни римлянам. Они сначала были private школы на содержании монашеском и церковном, в которых сперва обыкновенно преподавались грамматика, риторика и диалектика; от сих трех наук и их училища назывались *scholae triviales*¹⁸. Знатнейшие из всех такого основания школы, во-первых, появились в Италии, в городе Боннии и в Салерне. В 13 еще веке сии училища такие уже великие от папы получили привилегии, которые и поныне они имеют*. Около 1130 года часть уложения Юстинианова, называемая *Pandectae*, сыскана была по случаю в городе Амалфе, в Италии**. Сию часть юриспруденции по той же причине, для которой они и школы свои учредили, монахи тотчас в свои училища приняли и с великою ревностью старались распространить учение гражданской и церковной юриспруденции по всей Европе, что они вскоре не умедлили и в самое действие произвести, так что по просшествии меньше нежели десяти лет юриспруденцию римскую архиепископ Кантербургский приказал преподавать и в Оксфорде***. Через введение сего учения *scholae triviales* открыли духовным и четвертый путь к снисканию власти, то-есть чрез сие учение они начали вступать в гражданские дела адвокатами, которые исходатайствовали себе некоторые выгоды церковные****, чрез которые они силились сделаться неподверженными ни в чем гражданской власти. Всякое приумножение наук

* Смотри *Vitriurii, Ius germanicum. Tit. ult.* [*Витриурий, О германском праве.*]

** Смотри *Historiam iuris Augustini de Balthasar, pag. 39.* [*Августин Бальтазар, История права.*]

*** Смотри *Blackstone's Analysis of the laws of England in his discourse on the study of the law.* [*Блэкстон, Исследование английских законов в его рассуждении об изучении юриспруденции.*]

**** Выгоды церковные, называемые в Англии *the benefit of the clergy*, были издревле привилегии, по которым духовные исключались от смертной казни. Сими выгодами сперва пользовался один причет церковный; но, наконец, оные по предстательству монашескому дозволялись и тем, которые читать и писать знали. Почему и теперь в Англии, когда кого осуждают на смерть, придают и сие: *without benefit of the clergy*, без выгоды церковной.

умножило духовных власть и доходы. Они, зная свой верный прибыток в том, учили и юриспруденцию по своему вкусу, доказывая, что она с небес ниспослана была и что оной училась и богоматерь¹⁹. И, наконец, соплетая свои ко всему доказательства, они силились привести всю вселенную в замешательство, заставляя государей поднимать оружие и пламень за свой софизм и за честь своего силлогизма, сделанного на *Ferio* или *Barbara*²⁰. Истинно удивления достойно, что Цицерон и Демосфен с неподражаемым красноречием не могли столько слушателей в свою сторону склонить, сколько гугнивый и косноязычный капуцин²¹ с безосновательным учением в своих школах успел.

Но когда злоупотребление толикой власти духовной за такой предел выходить начало, что многие державные особы лишились чрез них короны и наследства и знатные фамилии начали претерпевать от них повсеместно, — возобновление в Европе воспоследовало, при котором все монахи из школ и гражданского правления изгнаны были. При таких переменах европейские государи и высокие области приняла в милостивое свое покровительство сии училища, дозволяя оным на тех же основаниях и привилегиях продолжаться, на которых оные у духовных сооружены были. В доказательство сего мы видим, что в Великобритании* и других государствах все почти университеты были того ж существа и происшествия. А поелику духовных столь не обширные в науках училища сперва получили столь безмерные доходы, маестности и привилегии, государи по мере великих иждивений на столь малые училища заблагорассудили приумножить науки и учредить все факультеты: как то богословский, юридический, медицинский, и сверх сего, приказали в оных преподавать

* В разных университетах великобританских имеются и поныне рукописные буллы, в которых папы своим архиепископам и директорам предписывали, какие меры предпринимать к изысканию маестностей и доходов государственных на содержание училищ, в которых также и привилегии их содержатся. По Реформации король принял всю власть прежних архиепископов и директоров в сих училищах на себя и жалует профессоров в оные своим патентом, от чего университеты великобританские называются *king's colleges*, то-есть королевскими.

все полезные и надобные отечеству науки. Наконец и другие державы, видя явную пользу из таких учреждений, по примеру прежних начали заводить и вновь университеты, каковой мы имеем счастье видеть в сем царствующем граде ²².

Такое было нынешних европейских училищ начало, из которого мы то примечать должны, что иногда и вредные обществу человеческие намерения преобразуются во благое всему свету, равномерно как иногда и самые изрядные установления в государствах к желаемому концу и намерению не клонятся; почему от поставленных в таких училищах предводителей требуется великого проникания к предвидению и отвращению вкрадывающихся нечувствительно в юность предосудительных мнений. От учащихся здесь не меньшая великих дарований требуется и искренность к откровению истинного света. Их должность есть показывать ревностно, в чем святость прав, в чем целость и благосостояние отечества, в чем истинное и нековарное исповедание веры и в чем общее всех благополучие состоит. Сие теперь во всех училищах европейских поставляется за главное правило. И мы тогда только похвальными своей покровительнице наук покажемся, когда сие ж самое за главный рассуждения предмет в своей должности всегда поставлять будем...

РАССУЖДЕНИЕ
О ПРИЧИНАХ ИЗОБИЛИЯ
И МЕДЛИТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ ГОСУДАРСТВ
КАК У ДРЕВНИХ, ТАК И У НЫНЕШНИХ
НАРОДОВ...

ГОВОРЕННОЕ... ИЮНЯ 30 ДНЯ 1772 ГОДА

Изобилию и обогащению государств, с[лушатели], принадлежат *дешевизна и довольство*, кои между собою друг от друга ничем не различуют. Вода для того дешева, что мы ею изобильны, в местах безводных и часто в походах ее дорого покупают; драгоценные камни для того дороги, что их немного. Для показания самого ближайшего пути к достижению сих выгод требуется сперва знать, в чем состоит довольство. При вступлении к сему я должен показать естественные нужды рода человеческого, которые требуют исправления, и в чем общее мнение различествует; а по крайней мере моего мнения изъясню причины.

Натура производит для всякого животного все потребное и довольное к пропитанию, без прибежища к искусству, которое произведение первородное делает лучшим. Каждого животного, какое бы оно ни было, главнейшие потребности суть: пища, одежда и жилище. Большая часть из тварей животных снабдена всем потребным. Нежность примечаем в одном только человеке: нет предмета, который бы произведен был по его нраву; он находит, что всякая вещь, какая бы она ни была, требует еще доброты превосходнейшей. Хотя привычка диких народов и показывает, что человеческая пища приуготовления не требует,

однако человек, познав силу огня, нашел, что оную можно сделать приятнейшею и к варению в желудке способнейшею. Но не только его пища требует прибавления к доброте: сложение его также повреждается от воздуха неблагоприятного, которым он беспрестанно питается и который ему по причине времен различных¹ иногда бывает скучен и досаден. Тело человеческое по немощи своей не может сносить свирепости погоды. И в тех самых странах, где климат природной теплоты человеческого сложения горячее, женщины намазываются, дабы тем удобнее могли сносить жаров солнечных зной и мокроту дождевную. Вообще заключить: человеческие нужды не столь обширны, чтоб трудом человеческим удовлетворить им не было возможно. Каждый человек вышеобъявленные потребности сам собою достать может.

А послику нежность человеческого тела требует гораздо больших иждивений, нежели какое другое животное, та же самая, или лучше сказать, гораздо превосходнейшая нежность души, взыскивает еще вящих снабдений.

И потому-то все науки и художества ее собственный предмет составляют.

Здесь, с[лушатели], открывается пространнейшее и едва пределами объемлемое поле разных изобретений, произведенных сильным могуществом души человеческия. Ее качествами произведен ученый свет и все то, что ныне под именем слывет наук и художеств.

Сии плоды и произведения души человеческия, умножаясь постепенно, возросли до толикого величества, что наконец единому оных и разумом объять возможности не было. От сего последовало оное многочисленное разделение, какое примечаем в науках ныне и художествах. Польза сего разделения сколько важна для обогащения государств, о том и сомневаться не должно. Ибо по толикому разделению наук и художеств делается разделение и самых трудов человеческих; а разделением сих последних, как всякому небызвестно, всякая вещь приводится в совершенство и с большею удобностию. В противном случае, если б такого разделения не было в трудах человеческих, никакой бы ремесленник своим трудом не токмо не разбогател, но ниже бы и довольное пропитание

себе мог снискать. Так, например, если бы часовой мастер или фабрикант последней вещи, иглы, один собою все принадлежавшее до совершенства таких и подобных сему вещей сам отправлял, то он едва бы в состоянии был сделать в год одни часы, а в день одну иглу, когда, в противном случае, чрез разделение трудов на разные руки премножество таких вещей в один день совершается и достается дешевле обществу.

Таким образом, показав сии две настоящие государственного обогащения причины, то-есть разделение трудов и изобретение художеств, к другим приступаю.

Сколь выгодно, с[лушатели], учреждение банков для коммерции, которая также обогащает всякое государство несказанно, и сколь счастливое за собою ведет следствие, цветущее состояние Англии, Голландии и других премногих областей доказывает очевидно.

Многие писатели политические вооружались опровергать сие преполезное учреждение, поставляя, что *подрыв банков вреден и что государственное сокровище состоит во множестве сребра и злата*; однако Англия находит, что их подрыв не столь вреден, как обыкновенно воображали некоторые. Убыток, правда, понести могут, но немногие, ибо количество ходячей монеты в пропорции всего стяжания и богатства, кои народ в домах содержит, весьма маловажно, да и богатству целого государства от того важного ущерба не причиняется, потому что и самая часть сокровища государственного не состоит в злате и серебре; деньги к изобилию целого государства пропорции не имеют. Итак, ущерб того не столько страшен, как обыкновенно представляют писатели. Есть средство, и только одно, к отвращению худых следствий, происходящих от подрыва банков, и оное состоит в том, чтоб не позволять пользоваться банками одному², но ободрять умножение оных сколько возможно. Где банков много, там взаимная вселяется ревность, которая беспрестанно нечаемо и неожиданно переносит аглинские ассигнации³ и в тот банк и другой, почему банкосодержатели остерегаются и принуждены предусматривать, как бы по принесении ассигнаций немедленно и безотговорно наличною монетою в том соответствовать.

Что до другого возражения принадлежит, то-есть *что государственное богатство заключается во множестве золота и серебра*, заблуждение оное примечанием можно изъяснить следующим. Человеческое трудолюбие есть такое средство, которое и имущество и деньги усугубляет, хотя не всегда в одинакой пропорции. Старание человеческое всегда и неусыпно стремится и готово свой труд приложить к тому, что есть предметом желаний и прихотей человеческих; и дела столько умножены могут быть, сколько человеческая сила в состоянии к тому приложить труда. Хлеба и подобных сему припасов всегда в большом изобилии иметь можно, нежели достать золота, серебра, драгоценных камней и проч., ибо одно в ближайшем находится достижении для человеческого трудолюбия, нежели другое. Почти всякую часть земной поверхности можно привести к тому, чтоб производила хлеб, лен и проч., но золото лежит сокровенно в земных недрах, и к получению малого количества его требуется много времени, труда и изживений.

Для сих причин монета никогда не доходит до такого количества, до каких умножаются другие вещи. И следовательно, деньги становятся дороже или дешевле по рассмотрению, сколько какое государство трудолюбивее.

У народов невежественных деньги ужасно цену имеют высоку. Причиною тому есть то, что у них денег других не находится, кроме тех, кои могут достать грабежом; ибо знания нужного, как их ввезть в свое отечество, они не имеют. От сего-то и происходит, что у них столь и цена высока. Но когда какая земля приходит до некоторого степени знания в науках, цена монеты ниспадает. Тогда-то уже люди начинают проникать в земные недры, доставать руды и преобразовать из них некоторые в монету.

Со времен падения Римской империи до обретения Западной Индии⁴ монеты цена чрезмерно была высока и беспрестанно возвышалась, потом чувствительно ниспала.

Мнение о богатстве и государственном изобилии, состоящем в одних деньгах, поелику неосновательное,

подало причину в некоторых государствах, а особливо в Англии, ко многим о том прениям. Из многих о некоторых здесь предложу.

Не что другое, как предрассуждение сему причиною, что вывоз монеты вне государства там запрещен. Такое запрещение чрезмерно вредно той земле, ибо, в каком бы государстве ни находилась какая часть денег сверх обращения, почитать ту должно точно за мертвое сокровище, в земле сокровенное.

Сие-то запрещение главнейшею причиною убожества было и в Испании. Когда испанцы завладели рудокопными заводами мексиканскими, количество золота и серебра у них чрезмерно умножилось, ибо сии драгоценные металлы оставались у них без всякого употребления. Между тем иностранцы⁵ цену своих товаров возвысили и тем самым испанцев принудили покупать вдвое и втрое те вещи, в коих они недостаток претерпевали. И от сего они мало-помалу начали приходить в чувствительный упадок.

Бедность страны никогда не произойдет от торгов с иностранными, только бы оные управляемы были с осторожностью и благоразумием. Причины тому суть другие и те же самые, которые всякого приводят в убожество. Человек, ежели издерживает больше, нежели снискивает трудом, должен обнищать; равным образом и стране, когда она больше издерживает, нежели производит трудами внутри, а купечеством извне⁶, нищета следует неизбежно.

Причины, кои препятствовали обществам достигнуть до такого цветущего состояния, в каком находятся нынешние государства, были или натуральные препятствия, или различные обстоятельства политические.

В первоначальном гражданстве разделение трудов не могло быть известным. Чрез долгое время люди, упражняясь в работе разных дел, едва могли доставить себе пропитание. Прежде нежели труд разделен быть мог, потребно было иметь избыток вещей. Недостаточный ремесленник без сего средства не может и приступить к заведению фабрик и мануфактур, ибо прежде нежели

человек делается земледельцем, необходимость требует заготовиться ему по крайней мере на год съестными припасами, потому что он не прежде пожинает плоды своего труда, как по окончании лета. Вследствие сего во всяком непросвещенном обществе не может никто оставить обыкновенного ремесла, которым занят и которое подает ежедневное пропитание, доколе он не снабдит себя потребностями так, чтобы оставалось и впредь на содержание себя и для начатия нового ремесла. Притом всякому небезызвестно, сколь трудно и в совершеннейшем состоянии народов снискать себе умеренный достаток. И ежели сие с толиким затруднением соединено в возвышенном состоянии рода человеческого, то несравненно с большим трудом и самая дневная пища снискиваема была при начинающемся обществе народов, которые, не имея заготовленного впредь, едва только в состоянии были плодами своих трудов из году в год пропитание иметь.

По сей причине и неудивительно, что такие народы везде долго закосневали в скудном состоянии. В нынешние просвещеннейшие веки и последний земледелец несравненно большими пользуется выгодами, нежели народы, рассыпанные по степям, без утвержденных жилищ кочующие. Такой, будучи снабден и простыми орудиями, несравненно с большим успехом и с большею удобностью отправляет свои дела, нежели другой, не достигший до его состояния человек.

Другая тому поставляемая причина зависела от обстоятельств гражданских. Во всяком первоначальном гражданстве правительство примечается весьма слабым и не имеющим довольных властей к восстановлению благоучреждений в обществе, и потому оно не могло покровительствовать, ниже ободрять, а менее еще защищать оное от наглости и похищений соседних народов, ибо такие благоучреждения в правительстве производятся сильным могуществом и множеством веков совершаются.

В таких обстоятельствах между прочими многоличными художниками и земледельцами, не имея от правительства надлежащего защищения и ободрения, делаются нерадивыми и неспособными к произведению обильных

плодов своими трудами. От сего також обстоятельства часто рождается повсеместная в народе унылость духа и великое отвращение от трудолюбия: праздность на место ревностных подвигов больше в народе вселяется, от котрых рождается большее число тунеядцев, толь вредных обществу и не токмо не служащих подпорою государства, но более еще отягощающих оное и съедающих и последние плоды трудящихся немногих.

Но когда правительство и возымело довольную власть и силу к удержанию своего величества и к восстановлению благоучреждений внутренних, однако еще не в состоянии было защитить свои пределы от внешних нападений окрестных народов, которые в варварские веки своим завоеванием ужасные везде причиняли разорения. Нынешнее в европейских державах наблюдаемое равновесие, *balance de pouvoir*, тогдашним народам совсем не было известно; и потому победители, восстав наподобие ветренныя бури и овладев побежденными, земли их опустошали и самих их вконец разоряли. Доказательством сего суть арапы и другие премногие варварские народы, которые многочисленными ордами, не будучи другими державами от толика наглости и свирепства воспящаемы, другие земли вконец истребили. Кратко сказать: в тогдашние времена и при таких правления обстоятельствах едина война не меньше зла причиняла, как и оныя два главные наказания божие, то-есть глад и мор.

Нередко також бывает препятственным обогащению государств и народный вкус, происходящий от особливых обстоятельств. Как, например, у римлян художества и другие упражнения, необходимо нужные к благоденствию отечества, оставлены были единственно для того, что их стремление было больше к военному упражнению. Ибо в таких обстоятельствах, что большая часть народа за лестное и величественное признает, к тому и все свои желания обращают, оставя другие премногие, не меньше ж полезные для отечества упражнения, яко подлые и их внимания недостойные.

По сей причине у римского народа земледелие оставлено было в великом небрежении. Клавдий и Калигула

воинам своим отдавали земли за ничто, на тот конец, чтоб те оные обрабатывали. А как солдат, по своему воспитанию, к такому делу совсем не сроден, того ради чувствительных успехов в его земледелии не оказалось.

Сии суть причины, препятствующие скорому обогащению государств...

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
БРЯНЦЕВ

СЛОВО О СВЯЗИ ВЕЩЕЙ ВО ВСЕЛЕННОЙ... ГОВОРЕННОЕ... ИЮНЯ 30 ДНЯ 1790 ГОДА

Прежде нежели рассматривать будем всеобщую связь вещей во вселенной, за нужное почитаю предположить понятие об оной.

Через *вселенную* разумеем мы не планету какую-нибудь, не землю, нами населяемую, не солнечную систему, но все планеты, все солнца, кратко сказать, все ограниченные вещи, и не токмо самые существа, но также определенные сих содержания по времени и пространству; и потому вселенная, как определяют новейшие философы, есть чин всех вещей изменяющихся, как современных, так и одна за другою в бытии своем последующих и взаимное отношение имеющих*.

* Разбирая сочинения древних философов, многие о мире, или о вселенной, находим мнения, но мало определенных. *Пифагор*, начальник философов, по объявлению *Плутарха*, De placitis philosoph. [«О мнениях философов»], lib. II, cap. 1, Opp. tom II, pag. 886, мир называет περιόχην τῶν ὅλων, то-есть *объятие всего*. *Посидоний*, по свидетельству *Диогена Лаэртция*, lib. VII, cap. 1, мир назвал состоящим из неба и земли и вещей содержимых, или который состоит из богов, людей и вещей, для них сотворенных. Справедливее сих, как кажется, в бессмертных своих сочинениях определяет *Платон*, а именно в разговоре *Τίμαιος* [«Тимей»] ἡ περὶ φύσεως, vol. IX, pag. 301, d. edit. Виронт, называя мир τὸ γινόμενον μὲν, ὃν δὲ οὐδέποτε, чином вещей, одна за другою последующих, начало и причину своего бытия имеющих. Новейшие философы почти все согласно чрез мир разумеют чины всех вещей современных и одна

Если связью почитаем взаимное вещей отношение, по силе которого одна другой довольную в себе заключает причину, то в существах ограниченных ясно усматриваем сочетание, гармонию, или согласие. Вообразим ли мы себе многие изменяющихся вещей чины, в одно время существующие, то каждая из них в приличном себе и надлежащем чине, в определенном также порядке представится. И поелику вещь может и к другому чину относиться, к другому порядку принадлежать, в ином месте и в другое время случиться, то сия возможность неотменно имеет причину, для чего она в сем находится порядке, к сему принадлежит чину, на сем месте и в такое время существует. Причина же сия необходимо должна находиться или в самой вещи изменяющейся, или в других современных и предшествующих: если будет в самой вещи переменяющейся, то по ней самой можем судить, для чего в сем чине, порядке, в сие время и на таком месте находится, то-есть сама собою определяется так существовать, а не иначе; и посему другой чин и прочие помянутые обстоятельства для той вещи невозможны. Но, может быть, иные производят причину от воли всевышнего существа, все так устроившего и расположившего, чтобы каждая вещь бытие свое имела в пристойном ей чине, порядке, месте и в надлежащее время, то при сем случае смею спросить: верховное оное существо находило ли *предлежательную* причину (*rationem objectivam*) все так благоустроить, как примечаем, или нет? Если той причины не находило, то расположение его последовало и произошло от необходимости, почему все вещи были бы неизменны и перемене не подвержены, или никакой бы не было довольной причины устроения. Но как последнее опыту не соответствует, то утверждаю, что существо оное, все так учредившее, причину находило в вещах, между собою современных и одна за другою последующих, или в отношении взаимном. Следовательно, довольная

за другою последующих. Vid. *Leibnit.*, in Theod. [Лейбниц, Теодицея], р. I, § 1; *Wolffius*, in Institut. metaphys. germ. [Вольф, Принципы немецкой метафизики], § 544; *Bilfingerus*, in dilucid. philos. [Бильфингер, Философские комментарии], § 139.

причина, по которой всякая переменяющаяся вещь показанными определяется обстоятельствами, должна находиться в других вещах, современных или предшествовавших. Но где одна содержит причину другой, там находим союз, и потому изменяющиеся существа, как современные, так и последующие одно за другим, взаимно относятся и, следовательно, находятся в союзе.

Как ничто не может быть без довольной причины, то начала сего * необходимым есть следствием соединении всего во вселенной непрерывною цепью. Итак, нет ничего в оной уединенного, нет взаимного разлучения, ибо если бы уединенное существо находилось, то какую бы могли мы довольную представить причину, бытие оно утверждающую? Но как всевышнее существо в творении вещей не благоволило так одну от другой отделить, чтобы взаимного отношения не имели, то бытие и частные определения каждого существа всегда зависят от бытия и определений существ, им соответствующих или ближних. И понеже все предметы в рассуждении пространства так между собою сопряжены, что никакой пустоты быть не может, и потому всякая вещь действие свое оказывает в рассуждении ближних, а сия зависит от другой; настоящее определяется прошедшим, последующее предыдущим, настоящее содержит в себе причину будущего, везде есть согласие существ, в одно время находящихся, везде одно преемляется другим. Весьма малое насекомое¹ имеет отношение к другим существам, а сии действие свое устремляют к прочим, и таким образом деятельность сия, постепенно возрастая, к совершеннейшим тварям простирается; и посему все части системы мира так тесно соединены, что каждая вещь имеет отношение к целой системе.

В таком согласии находящиеся вещи, из которых одна другую определяет, одна от другой зависит, одна из другой познается и постигается, суть или действительные

* Начала довольной причины изобретатель *Лейбниц* принял оное без всякого доказательства. К изобретению же того подал случай *Архимед*, который на предложенный ему вопрос, для чего не бывает перевесу, когда на обеих весках чашках равная находится тяжесть, отвечал: «ибо перевесу нет довольной причины».

вещи и перемены в природе, или токмо мысли и воображения. Когда одна мысль возбуждает другую или одна вещь производится от другой, то из сего двоякую связь заключаем. Сие различие полагаем мы не потому, что умоначертанием своим, соединяя и связывая некоторые вещи, действительную им связь присвоаем; напротив того, между самими вещами действительная находится связь, хотя бы ум наш оной и не изображал. Погода, например, действительное имеет влияние в прозябения и человеческое тело без наших о том воображений. И потому связь есть или вещественная, или идеальная. *Вещественною* называем ту, которая в природе между самими вещами, вне нашего представления, точно находится; а *идеальная*, или *мысленная*, имеет токмо место в нашем умообразовании, когда некоторые понятия по законам *сопряжения* (*associatio*) соединяются, невзирая на то, что самые вещи в очевидном находятся союзе.

Вещественную же связь утверждая, допускаем не токмо союз существ, но также и взаимную перемен зависимость. Если каждая перемена влечет за собою следствия, также между причиною и действием есть сопряжение, то по учинившейся в отдаленнейших причинах перемене необходимо и в последнем действии чему-нибудь надлежит измениться; и если неоспоримо есть, что происшествия зависят от вещей, неподалеку находящихся или предшествующих, то уступить, кажется, надобно и то, что какая-нибудь перемена, в одной части мира приключившаяся, некоторым образом и в других частях оного показывается. Правда, сколько в натуре бывает следствий от перемен, которых связь нам неизвестна и сокровенна! Многие причины производят чин следствий, нами непроницаемый и подобный реке Тигру, не в далеком от начала своего расстоянии течение свое скрывающему, потом опять на поверхности земной оное продолжающему*.

* Тигр, река в Месопотамии, прешедши озеро Аретузу и подтекши под гору Тавр, во рве погружается и из другого бока тоя горы истекает. Потом, прешедши озеро Госпит, паки в подземные протоки скрывается и после, близ шести немецких миль претекши, паки произнищает² (*Варениуи в Географии генеральной, кн. 1, ел. 16, предлог 6, числ. 2, стр. 207*).

Может быть, деятельность каждого существа имеет определенное влияние, совсем нами неприметное; может быть, нет ни одного даже и маловажнейшего движения возможного, которое бы каких-нибудь следствий не производило; и то мнение философов кажется вероятным, по которому весьма тонкая и жидкая эластическая материя эфира, по всему пространству вселенной носясь, все тела пронизывает. Но как опыт утверждает, что перемена, где-нибудь учинившаяся, чем далее от своего начала находится, тем более ослабевает и уменьшается, так что едва и следы оной приметить можно, то не лучше ли из того заключить, что, наконец, никакого действия не будет? Возможности такого действия мы прямо не отрицаем; но где явной причины не видим, там, повидимому, лучше соглашаться на то, что с опытом сходно.

Многие из новых философов с *Лейбницом* и *Вольфом* * утверждают такую связь во вселенной, по которой все предметы и перемены так между собою сопряжены, что по одной вещи и перемене все прочие вещи и их изменения узнать можно; и если бы одно существо в свете или также перемена и действие уничтожились, то весь бы свет, разрушившись, в ничто преобразился. Из сего выводят еще заключение, что каждое движение, каждая перемена и каждое действие необходимо в свете следовать должны, ибо основанием имеют связь всеобщую. Доказательства их, как говорит г. *Вальх* **, повидимому, убедительной силы не имеют; умозаключения же их суть следующие: «Целое с своими частями есть одинаково; следовательно, все и каждая часть содержит в себе некоторое основание целого, и потому все части с третьим или целым сопряжены. А посему и все части между собою соединены, чего для по каждой, даже и весьма мелкой части и по каждому внутреннему или внешнему определению одной части все определения и перемены довольно уразуметь можно. Но понеже все вещи и перемены сего

* Vid. *Leibnitii* Principia philosophiae [*Лейбниц*, Основания философии], § 62. Opp., tom II, p. 27; *Wolfii* Metaphys. german. [*Вольф*, Принципы немецкой метафизики], § 567 et seqq.

** Vid. *J. G. Walchs* Philosophisches Lexikon [*И. Г. Вальх*, Философский словарь], II Teil, pag. 265 et seqq.

мира суть части целого мира, то из каждой ограниченной вещи можно понимать все прочие со всеми их переменами и определениями. Следовательно, каждая вещь есть начертание и образ всех прочих вещей и перемен. И потому каждую действительную вещь и определение сего мира за зеркало вселенной почитать должно». В сем доказательстве заключение первое неоспоримо есть: все части с целым сопряжены, поколику они целое составляют и существенные части суть целого; но когда, далее, утверждают, что по каждой сопряженной вещи познаются и прочие сопряженные вещи и перемены, следовательно, из каждой вещи сего мира постигаются и все прочие, с оною связь имеющие, то на сие отвечаем: 1) Из одного можем узнать другое, с ним сопряженное, ежели взаимную связь примечаем. Правда, все вещи соединены, поколику составляют целое, но из того не следует, чтобы мы, судя о какой-нибудь вещи, понимали и все прочие. 2) Все вещи и перемены во вселенной связаны по сосуществованию или современности * и по следованию одной за другою; и посему многие понимаем вещи, а не все. — Из всеобщей связи выводят они еще следствие: будто бы уничтожение и гибель одной вещи в свете влечет за собою потерю и разрушение целого света, доказывая тем, что если одно звено цепи разрывается, то и прочие той же судьбе подвержены. Такое умозрение может быть справедливым, когда две вещи так между собою связаны, что одна без другой существовать не может или одна на другой основывается, или действием своим сохраняет другую; и в таком случае можем утверждать, что при разрушении одной вещи разрушается и другая.

Для утверждения истины нашего предложения и следующий вид доказательства имеет также свою силу. Существа вещей можем понимать с принадлежащими к ним свойствами, образами и случайностями; но сих

* Здесь, может быть, иной спросит: если связь находится по современности, то какая будет существовать между животными американским и европейским? Между сими есть связь соподчиненных (*nexus coordinatorum*), которых причина находится в существе третьем, ибо оные животные одинаковыми движениями определяются, одинаково доказывают намерение творца, тем же пользуются воздухом и проч.

без подлежащих их не разумеем и потому связь оную называем связью подчиненных (*nexum subordinatum*), то-есть когда понятие одного находим в понятии другого. Человечества, например, ясно не уразумеем, если чувствования способности не знаем; а где находятся подчиненные и соподчиненные, там и подчинившее, следовательно, и неразрешимая связь, составляющая прошедшее, настоящее и будущее целым неразрушимым. Если бы она в мире не существовала, то престал бы сей быть зеркалом божией премудрости, и истины бы, которые мы снискиваем, от одной к другой, делая заключение, места своего не имели, а посему и все бы знания были тщетны.

Обратим теперь наше внимание к опытам, какие только видеть можем. Везде, куда ни обратимся, куда нашего взора ни устремим, немедленно представится цепь вещей. Везде явны следы необъемлемой нами и разнообразной связи. Части соединяются с частями, а сии с целым. Здесь действие и причина, там намерения и средства; здесь знак, там означаемое; в одном месте подобное с подобным, а в другом противное с противным сопрягается. Если в телесный мир приникнем и станем примечать связь, которую философы называют физической, то-есть когда одно явление (*phaenomenon*) изъясняется другим, яснейшим, или чувственное познается из чувственного ж, то ясно увидим зависимость и следствие вещей одной из другой. Стихии по законам природы взаимное имеют действие, как говорит г. *Боннет* *, из содержаний оных проистекающим; сии содержания сопрягают их с искапываемыми телами, растениями, животными и человеком. Сей последний наподобие древа ветви свои распространяет по всему земному шару. Земля также, различные семена в себе заключившая, по прошествии определенного времени из недра своего производит бесчисленные роды растений в многообразных видах, которые зреют и спеют посредством греющих, оживляющих и животворящих солнечных силы и плодотворного влияния погоды. При воззрении также на животных бессловесных и человеческое тело не усматриваем ля чудной системы и стройного

* См. «*Betrachtung über die Natur*» vom Herrn Karl Bonnet [*Бонне Шарл*, Размышление о природе], Band I, 7 Hauptstück, S. 36.

между материями чина? Все части и члены, жилы, мышцы и нервы для произведения различных и потребных действий между собою связаны и в теснейшем находятся союзе.

Такие же понятия о вселенной сообщает нам механизм, изъясняющий явления движением частей, положением, фигурою и проч., составляющими веществ определения, которые подробную явлений производят идею. Тщательный натуры испытатель, взирая на бесчисленные планеты и кометы, в отдаленнейшем от солнца нашего расстоянии кругодвижущиеся, неизреченное множество взаимно содействующих сил ясно понимает. Но в истине сей тем более уверится, когда уразумеет, что солнце наше и тысячи других подобных сему светил, называемых звездами, около центрального тела кругообращаются; сие силою, по всем частям творения творцем распростертою, или по причине собственной величины и тяжести на все те солнца, со свитами планет и комет тяготит; в то же самое время приводится и само в движение от сильнейшего еще центрального тела, будучи сего спутником. Последнее центральное тело равномерно от другого сильнейшего побуждается к деятельности, сего паки действие зависит от другого, и сии миллионы комет, планет, солнцев и взаимно подчиненные и между собою связанные центральные тела, наконец, двигаются от наисильнейшего центрального тела, или средоточия, всего творения. Итак, в нынешние времена удобнее понимаем, что мироздание в самой вещи есть неизмеримое тело *, механически устроенное, и составлено из неисчислимых частей различных величины и твердости, которые посредством всеобщего закона взаимно сопряжены и которых непостижимая деятельность, все оные тела одушевляющая, проницая переходит от одной системы до другой и распространяется чрез бесчисленные круги от одной громады до другой, от большей к меньшей, даже и до отдаленнейших пределов вселенныя. Все же тела планет, все солнца, все те центральные шары, в которых усматриваем следы и сени красоты создательной, населены бесконечным множеством бесконечно различных существ, которые, славу зижди-

* В издании 1790 г. ошибочно напечатано «дело». — *Ред.*

теля стройности своя неперестанно воспевая, премудрость его повсюду вещают.

Подобной сей связи не отрицаем никак в разумном и нравственном мире. Если в рассуждении главнейших человека части, души, уверяемся, что она довольную своего воображения причину имеет в другом, а иногда и в чувствовании; и если одно рассуждение основывается на другом, притом хотения и отвращения души наша зависят от предшествовавших представлений, то по определению связи, когда одно довольную свою причину имеет в другом, представления во всякой душе как между собою, так с хотениями и отвращениями суть сопряжены. Беспреданная же гармония души с телом, прямое согласие действий оных с переменою сего, участие и сообщение доказывают взаимную связь. О таком души и тела союзе философы утверждают три системы, или, лучше сказать, положения, ибо оные полного и точного доказательства не имеют. Древнее положение известно под именем *влияния физического* (*influxus physici*). Последователи Картезиусы, сего не принимая, утверждали положение *случайных причин* (*causarum occasionalium*), и, наконец, Лейбниц между телом и душою защищал *предопределенную гармонию* (*harmoniam praestabilitam*).

Приникнем теперь также в историю наша жизни. Все случаи, происшествия и различные состояния даже до совершенного нашего возраста между собою союзна. От младенчества зависит детство, сие преемлетя отрочеством, после сего наступает юношество и мужество. Каждая степень снисканных знаний и каждый шаг в совершенстве суть предуготовлением к следующему; каждое предшествующее состояние позволяет заключать о будущем. Прежде учиненные впечатления и сделанные примечания имеют влияние в последующее продолжение наук и во всю систему человеческого познания. Что человек теперь есть и что прежде был, от сего зависит будущее его состояние. Все, наконец, человеческие действия, все намерения и желания, во время возрастов бывающие, происходят или от вдохновения, нам неизвестного, или от побуждающего чувства, или от рассуждений, которые не что другое суть, как следствие движения в нашем мозге, потому что

все наши идеи происходят от чувств. Движение спс в мозгу произошло от другого движения, которое также сопряжено с другими предшествовавшими. Порядок же всех сих движений и побуждений составляет цепь разумной жизни.

Сверх того мы между собою толикими связаны образами, что мнение, каждого человека во взаимную связь вмещающее, повидимому, к самому опыту ближе подходит, нежели отрицающее, ибо, во-первых, кроме союза, в сродстве примечаемого, не последнее место занимает и сострастие (*sympathia*), участвующее чувствование, или свойство души, состояние движения и чувствования других превращать в состоянное чувствование, или собственную душу сообразовать оным. Но как сострастное сие чувствование основывается на любообщении (*sociabilitas*), в природе человеческой впечатленном, и потому один человек, следуя сему общепользному натуре вдохновению, находит свое спокойствие в счастии другого, сей в благосостоянии третьего и т. д. Противное же содержание одной души к другой, по которому участие или переходное чувствование из одного предмета в другой воспящается, есть токмо явление. Правда, есть такие, из которых один удовольствие получает от того, что другого оскорбляет. Но когда сострастие есть главным души свойством, то противострастие не определено натурою и по большей части зависит от случайных содержаний, особых обстоятельств, собранных понятий, которые естественное то побуждение ограничивают и притесняют. Другая связь хотя не так есть общая, однако довольно обширная, которая производится сообщением идей, чтением сочинений и преподаванием наставлений в разных знаниях и науках.

Опыт также нам показывает, что часто от малых, совсем неприметных обстоятельств и случаев с продолжением времени производятся весьма важные следствия и достопамятнейшие в свете перемены; великие происшествия бывают от малых причин *. *Г. Титель*³ в своей

* Vid. «*Essai sur les grands événements par les petites causes*», Amster. 1758. [См. «Опыт о великих событиях, происшедших от малых причин», Амстердам 1758. Автором этой книги является Андриен Рише.] «*Quanta e quantillis iam sunt facta!*» (Plautus). [«Нечто из мельчайшего уже есть кое-что!» (Плавт).]

Метафизике, приводя из *Слейдана**, говорит: «М. Лутер от агнчего руна великое в церкви произвел превращение. Пустой также спор, происшедший из века схоластиков: всеобщие или отвлеченные понятия принадлежат ли к реальным или к номинальным? возвел Гусса на костер. Тогда Иоганн Герсон, защищая сторону номиналистов, тем ревностнее противоборствовал Гуссу, как реалисту»**.

Если, наконец, судить о вселенной, как о целом нравственном в отношении к свойствам благодати и премудрости творца, то разум наш довольно уверяет в существовании союза вещей посредством конечных причин, то-есть что все вещи взаимными суть средствами и намерениями. Между творениями трех владычеств природы⁴ не замечаем ли мы нравственной взаимной подчиненности? Не усматриваем ли одной между переменами природы и благосостоянием жителей, земной наш шар населяющих? Происшествий, с нами приключаящихся, не видим ли конечных причин? Но, может быть, последователи Пирроновы*** здесь скажут, что существование кремня, в земле находящегося, есть бесполезно, и мы не видим, какие из того произойти должны действия? На сие

* Vid. «De statu religionis et rei pub.», lib. XIII, Argentor. [Argentoratum] 1561, pag. 223. [Примечания о состоянии Германии в религиозном и государственном отношениях в царствование императора Карла V, Страсбург 1561.]

** Номиналисты и реалисты были две философские секты, взаимно противоположенные. Причина сего несогласия основывается на следующем вопросе: всеобщие понятия вне разума человеческого точно ли существуют или нет? Первое утверждавшие назывались реалистами, а последнее — номиналистами. История свидетельствует, что взаимная сих вражда примечается была не токмо в сильных и горячих словопрениях, но также оканчивалась кровопролитием и убийством. См. *Walchs Philosophisches Lexikon*, II Teil, unter den Wörtern «Nominales», «Reales». [Философский словарь Вальха, II часть, под словами «номиналисты», «реалисты».]

*** Пиррон был основателем секты скептической, и сказывают, что вел жизнь весьма уединенную; он, почитая все неизвестным и сумнительным, никакими страданиями не тревожился и ничего не опасался: как думал, так и жил, ибо ни от чего не уклонялся, ни от колесниц, ни от псов, на все прямо шел; и таким образом вскоре бы лишился жизни, если бы последователями своими и друзьями не был предохраняем (vid. *Bruckeri Institutiones historiae philosophicae*, pag. 276). [См. *Брукер*, Основы истории философии.]

ответствуем: если стереть его мелко, то прейдет он в существо растения, а потом в существо животного или, может быть, попадетя в кабинет любителя, который из одного подлинное начало камней откроет, что самое может быть руководством к другим важнейшим открытиям, ибо, как говорит Боннет, первый отломок янтаря, в котором приметили электрическую силу, первым был кольцом опытной цепи, показавшей в последнем своем кольце причину грома. В рассуждении других сильнейших возражений, сцепниками предлагаемых, можем откровенно признаться, что горизонт связи во вселенной для нас, как ограниченных тварей, не обширен, и повсюду усматриваем *прозраки* (prospectus), пределами окруженные; однако взаимные вещей содержания и отношения так велики и пространны, что премудрого стройности творца и зрителя не признавать не можем.

Но произведение человеческого воображения утверждаемую нами связь вещей, повидимому, колеблет, и на пути, к сей истине ведущем, повергает камни преткновения. Когда всеобщая связь, возражают противоборствующие, существует в свете, то из сего следует допустить рок, или судьбу. Но если чрез сию понимать определенную происшествий необходимость, посредством которых все неотменно последовать должно, даже и самая свобода разумных тварей, не будучи в состоянии что-нибудь переменить или исправить, уступить оной принуждена, то такое о судьбе понятие для нравственности, добродетели и закона весьма есть предосудительно*. Если же под именем судьбы такое понимаем сопряжение обстоя-

* Виды такой судьбы суть следующие: 1) *судьба слепая* (fatum coesum, atheisticum) есть противоборное истине мнение, которое утверждает, что мир сей произошел по необходимости, без предшествовавшей или управляющей разумной причины; 2) *судьба магометанская* (fatum turcicum), когда все в жизни человеческой внешними причинами так определяется, что никакими советами, никаким благоразумием или предосторожностью того избежать или отворотить не можно, и такую судьбу лучше назвать с Цицероном (De fato, cap. 12, 13) «ignava ratio». [О судьбе, гл. 12, 13, «Рассуждение, парализующее волю»]; 3) *судьба астрологическая* (fatum astrologicum seu chaldaeorum), которою внешняя причина жизни, счастья и прав человека поставляется в небесных светилах.

тельств, которые хотя необходимо случаются, однако по действию причин некоторая же оных часть управляется благоразумием людей, а все вообще зависит от верховной благоустроющей причины, то сие понятие с истинною согласию и обыкновенно называется разумною, или философскою, судьбою (*fatum rationale seu philosophicum*). К сему также виду можно причислить весьма многие определения стоиков. Впрочем, производение слова *рок* не означает нужды и необходимости, как некоторые превратно истолковали, но премудрые и свободные божие определения, ибо, как говорит *Миниций Феликс*⁵, что иное есть рок, как токмо то, что о каждом из нас бог изрек; и посему неотвратимая и неизбежная судьба первого знаменования над нами действия своего не имеет.

Другие, желая избежать Сциллы, руководимы незнанием точного судьбы знаменования, по неосторожности своей в противолежащую слепого случая (*casus rufus*) Харибду низверглись; они, примечая тяготу и несовместность судьбы с происшествиями, решились связь вещей слепым случаем прервать. Но кратко сказать, они утверждают то, чего сами не понимают; случаю приписывают происшествия, которых причины существуют в сокровенности; возможно ли есть уклонение атомов без причины, рождение людей, как говорит *Лукреций*, наподобие грибов? И следовательно, случай слепой есть порождение невежества.

Мы видим, настоят еще противоборники, в свете чудеса и дела, от известного нам течения природы уклоняющиеся, все также человеческие силы превышающие. Но мы, внимая чудесным божиим действиям, разрушения порядка вещей не усматриваем. Нарушали бы те связь вселенной, если бы порядок судеб следовал, божеские намерения уничтожающий. Но хотя чудеса посредством бесчисленных следствий чин вещей, повидимому, и пременяют, однако с тем намерением производятся, дабы следствия преступлений разрушить, а заблуждающих тем паче побудить к повиновению; и посему цепи вещей не прерывают, но пременяют на лучшее, исправляют и увеличивают, будучи соединены с миром вроде

конечныя причины, ибо для премудрых божеских намерений производятся.

Итак, краткое сие разума и опытов свидетельство ясно доказывает, что во вселенной одно зависит от другого, одно служит средством к другому как к концу; все вещи, следуя естества уставам, суть в союзе, содержании, сочетании и точной связи. Нет в оной ничего такого, которое бы не было непосредственным действием чего-нибудь предшествующего или бы которое не определяло существования вещей последующих. Если бы также и мыслящие существа все без изъятия добровольно стремились к концу, творцем предписанному, то коль бы сие для оных было важно и величественно! Но человек, не будучи махиною и игрою посторонних сил, но свободно действующее существо, злоупотребляя преимущественную пред прочими животными способность свободы, нередко с подобными себе вместо вождя союза производит раздор, несогласие и в ров погибели оных низводит...

СЛОВО О ВСЕОБЩИХ И ГЛАВНЫХ ЗАКОНАХ ПРИРОДЫ...

ИЮНЯ 30 ДНЯ 1799 ГОДА ГОВОРЕННОЕ...

Всех, великих и вечных во вселенной законов, всемогущим повелителем природы установленных, ясно и совершенно представить, изъяснить и определить ограниченный разум не в состоянии, а некоторые из них замечать и открывать покушается. И хотя оные законы, может быть, совершенно и не доказаны, однако посредством разумных наблюдений и начал могут быть признаны вероятными и для дальнейших размышлений подають обильную материю. Под именем всеобщих законов природы разумеем мы не логические и онтологические аксиомы, как то: всякое существо есть одно, истинное, доброе; под именем тем не разумеем также начала противоречия и начала виновности. Но под именем всеобщих законов понимаем те, которые по всем природы владычествам, по всем классам и порядкам существ наблюдаются и везде суть одинаковы; кратко сказать: которыми природа везде управляется и которым вещественные и невестественные существа повинуются. Сии самые уставы философы доказывают или из множества опытов и из созерцания сея вселенныя, или из понятий о высочайшей премудрости зиждителя и творца всяческих, или, наконец, производят истину сию из способности человеческого представления. К сим законам, в космологии замечасмым, принадлежит главнейший из всех.

1. *Закон непрерывности*, которого наблюдение в природе učinил славный Лейбниц и назвал его законом непрерывности по причине сходства геометрии с физикою. Каким образом в геометрии всех линий и фигур ведения рождаются движением непрерывным и как в правильных линиях все так между собою соединяется, что одной причину можно вывести из другой, таким образом и в физических всах все перемены и все превращения из одного состояния в другое совершаются непрерывным порядком.

В природе нет нигде прерывности (*Natura non facit saltum*) [природа не делает скачков], нет никакого упущения, нет никакого внезапного прехождения от одной крайности к другой, нет ничего уединенного или отверженного. Одно зависит от другого, промежутки несовместны, и пустота неместима. Везде примечаем непрерывный союз, посредством которого одно зависит от другого. Все между собою ограничено непосредственно; везде ход постепенный. Каждое изменение, каждое в природе явление предуготовляется и в зрелость приводится последственно. Вот понятие сего закона! Если обратим взор наш на рождения в природе, на произвождения великих и малых перемен в свете и на собственное нашего тела образование, то ясно усмотрим всегдашнее продолжение и неприметно постепенное образование. Как неприметно природа образует свои произведения! Из малейшего ростка возникают стебли и класы, из земли и семени—высокое дерево. И кто может самыми тонкими чувствами понять природу по ее следам? Мы сами, как мы сделались тем, что теперь? Наше возрастание, нашего тела образование не приводила ли она в сие состояние постепенным путем? — Самый рассудок человеческий, так сказать, от времени до времени возвышается, и состояние последствующее совершенно понимать можно из предыдущего, так как и предыдущее из последующего. — Сей также закон доказывается из свойства всякой системы, в которой как недостаток дополняется, так избыток исключается. И как устав сей наблюдается в вещах физических, то не подвержено сомнению, что оный имеет свою силу и во нравственности.

Однако противоборцы сделают нам возражение, что в природе бывает переходение от одной крайности в другую. Сколько видим примеров как в политическом, так физическом и нравственном мире? Великие политики переходят от безначалия к тирании почитают за дело весьма естественное. Как первое, так и другое суть крайности. Иной человек по сложению своего тела от крайней неповоротливости скоро переходит к сильному движению. Флегматик приходит иногда в сильный гнев и запальчивость. Не часто ли случается с человеком, что он из одной страсти повергается в противоположенную: сперва весьма весел, потом весьма печален. Не доводило ли иных суеверие до неверия? Не превращалось ли благочестие в нечестие? Все сии явления ничего не доказывают против закона непрерывности. Что кажется нам внезапным переходением, то при точнейшем внимании и исследовании есть дело естественное, есть переходение, посредством непрерывной связи естественных причин предуготовленное. Во время смятения и безначалия возбуждается способный дух для отважных предприятий; любоначальный и деятельный человек, пользуясь сим случаем для утеснения, вооружается, и, наконец, неблагоустроенная толпа принуждена подвергнуться воле тирана. Что касается до невспыльчивого гнева и человека тихого характера, то вспыльчивость производится или от таящегося в нем гнева и мало-помалу усиливающегося, или от посторонних обстоятельств, оную питающих, поддерживающих, укрепляющих и, наконец, воспламеняющих. Человек, восхищенный радостью неумеренною и весьма живою, часто подает повод к упрекам, а посему и подвергается следующим из оных беспокойствиям, виновникам печали; всякая неумеренность, даже и во время наслаждения, бывает естественною причиною противоположенных чувствований. Суеверие не что другое есть, как узы разума. Иногда, может быть, дух оживляется и ободряется. Сие приятное в человеке чувство, усиливаясь, расторгает тяготящие оковы. — Человек, во всем том недоверчивый, что для необузданности его кажется предосудительным и опасным, не верит и самой истине, попирает лучшее с худшим, и как он прежде чему-нибудь

верил, чему верить не надлежало, то не согласится также верить и тому, что здравый рассудок предписывает. — От прямого пути удаляющийся предпринимает сие в рассуждении сердца так, как суеверный в рассуждении разума. Правда, он чувствует, может быть, свою потерю, хочет вознаградить, но не знает как. Он, не будучи озарен правильными понятиями, делается, наконец, игралищем своего воображения. Чем больше желает он от себя болезни излечиться, тем неблагоприятнее он в избрании лекарств и, будучи отчаян, следует советам всякого врача. — Вот естественная непрерываемая связь и ход вещей!

II. *Закон бережливости, кратчайшего пути или наималейших средств* (*lex parsimoniae, minimitatis*). Природа ничего не расточает, ни весьма истощает и ничего вотще не употребляет и ничего полезного не опускает, кратко сказать, малым великое производит. В ней нет недостатка и нет избытка. Что касается до ее действий, то она действует всегда со всевозможно малейшим употреблением силы и кратчайшим путем. Везде примечаем действия, соразмерные достижению цели. А посему сама природа есть великая для нас наставница, примером своим показывающая вверенных нам благ и сил в надлежащем порядке содержание для благоразумного употребления, а не расточения.

Но, может быть, кто сделает следующее возражение: в природе некоторые намерения не достигают своей цели; то не совершается, что должно совершиться: сколько тысяч цветов, которые никакого не приносят плода, и сколь бесчисленное множество семян не развивается и пропадает; сколько зачавшихся в утробе младенцев лишается жизни? Десять цветков нужно для одного плода, сто семян для произведения одного растения; итак, самая природа в рассуждении сих случаев не напрасно ли свои силы употребляет и расточает? — Как неправильно заключает маловидящий человек! Ибо некоторые цветы должны были произвести плод, и потому все ли должны претвориться в плоды? Но можно сказать и обратно: многие должны были остаться только цветами, дабы несколько было плодов. Уменьшение существ по силе

всеобщих законов было необходимо, и попечительная природа, не терпя излишности и не имея недостатка, все по расчетам своим в надлежащее приводит равновесие, ей известное. Она премудро печется, чтоб благотворная ее цель, для сохранения ее существ, не была уничтожаема. Может быть, также иной скажет: если природа все полезное строит, то для каких выгод случаются бури, сильные ненастья, грады, знои и пр.? Но сии самые перемены не по необходимым ли законам рождаются и действуют? Не споспешествуют ли высочайшим и всеобщим намерениям природы для достижения своей цели? Ограниченный человеческий разум всегда занимается какою-нибудь мелочью, не видя важнейшего, находит только неустройство вне себя; он, не вникая в большую и всеобщую связь, не усматривает целого сцепления бесчисленных и особых целей. — Противники также возражают, как выше сказано: «Сей цвет должен сделаться плодом, сие зачатие во утробе должноствовало быть совершенным человеком; но как следствий того часто не видим, то по их мечтанию и самая природа своей цели не достигает и свои силы расточает». — Так мыслит человек, пред очами своими имеющий какой-нибудь особый предмет или одну какую-нибудь цель. Но пусть противники, представляющие нам, что сей увядший цвет не принес плода, зачавшийся во утробе младенец не учинился совершенным человеком, докажут нам не только сие, для чего сей цвет не оплодотворился, для чего зачатый младенец не возник на свет, но еще и то, чтобы из одного цвета большому множеству плодов следовать надлежало. Кто может определить, как далеко каждое существо в продолжении своего бытия проходить долженствует? Кто может предписать дальнейший ход, нежели какой был приличен? Кто измерит всех существ цель?

Между сими главными природы законами также считается III-й *Закон всеобщего сохранения*, который можно производить из закона предположенного и, как некоторым философам угодно, из закона непрерывности. Если рассудим мы о началах, на которых сей закон основание свое имеет, то для утверждения сего во всей вселенной наблюдаем мы опыты, показывающие нам везде только

разрешения, а при разрешении везде опять новые соединения, но нигде не замечаем недостатка сил природы *в целом*. Если же вникнуть во внутренность уничтожения, то мы не имеем довольной причины все в свете уничтожать. Известные философы Картезий, Билфингер и Мендельзон основание доказательства в рассуждении сего закона заимствуют из свойства божией неизменности.

В природе ничего не пропадает, ни одна пылинка не уничтожается. Все ее действующие силы целы. Всякое существо продолжает свое бытие. В новых образах токмо и бесчисленных смещениях и видах прежние существа паки возникают. Всякое по нашему понятию ветхое, стареющееся и к падению клонящееся и истлевающее переходит в другой вид, лучший и совершеннейший. С одной стороны сколько вещество, повидимому, уничтожается, столько с другой стороны оно преобразуется и обновляется. И посему Картезий утверждает, что одинакое всегда во вселенной количество сил существует¹. Даже и остатки человеческого тела, самый прах, в который оно некогда превратится и разрешится, беспрестанно действующей природе подают случай к возрождению оных. Разрушение и восстановление суть вечный природы круг. Все рождения в природе основываются на разрушении. Смерть не другое что есть, как вид возрождения, восстановление новой стройности — переход к новой и совершеннейшей жизни, и исход в новое, обновленное тело. Но сущности вещей, первоначальные силы, из которых все сложения начало свое берут, никогда разрушиться не могут. Преобразование и превращение есть дело природы.

Во всей вселенной везде замечаемо определенное количество действующих сил. На сей же равности сил утверждается закон *вознаграждения* (*lex compensationis*). Мы все после проливного и продолжительного дождя ожидаем ясности неба. Тишину погоды преемлют ветры, неурожай награждается плодоносием, избыток отмщевается недостатком. Океан иногда поглощает часть земли, а вместо сего из глубины морской возникают острова. Здесь иссякают источники, там новые отверзаются. Природа наблюдает свои расходы и приходы, имеет свои рас-

четы. Посему ее произведения действий должны быть произведениям и содержанию ее сил равны. Что, повидимому (ибо мы причин соединений и намерений постигнуть не можем), в одной части мира и в одно и то же время представляется излишним, то в другом месте усматривается недостаточным. Она там много производит, где, как нам кажется, уменьшает и где мы видим недостатки, там она преизобилует. Силы ее никогда не умаляются, но и никогда выше своей сферы не восходят. Что касается до обращений ее, то они суть различны; но произведения ее всегда между собою равны. Присем и то может быть доказательством, что когда в одном месте восходит утренняя заря, то в другом появляется вечерняя. День и ночь, тьма и свет всегда в одно время существуют, но токмо в различных странах мира; кратко сказать, никогда солнце в одно время не озаряло всех народов одинаковым сиянием; никогда не было всеобщего дня на земле. Се законы природы всеобщие и главные! есть также и другие, испытателями природы замечаемые, как то *закон разнообразности в единстве и единства в разнообразности*, *закон соразмерности* и проч.; но мое намерение было представить только главные, которые всемогущий зиждитель и промыслитель предначертал, дабы вся природа благоговейно его почитала и следовала премудрым и для нее спасительным уставам...

АФАНАСИЙ АВВАКУМОВИЧ
КАВЕРЗНЕВ

О ПЕРЕРОЖДЕНИИ ЖИВОТНЫХ ¹

Если мы видим растения или, что чаще,
Переродившихся в силу пороков земли ^{животных,}
Или, напротив, заметно исправленных луч-
шим уходом, ^{или ветра,}
Не полагай, что причина лежит в семенах ^{или ветра,}
изменении. ^{шим уходом,}

Antilucetius ², кн. 7, стих 842 и след.

Существуют основания верить, что все виды животных, какими мы их видим в настоящее время, таковыми же вышли уже из рук создателя. Чтобы вполне удостовериться в этой истине, необходимо лишь выяснить, приносят ли животные, размножаясь, только себе подобных детей, или же их дети, в отношении телесного сложения, естественного поведения, образа жизни, пользы, которую они доставляют нам, людям, и взаимно друг другу и т. д., время от времени более или менее утрачивают сходство со [своим] видом. Если имеется налицо первое, то это доказывает, что животные точно те же, какими они были при их сотворении. Но ведь именно это и обнаруживается, как показывает ежедневный опыт. Затем, с тех пор как стали изучать природу, начиная с Аристотеля и до наших дней, никто не наблюдал появления каких бы то ни было новых пород, несмотря на величайшие перемены. Под словом порода ³ я разумею не что иное, как неизменную последовательность сходных существ, которые размножаются путем взаимного соединения.

Единичное существо — это особое, существующее само по себе и от всех прочих отличное существо, хотя оно и может более или менее сходствовать с себе подобными существами. Все сходные единичные существа, по мнению некоторых натуроиспытателей, должны вообще

рассматриваться как одна порода. Однако эта порода осуществляется не в числе сходных существ, взятых в совокупности, но в неизменном следовании их друг за другом и их непрерывающемся размножении. Нас не должно поэтому никакого, даже самое большое сходство животных побуждать к тому, чтобы приписывать им общее происхождение. Ибо если бы они происходили от одного и того же ствола, то должны были бы вновь спариваться между собой и могли бы рождать детей, [сходных] с ними по виду.

Глубоко ошибочно принимать животных, которые обладают большим сходством друг с другом, нежели различием, за единую породу, а животных, которые имеют больше различия, нежели сходства, — за многие породы, прежде чем не будут исследованы их природа и их способность к дальнейшему размножению. Ибо осел и лошадь более сходятся друг с другом, чем пудель и борзая собака, и все же пудель и борзая составляют один общий вид, так как они приносят при спаривании животных, которые сами опять-таки могут приносить других; напротив того, лошадь и осел безусловно принадлежат к различным породам, так как они производят друг с другом только переродившихся и бесплодных животных⁴.

Но если принять [в качестве] главного признака пород не способность к размножению, но сходство частей, из которых состоит тело животных, то под конец, тщательно изучив и приметив части [тела] всех животных и сравнив их друг с другом, надо будет само собой признать, что все животные происходят от одного ствола. Ибо, не говоря об органах пищеварения, кругообороте соков, органах размножения и движения, которые необходимо должны иметь все животные, у животных само собой наблюдается удивительное сходство, которое по большей части сочетается с несходством внешней формы и по необходимости должно пробуждать в нас представление, что все было сделано по одному первоначальному плану. С этой точки зрения можно бы, пожалуй, считать, что не только кошка, лев, тигр, но и человек, обезьяна и все другие животные составляют одну единую семью. И если бы кошка действительно была переродившимся львом или тигром, то могущество природы не имело бы никаких границ, и можно

Von
der Uebartung
der Thiere

abgefaßt

von

Affanasen Kawersniew
aus Rußland.

— Si plantarum aut animantium, saepius ut fit,
Degeneres aliquas vitio telluris et aerae,
Sive emendatas cultu meliore videmus,
Tu ne propterea mutari semina credas.

Antilucetius, libr. 7. vers. 842. et seqq.

Leipzig,

gedruckt bey Wilhelm Gottlob Sommer.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ НЕМЕЦКОГО ИЗДАНИЯ
ДИССЕРТАЦИИ А. А. КАВЕРЗНЕВА
«О ПЕРЕРОЖДЕНИИ ЖИВОТНЫХ»

было бы твердо установить, что она от одного существа с течением времени произвела организованные существа всевозможных видов⁵.

Это я хотел затронуть мимоходом, дальнейшее передаю на размышление благосклонного читателя. Теперь я перейду к самому предмету и буду говорить о перерождении животных.

Известно, что наша земля имеет столько климатов, сколько областей, столько погод, сколько местностей. Каждая область имеет свои особые продукты и по большей части особые свойства почвы. Все части земного шара имеют своих животных, которые всегда находятся в связи со свойствами земной поверхности, производящей пищевые средства. И именно по этой причине каждое животное избрало соответствующую его природе местность; после же того, как некоторые из них — вследствие коренных переворотов на земном шаре или по принуждению человека — были вынуждены покинуть свою первоначальную родину, их природа претерпела такие значительные и глубокие изменения, что их по первому взгляду и узнать более невозможно.

Существуют три причины изменчивости животных: две естественные, а именно — температура, зависящая от климата, и характер пищи, а третья возникает непосредственно от гнета порабощения⁶. Действия, которые производит каждая из этих трех причин, заслуживают особого рассмотрения.

Так как человеческий род знаком нам лучше всего, то мы хотим сперва посмотреть, насколько велики его различия, или, лучше сказать, перерождения. Как только человек изменяет свой воздух [то-есть свое местопребывание] и переселяется из одного климата в другой, в его природе наступают изменения. Первое и замечательнейшее различие заключается в [изменении] окраски, второе — в [изменении] формы и размеров [тела], и третье — в [изменении] естественных свойств. Первоначальный цвет [кожи] человеческого рода — белый*, однако под

* Шребер — в первой части [сочинения] о млекопитающих животных, стр. 7. Эрланген, 1775. [В 1775 г., когда Каверзнев писал свою диссертацию, в свет вышел только первый том труда Шребера.]

влиянием различных областей, в которых люди обитают, под [влиянием] тепла, холода, продолжительности времени они настолько изменились, что почти можно было бы поверить, будто негр, лапландец и белый принадлежат к различным породам, если бы мы не были уверены, с одной стороны, в том, что вначале был создан один единственный человек, а с другой стороны, в том, что белый, лапландец и черный, так мало похожие друг на друга, могут спариваться и сообща размножать большую и единую человеческую семью⁷. Цвет кожи, волос, глаз изменчив благодаря влиянию климата, однако это влияние не простирается на внутреннюю [организацию]; я имею в виду величину тела, черты лица, образ жизни и [душевные] свойства. Наиболее общей и по большей части непосредственной причиной этого последнего изменения является пища. Через пищу человек воспринимает влияние той местности, в которой он живет. Влияние воздуха и климата производит лишь внешние изменения. Грубая, нездоровая или плохо приготовленная пища может быть причиной того, что люди перерождаются. Если бы кто-либо пропутешествовал с этой точки зрения по земной поверхности, то он нашел бы в Лапландии, по северным берегам Татарии и в других частях земного шара людей малого роста и странного вида, лица которых так же различны, как их нравы. Иногда в одной и той же стране встречаются заметные различия между теми, кои обитают в высоких частях страны, и теми, кои населяют низменности. Я хочу пояснить это примером, приводимым великим *Бюффоном*, который говорит: «У нас самих крестьяне менее красивы, чем жители городов, и я часто замечал, что в тех деревнях, где нужда не так велика, как в других, соседних, люди сформированы лучше и лица [их] не так некрасивы. Воздух и земля имеют большое влияние на сложение людей, животных и растений. Рассматривая в одной и той же местности людей, обитающих на высотах, например, на горных склонах или на плоскогорьях, и сравнивая их с теми, которые живут в прилегающих долинах, обнаруживают, что первые живы, проворны, хорошо сложены, сообразительны, а женщины, как правило, миловидны; напротив того, замечается, что на равнинах,

где почва грубая, воздух тяжелый и вода не такая чистая, поселяне грубы, неловки, плохо сложены, тупы, а поселянки почти все некрасивы»*. В соответствии с этим местоположение и пища, воздух и климат производят столь замечательное влияние на телесное сложение человека и его душевные свойства, что в этих изменениях нельзя сомневаться. Однако это воздействие не происходит внезапно: потребно время, пока человек через [воздействии] климата приобретает [нечто] сходное [с окружающим], и еще больше времени, прежде чем почва сообщит ему свои свойства.

У животных эти воздействия оказывают влияние быстрее и в больших размерах, потому что они в гораздо большей степени, чем человек, зависят от почвы, так как пища животных однообразнее и совсем не обрабатывается, вследствие чего влияние ее сильнее, а так как, сверх того, животные, не будучи в состоянии использовать для согревания себя ни одежды, ни жилья, ни огня, подвержены непрерывному прямому воздействию воздуха и всех невзгод климата.

Возьмем для примера некоторых животных. У собаки мы обнаруживаем самые многочисленные различия; в своих изменениях она, как кажется, очень точно следует за климатическими различиями. В наиболее жарких странах она голая, в Испании и Сирии — курчавая; в некоторых странах она наряжена в шелковистый мех; в других покрыта толстыми, жесткими и длинными волосами. Благодаря смешению различных рас⁸ возникли значительные различия в размерах, фигуре, телосложении, длине морды и постановке ушей, в цвете, расположении и густоте волос и т. д. Подчиненность собаки человеку необычайно сильно способствует изменению собаки. Часто в одной и той же стране одна собака совершенно отличается от другой, а в отдаленных странах собачий род выглядит, так сказать, не похожим на самого себя. Однако даже те собаки, которые по всем статьям наиболее отличны

* «Всеобщая естественная история» в немецком переводе господина профессора Кестнера, первая часть второго тома, стр. 310. Гамбург и Лейпциг, 1756, 4°.

друг от друга, приносят тем не менее при спаривании потомство, которое оказывается плодовитым; таким образом, очевидно, что все собаки, как ни отличны они друг от друга, составляют всего лишь одно единое племя.

Волка и лисицу можно, без всякого сомнения, отнести к собачьему племени, ибо их детородные части, их внутреннее и внешнее строение настолько сходны, что невозможно понять, почему эти животные не спариваются друг с другом и не приносят потомства; впрочем, древние оставили нам указание, что в некоторых странах собака приносила потомство [при спаривании] с волком и лисицей. Так, мы читаем, «что в Киренейских полях⁹ волки спариваются с собаками, и лакедемонские собаки произошли от лисицы и собаки»*. Господин *Бюффон* хотел подтвердить это собственными опытами, но они не удались ему**. Это произошло, вероятно, по той причине, что он спаривал с собакой диких животных, у которых уже самая неволя оказалась достаточной, чтобы погасить [всякую] охоту. Но мне кажется, что собака, если она одичает или если сделать волка и лисицу домашними животными, действительно могла бы спариваться с ними обоими.

Овца также представляет собою животное, изменение которого весьма хорошо известно. Кто бы мог подумать, что большой дикий *муфлон**** является предком всех наших овец?**** Разве не отличаются последние значительно от первого в отношении телесного сложения, волос, проворства и т. д.? Но, несмотря на то, что наши овцы так далеко отстоят от природы муфлона, он спаривается с ними и производит плодовитое потомство*****. Если даже

* *Аристотель*, Hist. animal., [История животных], кн. VIII, гл. 28¹⁰.

** См. упомянутый перевод «Всеобщей естественной истории», т. III, ч. 1, стр. 116 и след.

*** *Сарра Аммон*. *Линней*, Syst. nat., изд. 12, стр. 97. *Плиний* называет это животное Musmon. Hist. nat., кн. VIII, гл. XLIX¹¹.

**** *Бюффон* в упомянутом переводе «Hist. nat.», т. VI, ч. 1, стр. 209.

***** *Бюффон*, там же, стр. 213, *Плиний*, Hist. nat., кн. VIII, гл. XLIX: Est in Hispania, sed maxime Corsica, non maxime absmile pecori genus Musmonum, caprino villo, quam pecoris velleri proprius; quorum e genere et ovibus natos prisca umbros vocarunt. [В

самых домашних овец из различных областей сравнить друг с другом (о диких и говорить не приходится), то найдутся между ними такие, которые не имеют никакого сходства между собой. Даже в одной и той же стране встречаются овцы, различные по своему сложению, шерсти и величине, что известно каждому, несколько знакомому с естественной историей и [сельским] хозяйством.

Коз также в известной мере можно было бы отнести к овечьему племени, потому что они, повидимому, ничем не отличаются от первых, кроме волос и рогов. Но разве шерсть является существенным различием между овцами и козами? Овца жарких стран, овца холодных областей и дикая овца вовсе не имеют руна, а только волосы; напротив того, козы в странах с очень мягким климатом чаще имеют руно, чем волосы, ибо волос ангорской козы * красивее и тоньше, чем руно наших овец. Признак [наличия] рогов кажется еще менее достоверным, ибо они имеются не только у баранов, но и овечьи самки во многих местностях снабжены рогами. Вообще рога у всех [пород] скота не могут считаться существенным различительным признаком; это отметил уже *Геродот* в 29-й главе своей четвертой книги. Он говорит: «В жарких местностях рога растут быстро, и наоборот — в очень холодных странах скот либо вовсе не имеет рогов, или они растут очень медленно и бывают невелики»**. Далее, можно ясно заметить и то обстоятельство, что хотя овцы и козы принадлежат к одному и тому же племени, так как при скрещивании они могут давать плодовитое потомство, но все же первые переродились сильнее, чем вторые.

Если сравнить между собою быков, то между ними обнаруживается самое большое различие, так что в иных случаях между ними нельзя усмотреть никакого действительного сходства. У одних имеются рога, другие без-

Испании, преимущественно на Корсике, встречается род мусмонов, не особенно отличных от овец, с козьей шерстью, похожей на руно овец; в древности потомство этих животных, скрещенных с овцами, называли умбрийским.]

* *Capra hircus*. *Линней*, *Syst. nat.*, изд. 12, стр. 94.

** *Геродот*, кн. IV, гл. 29, стр. 293, изд. Wesseling 12.

роги, как, например, в Исландии; одни имеют ровную спину, другие несут на плечах большой горб, как в некоторых северных областях, а также в Азии, Африке и Америке. Только европейские [быки] лишены горбов. У многих имеются длинные волосы, которые так мягки, как тонкое руно; другие имеют длинные или короткие и притом мягкие или жесткие волосы. Все это зависит от влияния климата. Пища, как кажется, имеет на быков наибольшее влияние: на тучных, постоянно растущих пастбищах они достигают огромных размеров, напротив, на скудных пастбищах они становятся более тощими и малорослыми. Между ними есть такие, которые по своему росту относятся друг к другу, почти как кошка к лошади. Именно [это] различие в величине, отклонения в сложении тела, их прирученное или дикое состояние дали людям основание присвоить быкам различные наименования. Их называют буйволами, бубалами, зебу, зубрами, бизонами, турами и т. д., и хотя все эти животные в отношении своих размеров, своей природы и телосложения кажутся далеко отстоящими друг от друга, однако они бесспорно принадлежат к одной и той же породе.

Подобные и, быть может, еще большие различия, или, скорее, перерождения, можно было бы установить у лошадей, кошек, свиней и всех других животных, если бы меня не удерживала от этого заранее установленная краткость данного сочинения.

Если, наконец, сравнить две указанные естественные причины изменений у животных, оказывается, что влияние пищи всегда сильнее и производит большее действие на тех животных, которые кормятся травами и различными плодами, чем на тех, которые питаются только мясом, которое сами добывают, или той пищей, которую они получают из рук человека. Ибо мясо и обработанная пища по своему составу таковы, что они уже сходны с природой животных, которые употребляют их в качестве своей пищи. Напротив того, растения и их плоды содержат в себе все свойства почвы, поскольку они остаются сырыми и необработанными. По этой причине они непосредственно наделяют кормящееся ими животное свойствами почвы.

Если причислить к этим естественным причинам изменений еще одомашненное состояние животных, попавших под власть человека, то можно заметить, что такие животные оказываются очень сильно измененными не только в отношении своих душевных свойств, телесного сложения и т. д., но, что наиболее замечательно, они приобретают таким путем и различную окраску. Так как, однако, дикie животные не находятся непосредственно под властью человека, то они совершенно не подвержены и столь значительным изменениям в отношении своей окраски.

ПЕТР АНДРЕЕВИЧ
СЛОВЦОВ

[ИЗ ПРОПОВЕДИ,

ПРОИЗНЕСЕННОЙ 21 АПРЕЛЯ 1793 ГОДА]

ет, сколько ни говорят, что счастье народов бывает соразмерно правилу поступков, но, перечитывая судьбы их, иногда торжественные, иногда печальные, надобно согласиться, что есть некоторое самовластное *своенравие*, движущее империями; ибо тогда, как одна воздымается из праха, другая, недавно гордившаяся высотой, уже исчезает на своих развалинах, и может быть, есть известная мера в сих преемственных переворотах. Но нам довольно утверждать, что возвышение и упадок народов бывает не по их заслугам... Что это значит, что иногда страна целый ряд веков лежит в грубости и унижении? Или отрицайте бытие, или допустите владычество некоего *упрямства*, обращающего¹ великими телами государств.

...Свет, который иногда бывает своенравен, постоянно, однакож, имеет привычку называть тех великими, кои, счастьем рождения или проворством достигнув мест, удерживают себя в дальнем от него расстоянии; но свет ошибается. Ибо люди с прямыми достоинствами, не укрывая своей жизни от свидетельства людей, мало мыслят удаляться от присмотра света, ожидая выгодного отзыва тем надежнее, чем дела их будут оставлены пересудкам. Прямая и блистательная заслуга бывает безопасна: приближаясь к общему всех обозрению, она

не терпит ущерба в своем благе, но только увеличивает, вместо того как те, коим удалось о себе пустить предубеждения ложные, под предлогом величия предаются гордому уединению, страшась, чтобы не раскрыли их. Это суть светящиеся вдали явления, коих приятный и играющий вид исчезает по мере к оным приближения. Таким образом почтение, кое похищают от нас хитростию, даст ли право на стяжание имени *Великий*? Разве неосновательное наше уважение значит более, нежели пустое эхо? Разве суеверное наше обоготворение истукана довольно, чтоб соделать его божеством? Но они носят на себе преимущества и отличия?.. Эх! мне кажется, что сии звезды и кресты суть искусственные *насечки*, доказывающие только то, что мы имеем художества. Но народы повторяют с благоговением имена их? Пожалеем здесь, что не разделяют между именами «великим» и великим человеком. Кому же убо поднесем оное титло? Человек, занимающийся замыслами, не столько высокими, сколько обширными, менее благодетельнее, нежели патриотическими: вот образ великого человека!

Уважая все вещи по единой пользе, надобно согласиться, что в произведениях разума есть некая черта, далее которой поступления были б более трудны, нежели дерзки, но менее дерзки, нежели суетны. Надлежит определять цену разума степенем услуг, хотя и определяют степень услуг ценою разума. Пускай в ландкарте человеческих познаний философ укажет неизвестные земли; сие действие, конечно, редкое, по что оно значит в сравнении с тем, когда или поддерживают упдающий народ, или извлекают его из невольничества? Уступим ему, что он имеет великий ум, но еще не будет великий человек. Тот, водимый просвещением, расширяет область истины, но сей, *вдохновенный страстию*, гораздо благороднейшею, вырывает скиптр из рук насилия. Тот не заслуживает более внимания и удивления, как, напротив, имя сего будут благословлять из рода в род с благородным *энтузиазмом*.

...Надобно, чтоб рассудок великого был равен странству страны, посреди которой он мыслит себя ознаменован, чтоб жизнь его, так сказать, была заменой жизни

целого народа. Раскрывая сие правило, мы прибавляем новую для сего обязанность, дабы обратить внимание к безопасности и к жизни людей, особенно *рассуждаемых*²: обязанность столько же тягостная для человека, сколько не отрицаемая для гражданина, ибо если еще неизвестна наука соглашать выгоды общие с выгодами частными, если начала человеколюбия рассекаются началами патриотизма и, чтоб все сказать, если таинство общества еще не открыто, то для чего бы *вольность немногих не могла быть корыстию для вольности всех*? Тогда как благословляют жребий, кровь одного, курящаяся на небо, есть жертва благодарная всевышнему. Тот, кто сохраняет бытие человека, есть не более, как человек; но тот, кто сохраняет бытие отечества, есть патриот; откуда явствует, что великие человеки, сии друзья народов, суть благотворительные тучи, коих удары иногда наносят местные опустошения для обширнейших видов.

Между тем народ, коего вся доля кажется молчание, почти обыкновенно ропщет против сих бескорыстных попечителей, так что неблагодарный его ропот, наконец, *должно почитать верным признаком редких достоинств*. Как бы то ни было, но нет ничего проще, как оная несправедливость, ибо если умы великих суть святилища отдаленных видов, пред коими философия черни должна благоговеть, то необъятные их чертежи, коих первые линии обыкновенно бывают неясственны, не прежде могут быть понятны, как по самом совершении...

[ИЗ ПРОПОВЕДИ,
ПРОИЗНЕСЕННОЙ 10 НОЯБРЯ 1793 ГОДА]

Тишина народная есть иногда молчание принужденное, продолжающееся дотоле, пока неудовольствия, постепенно раздражая общественное терпение, не прервут оно. Если не все граждане поставлены в одних и тех же законах; если в руках одной части захвачены преимущества, отличия и удовольствия, тогда как прочим оставлены труды, тяжесть законов, или одни несчастья, то там спокойствие, которое считают залогом общего счастья, есть глубокий вздох, данный народу тяжким ударом. Правда, что спокойствие следует из повиновения; но от повиновения до согласия столько же расстояния, сколько от невольника до гражданина. Еще прибавим, что целый народ искони не был ни в чем единодушен, разве в суеверии и заблуждениях политических. Итак, когда тишина служит чаще знаком притеснения, что значат таковые монархии? Это — великие гробницы, замыкающие в себе несчастные стелющиеся трупы, и троны их — это пышные надгробия, тяжело гнетущие оные гробницы. Народы злополучны!

...Греть победы в чужих странах, или стеснять власть народов дабы славы их, и расширять славу свою дабы власти своей всегда почитается путем к счастью народному. Но все! Хотя сия замена усладительна любостыжеству народа торжествующего, но она столько же далека,

чтоб предзнаменовать возвышение сему, сколь близко сопряжена с падением другого. Могущество монархии есть коварное орудие, истощающее оную, и можно утверждать, что самая величественная для нее эпоха всегда бывает роковою годиною... Рим, гордый Рим, воспитанный кровию целых народов, готовился уже раздавить почти вселенную, но что ж? Оплачем надменную его политику: он ниспал под собственною тягостию в то время, как наиболее дышал силою и страхом. Есть меры, далее коих не дерзает преступить счастье народов. И к чему толика слава, когда с умножением оных, возрастали на него злоба и мщение? К чему трофеи, когда омочены они слезами народов? К чему короны, сорванные с неприкосновенных глав? К чему они? Но что, вопрошаем, причины, где честолюбие коварствует? Здесь долженствовала бы излиться вся желчь против ненавистного орудия, но подвиги почтенных героев ожидают благодарного голоса.

Не заключайте, чтобы церковь роптала противу сих покровителей отечества. Нет! Она окровавленным их теням приносит жертвы курения и чтит воинский меч, как спасения орудие. Зная, что воин есть вкупе гражданин, она заповедует токмо сие, чтоб герой, усыпленный под гордыми лаврами, не презрел должности; чтоб при его величии и украшениях не вменил в обиду прославлять веру христианскую: обыкновенное у нас величие, чтоб, возвысясь по одной линии к славе, по другой — упасть обратно.

Колькратно твердили, что вера решит судьбу целых государств! Колькратно обещали свыше благословение на тех, коих бы душа была душа евангельская!.. Может быть, это одна несчастная истина, которой важность наиболее проповедана и которой слухом наименее тронуты...

ПОСЛАНИЕ к М. М. СПЕРАНСКОМУ

С ижу в стенах, где нет полдневного луча,
Где тает вечная и тусклая свеча.
Я болен, весь опух и силы ослабели;
Сказал бы более, но слезы одолели.
Я часто жалуясь, почто простой народ
Забыл естественный и дикий жизни род?

Почто он вымыслил гражданские законы
И утвердил почто правительство и троны?
Для счастья, говорят, для счастья только тех,
Которы рвут с нас дань для балов и потех.
Так меркнет гражданин, как слабый свет в тумане,
Потом теряется, как капля в океане.
Но, муза дерзкая, престань о сем блуждать ¹,
Закройтесь раны днесь — довольно уж стонать.
Уже плачевну жизнь мою смерть облегчает,
Уже мой труп душа стеньща оставляет,
Сокрой его земля от плачущих друзей!
Увы! Они не погребут моих костей,
Не узрят, пепел мой лежать где будет,
Забудет дружество, и свет меня забудет!..
Прозябнут былия ² над кучкою моей.
Вот весь мой памятник! Вот весь мой мавзолей!
Пускай над трупами вельможей ставят башни,
Но из гробниц уже не будут бедным страшны!
Мой друг! Как хартия придет к тебе сия,

Скажи родителям моим, что умер я,
Что я отеческих по смерть держался правил,
Что добродетель, честь всего превыше ставил;
Напомни, что я здесь безвинно был гоним,
Проси прощения несчастиям моим...

МАТЕРИЯ *

Пока в странах неживотворенных
Недвижима чернелась пустота;
Пока в сих сумерках несотворенных
Не прояснялась вечна густота;
Пока в пространствах солнца не

дышали

И громы в атмосферах не стонали,
Дотоле и пункт не существовал,
И тонкий атом в бездне не летал.

Но лишь подвинулись времен колеса
И чуть тронулась ось годин и лет,
Чуть потряслась творения завеса,
Вдруг хлынула материя в весь свет. —
Повсюду стелет — всюду брызжет сферы;
И обливает их в воздушны атмосферы.
Все полно — нет малейшей пустоты,
От центра до последней высоты.

Каким умы, в стихиях просвещенны,
Откроют мне рожденье естества?
Какие хляби, древле сокровенны,
Отверзли океан сей вещества?

* Сочинитель сей пьесы хотел только испытать, можно ли физические истины предлагать в стихах.

В какой до появления вселенной
Таился он пучине отдаленной?
Каким натура перешла путем
Между ничтожеством и бытием?

Хотя непостижимым сим резонем
Колеблюсь я принять идеализм,
Однак дерзаю защищать с Стратоном
Систему вещества против софизм.
Материя, все массы образуя,
И бесконечну цепь существ связуя,
Объемлет все до заднего кольца:
От грубой глыбы даже * до творца.

Она, в различны виды наряжаясь,
Живет и в насекомых и в слоне;
И, в разноцветны краски изменяясь,
Сияет в ясной льдине и в огне,
В дожде играет алыми дугами,
А в норде огненными облаками ¹.
Движенье есть повсемственный закон,
На коем вещество воздвигло трон.

Движенье, сердце жизненных явлений,
Дает приметить бьющий пульс существ,
От шифера ² до каменнорастений,
От сих до прозябаемых веществ ³,
От прозябаемых до мухоловки,
От мухоловки до сороконожки **,
От рака и камчатского калан ***,
Велик ли шаг до индских обезьян?

* Я говорю о творениях вещественных, а не духовных; посему и прошу мне не попрекать вменением материализма. Кажется, на одной стороне можно начинать близ самого творца цепь вещественную, равно как на другой должно полагать цепь духовную. — *С [ловцов]*.

** Насекомое бескрылое. — *С [ловцов]*.

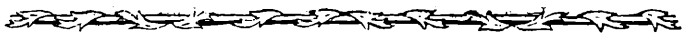
*** Бобр по-камчатски называется калан. — *С [ловцов]*.

Вся разность жизни — в разности движенья,
А впрочем все равно растут, как гриб;
Агаты, литофиты ⁴, прозябенья,
Полип, оранг-утанг и караиб,
Равно живут и переходят в росты,
Имеют пищу, силу, плод, наросты,
И, может статья, чувственный орган;
Кто испытал, не дышит ли тюльпан?

Животворя мир весь от колчедана,
Материя всему свой пульс дает
И, действуя от Солнца до Урана,
В себе катает миллион комет,
Которых эллипсы и круговины
Длиннее, нежели тысящны години —
Комет, которым Ламберт дал чертеж.
Так где ж назначить веществу рубеж?

Когда сих Солнцев, взяв до миллиона
И приложив им вслед шары к шарам,
Когда и Сирия и Ориона,
Пхнув по параболическим дугам,
Велю ходить вокруг центра им другого;
Когда и центры центров двину снова
Вкруг центра, деспота эфирных тел, —
И тут не весь материи предел.

Но, ах! — грядет година без пощады,
Година лютая натуре всей —
В которую сии громад громады
Падут в ничтожество с своих осей.
Творец! над центром центров почивай
И вышней дланию мира вращай,
Продли держать вселенныя весы,
Да придут поздней роковы часы.

ЯКОВ ПАВЛОВИЧ
КОЗЕЛЬСКИЙ

**ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ,
СОЧИНЕННЫЕ НАДВОРНЫМ СОВЕТНИКОМ
И ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СЕНАТА СЕКРЕТАРЕМ
ЯКОВОМ КОЗЕЛЬСКИМ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ 1768 ГОДА**

*ЕГО СИЯТЕЛСТВУ
КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ ВЯЗЕМСКОМУ...*

ри вступлении моем из воинской службы в статскую имел я для приобретения в ней некоторой способности необходимую нужду упражняться в чтении философических книг, служащих к сему намерению.

В тех книгах нашел я многие приятные и полезные истины, неприступные для скучливых читателей, так что познание каждой из них стоит читателю великого труда в бесполезном разборе других, их вовсе ненадобных для него предложений, и для того я... хотя и не учился ни от кого философии, по примеру прежних моих сочинений выбрал из тех книг полезные для человеческого рода истины, и к тем присовокупил и мои, изведенные надежными опытами.

Известно, что ваше сиятельство, как сами прилагаете неусыпное старание и ревность к верной службе ее императорскому величеству августейшей нашей монархине, так и подчиненных ваших, следующих примеру вашему в отправлении их должностей, одобряете труды и достоинства, то таким образом я, несомненно будучи уверен о благосклонности вашего сиятельства к трудящимся в должностях своих и учении людям, предприял посвятить сей мой труд высокопочтенному вашему имени.

Добродетели вашего сиятельства и многие отменные качества обнадеживают меня, что сей мой труд, хотя не в рассуждении успеха в нем, однако по крайней мере в рассуждении намерения сочинителя, стремящегося в пользу общества, милостивого вашего принятия удостоится, а я с верным моим к вам высокопочтанием пребуду,

*Милостивый государь, вашего сиятельства
всепокорнейший слуга
ЯКОВ КОЗЕЛЬСКИЙ*

Благосклонный читатель!

Ежели рассудить о намерении, с которым мы обучаемся наукам, то философия между ими заслуживает особое уважение, не столько для содержания в ней оснований ко всем другим наукам, сколько для правил к исканию благополучия.

Благополучие есть не что иное, как постоянное удовольствие и такой предмет, к которому все люди без изъятия самопроизвольно стремятся, а несмотря на то весьма редкие из них им пользуются; и для того я здесь по приличеству показать должен к достижению его пристойные средства, ежели они сего имени достойными покажутся; а в противном случае ободряет меня то, что праводушные и благоразумные люди намерение всегда почитают за самое действие.

Хотя господин Руссо доказывает, что человеческий род в прошествии многих веков отступил вовсе от натурального своего состояния, полезнейшего для него, паук собственности имения и чрез то познал правость и неправость, добро и худо, выдумал много излишних нужд и чрез то научился взаимной зависимости и подверг себя многим несчастиям; но теперь уже то натуральное его благополучие невозвратно, и в нынешнем состоянии вселенные все опыты утверждают, что к достижению благополучия нет ближе и приличнее средств, как прямая добро-

ФИЛОСОФИЧЕСКІЯ ПРЕДЛОЖЕНІЯ,

СОЧИНЕННЫЯ

*Надпорнымъ Сопѣтникомъ и Прасителемъ
стишующаго Сената Секретаремъ Якобомъ
Козельскимъ.*

Въ Санктпетербургѣ 1768 года.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТЪ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ КНИГИ
Я. П. КОЗЕЛЬСКОГО «ФИЛОСОФИЧЕСКІЕ ПРЕДЛОЖЕНІЯ»

детель и прямой разум; но как обоих сих качеств точное познание зависит от учения, то для того здесь от него и начать должно.

Господин Руссо думает*, что полезнее б было для человеческого рода, чтоб не знать ему наук и жить бы натурально, с которым мнением и я согласен в рассуждении того, что по истории видно, что до коих пор народы были простее, то до тех пор были они добродетельнее и потому благополучнее, и думаю, что неблагополучие человеческого рода произошло от вскушения запрещенного плода, то-есть от явственного познания, что есть добро и что худо; но следовать сему мнению тогда было хорошо, когда еще весь род человеческий был в натуральной простоте, а в нынешнем состоянии ученого света, ежели б какой народ вздумал не учиться, то другие ученые народы в краткое время и с великим аппетитом его скушают; и тогда-то уж он от сих просвещенных волков бессомненно убежден будет о вредности своей простоты в нынешние мудреные и развращенные времена. Америка служит сему ясным доказательством: как залетели туда ученые европейские коршуны и показали над тамошними цыпленками мастерство, проворство и удалство свое, то с того времени потеряла она натуральное свое благополучие, а остается ей только искать от искусства рождающегося благополучия, и то уж не наипаче, как посредством самого же искусства, которым бы можно было им отвадить от себя лакомых гостей.

Итак, когда род человеческий в непрерывном течении неизмеримого времени от разных (как думать можно) не испытанных человеческим умом перемен позабыл свое натуральное спокойное состояние, а вместо того навывк общественному житию, то уж в таком случае по рассуждению подобных во многих людях нравов, подобных склонностей, подобных желаний и подобных житейских нужд необходимость заставила его искать удовольствия тех нужд, то-есть своего искусного благополучия чрез искусство и науку, коим чаятельно он в первобытной

* «Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes». [«Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства среди людей».]

своей блаженной и незлобной простоте пользовался без всякого труда и томной науки; и в таком нынешнем состоянии ученого света и невозможности, чтоб быть человеку натурально благополучным, надобно иметь для того прибежище к искусству и науке.

Но и при упражнении в науках надобно иметь некоторую осторожность. В учении бывает то же, что и в гражданских должностях: чем больше приставленные к тем должностям упражняются в мелочных делах, тем меньше успевают в важных; а лучше бы в том, казалось, следовать натуральному порядку. Чаятельно сперва выдуманно было столько знаний, сколько было нужд человеческих, а потом уж в продолжение времени начали выдумывать и такие знания, из которых в иных догадываться можно о могущей последовать разве чрез множество веков какой маловажной надобности, а в иных и совсем нет никакой нужды, а разве только одно удовольствие любопытства человеческого; но рассуждая необъятное множество находящихся вещей на свете, не было еще никого, кто бы мог их узнать все и отличить полезные от неполезных, то и по любопытству лучше упражняться в большем числе наук с знанием одного в них нужного и полезного, нежели простирается в одной науке так далеко, чтоб знать и ненужное. Как господа Готшед и Бавмейстер с знанием философии совокушили знание словесных наук, то оба они яснее других написали философию, также сколько сделали пользы ученому свету Белидор и Бугер, но не углублением в математике, а употреблением ее правил в практике. Ежели приглядеться хорошо, то найдется, что науки похожи на деньги: как бы ни богаты были в каком обществе два или три человека деньгами, не выпускаемая их в народ, то всегда такое общество несравненно убоже будет того, в котором сначала хотя и гораздо меньше было денег, нежели у первого, да они разделены были между гражданами; правда, сказать можно, что лучше знать одну науку основательно, нежели многие поверхно; это такая правда, против которой я ничего говорить не смею, а берусь только за истолкование одной речи, чтоб знать науку основательно, то-есть в ее существе, то это хорошо; чтоб же и после получения

основательного знания углубляться в ней так далеко, чтоб знать и ненужное к основательному знанию, то я не знаю, на какой конец человеку предпринимать такое дело. Я, рассуждая по наукам, в которых мне упражняться доводилось, нахожу, что большая часть из них доведены до такой степени, что уж в рассуждении натуральной и существенной их величины и пропорции, в рассуждении нужд человеческих и в рассуждении сил человеческого разума немного что важного изобретать можно; а хотя что и есть, то изобретается по большей части от коммерции разных наук¹, а от одной науки изобретаются по большей части одни маловажные дела, которые причиняют читателям скуку и отвращают их от упражнения и в полезных знаниях. Сему моему мнению многие люди говорят противно, хотя некоторые из них делают согласно.

Я начитал в сочинениях господина Бернуллия, который был, впрочем, человек по своему пространному уму и глубокому знанию достоин великого уважения и почтения, такое предложение, которое представляет его читателям неосторожным в страсти к математике. Он пишет*, что говаривал-де несколько раз с искусными математиками об одной весьма важной следующей задаче: какого свойства будет та кривая линия, когда привязать к двум гвоздям, вбитым в стену, веревку, но не удалось-де еще тогда ни другим математикам, ни ему решить ее; а потом он (пишет обрадовательным штилем), наконец, решил ее; чтение сего к жадности клонящего предложения разбудило мое внимание так, что я нетерпеливо желал дочитать до того, к чему будет служить употребление его в практике, но наконец увидел, что все дело кончилось одним решением о свойстве той линии, а не показанием пользы от нее в практике. Вот до чего довела страсть к математике такого великого человека в ученой республике, коему по его великому разуму следовало упражняться в полезнейшем каком деле.

Теперь я после изъяснения надобности пользы и осторожности в учении должен предложить о содержании

* *I. Bernoulli*, Opera omnia. [*И. Бернулли*, Полное собрание сочинений.]

и порядке находящейся в сей книге науки, а потом описать и пользу самой сей науки.

Что принадлежит до содержания сей книги, то в ней преподаются правила философии, которую разделил я на теоретическую и практическую, или нравоучительную; теоретическую — на логику и метафизику, а нравоучительную — на юриспруденцию и политику, а нижние разделения увидит читатель при чтении самой материи.

Физики я не включил в философию потому, что она сама собою очень пространна, как то видеть можно из одной малой ее части, изданной мною в свет под именем «Механических предложений».

Как мы о соответствии между душою и телом основательного и неоспоримого познания ни из опытов, ни от умствования вывести не можем, то для того я не вступаю в рассуждение о сем и дивлюсь тому, что другие авторы, и не разумея, писали о сей материи.

Философы рассуждают о свойствах и делах божиих, а мне думается, что это они предпринимают излишнее и не сходное с силами их разума дело. Священное писание проповедует нам в божестве непостижимую умом нашим премудрость, беспредельное всемогущество, вечность бытия, неприкосновенность, необъятность и правую волю, то-есть склонность к благодетанию и правосудию и отвращение от всех неправостей, чего для нас и довольно, а более покушаться на непонятное умом нашим, кажется, некстати.

Практическую философию вместо разделения ее на человеческие дела, натуральный закон, натуральное право, этику и политику разделил я по благопристойности, как кажется мне, на юриспруденцию, как содержащую в себе все права и праведные законы и дела, и на политику.

Хотя такое мое расположение философии, как несходное с расположениями других писателей, смело, однако я со всем тем без всякого колебания предаю его на верное исследование и правый суд всего ученого света. Пускай он строго разыскивает могущие быть в сем сочинении погрешности и пускай их докажет. От такого опровержения моих погрешностей духу моему, довольному равенством, а не жаждущему преимуществу, не будет стыдно,

а паче полезно и радостно пользоваться явственною и ощущаемою истинною, нежели зевать на взнесенные в облака пустяки; только ж притом усердно прошу, чтоб при рассмотрении сего сочинения не позабыть исследовать и то, какая причина побудила меня к сему предпринятию: зависть ли к оклеветанию достоинства и славы других писателей, коих прямым знанием много я пользовался и чрез погрешности их лучше испытал прямую истину, и в рассуждении того труда и усердие их много почитаю, или ревность моя к познанию прямой добродетели и к испытанию прямой истины и человеколюбие к показанию их другим людям.

Когда я принялся за чтение философии, то увидел там во многих местах полезные для человека истины, огражденные почти непроходимыми лабиринтами мелочных и ненужных вещей, которые всяк сам собою разуметь может, и для того я, выбрав из них полезные для умаления труда и скуки читателю, предлагаю вкратце.

Из всех философов нашел я только четырех человек, а именно: господ Руссо, Монтескию, Гелвеция и некоторого анонима, коего книга под титулом (*Philosophie morale reduite à ses principes*) [Принципы нравственной философии], которые писали основательно о материях нравоучительной философии. Сии великие мужи первые вывели на приятное позорище всего света покрытую завесою темноты прекрасную и неоцененную истину и чрез то слабосилие мое к предпринятию сего труда немало подкрепили, а особливо первый из них, бессмертный муж, как высокопарный орел, превзошел всех бывших до него философов; он взирает на весь свет прямо философским оком и проповедует ему правоту и истину с прямою философскою вольностию. А материю теоретической философии заимствовал я от господ Готшеда, Бавмейстера и других некоторых; кратко сказать, я рассуждения мои почерп отчасти из источников природы, а отчасти у ее фаворитов, а у тех писателей, которые силятся вотще подвергнуть своим законам натуру, мало заимствовал.

Господин Даржан издал в свет хорошее сочинение о философической материи; что же назвал его философию

здорового разума, то это учинил неправо; правда, что он в том сочинении опровергает многие философские погрешности и опровергнул их правильным образом, но со всем тем, ежели кто прочтет его мнимо, а не правильно им названную философию с настоящим разумением хотя десять раз, то, однакож, в той его философии не найдет и не узнает философии; он думал, что чрез опровержение философских погрешностей сочинил философию, но это еще не следует, чтоб в опровержении философских погрешностей состояли (как то приличествует философии) все нужные философические истины, коих там видно мало; и посему лучше ему следовало назвать то сочинение опровержением философских погрешностей, а не философиею здравого разума; да и то говорит он несправедливо, будто б из того его сочинения можно научиться человеку философии в восемь дней столько, сколько другие чрез сорок лет: в таких речах иные люди искусно скрывают хвастовство об обширности своего знания; а мне думается, что можно научиться философии еще меньше восьми, да не дней, а лет, что же некоторые влюбленники в философию учатся ей лет по сороку, то это чрезвычайно много и не пропорционально с нашею жизнью, чтоб попользоваться когда в ней знанием философии, а и он полагает на то времени чрезвычайно мало, так что не только философию, но и то его опровержение философских погрешностей и ученому человеку с настоящим разумением в восемь дней едва прочесть можно.

Теперь я, не ограничивая точного количества времени на обучение философии, объявлю по самой сущей справедливости, во сколько времени познал я из философии без предводительства учителя все то, что содержит в себе сия сочиненная мною книга. Я, не останавливая других дел, употребил на познание и сочинение содержащейся в сей книге материи год и думаю, что всякий упражнявшийся в науках скажет, что это на такое дело употреблено весьма немного времени, но как я не сомневаюсь, то потому и признаюсь, что упражнение мое до сего времени в других науках, в коих я уже препроводил много лет, может быть, немало облегчило мне понятие философии, или заменяя способность к понятию, приобретенную

упражнением в науках, на лета не учившегося человека, то, может быть, оно к тому году придало еще три года.

Весьма чудны мне кажутся те люди, которые думают, будто бы можно так ясно и легко писать о науках, чтоб другие люди, не учившись никакой науке, даже и малые дети, могли, читаючи те науки, разуместь их, а что касается до меня, то я этого не утверждаю и другим в том не верю потому, что я еще и по сие время близ сорока лет моей жизни не приметил такого человека, который бы, не научившись от учителя какой-либо науке, мог читаючи разуместь науки; а напротив того, хотя я теперь и книги сочиняю, однако помню еще в моих юношеских летах то время, когда я, читаючи историю, не мог разуместь ее достаточно; а в том я не спорю, что, научившись от учителя основательно какой науке, а наипаче математике, можно разуместь и учиться самому собою и без учителя другим наукам.

Многие философы непонятными материями, ненадобными разделениями и заботливыми мелочных вещей толкованиями представляют философию в виде парадных посольских речей, в которых, несмотря на их пространство, мало находится содержания.

Я оставил все те мелочные описания, которые служить могут только для забавы молодым людям и коими напрасно силились философы украсить философию: такие румяны и белила отнимают у нее природную ее красоту и великолепие.

Философы говорят, что не можно и не должно определять всех вещей на свете. Я, основываясь на сем и наблюдая, как кажется мне, натуральный порядок науки и пристойное ее разделение, полагал в моих предложениях многие слова без определения их, которые по всегдашнему употреблению люди хотя не явственно, однакож ясно разумеют, а после того определял их в пристойных местах, как требовала связь материи, и не сомневаюсь, чтоб читатели не выразумели лучше моей, нежели их философии, потому что они хотя и остерегаются ставить в своих предложениях такие слова, которых они не определили прежде, но со всем тем никак им от того устеречься

не можно; а сверх того, чрез сию осторожность делают они другую несравненно важнейшую погрешность, то-есть предлагают философию смешанным образом, так что прямых ее частей в книгах их познать трудно, да и определения их многим вещам для сей осторожности выходят трудны к понятию. Примером к сему служить может расположение их правоучительной философии. Они сперва пишут о делах человеческих, потом о натуральном законе, а после того о натуральном праве; а мне бы казалось, что надобно прежде писать о праве, как основании правых законов, потом о правых законах, как основании добродетелей, а наконец о делах, как основываемых на законах и правах.

Философы определяют многие вещи и слова так, что для выразумения одной вещи или слова надобно читать и знать целую науку; правда, что они, может быть, делают так для соблюдения строгого порядка в учении, чтоб не поставить где такого слова, которое не определено наперед, только со всем тем это смешно; и посему их намерению надобно всем нам известные и преизвестные на свете слова определять, отчего происходить может в науках несказанное замешательство и беспорядок, и никакая наука не будет иметь пристойного себе разделения на натуральные и натурально одна за другою следующие части, как то и видно в некоторых сочинениях; а что касается до меня, то я им в том не следуя, исключая такие слова, которые зависят от длинной связи предложений о какой науке и по новости изобретения своего и неупотребительности в простом народе иначе определяться не могут, как на основании той связи предложений науки; определяю все прочие вещи и слова так, чтоб их без знания всей науки разуместь было можно; а что принадлежит до порядка науки в разделении ее на части и в расположении предложений, то я, как кажется мне, разделяю ее на натуральные части и располагаю те части и содержащиеся в них предложения в пристойных местах, следуя одной натуральной связи науки, а о порядочной лестнице слов отнюдь не забочусь, ведая, что простые люди коммерцию имеют между собою без знания заботливой философской логики, и хотя мы многие слова и вещи из употребляемых

нами в коммерции знаем только ясно, а не явственно, однако то отнюдь не мешает понятию науки; впрочем, я нужным вещам и словам положил определения только в таких местах, где требовала связь материи науки, а не порядок к явственному выражению слов. Я приложу здесь в пример моим речам определение совершенства. Философы определяют его так: совершенство есть согласие разных в одном. Мне кажется сие определение темным для такого человека, который мало обращался в науках. Что есть одно, что есть разные и каково б то могло быть согласие, приписываемое разным, понять не легко; а мне думается, что мое определение совершенства будет яснее: я говорю, что совершенство вещи есть то ее состояние, когда все ее свойства будут в высшей степени. На том своем определении философы основывают нравоучительную философию; но как определение их темно, так и основание на нем нравоучительных правил трудно и само себе противуречит; а мне бы думалось, что лучше основывать нравоучительные правила не на совершенстве, а на праве, как то следующий пример докажет: они говорят, что добро есть то, что приобретать нам и нашему состоянию совершенство, а совершенство называют согласие разных в одном; на сих определениях основавшись, заключают так, что в состоянии нашем прежнем и нынешнем делает согласие, то делает нас и состояние наше совершенными, а в совершенстве они полагают добро, следовательно, по их заключению, что делает в прежнем и нынешнем нашем состоянии согласие, то делает нас и наше состояние добрыми, и по сему их заключению, ежели какой человек прежде был и пребывает ныне обманщик, то он есть совершен и добродетелен, потому что в прежнем и нынешнем состоянии его находится согласие; правда, что они еще полагают в совершенстве вещей согласие разных в одном к достижению того конца, к которому они определены; но со всем тем такое их рассуждение, стремящееся к концу, не имеет и не будет иметь конца потому, что о том, на какой конец созданы вещи, мы только догадываемся и верим, а не точно знаем; а сверх всего сего, для меня еще и совершенство человека и его состояния непонятно; я его не вижу на свете, кроме

приближения к совершенству, а думаю быть прямому совершенству в одном божестве.

Я приметил, что философы для доказательства своих предложений делают в некоторых местах заключения, противные правилам, от самих их изданным, кои не приметно скрываются в великом пространстве их философии, как то доказать может следующий пример: философы говорят, что воля есть склонность к добру и отвращение от зла, происходящие от явственного разума нашего об них понятия, что никакое дело свободным назваться не может, ежели оно не предпринято будет от воли, совокупленной с разумом, и что некоторые свободные дела делают нас и наше состояние совершенными, а некоторые — несовершенными *. В сих рассуждениях нахожу я противоречие; поэтому надобно, чтоб или разум, ведая какое зло, мог желать его, или чтоб воля могла желать и отвращаться и без разума, — и я утверждаю сие последнее, потому что ежели держаться первого мнения, то следовать будет, что все непросвещенные люди не имеют воли и что все дела их несвободны.

Как я в прежней философии много оставил неизменным и много исключил из ее ненужного, а напротив того, не меньше в ней переменял и прибавил, смотря по случаю материи, то для сличения читателям моих определений и прочих предложений с определениями и предложениями других писателей, чтоб узнать им, которые из них вернее, писал я мои определения и предложения точно от моего имени, а изобретенные другими писал я вообще; как, например, когда я пишу определение права, то говорю так: право называю я основание всякого доброго или беспристрастного в рассуждении всех животных дела; а когда я пишу определение человека или любви, не от меня изобретенное, то говорю не от моего имени, а вообще, то-есть человек есть разумное животное, также веселие о чьем благополучии называется любовь.

Я писал коротко так и там, как и где думал я, что без дальнего разбору речи мои разуметь можно будет,

* *Christiani Baumeisteri Elementa philosophiae recentioris de act. hum.* [*Христиан Баумейстер, Основания новейшей философии человеческой деятельности.*]

а как и где не чаял, чтоб выразумели другие, то в таких случаях писал пространнее и единственно имел при сем сочинении предметом моим читателю пользу.

Философы основали все хорошие качества, называемые от них добродетельми, на натуральном законе, хотя многие из них выше природы, то-есть выше сил человеческих; они, желая сделать род человеческий чересчур добродетельным, преподали ему на то толь много правил, утвержденных на невероятных основаниях, что он в рассуждении множества и трудности в понятии и исполнении их бегаёт чтения философских книг и не может сделаться и посредственно, то-есть прямо по-человечески добродетельным, чего б для него по слабости его человечества довольно было, а ударился ко всем беззакониям, находя к тому легчайший путь.

Сии мои рассуждения, чаятельно, иные люди могут назвать противными добродетели, но благоразумный читатель может узнать, что такое мнение одних людей может быть непрозорливо, а других коварно; что касается до добродетели, то я ее люблю, почитаю выше всех других качеств, раболепствую пред нею и жертвую ей всем тем, что нахожу приятнейшего на свете, одним словом, я ее обожаю; итак, в сих моих рассуждениях не должно почитать противности добродетели, а напротив того, опровержение одних способов и средств к достижению добродетели, которые философы преподают, во всем несходно и противно сему намерению; правда, они писали о добродетели, и то неясно, а скрытых подлогов и коварств человеческих отнюдь не исследовали и не выводили наружу.

Я в моих правилах не утесняю человечества и не тревожу его чувствительности; показываю ему точно и определенно прямую добродетель, состоящую в одном строгом хранении справедливости в рассуждении всего человеческого рода, следовательно, и самого его; и чрез сие соединение пользы всего мира с пользою его больше, как кажется мне, приласкиваю его к добродетели, вместо того что другие писатели непрерыв селятся стоическим образом умертвить в человеке праведную волю, задушить неповинные его желанья и довести его до бесчувствен-

ности, не изъясняют ему ни прямой добродетели, ни прямых стезей к достижению ее и чрез то сделали ему и самую добродетель ненавистною так, что он, не зная прямой добродетели и не находя в искании ее по их правилам никакой отрады, а, напротив того, неописанные страдания, с распущенной уздою прямо устремился на беззакония, находя в самом сем зле больше добра, нежели в добродетели их, приличной бесчувственному камню; и такое рода человеческого, незаслуженное им по слабости его провидения, несчастье почитаю я за некоторое счастье для того, что ежели б он следовал тем их бесчувственным правилам, то бы уже давно довелось процеть об нем вечную память.

Хотя я и довольно знаю, что всякий автор, который издает в свете новые понятия, не может получить благоволения о том, как только от двух сортов людей — или от молодых, которые еще не утвердились в каких-либо мнениях и желают научиться, или от таких, которых разум любит правду и сходствует с разумом автора (каковых людей весьма мало), — и сия-то причина останавливает распространение разума человеческого (и отвращает людей от познания истины), однако писал мои предложения, основываясь на опытах, и не ласкал никому из других авторов, каков бы он велик ни был, потому что раболепствующий мнениям других людей равно глуп кажется в глазах мудрого человека, когда он защищает по ласкательству, а не по уверению хоть истину, хоть ложь.

Я не прилагаю здесь алфавитного реестра моим предложениям. Мне чудно, что другие многие писатели, не щадя на такие бесполезные дела ни труда, ни времени, ни имения потребных на полезные дела, прилагают их при своих сочинениях, и у иного писателя реестр о материи, содержащейся в его книге, малым чем меньше содержания самой материи.

Я написал сие сочинение кратко для краткости остающегося мне на то времени, для недостатка в книгах и для других обстоятельств; но, может быть, читатель не меньше из него знает будет, как и из пространных сочинений.

Что касается до пользы философии, то она приводит человека от познания мудро устроенных тварей к

познанию творца, учит его признавать бытие, величество, премудрость и всемогущество божие, показывает ему должность его во всяком случае, наставляет его к прямой добродетели, на которую всемогущий творец призывает больше, нежели на все приношения и жертвы, наполненные часто многими неправдами; она направляет в юношестве волнуящихся в них и кипящие страсти к общему добру, она утверждает мужество в постоянной добродетели, она утешает старость и заставляет ее смотреть на суету и преходимость вещей сего мира беспристрастными глазами, она в печальных приключениях неблагополучных людей утешает и подает отраду в надежде лучших времен, она благополучных людей научает пользоваться с разумом и умеренностью своим благоденствием; одним словом, она подает человеку всевозможные добрые средства к приобретению благополучия; но надлежит знать, что приобретение таких неоцененных преимуществ посредством философии зависит не от одного чтения философии, а от точного еще исполнения непорочных и святых ее правил.

Когда мои предложения, как во многих случаях не согласные с мнениями прежних писателей, покажутся вам, благосклонный читатель, ложными, то я по крайней мере буду иметь в таком случае ту отраду, что они послужат поощрением предбудущим писателям предлагать свои рассуждения яснее, нежели как то доньше делалось, чтоб и другие люди от таких их замысловатых предложений не впадали в погрешности; и как в таком случае мнения мои могут показаться отважными, то прежде порицания их прошу рассудить то, что мы часто самыми важными изобретениями одолжены бываем отважным покушениям.

Я в сем сочинении не защищаю ничего, кроме правоты моего сердца и намерения; а ежели вы, благосклонный читатель, найдете в нем какие-либо погрешности, то надеюсь, что извините меня в том для той причины, что я хотя сперва всеми силами старался об исправлении моего разума, однако, наконец, когда узнал, как несравненно больше должен человек почитать добродетель пред разумом, то с того времени обратил все мои силы на

совершенное ее познание и ласкою себя надеждою, что труд мой в том был не без успеху; я усмотрел в ней беспримерную красоту и неоцененную пользу и для того стараюсь всегда жертвовать ей всеми моими желаниями и без малейшего изъятия.

Сим желанием преимущества в добродетели, а не в разуме побуждаем будучи, обращаю речь мою к вам, любезные в искании прямой добродетели и прямого разума товарищи россияне!..

В заключение сего прошу от вас, благосклонный читатель, праведным моим мнениям праведного защищения, а ложным — праведного же опровержения и пребуду

Ваш добροжелатель
ЯКОВ КОЗЕЛЬСКИЙ

ФИЛОСОФИЯ

1. Философия есть наука испытания причин истинам.

2. Как философия испытывает причины не только вещей, но и дел, а слово истина означает как вещь, так и дело, и для того я во всех тех случаях, где вещь и дело разуметь должно, употребляю одно слово истины.

3. Наукою называется основательное познание какой истины, или наукой называется способность человеческого разума неоспоримо доказывать все то, что он утверждает или отрицает.

4. Человеческое испытание, или познание, истин есть троякое.

I. Когда мы познаем какую истину просто, то такое познание называется историческое.

II. Когда мы какой истины узнаем причины, то сие познание называется философическое.

III. Когда мы измеряем величину какой вещи, или количество дела, то такое познание есть математическое; например, когда мы видим в каком народе мало добродетелей, то это будет познание историческое; когда мы усматриваем, что то происходит от излишнего своевольтва одной части того народа и от великого притеснения другой,

то это будет познание философическое; а когда мы заключаем, что чем больше будет в том народе с одной стороны самовольства, а с другой утеснения, то тем меньше будет в нем добродетелей, а тем больше пороков, то это будет познание математическое.

5. Из сего следует, что те люди философствуют, которые испытывают неизвестных истин причины, и что испытатели причин всех случающихся истин называются философы.

6. Посему тот, кто не многих истин знает причины, не может назваться философом; а надобно ему чрез долговременное упражнение приобрести искусство рассуждать о причинах истин, равномерно как и тот не может назваться знающим иностранный язык, который немного слов из него знает.

7. Когда философы испытывают истин причины, то следует им во всем том, что они ни утверждают или отрицают, объявлять причины и все свои предложения выводить и доказывать из бесспорных и неоспоримых оснований; а такое расположение предложений на неоспоримых и бесспорных основаниях называется философический или математический порядок учения; а несомненные и неоспоримые основания называются верные опыты, определения и аксиомы, которые в следующем изъяснены будут.

8. Хотя философия (ежели сказать определительным образом) содержит в себе все науки, но, как многие из тех наук сами собою очень пространны, и для того и преподаются особо и вне философии, для которой оставлены одни только генеральные познания о вещах и делах человеческих.

9. Такая философия разделяется вообще на две части, то-есть на теоретическую и практическую.

10. Та часть философии, которая способствует исправлению нашего разума в познании истин, служащих к познанию добронравия, называется теоретическая, а та часть философии, в которой преподаются правила, по которым человек дела свои и поступки располагать должен, называется практическая, или нравоучительная.

11. Теоретическая философия разделяется опять на две науки, то-есть на логику и метафизику.

ЛОГИКА

12. Логика есть наука ума и разделяется на две части; в первой предлагаются правила о трех силах человеческой души, а во второй показывается употребление тех сил к испытанию истины.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О ТРЕХ СИЛАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ,
ТО-ЕСТЬ О ЧУВСТВИИ, РАССУЖДЕНИИ И УМСТВОВАНИИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О СИЛЕ ЧУВСТВИЯ

13. Чувствие, или понятие, какой вещи есть представление ее в мысли нашей; например, посредством видения отличаем мы камень от дерева, и такое отличие называется понятие.

14. Что мы чрез чувства понимаем вещи, то явствует из того, что, зажавши глаза, не видим, уши — не слышим и проч., а разве воображаем виденное, слышанное и прочая.

15. Чувств мы имеем пять: видение, слух, обоняние, вкус и осязание.

16. Понятия суть разные как в рассуждении качества, или степени представления в мысли вещей, потому что одну вещь понять можно хорошо, а другую лучше, так и в рассуждении самих понимаемых вещей, для того что о вещах можно рассуждать и порознь о каждой и вдруг о многих.

17. В рассуждении степени представления в мысли вещей понятие бывает ясное, темное, явственное, неявственное, полное, неполное.

18. Понятие ясное (*notio clara*) есть то, когда мы представленную вещь от других отличить можем; например, когда мы белый цвет от черного отличаем.

19. Понятие темное (*notio obscura*) есть то, когда мы представленной вещи от других отличить не можем; например, когда мы увидим вдали какую движущуюся вещь

и сомневаемся, животное ли то или другая какая вещь, то это будет понятие темное.

20. Безразумные животные отличают некоторые вещи одни от других, из чего видеть можно, что и они о некоторых вещах имеют понятие ясное.

21. Когда мы представленную вещь так познаем, что и приметы, по которым она от других отличается, представит себе и одну от другой отличить можем, то такое понятие называется явственное (*notio distincta*); например, явственное понятие имеем мы о надежде, когда представляем ее в мысли удовольствием об ожидаемом благополучии. Приметы, по которым надежда отличается от других вещей, суть удовольствие и ожидаемое благополучие.

22. А ежели мы какую вещь хотя от других и отличаем, да примет, по которым отличается, в мыслях себе представить не можем, то такое понятие называется неявственное (*notio confusa*); например, хотя мы разные цветы один от другого отличить и можем, однако, почему отличаем, того сказать не можем.

23. К приобретению явственных понятий надобно употреблять прилежное внимание.

24. Когда мы какую вещь так понимаем, что примет тех, по которым она от других разнится, довольно будет к отличению ее везде и всегда от всех других вещей, то такое явственное понятие называется полное (*notio completa*); например, слова суть гласные знаки наших мыслей — понятие полное; а когда таких примет не довольно будет, то такое понятие будет неполное (*notio incompleta*); например, слова суть знаки наших мыслей, есть понятие неполное потому, что есть и другие знаки наших мыслей, кроме слов.

25. Другие писатели предлагают еще о понятиях, которые выше полных, но я рассудил их оставить: 1. Что весьма о редких вещах имеем мы такие понятия. 2. Что все науки основаны на одних явственных и полных понятиях.

26. Теперь, после предложения разных понятий в рассуждении степени представления вещей, приступим к предложению разных понятий, происходящих от самих понимаемых вещей.

27. Всякая вещь на свете, рассуждаемая одна, называется единственная вещь (*res individua, vel singularis*); например, та книга одна, которую читаешь; тот стул один, на котором сидишь, — суть единственные вещи.

28. Когда мы единственную вещь в мысли себе представляем, то такое понятие называется единственным.

29. Хотя единственные вещи для многих находящихся при них обстоятельств разнятся между собою и никогда одна другой во всем подобна быть не может, однако есть некоторые такие обстоятельства, в которых единственные вещи сходятся между собою; и такие обстоятельства, по которым единственные вещи суть подобны между собою, составляют вид, или образ (*species*), который есть не что иное, как подобие единственных вещей; например, Цицерон, Цесарь и Ливий разнятся между собою летами, ростом, богатством, разумом и достоинством; а в том всегда сходятся, что имеют душу, одаренную разумом, и что потому человеки; итак, понятие человека составляет образ, потому что чрез слово человек выражается подобие многих единственных людей.

30. Когда мы вид, или образ, каких единственных вещей в мысли себе представляем, то такое понятие называется особенное, происходящее от особы или вида (*notio specialis*).

31. Когда мы при сличении образов находим некоторые из них, подобные между собою, то такое подобие образов называется род (*genus*); например, человек, лев, волк, лошадь и другие образы, хотя и во многом разнятся между собою, но в том сходны, что живут и чувствуют, и сие подобие их выражается одним словом животного; итак, понятие животного составляет понятие рода.

32. Посему понятие общее, или генеральное (*notio generalis, vel universalis*), есть то, когда мы представляем в мысли свойства, приличествующие многим образам.

33. Из сих предложений узнать можно:

а) Что в единственных вещах больше находится обстоятельств, нежели в образе; а в образе больше, нежели в роде; например, Петр и Павел многим разнятся между собою, как то летами, возрастом, достоинством и чинами; а ежели взять образ человека, то ему более ничего не

приличествует, как только иметь душу разумную; также ежели взять род животного, то в нем ничего более не найдется, как только свойства чувствия и жизни.

b) Что от определенной единственной вещи к образу и от определенного образа к роду заключать не можно; например, от одного глухого человека к человеку генерально заключать нельзя, потому что другие люди не глухи, и от свойства человека, чтоб иметь разум, к свойству животного, — потому что другие животные не имеют разума, как то скоты, звери, дерева.

c) Не все то, что не приличествует образу, для того не приличествует роду, хотя то, что не приличествует роду, не приличествует и образу; например, образу человека не приличествует, чтоб иметь крылья, однако приличествует роду животного, потому что есть такие животные, которые имеют крылья; также когда неприлично роду животного жить на свете без чувствия, то не приличествует сие образу человека.

34. Через посредство сих предложений легко узнать можно, что мы получаем понятия о единственных вещах одними чувствами, а понятия об образах и родах — чрез искусство отделения (*artificio abstrahendi*); например, понятие о человеке получаем мы чрез отделение всех других обстоятельств, кроме души разумной, и понятие о животном — чрез отделение всех других обстоятельств, кроме чувствия и жизни.

35. По истолковании разных понятий надобно напомнить о правилах учения, которые учащимся людям наблюдать весьма полезно:

a) Надобно стараться о предлагаемых вещах иметь понятия явственные.

b) К приобретению явственного понятия должно употребить сильное внимание.

c) Как человеческая сила ослабевает от подымания вдруг многих трудов, так равномерно и чувства его ослабевают от множества примечаемых вдруг истин; и для того надобно беречься, чтоб не отягощать своей мысли многими истинами в одно время, а стараться каждую из них примечать порознь и почаще, чтоб получить о ней лучшее понятие.

d) Из опытов известно, что когда мысль у человека обнята страстями, то он в такое время не всегда может явственно понимать предлагаемые истины, и для того учащимся людям надобно стараться о спокойствии духа и убежать страстей, пьянства, любви и прочая.

e) Ученым быть иначе нельзя, как только когда кто о предлагаемых истинах может иметь понятия явственные, а понятие явственное об истинах имеет тот, кто может их рассказать или описать другому; итак, для получения явственных понятий весьма нужно, чтоб то, что ты слышал или видел, или читал, тотчас рассказать другому или написать, или пробовать самому себя, знаешь ли его.

36. Хотя то состоит в нашей воле, какое хотеть предлагаемой истине дать название и изображать ее произвольными словами, но понеже мы при описании истин имеем то намерение, чтоб другие наши речи разумели, то-есть о предлагаемых нами истинах имели такое же, как и мы, понятие, то в таком случае надобно остерегаться от несвойственных слов или названий истин.

37. Надлежит беречься, чтоб не смешивать разумения вещи с догадкою о ней: разумение какой вещи от догадки о ней разнится так, что когда мы разумеем какую вещь, то думаем о ней так, какова она есть в своей натуре, а когда догадываемся о какой вещи, то может быть она та вещь, как мы об ней думаем, а может быть и другая.

38. Слова суть не что иное, как гласные знаки понятий наших о предлагаемых истинах, потому что мы чрез слова означаем или выражаем другим наши мысли.

39. Свойственное слово, или название какой вещи, есть такое, когда мы чрез его имеем о той вещи такое же понятие, какое и другие люди, а несвойственное, или метафорическое, то-есть перенесенное, слово называется то, когда по подобию двух вещей имя одной из них употребляется к другой, хотя оно и имеет свойственное свое название; например, человек смотрит глазами, то здесь название глаза есть свойственное, а когда Цицерон называет город Коринф глазом Греции, то в сем случае название Коринфа глазом есть не свойственное, а метафорическое.

40. Обоюдное, или разнозначащее, слово (*vox ambigua*) есть то, которое служит к означению разных вещей;

например, на российском языке слово мир значит множество людей какого общества и значит тишину, а однозначные слова (*voces synonimae*) суть те, которые, произношением будучи разны, означают одну вещь; например, тишина и мир суть однозначные слова, потому что оба они означают покой.

41. Обычай разговора (*usus loquendi*) есть свойственное означение вещи чрез слова, употребляемые во всем обществе.

42. Ежели совокупить несколько слов одни с другими, то от того происходит речь, которая есть не что иное, как связь слов.

43. После предложения о понятии вещей приступим к описанию их определений.

44. Определение вещи (*definitio*) есть явственное и полное ее понятие, выраженное речью. То слово или вещь, которую определяем, называется определенное или определенная вещь (*definitum*).

45. При сочинении определений надобно наблюдать следующие правила:

a) В определении должно вычислять приметы определяемой вещи, потому что требует того свойство явственного понятия.

b) В определении должно вычислять такие приметы, которых бы довольно было к отличению всегда и везде определяемой вещи от других, как то следует по свойству полного понятия.

c) Приметы, описываемые в определении, не должны приличествовать другим вещам, кроме определяемой, то есть определение не должно быть больше своего определенного; например, определение будет больше своего определенного, ежели сказать, что слова суть знаки мыслей, потому что есть и другие знаки мыслей, кроме слов.

d) В определении столько примет полагать должно, сколько определяемая вещь имеет в себе существенных свойств, или определение не должно быть меньше своего определенного; например, определение будет меньше своего определенного, ежели сказать, что любовь есть удовольствие о других благополучии, потому что здесь любовь к самому себе не содержится.

e) Посему определение должно быть так равно своему определенному, чтоб можно было употребить одно из них вместо другого без перемены их существа; например, ежели сказать, что Нума Помпилий всегда был благополучен, то также вместо того сказать можно, что Нума Помпилий имел всегдашнее удовольствие.

f) В определении таких примет, которые не всегда приличествуют определяемой вещи, или, как короче сказать, случайных примет употреблять не должно, а надобно полагать только одни существенные приметы; например, ежели сказать, что человек есть разумное и ученое животное, то это определение содержит в себе несущественную примету, потому что ученым быть есть случайная примета.

g) Определения надобно сочинять ясно и вразумительно и не толковать то же чрез то же, что называют философы круг в определении; например, ежели определить закон чрез устав начальника, обязывающий подчиненного, а начальника чрез такого человека, который имеет власть уставлять закон, то это будет круг в определении.

h) В определении надобно беречься, чтоб не употреблять без крайней нужды обоюдных и метафорических слов.

i) Определения должно делать утвердительным, а не отрицательным образом.

46. Надлежит знать, что определения делаются двояким образом, то-есть либо вычисляются в них приметы определенных вещей, и такие определения называются словесные, или описываются причины и способы, по которым они делаются, и такие определения именуются вещественные.

47. Не надлежит думать, будто бы все вещи на свете определить можно и должно было.

48. Описания вещи не надлежит почитать за определение, потому что мы описываем только вещи, понимаемые нашими чувствами, а определяем, напротив того, понятия образов и родов; в описании вещи примет к отличению ее от других бывает иногда меньше, а иногда и больше надлежащего; а в определении вещи полагается столько примет, сколько к отличению ее всегда и везде от других быть должно.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
О СИЛЕ РАССУЖДЕНИЯ

49. Ежели мы понятия о каких вещах так сносим между ими, что можем узнать, сходствуют ли они или не сходствуют между собою, то это мы рассуждаем, так что рассуждение (*iudicium*) есть совокупление или разделение понятий; например, ежели мы понятие добродетели с понятием похвальный так снесем вместе, что узнаем, что добродетель есть похвальна, то это мы рассуждаем. Рассуждение, выраженное словами, называется предложением. Господин Гелвций почитает рассуждения за те же понятия, но мне думается, что чрез отличие их от понятий лучше узнавать можно разные действия сил человеческой души*.

50. Та вещь, о которой мы рассуждаем, называется подлежащее (*subiectum*), а то, что мы о ней рассуждаем, — сказуемое (*praedicatum*), а глагол, которым совокупаются или разделяются понятия, называется связь (*copula*); например, кротость есть добродетель. В сем предложении подлежащее есть кротость, сказуемое — добродетель, а связь — слово есть; или — добродетельный человек не сделает ближнему обиды: добродетельный человек есть подлежащее, ближнему обиды — сказуемое, а не сделает — связь.

51. Разные образы предложений разделяют философы на три следующие вопроса: которое, какое и коликое. На вопрос — которое предложение, отвечается: простое или сложное; на вопрос — какое предложение, отвечается: утвердительное или отрицательное, а на вопрос — коликое предложение (хотя такой вопрос и неупотребителен), отвечается: генеральное или особенное.

52. Предложение простое есть то, которое состоит из одного подлежащего и одного сказуемого; например, Цицерон красноречив.

53. Предложение сложное есть то, в котором находится или несколько подлежащих, или несколько сказуемых; например: божий и гражданский законы не дозволяют обижать ближнего.

* «De l'esprit», t. 1, d. 1, c. 1. [«Об уме», т. 1, ч. 1, гл. 1.]

54. В числе сложных предложений полагаются условные (*propositiones conditionales*), связные (*copulativae*) и раздельные (*disiunctivae*).

55. Условное предложение есть то, в котором сказуемое сообщается к подлежащему с некоторым условием; например, ежели Герман умен, то он изберет для себя лучшее.

56. Об условиях примечать надобно следующие правила: 1. Из условия ничего подлинного заключать не можно. 2. Условие невозможное заключает в себе силу отказа.

57. Связное предложение есть то, в котором употребляются слова: и, как, так; например, Филипп Македонский и Александр, сын его, поработили Грецию; так же как милость, так и ярость в человеке суть его слабости.

58. Раздельное предложение есть то, в котором находятся слова: или, либо; например, человек по своей натуре имеет свободу следовать добродетелям или порокам.

59. Такой разбор предложений иной почесть может за мелочное дело, но при нужных случаях бывает в них великая важность; а прочие сложные предложения оставил я для того, что в них нет дальней нужды.

60. Предложение утвердительное есть то, в котором сказуемое дозволяется подлежащему, а отрицательное есть то, в котором сказуемое не дозволяется подлежащему.

61. В отрицательных предложениях знак отрицания должен быть при связи, а не при подлежащем или сказуемом, для того что в противном случае будет такое предложение не отрицательное, а неопределенное; например, честный человек не делает своему ближнему обиды, — есть предложение отрицательное, потому что слово *не* стоит при связи, или глаголе, *делает*, а не при подлежащем *честный человек* или сказуемом *обиды*; а ежели сказать: честный человек делает не обиду, то это будет предложение неопределенное, потому что здесь разумеется, что он делает хотя не обиду, однако что-нибудь другое.

62. Предложение генеральное, или общее, называется то, когда причина, для которой сказуемое сообщается с подлежащим, находится в натуре самого подлежащего; а ежели причина, для которой сказуемое сообщается

с подлежащим, находится вне подлежащего, то такое предложение будет особенное; например, всяк человек есть смертный — предложение генеральное, потому что умереть человеку зависит от его природы и всем людям общее, а ежели сказать: некоторый человек убит на воровстве, то это будет предложение особенное, для того что убиту быть не зависит от человеческой природы.

63. Слова: все, никто употребляются в предложениях генеральных, а слова: некто, некоторые — в особенных.

64. Кроме сих предложений есть еще некоторые, употребляемые по большей части в математике, как то: положения или вопросы, аксиомы, теоремы, задачи, следствия и примечания, которые в следующем пристойнейшем для них месте истолкованы быть имеют.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ О СИЛЕ УМСТВОВАНИЯ

65. Третье души нашей действие есть вывод следствий, или умствование (*ratiocinium*), которое состоит в том, когда мы из двух предложений выводим третье; например, добродетель есть полезна человеку, а кротость есть добродетель; из сих двух предложений третье следует, что кротость полезна человеку.

66. В умствованиях надобно поступать таким образом: ежели мы о какой вещи посылаемся на образ или род, то все то, что полагается об образе или роде, должно также полагать и о вещи, находящейся под тем образом или родом.

67. Умствование состоять должно из трех предложений, из коих первое называется большее предложение, другое — меньшее, а третье — заключительное предложение, или заключение. В прежнем примере большее предложение есть добродетель полезна человеку; меньшее — а кротость есть добродетель; заключительное — следовательно, кротость полезна человеку.

68. Все умствования надобно располагать таким образом, чтоб подлежащее большего предложения было сказуемым у меньшего и сказуемое большего предложения было бы сказуемым у заключительного предложения,

также и подлежащее меньшего предложения было бы подлежащим и у заключительного, как то видеть можно из следующего умствования: все такие дела, которые неравно служат для пользы целого какого общества, не могут назваться добродетельми; а как милость есть такое дело, которое служит в пользу одному помилованному, а другим по большей части бывает предосудительна, следовательно, не может назваться добродетелью.

69. Хотя господин Даржан и говорит*, что силлогизмы, или умствования, выраженные словами, бесполезны, но он в том погрешил, потому что в математических доказательствах и других трудных материях обойтись без них никак не можно.

70. Кроме вышеписанного способа умствования есть еще многие другие, которые все, ежели мы только правильно и натурально заключать станем, можно привести к сему одному, как легчайшему всех способу заключения, но то весьма удивительно, что некоторые философы выдумали столь много разных способов умствования, которым научиться так, чтоб их всегда знать и помнить, то почти столько требуется времени, как на иную целую науку, хотя, несмотря на такой в выдумывании и сочинении их великий труд, остаются они и останутся навсегда безнужны, бесполезны и совсем неупотребительны, а разве служить могут для шутки и обману; и в разборе тех силлогизмов делано не что иное, как только выдумывано, сколь многими образами можно рассуждать и заключать здраво человеку. Чего ради я вместо пространного описания тех силлогизмов представлю их свойство и качество в кратком сем силлогизме: тот человек, который, зная натуральный и легкий образец рассуждения и заключения об истинах, выдумывает к тому другие, несвойственные и трудные способы или, как не знающий прямых средств к исполнению своего намерения, грезит, или, как недоброжелательный другим людям, ищет обмануть их и уважить свое знание, а понеже некоторые писатели, имея легкий образец рассуждения и заключения об истинах, выдумали

* «La Philosophie du bon sens réflex.» [d.] 2, § 25. [«Философия здравого смысла».]

столь много трудных и странных силлогизмов, коих даже до сего времени никто еще ни в каком деле, ни науке, кроме здорных школьных споров, не употреблял на свете, то следует из сего, что те писатели или грезили, или недоброжелательствовали человеческому роду, и сим изъясняя я здорные те и бесполезные их силлогизмы.

71. До сего места говорил я о силах человеческой души, а теперь предлагать стану об употреблении тех сил к познанию истины.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ СИЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ К ПОЗНАНИЮ ИСТИНЫ

72. Из случающихся нам на свете истин иные можем мы понимать легко, а другие многие, напротив того, понимать трудно, так что к выражению их надобно употреблять особливый порядок и пристойные средства; и для того я разделю сию главу на две части и в первой предлагать стану об исследовании истины вообще и об отличении ее ото лжи, а в другой — о порядке и средствах, служащих к легчайшему выражению разных истин и связи их между собою.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ СИЛ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДУШИ В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТИНЫ ВООБЩЕ

73. Истина есть троякая: естественная, или натуральная, правоучительная и логическая.

74. Истина натуральная есть та, когда какая вещь имеет в себе все то, что к существу ее требуется. Например, ежели золото имеет в себе все то, что к существу его требуется, то оно называется истинное золото. Ежели мы говорим то, что думаем, то это будет правоучительная истина, а когда мы какую вещь так себе в мыслях представляем, какова она есть в своей натуре, то это будет логическая истина. Во всех сих случаях противное истине есть ложь.

75. Истина логическая есть не что иное, как сходство мыслей наших с самою вещию. А ложь, напротив того, есть несходство мыслей наших с самою вещию.

76. Логическая истина или ложь может быть в понятии, рассуждении и умствовании.

77. Ежели мы почитаем истинное предложение за ложное, или ложное за истинное, то это называется ошибка, или погрешность; и такая погрешность, учиненная в рассуждении, называется предрассуждение.

78. Предрассуждения получают наименования, смотря по причинам, от которых они происходят; например, предрассуждения малолетства, поспешности, доверенности, недовериванья, любви к отечеству и прочая, ежели они происходят от малолетства, поспешности, доверенности, недовериванья, любви к отечеству и прочая.

79. А ежели кто погрешает в умствовании, то такую погрешность назвать можно ложным умствованием.

80. Философы разделяют ложные умствования на разные образы, смотря по разности причин, от которых они происходят; но ежели рассудить о том здравым разумом, то это они делают не что иное, как детские игрушки, и мучили себя понапрасну в трудном выдумывании тем ложным умствованиям названий, потому что когда узнает кто, что какое умствование есть ложно, то и без названий тех узнать может, по какой причине оно ложно.

81. Когда мы какою вещь познаем по некоторым только, а не по всем к тому принадлежащим обстоятельствам, то такое познание называется правдоподобное или просто правдоподобие.

82. Смешно то, что философы разделяют правдоподобие на историческое, физическое, герменевтическое², политическое и практическое и все то описывают пространно. Я не знаю, какая б в том была нужда или польза; сносно б еще было, ежели б они заботились так о разделении истинного познания, а правдоподобие есть само собою мелочь, а ежели еще разделять его так, то это будет мелочь мелочей.

83. Как разум человеческий имеет тесные пределы и сами мы всего на свете ни опытами, ни умствованиями познать не можем, то для того надобно во многих случаях другим искусным людям верить, то-есть по свидетельству

их согласоваться с их речью; только при вере надобно примечать следующие обстоятельства, то-есть качество свидетеля, качество предлагаемой материи и качество или способ самого предложения. Что касается до качества свидетеля, то надлежит рассуждать об нем по чувствам его, воле и разуму; что до качества предлагаемой материи, то сходствует ли она с естеством или вышеестественная, возможная ли или невозможная; а что принадлежит до способа самого предложения, то простым ли и историческим или риторским стилем предлагается, а прочего умный читатель сам собою и без пространного изъяснения всеконечно не пропустит.

84. Предложение, которое недовольно утверждено, называется мнение.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О ПОРЯДКЕ И СРЕДСТВАХ, СЛУЖАЩИХ К ЛЕГЧАЙШЕМУ ВЫРАЗУМЕНИЮ РАЗНЫХ ИСТИН И СВЯЗИ ИХ МЕЖДУ СОВОЮ

85. Познание истины получаем мы двумя образами: или чрез опыт, или чрез умствование, или доказательство.

86. Опыт есть такое познание истины, которое получаем мы помощию наших чувств.

87. В рассуждении легкости в познании одной истины и трудности в познании другой опыт разделяется на простонародный и ученый; например, всяк опытом узнать может, что огонь греет, а то не всяк узнает, что воздух имеет тяжесть.

88. Чрез опыты узнаем мы только единственные вещи и предложения особенные.

89. Доказательство есть не что иное, как связь правильных умствований; или доказательство есть утверждение предложения на верных и бэссумнепных основаниях, как то: определениях, опытах, аксиомах и прочая.

90. В доказательствах надобно беречься, чтоб не учинить погрешности, называемой круг, которая состоит в том, когда из двух предложений каждое доказывается одно другим взаимобразно; например, ежели доказывать, что человек есть разумное животное тем, что он рассуждать

может, и что он рассуждать может — тем, что он есть разумное животное, то это будет круг в доказательстве.

91. Одни истины познаем мы чувствами, другие — рассуждениями, а иные, как, например, математические, — многими умствованиями; и сии последние истины, как весьма трудные, требуют к познанию их особого порядка, который бы доводил человека к довольному их познанию по некоторым содержащимся в том порядке и служащим к сему намерению правилам, как по степеням.

92. Во-первых, порядок сей требует разделения предлагаемой истины на ее части.

93. Разделение есть разрешение целого на части. Истина, которая разделяется на части, называется разделяемая истина, а части, на которые она разделяется, называются разделяющие члены.

94. Ежели части, на которые разделяется целая истина, опять разделяются, то такое разделение называется разделение нижнее.

95. При разделении предлагаемой материи надобно наблюдать следующие примечания:

а) Разделяющие члены должны содержать в себе ни больше, ни меньше, а сколько самая разделяемая материя.

б) Разделяющие члены не должны быть сходны между собою, и чтоб один из них не содержался в другом.

в) Разделяющие члены должно брать из самой природы разделяемой истины, и без нужды много их употреблять не должно, чтоб не отяготить памяти и вместо часовой ясности не причинить бы больше темноты читателю; и сего-то последнего примечания не наблюдают многие философы, хотя и пишут о нем в своих книгах.

96. Что касается до правил, или предложений, которые употребляются в сем порядке, то они разделяются вообще на теоретические и практические.

97. Теоретическое предложение есть то, в котором о подлежащем утверждается или отрицается сказуемое, а практическое есть то, которое утверждает или требует, чтоб что сделано было.

98. После разделения истины на части надобно расположить ее по нижеследующим правилам: во-первых, сделать определение предлагаемой истины, потом положить

верные и бесспорные основания к яснейшему ее истолкованию, как то: положения, или вопросы, и аксиомы.

99. Положение, или вопрос (*postulatum*), есть практическое предложение, не требующее доказательства, и выведенное из одного определения.

100. Аксиома есть теоретическое предложение, которое для легкости в понятии его не требует доказательства.

101. Теоретическое предложение, для трудности в разумении его требующее доказательства, называется теорема.

102. Практическое предложение, требующее доказательства, называется задача.

103. Предложения, которые выводятся из определений, положений, аксиом, теорем и задач, называются следствия (*corollaria*).

104. Те предложения, в которых изъясняется что-либо или объявляются исторические дела, называются примечания.

105. Для изъяснения сих правил не располагал я по ним никакой материи, для того что о сих правилах то же сказать можно, что и о риторике, которой лучше научиться можно от чтения хороших риторских речей, нежели от чтения ее правил; таким же образом свойство и силу и вышепомянутых правил, а наипаче теорем и задач, кои приличествуют больше математике и физике, нежели философии, несравненно лучше узнать можно от чтения математических и физических книг, написанных такими правилами, нежели от чтения философского об них толкования; а без чтения таких книг, сколько ни толковать те правила, то читатели их не много поймут; а наипаче когда на сих правилах расположить такую материю, которая и без их вразумительна, то читатель такое по правилам расположение той материи сочтет не за истолкование ее, а за настоящее затемнение.

106. Мы можем употреблять силы души нашей к разумению предлагаемой истины в разговорах или в науках.

107. Тот, кто учит кого какой науке, должен знать ее основательно и навыкнуть искусству ясно предлагать свои речи и доказывать их, то таким образом может он убедить

своего слушателя, то-есть уверить его об истине своих предложений; а ежели слушатель имел о предлагаемой учителем его материи ложное понятие, или рассуждение, или умствование, то он опровергнет его мнение в том, то-есть изобличит его в погрешности, ежели только слушающий его употребит к тому надлежащее внимание; и для того всевозможным образом стараться должно, чтоб не приводить его в страсти, которые отвращают внимание.

108. Ежели о какой материи будут, с одной стороны, утвердительные, а с другой — отрицательные речи, то такой разговор называется спор.

109. Во время спора, ежели которая сторона не признает упрямо правильного убеждения или употребит при споре непристойные и противные речи, то в таких случаях, видя, что упрямо спорящий не к исследованию истины, но к защищению и уважению своего мнения или к удовольствию другой какой непристойной здесь страсти стремится, спор оставить должно.

110. Что касается до книг, то их есть два рода: одни из них содержат в себе правила, или генеральные предложения, и называются догматическими, а другие содержат в себе дела и происхождения и называются историческими. Первые из них утверждаются на бесспорных и неоспоримых основаниях, а другие основаны отчасти на истине, а отчасти и на правдоподобии.

111. Историю почесть бы можно было за верную такого писателя, который бы был просвещенного разума, который бы имел дарование изобретательного, а не подражательного духа, который бы был самовидец описываемых им случаев, который бы не признавал для себя ни отечества, ни чужой земли, который бы умел писать хорошо, только б не влюблялся так в свое красноречие, чтоб менять строгую правду на красоту своего слогу, который бы умел приводить свои страсти в согласие с законами справедливости, который бы не знал за правду ни какого страха, ни за ложь надежды. Но сколь трудно сыскать столько дарований, совокупленных в одном человеке, столь трудно найти точно праведную историю; однако, несмотря на сие, можно в ней верить приключениям и переменам генерально, а не в подробностях, а наипаче тем, в которых многие из

них, достовернейшие и оказывающие на себе по большей части вышечисанные, прямому историку пристойные качества согласны, и чтение истории полезно в рассуждении того, что она может исправлять в читателе нравы и разум.

112. История получает разные наименования в рассуждении разности предметов, которые она описывает. Когда она описывает происхождения и перемены натуральные, то называется натуральная история, когда церковные, то — церковная, когда гражданские, то — гражданская, когда ученые, то — ученая.

113. При чтении книг, а особливо догматических, надобно употреблять великое внимание и терпение, а без того не можно иметь успеху, да притом не надобно лениться прочитывать предисловия к книгам, потому что в них видеть можно расположение материи и намерение авторова.

МЕТАФИЗИКА

114. Метафизика есть такая наука, в которой преподаются общие понятия.

115. Для лучшего выразумения сего определения надобно внять следующие рассуждения.

116. Все познание человеческое начинается от чувств, а чувствами понимаем мы только единственные вещи, которые имеют при себе многие обстоятельства и ограничения, как, например, по времени или по месту, по которым они разнятся между собою так, что никогда одна другой во всех тех обстоятельствах и ограничениях не могут быть подобны; однако, несмотря на то, бывают у них некоторые свойства и приметы, по которым они сходятся между собою.

117. Когда мы во многих вещах находим некоторые свойства и приметы одинакие, то понятие таких свойств и примет называется генеральное, то-есть общее или отделенное от понимаемых вещей.

118. Таким образом, наука, в которой преподаются такие общие понятия, называется метафизика.

119. Метафизика содержит в себе онтологию, то-есть знание вещей вообще, и психологию, то-есть науку о духе, или о душе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБ ОНТОЛОГИИ

Онтология есть наука о вещи и ее принадлежностях.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О ВЕЩИ

120. Вещь называется то, что есть возможное; например, всякая тварь на свете называется вещь.

121. Возможное есть то, что не заключает в себе противоречия, а невозможное называется то, что заключает в себе противоречие; например, ученым быть есть возможное дело, потому что хотя есть и неученые люди, однако другие есть ученые, а чтоб круг был в одно время квадратом, то невозможно.

122. Ежели что заключает в себе и своем естестве противоречие, то называется то совсем невозможное (*absolute impossibile*); например, чтоб треугольник мог быть вдруг четырехугольник и треугольник, то это совсем невозможное; а ежели что не может быть по некоторым обстоятельствам и кондициям, то это называется положительно невозможное (*hypothetice impossibile*); например, чтоб кто лгал и других обманывал, то это возможное, однако для честного человека невозможное, то-есть положительно невозможное.

123. Бытие (*existentia*) есть состояние, способное к действию или страданию.

124. Посему выводить следствия от бытия к возможности и от невозможности к небытию можно, а от возможности к бытию и от небытия к невозможности — не можно.

125. Действие вещи есть перемена состояния ее, которой причина находится в самой переменной вещи; например, когда я пишу, то сие действие имеет в самом мне свою причину.

126. Страдание вещи есть перемена состояния ее, которой причина находится вне переменной вещи; например, ежели кто поражен будет молнией, то такого его страдания причина находится вне его самого.

127. Существо вещи (*essentia*) есть то, по чему ее от всех других отличить можно; например, ежели рассудить о твари, то она есть потому тварь, что ограничена и чрез ограничение как существо свое отличается от творца.

128. Из сего узнать можно, что всякая вещь должна иметь свое существо, что существо вещи есть необходимое, вечное, непременное и незаимствуемое, потому что ежели б оно хотя одно из противных сим качеств имело, то бы уже и самая вещь была не та, а другая.

129. Философы разделяют вещи на простые и сложные. Простыми называют те, которые не имеют ни величины, ни изображения, как, например, душа, а сложными — которые имеют величину и изображение, как, например, дерево, железо.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О ПРИНАДЛЕЖНОСТЯХ ВЕЩИ

130. Все то, что прилпеществует вещи, называется ее принадлежность (*affectio*); например, теплота огня есть его принадлежность.

131. Принадлежности вещи или основание свое имеют в существе ее или находятся при ней, кроме ее существа, и потому они разделяются на свойства (*attributa vel propria*) и на случайности (*accidentia*).

132. Свойства вещи суть те, которых причина находится в самом существе вещи; например, свойство вольности, чтоб жить так, как хочется; а случайности вещи суть те, которые не зависят от ее существа; например, Сократ был человек ученый, то ученость Сократова есть случайность в рассуждении его человечества.

133. Из сего разуметь можно, что при положении существа вещи полагаются ее свойства, что свойства вещи от существа ее отделиться не могут, что они суть необходимые, вечные, непременные и незаимствуемые, а случайности вещи от существа ее отделиться могут.

134. Возможность вещи, чтоб иметь ей участие в случайных качествах, называется ее способность; например, Юлий Цезарь имел искусство в военных делах, и сие его искусство составляло его способность.

135. Перемена случайностей вещи есть ее устройство (modificatio).

136. Те же или одинакие вещи суть те, из которых в одной содержится все то, что и в другой. А разные вещи суть те, из которых одна содержит в себе то, чего нет в другой.

137. Которые вещи имеют одинакие приметы, то называются подобные, а которые разные, то неподобные.

138. Количество или величина есть все то, что увеличить или умалить можно.

139. Равные вещи называются те, которые имеют одинакие количества или величины, а которые имеют разные, то называются неравные.

140. Подобные вещи могут различаться количеством или величиной так, что, будучи подобны, могут быть неравны, а иные вещи, будучи равны величиной или количеством, могут быть неподобны.

141. Нет на свете таких вещей, которые б были между собою во всем подобны; например, ежели положить какие вещи во всем подобные, то они различаться будут по крайней мере временем или местом.

142. Необходимое есть то, без чего быть не можно или что иначе быть не может. А случайное есть то, что иначе быть может.

143. Вещество, или состав, или материя (materia), называю я то, из чего состоит какая вещь; например, человеческое тело составляющие жилы, мясо и кости суть его вещество.

144. Господин Волтер * описывает мнение господина Нейтона о материи, из коей свет создан, нижеследующее: элементы, или первые основания материи, суть из материи; и сие мнение господин Волтер изъясняет так: материя есть вещь протянутая и непроницательная, коей внутреннюю натуру человеческий разум испытать не может. Мне как определение Нейтоново непонятно, так и толкование Волтерово темно; правда, что, может быть, сия темнота зависит от моего темного разума; что касается до последних

* «La métaphysique de Newton» par m. de Voltaire. [Вольтер, Метафизика Ньютона.]

слов толкования Волтерова, то я, разумея и почитая их за праведные, согласуюсь с ними и повторяю их, что человеческий разум внутренней природы материи испытать не может.

145. Подобие в расположении вещей называется порядком, а противное порядку называется замешательство.

146. Совершенство вещи полагаю я в том, когда у ней все свойства состоят в превосходной степени, а противное сему называю я несовершенством.

147. Философы разделяют еще порядок и совершенство на простые и сложные. Куды какая в сем важность!

148. Пригожее, или красивое, называю я то, что приятностью своею привлекает наши чувства, а непригожее, или безобразное, есть то, что скукою своею отвращает наши чувства.

149. Все приметы и существенные ограничения какой вещи составляют ее вид (*forma*); например, вид добродетели составляют такие дела, которые сходствуют с божьим законом.

150. Границу, или предел, какой вещи называю я небытие дальнего ее вещества.

151. Протяжение называю я определение границ какой вещи.

152. Пространство, рассуждаемое отделительно от тел, есть прямое ничто, а рассуждаемое в телах, есть протяжение.

153. Место какой вещи есть особый способ соприбывания ее с другими.

154. Время называется продолжение в последовании одних вещей за другими.

155. Фигура есть не что иное, как граница протяжения.

156. Ежели между разными переменами какой вещи определить какую-либо из тех перемен, то это будет состояние той вещи.

157. Основание (*principium*) называется то, от чего зависит другое; например, основание дня есть сияние солнечное; а основанное (*principiatum*) есть то, что зависит от другого; например, день, происходящий от солнечного сияния, есть основанное.

158. Причиною называется то основание, от которого зависит бытие другого; например, причина Гракховой смерти³ была доброжелательство его республике римской; а то, что зависит от причины, называется происхождение, или произвождение (effectus).

159. Философы разделяют причины на действительные и конечные, на свободные и необходимые, на натуральные и нравственные, на близкие и отдаленные; но это всякий разумный читатель сам собою знает от качества из вышеписанных случаев.

160. Надлежит знать, что всякая причина может быть основанием, но не всякое основание причиною; например, благополучие общества зависит от его добронравия; в сем случае добронравие общества назвать можно и причиною и основанием благополучия его; а, напротив того, предисловие книги можно назвать основанием ее, но не причиною, потому что причина книги есть надобность в ней обучающихся людей.

161. То, для чего какая причина действует, называется намерение или конец.

162. Средством называется то, что содержит в себе причину, для чего конец достигается, а противное средству называется препятствие; например, добродетель есть средство, а порок — препятствие к получению чести.

163. Всякая действующая причина имеет у себя нечто, во что она действует, и то называется ее предмет (objectum); например, предмет плотника — дерево.

164. Знаком называется та вещь, коей понятие производит понятие другой вещи, а означенное называется та вещь, коей понятие зависит от понятия другой вещи; например, знак печали — слезы; в сем случае означенное есть печаль.

165. Философы разделяют знаки и называют показательный — от показания вещи, предзнаменательный — от предзнаменования предбудущей вещи, необходимый — от природы вещи, произвольный — от произволения человеческого; но это читатель и сам от себя знает может.

166. Содержание всех созданных вещей называется свет.

167. Когда мы рассуждаем о понимаемых нами вещах и делах на свете, то усматриваем, что одни из них

производят других; и такая зависимость происходящих вещей или дел от производящих называется связь; например, король нумидийский⁴ Югурта после убийства братьев своих и после побега от него некоторых генералов не мог никогда спать спокойно, а часто просыпался вдруг и хватался за оружие, — здесь видима между злодейством и недовериваньем, угрызением совести и бессонницею его связь.

168. Из сего следует: 1. Что в натуре не делается ничего скачком, или без причины (философы разделяют еще и скачок на совершенный и зависящий. Этакая важность стоила внесения в философию!). 2. Что ежели мы полагаем на свете связь между делами и вещьми, то чрез сие уничтожается судьба, что и за справедливо почеть можно, потому что хотя мы иных нечаянных происхождений причин вдруг и не узнаем, однако строгим исследованием можно испытать те причины.

169. Это странно, что философы, не утверждая точно самой судьбы бытия, разделяют еще ее на магометанскую, стоическую и астрологическую, кои все одно значат.

170. Составляющие свет вещи суть сложные и называются тела, а телом называю я всякую такую вещь, которую осязать можно.

171. О частицах, из которых состоят тела, по незнанию не писал я, а другие писатели хотя и пишут об них, однако не могут доказать, простые ли они или сложные вещи, а я умничать о сем вдаль, кажется, что нет дальней нужды.

172. Способность какой вещи к действию ее называется могущество, а действующее могущество какой вещи называется ее сила; например, лук, натянутый тетивою, когда им не действуют, имеет могущество, а когда пустит из него стрелу, то это будет его сила.

173. Та вещь, которая имеет в себе действующую силу, называется сама по себе состоящая вещь, или, короче, субстанция (substantia).

174. Натурою, или естеством, называется действующая сила всякой вещи, и потому натуральное называется то, что из силы и существа какой вещи разуметь и истолковать можно; например, натуральное дело огня — жечь; а чего из силы и существа вещи разуметь и изъяснить не можно, то называется вышенатуральное, вышеестественное, или

чудо; например, вышеестественное дело, или чудо, было то, что пророк Моисей ударом жезла истощил воду из камня.

175. Надлежит беречься, чтоб не смешивать противуестественного с вышеестественным и чудного с чудом, потому что как противуестественного, так и чудного можем мы узнать причины, а вышеестественного и чуда причин узнать не можем; например, когда машиною поднимается вверх вода, то это (рассуждая о нем не по математике) назваться может противуестественное дело, также когда на движение часов смотрит простой человек, то это для него чудо, однако обоих сих случаев причины узнать можно.

176. Философы рассуждают о совершенстве света, а что касается до меня, то, видя великую в том трудность, оставляю сие на рассуждение самому тому премудрому существу, которое его создало, и говорю с господином Волтером*: кто может рассуждать о качестве здания по одной наружности, не видав его внутренности, а всей внутренности натуры никоим образом испытать не можно.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О ПСИХОЛОГИИ

177. Психология есть наука о душе.

178. Дух, или душу, разумеем мы такое существо, которое одарено волею и разумом.

179. Дух разделяется на конечный и бесконечный. Конечный дух полагается человеческая душа, а бесконечный — бог.

180. Присутствие пределов называется конечность, а отсутствие их — бесконечность.

181. О бесконечности, равно как о пространстве и материи, от многих веков спорят между собою философы и подают о том разные мнения. Господин Гельвеций** дал сим вещам вернее всех определения, которые написал я в сем сочинении.

* «La métaphysique de Newton» par m. de Voltaire.

** «De l'esprit» par m. Helvetius. [Гельвеций, Об уме.]

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О ВОЛЕ

182. Воля есть способность души нашей — желать того, что она почитает за доброе, и отвращаться от того, что ей кажется худое.

183. Как с желанием приятность и с отвращением скука нераздельно совокуплены, то для того здесь изъяснить должно, что есть приятность и скука.

184. Приятность (*voluptas*) от какой вещи есть не что иное, как представление себе ее совершенства.

185. О приятности примечать следующее:

а) Приятность бывает тем больше, чем точнее кто о совершенстве какой вещи рассуждать и чем яснее его узнать может.

б) Чем больше кто знает, что примеченное в какой вещи совершенство есть прямое совершенство.

в) Ежели же в какой вещи совершенство будет мнимое, то и приятность будет мнимая и переменяется в печаль и сожаление.

186. Скука (*taedium*) от какой вещи есть не что иное, как представление себе ее несовершенства.

187. Что говорено пред сим о приятности, то противное тому о скуке примечать должно.

188. Добро называется то, что поспешествует к нашему совершенству; а худо — что препятствует нашему совершенству.

189. Добро, которое поспешествует больше к нашему совершенству, называется большее, а которое меньше — меньшее. Меньшее добро в рассуждении большего почесть можно за худо, и меньшее худо в рассуждении большего почесть можно за добро.

190. Добро и худо разделяется на натуральное и нравственное: натуральное добро или худо есть то, которое полагают люди в действиях природы; а нравственное добро или худо есть то, которое находится в человеческих нравах.

191. Склонность к чему-либо, натуральная и зависящая от темперамента, называется правом, а приобретенная от причин частого желання чего-либо или отвращения от него способность называется привычка или обычай.

192. Склонность к тому, что мы почитаем за добро, называется желание, а удаление от того, что мы почитаем за худо, называется отвращение.

193. Воля имеет в себе некоторые свойства, как то: желания или отвращения, которые философы называют страстями; а я, рассуждая, что чувствительности к добру и к худу у человека отнять без перемены его существа никак нельзя, называю их свойствами воли до тех пор, пока они пребывают в равновесии с чувствуемыми предметами, как то и сами те философы говорят, что страсть есть безмерное, а не умеренное желание или отвращение от чего-либо; а как выйдут они из пределов равенства между чувствительностию человеческою и чувствуемыми вещьми, то тогда уж сделаются страстями; притом же страсти, сколько из опытов известно, можно умерить человеку, а свойств воли умалить никто не может, а кто бы и затеял притворить себя так, то притворит себя бесчувственным деревом, а не человеком; например, как можно любить то, что худо, и как можно ненавидеть то, что хорошо. Такие свойства воли за сим следуют.

194. Радость есть высняя степень приятности.

195. Радости противопоставляется печаль, которая есть не что иное, как высняя степень скуки.

196. Любовь есть не что иное, как желание благополучия.

197. Любовь к самому себе называется самолюбие.

198. От любви рождается сожаление, которое есть скука о чьем неблагополучии.

199. Ненависть есть желание неблагополучия.

200. От ненависти рождается зависть, которая есть не что иное, как скука о чьем благополучии.

201. Спокойствие духа есть радость об учиненном добре, а раскаяние есть не что иное, как печаль об учиненном зле.

202. Удовольствие, которое чувствуем мы от хорошего других о нас рассуждения, называется слава.

203. Стыд есть не что иное, как печаль о том, что мы почитаем вредящим нашу славу.

204. А как стыд происходит от того, когда мы почитаем в чем вред нашей славе, то следует из сего, что чем кто славлюбивее, тем стыдливее.

205. Надежда называется радость о предожидаемом добре.

206. Противная надежде боязнь называется печаль о предожидаемом зле.

207. Другие писатели определяют надежду радостью о предбудущем добре, и боязнь — печалью о предбудущем зле; но мы можем надеяться и бояться и того, что нам и не случится.

208. Печаль о причиненной досаде, соединенная с ненавистью к досаждающему, называется гнев.

209. Милость есть благодеяние, учиненное не заслужившему его человеку.

210. Надлежит отличать милосердие от милости, потому что оно есть по́мочь достойному человеку в его неблагополучии.

211. Все сии и другие свойства воли ежели выйдут из пределов равенства или равновесия между человеческою чувствительностию и чувствуемыми вещьми, то называются страсти.

212. Что касается до некоторых свойств воли, то, может быть, иной согласится почесть их за свойства воли; а что принадлежит до ненависти и гнева, что я их положил в числе свойств воли, то тут, думаю, скажет он, какие это свойства воли? Они суть прямые страсти; но я, не обинуясь, опять утверждаю, что ежели ненависть к кому равна будет причиненной от него досаде, также и гнев равен будет причиненному озлоблению, то они все еще будут свойства воли, а не страсти; а когда уже они выйдут из пределов такого равновесия, то тогда будут страсти.

213. Страсть (*affectus*) есть не что иное, как неумеренное желание какой-либо вещи или дела или такое же отвращение от них.

214. Все вышешписанные и некоторые другие свойства воли нашей чрез неумеренность свою переменяются в страсти, которые господин Картезий* разделяет на первоначальные (коих полагает шесть: удивление, любовь, ненависть, желание, радость и печаль) и на производные,

* «*Passiones animae*» per Renatum de Cartes, art. 69. [*Рене Декарт*, Страсти души.]

которые от вышеписанных происходят, как то: честолюбие, гордость, щедрость и прочая; но господин Гелвеций* разделил страсти лучше на натуральные и производные: в натуральных полагает он только приятность и скуку, а в производных — происходящие от сожития человеческого зависть, гордость, скудость, честолюбие и прочая.

215. Философы говорят, что страсти происходят от неясственных понятий и воображений, а я думаю, что неясственные понятия происходят от страстей, а страсти происходят от сильного поражения чувств и души; подобно тому, как сильный свет вредит зрению и сильный гром — слух, так сильные поражения, причиненные душе, отнимают у нее силы.

216. Во всякой страсти есть или приятность, или скука, или обе вместе, смотря по разности представления чувств.

217. Беспристрастие, или равнодушие (*indifferentia*), есть то, когда какой человек ни к совершенствам одной вещи, ни к несовершенствам другой не имеет великой чувствительности.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О РАЗУМЕ

218. Разум есть способность человеческой души представлять себя явственно истины.

219. Действие то, когда душа представляет себе и понимает вещи, называется познание (*cognitio*).

220. Мы понимаем иные вещи темно, другие неясственно, а иные явственно; а познание вещи темное и неясственное общее есть человеку с другими животными, почему оно и называется нижнее познание; а познание вещи явственное, также рассуждение, заключение о ней и отделение понятий от предметов называется вышнее понятие, потому что оно примечено свойственным одному человеку.

221. Теперь я предлагать стану о нижнем познании, до коего принадлежат способности чувствования, воображения и памяти.

* «De l'esprit» par m. Helvetius, [t.] 2, d. 3, c. 9. [Гельвеций, Об уме.]

222. Мы можем присутствующие с нами вещи представлять себе, что называется чувствовать вещи; и сами те понятия, или представления, вещей называются чувствования (sensationes); например, когда мы видим сад, наполненный разными деревьями, тогда понимаем деревья присутствующие с нами, то-есть чувствуем их.

223. Присутствующие нам вещи называются те, которые в чувственных наших орудиях производят перемену; а чувственные орудия, или просто чувства, суть видение, слух, обоняние, вкус и осязание.

224. О чувствовании надобно примечать следующее:

a) Не одно тело, не одна душа чувствует, но иную должность имеет тело, а иную душа, и действуют как бы соединенными силами, то-есть тело при чувствовании принимает перемены, произведенные в чувственных орудиях наружными вещами; например, когда мы гром от выстрела пушки ушами понимаем, то это делается так, что колеблемый и дрожащий воздух стремится в уши и ударяет там орудие слуха (и сие касается до тела), а душа того ж времени представляет себе ту причиненную в ушах перемену.

b) Как большой свет затмевает меньшего, так и сильнейшее чувство преодолевает слабшего; например, во время колокольного звона, стоя подле колокольни, трудно слышать речи, также во время солнечного сияния немного виден огонь зажженной свечи.

c) Когда наружные вещи действуют в чувственные орудия и производят в них перемены, то душа не может их не чувствовать; например, не можно не видеть вещи, когда она попадет в глаза, а можно, напротив того, воспрепятствовать наружным вещам ударять в чувства, как, например, зажавши уши, не слышать, нос — не нюхать и прочая.

d) То не в нашей состоит воле, чтоб иметь то чувство, которое хочется; например, во время зубного боля не можно иметь того чувствования, которое в здоровьи и весельи.

e) Таким образом, можно почитать чувства за окна и двери души, сквозь которые от наружных вещей вид входит в душу.

225. Мы можем не только те вещи, которые присутствуют при нас, понимать, но еще и отсутствующих вещей,

которые мы прежде поняли, возобновлять понятие в нашей мысли и оживлять их вид в души нашей; например, как Виргилий пишет о любви Дидоны к Энею⁵, что она его отсутствующего от себя видит и слышит.

226. Способность души нашей, чтоб представлять себе отсутствующие вещи так, как присутствующие, называется воображение.

227. Надлежит примечать, что мы не можем того воображать себе, чего прежде не чувствовали, что воображение есть продолженное чувствование, что потому не состоит в нашей воле и что воображение сильнее бывает тогда, когда почти все чувства находятся в спокойстве, как то в темном, безмолвном и благорастворенным воздухом наполненном месте.

228. От способности воображения зависит способность выдумыванья, которое состоит в совокуплении разных воображенных вещей в одну, как то рисуют коня с крыльями⁶.

229. Ежели при совокуплении воображенных вещей будут понятия их несходны, то такая выдумка называется химера; например, ежели сказать: ноги видят.

230. От воображений много зависят и сновидения, которые суть действия воображения, которые душа имеет во время покоя чувств.

231. Как посредством чувствования понимаем мы присутствующие вещи, так чрез воображение представляем себе и возобновляем вид прежде понятых вещей; а чрез память познаем, что понятия, которые снова производим чрез воображение, суть те, которые мы прежде имели.

232. О памяти надобно примечати следующее:

a) Узнав качество своей памяти, не должно обременять ее много, а смотря по силам.

b) Чтоб память о понятых вещах была сильнее, то надобно чаще о них думать.

c) Что мы явственно понимаем, то легче помнить можем, нежели что неявственно.

d) Великость памяти узнается из того, когда кто скоро, легко и много поймет и понятое долго помнит.

233. Часто случается, что понятие, которое начинает возобновляться от воображения, бывает темно и долгою

времени или другими какими обстоятельствами почти истреблено из мысли; и мы такое темное понятие переменим иногда в ясное посредством некоторых примет и знаков в рассуждении времени или места, что называется воспоминать; итак, воспоминание есть не что иное, как нескорая, или неполная, память, или способность души нашей признавать прежние понятия по некоторым обстоятельствам и перемениать темные понятия в ясные.

234. Противное памяти забвение есть слабость души нашей к возобновлению и признанию понятия, то ли оно, которое мы прежде имели, или другое.

235. Безразумные животные имеют чувства, мысли, воображение и память. Что чувства имеют, то всякому и без изъяснения известно; например, когда хозяин кликнет собаку, то она бежит к нему, а когда ударит ее, то она кричит; что воображение и память имеют, то видно из того, что как только кошке показать плеть, то она тотчас бежит прочь, по воображению прежних побоев, и что собака ежели отлучена будет на несколько времени от своего хозяина, то, увидев его, опять ласкается к нему.

236. За сим следует предлагать о вышнем, или человеку принадлежащем, познании, то-есть о внимании, разуме и уме.

237. Внимание (*attentio*) называется то, когда мы, примечая какую вещь, делаемся о ней сведомее, нежели о других, находящихся вместе с нею.

238. О внимании надлежит примечать следующее:

а) Внимание будет тем больше, чем более мы рассматриваем какую вещь и разбираем по ее частям.

б) Самое сильное внимание какой вещи будет то, когда человек между шумом и звуком так внимает ее, что о других вещах, сильно поражающих его чувства, не будет сведом, как то Архимед во время взятия римлянами города Сиракуз сильно внимал математические фигуры, потому что он в такой тревоге и смятении всего города убит был солдатом при разборе тех фигур.

с) Внимание увеличивается частым упражнением, то-есть надобно приучать внимание к потребным вещам чрез отвращение чувств наших от ненадобных вещей, потому

что внимание одной вещи умалывается чрез чувствование и воображение других.

239. Ежели мы рассматриваем внятно части какой истины, то такое внимание называется размышление (*reflexio*).

240. Разум есть (как и выше объявлено) способность души нашей, по которой мы можем представлять себе истины явственным образом.

241. О разуме примечать следующее:

a) Чем больше вещей может кто явственно себе представить, тем больше будет его разум.

b) Чем явственнее кто понимает вещи, тем больше его разум.

242. Когда мы вещи, находящиеся пред нами, понимаем только неявственно, то для того следует разуму изыскивать об них явственные, общие и отделенные от них понятия; например, чтоб узнать, когда кто сердится, то на это довольно одних чувств, а чтоб познать, что есть гнев, то на это надобно разума.

243. Действия разума суть явственное понятие, рассуждение и умствование.

244. Когда кто в какой вещи многие обстоятельства различать и в нескольких вещах подобия усматривать может, то такая способность человеческой души называется ум.

245. Из сего видеть можно, что к произведению явственных и отделенных понятий надобно ума.

246. Об уме примечать следующее:

a) Уму приписываются хорошие басни, выдумки, замыслы и речи, шутливо, коротко и остро сказанные.

b) Умом мы познаем связь генеральных истин, то-есть умствуем. К сему примером служить может основательное знание науки, также знание искусного обхождения с людьми.

c) К уму принадлежит и проницание, то-есть провидение в настоящих делах связи, и предвидение будущих и могущих быть происшествий.

d) При уме имеют люди остроумие, то-есть такое качество ума, по которому он может скоро и много обстоятельств приметить в какой вещи; также и глубокоумие, по

которому качеству человек может многие обстоятельства в какой вещи разобрать хотя не так скоро, однако явственно и тонко. И сии два дарования редко бывают совоплнены в одном человеке.

247. Ум от разума так отличается, как слово уметь от слова разуметь, то-есть когда кто умеет какое дело, то это будет большая степень его знания, нежели как когда он только его разумеет; например, ежели кто разумеет какую задачу из математики, то еще не следует из того, чтоб он тот же час мог истолковать ее другому, а когда он ее умеет, то уж может тот же час и истолковать другому.

248. Согласно с разумом, или умом, называется то, что из известных общих истин чрез верные следствия вывести можно, а противное разуму или уму называется то, что не сходствует с известными общими истинами.

249. Чем больше примечает человек обстоятельств в какой истине и чем больше их рассуждениями и заключениями своими разбирает, тем ведомее она ему становится; и такое действие человеческого ума называется умствование (ratio), посредством коего приходит в приращение и силу всякая наука, которая есть не что иное, как способность человеческого ума доказывать и выводить свои предложения из верных и неоспоримых оснований.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ

1. Философия правоучительная есть наука искания благополучия.

2. Философию правоучительную определяют некоторые писатели наукою благополучия; но сие определение кажется мне неверно для того, что иной философ со всею своею глубочайшею философиєю и строгим наблюдением ее правил, наставляющих к добродетели, пребывает неблагополучен, как то из кончины первого правоучителя Сократа видеть можно. Надобно знать, что благополучным быть не всегда зависит от добродетели; а разве кто стоическим манером вздумает и в крайнем своем неблагополучии

воображать себе, что он благополучен, так это будет по прямому разуму грезить, а не философствовать, потому что философы сами говорят, что благополучие есть постоянное веселие, а не воображение постоянного веселия; правда, что добродетель может всегда облегчать тяжесть неблагополучия, но не всегда отвращать его может, и посему кажется мне лучше определять философию наукою искания благополучия (хотя оно иногда и не сыскивается), а не наукою благополучия; и такое их определение тогда будет справедливо, когда по крайней мере две трети вселенная будут добродетельны; но такое счастье, почти невозможное иметь когда-либо человеческому роду, весьма ненадежно, потому что весь свет согласно старается прежде и больше усилить себя в разуме, нежели в добродетели.

3. Из опытов известно, что воля наша желает того, что мы почитаем за доброе, и отвращаемся от того, что мы почитаем за худое; но мы часто ошибкою почитаем худое за доброе, а доброе за худое, или иное хотя и добро, но оно добро для нас по натуральному, а не по общему с людьми житию; и для того надобно здесь показать правила, по которым бы мы могли склонять нашу волю так, чтоб она желала прямого добра и отвращалась бы от прямого худа, которое б добро или худо признано было таковым по всем возможным правам.

4. И таким образом, права те и основываемые на них законы, которым воля наша следовать должна в желании прямого добра и в отвращении от прямого худа, содержит в себе философия нравоучительная.

5. Нравоучительную философию разделяю я на юриспруденцию и политику.

6. Я думаю, что иным читателям такое мое разделение нравоучительной философии покажется странным, и они чаятельно скажут: предложенная мною юриспруденция есть не юриспруденция и что юриспруденция имеет особые свои, отличные от моих правила; но я надеюсь уверить их, что в сем деле не преступил моего долга и предлагаю им самую истину.

7. Юриспруденция есть знание всех возможных прав или правостей, и философы называют знание употребительных на свете законов юриспруденциею несправедливо,

а лучше такое знание называть легиспруденциею, то-есть знанием законов, а не юриспруденциею, то-есть знанием прав. Законы разнятся от прав, потому что законы хотя по большей части основаны на справедливости, но иные из них случаются основанные на несправедливости; например, закон, который дозволяет пленника продать, купить, сделать рабом и содержать его произвольным образом, есть закон, хотя и не основан ни на каком праве, ни справедливости; напротив того, право, какое бы оно ни было, только б право, а не криво, не может по существу своему иметь в себе никакой несправедливости.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

8. Юриспруденция есть знание всех возможных прав или правостей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О ПРАВАХ

9. Основание всякого доброго или беспристрастного, то-есть ни худого, ни доброго в рассуждении всех чувствующих тварей, дела называю я правом или правостию, или справедливостью; например, право есть человеку любить своего ближнего, для того чтоб быть и от него любиму, также право есть человеку питаться, потому что сие дело хотя не приносит ни пользы, ни вреда другим людям, однакож оно нужно для соблюдения жизни человеку.

10. Сие право называю я божественным, потому что оно произведено от самого бога, вечным, — что с ним пребывает и пребывать должно, необходимым, — что без него все чувствующие твари страдать должны, непременимым, — что не зависит от твари, а от творца.

11. В рассуждении зависимости или намерения право, или общее право, разделяется на многие особенные, как то: на право натуральное, право всемирное, или право народов, право гражданское и прочая.

12. Правость, уноровленную в рассуждении человеческой природы и по мере слабости ее называю я натуральным правом (*ius naturae*); например, чтоб человеку разделять время своей жизни смотря по своей натуре, то-есть по своим силам; на пицу, безвинную забаву и отдохновение есть натуральное право.

13. Правость, наблюдаемую от всех вселенныя народов в обхождении между собою для взаимного их благополучия, называю я всемирным правом, или правом народов (*ius gentium*); например, поступать так с другими народами, как бы желательно было, чтоб и они с нами поступали, есть всемирное право.

14. Правость, уставленную в гражданах для спокойного их сожития и постоянного благополучия, или равновесия их, называю я гражданским правом (*ius civile*); например, всякому гражданину стараться по мере своих сил о пользе своего общества, и обществу награждать своих граждан по мере их достоинства есть гражданское право.

15. Ненасытные самолюбцы, не зная, или не хотя зная, в чем состоит истинное право, выдумали еще некое военное право, которое никогда не было, ни есть и не будет правом; а ежели его, в укоризну и поношение истинного права, пребывающего под опекою самого всемогущего божества, назвать правом, то определение ему полагаю я нижеследующее: бесчеловечное желание, сопряженное с могуществом и силою, чтоб причинять своему ближнему всевозможный вред, даже и самую смерть без страха казни, называю я военное право.

16. Некоторые писатели объявляют, что войну вести право имеют обладатели *, а мне думается, что никто на свете не имеет права к войне, кроме таких людей, которые так обижены, что обида их стоит по справедливости войны, и когда притом они к доставлению себе удовольствия не имеют другого средства, кроме войны.

17. Из вышеписанного следует, что сколько мы иметь можем добрых и праведных намерений, то столько и прав быть может.

* Guygens «Kriegsrecht» ?.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О ЗАКОНАХ И ОСНОВЫВАЕМЫХ НА НИХ ДОБРОДЕТЕЛЯХ

18. От разных прав, как от корней ветви, происходить должны разные законы, как то: от божественного права — божественные, от натурального — натуральные, от всемирного — всемирные, а от гражданского — гражданские законы и прочая.

19. Как всех прав существо состоит в праведном и полезном для человеческого рода намерении, то потому они все без изъятия справедливы, следовательно, и законы, основанные на тех правах, суть справедливы; а ежели какие законы не на них основаны, то они не могут быть справедливы.

20. Теперь следует мне определить закон, но для лучшего познания его надобно прежде знать, что есть обязательство.

21. Обязательство называю я склонение по воле или понуждение по неволе к какому-либо доброму делу посредством воздаяния; и дело, по такому склонению или побуждению производимое, называется должность.

22. Как человеческая воля склоняется к чему или отвращается от чего по причинам, то следует из сего, что при обязательстве к какому-либо делу надобно показывать причины, и потому:

a) Чем больше причин и чем они сильнее к учинению или к оставлению какого дела, тем больше растет обязательство.

b) Чем больше кто умен, тем большее для него обязательство, потому что больший ум человек больше усмотрит побудительных причин к учинению или к оставлению какого дела, нежели меньший умом.

c) На того не спадает обязательство, кто не имеет разума, и потому младенцев и лишенных разума людей обязывать не можно.

d) На невозможные дела, или которые не состоят в нашей силе, нет обязательства.

e) Не должно и непристойно обязывать к натуральным и к худым делам, а только к свободным и добрым.

f) Кто обязывается к чему, тот обязывается надеждою или страхом.

23. Закон называю я правило или повеление, по которому человек дела свои располагать обязывается страхом наказания или надеждою награждения. А то правило, которому следовать может человек с полною свободою, также без страха наказания и без надежды награждения, называю я советом.

24. Закон не может быть без обязательства, а обязываемся мы искать добра и бегать от зла, и потому следует описывать в законе пользу или вред от какого-либо дела; а из сего следует, что закон обязывает только того, кому он известен.

25. А как иные люди сыскаться могут, что не захотят знать закона, или хотя и будут знать, да станут извиняться притворным незнанием, то для того все граждане без изъятия обязываются к знанию законов; и в таком случае, чем меньше законов, тем легче их знать и исполнять; что же во многих обществах видимо многозаконие (плод человеческих неправостей) и как там незнание какого-либо закона может быть иногда справедливо, то потому и извинительно.

26. Законы разделяются на божественные, натуральные, всемирные, гражданские.

27. Божественный, как создателей закон, промысляет благополучие вообще для всех его тварей и не подвержен никакой перемене; он содержит в себе известные истинным богочтителям десять заповедей, которые своим содержанием так обширны, что нет той добродетели, которая б не сходствовала с ними, и нет того порока, коего б они не запрещали.

28. Закон натуральный есть натуральное побуждение в человеке к тому, что он делать хочет или не хочет; например, законы натуральные суть следующие: есть, пить, гулять, забавляться, искать приятного, отвращаться от противного, беречь свой живот, защищаться силою от наносимого вреда, а ежели нет силы, то убегать и прочая.

29. Философы называли все правила, ведущие нас к добродетели, даже и такие, которые выше сил человеческих, то-есть выше человеческой природы, натуральными

законами; и как я догадываюсь, то не в рассуждении приличества и сходства их с существом человеческой природы, как то и надлежало б, а в рассуждении количества твердости человеческой природы в терпении, то-есть сколько она, хотя с крайнею нуждою, даже и с лишением самого живота, выдерживать может; но понеже божественные и гражданские законы даны человеку по сходству и приличеству с человечеством и с житием его в гражданстве, а не превосходящие сил его в обоих сих состояниях, то потому я и натуральными законами называю те законы, которые сходятся с человеческою природою, а не превосходят ее.

30. Закон всемирный называю я тот, который служит к беспрепятственному всех вселенных народов обхождению между собою, как, например, посылать послов, содержать ненарушимо трактаты и прочая.

31. Закон гражданский называю я тот, который промышляет благополучие одним только своим гражданам, не заботясь о других, и подвержен в рассуждении времени или места перемене; например, законы гражданские суть приобретать имение без обиды ближнего, пользоваться своим, не трогать чужого, любить своего согражданина и прочая.

32. А как из человеческих дел некоторые основание свое имеют на всех сих законах, а другие основываются только на некоторых из сих законов, то я стану предлагать о делах человеческих вообще и упоминать буду при каждом, на каком оно законе или праве основано.

33. Что называю я здесь все те дела, которые человек предпринимать может, вообще человеческими, то не для того, чтоб в них и другие животные не имели участия, а для того, что человек преимуществует пред другими животными; впрочем, дело называется человеческим то, которое сродно одному человеку, как, например, уметь и заключать; а дело, которое приличествует как человеку, так и другим животным, называется дело животных, как, например, есть, пить, спать и прочая.

34. От сего правила разуметь можно, какие дела называть должно, например, королевскими или генеральскими, и какие дела — делами того короля или того генерала, то-есть дела, сходственные с существом королевского или генеральского чина, называются королевские или

генеральские, а не сходствующие называются дела того короля или того генерала.

35. Из опытов известно, что дела наши иные не зависят от нашей воли, а другие зависят; первые из них называются дела необходимые, или натуральные, а другие свободные, или нравственные; например, что душа думает и производит понятия, то это действие души есть необходимое, или натуральное, потому что оно не состоит в человеческой воле, чтоб ему думать или не думать; а ежели кто обижает своего ближнего, то это будет свободное дело, потому что он мог бы его и не обидеть, ежели б хотел.

36. Между делами необходимыми полагаются еще смешанные, которые суть таковы, что человек предпринимает их, крайнюю нуждою побужденный, без чего б он того никогда не сделал; например, когда больной антоновым огнем даст отрезать больной член, то это будет смешанное дело.

37. Всякое свободное дело есть таково, что от него происходят в человеке или в его состоянии некоторые перемены и следствия, и бывает доброе или худое.

38. Дело доброе называется то, которое клонится к чьему благополучию без обиды других, а худое есть то, которое способствует к чьему неблагополучию, или хотя и к благополучию, да с обидою других.

39. Кроме худых и добрых дел есть еще и беспристрастные (*actiones indifferentes*), которые не клонятся ни к благополучию, ни к злополучию как по намерению производящего их человека, так и по следствиям, происходящим от тех дел, хотя некоторые и не признают сей истины, выводя из них смешные следствия*; например, ежели махнуть палкою по воздуху, то как такое дело никому и ничему ни вредно, ни полезно как по намерению, так и по следствиям его, то потому оно и есть беспристрастное.

40. Причину, для чего какое дело есть доброе или худое, надобно искать в его натуре и следствиях.

41. Распоряжение или учреждение дел по какому-либо предприятию порядку называю я поступкою.

* «*Erste Gründe der gesamten Weltweisheit, praktischer Teil*», § 20, von Gotsched. [*Готшед*, Первые основания общего мировоззрения, практическая часть.]

42. Способность или склонность в человеке к наблюдению правости называю я добродетелью, а склонность к преступлению правости — пороком.

43. Одна есть добродетель и один порок; только по различию случаев употребления их получают они имена разных добродетелей и пороков, и такая добродетель и порок в своей натуре неприменны.

44. Склонность в человеке к таким делам, которые не причиняют ни пользы, ни вреда его ближнему, называю я качеством его; и ежели оно приятно кажется, то называю я его хорошим, а когда противно, то дурным. Таких качеств в человеке одобрение и оуждение подвержены переменам в рассуждении особы, времени и места.

45. Из сего следует, что такого человека, который всегда исполнял добродетель, а однажды попал в порок, порочным, и такого, который всегда находился в пороках, а однажды учинил добродетель, добродетельным называть не должно, потому что от [такой] одной добродетели или порока не можно еще заключить способности в человеке к добродетели или пороку.

46. Добродетельным и порочным делается человек не вдруг, а чрез частое упражнение в добродетели или пороке.

47. Средства к приобретению добродетели суть точное познание прямого добра и прямого худа, также подражание примерам других добродетельных людей.

48. Кто убегает худых дел в надежде награждения или для страха наказания, тот не добродетелен, потому что добродетель есть склонность и способность, а не понуждение к наблюдению правости.

49. То добро, которое воздает законодавец за хорошие дела, называется награждение, а зло, которое воздает он за худые дела, называется наказание.

50. Когда за какими делами следуют натуральным образом награждения или наказания, то они называются натуральные, а уставленные от законодавцев называются положительные.

51. К добродетельным и порочным делам побуждают нас не больше законы, как и обычаи, под которыми разумею я долговременное употребление чего по собственной воле или по подражанию другим.

52. Как человек не вдруг делается добродетельным или порочным, а чрез долговременное упражнение или обычай, а обычай или привычку редко кто переменить может, как то из опытов известно, то для того всякому обществу для отвращения своих граждан от пороков полезно стараться (буде можно) прежде не допускать их к порокам, для того что тогда, как они навькнут к ним, и наказания уж мало пользуют и нескоро отвращают их от пороков.

53. Когда человек, предпринимая какое дело, рассуждает об его доброте или худобе, то такое рассуждение называется совесть.

54. Сожаление об учинении или неучинении какого дела называется угрызение совести, а когда мы не имеем никакого сожаления об учинении или неучинении какого дела, то это называется спокойство совести.

55. Философы разделяют еще и совесть на предыдущую и последующую, на правдоподобную и ложную и прочая; такое их изобретение стоит великого панегирика.

56. Вменять кому какое дело есть не что иное, как почитать его свободною причиною и начальником того дела по разуму и воле, так чтоб следующее за то награждение или наказание ему ж принадлежало.

57. Из вышеписанного следует, что нельзя вменять человеку натуральных невозможных, не в его власти и силе состоящих, также и в лишении ума и в непресборимом неведении и погрешении учиненных дел; а противные сим дела можно вменять человеку, хотя бы он сам их сделал или посредством другого, склонив его к тому советом, повелением, обещанием награждения или страхом наказания; а из сего уже без трудности разуметь можно, какое вменение называется основательное и какое неосновательное.

58. Ежели кто учинит какое злое дело или пропустит доброе по нерадению или неведению, которого убежать ему можно было, то в таком случае приписывается тому человеку погрешность, а когда он учинит злое дело или пропустит доброе нарочно и по намерению, то тогда приписывается ему коварство.

59. Всякое такое дело, которого требует праведный закон, называется должность.

60. Из должностей человеческих главнейшая есть припошение благодарности богу за бесчисленные его к нему благодеяния, а прочие, которые человек в рассуждении самого себя и в рассуждении других имеет, суть три: 1 — в рассуждении души; 2 — в рассуждении тела; 3 — в рассуждении наружного состояния.

61. О всех сих должностях надобно стараться человеку, и ни одной пренебрегать не должно; но ежели будет такой случай, что всех должностей исполнить не можно, то тогда должно предпочитать должность к души должности к телу, а должность к телу — должности к наружному состоянию.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О ДОЛЖНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В РАССУЖДЕНИИ САМОГО СЕБЯ

62. Что касается до должности человека к души, то надобно ему возможным образом приводить познание свое в совершенство.

63. Человеку всего на свете познать не можно, и для того лучше ему знать меньше явственно, нежели больше неявственно, лучше знать необходимое, нежели полезное, и полезное лучше, нежели забавное.

64. Остроумие (*acumen*) есть способность души нашей, чтоб уметь различать в вещах многие приметы.

65. Глубокоумие (*profunditas intellectus*) есть такая способность души нашей, по которой можно узнавать приметы примет в вещах.

66. Разумение (*intelligentia*) есть искусство понимать правила какой науки.

67. Знание или наука (*scientia*) есть искусство предложения свои доказывать.

68. А как всякое искусство приобретается упражнением, то, следовательно, и наука приобретается чрез чтение догматических книг.

69. Основательность (*soliditas*) есть искусство уметь так связывать свои умствования, чтоб из одного предложений выходило другое.

70. Чрез прозорливость (*prudentia*) разумею я искусство, чтоб уметь известные на свете к достижению доброго

намерения, добрые и пристойные средства скоро производить в действо.

71. Из сего следует, что прозорливый человек должен наблюдать все обстоятельства предпринимаемого дела, как то: время, место, персону и прочая, принаравливаясь к склонностям других людей и не пропускать случая к исполнению своего намерения.

72. Для приобретения прозорливости надобно иметь всегдашнее упражнение и обращение в делах, чтоб узнавать их скоро причины, связь и происхождение.

73. История показывает нам дела и происхождения их благополучные и неблагополучные, также причины, средства и препятства их, и для того она много способствует к приобретению прозорливости.

74. Хитрость называю я искусство, чтоб уметь выдуманные уже другими к достижению худого намерения или хотя и доброго намерения, да худые средства скоро производить в действо.

75. Художество называю я искусство силами тела сделать то, чего по одной натуре не можно, как, например, уметь рисовать, танцовать и проч.

76. Мудрость есть искусство уметь выдумывать к достижению доброго намерения и производить в действо пристойные и притом добродетельные средства.

77. А как в ином намерении случаются препятства, то мудрый человек должен уметь отвращать такие препятства.

78. Иные препятства случаются таковы, что нимало не зависят от предпринимаемого намерения, и потому их предвидеть нельзя; то следует из сего, что погрешают те, которые требуют от мудрого человека, чтоб он предвидел всевозможные препятства; а надлежит требовать от него предвидения таких препятствий в делах, которые с ними связь имеют.

79. Мудрый должен знать жить и действительно жить по всем правам и непорочным законам.

80. Что касается до должности человека к телу, то надлежит ему беречь здравие и живот свой всевозможным образом.

81. Для соблюдения здравия должно беречься от излишества и недостатка в кушании, питии, сне и труде, когда

будет можно, потому что воздержание от излишества всякому человеку возможно, а осторожность от недостатка не всякому возможна.

82. Качество в человеке, чтоб употреблять столько пищи и питья, сколько потребно для сохранения здравия, называется воздержание, а неумеренность в пище и питии — невоздержание.

83. Из сего следует, что надобно ни больше, ни меньше, а столько употреблять кушанья и питья, чтоб только возобновить, а не отяготить свои силы.

84. Не употреблять роскошного кушанья и питья, которые умножают к себе желание, потому что они нечувствительным образом ослабляют человеческие силы.

85. Воздержания плод есть веселый и спокойный дух, также и самое кушанье и питье воздержным людям приятнее, нежели невоздержным, не упоминая об убытке, в имени происходящем от невоздержания.

86. Часть невоздержания — лакомство состоит в неумеренной охоте к сладкой пище.

87. Часть невоздержания — пьянство состоит в неумеренном употреблении питья, которое мучит голову и человека делает неспособным к должности.

88. Пьянство человека наконец ума лишает, и редко какого худого дела не предпримет он в пьянстве.

89. Противная пьянству трезвость есть умеренность в питии и столько полезна, сколь вредно пьянство человеку.

90. Целомудрие (*castitas*) есть качество в человеке, умеряющее любовное желание.

91. Сие качество сберегает человеку здравие и красоту тела.

92. Похоть (*libido*) есть качество, состоящее в неумеренности любовных желаний.

93. Похоть умаляет в человеке живость духа, отнимает здоровье и красоту тела, причиняет убытки в имени.

94. Для умерения похоти можно воздержатъ себя от побудительного к тому кушанья и питья, удаляться от слушания бесстыдных речей, не читать любовных книг и пребывать в трудах.

95. Когда какой человек трудится по должности своей столько, сколько здравие его без повреждения снести может, то такое качество называется прилежность, а противное ей качество — лень есть удаление от должных трудов; только ж праздности маловременной для отдохновения после трудов не надлежит смешивать с ленью.

96. Наружное состояние человека составляют именование, честь и счастье.

97. Что касается до имени, то должно его содержать так, чтоб одна часть его употреблялась на настоящие нужды, другая бы хранилась на предбудущие, а третья (ежели будет) служила бы для выгоды, забавы и украшения.

98. Где предписания нет человеческому содержанию, там навывают к роскоши люди так, что едва самые крепкие духом могут что соблюсть на предбудущее время; итак, исполнение сего правила зависит больше от начальников, нежели от подчиненных.

99. У кого есть больше имени, нежели сколько надобно на настоящие и будущие нужды, также на выгоду, забаву и украшение, тот называется богат; у кого есть столько имени, сколько надобно для настоящих и будущих нужд, также для выгоды, забавы и украшения, тот называется достаточный человек; у кого есть столько имени, сколько потребно на пищу и одеяние, тот называется недостаточный человек; а у кого нет и столько имени, сколько надобно на пищу и одеяние, тот называется убогий человек.

100. И посему нельзя еще называть того богатым, кто не убог, ни убогим, кто не богат.

101. В нашем российском народе вошло в обычай называть убогого человека бедным, а простой народ подлым; а мне думается, что бедным называть должно того, кто не может трудом своим сыскать пропитания, а разве милостынею, а подлым того, кто упражняется в порочных делах.

102. Умеренное желание такого имени, которого довольно было для житейских нужд и украшения, по моему мнению, назвать можно любостыжанием; и когда оно уже будет неумеренное, то бы я думал называть его жадностью к богатству или прелюбостыжанием (*avaritia*);

а кто о приобретении имени не заботится, то такое качество назвать можно беспечностью.

103. Ежели кто расточает свое имение неумеренно, то сие качество называется мотовство, ежели кто столько издерживает имения, сколько законы разума, справедливости и благопристойности требуют, то такое качество называется бережливость; а ежели кто не издерживает столько имения, сколько по законам разума, справедливости и благопристойности потребно, то такое качество называется скудость, и когда она доходит до вышней степени в каком человеке, то называется он скряга.

104. Скупость и жадность человеческую не должно заключать в тесных пределах одного обыкновенного имения, она пребывает еще в чести, славе, хвале и любви; я удивляюсь тому, что философы истолковывают такие мелочи, которые всем понятны, а сего не всякому известного не изъясняют; я не знаю, как думают о том другие люди, а что касается до меня, то мне скряга в сих человеческих удовольствиях кажется ненавистнее скряги в обыкновенном имении, потому что последний хотя по смерти, однакож бывает полезен обществу, а первый, напротив того, всегда вреден для общества, он при жизни своей беспокоит и мучит своих ближних, а и по смерти своей оставляет по себе в наследие другим рассеянные им и возвращенные плевелы взаимной ненависти между жителями своего общества.

105. Трудодобивые, или прилежные, люди называются те, которые трудятся по мере своих сил, не употребляют отдохновения, приближающегося к лени, предпринимают труды, пристойные своему состоянию, и они суть не прелюбостязательны, то-есть не жадны к богатству.

106. Беспечные или нерадетельные люди поступают весьма глупо: они живут на свете, а о том, чем жить, не думают.

107. Бережливый или любостязательный человек ни расточает, ни влюбляется в свое имение, и хотя он его потеряет, то не предается неутешной печали, напротив того, жадный к богатству или прелюбостязательный человек всегда претерпевает беспокойство и заботу об имении и ненависть от других.

108. Щедрость (*liberalitas*) есть качество, состоящее в раздаянии подарков и милостыни; и когда она сделается несколько велика, то называется великолепие.

109. К щедрости и великолепию никто не обязан.

110. Такие вещи, которыми все люди без разбору пользоваться могут, называются общие или общественные, то-есть принадлежащие обществу всего народа; например, вода, огонь, воздух и прочая; а те вещи, которыми какой человек пользуется один с исключением других, называются собственные его вещи или собственное имение; например, когда кто своим коштом состроит дом, то он будет его собственный.

111. Правило общее о собственном имении, что не должно беспокоить никого в его имении никаким образом.

112. Тремя образами можно кого беспокоить в его имении, а именно: чрез кражу, грабеж и обман.

113. Кража есть взятие чьей вещи без воли и знания хозяина ее и без намерения взявшего ее, чтоб отдать обратно.

114. Грабеж есть взятие чьей вещи, хотя с знанием, однако против воли хозяина ее.

115. Обман есть взятие чьей вещи либо с согласием хозяина чрез приведение его на то ложными причинами или против воли хозяина чрез приведение судей на то ложными причинами.

116. Другие писатели не упоминают ничего о том, что равны ль сии пороки или неравны; а я, видя положенную законами разность в наказании их, приступлю к рассуждению об них; что касается до потеряния вещи, то все один убыток хозяину ее, каким бы образом он ни потерял ее, а дело идет о том, не теряет ли он при потерянии ее еще чего; и о том я здесь рассуждать стану: когда у хозяина пропадет какая вещь кражею, то при потерянии ее не теряет ничего ни на теле, ни на чести; когда потеряет грабежом вещь, то при потерянии ее теряет он нечто от равенства и вольности человеческой; когда потеряет вещь обманом, то при потерянии ее теряет имя умного человека.

117. Теперь остается рассудить, что тяжелее человеку терять при потерянии вещи: равенство ли и вольность человеческую или имя умного человека; ежели кража и

грабеж делается в таком обществе или у такого человека, где равенство и вольность человеческая почитаются выше имени, то там за грабеж следует наказывать больше, нежели за кражу; а ежели кража и грабеж делается в таком обществе или у такого человека, где имя почитается выше, нежели равенство и вольность человеческая, то там за кражу следует наказывать больше, нежели за грабеж; а за обман, в каком бы обществе ни сделался, то как чрез него человек лишается имени умного человека, кажется, следует наказывать больше, нежели за грабеж и кражу; для того, что теперь от часу становится великая мода в уме и почти все люди на свете так стали страстны к приобретению имени умных, что уж они даже и такой добродетели, которая выше человечества и разве одному божеству пристойная, не только не почтут выше ума, но ниже поставят наряду с ним, и всякое беззаконие готовы делать, поощряемы будучи теми почти всемирными пословицами: хоть грех велик, да инвенция хороша, или: простота хуже воровства; и сия страсть к уму заразила людей так сильно, что и начальники за преступление одно и в одном деле, времени и месте наказывают из виноватых умного легче, а простого тяжелее, как бы нарочно стремясь чрез такую несправедливую поступку заглушить и задуть глас права божественного и глас права гражданского, из коих первое гласит: ему же дано будет много, много и взыщется от него; а другое: кто имеет больше ума, тот большее имеет обязательство к хранению добродетели. Не явственно ли оба сии права повелевают наказывать в одном преступлении умного больше, а простака меньше; да ежели рассудить о сем и просто, то умный по уму своему имеет больше способу прожить на свете одним добродетельным и благородным образом, а простака хотя б и рад, да иногда разум его сей трудности поднять не может, и для того он часто поневоле попадает в преступление; а ежели б люди не столько страстны были к уму, а больше б к добродетели (как то и следовало б), то бы в таком случае надлежало б за обман меньше наказывать, нежели за грабеж или кражу, да едва и следовало ль бы наказывать, потому что такой человек в добродетельном обществе сам бы своею поступкою наказал себя много. За сим следует

рассудить о наказании за обман, хотя с знанием хозяина вещи, но против его воли, чрез приведение на то судей ложными причинами. За сей обман должно наказывать столько, сколько за прежде писанный обман и грабеж вместе, потому что он содержит оба сии преступления вместе, то-есть обман против судей, а грабеж против хозяина.

118. То удивительно, что почти во всем свете, даже и в таких обществах, где честь равенства и вольности человеческой предпочитается имению, за кражу наказывают больше, нежели за грабеж; и я не нахожу другой тому причины как только, что порок сей и для самых законодатцев был предосудительнее пороков грабежа и обмана, из которых они от первого своею силою, а от другого множеством окружающих их советников защищаемы были; а что за кражу положена везде смертная казнь, то я не знаю, на каком сей закон основан праве, и думаю, что везде бы следовало быть легшему наказанию, а такому быть по справедливости в том обществе, где окраденному человеку не остается средств жить на свете, или в таком случае, где доказать можно, что вор намерение имел либо посредственно, или непосредственно лишить живота хозяина.

119. А что касается до таких людей, которые крадут, побуждаемы будучи крайностию нужды и другими нестройностями, то в таком случае мало видно их виновности, а напротив, когда крадущий не имеет в себе двух соединенных дарований: хорошего разума и крепости духа, а хотя и имеет, да только одно которое-нибудь из сих дарований, то все ему устоять трудно против обыкновенных на свете искушений и соблазнов.

120. По натуре можем мы приобретать имение двумя образами: или мы берем во владение ничьи или брошенные, или потерянные вещи, которые мы находим; только в сем последнем случае надобно прежде справиться довольно о прежнем той вещи хозяине, чтоб буде найдется, то б отдать ему, а ежели не найдется, то б тем спокойнее владеть ею. Имение нам размножать дозволительно, только б не с убытком ближнего, а ежели б кто несправедливым образом лишить его нас похотел, то всеми силами не допускать того должно.

121. Честь называется рассужденне о чьих совершенствах; например, ежели начать рассуждать о разуме и добродетелях Катона Великого, то это значит почитать его.

122. И таким образом честь утверждается на совершенствах, как на основании.

123. Совершенства в человеке, о которых мы рассуждаем, могут быть прямые или мнимые; также и люди, которые рассуждают о прямых совершенствах, понимают их либо явственно, или неявственно, почему и честь будет в первом случае прямая, а в другом мнимая; а мнимая честь, как не имеющая своего основания, не может быть честь, а обман, который по непрямому уважению прямых в ком совершенств будет обман для почитающего, а по уважению мнимых в ком совершенств будет обман как для почитающего, так и для почитаемого.

124. Прямая честь ни от кого нам показана быть не может, кроме тех людей, которые точно знать могут о наших совершенствах; и потому честь, приносимую от умных, только ж притом и справедливых людей, должно ставить больше, нежели приносимую от простых людей; и как чести насильно получить нельзя, то потому и говорится, что честь зависит от почитающего, а не от почитаемого, хотя иногда и несправедливо, потому что часто достойных людей не хотят почитать подлые завистники их достоинства, не могущие сносить их преимущества; но в таком случае достойный человек весьма умно сделает, когда презрит такую зависть и, не огорчаясь явно на нее, вместо того станет доказывать в пристойных случаях другим свои совершенства и приводить к уважению их тихим образом.

125. Не всякие совершенства приносят нам честь, а только те, которые суть собственно наши природные или приобретенные нашими силами; таким образом, знатность предков наших не должна служить нам в честь.

126. Из вышеписанного следует, что честный человек называется тот, который есть и кажет себя пред светом таким, коему по его совершенствам следует прямая честь; и вообще под именем честного человека почитается человек добродетельный, но не столько, чтоб мог променять свою честь на добродетель.

127. Честь есть уважение чьих совершенств, а совершенство всякой вещи состоит в достижении ее свойств до высшей степени, а свойства в нас могут быть хороши и худы; и таким образом, совершенство может быть как в доброте, так и в худобе, и посему честный или о приобретении чести пекущийся человек может иногда для получения чести приводить в совершенство иное худое в себе качество, чего добрый или добродетельный человек не сделает. Из сего видеть можно разность между добродетельным и честным человеком.

128. Противное чести презрение есть рассуждение о несовершенствах.

129. Ни для каких несовершенств не должно презирать человека, кроме тех, которым он сам был начальник; например, не надлежит презирать за безобразие лица, за недостаток какого чувства и прочая.

130. Презрение, означенное словом или делом, называется бесчестие.

131. Из всего вышеписанного следует, что всякий человек о приобретении чести и об отвращении презрения и бесчестия всеми силами стараться должен в рассуждении того, что честь основывается на совершенствах, а презрение и бесчестие — на несовершенствах.

132. Из всегдашних опытов известно, что никакие совершенства в человеке не могут быть так полезны для общества, как совершенство его в добродетели, как, например, совершенство ума, силы, красоты не может быть столько полезно для общества, как совершенство в добродетели, то следует из сего, что добродетельного человека должно почитать больше, нежели умного, сильного и красавца по божественному, натуральному и гражданскому правам, которые все дозволяют нам предпочитать лучшее добру, и что погрешают те, которые предпочитают умного человека добродетельному за весьма малое только его превосходство в уме, а не рассуждают того, что и к тому, чтоб быть совершенно добродетельным, надобно ума.

133. Разность между добродетельным и честным человеком есть еще и та, что добродетельный человек не променяет совершенства в добродетели ни на что; напротив того, честный человек на честь, чтоб слыть умным человеком,

не пощадит променять совершенства в добродетели, несмотря на то, что самая сия поступка доказывает его несовершенство в уме, да только, что доказывает то одним прорзорливым глазами.

134. Как мы стараемся об имени, принадлежащем к содержанию нашей жизни, так равномерно должно стараться о хвале, чести и славе, то-есть о содержании честной жизни.

135. Когда кто предпринимает добрые дела, чтоб иметь честь, хвалу и славу, то такое качество называется любочестие или честолюбие (*modestia*), а ежели кто хочет иметь больше чести, хвалы и славы, нежели как его дела заслуживают, то этот порок называется жадность к чести или прелюбочестие (*ambitio*), а когда кто имеет такой слабый и низкий дух, что для него все равно, честь и бесчестие, хвала и хула, слава и стыд, то такой недостаток называется подлость.

136. Любочестные люди стараются украшать себя добродетельми и, где надобно, оказывают их пред другими и от них уважения своей добродетели ожидают, а не требуют, а когда им в том и отказ бывает, то сносят без дальнего огорчения.

137. Любочестный человек не ставит себя ни больше, ни меньше, а так, как он есть в самой вещи, и потому называется он смиренный; а кто ставит себя больше, нежели он есть в самой вещи, и то явно, тот называется гордый; а когда несколько скрытно, то — прелюбочестный.

138. Прелюбочестный, то-есть амбиционный, человек хотя бы не имел никакой добродетели, однако хочет, чтоб другие люди о нем хорошо рассуждали, ищет насильно вырывать себе честь и принуждать других к почтению себя, хватается за тень славы и не так за добродетель, как за знаки добродетели, например, за титулы и высшее место, и выхваляет сам свои добродетели, и часто ложно.

139. Ежели случится исправлять амбиционного человека, то надобно ему показать, в чем состоит прямая добродетель, как тщетная, или, лучше сказать, никакая слава, которая состоит в богатстве, знатности фамилии и в пустых и пышных титулах. Подлого человека исправить трудно. Гордого исправлять должно (ежели можно) чрез искусное

представление, что он не имеет столько достоинства, как о себе думает, что как ненавистна его гордость и презрение к другим людям, из коих многие его достойнее.

140. Похвала есть не что иное, как рассказывание совершенств.

141. Можно желать себе похвалы по натуральному и гражданскому правам, только ж остерегаться от того, чтоб не искать похвалы с понижением других, также не завистничать тому и не ставить за ущерб своей хвалы, когда других хвалят без намерения отнять чрез то у нас похвалу.

142. Кто кого хвалить хочет, тот должен знать об его совершенствах.

143. Хула есть рассказывание несовершенств.

144. Надобно сносить хулу или (буде можно) поправить пороки, а чего поправить совершенно нельзя, то в таком случае можно по натуральному праву оплачивать хулу праведною, только меньшею хулою, в рассуждении неумеренности и слепоты человеческого самолюбия.

145. Приписание кому таких совершенств, которых он не имеет, называется ласкательство, а приписание кому таких несовершенств, которых он не имеет, называется клевета.

146. Ласкательство и клевету отвращать должно признанием и оправданием. Философы велят отвращать клевету больше делами, нежели словами, не знаю почему; а я, на опытах основываясь, думаю, что не худо уметь отвращать клевету столько ж словами, сколько и делами, только б те слова и дела сходились между собою, потому что на дела меньше случаев, нежели на слова. Самый добродетельнейший человек много может пострадать от клеветы. Приметить дела какого человека трудно и надобно к тому много времени и терпения; а выслушать его речи легко и несколько любопытно; известно ж из опытов, что многие люди в рассуждении других по большей части беспристрастны (как то и должно быть, да только не во всех случаях), и посему что их принудить может к такой тяжкой работе, чтоб они похотели испытывать оправдание оклеветанного человека в одних его делах; а ежели он к оправдательным делам умеет присовокупить оправди-

тельные речи, то надежнее может спасти себя от такого неблагополучия, коему подвержен бывает оклеветанный добродетельный человек, а наипаче от таких и у таких людей, которые могут причинить ему вред; а ежели он оклеветан будет от таких и у таких людей, которые не могут причинить ему вреда, то в таком случае можно презреть клевету и изобличить ее одними делами.

147. Историки, а с ними и другие люди непрерыв ругают и проклинают ласкательство; а мне бы думалось так поступать с причиною ласкательства, а не с самим ласкательством, потому что в ином случае правда без ласкательства станет не дешево.

148. Жребий, или счастье (*fortuna*), есть такое чело- веку приключение, коего он не мог предвидеть.

149. Из сего разуметь можно, что счастье не оостоит в нашей власти, и для того добрых от его приключений в честь и хвалу, а худых в бесчестие и хулу ставить не должно. О полезных счастья приключениях можно радоваться человеку, а о худых советовал бы не печалиться; только признаюсь, что совет в таком случае подавать легко, а исполнять тяжело.

150. Многие люди почитают счастье и благополучие за однозначные слова, но они разнятся: 1, тем, что счастье может быть доброе и худое приключение, а под благополучием разумеем мы одни добрые приключения; 2, что счастье, хотя доброе, однакож приключается без всякого старания и труда, а благополучие приобретается старанием и трудом.

151. В обыкновение вошло называть как тех людей, которые трудом и по заслуге получают какое добро, так и тех, коим без труда и достоинства их приключается какое добро, счастливыми; но это несправедливо; и которые люди называют получивших трудом и достоинством своим какое добро, то в сем слове одни из них погрешают по простоте, а другие скрывают искусно свою злобу и зависть к таким людям; а по-прямому надлежит называть человека, получившего трудом и достоинством какое добро, сходное с его достоинством, благополучным, а не счастливым, а получившего какое добро без труда и достоинства, — счастливым, а не благополучным; а ежели который человек

хотя получит какое добро трудом и достоинством, да то добро будет ниже его достоинства, то такого человека называть должно неблагополучным; а который не трудится для получения добра и оно не приключается ему, то такого можно называть, и то по ласкательству, несчастливым.

152. Как многие люди о счастье больше надобного радуются и в несчастии больше надобного печалются, то для того здесь предложить должно о средствах против сих погрешностей.

153. Искусство, чтоб быть спокойну духом во время несчастия и не роптать на него, называется терпение.

154. Что касается до терпения, то советовать его другим людям хорошо, а заставлять к терпению разве себя, а других очень не полезно. Такая беспечность и нерадение одних людей об обиде других истребляет в них милое и безвинное качество незлобия и глубоко вкореняет в сердца человеческие порок взаимной ненависти. Сумнящиеся о сем могут поверить мои опыты.

155. К успокоению духа во время несчастия много способствуют следующие рассуждения: надобно рассудить, что несчастия нам ни проворством, ни силою отворотить не можно, а надобно возлагать надежду отрады на милосердие божие и рассуждать, что часто после несчастия следует счастье, а лучше всего, ежели человек во время счастья приучивает свой дух к привычке, нужной во время несчастия.

156. Качество, чтоб умерять боязнь и печаль во время опасности и неблагополучия, называется великодушие или крепость духа, а в военных делах — смелость, храбрость (*fortitudo*), а противное сему качество называется малодушие.

157. Великодушный человек не может иметь в себе ни безрассудной дерзости, ни неосновательного страха, а ежели кто без всякой нужды и за неважное дело предает живот свой опасности, тот называется дерзновенный человек, а в вышней степени — бешеный или неистовый.

158. Хотя боязливого человека и трудно сделать смелым, однакож много способствует к уменьшению его страха, ежели сказать ему, что опасность не так велика, как он

себе ее представляет, и во время войны, что от победы неприятеля получит он много пользы, хвалы, чести и славы и, наконец, что он много предпринимать должен для общего благополучия.

159. Дерзновение в людях укрощать можно представлением, что такая поступка не принесет им ни пользы, ни чести, ни хвалы, ни славы и отнять может у них живот поносным образом.

160. Как в несчастьи не должно ослабевать, так и в счастии возноситься; и посему качество, чтоб поступать умеренно в своем счастии, называется умеренность духа.

161. К получению умеренности духа способствуют следующие рассуждения: что счастье может перемениться, что неумеренность в счастии ненавистна всем людям, что неумеренный в счастии, ежели попадет в несчастье, то не имеет и той последней отрады, чтоб жалели об нем другие люди.

162. Что касается до таких людей, которым бывает или не бывает счастья, то первым можно радоваться, только не возноситься, а другим не нахожу я причины, о чем бы печалиться, для того что печалиться о том, чего кто не ожидает и ожидать не должен, ненатурально.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

О ДОЛЖНОСТИ ЧЕЛОВЕКА К ДРУГИМ ЛЮДЯМ

163. Состояние человеческого общества, или сожития, требует от нас того, чтоб мы друг другу делали взаимную помощь и добро.

164. Должности человека к другим людям состоят в том, в чем должности его и к самому ему, то-есть в рассуждении души, тела и наружного состояния других людей.

165. Что должен человек самому себе, то должен и другим людям, только хотя в некоторых случаях в равном, но в других в меньшем содержании, коего разнообразных свойств определение зависит от здравого ума, соединенного с строгою справедливостию, или как яснее выразить: правило должности человека к другим людям в таких случаях, в которых он им так, как и себе, служить

не может, состоит в следующем: довольно такой любви к ближнему, когда кто нужду его предпочитает своей пользе и пользу его своей забаве; а кто обещает больше сей любви к ближнему, то он глуп или обманщик и не исполнит и сей любви ниже половины; пример к сим правилам: ежели приидет человеку такой случай, где он принужден довольствоваться одним животом, либо своим или своего ближнего, а оба они безвинны, то в таком случае должен он предпочесть живот свой животу ближнего по натуральному и гражданскому правам; а ежели он заслужит казнь, а требуется один кто-либо: он, виноватый, или ближний его, безвинный, на смерть, то тогда должен он предпочесть живот своего ближнего своему животу и итти на смерть по божественному праву.

166. Ежели кто требует от ближнего своего помочи в том, что он сам легко сделать может, то такому не должно делать помочи по гражданскому праву, потому что ежели кто почитает в такой помочи явную добродетель, тот не видит в ней скрытого порока, вредящего целое общество. Такой человек чрез сие баловство делается бесплодным ленивцем и вредным для всего народа тунеядцем.

167. Человек в обществе имеет из подобных себе трех разных образов людей: беспристрастных, приятелей и неприятелей.

168. Неприятели могут быть человеку по причине незаслуженного ими от него огорчения или без всякой причины и огорчения; также неприятели без всякой причины и огорчения могут быть с умом или по малоумию.

169. Приятелей своих и человеколюбцев надлежит любить и удерживать вечно в приязни, исправлять их разум и недостатки, защищать их живот, здравие, имение, честь и славу от вреда и все сие делать для них столько ж почти, как и для себя; беспристрастных людей и озлобившихся на нас по причине неприятелей надобно приводить к себе в приязнь благодеянием и удовольствием, а злобящихся на нас без причины, по малоумию, неприятелей — истолкованием их ошибки и по мере их приязни делать им добро.

170. Теперь следует упомянуть о неприятелях без всякой причины и огорчения с умом, и что я ни буду

говорить о неприятелях, то надобно разуметь под тем именем неприятелей без всякой причины и огорчения с умом.

171. Философы повелевают нам вообще благодетельствовать неприятелям, и это они учат людей летать по воздуху; а я бы думал, что неприятелей без причины и огорчения с умом надобно сперва добрым обхождением с ними приводить в приязнь; а ежели то не поможет и они одолжениями своими не престанут отягощать нас, то в таком случае я, рассуждая, что неприятели наши суть такие люди, которые, не имея от нас никакой обиды, подвергают именею, честь, славу, здравие и даже самый живот наш опасности, сердечно сожалею о бедном добродетельном человечестве, неповинно терзаемом острыми и страшными зубами коварной злости, и думаю, что для подкрепления божественного закона, который не терпит злодеяний, прилично такие долги, хотя не равную, а меньшую в рассуждении слепоты человеческого самолюбия ценою, однакож уплачивать по гражданскому и натуральному правам, потому что такой злой человек, избаловавшись безбоязненностию воздаяния за свои беззакония и ободрившись к тому строптивостию своего сердца, устремляется, как алчный волк на овец, на кротких и добродетельных людей и ищет во всем их вреда; а право гражданское повелевает нам предпочитать благосостояние многих людей, обществу полезных, благосостоянию одного вредного человека; только ж надобно стараться уплачивать такой долг неприятелю тогда, как он наложит на нас долг, а без долгу оставаться к нему в беспристрастии; и когда бы какой человек имел вышеестественные дарования в разуме, силе, красоте и в прочем, но притом бы был зол, то я в таком человеке не признаю человечества, и кажется, что всякому обществу право натуральное, чтоб не терпеть вредных для человека вещей, употребить при сем случае кстати, а о блистательных дарованиях вредной твари жалеть нет причины, место свято не будет пусто. Я думаю, что натурально всякому полезнее добродетельный простак злого хитреца, приятнее добродетельный слабый злого силача и любимее добродетельный безобразный злого красавца. Из опытов известно, что нет на свете такого человека, который бы мог так сносить злодеяния непри-

тельские, как принимает приятельские благодеяния, а ежели кто и покусился б утверждать сему противное, то надобно потребовать от него, чтоб он переменял свойства чувств человеческих.

172. Философы говорят, чтоб не воздавать за обиду неприятелям, и это правило похвальное; только ежели разобрать его в тонкость, то намерение его найдется странным и клонящимся больше к умножению пороков, нежели добродетелей. Математики говорят, да и натура то утверждает, что во всех телах действию равно есть сопротивление; а философы в людях, хотя они также суть тела, не хотят признавать действию равного сопротивления. Обиженный имеет некоторое право к равному воздаянию, а обидчик к обиде какое право? Волчье свое качество. Обидчики первые проклинают и называют возмездников своих злобными; они не злобны, да за что им и злобиться, не их, а они обижают добродетельных людей; а ежели б добросердечный человек вздумал обидеть такого человека, то он ему ту же минуту заплатит вдесятеро, и это называется у сих коварных сердец незлобие.

173. Добродетель, чтоб прощать причиненные себе собственно, а не другому кому неправости вечно и без всяких даже и в мысли скрываемых кондиций, называется кротость, или незлобие.

174. Кроткий человек не желает зла никому, прощает обиду, не ищет отмщения за причиненное зло, имеет благородный дух, то-есть такой, который хотя и может мстить, однако не хочет, и то вечно и без всяких кондиций. Когда я подумаю, чтоб сыскать на ком пример исполнения сей добродетели, то остаюсь безгласен; правда, что многие есть такие люди, которые воздавать за обиды не хотят, но не вечно или не без кондиций, да и требовать всегда сей добродетели от простого человечества можно ль, когда оно, и с святостию соединено будучи, не всегда трудность ее снести может*. Возможность и сила, чтоб отвратить вред от себя тогда, когда хочется или когда надобно, сродна одному божеству, а человечеству это не дано, так что иной человек с великим умом и самою мудростию

* Посл. с. а. П. к Тимоф., гл. 4⁸.

иногда не в состоянии бывает отвратить от себя ни по каким обстоятельствам нечаянного удара злости коварного неприятеля, надеющего в случае своей прошибки прощения; и для того законная любовь человека к самому себе больше, нежели к другим, заставляет его заранее отвращать от себя вдаль направленные от злости стрелы пристойными мерами, когда он имеет разум; да ежели подумать о сем и натурально, то правило, чтоб не обижать ближнего, и правило, чтоб прощать умышленную обиду обидчику, несколько противоречат между собою; первое из них ласкает человечество и нежит его чувствительность, а другое наказывает его без вины и преступления, или, как яснее сказать, учит его преступать первое правило о нечинении обиды, и по сему рассуждению видеть можно, сколь легче исполнять первое правило, нежели другое; но чудно, что противное тому делается на свете: одни люди с крюку, а другие, глядя на сих мудреных предводителей и начальников зла, с дубу ругают, поносят и проклинают мстителей, а об обидчиках не говорят ни слова, как бы они не имели пристойного человечеству дарования, то-есть здравого ума, чтоб рассудить, кто был начальник и родитель зла, мститель ли или обидчик, и что коварных людей жадность к обиде произвела на свет правило не воздавать за обиду, чтоб тем спокойнее было им ловить в мутной воде рыбу, и такие люди и без благодати из человек делают человеколовами.

175. Натурально, все вещи на свете старанием о возвращении их умножаются и усиливаются, также все вещи старанием об искоренении их со временем исчезают, и сие самое делается и с добродетелью; она от правила, чтоб не обижать ближнего, возрастает и приходит в силу, а от правила, чтоб не воздавать за обиду, умаляется и, наконец, совсем погасает.

176. Иной сказать может, что с такими мыслями надобно быть крепко надежду на свою непорочность; но писатель сего, предприяв намерение непрерывно во всю свою жизнь стараться приводить себя в усыновление прямой добродетели и следовать постоянно священным ее законам, не боится праведного отмщения, а разве обиды от наглых людей.

177. Я не нахожу причины, для чего б надлежало делать различие в воздаянии за злодеяния, причиненные целому обществу, и злодеяния, причиненные одному человеку. Обществу при наказании вредных для себя граждан имеет намерение и надежду исправления их, а по крайней мере сбережения других, взирающих на такой пример граждан от пороков, в чем оно и не обманывается; итак, когда общество, будучи еще иногда само причиною и поводом чрез худые свои учреждения, законы и обычаи к преступлению своего гражданина, оплачивает ему за то без всякого угрызения совести и почитает себя бесспорно имющим к тому право, то праведно ли будет отнимать у партикулярного человека свободу к воздаянию за зло, а наипаче в таких обидах, на которые нет закона, следовательно, и публичного наказания, потому что партикулярный человек при воздаянии за свою обиду имеет почти то же намерение и надежду, которые и общество, и что он к тому, чтоб обидеть его, не подал никакой причины. Правда, что издатели простительных правил имели намерение привести род человеческий к добродетели, но успех в том во все времена и веки никогда не соответствовал, не соответствует и не будет соответствовать их намерению; а лучше сказать можно, что столько от того люди исправляются, сколько то общество, в котором не наказывают за преступления и не награждают за добродетели, имеет благополучия. Я тому не спорю, что простительная поступка исправляет людей, да таких, которые никогда не обижают и никогда и не желают обидеть, кроме что по незнанию, а другие над простительною поступкою вместо почтения и прославления ее насмеваются и ругаются, как над каким безумием; и когда самый священный закон за порочные дела грозит отмщением, то как человеку сносить бесчувственно незаслуженные тяжкие обиды; это б еще не так чудно было, чтоб уступать за обиды, ежели б они очень редки были, а то этого чуда довольно на свете.

178. Я не сомневаюсь, чтоб правила мои о поступке с неприятелями без причины и оскорбления с умом не показались многим, а наипаче обидчикам вредными, но я добродетельным людям, напротив того, докажу великую в них пользу. Я хотя и говорю противиться неприятелям, когда

они нас обижают, но со всем тем люди, следуя моим правилам, скорее могут быть добродетельны (потому что они, не делая принуждения своей натуре, не могут навязать злобе, которая натурально и необходимо рождается и укрепляется и в самом кротчайшем сердце от многого и долговременного терпения), нежели от последования противоестественным правилам некоторых философов. Ежели только вывести обидчиков, то отмстителей не только дело, но ниже имя будет когда известно на свете.

179. Философы велют нам стараться об исправлении разума в наших неприятелях, основываясь в сих преданиях на натуральном законе, и это они требуют от человека того, что не сходно с человеческою натурою, то-есть с душевными и телесными его силами, и, следовательно, противно натуральному закону; одним словом, это значит помогать расплаживаться саранче, чтоб весь свет помер от ее с голоду; и эти их непостижимые правила иметь будут свою практику тогда, когда они могут превратить чувствительность человеческих тел в бесчувственность и конечность душ наших в бесконечность. Смешно слышать, как такие злые люди говорят важным видом о не желающих учить их даром; раб, скрывый талант господя своего⁹, — посылка от них на сии речи похожа на басню о лисице, которая называла висящие на дереве вишенные ягоды негодными, для того что не могла достать их; итак, рассудив то, что неприятели наши иногда и без науки досаждают нам довольно, а научившись от нас, еще и больше досаждают могут, не нахожу я, для чего б человеку мытарить к неприятелям своим знанием, которое ему не легко и не по наследию, а трудом досталось, а наипаче, смотря на то, что другие и наследных и легко приобретенных имений берегут сильно и стоят за них до крови. Правда, богатые люди скажут, что чрез раздачу имение умалается, но недвижимое имение чрез раздачу получаемых с него доходов не умалается; однако они даром давать таких доходов не только неприятелям, но и лучшим приятелям никогда не согласятся.

180. Философы простирают свою добродетель так далеко, что говорят, что ежели неприятель даже и разбойник нападет на какого человека с намерением убить его, то

он не должен убивать разбойника, ежели можно ему спасти живот свой и без убивства его. На сие правило это мало, чтоб смеяться, а сказать только остается, что такие договоры делать нигде так некстати, как с разбойниками и злодеями, будучи в их когтях.

181. Философы сами говорят, что всякая способность как к добродетелям, так и к порокам приобретается частым упражнением, что и справедливо; и как они в сем правиле от такого преобыкшего к терпенью человека могут требовать вдруг такого фехтмейстера¹⁰, героя и храбреца, чтоб он и разбойника, буде может спасти живот свой без убивства, его не убивал, а только поранил; по этому правилу, как по скорохватному замыслу, что нет невозможного на свете, без сомнения, раздерет агнец волка и нежно и добронравно воспитанная девица изрубит сильного разбойника.

182. Философы велят нам стараться о чести и славе неприятелей наших; а я думаю, что как нам позволительно искать праведной хвалы, то для того, когда нам случится рассказывать о качествах наших неприятелей, то должны мы описывать добрые и худые их качества праведно, и то не для них, а для нас, чтоб другие люди верили нашим речам, нежели чтоб, увидев ложь в оклеветании хороших их качеств, не сочли б и прямо худых за добрые.

183. Право природы и право гражданства велят нам предпочитать лучшее добру, а добро худу; то посему, кажется мне, сходнее человеку предпочитать приятелей своих беспристрастным к нему людям и неприятелям по малоумию, а сих людей предпочитать своим неприятелям без всякой причины и оскорбления с умом; а как человек есть тварь, ограниченная малыми пределами и маломочная и потому имеет при себе источник к благодетельности другим людям малый, то в таком случае довольно для него, чтоб всевозможным образом благодетельствовать приятелям, умеренно беспристрастным людям и неприятелям по малоумию; а для неприятелей без причины и оскорбления с умом довольно его беспристрастия; и такую поступку, ежели только кто ее прямо соблюсть в состоянии, почесть можно за высокую степень добродетели; а ежели кто всем людям без разбору захочет благодетельствовать и

погонится за титулом, чтоб быть всемирным благодетелем, то не обойдется без того, чтоб он в иных случаях не сделал лучше неприятелю, нежели приятелю; а самая такая поступка, хотя она и без намерения, а по простоте, будет уже не добродетель, а нарушение добродетели; и не чудно, ежели ему доведется вместо незлобного голубя посадить в пазуху блистательную змею. На сие иной сказать может, что неприятеля трудно отличить от приятеля. Правда, что на сие различие в нынешних поврежденных и лукавых временах не нахожу я достаточных правил, а только говорю, что человеческое дело есть попадать в погрешность, а философское — в такую погрешность, в которой бы он не узнал себя к тому причиною.

184. Из тех правил, которые пишут философы о благодетении неприятелям и прощении обид, заключать натурально следует, что выдумывали их те счастливые люди, которые всегда других людей обижали, а сами ни от кого не видали обиды.

185. Все сии рассуждения о поступке с неприятельми предлагаю я добродетельным людям в рассуждении великих и притом таких озлоблений, за которые законы и правительства не наказывают и которыми и самого глубочайшего философа со всем его стоическим беспристрастием и важною привести можно без погрешения против гражданских законов в горячку и бешенство, а иногда и на тот свет с пашпортом отправить; а что касается до таких озлоблений от неприятелей, за которые могут наказывать законы и правительства, то в тех необходимо надобно искать правосудия и удовольствия от законов и правительств.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

О ДОЛЖНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В СНОШЕНИИ С ДРУГИМИ ЛЮДЬМИ

186. Для выгоды человеческой жизни надобно быть отчуждению имений, то-есть даче вещей из-под владения одного человека под владение другого.

187. Такое отчуждение имения делается двумя образами, а именно: разменою и подарком.

188. Размена есть такое отчуждение, когда кто надобную ему вещь берет у другого за отдачу своей тому надобной.

189. Чтоб в размене вещей не было обмана, то для того устанавливается вещам цена, которая есть не что иное, как произвольная мера, по которой размениваются вещи.

190. Для способной размены вещей выдуманы знаки, сделанные из металлов, как то из золота, серебра и меди, определяющие цену всякой вещи, и называются деньги.

191. Ежели кто за некоторое число денег отдает по своей воле другому свою вещь во владение, то это называется продажа; а ежели кто за некоторое число денег берет какую вещь по воле хозяина ее в свое владение, то это называется купля.

192. Другой образ отчуждения имущества есть подарок, который состоит в том, когда кто какую вещь отдает кому без принятия и без желания воздаяния.

193. Понеже собственное имущество по большей части бывает такого свойства, что с трудом его доставать должно, то для того к подарку никого принудить не можно; но когда кто богат и видит убогого, то для беспорядка обитателей вселенныя, зависящего не от того убогого, благопристойность и человеколюбие требует дать ему нечто от своего имущества, и такой подарок называется милостыня.

194. Есть еще кроме сего подарка два образа подарков, из коих один называю я политичною разменою, а другой — политичною торговлею.

195. Подарок, называемый политичная размена, есть тот, когда кто кому дарит какую вещь в намерении получить от него другую или услугу, равную той вещи, хотя он того явно и не требует; и сей обычай подарка завелся от несправедливого презрения многих людей к обыкновенной размене и от почитания ее за подлую, хотя она, несмотря на то, несравненно благороднее самого сего подарка, потому что не имеет в себе ни малейшего намерения прибыли и барыша, а под прикрашенным именем подарка часто кроются такие проценты.

196. Подарок, называемый политичная торговля, есть тот, когда кто дарит кому какую вещь с намерением, а иногда и с бесстыдным требованием, чтоб он служил

другим воздаянием всегда и по самую смерть; а ежели он не делает так, то называется сие от кривотолков неблаго-дарность.

197. Из сего видеть можно, как предосудительны для людей такие, да и всякие подарки и что такое общество, где в обычае одна только простая размена, гораздо благополучнее того, где водятся подарки, потому что ежели положить и такие подарки, которые даются без принятия и желания воздаяния, то, однакож, и они предосудительны как в рассуждении дающих, так и в рассуждении принимающих подарки, которыми первые расточаются; и, может быть, еще того и не знают, как они отягощают своих рабов, а другие балуются и навывают лености; и посему нет лучше, полезнее и благороднее для всякого общества, как ежели никто не дает даром, да никто же и не берет даром, и в таком обществе червь мздоимства на судах не повредит правосудия.

198. Когда кто говорит речь сходную с его мыслию, то это называется правда, а ежели несходную, то ложь.

199. Во всех речах надобно наблюдать правду, а убежать от лжи, кроме таких случаев, где чрез объявление правды можно причинить себе или ближнему незаслуженный вред.

200. Некоторые люди для подания верности своим речам употребляют заклинание, или (как просто сказать) божбу; но сие должно делать в нужном случае, когда уж простым речам никак не верят, чтоб чрез частое употребление заклинания не привести его в пренебрежение.

201. Когда мы при каком публичном случае призываем во свидетельство бога, то это называется клятва, или присяга.

202. Как от заклинания, так и от клятвы должны мы беречься, чтоб не употреблять ее всуе, в рассуждении глубочайшего нашего почтения и уважения величества божия.

203. Клятву должен делать всяк по своей вере, а иначе она не будет сильна.

204. Ежели кто принужден будет к клятве на вредное для себя или для других или на невозможное дело, то

такая клятва не сильна, потому что не можно обязывать никого к делам вредным и невозможным.

205. Желание кому зла, выговоренное речью, называется проклятие.

206. Обещание есть речь, сказанная одним человеком по желанию другого, чтоб делать что или не делать.

207. Никто не должен обещать вредного для себя или для других, также и невозможного, а хотя б и принужден был обещаться, то, однакож, исполнять не должен.

208. Договор есть взаимное обещание учинения или неучинения какого дела без всякого принуждения.

209. Никто не должен договариваться о вредном или невозможном, а ежели и договорится, то исполнять его не должен.

210. Когда договор заключается по общему согласию, то и решиться должен по общему же согласию; а ежели случится с которой стороны вред в договоре, то в таком случае чувствующая для себя вред сторона и одна договор нарушить может, потому что никого к вредному обязывать не можно.

211. В числе договоров по справедливости полагают философы и брачный союз, только правило о том пишут весьма странное. Они говорят, что людям, которые так убоги, что не имеют чем воспитать детей, не надлежит вступать в брак; и это правило очень хорошо, только не для людей, а разве для лошадей, которых там заводить надобно, где много хороших лугов, а на песчаных местах неспособно; а что касается до людей, то еще не было слышно такого примера, чтоб они от множества с голоду помирали; и для того б я думал, что лучше и справедливее людям советовать располагать имения по бракам, нежели браки по имениям; а когда так не делается, то лучше молчать, нежели писать такое наставление. От сего-то чаятельно неосторожного и бесполезного правила родился во многих народах подрывающий и колеблющий основания общества обычай, чтоб не вступать охотникам в брачное сочетание, между тем как другие вступают в супружество; а от сего различия состояний принуждены иные сомневаться о точной принадлежности детей, а другие, не пользовавшись до глубокой старости приятностию чадородия, умирают

без потомства с сугубым прискорбием против тех людей, которые в своих потомках другую жизнь для себя основывают. Это такое состояние в обществе, которое особое его внимание заслуживает; и как оно составляет первейшее и крепчайшее основание общества, то потому его и оставлять на произволение народное не следует, а полезнее подвергать закону, так чтоб никто его без натуральной причины преступить не отважился, а такое установление хотя бы сперва испорченным правам и показалось тяжело, но со временем могло бы быть всем приятно и мило, потому что оно обещает великую обществу пользу; а где сие дело оставляется на волю гражданам, там трудно требовать от них точного и верного отправления гражданских должностей, по причине бегания с одной стороны, и стережень ¹¹ — с другой.

212. В супружестве для исполнения намерения его должна быть дружба, а на одну любовь полагаться ненадежно, потому что как скоро она начинается, то не меньше того скоро по получении любезного предмета и кончается.

213. Хотя ревнивость между супругами есть плод горячей любви, однако неверность между ими к прикрытию своему выдумала хорошее средство, то-есть присоветовать людям, будто бы ревнивость есть нечто худое, чтоб помощью сего прожекта беспрепятственно можно было довольствоваться несправедливыми желаниями. Я никого не приметил из людей, надеющихся еще жить на свете, чтоб самую любимую для себя вещь уступал охотно другому, хотя и то правда, что неумеренность в ревности несколько досадна.

214. Ежели подумать о том, как при таком расположении супружеств иной человек натуральное свое побуждение, для коего многие животные стремятся на смерть, довольствоваться может, то в сем случае не видно, чтоб такой человек преимуществовал пред другими животными, а разве увижен пред ними, не упоминая о том, какая надежда происходящему от таких людей плоду. Правда, во многих местах имеют к таким отраслям призрение; но ежели кто разберет все при сем случае обстоятельства, тот рассудит, что как не желать того, чтоб в таком призрении не было жулды.

215. В супружествах, чтоб они полезнее были, надобно внушать большие предмет и намерение чадородия, нежели удовольствие похоти.

216. Родителям пристойно любить своих детей и предостерегать их от неблагополучия, а паче всего добрым воспитанием; а дети должны иметь взаимную к родителям любовь, почтение и послушание.

Мне бы думалось, что при воспитании детей родителям должно прежде их усиливать в добродетели, а потом в разуме, но сей совет чаятельно, что еще чрез долгое время не будет иметь своих последователей.

217. Родителям всем без разбору дозволяется беспредельная власть над их детьми, и это хорошо в рассуждении таких родителей, которые любят детей своих по-родительски; а для родителей несправедливых в рассуждении детей их, думал бы я, чтоб по примеру афинейцев несколько ограничить сие правило*, а ежели кому сие мнение покажется странным, тому, не упоминая о других примерах, советую принять в рассуждение поступку Ирода, иудейского царя, с его детьми. Такого немилосердия и бесчеловечия и самый низкий в добродетели человек чужой к чужому никоим образом предпринять не может.

218. Когда родители разделяют детям наследие не по равным частям или и вовсе их лишают оно без правильных причин, то это тяжкая несправедливость; а несправедливость ни от кого и ни против кого на свете не извинима по всем правам, так что должно ее приводить в справедливость.

219. Бесспорно, что то будет опять несправедливо, чтоб отнять у родителей волю в имени их, нажитом собственными их трудами; но ежели какие родители похотят лишить наследия достойных детей (как то иногда случается), то какое они могут иметь право к требованию от них сыновнего послушания, повиновения и почтения; частые примеры худых поступков от родителей с добрыми детьми доказывают их недостойными носить на себе приятное имя родителей.

* «De l'esprit des loix» par m. de Montesquieu. [*Монтескье, Дух законов.*]

220. Иной сказать может, что для родителей в рассуждении горячей любви их к детям и соболезнования об них таковы правила тяжелы; но на то отвечать можно, что они к ним горячи не даром, а или для надежды в них впредь неотговорочных послушников их воле, или для желания распространить в должайшие времена свое потомство, а даром ничто не делается на свете.

221. Между договорами по справедливости философы полагают расположение общества на власть одних и на послушание других его членов.

222. Власть в обществе есть не что иное, как право повелительства над ним, основанное на праведном договоре, а сила в нем есть могущество производить все то в действо, что способствует его благополучию или неблагополучию.

223. Высочайшая власть, соединенная с силою, называется величество.

224. Правление общества состоит в употреблении власти и силы на предводительство тому обществу.

225. Властвующим людям пристойно повелевать подчиненными их с любовию и правосудием и промыслять им благополучие, а подчиненные, напротив того, должны соответствовать им взаимною любовию, почтением и повиновением, как попечение имеющим об их благополучии.

226. Философы говорят, что судьи должны ненавидеть пороки, а порочных людей любить, то-есть ненавидеть зло, а злодеев любить; мне такое их красноречие кажется странным, и думалось бы, что лучше ненавидеть причину зла, а не зло, которое не может быть без причины. Я в сем их правиле нахожу доброго помощника многим человеческим несчастиям.

227. Ежели мы дозволяем кому употребление нашей вещи даром с намерением возвращения ее по некотором времени, то это называется заимствование.

228. Никого к заимствованию принудить нельзя, а разве он сам склонится на то по человеколюбию и в рассуждении правильной заемщика нужды.

229. Заимствовавший занятой вещи не должен ни продать, ни дать другому, а имеет отдать ее в целости ее хозяину, что должно разуметь и о вещах, порученных в сбережение.

230. Ежели мы уступаем кому нашу вещь в употребление на некоторое время за деньги, то это называется отдать внаймы, и кто платит деньги за такую вещь, тот называется наемщик.

231. Тот, кто дает другому деньги взаймы, называется займодавец, а кто берет — должник.

232. При заимствовании денег надобно примечать два обстоятельства, то-есть сможет ли или похочет ли заимствующий деньги отдать их.

233. Для безопасности в возвращении заимствуемых денег берутся письменные обязательства, заклады и поруки или поручители.

234. Письменное обязательство есть не что иное, как письменное обещание возвращения занятых денег в положенное время.

235. Заклад есть вещь, данная от должника займодавцу для безопасности ему от убытку в случае, когда должник не отдаст денег.

236. Поручитель называется тот, кто обещается уплатить занятые деньги займодавцу, когда должник их не уплатит.

237. Понеже заимствующий деньги исполняет ими свои потребности, то для того справедливость требует, чтоб он давал за то рост, который есть не что иное, как прибыток от заимствования денег.

238. Некоторые законодатцы положили тяжкие наказания на должников за неуплату долгов; а мне бы думалось, что для предупреждения сего лучше было им устроить свои общества так, чтоб никто не имел нужды наживать долги, и положить наказание строгое на займодавцев и заимщиков, а не на должников. Правда, иной сказать может, как обойтись без долга в крайней нужде? Но на то можно отвечать, что в так устроенном обществе люди не станут доводить себя до крайней нужды, а ежели доведены будут нечаянным несчастием, то в таком случае должно подать им помощь правительство.

239. Страсти много способствуют как к благополучию, так и к неблагополучию человеческому, то для того здесь и об них упомянуть должно.

240. Одни из философов, почитая страсти во всем вредными, говорят об умерении их; а как они при том не изъясняют ни начала, ни излишества их, то, что есть в них умеренность, не всякий понять может. Другие, видя от них столько ж пользы, сколько и вреда *, учат приводить одни страсти в равновесие с противными им страстями, что также трудно, потому что для произведения сего правила в действо надобно, чтоб всякий человек имел в себе без изъятия все страсти, чему весьма трудно стать; например, как можно скряге предпринять страсть мотовства, чтоб сделаться ему щедрым, когда он, несмотря на приятность сего качества, которое только несколько несходно с страстию скряжства его, не склонится к нему, то как уж он согласится на мотовство, которое совсем противно его скряжству. Что касается до меня, то думал бы я, что надобно на управление страстей человеческих употребить другое правило, а именно соглашение их с законами справедливости, то-есть когда какой человек почувствует в себе страсть приятности или скуки от какой вещи, то надобно только ему в таком случае как можно поспешить рассудить то, стоит ли та вещь такой приятности или скуки, какую он чувствует; и ежели не стоит, то должен он привести чувствительность свою в равенство с чувствуемою вещию; а ежели чувствуемая вещь стоит такой приятности или скуки, какую он от нее имеет, то должен он на том остановиться, потому что ежели он еще далее станет умалять свою чувствительность, то-есть захочет уничтожить свойство своей воли, то это он будет делать не что иное, как претворять себя в бесчувственный камень; и ежели рассудить о сем правильно, то какая это нерассудность в человеке, чтоб силиться тщетно уподобиться божеству и чрез сию странную, вышеестественную и противоестественную затею лишаться настоящего своего дарования, то-есть человечества.

241. Хотя страсти нам много причиняют вреда, однакож не меньше и пользы. Опытами исследовано, что художества, науки и великие дела, которые приводят

* «Philosophie morale réduite à ses principes». [«Принципы нравственной философии». Автор Шефтсбери.]

в удивление многие веки, изобретением своим одолжены страстям, да что больше — высокая добродетель, даже и самая мудрость есть плод страсти к сим качествам.

242. На осторожность от страстей, где они вредят нам, особенные правила подать почитаю я за трудное дело и для того удовольствуюсь предложить генеральное: во всех таких случаях, где какая-либо страсть наша может вредить обществу или ближнего, надобно беречься от ее, а где она пользует, то дать ей волю.

ПОЛИТИКА

243. Политика есть наука производить праведные намерения самыми способнейшими и притом праведными средствами в действо.

244. Иные почитают искусство хитро и обманчиво поступать с людьми политикою, но в том есть погрешность, как из самого слова политики узнать можно; политика по разуму слова значит полировальную или выглаживательную науку, но хитрая и обманчивая поступка по своей натуре шероховата, следовательно, и не выполирована.

245. Как юриспруденция учит наблюдать добродетель, так политика наставляет хранить добродетель и благопристойность; или юриспруденция учит быть добродетельным, а политика быть и казаться добродетельным.

246. Как намерение каждого человека особо и всех народов вообще состоит в том, чтоб стремиться к своему благополучию, а средства, служащие к достижению сего намерения, по всем опытам, суть прямая добродетель и прямой разум, и потому я в рассуждении благополучия особенного каждого человека и общего всех народов разделю общую политику на политику, касающуюся до каждого человека особо, и на политику, касающуюся до начальствующих особ; а как человек особенный с прямою добродетелью и прямым разумом редко попадает в несчастье, так, думается мне, и целое общество с прямою добро-

детелью и прямым разумом не скоро поколеблется; и сии две крепкие подпоры могут его поддерживать против всех бурь и неправедных наглостей каких-либо властолюбивых соседей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О ПОЛИТИКЕ, КАСАЮЩЕЙСЯ ДО КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА ОСОБО

247. Под сею политикою разумю я такое искусство в человеке, когда он во всей своей жизни поступает безобидно, добродетельно, следовательно, и любезно в рассуждении других людей.

248. Такая праведная поступка необходимо должна вести человека к благополучию; и хотя, несмотря на сие, неправые фортунины затем принуждают иногда таких людей скончать живот свой прежде, нежели пользоваться заслуженным от них благополучием, однако со всем тем не должно унывать в следовании за добродетелью, а, напротив того, крепко держаться ее, по крайней мере для того, что она нам в других людях кажет себя любезною и неоцененною.

249. Благополучие особенного человека есть не что иное, как постоянное его удовольствие.

250. Господин Даржан пишет, что к составлению полного благополучия требуется три обстоятельства. 1. Чтoб быть добродетельну. 2. Чтoб быть здорову. 3. Чтoб уметь промыслить себе всевозможные выгоды в том состоянии, в которое определит судьба; мне думается, да и всяк то видит, что здесь к составлению полного благополучия недостает четвертого обстоятельства, то-есть фортунина благоприятства, которой обыкновенная несправедливость при всех вышеписанных обстоятельствах сделать может человека довольно неблагополучным.

251. Господин Мопертюи * рассуждает о благополучии и неблагополучии человеческого по-математически, смотря по величине добрых и худых для человека приключений

* «Essai de philosophie morale» par m. de Maupertuis. [Мопертюи, Очерк правоучительной философии.]

и по количеству времени продолжения их, и потому уравнивает благополучия и неблагополучия, неравные величиною, чрез неравное продолжения их время в таком же, только обращенном содержании и полагает, что человек назваться может благополучным тот, которого сумма худых приключений меньше суммы добрых приключений, а из двух человек одного благополучнее почитает от другого не того, который имел больше добрых приключений, а того, у которого остаток добрых приключений по вычете из суммы их суммы худых приключений будет больше, нежели остаток добрых приключений по вычете из суммы их суммы худых приключений у другого. Всяк знающий математику разуметь может, что такие его рассуждения справедливы.

252. Хотя то не в нашей состоит воле, чтоб быть нам благополучными, однако, несмотря на сие, можно употреблять пристойные к достижению сего намерения средства, которые по большей части бывают благоуспешны.

253. К достижению всякому человеку своего благополучия особо не нахожу я ближе средств, как познание качеств своих и тех людей, с которыми он обходиться должен, так познание прямой добродетели и прямого разума и основание на том его поступок с другими людьми; и в рассуждении того политику, касающуюся до каждого человека особо, разделю я на две части.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О ПОЗНАНИИ КАЧЕСТВ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ

254. Разные качества в разных людях как по темпераментам, так и по другим обстоятельствам узнать хотя и не легко, однакож, кажется, и не невозможно, ежели только доходить до того прилежными опытами.

255. Темпераментов в людях полагают философы четыре — сангвинический, холерический, меланхолический и флегматический.

256. Каждый из сих темпераментов, смотря по разности случаев, может быть полезным и неполезным; и хотя всякий человек все сии темпераменты в себе имеет, однако один бывает в нем господствующий.

257. Для познания в каждом человеке его темперамента предложу я здесь служащие к тому примечания.

а) Качества сангвиников суть следующие: они милостивы, благосклонны, услужливы, любители компании, скоропримирительны, нелукавы, неподозревающие¹², откровенны сердцем, забавны, полнотелесны, роскошны, робки, бегают от труда, любят праздность, нежны, расточительны, во всяком роде жизни переменчивы, о будущем непопечительны, с первого разу много обещают, а мало исполняют, болтливы, на все согласны, по всякому мыгу оборотливы, легкомысленны, непостоянны, неверны и охотники наживать долги.

б) Холерики имеют следующие качества: они тверды и постоянны в своих намерениях, охотны к делам, только не к головоломным, неустрашимы в опасностях, праводушны, благородны духом, любители наук, благопристойности и чистоты, осторожны, скорорешительны, выдумщики проектов, только редко приводят их в действие, сердиты, только незлобны, нетерпеливы, стремительны, грозны, справедливы, к противоречию и хвастовству склонны, честолюбивы и горды.

в) Качества меланхоликов суть следующие: они воздержны, неутомимы и в самых претрудных делах, глубокоумны, любители порядка и экономии, невероимчивы¹³, в советах медлительны, строги, завистливы, ненавистливы, обманчивы и прелюбостязательны.

д) У флегматиков качества суть следующие: они смирны, позлобивы, тихи, весьма ленивы, во всем медлительны и ни о чем не пекущиеся.

258. Политика учит того, чтоб человек умерял худые качества своего темперамента.

259. Политика требует от нас познания качеств в добродетели других людей по темпераменту, по воспитанию, по качеству разума и по качеству духа.

а) По темпераменту флегматики кажутся мне всех способнее к добродетели, они во всем медлительны и потому не предприимчивы ни к чему во вред своим ближним; и как они по большей части бывают не очень скупы, не очень щедры, то потому живут с своими ближними праведною торговлею и нефальшивую разменою, что есть

самый безгрешный, и как некорыстолюбивый, то потому и благородный способ жизни. После флегматиков полагаю я вторых в добродетели холериков, только неумеренное их честолюбие и горячка к преимуществам несносны и самым справедливым людям. После холериков полагаю я других сангвиников, только они по своей страсти к роскоши опасны, так что, будучи сами всегдашние банкроты, способны и других приводить в банкротство, а во время нужды и торговать людьми для своего коммодитету¹⁴; а меланхолики почитаются ниже всех в добродетели, потому что они не много кажут человеколюбия.

b) По воспитанию у таких ли кто был воспитателей, которые б старались больше привести в зрелость его добродетель, нежели разум и другие качества, и был ли он доволен от них наказыван за пороки, также от юности до возмужалости своей сам ли он промышлял себе содержание, чтоб, научившись сам нужде, тем склоннее был облегчать других нужды.

c) По качеству разума знает ли он, в чем состоит прямая добродетель и прямой порок, и понимает ли он повадки и причины народных пороков и основания их добродетелей.

d) По качеству духа имеет ли он столько крепости духа, чтоб мог всегда противиться повадкам и прелестям пороков и, видя почти всех людей погруженных в несправедливости, не убоился б постоянно блюсти дружбу к справедливости.

e) Крепкого духа люди труднее ко вступлению в дружбу от людей слабого духа, и потому редкие дружатся с ними, несмотря на свойство их способнейшее свойства людей слабого духа к соблюдению постоянной и надежной дружбы.

260. Политика научает нас познавать качества людей в рассуждении отправления поручаемых должностей.

261. Я не стану пространно говорить о разных способностях в людях к разным должностям; то уже обстоятельно описано господином Мозером¹⁵, что меланхолики способны к тяжелым и многого терпения и труда требующим делам, холерики — к дерзновенным предприятиям и скоро-решительным важным делам, сангвиники и флегматики —

к милосердным, нетрудным и таким делам, которые б похожи больше на забаву, нежели на должность; а предложу только генерально о прилежности и ревности к отправлению должности генерально по темпераменту, воспитанию, качеству разума и качеству духа.

a) К отправлению должностей генерально по темпераменту, кажется мне, самые прилежные и ревностные люди — меланхолики, а по ним холерики, а ниже сих гораздо флегматики, а сангвиники всегда готовы на счет чужого поту хвастать своим трудолюбием.

b) По воспитанию: воспитанные в нужном содержании люди прилежнее к должностям от людей, воспитанных в довольном содержании.

c) По качеству разума: большого разума люди, хотя и прилежны сперва к должностям, но потом скучливы бывают, а меньшего разума гораздо прилежнее.

d) По качеству духа: крепкого духа люди гораздо прилежнее к должностям от людей слабого духа, пока не увидят какого-либо неудовольствия, а как только почувствуют неудовольствие, то уж делаются наотрез ленивы.

e) Крепкого духа люди хотя и способнее к разным должностям, нежели люди слабого духа, но со всем тем почита[ю]тся за неспособных к тому по единой крепости и упрямству их духа, а одни люди при испытании качеств других людей по большей части ленятся, а иногда и не могут входить во внутренность их натуры.

f) Вообще чрезвычайно трудолюбивые люди в гражданских должностях требуют частых и притом великих награждений, или в противном случае и посредственно прилежны не будут, потому что натура, не подкрепленная каким-либо животворным духом, не может выдерживать долго такого напряжения, и для того нет лучше людей посредственного прилежания; они награждения за труды заменяют покоем и отдохновением, необходимым натуре.

262. Примечания, касающиеся до разума человеческого.

a) В рассуждении разума состояние людей часто зависит от общества, в котором они живут. Один человек, который в одном обществе кажется умным, в другом уже будет

казаться глупым; и для того надлежит поступать осторожно в отличении человеческих умов, потому что то не вдруг узнать можно, который человек которого умнее.

b) Когда какой человек, внимая речь или вещь, не понимает ее, то он глуп; а ежели не понимает ее потому, что внимать ленится и действительно не внимает, то в таком случае нельзя еще по справедливости назвать глупым.

c) Люди, обращающиеся по большей части в компаниях, ежедневными и часто вредными опытами узнают в других людях много лжи, обману и коварства, и сии невыгоды общественного жития и осторожность, чтоб не попадать в такие сети, принуждают их прилежно и крепко внимать других людей речи и дела, и такие люди посторонним кажутся разумнее тех, кои, находясь в уединении и при чтении книг, бывают невнимательны, хотя они натуральным разумом нисколько не преобладают над иными, а преобладают только вниманием по долговременной к тому привычке.

d) Человек, упражняющийся долгое время в учении, навыкает чрез то испытывать истину всякой вещи, дела и предложения и чрез сие упражнение достает себе привычку обо всем думать и говорить справедливо и, таким образом, и на обманчивый запрос, хотя и знает, что большая часть людей живут неправдою, однако, позабыв в скорости, отвечает праведно и чрез то подвергает себя смеху и представляется другим людям простаком и невежею, хотя он, может быть, в делах и намерениях человеческих не меньше, а может быть, и больше имеет прозорливости, нежели обманчивый человек, и чаятельно на обманчивые вопросы нетрудно б было давать ему обманчивые ответы, ежели б он в том упражнялся, но он с детства своего обратил свой разум в другую сторону.

e) Ежели из двух человек одинакого ума один был с малолетства строго наказыван за непривлекательное внимание, а другой, напротив того, слабее был в том содержан, то первый, навыкнув сильнейшему вниманию, будет казаться умнее другого.

f) Кто о делах и вещах рассуждает сумнительно, а другой, и не зная, да утвердительно, то хотя они равны разумом, однако другой умнее кажется.

g) Ежели положить четырех человек одинакого ума и первый будет нестыдлив и неробок, другой стыдлив, да неробок, третий робок, да нестыдлив, а четвертый и стыдлив и робок, то первый из них кажется втрое или вчетверо, а второй и третий вдвое умнее последнего.

h) Ежели будут два человека одинакого ума и один крепок, а другой слаб духом, то первый кажется гораздо умнее другого.

i) Ежели кто имеет несколько из следующих качеств, а кольми паче, когда все, то-есть великий рост, страшные глаза, проразистый голос, важную походку, умеет кстати оказать некоторые поверхностные познания, не объявляет причин своим мнениям, на вопросы не скоро отвечает или и совсем умалчивает с пренебрегательным видом, то уж он при помощи таких ходатаев и предвозвестников его разума и с самыми слабыми дарованиями покажется героем на первый случай, а по предприятому наперед мнению люди людей почитают иногда вечно, потому что точно испытывать людей редкие имеют охоту или случай.

k) Которые люди скоро понимают доброту и недостаток каких-либо вещей, то имеют они сию способность не от натуры, а от привычки*.

l) Как те люди, которые гоняются за малою честью, теряют большую, которая приобретается не усильным старанием, а важным и благонадежным в рассуждении заслуги ожиданием, так и те люди, которые очень заботливы в малых делах, обыкновенно бывают неспособны к великим, и по большей части люди, имеющие дарование к управлению малых дел, не имеют дарования к великим.

m) Чтобы познать разность между дураком, глупым и разумным человеком, то надобно знать, что дурак хотя и понимает вещи, однако рассуждать об них ни сам собою, ни по примеру других не может, глупый может рассуждать о вещах по примеру других, а разумный может рассуждать по большей части сам собою, а иногда и по примеру других.

263. Примечания в рассуждении сердца человеческого.

* «De l'esprit» par m. Helvetius.

а) Что касается до людей, озлобляющихся на своих ближних, то их разделить можно на три класса, то-есть на сердитых, злобных и злых. Сердитые люди сердятся почти за всякую безделицу, но по большей части тотчас примиряются; злобные люди рассерживаются не скоро и по большей части за важную досаду, но сердятся долго, а иногда случается, что и по самый конец жизни; а злые люди не только за какую безделицу, но и без всякой причины злятся на всех других людей всегда и вечно, да и самые их ласкания похожи на иудино лобызание.

б) Что касается до обхождения со всеми сими людьми, то неосторожным людям сходнее обходиться с сердитыми, потому что неосторожность одних достойна сердитости других, осторожным — с злобными, для того что одни по своей осторожности, а другие по презрению мелочных оскорблений могут пребыть без раздору, а со злыми — как неосторожным, так и осторожным, или, лучше сказать, всем людям обходиться несносно; и ежели, по несчастию какого общества, случится такому человеку иметь великий разум и чин, то уж он будет для него самый несносный бич, какой только вздумать можно, и блаженно то общество, коего правители не терпят таких извергов человеческого рода.

264. Теперь я намерен предложить здесь еще некоторые примечания вообще о качествах человеческих.

265. Которые люди много унижаются пред высшими себя и много угождают им, те по большей части ищут великого господствования над низшими себя и бывают им весьма отяготительны.

266. Злонравного и притом разумного человека качество лучше узнать могут равные ему, нежели высшие, а всего лучше низшие, только притом разумные люди.

267. Красивые люди по большей части бывают не так добродетельны, как некрасивые, потому что красивые по приятности своего тела имеют от всех на первый случай приятную встречу и чрез то много балуются, а некрасивые, лишаясь сей выгоды по неприятности своего тела, научаются больше знать нужду и сей свой недостаток стараются награждать добродетелью.

268. Из таких людей, которые, великими обидами утесняемы будучи от высших себя, умеют скрывать свою досаду пред ними, делают некоторые при способном для них случае очень мстительны, как то и натурально рассудить можно, что река, плотиную долго удерживаемая, как найдет место к своему проходу, то тем с большим стремлением силится туда пройти и потому тем больше роет плотину, чем долее той реки течение одерживано было; так равномерно и к долговременному терпению принужденные люди по долгом притворстве как только найдут удобный случай, то тем больше истощают наружу свою досаду, и такие люди иногда бывают сами и обидчики их, а иногда одни обидчики волнованию сердец их причиною, и в сем другом случае по справедливости почесть их можно почти за невинных.

269. Философы говорят, что прозорливый, то-есть политичный, человек страсти свои, а особливо владеющую, скрывать пред другими должен, чтоб чрез открытие ее не дать неприятелям своим оружия; такое притворство в человеке (не упоминая о том, что иная страсть в ином случае может быть полезна обществу) кажется мне противно, но оно необходимо для убежания чрез сие беспокойство большего беспокойства.

270. Сии правила к познанию людей, по всем их различиям рассуждаемых, хотя и не могут быть всегда точны, однако при большей их части справедливость свою соблюсть в состоянии.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О ПОЗНАНИИ ПРЯМОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ И ПРЯМОГО РАЗУМА ДЛЯ ОСНОВЫВАНИЯ НА ТОМ НАШИХ ПОСТУПОВ С ДРУГИМИ ЛЮДЬМИ

271. Как философия ищет во всем прямой истины, то потому она также испытывает прямо добродетельных и прямо разумных людей и отличает их от добродетельных и разумных по народному вкусу.

272. Некоторые люди думают, будто бы добродетель есть мнимая, а не существенная вещь, потому что в одном народе или времени почитается за порок то, что в другом —

за добродетель; из чего видно, что они смешивают качества, зависящие в своем существе от обычаев и потому подверженные переменам, с прямою добродетелью, которая в своем существе не зависит от обычаев и не подвержена переменам, потому что она есть постоянное хранение справедливости.

273. Хотя прямая добродетель есть не что иное, как строгое хранение справедливости, и прямой разум есть явственное понятие представляемых истин, однако, несмотря на сие, несравненно большая часть людей на свете полагают добродетель и разум не в прямом их существе, а в удачном выборе приятных им дел и понятий.

274. Прямо добродетельный человек есть тот, коего все дела клонятся к общей всех людей пользе; итак, чтоб быть добродетельным, то не довольно того, чтоб делать добро, а надобно еще делать справедливо.

275. Прямо разумный человек есть тот, который познает доброту или худобу какой вещи или дела не по моде и свидетельству других, а по точному уверению из генеральных оснований доброты или худобы вещей или дел.

276. Чтоб быть прямо добродетельным и прямо разумным, то не довольно к тому одной охоты, а надобно еще иметь и страсть.

277. Хотя как прямо добродетельные, так и прямо разумные люди редкие на свете, однако со всем тем прямо разумных гораздо больше, нежели прямо добродетельных.

278. Многие люди одни других называют добродетельными и порочными, умными и глупыми не потому, что те люди были по существу своему таковы, а потому, как они соответствуют их склонностям, страстям, вкусу и пользе.

279. Понятия всякого человека касаются или до состояния, или до страстей, или до мнений других людей, и потому одни люди называют других добродетельными не по строгости добродетели, а по мере приятности от их дел, также и разумными не столько по числу и точности, сколько по приятному выбору понятий; так что приятность или польза есть у многих людей единственный судия разума и добродетели.

280. На сих рассуждениях основавшись, разделяю я по примеру господина Гелвеция* добродетель и разум на прямые, или философские, или всемирные, и на приближительные к прямым, как то на народные, то-есть целого какого народа, на общественные, то-есть малого какого общества, и особенные, то-есть каждого человека особо.

281. Здесь я намерен предложить о различии прямого разума и прямой добродетели от приближающихся к прямым некоторые краткие как других писателей, так и мои примечания.

282. Великость полагаю я в совершенстве справедливости и разума, и великий человек называется тот, кто очень справедлив и умен совокупно; таков был в Греции Аристид, а не Фемистокл, коего историки слепо предпочитают первому, не видя в нем к тому недостатка в таком великом качестве, каково есть праводушие.

283. Редкость великих людей в каком месте или времени зависит не от чего другого, как от нерадения народов о точном исполнении своих обязательств против таких людей.

284. Какне б кто ни оказал услуги своему отечеству, да потребует за то хотя временного великого награждения, то я не нахожу в нем прямого сына отечества; добрый сын не станет избыточествовать насчет изнеможения отца своего.

285. Хотя многие люди ласкают себя великими делами, однако сей плод часто больше родится от случаев, нежели от великих намерений.

286. Это не довольно человеку, чтоб иметь великие качества, а надобно еще иметь в них и экономию.

287. Есть некоторые добрые качества подобны чувствам, которых вовсе лишенные люди понимать не могут.

288. Человеческая добродетель не могла бы далеко простираться, ежели б суета не была с нею в компании.

289. Правосудие в иных умеренных судьях часто бывает не что иное, как любовь своего возвышения.

290. Многие люди бранят неправосудие не по отвращению, а по предосуждению от его.

* «De l'esprit» par m. Helvetius.

291. Умеренность в счастье оказывают некоторые люди, часто опасаясь несчастья или стыда от неумеренности.

292. Постоянство некоторых людей в несчастье есть не что иное, как искусство скрывать в сердце досаду.

293. Когда какие люди от долготы своего несчастья ослабевают, то чрез то они доказывают, что сносили его прежде больше от честолюбия, нежели от великодушия.

294. Счастье обращает все в пользу тем людям, которым благоприятствует.

295. Для снесения счастья надобно больше великих качеств, нежели для несчастья.

296. Надобно управлять своею фортунною подобно своему здравию, пользоваться ею, когда она хороша, сносить, когда худа, и не употреблять никогда чрезвычайных средств или лекарств без крайней нужды.

297. Какие бы кто ни имел дарования от природы, однако не одна она, а и счастье с нею делает некоторых людей героями.

298. Бесчестнее есть не доверять своим приятелям, нежели от них быть обмануту.

299. Что иные люди не открывают своего сердца другим людям, то делают они от недовериванья не столько тем людям, сколько самим себе.

300. Человеку так легко обмануть самому себя, что он того и не приметит, как трудно обмануть других, чтоб они того не приметили, так что человек никогда так легко не обманывается, как когда он думает, что других обманывает.

301. Некоторый автор говорит, что хитрости и обманы происходят от недостатка искусства.

302. Тот, кто думает, что может обойтись без других людей, обманывается много, а кто думает, что без него обойтись нельзя, обманывается еще больше.

303. Чистосердечие в иных людях бывает прямое, а в других притвор, для стяжания себе от прочих людей доверенности.

304. Правда не делает столько пользы на свете, сколько правдоподобие — вреда.

305. Мы обещаем, смотря по надежде, а устаиваем в обещании, смотря по боязни.

306. На гордых людей жалуется по большей части гордые люди.

307. Когда кто увещевает погрешившего в присутствии других людей, тот делает сие больше от гордости, нежели от добросердечия, и увещевает погрешившего не столько для исправления его, как сколько для оказания себя непричастным к таким погрешностям.

308. Корыстолюбие представляет себя в разных видах, даже и в виде самого бескорыствования.

309. Презрение, оказываемое философами к богатству, есть не что иное, как потаенное желание отмстить за свое достоинство несправедливой фортуны, и это есть закрытый путь к достижению чести, который по недостатку богатства получить не можно.

310. Беспристрастие, которое оказывали древние философы ко всем вещам, было не что иное, как вкус неумеренного их самолюбия.

311. Нет дружбы без нужды, а иначе бы было происхождение сие без причины; какая может быть беспримерная дружба между двумя человеками, завезенными на дикий остров между лютых зверей, которые, может быть, не могли бы терпеть один другого взору, ежели б были в человеческом обществе.

312. Не надлежит казать горячности в любви к кому-либо и не вступать скоро в дружбу, а друзей своих держаться верно и постоянно, помогать им в нуждах; не надобно требовать от них таких одолжений, которые тяжелы для них, беречься, чтоб им не паскучить, малые погрешности их против нас не ставить за велико, а только напоминать им слегка, а ежели приятель начнет удаляться от пути добродетели, то употребить довольно увещания на исправление его, и ежели то не пособит, то должно разрешить, а не разорвать с ним дружбу, и поверенные от него во время дружбы тайны блюсти свято, и для того и в самой дружбе надобно быть осторожны и скупы в открытии тайны, а примиренному из неприятеля приятелю не должно слабо поверять себя, также и малейшего не презирать неприятеля.

313. В дружбе генерально надобно наблюдать равновесие, а как только равновесие кончится, то и дружба вместе с ним неминуемо кончится.

314. Как ни редко бывает прямая любовь, однако чаще, нежели прямая дружба.

315. Простой народ прямую набожность и прямую добродетель редко разумеет.

316. В том нет беды, когда одолжить неблагодарного человека, а в том великое несчастье, когда быть одолженным нечестному человеку.

317. Достоинство имеет свое время, равно как и земные плоды.

318. Легче казаться достойным тех чинов, которых кто не имеет, нежели тех, которые он имеет.

319. Некоторый автор советует стараться о чинах лучше, нежели о милости, которая приобретается с трудом, сохраняется с беспокойством, а теряется с отчаянием, а особливо, ежели нет надежды иметь отраду в друзьях.

320. Есть герои так в худых, как и в добрых делах.

321. Кто не принимает похвалы в похвальном деле, тот желает двойной похвалы.

322. Люди, не терпящие подозрения, по большей части достойны подозрения.

323. В худом обществе не столько пороки привлекают человеку ненависти и гонения, сколько добродетели.

324. Хотя бы самые порочнейшие люди были благополучны, то со всем тем не должно оставлять добродетели, чтоб не подумали другие люди, что мы больше досадуем на их благополучие, нежели на пороки.

325. При употреблении всякой добродетели надобно также наблюдать особу, место, время и другие обстоятельства, и где при учинении другому добродетели опасен для себя вред, то там лучше оставаться в беспристрастии.

326. Препятство, которое нас не допускает предаться совсем одному пороку, часто происходит от того, что мы имеем почасти многие пороки.

327. Что самые пренедостаточные в чем-либо люди склонны к насмешке, то причину тому господин Картезий полагает такую, что такие люди желают видеть других в равном с собою состоянии и веселятся, когда им

случается какой от того вред, коего они почитают их за достойных *; я такое его мнение почитаю за весьма справедливое.

328. Тот больше других старается примечать чужие пороки, кто сам порочен.

329. Хотя некоторые люди от боязни наблюдают свою должность, однако приписывают им, будто бы они то делали от добродетели.

330. Раскаяние во многих людях бывает не столько от досады об учиненном зле, сколько от печали о предложенном зле.

331. Иные старики любят подавать хорошие правила в отраду свою, что не в состоянии подать уже худых примеров.

332. Иные люди кажут великодушие в презрении всего для того, чтоб иметь все.

333. Некоторый автор говорит, что милость кажут люди одни к другим или от суеты, или от лености, или от робости, а иногда и по всем сим качествам вместе.

334. Философы учат нас говорить со всяким человеком так, как почитая его за неприятеля, и это правда; и ежели кто в нынешние времена противно сему правилу поступит, тот за свое простосердечие, без сумнения, получит худое награждение; а казалось бы, что надлежало б человеку с другим человеком говорить, как приятелю с приятелем, но теперь такое правило не в моде; какой это стыд для человечества, лишнего человеколюбия! Чрез такое недовериванье, которое есть презренный плод неправостей наших, не подаем ли мы другим людям оружия, или как бы некоторого права на обиду нашу, и не делаем ли их коварству и злости некоторого оправдания; вот здесь, видимо, исполнение того правила, чтоб любить своего ближнего, как самого себя.

335. Философы учат не говорить ни про кого худо, и в сей речи почитают они за худую речь как ту, которая описывает чьи-либо худые поступки, так и ту, когда кто хулит кого, и не находя в нем пороков. Такую нестройную смесь надлежало бы различить и сказать так: не говорить

* «Passiones animae» per Renatum de Cartes.

худо о том, кто хорошо поступает, а кто худо, то пристойнее и сноснее, кажется, ему удержаться от худых поступков, нежели удерживать других от праведных, или по застарелому обыкновению называемых худых об нем речей, которые одни остались для побуждения порочных людей к добродетели. Речи людские составляют всю их коммерцию и простираются они не далее, как только на людей и вещи с их произведениями, так сносное ли это дело, чтоб отнять у людей половину их коммерции; такие притворы, вселившись в людях разного состояния и неравных чинов, служат им к немалому мученью, однако со всем тем редко бывает вредно недоговорить, а почти всегда — переговорить.

336. Несносно то в человеке, когда он причиняет своему ближнему обиду, а то вдвое еще несноснее, ежели он не терпит, чтоб обиженный жаловался на обиду¹⁶; таких человеческого общества неприятелей питает всякая земля великое множество; жаль, что натура, благодетельница человеческого рода, для таких людей не делается строгою мстительницею, и сей ее недостаток составляет истинный предмет законов и правительств, но, по несчастию, большая часть людей почитают такой тонкий разбор за невозможное дело; а мне думается, что когда люди искусством своим во многих случаях преодолевают силу природы, то уж против беспристрастия ее в рассуждении добродетелей и пороков человеческих гораздо уноровить можно, только надобно к сему желания, прилежания и любви к общей, а не собственной пользе, но то беда, что сии качества редко в нас ссыскиваются.

337. Философы говорят, чтоб при учиненной досаде не приходиться в страсть гнева и не отплачивать за обиду; это правило хотя и тревожит справедливого человека, однако оно принято вообще за основательное, потому что основано на том непостижимом предании некоторых философов, будто бы страсти происходят от неясственных понятий; какая это преславная инвенция! на ней основавшись, можно несносно мучить своего ближнего, с тем условием что он будет дурак; ежели рассердится, а с другой стороны, произвели философы в людях такую сильную горячку к приобретению имени умных людей, что они для него

всего другого лишиться готовы и сими двумя прожектами, как сетями, уловляя род человеческий, мучат без страха наказания.

338. Как уже беззакония в весьма многих людях возросли до такой степени великости, что уж добродетельных людей последняя подпора — самая святость непорочных законов — от угрызения коварных их зубов защищать не может, потому что они к озлоблению своих ближних избирают такие средства, которые укрылись и укрываются от сведения и суда изданных на свет законов, то я за благо рассудил подать сей совет любителям добродетели, чтоб они, увидев наглеца, обижающего безвинно другого, добродетельного, человека, употребляли сколько можно такие искусные обидчику досады, которые следствию законов не подвержены; такой поступки обидчик не может доказать по законам за защиту обиженного, следовательно, и привязаться, а между тем она довольно может мучить наглеца и доставить изрядное удовольствие обиженному.

339. Во всех случаях надобно стараться, и то искусно и справедливо, подавать другим людям хорошие о себе мысли; и для того вышших себя надлежит почитать, только ж не подлым и рабским образом, против равных ни унижаться, ни возвышаться, а с низшими обходиться благосклонно и словохотно, только не дружески.

340. Многие люди желают почтения не для уверения себя о своем достоинстве, но для получения пользы, соединенной с почтением.

341. Смешное больше бесчестит, нежели бесчестное, и, как думается мне, для того, что мы спознались больше с бесчестными, нежели с смешными делами.

342. Во всяких речах и делах надобно поступать не нагло, а уступчиво, только и не робко и низко, и надобно в сем особливо наблюдать особу, время, место и другие обстоятельства, сведомые прозорливости.

343. В походке, сидении и лежании и во всех оборотах и движениях тела стараться наблюдать благопристойность и приятное положение тела, однакож и излишний притвор в том, чего не дала патура, весьма противен.

344. В одеянии надобно следовать обычаю и наблюдать притом умеренность и благопристойность.

345. Люди награждают чаще вид заслуг, нежели прямы заслуги.

346. Некоторый автор говорит, что, к посрамлению наших времен, люди великих чинов одолжены титулами добрых приятелей, добрых родственников и благодетелей, которые им приписывает то общество, в котором они живут, ничему другому, как своим несправедливостям.

347. Есть такие люди, которые во многих праведных делах предводительствовать могут, а и в малейшей несправедливости сами требуют предводителя.

348. Всякий народ рассуждает о других так, как об их языках; но оба сии его рассуждения погрешительны: как языки могут быть изобильны и скудны, смотря по количеству сверхнатуральных нужд и знаний, так и народы могут быть добродетельны и порочны, смотря по качеству их законов и обычаев.

349. Нравы, мнения и понятия других людей почитаем мы не по точности их, а смотря по пользе их, и потому мы при почтении других людей больше себя, нежели их, почитаем.

350. Некоторый автор говорит, что люди не равны разумом от неравного внимания; внимание человека томит; он так клонится к лени и покою, как земные тела к центру земли.

351. Хорошо выслушивать чужие речи и хорошо отвечать на них есть самое большое совершенство в обхождении.

352. Искусство некоторых людей употреблять порядочно посредственные качества часто отнимает честь и славу у таких людей, которые имеют великие качества.

353. Часто желание, чтоб казаться искусным, препятствует делаться искусным.

354. Ум усиливается не столько от прилежного внимания, сколь от благополучных случаев.

355. Ежели спросить у самых ученых людей, то они признают сию истину, что лучшими своими изобретениями одолжены они не усильному вниманию, а счастливому случаю некоторых предметов.

356. По прилежным опытам узнать можно, что слабость разума в некоторых людях происходит не столько от натуры, сколько от лени к вниманию.

357. Что примечается у людей великая разность в разумах, то это, может быть, зависит от неравного их желания к научению себя; но скажет кто, что желание есть происхождение страсти; итак, когда мы большею или меньшею силою наших страстей одолжены натуре, то в сем рассуждении превосходство или недостаток в разуме почитать можно за дар природы.

358. Многие люди славою своего разума одолжены множеству дураков.

359. Человек в рассуждении разума может почитать себя достойным общего почтения, когда его хвалят уже хваленые люди, когда его почитают в сочинениях и публичных местах такие люди, которые оказали свету свои дарования.

360. Человек может незнанием или недостатком в учении, как бы недостатком пристойной разуму пищи, лишить его надлежащей зрелости, также может он и обременить и, следовательно, обессилить его пространным учением многих материй, как излишеством пристойной разуму пищи.

361. Философы говорят, что в молодых летах надобно учиться истории, географии и другим легким наукам, а в возмужалых летах — труднейшим, как то и надобно в рассуждении того, что когда память начинает ослабевать, то рассуждение начинает усиливаться; итак, из сего видно, что способности мысли нашей, смотря по нашим летам, переменяются, и в рассуждении сего правило их, чтоб стараться усиливать ту способность мысли, которая у нас сильнее других, кажется неосновательно; а думается мне, что лучше стараться равно об исправлении всех способностей.

362. Прозорливость требует того, чтоб не учиться вдруг многим наукам, а можно то делать последовательно, также при чтении трудных материй не надобно скоро называть их бестолковыми, когда они нам не вдруг делаются понятны, а с терпением повторять чтение, пока вразумительно будет, и знать то, что для понятия высокой доброты надобно высокого ума, а малый ее почтет за худобу.

363. Я не могу довольно надивиться тому, что философы схватились за то, чтоб довести людей до совершенства, коего они и сами не имели, и основывали на том все их

дела, хотя и сами редко следовали тем основаниям, а пропустили самонужнейшее для человека истолкование прямого разума и прямой добродетели и справедливости, которые составляют истинный предмет их должности и на которых, как на понятнейших человеку, основавшись гораздо легче достичь некоего благополучия, нежели на непостижимом для него и одну пышность их мыслей оказывающем совершенстве.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О ПОЛИТИКЕ,

КАСАЮЩЕЙСЯ ДО НАЧАЛЬСТВУЮЩИХ ОСОБ

364. Политикою начальствующих особ называю я искусство их управлять своими подчиненными так, чтоб они их любили и почитали.

365. Что я пишу о сей политике, то, может быть, предпринимаю дело выше моей силы, потому что все говорят, что рассуждать о политических происхожденииях одних министров дело, а другие-де люди не имеют к тому способности; итак, я, чтоб без политики начальствующих людей не сделать обрубком книги, по неспособности моей рассуждать буду о таких делах сумнительно, а не утвердительно и в тех моих рассуждениях посылаться стану на писателей или на опыты¹⁷.

366. Один в нынешнее время славный автор¹⁸, великий ревнитель и поборник по сей должности, досадует, что в Англии самый простой мещанин читает ведомости и рассуждает о политических делах и правлениях; но на это можно ему сказать: 1-е, что такой мелкий человек рассуждениями своими ничего в том подействовать не может. 2-е, что когда больной призовет лекаря, то хотя оба они видят болезнь, однако больной гораздо лучше разумеет ее силу и действие, нежели лекарь, правда, что сей пример к такому делу редко, однакож приличествует. Китайская область * прославляет великие дела государя своего Ива

* «Description de l'empire de la Chine» par le p. du Halde.
[Дюгальд, Описание Китайской империи.]

бессмертную памятью, из чего бесспорно всяк заключить может о мудром его правлении; а сей великий государь обыкновенно почитал за наилучшее для себя угождение, когда бывало кто из подданных его приходит к нему для подания совету в поступках его; и чрез сию редкую и от всего рода человеческого заслуживающую благодарность добродетель оказал он себя почти беспримерным государем и вместо того, что другие полагают понижение себя в такой поступке, он, напротив того, возвысил себя больше почти всех смертных; а сей автор, как бы привалягию доставши себе на политику, огорчается, что простые люди рассуждают о политических делах. Правда, сему дивиться ненадобно: любовь сего несовершенного политика к высокоумию преодолела в нем любовь к человечеству, а в китайском бессмертия достойном государе любовь к человечеству умертвила в нем все противные тому желания.

367. Господин Руссо думает, что как собрались люди по фамилиям и начали выдумывать разные выгоды, то это было первое иго, которое наложил на себя род человеческий, а до того времени люди, пока исправляли свои нужды без помочи других, были вольны, здоровы, добросердечны и благополучны, а как настала зависимость, то равенство минуло, и вошла в обычай собственность имения.

368. Господин Руссо говорит *, что между людьми повеление одного и послушание другого сперва начало свое получили от силы, а потом, как они уже к тому привыкли, то для возможного благополучия человеческого рода остается правящим его судьбою по человеколюбию основывать сии человеческие действия на праведных и вернопослушаемых договорах.

369. Человек при перемене натурального состояния в гражданское приобрел в поступке своей справедливости вместо побуждения, в делах своих — нравочение, на место безразборной слепоты, и во всем своем житии — должность вместо натурального понуждения, и следует разуму, не слушая своей склонности; и хотя он чрез сию перемену лишается многих натуральных выгод, однако на место того приобретает другие великие качества, способ-

* «Du contrat social» par m. Rousseau.

ности его беспрестанно возрастают, понятия распространяются, мысли делаются благороднее, и вся его душа вышается до такой степени, что ежели б злоупотребление нового сего состояния не сводило его часто ниже натурального, то должен бы он беспрестанно благословить то время, которое его вывело из того состояния и сделало с безумного и ограниченного животного разумным и человеком.

370. Человек чрез договор с обществом теряет натуральную вольность и неограниченное право ко всему тому, что его искушает и что он постичь может, а приобретает гражданскую вольность и собственность имущества. Натуральная вольность каждого человека не имеет других границ, как только его силы, а гражданская вольность ограничена общественною волею. Владение натуральное есть действие силы человеческой или право прежде завладевшего, а собственность имущества основана на определении общественной воли.

371. В гражданском состоянии получает человек еще нравственную вольность, которая делает его господином над самим им, потому что побуждение желания есть рабство, а повиновение предписанным законам есть вольность.

372. Человек чрез гражданское состояние вместо потери натурального равенства приобретает равенство нравственное и законное и, будучи натурально не равен силою или разумом, другому делается равным по договору и по праву.

373. Из опытов довольно известно, что обычаи как особенные в одном человеке, так и общие в целом народе столь сильны, что составляют как в том, так и другом почти новую их натуру; итак, когда люди, оставя натуральную свою независимость, согласились жить в обществе, то в рассуждении сего право общественное, или гражданское, хотя и отменное несколько от натурального права, также и законы, уноровленные в рассуждении неразделяемой как одного человека, так и целого общества пользы, должно хранить свято, для того что по нынешнему состоянию всего мира как независимость натуральная есть невозможное дело, то потому право и законы натуральные по

справедливости уступить должны место общественным, или гражданским.

374. Как отец какой фамилии не совсем сохранит свою должность, ежели он только на время своей жизни промыслит благосостояние своей фамилии, а о предбудущем после его состоянии не приложит старания, так равномерно и законодатель, который может почестся отцом принимающего от его закон народа, соблюдет свою должность, ежели он ко всем своим добрым законам присовокупит то свойство и силу, которые б как законы те, так и народ, подверженный им, могли сохранить в целости на многие веки.

375. Средства к удержанию областей на долгое время в цветущем состоянии суть внутреннее их благосостояние и наружная безопасность, и на сих двух подпорах утверждается их благополучие.

376. Благополучие целого народа состоит в том, когда каждый из его членов теряет малую часть своих удовольствий, чтоб приобрести на место того несравненно большую, потому что все люди в обществе желают имения, чести, славы, покоя, веселья и прочее; и когда они все желать будут того беспредельно, то трудно кому-либо из них быть благополучным; а ежели каждый из них уступит одно какое-либо из своих или по малой части из всех желаний обществу, то чрез то они без изъятия все почти во всех своих желаниях будут удовлетворены и потому благополучны.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О ПОПЕЧЕНИИ НАЧАЛЬСТВУЮЩИХ ПОЛИТИКОВ О ВНУТРЕННЕМ БЛАГОСОСТОЯНИИ ОБЩЕСТВ

377. Внутреннее благосостояние обществ полагаю я в добронравии его и трудолюбии.

378. Прежде, нежели стану я писать предложения о введении в целые общества добронравия, должно мне упомянуть о разных формах правления, потому что важные писатели объявляют, что не во всяком правлении добронравие вместно.

379. Писатели полагают четыре формы правления: 1. Демократическую, в которой весь народ, будучи в

полном собрании, устанавливает новые и уничтожает неполезные законы, решает уголовные и другие важные дела. 2. Аристократическую, в которой сенат управляет всеми вышеписанными делами. 3. Монархическую, в которой один государь управляет народом на основании законов. 4. Деспотическую, в которой один же государь управляет всеми делами по одной своей воле.

380. Господин Монтескиу говорит, что республиканское, то-есть демократическое или аристократическое, правление пристойно малым областям, а монархическое сходственнее пространным для убежания медленности в исполнении повелений.

381. Господин Руссо предпочитает аристократическое правление демократическому, когда в нем начальствующие особы избираются народными голосами, потому что в таком случае добродетель, разум и искусство в людях предпочитают и другие области больше доверяют почтенному сенату, нежели здорному множеству народа; а ежели они занимают чины по наследию, то в таком случае не находит он хуже сего никакого правления; а что касается до монархического и деспотического правления, то господин Билефельд склоняется к первому*.

382. Господин Руссо говорит, что политический, то-есть гражданский, корпус, или тело, равно как и человеческое тело, начинает умирать со времени своего рождения и носит в самом себе причины своего разрушения; но одно и другое из них может иметь сильнейшее или слабейшее расположение к своему должайшему или кратчайшему соблюдению; расположение человека есть дело натуры, а расположение целой области есть дело искусства; от людей не зависит, чтоб продолжить им свою жизнь, а области жизнь продолжить так долго, сколько можно чрез расположение ее по возможности самое лучшее, зависит от них.

383. Чтоб устоять какому обществу в целости чрез должайшие веки, то надобно, чтоб блюло его попечительное и премуудрое око, да притом такое, которое бы при тех

* «Des Freiherrn von Bielefeld Lehrbegriff der Staatskunst», 1. Teil. [Билефельд, Учение о государственном управлении. Имеется русский перевод Ф. Шаховского, 1768.]

качествах могло еще жить должайшие веки; но кому сие возможно, кроме всемогущего бога. Итак, хотя и делаются в обществах неполезные для них перемены, однако на такое допущение божие роптать не должно; он есть художник, а мы брание, из коего он по своему произволению делает в честь и не в честь сосуды; да кто еще и то знает, что, может быть, иное общество в самом начале вкушения своего благополучия начинает само собою усиливать средства к своему падению.

384. Но несмотря на сие, ежели расположить общество так, чтоб как обычаи помогали добрым законам, так и законы — добрым обычаям, то такое общество пребудет долго благополучным, и тем долее, чем долее согласие между добрыми обычаями и законами продолжится.

385. Господин Монтескю говорит*, что, смотря по разности форм правления, бывают разные у них основания, как то: республиканского правления основание есть добродетель, монархического — честь, а деспотического — страх; и с сими основаниями правлений советует он и законы издавать согласные.

386. В республиканском правлении общая польза есть основание всех человеческих добродетелей и законодательств.

387. Господин Монтескю говорит, что в республике законы созидательные (*les loix fondamentales*) суть: 1. Подавание голосов от граждан ее, с исключением иностранных, дабы от того не могли вкрасться какие-либо подлоги, и что там надобно точно определить, кому, как, чрез кого и на что подавать голоса. 2. Чтоб все чины в республике зависели от воли народа, и в рассуждении сего военначальников, судей и полицеймейстеров своих сам он выбирать должен, в чем он редко обмануться может; а для таких дел, которые не подвержены законам и требуют прозорливости в рассуждении времени, места, особы, дела и прочая, как то разделка с иностранными народами, выбор министров, должен он поручать выбранным от себя начальникам, как более сведущим в таком случае. 3. Устанавливать законы для республики сам народ должен.

* «De l'esprit des loix» par m. de Montesquieu.

388. В монархическом правлении почитал бы я за созидательные законы: 1. Различие в состояниях людей по мере достоинства и заслуги. 2. Установление от монарха новых и уничтожение старых законов по правильным причинам.

389. В монархическом правлении обыкновенно бывает неравенство состояний, что и необходимо, но притом весьма б полезно было, чтоб лучшее во всем состоянии определялось достойнейшему человеку; правда, иной сказать может, что в сем деле достичь прямой справедливости весьма трудно и почти не можно, однако со всем тем лучше добираться до того хотя по приближению, нежели оставить сие дело судьбе, и почасти и безуспешно исправлять генерально рождающиеся от того невыгоды.

390. Правда, что разбор и различие делать между достоинствами разных людей есть не легкое дело, но в том хотя до совершенной точности и нельзя, однако по крайней мере до мнимой достичь можно, ежели только при таких разборах люди погрешать будут разумом, а не совестью, а погрешать в совести, кажется, перестанет общество, как только отняты будут у него служащие к тому повадки и причины.

391. Кажется, не худо б располагать законы так, чтоб при всяком худом приключении одного гражданина чувствовало и участие принимало в том целое общество, как, например, ежели у кого по несчастию, а не от неосторожности его сгорит дом или он окраден будет, то чтоб тот убыток наградило ему целое общество, или когда кто убит будет на улице, то чтоб в том отвечала целая улица граждан денежным или другим каким взысканием. Правда, что такие законы могут казаться несколько неправы, но со всем тем отвращать могут такие злодейства, и ни один член из всего общества под защитением их страдать не будет.

392. Господин Гельвеций пишет, что в рассуждении человеческих пороков надобно жаловаться не на злость человеческую, а на слабость законодатцев, которые всегда полагали особенную пользу в противность общей пользе.

393. Для чего по нынешнее время (говорит тот же господин Гельвеций) нравоучительная философия не может

поправить нравов в народах; причиною сему то, что пороки народные скрыты в самих законах; и ежели кто хочет истребить пороки в каком народе, не переменяя производящих их законов, тот ищет невозможного и напрасно силится опровергнуть праведные следствия принятых оснований; а что касается до слабых законов, то я в дополнение к сему скажу, что причиною их слабости может быть непристойный порядок нравоучения прежде бывших философов.

394. Никакого народа нельзя сделать иначе добродетельным, как чрез соединение особенной пользы каждого человека с общею пользою всех; и чтоб преподать истинные правила и прямо ведущие к добронравию, то надобно иметь страсть ко всеобщему добру и не поступать в том по самолюбию.

395. Не худо б общество располагать так, чтоб ни один его член ему, ни оно ни одному своему члену не были в тягость.

396. Совокупить пользу членов общества каждого с пользою других и всех их с пользою обладателя, что много споспешествовать может твердости к благополучию правительства.

397. Как те законы, которые клонятся к умеренности, служат к общей всего народа между собою любви и удовольствию, так те, которые клонятся к пышности, служат к излишнему баловству одной части народа и к притеснению другой.

398. Хотя какое общество управляется и самодержавною властью, однако из подчиненных ей властей некоторой не пристойно располагать благополучием и животом подчиненных ей людей самой собою, а с советом своих сочленов, и это полезно наблюдать и в военном состоянии, исключая одно время баталии.

399. Некоторый автор пишет, что почтение обладателей к законам составляет их безопасность*.

400. Хорошо б разных народов, подверженных одной власти, приводить под одни законы, только не силою,

* «Mes pensées». [Ссылка на книгу французского писателя Бомеля Лорана Англевиеля «Мои мысли».]

а превосходною пользою и добротою законов и при уравнении законами уравнивать права и преимущества тех народов.

401. Что поединки, вошедшие в обычай во многих областях, как ни вредны обществу, как ни предосудительны власти обладателей, и поныне искорениться не могут, то делается сие оттого, что поединщиков вешают одних убитых; да, правда, причина тому та, что живые уходят; знать, их достать трудно.

402. Как обычаи от подражания, так нравы от темпераментов зависят; и потому казалось бы, что исправлять их трудно, однако ежели употребить пристойные к тому средства, то опыты уверяют, что успех в том будет благонадежный.

403. Что касается до добронравия, то ежели приниматься за введение его в общество, то надобно делать сие генеральным наблюдением совокупно всех добродетелей и генеральным совокупно недопущением всех пороков; в противном же случае будет успех такой, как в ходу того судна, на котором хотя и много гребцов, да все они гребут не вдруг, а порознь.

404. Как в механике малою силою можно подымать великую тяжесть, так и в управлении общества чрез уничтожение одного главного порока можно отвратить множество других, от него зависящих, как, например, чрез учреждение пропорционального каждому состоянию содержания можно отвратить воровство, плутовство и проч.

405. Некоторый автор пишет, что нельзя вывести совсем пороков из общества и что они служат вместо соли к сбережению его от повреждения, а надобно-де только стараться приводить пороки в слабость. Мне думается, что сие его правило в рассуждении великого несчастья человеческого, рождающегося от пороков, очень несправедливо, баловное и похоже на то, как иной человек чрез пьянство вредит свое здоровье, в таком случае надобно его лечить, потому что он не принимает главного для себя лекарства, то-есть воздержания от пьянства, которое б несравненно больше продлило его жизнь, нежели те денежные лекарства, не дающие только чувствовать вреда, а скрытно удерживающие его при человеке, пока его задуют.

406. Таким образом, и господин Монтескиу пишет, что в самовластных правлениях трудно или и не можно быть добродетельным людям; мне думается, что о сем деле лучше только думать в своей мысли, а не говорить для знания всем, а публично лучше советовать, что в каком бы то ни было правлении можно быть народу добродетельным, ежели только он станет стараться о том и отвращаться от поवादок к порокам с тем обнадеживанием, что чрез такое великодушное терпение со временем выведутся из общества повадки к порокам. Оказание от господина Монтескиу сего и нескольких других предосудительных человеческой пользе знаний недостойно великого его духа и доказывает, что он когда не выше, то по крайней мере равно почитал в сравнении разум с добродетелью.

407. Я и сам при усильном моем внушении хранения справедливости и добродетели не думаю того, чтоб можно было всех людей сделать добродетельными, а только говорю, чтоб не ослабевать оттого, что всех нельзя сделать добродетельными, и стараться по возможности об умножении добродетельных людей, а когда число добродетельных людей превзойдет число порочных, то тогда уж порокам весьма трудно будет усилиться, и порочные люди принуждены будут поневоле стараться быть добродетельными; а ежели б они того не захотели, то в таком случае можно будет поступать с ними так, как нудей с прокаженными.

408. Я не нахожу легче средства ко введению добродетели в общество, как чрез доброе воспитание детей, которые, возмужавши в добродетельных наставлениях, сами могут пребыть добродетельными и сверх того и детям своим подадут к тому руководство.

409. Господин Монтескиу советует употреблять воспитание детям, сходное с основанием правления.

410. При воспитании детей надобно, во-первых, толковать им должность их к самим им, должность их к ближним и должность ко всему обществу.

411. Философы говорят, что в молодых людях надобно прежде исправлять разум, а потом волю, для того-де что воля всегда следует советам разума; напротив того, я, основываясь на опытах, утверждаю и доказываю, что лучше прежде исправлять волю, а потом разум нижеследующими

рассуждениями: во-первых, из опытов известно, что качество человека от воспитания, определенного ему в его юности, так сильно, что потом уже в зрелых и возмужалых его летах переменить то качество в другое весьма трудно и почти невозможно; на сем опыте утвердившись, положим двух человек: одного, воспитанного в просвещении разума, без утверждения в добродетели, а другого, воспитанного в искании добродетели, без просвещения разума, то первый из них в удовольствии своих желаний следует разуму и основывается на нем, как на качестве своего воспитания, не заботясь о том, что праведны ли его желания и к удовольствию их употребляемые им средства, а другой в удовольствии своих желаний следует добродетели и основывается на ней, как на качестве своего воспитания, и в таком случае ежели доведется ему, обольстившись видом добра, сделать какое зло, и как только кто изобличит его в том, то он впредь такого зла не учинит по своему добродетельному воспитанию; напротив того, воспитанный в просвещении разума человек хотя сам и без рассказов знает, или хотя бы кто и напомнул ему о каком деле, что оно худо, однако он не отстанет от него по своему разумному воспитанию, прикрывая его видом добродетели и надеясь по своему разуму и других в том уверить; а от сих рассуждений вывести можно нижеследующие заключения: 1. Что воспитанный в просвещении разума человек исполняет свои желания почти всегда, потому что он не смотрит на то, праведны ли его желания и употребленные к удовольствию их средства, а воспитанный в искании добродетели человек не всегда исполняет свои желания, опасаясь, чтоб какие из них не были неправедны. 2. Что первый из них по просвещении разума не имеет нужды искать добродетели, а другой после упражнения в добродетели находит нужду искать разума, то-есть надежнее из добродетельного человека сделаться умным, нежели из умного добродетельным; а из сего следует, что всеобщий тот обычай, чтоб усиливать молодых детей больше в науках, нежели в добродетели, имеет в себе великую погрешность и что надлежало бы молодых детей до определенного возраста прежде всех наук учить приятному, чистосердечному и безобидному с своими ближними обхождению, а потом,

которые из них окажут хорошие опыты бесспорной их впрямь твердости в добродетели, то таких допускать и до других наук, служащих к легчайшему отправлению должности в гражданском или другом каком состоянии; а которые до определенного возраста окажут себя к добродетели несклонными, или хотя и склонными, да притворно, то таких, какой бы они ни имели природный разум, отнюдь не должно допускать к наукам для благополучия общества, коему и простой злодей вреден, а ученый уже не только будет несносен, но и совсем его погубить может.

412. Философы в том, что касается до воспитания детей, сами себе, как кажется, противоречат; они говорят, что надобно в человеке исправлять прежде разум, а потом волю; а то справедливое свое рассуждение позабыли, что знание добродетелей не принесло столько пользы человеку, сколько знание пороков причинило ему вреда, а сие их рассуждение с вышесказанным моим мнением согласно.

413. Кажется мне, что не худо б при определении к должностям людей по возможности смотреть на их темпераменты, воспитание, качество разума, качество духа и качество сердца.

414. Произвождение в чины по времени службы, хотя и не точно справедливо, однако, как самое полезнейшее для общества, можно почесть за самое справедливое, а произвождение по достоинству, несмотря на время службы, — как подверженное злоупотреблению по генеральному рассуждению, кажется, не так справедливо, и для того и права к такому произвождению, как предпринимаемому для ускорения точной справедливости, не следует иметь никому, кроме высочайшей власти.

415. Мне кажется, что весьма неполезны великие различия состояний человеческих в обществах, а лучше им быть посредственным так, чтоб одни люди не могли презирать и утеснять других, а другие не имели б причины много раболепствовать. Я думаю, что всяк видеть может в первом из сих случаев, в рассуждении зависимости человека от многих других, способ к порокам, а в другом, в рассуждении зависимости его от одного правительства и законов, способ к добродетелям.

416. В награждение за важные дела и заслуги кажется мне полезно, чтоб ввести в обыкновение списывать портреты достойных и заслуженных людей и ставить их в публичном здании; такое обыкновение может сберечь в целости публичные сокровища и не допустит людей впадать в роскошь и чрез то отвратит многие другие пороки.

417. Кажется мне полезно для общества, чтоб не дозволять никакого другого заимствования, кроме равноценного, потому что кроющееся в недрах мнимого великодушия и щедрости семя рождает много пороков предосудительных обществу, а особливо мздоприимству на судах служит некоторою завесою.

418. Жаль, что неумеренное любочестие, или прелюбочестие, введено во многих обществах обычаем и почти утверждено законом; прямое любочестие не столько пользует общество, сколько прелюбочестие несравненно больше вредит его; смешно, с одной стороны, по неприличеству, когда какой офицер предпримет генеральское любочестие, а с другой — и жалко, как он от того иногда пострадает. Мне кажется, что пристойно б его разграничить законом по степеням чинов, а без того во многих случаях нельзя узнать прямого различия между честолюбием и дурачеством; но притом и то кажется необходимо нужно для пользы общества, чтоб запретить законом начальствующим людям ругать поносными словами своих подчиненных за погрешности под видом тем, будто бы они так делают в намерении облегчения их наказания, но под сею краскою часто скрывается оказание могущества, сверх же того редко кто не согласится понести законное наказание вместо поносного ругательства.

419. Мнение тех людей, которые думают, будто бы порочного народа нельзя сделать добродетельным, кажется для меня весьма странно и обидчиво творцу от твари; я в возражение на то не скажу ничего более, как только что все народы на свете суть брание, а скудельники их правительства.

420. Многие люди беспрестанно говорят, что облегчение делать невыполированному народу в его трудностях предосудительно; и я думаю, что некоторые из них говорят сие

по незнанию, что выполировать народ иначе нельзя, как чрез облегчение его трудностей, а другие по неумеренному самолюбию, что почитают в неумеренном господствовании над людьми лучшую для себя пользу.

421. Какую б кто ни имел в обществе должность, то надобно ему иметь еще трудолюбие, а наипаче для того, что оно не допускает заражаться порокам.

422. Должности человеческие в обществе разделяю я вообще на двое, то-есть на должности, зависящие от души или от ума, или просто на умственные, как то: упражнение в науках и во всех других делах, зависящих единственно от ума, и на должности, зависящие от тела или рук человеческих, как то: всякие рукоделия.

423. Кажется не худо, чтоб требовать от людей, находящихся на своем содержании, хотя погодно такого в отправлении должностей отчета, каков требуется от людей, содержимых на публичном иждивении.

424. Кажется полезно для общества распределять всех без изъятия людей к должностям так, чтоб они теми должностями заняты были довольно и не употребляли бы остающегося от трудов времени на другое что, как только на отдохновение и на безвинную забаву.

425. Всякого человека труд уравниный думал бы я положить такой, чтоб он мог содержать себя, престарелых родителей и малолетних детей; а как еще и из родителей и детей некоторые могут работать, то в таком случае, ежели не допустить одних людей в небрежении держать, во зло употреблять или и нарочно трудом других выработанные вещи от роскоши портить, то общество может жить в довольствии и без нужды, так что предпочтенным людям будет довольно для богатого, а нижним для безнужного содержания, и сверх того может оставаться запас для нужды в предбудущее время, а больший сего одних людей труд может привести других в крайнюю леность, и общество уподобится тому полку, в котором командиры очень богато одеты, а солдаты ободраны.

426. Но надлежит знать, что хотя я и советую иметь трудолюбие, но не чрезвычайное, которое может укоротить жизнь человеку. Мне думается, что для труда человеку довольно восьми часов в сутки, другие восемь часов

может он употребить на одеянье, кушанье и забаву, а третьи восемь часов на сон.

427. Начальникам пристойно смотреть за подчиненными их, чтоб они не были праздны, а находились бы в законном труде и чтоб вместо прямого труда не оказывали только его вида; но и тех людей поступка тяжела, которые от подчиненных своих требуют неуспешных трудов, хотя со всем тем от таких трудов натурально приходит меньше плода, нежели от умеренных; при такой поступке иные люди имеют ревность к общей пользе, но не по разуму, а другие под видом искания общей пользы искусно утесняют своих ближних и презирают в них подобное себе человечество, как бы они сами слабостям его не причастны были. Таким людям по их нраву наилучше, кажется, жить на небе.

428. Я бы думал, что не худо уноровить так, чтоб во всей области¹⁹ количество вещей ценою много превосходило количество денег ценою, потому что в противном случае народ впадает в леность и роскошь.

429. Надобно знать, что не золото и серебро, а трудолюбие составляет богатство народов, только ж притом я как не желаю, так и не советую, чтоб стараться им быть богатыми, а только довольными.

430. Это хорошо, что в некоторых обществах заведены публичные гульбища для отвращения людей от пьянства и других худых дел, но жаль, что не везде берут за то плату в публичные сокровища; подобные сему сборы, как непринужденные и потому нимало не тягостные для людей, составляют самый лучший, а притом законный доход правительств; и вообще нет лучше таких сборов, которые наполняют публичные сокровища с тем, что когда люди разумеют, что они платят не даром.

431. Люди, которые привыкли жить на счет чужого поту, обыкновенно говорят: «На что выводить роскошь, она-де в обществе нужна, и без нее-де могут пропасть науки и художества и многие люди страдать без пропитания». На сие я отвечаю, что не могу понять, как в благоустроенном обществе могут науки, художества и люди потерпеть какой-либо вред, и думаю, что когда кому в одном состоянии прожить будет трудно, тот может вступить

в другое; а ежели б и так могло сделаться, как они неосновательно думают, то все лучше обществу быть меньше искусным в довольном и спокойном состоянии, нежели с великим искусством в ежедневной лихорадке, и крепко то держу, что лучше не щадить наук и художеств для людей, нежели людей для наук и художеств.

432. И для того казалось бы мне полезно для общества унравливать так, чтоб число в нем всякого образа художеств пропорционально было числу жителей.

433. Ежели б можно доводить в народе моды, а наипаче в таких вещах, которые сами собою без повреждения много лет пребывать могут, как, например, здание каменных храмов и домов, серебряные и золотые выработанные вещи, до такого состояния, чтоб они продолжались и упали наподобие крепкого каменного здания, которое по простоянии чрез долго лет разрушается само собою от ветхости, а не от рук человеческих, нежели допускать их быть в таком состоянии, как атакованная крепость, которую, с одной стороны, беспрестанно разбивают, а с другой, беспрестанно починивают.

434. Кажется, полезно для общества смотреть тем людям, от коих сие зависит, на приращение и умаление народов, на хранение и небрежение добронравия, на умножение и упадок наук, знать точные таких приключений причины и к поправлению худобы в том предпринимать пристойные средства.

435. Политичным начальникам пристойно стараться о воспитании в публичных училищах детей прежде в добронравии, а потом в разуме; такие отрасли, будучи так воспитаны и рассеявшись по всей области, немало послужить могут к исправлению целого народа от пороков и к приведению к добродетели.

436. Некоторый автор пишет, что есть сочинения о политике многих философов, но они в рассуждении нынешнего состояния Европы не способны, а надобно-де в том смотреть на систему нынешних правлений; но на сие можно сказать ему, что как партикулярные люди, которые, на других смотря, поступают, мучатся в своей жизни, так и целые народы страждут по моде других, ежели не

предположат себе постоянной, добродетельной и разумной поступки.

437. Слабая кажется мне та политика, чтоб искать своей пользы какому обществу, смотря по настоящему времени и расположению других народов, как то советует некоторый автор, несмотря на прошедшие веки и на причины возвышения и падения в них многих народов; правда, по такому его наставлению, смотря на настоящее время, можно получить пользу, да настоящую, а о будущей ручаться нельзя. Сей автор говорит, что область с другою по такому праву поступать должна, как один партикулярный человек с другим; это правда, и я с тем согласен, но из партикулярных людей кто умнее поступает, тот ли, кто смотрит на других, или тот, кто сам собою изберет для себя постоянную, разумную и добродетельную поступку; и в таком рассуждении и обществам, а наипаче великим, непристойно смотреть на образец других и чрез такую свою поступку маловременное свое приобретение покупать на предбудущую колеблемость, а иногда и на всеконечное падение.

438. Может быть, кто скажет, что такие мои предложения похожи на Платонову республику²⁰ и что они невозможны в практике, то тому я в ответ скажу, что ежели б не было образцов сражения между многочисленными войсками, то это бы всякому показалось не только странно, но и совсем невозможно, чтоб такое великое множество людей, как то армия, состоящая из ста тысяч человек, могли драться с толиким же числом других и побеждать их по заведенному порядку и известным воинским правилам, а теперь, как уже в течение неизмеримого времени род человеческий, злоупотреблением страстей своих влекомый и неистовством беспредельного самолюбия восхищаемый, многократные сей истины показал опыты, то такого дела уж не называют Платоновою республикою; правда, что приведение великого общества в благополучное состояние есть такое дело, которое не зависит от благоденствия природы, а, напротив того, от долговременного и тяжкого, однакож по крайней мере (как кажется) небезуспешного труда, все почти о том единодушно говорят, возможно ль привести такое множество людей в такую порядочную стройность;

но когда мы рассудим о других делах человеческих, как то о редких и чувства наши пленяющих художествах, об умопитательных и украшающих род человеческий науках и о прочих делах человеческих, как они трудом и старанием человеческим приходят в зрелость и силу, а нерадением и пренебрежением в слабость и упадок, то казалось бы посему, что и приведение великого общества в благополучное состояние без великой зависимости от других есть не невозможное дело; когда люди к погублению других выдумали особливый военный порядок, особливые военные правила и целую военную науку, то, кажется, то же бы они могли сделать и в рассуждении своего благополучия, но препятствует сему то, что благодетельные для человеческого рода изобретения не так блистательны, не так поражают человеческие чувства, не так понятны и прозрачны, и потому во все времена не так награждаемы были, как вредительные и обольщающие род человеческий мнимою его пользою. Есть еще и такие люди, которые думают, что люди по своей натуре, склонной к переменам, без различия перемен и подражания другим не могут себя почитать благополучными; но ложь сего мнения доказывается примером трудолюбивой и подобной сотоносной пчеле Голландии, которая, не прельщаясь блистательными роскошными обществ модами, пребывает в своей простоте и умеренности и почитает сама себя и почитается также и от всех других людей за благополучнейший народ из всей Европы; а уже нет несноснее того безбожного и зверского некоторых людей мнения, которые почитают свое удовольствие и благополучие в страдании и несчастии своих ближних.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О ПОПЕЧЕНИИ НАЧАЛЬСТВУЮЩИХ ПОЛИТИКОВ О НАРУЖНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВ

439. Наружная безопасность общества главную свою силу заимствует от внутреннего его благосостояния.

440. Равным образом способствует к сему намерению и то, когда какое общество основывает свое состояние так, чтоб как можно меньше зависеть ему от других обществ,

как то примером сему служить может Китайская область.

441. Однако как трудно сыскать такое общество, которое б пользовалось внутренним благосостоянием совершенно, а по большей части все они стараются о наружной безопасности, хотя они чрез сие обоех их лишаются, однако как число таких обществ немалое, то они по множеству своему могут лишить и такое общество благосостояния его, которое им действительно пользуется; и для того обществам быть без какой-либо зависимости почти не можно, в рассуждении чего здесь необходимо потребно предложить и о тех средствах, которые служат к сохранению наружной безопасности обществам.

442. Средства к сохранению наружной безопасности общества суть доброе и справедливое его обхождение с другими народами, нежелание попользоваться ему чем-либо со вредом их; а как сии добродетели мало трогают порочных людей, то и содержание каждому обществу себя в вооруженном состоянии необходимо.

443. Мне кажется, что как ни повреждены ныне нравы в народах, однако ежели какая область постоянно будет наблюдать добродетель чрез долгое время и присовокупит к тому разумную и осторожную поступку, то я не думаю, чтоб одни из ее соседей по первому качеству ее не почитали, а другие по другому не опасались.

444. Господин Билефельд говорит, что общества поступают между собою по натуральному праву прежде завладевшего, а еще сверх того сказать можно, что и по самолюбию сильнейшего, потому что во всем свете точной справедливости быть не можно, однако желательно бы, чтоб род человеческий одумался когда-либо остановить свои неправости в таком состоянии, в каком они найдутся, и начал бы с того времени эпоху постоянного последования справедливости, следовательно, и своего благополучия; но такое мое размышление, как не могущее обещать себе исполнения ни по каким обстоятельствам, почесться может за настоящее греженье.

445. Некоторый автор пишет, что министру для разделок с другими державами необходимо надобно кроме

других знаний быть сильну и во французском языке, как вообще употребляемом во всей Европе, что в рассуждении обычая подражания одних людей другим почесть можно и за справедливо; я, читая сие место, привел себе на мысль некоторое примечание. Французы как хорошими и полезными своими сочинениями на своем языке и переводами книг с других языков на свой, так учтивым и приятным своим обхождением довели всех европейцев учиться своему языку и чрез то сделали его универсальным, я не знаю для чего, ежели не для универсальной претензии *, и чрез сие учинение своего языка универсальным на место латинского причинили они учащимся людям немалый подрыв; а их примеру следуя, и другие народы каждый на своем языке начали писать науки, так что в нынешние времена для получения успеха в науках вместо одного латинского языка надобно учиться трем или четырем другим и нужное для изучения наук время напрасно в изучении их тратить; потому что кто на своем природном языке болван, тот на всех других языках будет такой же болван, ежели не исправит своего разума другими знаниями, не упоминая о том, что так называемые живые языки служат, как кажется мне, к упадку наук, потому что слова и штиль в таких языках беспрестанно переменяются, так что по прошествии многих лет иных слов и совсем разуместь нельзя, чего с латинским, как называемым мертвым или, лучше сказать, по его непременности прямо живым, последовать не может, для того что кто научится ему хотя не совершенно, однакож довольно, то как теперь, так и чрез тысячу лет вперед все равно писания его разуместь можно. Ежели, рассудив сие, другие области для сохранения своей амбиции вздумают в политических делах обходиться с французами каждая на своем языке, то такой случай может их привести в немалое затруднение. А что некоторые рассуждают о лучшей приятности французского языка пред другими, думая, будто бы она ему натуральна, то это делается от незнания свойства, происхождения и возвращения языков. Нет на свете такого языка, коего бы не можно было столько ж сделать приятным, как французский,

* «Mes pensées», supplément ²¹.

ежели только ввести в него столько наук, художеств, мод и страстей, как во французском.

446. Бывают, хотя и редко, такие люди, которые кроме приятного обхождения не имеют дружбы ни с кем, да, напротив того, не имеют они никогда п явной вражды ни с кем, исключая разве какой чрезвычайный случай; сей пример для целых обществ кажется мне весьма полезным; такому обществу не доведется быть принужденну против своей воли защищать несправедливости другого и для компании с ним претерпевать военные несчастья.

447. Обществам надобно беречься, чтоб не начинать без крайней нужды одному с другим ссоры, а наипаче войны. Когда кто за партикулярную обиду мстит другому в публичной должности, то такого человека хулят; не худо, ежели б сей пример партикулярных людей послужил образцом и для целых обществ. Я начитал в книге господина Даржана, названной «Философия здравого разума», что король французский Франциск первый по совету адмирала Боннивета перешел Альпийские горы с армиею и воевал в Италии для одного того, чтоб достать славную красавицу Кларису и для одного сего потерял множество солдат; так ежели кто для подобных сему причин разорвет дружбу и предпримет войну, то в таком случае не остается, как только с слезным вздыханием сказать: милосердый боже! напояни ему при таком печальном и страшном деле святость закона твоего о любви к ближнему и святость гражданского договора.

448. Слабая кажется то политика, что инде отдается на жертву один или несколько человек будто бы для спасения множества; это не политика, а недостаток политики; надобно стараться предвидеть такие случаи, чтоб не допустить себя заранее до такой крайности; когда об армейском генерале говорят худо, ежели он при неудачном каком случае скажет, что он того не чаял, то уж о министре в таком случае по справедливости сказать можно и больше.

449. Слабая и недостаточная то политика, чтоб для приобретения богатых доходов погубить несколько людей; на место потерянных доходов можно с людьми приобрести новые доходы, а на место потерянных людей нельзя

получить ни новых доходов, ни новых таких людей; и кто советует властям такие прожекты, тот им не желает прямой их пользы и славы; ежели рассудить прямо, то обладатели все по своей пропорции богаты, и им по состоянию их не остается чего другого искать, как только похвального имени в потомках.

450. Мы считаем себя богатыми и убогими не по количеству вещей, а по сравнению себя с другими людьми. Что в том пользы, когда из двух человек в первое время их жизни один имел сто рублей, а другой тысячу, а в другое время один — тысячу, а другой — десять тысяч? В обоих сих случаях они в сравнении один с другим почитают себя одинаково богатыми, а только прибавилось у каждого денег; итак, каждого из их удовольствие и неудовольствие пребывает после то же, что и прежде. Самое сие делается и между целыми народами: они все непрерыв селятся обогатиться, а в сравнении между собою имеют всегда одно удовольствие и неудовольствие; и как рассудить при сем случае о ненасытном желании богатства европейцев, то в рассуждении их хвастовства в знании пред всем светом — какая это для них пиздость, и какого они в таком своем взаимном мучении сожаления достойны! Ежели какая область имеет у себя хотя посредственно пространные пределы, наполненные довольным количеством одного или многих искусным правлением приведенных в один народов, и будучи под властью полезных законов, соблюдает свое добронравие и честные обычаи непоколебимо, то я понять того не могу, чтоб она когда-либо от таких жадных к богатству коршунов какой вред потерпела; мне по истории и опытам кажется, что для целых обществ нет больше богатства, как в умеренности, нет больше храбрости, как в неповинности, и нет больше искусства, как в справедливости.

451. Некоторый писатель между предметами политики полагает и то, чтоб обладателям стараться обогащать свои народы; ежели подумать о сем осторожно, то какая надобность и польза в том, чтоб обогащать народ, когда он только имеет довольное свое содержание; ежели взять чрез множество веков в рассуждение Европу, которая больше всех мучит себя в поту и пене, чтоб обогатиться, и чахнет от изобретаемых на то бесчисленных прожектов и для того

не только сама себя, но и другие части света тревожит и разоряет, и хотя она таким своим проворством, как магнитом, притягивает к себе сокровища всего света, да чем она сделалась благополучнее прежних веков, в кои не столько старались об обогащении? Каковы тогда были разорения городов и целых областей и убийства многих народов, таковы и ныне продолжаютя. А для чего? — Для обогащения. А ежели рассудить прямо, что есть обогащение, то хотя его и нельзя назвать химерою, однакож горячкою, от неумеренности и воспламенения ничем необузданных наших прихотей происходящею, которой жадности сокровища всего света утолить не могут, потому что по обыкновенному разуму богатым быть есть не ограниченное, а зависящее от прихотей дело; а ежели б вместо обогащения народов постараться о поправлении их нравов, только, думаю, иные политики сочтут сие за невозможное дело, то бы, думаю, вышли от того полезнейшие плоды, как то примером сему служить может Китайское государство, управляемое мудрою властью попечительного отца о своих детях*.

452. Иной сказать может, что с таким распоряжением общество может потерять коммерцию; это правда, да есть ли о чем тужить? Для распространения коммерции надобно купцам иметь кредит у иностранных людей, а для того надобно им и свои товары отдавать в кредит своим одноземцам, которые от сего начнут свое состояние мотовством и окончат разорением; а мне бы думалось, что обогащение одних купцов не столь важно, чтоб оно стоило разорения и страдания весьма многих других членов общества.

453. Обществу надобно искать себе такого добра, которое бы и в следствиях своих было хорошо, например: как может назваться это добром, когда кто ограбит какого человека и попользуется его именем, а после суд с него взыщет все то с наказанием; так и общество: какой может ожидать себе пользы от великого своего старания о завоеваниях, о коммерции, об обогащении, когда самое сие кажущееся ему добро содержит в себе основание его повреждения.

* Dictionnaire philosophique portatif de la Chine ²².

454. Перемена состояния в человеке примечается по десяткам лет, а в обществе подобно тому — по векам или по нескольким векам, как то из истории видно; и как человек во время жизни своей много переменяется в нравах, обычаях и страстях, так думается мне, что и целые народы чрез многие веки переменяются в нравах, обычаях и страстях; и в рассуждении сего кажется мне, что все напряженные дела не могут быть прочны; таким образом, великая страсть к завоеваниям, к коммерции и другим стяжаниям со временем упадать должна; а ежели все сии упражнения основать на умеренности, то она, как не обременяющая и нескудная для всякого человека и общества и притом не подверженная зависти соседей, может быть благонадежнее.

455. Нынешние общества на свете по Махивавелеву правилу почитают то за член веры, чтоб не терпеть благополучия близкого подле себя соседа; я не знаю, ежели такому обществу случится сосед по всем обстоятельствам равносильный; ослабить его войском, происками или другим чем нельзя, потому что он во всем том равносилен; итак, что в таком случае доведется делать, как не остаться, по моему мнению, в своих пределах с добродетельною, разумною и в рассуждении своего благополучия осторожною, то-есть мирною и к отражению несправедливого нападения готовую поступкою, не опасаясь в том никакого себе вреда, как то справедливость сего рассуждения доказывает Эпирский обладатель Скандерберг, защищавший чрез долгое время малую свою область, окруженную отвсюду неприятельскими владениями, против всей Оттоманской силы²³. Но шершавых политиков намерение состоит не в соблюдении обществ в целостности, а в доведении их до такой обширности, чтоб они, утрашая одною своею великостию, без всех других качеств, тем спокойнее могли предаться лени и роскоши; но люди не так глупы, чтоб они пугались долго связанного, хотя бы и льва, как то истину сего мнения доказывает нам история в ассирийской, персидской и римской монархиях.

456. Но как мы уже привыкли стремиться за пышностью и высокоумием, гнушаемся умеренностию, покоем и непорочною добродетелью, то в таком случае печальных военных приключений миновать почти уже не можно.

457. Итак, когда наружная безопасность заключает в себе необходимо, в рассуждении торжества пороков человеческих над добродетельми, попечение и о военных делах, то для того я, не в намерении поспешествования совершенству сего искусства, но в рассуждении приличества материи предложу некоторые мои генеральные, а не подробные о том рассуждения, и потому справедливый читатель не может меня обвинить в отступлении от моего предмета человеколюбия, а рассудит, что я чрез сие, хотя, может быть, безуспешно, стараюсь поправить зло меньшим злом, или, как яснее сказать, силуюсь облегчить тяжкое зло моей собратии.

458. А когда уж какому обществу все миролюбивые и добродетельные средства безуспешны будут, то в таком случае советовал бы я ему начинать войну предписанным от римского государя Великого Нумы Помпилия порядком; и в таком случае я того понять не могу, чтоб человеческий род столько мог гнушаться добродетелью, чтоб и такая непорочная поступка не могла кого подвигнуть и чтоб она не сыскала себе в такой нужде союзников и поборников, которые такому обществу, бесспорно, доставить могут совершенную победу, только ж после победы то общество должно удовольствоваться равномерным награждением равномерных убытков, а далее отнюдь не посягать.

459. Начальствующим политиков должность не допускать своего общества, превосходящего пред другим силою или победою, причинять тяжкие озлобления другому, слабейшему; такие раны в партикулярных фамилиях оставаться могут иногда чрез измертвие их без возмездия, а в целых народах по рассуждению обширного времени статья тому трудно, выключая такой случай, когда кто примет безбожный к ищоренению всего такого народа совет Махиавелев *; но такого политика, ежели закон божий о любви к ближнему, ежели человеческой и в самом

* «Antimachiavel, ou examen du Prince de Machiavel.», с. 5. [«Антимакиавелли, или рассмотрения «Князя» Макиавелли», книга Фридриха II, который в своей политической деятельности проводил именно теорию Макиавелли.]

нем пребывающей природы томный и жалостный глас подвигнуть не могут, то по крайней мере желательно, чтоб побудил его к пощаде бедных людей хотя страх могущего и самому ему приключиться такого же несчастливого жребия, от коего стонут отягощенные войною народы.

460. Ежели в какой необходимой наступательной или оборонительной войне будет иметь какое общество вспомогательные войска, и как они часто имеют особливые тайные повеления от своего правительства, как то случилось шведскому администратору Густаву Вазе при атаке датского флота под команду адмирала Норби от любского генерала Стаммеля, то для того господин Юстий хорошо советует, чтоб, немного полагаясь на такие войска, оставлять их действовать особо от своей армии*.

461. Для наружной безопасности надобно ставить крепости на одних границах не в близком расстоянии, и то такие, чтоб тамошним жителям одним не отяготительно было их строить, в том намерении, что крепость должна только устоять хотя малое время до подания помочи, а не так, как некоторые в головах своих строят непобедимые крепости; такие прожекты доказывают больше непобедимое упрямство, а не непобедимую крепость, невозможную в природе, и не [в] пользу обществу.

462. Неумеренное честолюбие тех генералов, которые с великим иждивением, беспощадным пролитием крови бедных солдат и потому с неописанным вредом своему обществу стремятся брать неприятельские крепости, заставляя человеколюбие к немалому на них роптанию; а мне бы казалось, что ежели б вместо отнимания у неприятеля крепости сделать на неприятельской земле новую теми же людьми, которые убиваемы бывают под неприятельскими крепостями, то в таком бы случае множество солдат при жизни соблюсть можно было; но иному покажется сие, хотя и не есть в самой вещи, не так славно, как гром от взятой приступом и с пролитием неповинной крови бедных людей крепости.

* *Johann Heinrich Gottlob von Justi Staatswirtschaft*, 1. Teil. [*Иоганн Генрих Готлоб Юстий*, Государственное хозяйство, 1 часть. Имеется русский перевод И. Богаевского, 1772.]

463. Ежели б употребить то число людей, которые бывают в кампании против неприятеля к какому-либо другому делу, то, чаятельно, они не меньше бы принесли трудом своим пользы, как и победою своею, и то еще ежели удастся, а побиваемые бы на баталии люди живы остались.

464. Содержать столько войска, которое б пропорционально было пространству земли и количеству народа.

465. Чтоб солдаты были хороши, то брать в сие звание по охоте, а не поневоле; для сего полезно, чтоб солдаты все женаты были, то дети их могут быть лучшие солдаты.

466. Для наружной безопасности во всех, а наипаче в пограничных местах надобно приучивать всякого звания людей без изъятия уметь обходиться с оружием.

467. Надобно, чтоб солдат сносил труд всегдашний, только не чрезвычайный, также нужду, а не страдание, и исправлял бы свою должность, а не прихоти начальников.

468. Господин Юстий советует самим государям предводительствовать армиями, да и историки выхваляют военных обладателей; а мне бы думалось, что обладателю без крайней нужды лучше управлять дома, а ежели навалится на его дом нестройных мужиков банда, то на прогнание их может он употребить своих дворецких и служителей, а самому ему замешиваться туда некстати. Напрасно и смешно, иной сказать может, что иное дело в миниатюре, а другое в большом виде; многих обладателей неблагополучная жизнь и безвременная кончина, последовавшие от такой охоты, требуют сей от других осторожности.

469. Что я в части о наружной безопасности касаюсь рассуждениями моими и до военной науки, то думаю, иные скажут, что поступил я так не по приличеству места, но я им на то объявлю, что положил здесь только генеральные о том рассуждения, как приличествующие по случаю материи о политике, простирающей свое знание на все те дела, которые касаются до благосостояния общества, а о прочем той науки содержания, как не приличествующем к моему случаю, ничего не упоминаю.

470. При управлении обществ, а особливо великих, здравая политика, благопристойность и самая их великость требуют от правителей их великого праводущия,

стараться в них не об обогащении их, а о довольном содержании и находить к тому каналы, которые бы были неприступны зависти, не направлены к предосуждению и обиде других обществ, не подвержены частым переменам, не засорились бы долгою времени; великому обществу завоевания новые и возвышение новое не нужны, а больше бедственны, а падение его несравненно чувствительнее малого. Опыты доказывают то, что и крепкого сложения люди, ежели без дальней нужды часто принимают лекарства, то вместо вылечения себя больше повреждают, так равномерно и великое общество малыми приобретениями снаружи чувствительно повреждает свою внутренность; в сем случае весьма кстати служит мнение императора римского Августа, который в завоевании скифских народов не хотел ловить рыбы золотою удою; великому обществу для сохранения себя в целости надобно иметь великую строгость в хранении праведных законов, великое постоянство и твердость в соблюдении добрых обычаев, великую осторожность и важность в переменах и, несмотря ни на какие отсоветования, постоянно и неослабно стараться о своем добронравии, то чрез сии средства сохранит оно свою великость на многие веки непоколебимо.

471. Я пишу несогласно с системою нынешних европейских областей; правда, я ее, может быть, и не знаю, да и узнать ее не легко; она по несправедливости своей разнообразна и не сходна с единообразием истины, она подобна скоробежной буре и стремительному вихрю. Нынешние общества располагают основание своей великости, смотря по другим, а другие — смотря по ним, так что нет в них никакого постоянного положения и надежных к долговременному в целости простоянию подпор, и физики напрасно мучатся в изобретении вечно движущейся машины, вот она и без их труда найдена.

472. Хотя я, рассуждая состояние нынешнего света, правильную причину имею думать, что предложения мои, как совсем противные нынешнему обычаю и вкусу народов, не только не получают от них никакого благоволения, но еще не убегут и посмеяния, и что, как говорит некоторый автор, «Махиабель не умрет, проклинать его будут очень громко, а подражать очень тихо, потому что беззакония

учеников его посвящены великими примерами, облагорожены великими опасностями, присоветованы великими нуждами, вдохн[ов]енны великим душам, оправданы великими успехами, одним словом, все здесь велико». Однако, несмотря на то, писал я истину или по крайней мере то, что по слабости моего ума казалось мне истиною, и лучше желал справедливо или несправедливо быть осмеян, нежели терпеть подлым образом упрекание от совести в какой-либо моей неправости.

РАССУЖДЕНИЯ ДВУХ ИНДИЙЦЕВ
КАЛАНА И ИБРАГИМА
О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ
ИСКРЕННИЙ СОВЕТ ИСТИННОЙ ДРУЖБЫ

Любезные дети!

Уже я приближаюсь к тому пределу, который человечеству положен от природы; это неминуемая судьба и испытанная множеством веков истина, которая истекает от вечной и святой причины вещей; и как предела того пункт закрыт от нашего сведения, то, предваряя те следствия, которые бы в предбудущее время могли родить в вас правильное на меня негодование, пригласил я вас к себе для некоторого совета. Он предлагается вам, не как от отца, с важностию присвоющего себе преимущество искусства и знания, а как от друга, с усердием почитающего ваши таланты; он предлагается в полную вашу свободу без обязательства, без правила, а потому, кажется, без оскорбления, да даже и без наскучиванья.

Теперь я уже достиг до старости и ослабеваю в силах. Я не стану вам скучать жалобою на мою слабость, она и самого меня [не] беспокоит. Я уже оканчиваю путь моего течения на свете, и к прелестям его как ни прилипчив, однако по одному уже ослаблению чувств начинаю становиться недовольно чувствителен; вашей молодости он нужен, вашей живости надежды кажет он перспективу прекрасную и длинную, да и ослепительную; вам и для вас самих, любезные дети! хочу я начать речь мою от молодости, начну от того цвета, который блистает живостию, красотою

РАЗСУЖДЕНІЯ
ДВУХЪ ИНДІЙЦОВЪ

Калана и Ибрагима

о человѣческомъ познаніи

сочинены

Стапскимъ Совѣшникомъ

Яковомъ Козельскимъ

ТОМЪ ПЕРВОЙ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

Печатано съ дозволенія Управы Благочинія
у Шнора 1788.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТЪ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ
КНИГИ Я. П. КОЗЕЛЬСКОГО «РАССУЖДЕНІЯ ДВУХЪ ИНДІЙЦЕВЪ
КАЛАНА И ИБРАГИМА О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМЪ ПОЗНАНІИ»

и надеждою, который поражает глаза и поражается глазами.

В молодости-то, любезные дети! обращал я взор мой на множество встречающихся предметов: они меня разнообразно искушали, прельщали и поражали мои чувства; я стремился за ними без успеха в достижении, подобно как несмысленный за тенью, и в силе и напряжении страстей моих порывался в разные стороны; я в желаниях моих волновался, как трость, колеблема ветром, и в мыслях моих не имел ни основания, ни пути, ни конца.

Слыша общую похвалу наукам, обратился я к ним со всей силы, чтоб приобрести какое-либо основание моим мыслям; тут я нашел пространное поле, увидел изобильную жатву, которую посеяла для нас древность, поседевшая в объятиях несостаревающей вечности; тут я дал свободу рвению моих страстей, и горячность их нашла сильному своему действию сопротивление еще сильнее; тут они произвели великую борьбу с трудностию и темнотою наук, которые грозили истребить во мне свойственные те плоды неистребимой природы; но надежда молодости, надежда — неутомимая ее помощница — споспешествовала ей преодолевать трудности.

В восхищении моем прославляемую от всех пользою наук читал я и разбирал теоремы и задачи прилежно; и когда наскучала мне одна наука, то я обращался к другим; преподанное мне в Агрском училище¹ наставление в математике отворяло к ним дверь и облегчало трудность пути.

Зная теоремы и задачи, но не зная ни основания их, ни конца, забывал я их, повторял чтением часто и истощил на то половину моей жизни почти бесполезно.

Чтение сочинений славного философа Руссо и созревающее размышление заставили меня примечать пользу от наук, и тут я, к удивлению моему, находил несколько сходно с его мыслями, что науки в руках моих приносят мне пользу, а в руках моего ближнего причиняют мне вред.

Такие опыты возбуждали горячность мою на согласное с Руссом проклятие наук и на оглашение их орудиями

всякого зла и вреда; любезные дети! не дивитесь, а потерпите минуту: вы увидите, что я имел к тому причину, как в укрепленной уже сложением тела и силою страстей возмужалости, которая окружается некоторыми зрелыми рассуждениями, а потому, хотя часто и без основания, начинает уже мнения свои почитать непогрешительными, снести спокойным духом такие противоположные от наук опыты, истощив на них лучшую часть жизни? Мы почитаем одинакий вред сугубым, когда он происходит от вещи, созданной по общему мнению на пользу; но почитаем одинакий тот вред сугубым не по своей воле, а по воле природы.

В таком развлечении и рассеянии мыслей обращался я и к простоте и незнанию, но и тут находил такие же опыты слабостей и недостатков человечества.

Наконец, я в отороплении духа размышляя, что ежели порочить науки злом, то доведется почитать все вещи на свете худыми, потому что всякая вещь, смотря по образу употребления ее, может быть полезна и неполезна, с умилением начал, наконец, познавать, что науки не виноваты; они полезны, они нужны и потому достойно и праведно похвальны; а все зло и весь вред происходит от худого их употребления, да еще, может быть, при знании наук и от незнания конца их и намерения ².

Сие мое тусклое и темноватое прозрение, наконец, просветилось, откуда бы думали вы, любезные дети! от множества паходящихся ныне на свете наук? Никак; правда, я нашел в них чрезвычайно много знания, почти необъятного человеческим умом; но все то знание не казалось мне в себе ни основания, ни цели, и в котором я, как в лабиринте, не знал ни двери входу и исходу, ни пути в нем, ни последнего его предела, а просветилось оно от глубокой древности.

Когда я по случаю в скуке от уединения обратился к древности, то нашел в ней достопамятное для человека правило, то-есть разбор истин и конец благ; сим полезным просвещением обязан я древнему достойному сенатору римскому и великому философу Цицерону; видите, любезные дети! как еще самая глубокая древность ограничила человеческое пребывание на свете сим мудрым правилом;

но жаль, что его в конце благ не совершила и донныне; видите, что надобно вам начинать пребывание ваше на свете познанием разных истин и направлять его к концу общих благ; правда, что иногда общее благо или добро может вам показаться противуречущим особенному вашему добру, но потерпите немного; скоро узнаете, что то происходит не от натуры общего добра, а от злоупотребления.

Таким образом, вы, любезные дети! постарайтесь употребить все ваше знание на общее добро и в науках учитесь основательному познанию, как исполнять три главнейшие честного гражданина должности, то-есть благоговейное признание и почитание всемогущего существа, непоколебимую верность и преданность к высочайшей власти мудрого и благопромыслительного отца любезной нашей Индии Великого Могола³ и истинную любовь к ближнему; научитесь прежд[е] сами любить его, то будете и от него любимы; на сих трех основаниях утверждается благоденствие народов, растет их и сила и крепость, на них почивает общее добро; точное наблюдение трех сих обязательств необходимо к вашему благосостоянию нужно.

Но, любезные дети! незнание ни основания, ни цели или намерения человеческого познания есть не одна та трудность, которая находится во множестве наук, а встречается еще и другая, не меньше прежней; во многих тех науках молодому человеку хотя и можно узнать каждый предмет, который она обнимает, и каждой пределы, которые ее ограничивают, однако генерально все науки, какие обнимают предметы и какими ограничиваются пределами, познать в том множестве наук не легко.

В таком намерении обращал я примечание мое к нынешнему множеству наук, но все без успеху; напротив того, по заросшим стезям глубокой древности, которых еще не истребила истребляющая все суровость времени, нашел, что все веки, начиная от самой древнейшей эпохи, даже донныне, старались о приращении и распространении человеческого познания и произвели нам трудами своими многие науки; так что в житейских нуждах почти нет

таких случаев, на которые бы мы не имели уже наставления; однако, несмотря на то, все те науки заняты не больше, как только двумя генеральными предметами, то-есть познанием общей природы вещей и познанием особенной природы человека; и хотя это два только предмета, но к основательному познанию так трудны и пространны, что пределы их, а наипаче в познании общей природы вещей, непостижимы; а более сих двух предметов как натура в себе не имеет, то потому и о границах человеческого познания что заключать следует, вы уже и сами догадаетесь.

О материи сих двух предметов и трудностях их, любезные дети! имел я с приятелем нашего дому господином Каланом многие рассуждения, которые вам теперь поручаю; я покушаюсь ласкать себя тою надеждою, что вы найдете в них приятный и ласковый приступ к наукам, сокращенный и очищенный путь к достижению в их внутренности; тут вы, начиная от основания известного уже вам намерения и конца человеческого познания, как с неподвижного пункта зрения, явственно усмотреть можете всю пользу, содержание и пространство наук; а потому и употреблять их можете на общее добро по обстоятельствам вашей жизни, и там вы найдете для нужных случаев полезные советы.

За сими рассуждениями, любезные дети! уже я не нахожу нужды говорить вам что более; я, как истинный друг, жил среди вас с открытием и развертием моего сердца, старался по крайней моей возможности питать вас показанием точной истины и прямого добра; я всеми мерами остерегался, чтоб не отягощать вас сухими и бесплодными в недостатке примеров правилами; хотя, может быть, и не с полным сего предмета обозрением, по неизбежной слабости человечества; и старался казать вам на себе образ преданности к божеству, повиновения к начальству, почтения к человечеству; а потому ласкаю себя тем уверением и убеждением, что исполнил к вам долг отца и друга, и теперь мне не остается более, как только ожидать в спокойствии духа той перемены, когда основание моего бытия разделят между собою стихии по воле всемогущего существа.

РАССУЖДЕНИЕ ОБ ИСПЫТАНИИ НАТУРЫ И ЕЕ ТАИНСТВ

Rerum natura nullam nobis dedit cognitionem finium ut ulla in re statuere possimus quatenus

Cicero, Acad. Quaest.

КАЛАН 1. Государь мой! вы знаете, какую я имею охоту к наукам, но прежде гражданская должность препятствовала мне довольно в них упражняться; почему я при чтении книг встречающихся трудностей разбирать не могу; а хотел бы теперь по соседству с вами в уединенной деревенской жизни попользоваться от вас изъяснением таких трудностей.

ИБРАГИМ 2. К чему это? на что в деревне науки? Притом же вы и сами упражнялись в науках, неужли я могу мечтать себе больше от вас знания.

КАЛАН 3. Полно, перестаньте это говорить, я знаю умеренность вашу, знаю, как вы ограничиваете любочестие ваше и не употребляете знания вашего на тщеславие пред ближним, а ежели можно, то на пользу ему; вы имеете дело с приятелем, неужли вы ему в таком справедливом удовольствии откажете.

ИБРАГИМ 4. По праву дружбы вашей со мною должен я вам делать всякое возможное удовольствие, да только то не по моей силе, чтоб взять на себя изъяснение трудных мест в науках, которых и сам я нахожу весьма много.

КАЛАН 5. Я от вас невозможного требовать не стану, и какие места случатся для вас нерешимы, то мы там правдоподобным рассуждением довольствоваться можем.

ИБРАГИМ 6. Да что вам это вздумалось, ведь мы при свиданьи нашем по близкому соседству можем иметь другую забаву, мы можем рассуждать о хозяйстве.

КАЛАН 7. Хозяйство у обоих нас невелико. Приметили ль вы, что когда мы ни съедемся вместе, то, начав рассуждать о хозяйстве, кончим то рассуждение в час, да нередко и короче; а там уж и зевать начнем; мы ж пробаваем друг у друга по целому дню, а иногда и побольше,

И[БРАГИМ] 8. Я рад с вами рассуждать о науках, да какая нам, живучи в деревне, от того польза.

К[АЛАН] 9. А от наук мне польза та, что я буду больше знать и детей моих научу сколько можно побольше, да мне кажется не худо бы было, ежели бы мы и замечали наши рассуждения, они бы впредь для детей наших пригодились.

И[БРАГИМ] 10. Вот вы что вздумали, так это может завести рассуждения наши и в публику, и мы в нынешнем цветущем состоянии наук и ученых людей можем привлечь на себя крайнее посмеяние; теперь свет не убог на хорошие изречения (*bon mot*), тотчас скажут, что рассуждения о науках выше и больше нас рассуждателей, свет от свечи нужен только ночью; а днем ежели зажечь ее для свету, то смеяться станут.

К[АЛАН] 11. Я понимаю вашу параболу⁴; поэтому ежели смотреть на смех, то доведется ничего ни рассуждать, ни делать; из самых хороших вещей нет такой на свете, которой бы осмеять не могли люди, не имеющие любви к истине и к ближнему; неужли честный человек должен оставить свою честность для того, что комедиант пересмекает его на позорище, неужли хорошие вещи для неправых рассуждений, праздных кривотолков должны терять свою цену, неужли не найдутся честные и благомыслящие люди, знающие, что не меньше есть достоинства и чести в признании доброты хороших вещей, как и в самом их делании, которые таких насмешников самых обратят в посмешище (*ridicule*) обществу открытием той низкой причины, которая побуждает их к несправедливой насмешке над хорошими вещами; а сверх всего того, ежели взяться и за ваше сравнение и зажечь свечу днем, то от слабого ее, да и вблизи едва приметного света тем лучше познаем мы великую силу солнечного сияния и тем больше ему удивляемся; ведь не всем быть звездочетцами, математиками, философами и физиками, как храбрый человек между робкими и добрый между порочными людьми виден, а без того бы об них и не знали, так и рассуждения наши ежели будут слабы, то тем к большему великих умов прославлению послужат; к тому ж мы эту в уединенной жизни забаву употребим для себя подобно тому, как люди

среднего да и нижнего состояния не живут же без забавы, хотя и не могут иметь таких забав, какие имеют знатные люди; но что говорить о забаве: она не нужна, а надобно нам думать о наших детях, для которых мы содержать учителей не в состоянии; им такие рассуждения наши пригодятся; мы оба испытали трудность человеческого жизни, и для того не худо бы им подать некоторые к тому наставления; а как в деревне нет такого поощрения детям к учению, какое мы сами видели, будучи в столичном нашем городе Агре ⁵, где в цветущих от великодушия и щедроты мудрого и благопромыслительного индийской нашей империи отца нынешнего Великого Могола публичных училищах дети что выучат, имеют всегда случай рассказать подобным себе для забавы своей суеты, и то их поощряет много к учению, — то мы здесь в некоторое награждение этого недостатка постараемся при рассуждениях наших употреблять из истории и других наук приятные примеры, чтоб чрез то детей наших больше заохотить к учению; да и кроме детей я и сам, хотя уже и немолод, однакож люблю при рассуждениях употреблять и забавные речи и надеюсь, что вы как приятель мой на то не прогневаетесь.

И[БРАГИМ] 12. Да кто теперь рассуждает о науках? Они уже скучны стали, весь свет заметан книгами!

К[АЛАН] 13. Так поэтому не лучше ли сделать противоположно: истребить все книги и науки? То в те поры уже не будет скучно! Поворот веков, следовавших в Италии за готами, гуннами и лонгобардами, разделит руки наши по мечу грубого незнания и по факелу притворного благочестия и тем забавит нас довольно. Это уже известная охота жадности и ненасытимости нашего самолюбия, это благонадежный метод умножению человеческого рода, чтоб вооружать общество против общества для взаимного их упадка.

И[БРАГИМ] 14. Когда вы уж так пристали, то дайте мне несколько подумать. Да! вы сами хорошо напомнили прежде о правдоподобии, так не угодно ли будет, чтоб мы по примеру древних академиков и перипатетиков оба совокушно рассуждали о всяком сомнительном случае; такой образ рассуждения не сделает мне стыда, хотя вы какое мое мнение и опровергнете, я охотно прииму ваше лучшее.

К[АЛАН] 15. Это прекрасно, я и сам того гордого и повелительного стойков рассуждения весьма не люблю от других к себе, равномерно и от себя к другим употреблять остерегаюсь; это деспот человеческого ума, он жестокостию своею угнетает науки и не дает им натурального произращения, он погружает целые народы в предрассуждение, суеверие и незнание.

И[БРАГИМ] 16. Такой образ исследования истин и мне кажется надежнее, по старой пословице: ум хорошо, а два лучше.

К[АЛАН] 17. Теперь я хочу начать тем, что спросить вашего рассуждения о древних философах; я читал в Цицероне урывком мнения их о разных материях, но они так спорят между собою, что я признаться должен, что не могу познать того, в чем состоит общее их учение и в чем оно различует, одним словом, я вовсе не знаю, чем они его начинают и чем оканчивают; итак, прошу мне объявить о том вкратце.

И[БРАГИМ] 18. Издревле в Греции были между учеными людьми главнейшие три секты: одна академическая и перипатетическая, или Платонова и Аристотелева, другая стоическая, или Зенонова, а третья Эпикурова; общее их учение состояло: 1. В исследовании или разборе истины и фальши, также сходства и несходства в речи, 2. В испытании природы и ее таинств, 3. В различии добра от злого, то-есть в знании добронравия; и такое их разделение человеческого познания хотя коротко, однако так достаточно, что обнимает все находящиеся ныне на свете науки; а что принадлежит до того, в чем они различались между собою, то в разборе истины и фальши академики и перипатетики употребляли определения истинам и разделения на части, а в заключениях своих довольствовались правдоподобием; стоики употребляли также определения истинам и разделения на части, но заключения свои почитали за явственные и неоспоримые, и в такой своей неистовой надменности стремились сделать гробы наукам; а эпикурцы довольствовались одними понятиями своих чувств, и между духом и чувствами не полагали никакого различия. В испытании природы и ее таинств академики и перипатетики полагали силу и материю, также известные

четыре стихии — огонь, воздух, воду и землю. Аристотель, начальник перипатетической секты, прибавил к четырем стихиям пятую, из которой полагал, что состоит дух; стоики полагали в натуре четыре стихии, но, не принимая пятой, думали, что дух состоит из огня; а Эпикур полагал в натуре стечение атомов, или маленьких тел. А что касается до нравоучения, то академики и перипатетики полагали за главнейшее добро человеку добродетель и честность, однакож приобщали к тому и добра душевные, как ум и память, телесные, как то силу, красоту, и посторонние, как богатство, честь и славу; стоики полагали за главнейшее добро только ум, добродетель и честность, а прочих добр ни имения за добро, ни лишения за худо не почитали; и таким химеричным и бесчеловечным своим умничанием причинили человечеству неизлечимую рану; а Эпикур полагал за главнейшее добро всякую приятность в жизни и честность; еще у них примечаются некоторые разности, но как они не важны, то я их оставляю, впрочем, об них и в других приличных случаях вкратце упоминать можно.

К[АЛАН] 19. Благодарствую, что вы мне это рассказали, а в продолжении рассуждений, что мне надобно будет, то я о том у вас спрошуся. Вы в своей речи сказали, что издревле были секты ученых людей в Греции, неужли кроме греков и у других древних народов не было ученых людей.

И[БРАГИМ] 20. Были и у других народов, как то у ассириян — халдеи⁶, у персов — волхвы⁷, у индийцев наших — брахманы⁸, у египтян — жрецы, у галлов — друиды⁹, да даже и у самых скифов были некоторые ученые люди, как то из истории по делам их видно, а что касается до ассириян и египтян, то и сами греки заимствовали от них все науки, как то: геометрию, астрономию, химию и вообще физику и прочая; и Платон первый вывез из Египта название пяти планет и переименовал их греческим языком.

К[АЛАН] 21. Вы мне сказали, что древние философы учение свое разделяли на три статьи, а нынешние какой в том порядок наблюдают?

И[БРАГИМ] 22. Нынешние философы тому же необходимо следуют, но как учение время от времени

умножается, и для того разделяют они человеческое познание на больше частей, из которых каждая уж одна составляет собою науку, как то материю, касающуюся до познания истины и фальши, также сходства и несходства в речах, занимают они философию, риторикою и поэзию, присовокупляя к тому и историю, как усыновленную науку от философии для справедливости рассуждения о вещах и делах человеческих и от ретирики для живости их изображения; материю, принадлежащую до испытания природы и ее таинств, помещают они в физике, изъясняя математику, и разделяют ее на частные науки, как то статику, механику, гидростатику, гидравлику, аэрометрию, оптику, перспективу, катоптрику¹⁰, диоптрику¹¹, астрономию, географию, хронологию, гномонику¹², химию, медицину, анатомию и натуральную историю; а что касается до различия добра от худа, или нравоучения, то эту материю называют они нравоучительною философию, которую способно разделить можно на юриспруденцию и политику, а прочие ее части, как то для обороны общества от нападения неприятелей, артиллерия и фортификация и для порядочного в городах строения архитектура, по великому втечению в них математики преподаются уже особыми пространными науками.

К[АЛАН] 23. Как вы говорите о живости изображения, она принадлежит к поэзии, а не к риторике или истории, да и разделение нравоучительной философии располагают философы на натуральное право, натуральный закон, дела человеческие, этику, политику и прочая, а не на юриспруденцию, политику и прочая.

И[БРАГИМ] 24. Никак живость изображения нужна не только в поэтическом, но и в прозаическом стиле, живость изображения возбуждает в читателе приятность и нетерпение, чтоб дочитать до конца книги; а слабость стиля и на двух страницах производит дреманье, ведь этот обычай, чтоб только в поэзии употреблять живость стиля, завели люди, так другие его переменить могут, по примеру французов, которые благородною смелостию довели прозаический стиль у себя до той красоты, что он у хороших их ораторов и историков нимало не уступает живости против стиля у хороших их поэтов и ничем от

него не разнится, кроме митологии и правдоподобия, употребляемых в поэзии; так митология и правдоподобие веселят только наше воображение, а иногда и здравый рассудок усыпляют, а истина и живость в описании вещей и дел одни питают наш ум, а что вы упомянули и о разделении философии, отменном против объявленного мною, то я вам и на то скажу, что натуральное право, натуральный закон, дела человеческие и этика есть та же юриспруденция, да только что философы положили натуральное право и натуральный закон в своем умствованиях вовсе несправедливо, а надобно искать натурального права и закона не в голове их, а в кафрах и готтентотах.

К[АЛАН] 25. Как много насаждали вы мне наук, что не знаешь, куда с этим добром деваться; столько наук ни нам, ни детям нашим понять не можно, им довольно научиться слегка, как и мы, чтоб только годились для военной или гражданской службы Великому Моголу, не можно ли несколько посбавить с головы этого грузу.

И[БРАГИМ] 26. Об этом не заботьтесь, я о стольких науках упомянул только для показания разделения на них человеческого познания, а впрочем, и я многих из тех наук одни только названия знаю, это не только мы, но и гораздо умнее наших головы все объять едва в состоянии.

К[АЛАН] 27. Правда, хотелось бы знать генеральность наук, хотя поверхно, однакож короче и круглее изображенную, а в таком множестве наук дети наши не узнают, к которой из них обратиться.

И[БРАГИМ] 28. Я знаю, к чему вы подкрадываетесь, вы мне и прежде довольно уже об этом говорили; как отважиться на такую необъятную огромность, вы из правил механики знаете, что к подъему великой тяжести потребна пропорциональная сила; за это всяк сочтет нас дерзновенными и не знающими ни счету, ни меры вещей.

К[АЛАН] 29. Мне все та мысль несносна, как, живучи на свете, не знать света; за такую оплошность штрафуют по военной дисциплине, как Платон, Аристотель, Пифагор, Архимед и другие? они упражнялись во всех науках, какие только тогда были на свете, да и Цицерон был великий философ, хороший физик и сильный оратор, также и в новейшие веки Картезий, Нейтон, Лейбниц и другие

упражнялись во всех науках, какие только мы слышим на свете.

И[БРАГИМ] 30. Я остальную половину прошедшей моей жизни употребил больше на исправление гражданских должностей, а не на науки, а притом вся моя библиотека не больше как около двух дюжин книг; вы сами упражнялись в науках, как за такую трудную и обширную материю без силы и средств приняться?

К[АЛАН] 31. Жаль, что у вас книг мало, да и у меня те же, что у вас, однакож я знаю, что вы, будучи в Агре, читали много книг о разных материях, так ежели скольконибудь можно, то постарайтесь: жаль оставить такую полезную материю; вы знаете, что вообще несравненно большая часть людей отвращаются от наук для великой их трудности и незнания их конца и для того не щадят и порочат ученых людей презрительными и отнюдь незаслуженными предикатами¹³. Рассудите, как это несправедливо и обидно, чтоб та вещь, которая служит просвещением человеческому уму, носила на себе несправедливую клевету и порицание глупости; а такое пятно причиняет наукам единственно великая их трудность и во множестве их незнание ни конца их, ни намерения; тут презреть великодушно такое несправедливое порицание так малому числу людей, одобряющих науки, против такого множества порицающих кажется и прямому великодушию несродно, а потому уже и бесплодно, так не лучше ли постараться по возможности очистить науки от противных и затмевающих их трудностей, водворить в пребывание их приличную достоинству их приятность и ласку, показать в коротком виде и оправдать пред светом прямую в них пользу и необходимость, а в чем мы по такому нашему полезному намерению будем недостаточны, то пополнит справедливое и благопрмыслительное потомство, следуя по такому пути, как направленному к лучшему приращению наук и к прямой пользе учащих людей.

И[БРАГИМ] 32. Да, очищение наук от трудностей — дело сверх нашей силы, это и для непосредственного ума почти непреодолимая трудность; к тому ж при науках кроме учащих людей есть еще ученые и гораздо больше нас знающие; те сочтут, что мы ищем похитить их права.

К[АЛАН] 33. А для чего ж такие знатные философы, как то в древности Сократ, в новейшие веки Картезий, а в нынешнее время Гелвеций, думают, что нет такой высокой в науках материи, которой бы не можно было изъяснить и неученому человеку, только б рассказывать ее надлежащим порядком, а что вы упоминаете о негодовании на это дело ученых людей, то прямо ученые, то-есть прямо просвещенные, люди столько умны и великодушны, что они за этую тенью чести, чтоб порицать несправедливо и без причины чужие труды, не гоняются, а ищут прямой чести, и то уж открытым и явным путем предложения собственных своих трудов в пользу общества; а ежели наше начертание (plan) не покажется, то пусть кто другое сделает лучше, только с той кондициею, чтоб науки, будучи в обществе, не были, как то донныне, чужды от общества. Но жаль, я вижу из нахмуренного вашего лица, что такое намерение вас устрашает, вижу, что оно кажется вам отважным. Пусть это и так будет, однако вспомните вы нашу молодость, представьте ее теперь вашим глазам, каких мы тогда не имели погрешностей и пороков! А от чего, как не от простоты и незнания? Итак, для пользы детей наших, для предварения их от подобных погрешностей и пороков неужли вы откажетесь от такого нужного им дела? Неужли вы захотите уполномочить их на забвение вашей памяти? Нет, я того не думаю, я в вас видел всегда честного гражданина и видел притом прямого отца своим детям, чем вы можете засвидетельствовать благодарность и преданность вашу благопромыслительному отцу, любезной нашей Индии Великому Моголу, который наградил убогий ваш дом высочайшею своею милостию¹⁴, как не наставлением детей ваших, чтоб они были годные его величеству слуги и добрые граждане.

И[БРАГИМ] 34. Ах, государь мой! вы тесните меня со всех сторон сильным образом, это глубокий и пространый океан трудностей, как испытать пути его, проходы, берега и пристани; это смелое предприятие, оно требует и от того, кто в силах поднять и нести его тягость, истощающего жизнь труда, испытанного и плодоносного размышления, беспрестанной и притом бодрой осторожности, одним словом, на это надобно Колумба, а мы по слабости

нашей и бессилию не годимся, как только к роли Веспущия Америка, так ее играет большая часть света, и она кажется не важна, а часто и низка; но, с другой стороны, такое сильное и убедительное ваше рассуждение делает уже меня на всякую правильную отговорку бессильным и безгласным; оно одно ободряет меня и облагоднадеживает пуститься на все трудности. Итак, при недостатке сил наших, с надеждою на помощь божию покусьмся мы на предприятие сего важного дела для пользы детей наших; чрез то мы облегчим трудности в жизненном их путешествии, а чего мы по слабости нашего знания не исследуем, то на совершение оставим Колумбовым потомкам. И таким образом приступим к материи. Генеральность наук, или общественность всего познания человеческого, ограничивается познанием сего чувствуемого нами света и содержащихся в нем вещей, а такую науку называют философы космологию или космографию.

К[АЛАН] 35. Космологию философы помещают в метафизике, а из того видно, что они космологию считают за частную метафизики науку.

И[БРАГИМ] 36. Космология на нашем языке значит рассуждение о свете; так, свет содержит в себе не только метафизику, но и все те головы, которые ее выдумывали; итак, нельзя тому стать, чтоб содержащее было частию содержимого, такое замешательство понятий не только в философии или в физике, но и в поэзии не дозволительно.

К[АЛАН] 37. Пускай это и так будет, только ваше ограничение наук или всего познания человеческого так уже округлено, что похоже на мудреную и страшную теорему; мало ли есть вещей на свете? И когда дети наши в таком их бесчисленном множестве по молодости и незнанию схватятся и за такие предметы, которые им ни к какой пользе, то они уподобятся тому греку, который хвалился перед Александром Македонским, что он научился пробрасывать маковые зернышки сквозь игольное ушко; так им дадут по мешку маку, тут будет им чем забавляться на их жизнь, они будут разносчики маковников.

И[БРАГИМ] 38. Такое ваше мнение справедливо, конечно, молодой человек в этом множестве вещей может схватиться за ненужный предмет, и, истощив на то много

времени, после сожалеть бесполезно. Но это сказал я для показания только пределов человеческого познания, а то можно еще представить несколько пояснее и с таким различием, чтоб дети наши могли узнать, что для них полезно и что не нужно, чтоб они обратили старание свое на познание необходимых и полезных им в жизни вещей и на познание самих себя. А в таком рассуждении кажется, что генеральность наук, или общественность всего познания человеческого, нельзя яснее, а притом и круглее разделить, как на две части, то-есть на познание вообще природы представляющихся нам вещей и на познание особенно природы человека; и такое разделение содержать в себе будет всю ту материю, которую древние философы разделили на три части, из которых уже ныне возросло такое множество наук. И по такому порядку рассуждая о человеческом познании, постараемся мы показать детям нашим, как познавать точную истину в чувствуемых нами вещах и прямое добро в человеческих делах; а из того они узнают, что для них полезно.

К[АЛАН] 39. Это несколько получше вы разделили; пожалуйста, продолжайте по этому порядку материю, только бога ради не употребляйте страшного того с теоремами ученого стиля, я его не разумею, да и особенных предложений, то-есть задач, не включайте в рассуждения, они для нас трудны, да уже и не под лета, а мне хочется приобрести в науках только генеральное, но притом и основательное познание.

И[БРАГИМ] 40. Что принадлежит до ученого порядка и стиля, то я и сам к ним не охотник, но при всем том без определений в сумнительных случаях никоим образом обойтись не можно: как мы в споре о какой-либо вещи согласим наши рассуждения, когда мы ей определения не положим. Определение должно содержать в себе ближайший род и особенную разность рассуждаемой вещи; определение покажет явственно, мое ли утверждение или ваше опровержение верно, и чрез то решит наш спор бесспорно.

К[АЛАН] 41. Так теперь мы начнем нашу материю от философии.

И[БРАГИМ] 42. Правда, что философия заключает в себе генерально все науки, но как философы определяют

к философии большею частию только одно познание человеческих способностей и дел, то-есть познание одной человеческой природы, которое познание одно, без основательного познания общей природы вещей, несколько темновато и к погрешностям поползновенно; а притом человек, родясь на свет, по одним своим природным способностям познает несколько прежде природу, нежели науку. И для того надобно нам заласкать детей наших показанием прежде приятной и прелестной живости подлинника, то-есть природы, чтоб им в самом начале учения не наскучить сухостию и трудностию копли, то-есть науки; а тогда уж дети наши сами собою и без совету охотнее и благонадежнее направят способности свои к просвещению ума, тогда они явственно узнают, какая в том нужда к устройению порядка в их жизни.

К[АЛАН] 43. Я примечаю, что вы употребляете много иностранных слов в индийском языке¹⁵. Теперь все стараются об очищении нашего языка, так и вам надобно остерегаться от иностранных слов, а стараться выговаривать их по-индийски. Вот как-то и теперь вы упомянули о природе, которая переводится у нас естеством; итак, вы говорите естество, а не природа.

И[БРАГИМ] 44. Я знаю, что природа переводится на индийский язык естеством, но знаю и то, что это слово прилично разве в таком самом важном, как священном стиле, а ежели употребить его в разговоре и вместо этой речи: из разных вещей каждая имеет особливую свою природу, сказать: из разных вещей каждая имеет особое свое естество, то вы подымете хохот. Когда какие вещи зависят от обычая народного, то уж язык — больше всех; размыслите только обстоятельнее о свойстве языков, то признаете ту истину, что нет такого на свете языка, как бы он убог ни почитался, чтоб не можно было перевести на него всех слов с других языков. Когда в первейшие времена люди выдумывали слова из ничего, то теперь нам по подобию и примеру переводить их тем легче; но при переводе надобно смотреть того, чтоб переводом с иностранных языков на индийский таких слов, которые уже иностранным названием затвердились у нас в Индии, не наделать смеху. Когда в обществе по множеству людей к заводимым

вновь и таким полезным делам, которые облагоднадеживают их общим добром и благоденствием, не все вдруг навывают, то тем труднее привыкнуть — да и привыкнут ли — к вашим новопереведенным словам из давно употребляемых на иностранных языках: они такую мелкую новость по цене ее принимают беспристрастием, а иногда и насмешкою; да и какая нужда в том? разве чтоб похвалиться, что индийский язык богаче других, так этому всяк знающий свойство языков смеяться станет. Это преимущество состоит не в натуре или свойстве языка, а в случае; всякий язык тем убоже, чем проще какое общество, и тем богаче быть может, свободно и без дальней о том заботы, чем полизированнее общество; и такие новопереведенные слова с затверделых у нас на иностранных языках и в самых важных речах будут всем неприятны и многим невразумительны, а тем паче в таком нашем дружеском собеседовании уже и весьма некстати; посмотрите на французский язык: он по давнейшему заведению наук и художеств почитается за самый богатейший на свете, но, несмотря на то, французы сколько латинских и греческих слов, да даже некоторые и аравитские удержали в своем языке без перевода, хотя бы и могли их перевести на французский язык в полной силе и прямом разуме, а переводят только на свой язык не затверделые иностранным названием слова. Таким образом, и я в словах нашего разговору (*original*) называю подлинником, а не оригиналом, потому что оригинал еще употреблением у нас в Индии не усилился, а натуру называть естеством не смею, чтоб не назвали этого слова преученным ученьем.

К[АЛАН] 45. Я согласен с таким вашим рассуждением и обращаюсь к прежней материи; но все думаю, что к познанию общей природы вещей надобно сперва знать философию и математику.

И[БРАГИМ] 46. К тому нам надобно не больше, как из философии явственные понятия, рассуждения и заключения, так мы уже об этом довольно рассуждали в философических наших предложениях¹⁶, а из математики также надобно не больше, как только вычисление количеств чрез двуобразные чисел или литер сдвоения (*combinatio*), полагая в первом сдвоении сложение, умножение и

возвышение до степеней, а в другом вычитание, деление и извлечение радикалов, да еще измерение в длину, ширину и высоту или глубину величин, так мы этому учились в Агрском училище по высочайшей милости Великого нашего Могола, чего с нас и довольно; а более тех перемен в количествах и величинах, как по натуре не находится, то и математике не к чему выдумывать.

К[АЛАН] 47. Что вы так странно и новомодно рассуждаете, это будет для детей наших вовсе непонятно.

И[БРАГИМ] 48. Мы оба учились наукам, мы оба собственными нашими опытами узнали, сколько они требуют труда и времени, и хотя мы в знании наук до степени первого класса и не достигли, однако по крайней мере приобрели то познание, что можем об них рассуждать основательно и между неудобпреодолеваемыми их трудностями, усматривать к узнанию истин легчайшие способы. Также совершенно знаем и то, что молодому человеку, как только созревать станут его способности, то к познанию истин, или просвещению ума, нет более руководства, как только два, то-есть: одно — от природы вещей, а другое — от науки, которого знания с нас и довольно. А это рассуждение ведет нас к тому исследованию, что в продолжении непрерывного времени предшествовало одно другому: наука ли натуре, или натура науке. Справляясь со свидетельницею многолетних времен, истори[е]ю, находим в разных науках начатки их по разным эпохам, потом возвращение, а иногда упадок, затем опять возобновление, смотря по обстоятельствам времени или места. Напротив того, в натуре вещей по всей истории, от самой глубочайшей древности даже и донныне, не видим ни упадка, ни приращения, а всегдашнюю единообразность, всегдашнее и в самых ее переменах сходство, одним словом, никогда неизменное ее постоянство. Итак, нам, зная несколько беспредельную природу вещей, а науки уже и побольше, как имеющие свои пределы, остается рассудить между двумя разделяющими нас руководствами, то-есть природы и науки, которое из них надежнее и легче? Правда, мы видим, что без науки много познать природы нельзя, но опять и то видим, что наука нам уделяет то познание за так тяжкую и несносную цену, что когда мы его получим,

то усматриваем, что уж очень поздно, и в то время, когда уже нам надобно думать не о пользовании себя тем познанием, а о преселении на другой свет; а отчего это происходит, как не оттого, что наука преподает нам познание истин в трудных теоремах решительным порядком (*methodus analytica*), который познавшему его, наконец, человеку наружно кажет себя удивительным и поразительным, а внутренно делает его тщеславным, надутым и неспособным к здравому рассудку, и который употребляется гордому хозяину огромного дому в пять этажей, что он желающих видеть его внутренность заставляет найти способ, как бы прямо от земли подняться до окошек самого верхнего этажа, и тогда уже позволяет осмотреть его внутренность, так смотря на такую затею, не легче ли и не лучше ли, хотя с трудом, однако несравненно меньшим, постараться соорудить самим по своему благоизобретению дом, нежели выдумывать такой затейливый летанья вверх способ; напротив того, натура ведет нас к познанию своих истин восходительным, или постепенным, порядком (*methodus synthetica*): она при поворотах солнца или земли на лето и зиму (*solstitium*) не производит никогда вдруг ни великого жару, ни жестокой стужи, а делает то постепенно, она подает нам плоды свои в известное время и чрез то делает жизнь нашу благонадежнее; здесь должны мы признать кроткое ее и сходное со слабостию нашего сложения руководство, а притом по обязательству чести и любви нашей к детям также не скрыть и немилосердой и без нужды истощающей нашу жизнь суровости науки. А потому и отдадимся мы без всякого сомнения кроткому руководству постоянной природы, пойдем постепенным, как легким ее путем к познанию ее истин, это будет для детей наших надежное руководство, это будет для них прямая наука.

К[АЛАН] 49. Итак, когда вы от природы начинать хотите, то скажите мне ее определения.

И[БРАГИМ] 50. Природу какой-либо вещи определяют философы действующею силою той вещи, а общую природу называют природою вещей.

К[АЛАН] 51. Так мы теперь обратимся к природе и приступим к испытанию ее таинств; я великий охотник

с малых лет к разведыванию секретов, хотя меня и немало за то школили, да все я не могу отстать от этой страсти. Пожалуйте, начните показывать мне потихоньку таинства природы, авось-либо она будет ласковее, нежели те люди, которые отучивали меня от секретов так немилосердо, что как мне иногда сонному пригрезится та их наука, то я и во сне пугаюсь.

И[БРАГИМ] 52. Нет, натура не такова, она ласкова к нам, подобно как мать к детям, она произведениями своими из земли питает нас и содержит нашу жизнь, она водою своею утоляет нашу жажду и оmyвает нечистоту тел, она воздухом своим подает нам дыхание и равновесие в движении нашем, она огнем своим согревает нас, оживляет и освещает нам вещи; но хотя сия общая наша мать так ласкова к нам, однако притом очень важна и как бы несколько горделива и открывает нам таинства свои не просто, а по мере количества и доброты службы нашей пред нею.

К[АЛАН] 53. Я по страсти к секретам рад служить ей до надрыву, только б испытать ее таинства; скажите, пожалуйста, каким бы образом за то приняться, это будет для меня великая забава.

И[БРАГИМ] 54. То уже с таинствами природы довольно будет забавы, только б ум наш овладеть ими был в состоянии.

К[АЛАН] 55. Конечно, тут хотите вы употребить много философских умствований, а я их понимать туп; итак, вы меня на первом шаге страшите.

И[БРАГИМ] 56. Нет, я как чужим, так и моим умствованиям не много верю, а по большей части следую наблюдениям и опытам в природе, однако и чрез то натуральных действий причины разбирать довольно трудно; впрочем, бывают в природе и такие случаи, где и без умствования никоим образом обойтись не можно, только те умствования или заключения выводить надобно из верных оснований, то-есть из несумнительных опытов или наблюдений; как то действия или происхождения в природе (effectus) можем мы понимать чувствами, но причин происхождения, кроме умствований, чувствами понимать не можем; например, что в барометре ртуть стоит на 27¹/₂ парижских дюймов,

то мы понимаем чувством зрения, но причины, что ртуть таким образом находится в равновесии с атмосферою, налегающею на нижний широкий сосуд барометра, некоторым чувством понять не можем, а выводим ее из других опытов, которые показывают нам, что текущие разного образа материи бывают между собою в равновесии.

К[АЛАН] 57. Скажите мне, что есть наблюдение и опыт.

И[БРАГИМ] 58. Наблюдение есть то понятие, когда мы в какой вещи, оставленной свободно ее натуре, примечаем какое действие или страдание; а опыт есть то понятие, когда мы в какой вещи, устроенной по нашему благоусмотрению, примечаем какое действие или страдание; например, что все реки текут с высших мест на низшие, то такое понятие есть наблюдение, а когда мы воду помощью пожарной трубы гоним до некоторой высоты, то это понятие будет опыт.

К[АЛАН] 59. Так мы станем по наблюдениям и опытам испытывать природу, и чего не поймем, то от того отстанем великодушно, а что будет по нашим зубам, то слава богу: мне бы только было, о чем болтать в компании; вы знаете, как я нетерпелив к разговорам, что только тогда молчу, как усну в постели.

И[БРАГИМ] 60. О, когда так, то мы можем полегоньку примечать надежнейшие стези и пробираться по ним к познанию некоторых таинств природы, которых бы только довольно было для детей наших в нуждах их жизни, а прочие по слабости нашей принуждены мы оставить искуснейшим испытателям.

К[АЛАН] 61. Я вижу, что вы искусно заводите меня в лабиринт умствований, которых я не разумею: что тут сделаешь с вашими наблюдениями и опытами? тут им не место: к испытанию таинств надобно хитрости и вкрадчивости, то-есть умствования, а с наблюдениями и опытами вашими останешься как рак на мели.

И[БРАГИМ] 62. Никак, государь мой! я вам при испытании природы и ее таинств доказать надеюсь, что целая физика и все ее частные науки почерпнуты, распространены и возведены до высокой степени и великого приращения из неисчерпаемых источников природы несравненно больше наблюдениями и опытами, нежели умствованиями.

К[АЛАН] 63. Посмотрим. Откройте, пожалуйста, какие вы заметили таинства в природе.

И[БРАГИМ] 64. Философы заметили в природе четыре стихии, или четыре начальные вещи, как то землю, воду, воздух и огонь.

К[АЛАН] 65. Да что ж это? Какое это таинство? Кто этого не знает?

И[БРАГИМ] 66. Нет, государь мой! это не таинство, а таинство состоит в познании силы и действия, пользы и вреда каждой из тех вещей.

К[АЛАН] 67. Вот это дело другое! Так начните, пожалуйста, и скажите, каким образом преподают то философы.

И[БРАГИМ] 68. Философы материю, касающуюся до земли и ее произведений, предлагают в химии, натуральной истории, анатомии, медицине, статике и механике; материю, принадлежащую до воды, — в гидростатике, гидравлике; касающуюся до воздуха, — в аэрометрии; а принадлежащую до огня, — в химии, оптике, перспективе, катоптрике, диоптрике, астрономии, гномонике и прочая.

К[АЛАН] 69. Ну вот, вы меня опять собьете с пути. На что столько наук, куда нам с ними деваться? Этим бременем можно замучить ум так, что он, в том множестве их замешавшись, одурет; не можно ли как попростее для нас; например, материи, касающиеся до земли и произведений ее, присовокупляйте вы к земле, принадлежащие до воды — к воде, касающиеся до воздуха — к воздуху, а принадлежащие до огня — к огню.

И[БРАГИМ] 70. Я это вам сказал только по спросу вашему о том, каким образом философы преподают свое учение о природе. Впрочем, и я частью по недостатку знания, а частью и по недостатку на поправление того книг принужден буду в иных материях довольствоваться только историческим описанием, однакож, сколько можно, стараться буду о том, чтоб сказывать вам то таким порядком, как вы теперь рассудили, он и мне понравился, хотя я в том вижу и великую трудность для взаимного и почти нераздельного всех стихий между собою смешения; только ж великая польза явственности против того одуряет, а то вы говорите правду, что в таком множестве наук можно запутаться человеку; правда, что с одной

стороны, по беспрестанному открытию тайнств природы новых или возобновлению старых, но забытых долгого времени, и великому втечению в них геометрии и алгебры нужда требовала некоторого разделения наук, но, с другой стороны, сожалительно на некоторых философов, что они в преподавании их наблюдают порядок весьма ученый и доказывают нам многие натуральные истины без нужды, мы их без доказательства понимаем лучше, а чрез то, сколько они возвеличивают науки откровениями, то не меньше того и порядком своего учения, которое они издают нам подобно, как Дельфийский Аполлон¹⁷ свои оракулы, или предсказания, подумайте, сколько тут теряется напрасного времени на выражение такого учения, которое больше затрудняет, нежели изъясняет науки.

К[АЛАН] 71. Да, это правда, и я также во многих местах их не понимаю, но, может быть, не потому ли, что я скорос?

И. БРАГИМ] 72. Рассмотрите вы физику известного вам славного в нынешнее время философа¹⁸: там все полезные и нужные материи о натуре преподаны как бы нарочно весьма темным образом, и хотя главный и единственный всех физических наук предмет есть натура, однако вы найдете там не природу, изъясненную математикою, как бы то надлежало, а математику, налагающую на природу свои законы; но это напрасно и весьма некстати: натура никогда не училась у математики, а, напротив того, математика — у природы, которая всех наук умнее и превосходнее.

К[АЛАН] 73. Да то писано не про нас, то-есть не для нас, учащихся, а для ученых людей, к которым мы за просвещение нас должны не забывать благодарности.

И[БРАГИМ] 74. За такое великое благодеяние, хотя оно нам по их учению и не дешево досталось, однако я не спорю, что мы обязаны благодарностию. Но к благодарности надобно знать место и случай и смотреть, чтоб под видом ее не показать современникам нашим ласкательства, а потомкам — неприязни в скрытии от них правды, что почитают философы также за преступление. И когда то писано для ученых людей, то тем смешнее: ученые и без тех книг должны знать науки. Итак, во всей той огромной работе и с такими странными и неупотреб-

тельными выражениями прибавлено к отвращению тому, которое имеют многие люди от математики, еще добрую меру; и сделано из математики, которая сродна быть помощницею другим наукам, страшную и отвратительную науку, так что люди имеют правильную причину говорить, что где математика не наведается, то и легкие материи делает трудными, и понятие уже их чрез то становится нелегко, а потому математика, которой вся натура состоит в измерении вещей по счету или протяжению*, делается уже труднее самых измеряемых ею натуральных вещей; видите, какая тут странная выходит идея: что мера труднее измеряемых вещей, которые она собою изъяснять должна; не будет ли прилично здесь употребить мудрое то изречение святейшего законодавца природы: аще свет тьма, то тьма колыми паче; напротив того, обратитесь вы к г. Белидору, Трабоду, Эйлеру, Миллеру, Бургаву, Биону, Штурму и к некоторым и нашим индийским достойным сочинителям в артиллерии, фортификации, математике и некоторых физических науках, то там вы найдете науки, явственно и легко предложенные, хотя и они употребляют математику, но употребляют ее по примеру лечения добрых медиков столько и там, сколько и где надобно; и таких писателей назвать можно прямыми питомцами природы.

К[АЛАН] 75. Что вы так восстаете на великую трудность метода и стилия в науках? Ведь вы прежде и сами в математических и механических ваших предложениях¹⁹ выехали на гордых и высокостепенных теоремах, как Фаэтон²⁰ на пышной колеснице.

И[БРАГИМ] 76. Припишите это моей молодости и слепоте ее, стремившейся к легкомысленному любочестию, вмените незнанию вообще природы вещей, заглушенному множеством наук. Ежели б я в нынешние мои лета сочинял те предложения, то бы убавил там по крайней мере третью долю излишнего параду.

К[АЛАН] 77. Кстати, при этом случае мне хочется у вас спросить, как вы думаете о разных сочинениях: некоторые из них содержат в себе много полезного и нового,

* В первом издании «притяжанию». — *Ред.*

а другие бывают без вкуса, как переваренные щи. Я бы думал такие мелкие сочинения одерживать и не выпускать в свет, чтоб они не заглушали наук, подобно как худая трава в огороде не дает расти полезной и питательной.

И[БРАГИМ] 78. Так на что будет похожа ученая республика, которая только одна некоторым образом союкуляет и содружает человечество, раздираемое от прихотей его по всей вселенной, когда в ней одни привилегированные люди иметь будут голос, а другой не смей промолвить? На что будет титул ученого или поллизированного света? Это будет ученая ирония, неприятная прямому знанию и мудрости, прославляющим благополучный тот век, который их питает; такая ирония, без сомнения, истребить может науки в короткое время. Откуда бы мы могли провести канал рассуждений наших, как не из разных, как много полезных, так и мало полезных источников, которых смесь в нашем канале должны мы по возможности стараться подвести к прозрачности и полезности чистых и здоровых источников? Кто может приняться за такое низкое хищение, чтоб почитать знание свое независимым от других людей? Мы по крайней возможности стараемся при всех удобных случаях показать благодарность нашу и признание как древним, до нас бывшим, так и современным светилам человеческого познания. Итак, из подобия вашего к растению наук выходит сущее противуобразие: это коммерция произведений ума, подобная и подобного свойства с коммерциею произведений, потребных телу; она умирает без вольности, которую законно ограничивают не более, как только следующие четыре пункта: 1. Чтоб сочинитель соблюдал свято и благоговейно к всемогущему и вечному существу должность свою, которая одна во всех наших делах, сношениях и обязательствах служит правительницею совести и залогом веры и верности, потому что какое бы ни было воспитание наше и добродетель, то весь свет вообще, и то не по фальшивым наблюдениям и опытам, не признает их довольными к удержанию крепости в той связи; 2. Чтоб почитал он с усердием и преданностию освященную причину порядка и благоустройства в отечестве, — от того зависит общее наше добро и благоденствие; 3. Чтоб не писал оскорбительного

чистоте нравов и обычаев; 4. Чтоб не казался ни к чьему имени особенно по примеру комедиантов, а рассуждал бы вообще о вещах и делах человеческих, как то прилично важному писателю, и чтоб как на сердце был, так и в подаваемых советах казал себя другом человечества; а вы на растение наук и просвещения человеческого хотите пригласить варварские веки и употребить такие средства, которые под видом расчищения сперва начнут ослаблять науки, а наконец и вовсе истребить их могут; к растению наук между другими полезными средствами поощрение сверстническое может почесться за важнейшее; это артерия человеческого познания, которая его живит, движет и ободряет: по чему узнавать будут хорошие сочинения, как не по худым, не упоминая о том, что случаются люди, которые, несмотря на молодость лет, кажут на себе остроумие и глубокоумие довольное; а строгость цензуры в Иберии²¹ и совершенное тамопиних бонзов непризнание святой и вечной причины вещей, прикрытое завесою наружного благочестия, часто под видом общей пользы, а в самом деле, с одной стороны, по зависти к отличным дарованиям, а с другой — по жадности к имению и власти, легко приобретаемым в мутности незнания, задушают такие отрасли и не дают им того блистательного растения и силы, каковы видимы в албпнском, гелветическом и батавском обществах²². Притом же и то редко случается, чтоб какой самый лучший автор не показал где-либо в своем сочинении слабой стороны; так противоположно и тому трудно стать, чтоб и самый слабый писатель не имел в своей книжке чего-либо хорошего. А о том, что многие мелкие сочинения в свет выходят, не заботьтесь: таких слабых писателей, когда непродана книг их; то по крайней мере общественная критика и насмешка от сочинений отвадят.

К[АЛАН] 79. Каким же образом начать нам испытание таинств природы?

И[БРАГИМ] 80. Философы делают то чрез опыты частию каждой стихии особо, частию комбинациею, или сдвоением (combinatiis), стихий вместе, а частию и отделением одной от другой стихии.

К[АЛАН] 81. Как комбинациею? вы знаете как далеко расстут комбинации; хорошо в алгебре иметь дело с

литерамп), а ежели обходиться так и со стихиями, то на это мало будет нашей жизни; а мне бы хотелось смешать их, как горох с капустою, и найти какую новину, чтоб прислужиться чрез то в республике ученого света для некоторого поласканья моему честолюбию.

И[БРАГИМ] 82. Нет, тут так многочисленных комбинаций не делают, а делают только комбинации стихий, смотря по месту и положению, по разности времени, по величине, по фигуре, по движению и расположению частей, но и то по свидетельству философов выходит иногда не одного человека и не одного века дело; например, философы говорят, что железная иголка, помещенная на меридиональной линии, не чрез один, а чрез многие годы приобретает магнитную силу; к тому ж я вам объявлю основательное г. Деланда рассуждение о том таково: «Люди думают обыкновенно, что нет легче делать ничего, как опыты, да и ученые первого класса (я говорю об этом не иначе, как по всеобщему предрассуждению) почитали это упражнение за пустое и детское; однако я не опасюсь признать того, что оно есть дело бесконечной трудности, оно требует много искусства, тонкости и остроты в разуме. Я присовокуплю к тому, по мнению славного Картезия, и то, что это упражнение предполагает, чтоб разбирать все рачительно, и сколько можно и самому собою, чтоб освободить себя от того рабского удивления, которое привлекают на себя древние философы, чтоб не успливаясь по-пустому извинять их погрешности, чтоб не доверять умствованиям, а особливо в материи дел, и чтоб изъяснять те дела неуспынным трудом, часто весьма трудные к изъяснению. Подлинно, все виды обманчивы, и когда мы разберем самые вообще принятые вещи, то удивляемся, что не находим в них кроме погрешности и фальши; итак, надобно быть свободну от всякой партии, свергнуть с себя иго всякого неприличного уважения (*autorité*); чтоб делать хорошо опыты, дар (*le génie*) к тому нужен по крайней мере столько, как и рассудок: дар — чтоб открыть к тому новые пути, а рассудок — чтоб руководствоваться среди всех тех путей с умеренностию и осторожностию»; итак, по тому рассудите, чем нам пускаться в такую сверх нашей силы и возможности трудность, чтоб искать открыть новые опыты, то лучше

станем разбирать старые и поверять, которые нам в деревенской жизни возможность дозволит.

К[АЛАН] 83. А другое основание опытов, то-есть чрез отделение стихий, неужли так же трудно, как и это.

И[БРАГИМ] 84. Другое основание, хотя на первый взгляд и простее кажется, однако произведением в действо труднее первого; вы, думаю, знаете, как философы, желая отделить воздух, например, от зажженной свечи, ставят ее под колокол воздушного насоса, и сколько они ни высасывают воздух, однако сами признают, что всего его высосать никоим образом не можно, и все его сколько-нибудь остается.

К[АЛАН] 85. Вот какое затруднение находят; ежели б они меня к тому пригласили, то бы я тотчас решил гордиев узел: я бы достал из аптеки карантинных порошков²³ и подпустил бы их под колокол, не знаю, как бы против того устоял воздух; я бы этого лихого духа выгнал вон до крошечки, чтоб он зимою не знобил, а летом не жарил, как то Цицерон пишет, и издал бы в свет такое славное дело, которого чрез такое множество веков не признавали философы и насилу познали его от Торрицеллия, то-есть произведение по искусству пустоты места, почитаемой от всех почти философов невозможною по натуре.

И[БРАГИМ] 86. Доволен вашим изобретением; конечно, вы учились топике²⁴. Я как по этому, так и по другим опытам и наблюдениям примечаю в натуре такую великую силу, что ее никакое человеческое могущество одолеть не в состоянии, а тебя первого на свете вижу, который стихиями и натурою повелевать может.

К[АЛАН] 87. Поэтому не лучше ли немножко пониже опуститься и начать рассуждать прежде о философских наблюдениях и опытах каждой стихии особо, например земли и ее произведений, начиная по порядку с самой нижней стпхий.

И[БРАГИМ] 88. Это будет лучше; но как земля есть тело и философы всякую такую вещь, к которой прикасаться можно, называют телом, то по такому всеобщему и обширному понятию заключают они под именем тел не одну землю и ее произведения, а присовокупляют к тому

еще и прочие стихии, как то воду, воздух, огонь, да даже и небесные вещи называют телами, а по такому пространному под именем тел означению требует эта материя разделения и изъяснения, чтоб нам впредь некоторые слова не причинили трудности, а затем чрез необходимое хотя не по месту изъяснение излишнего продолжения и перерывки в наших рассуждениях.

К[АЛАН] 89. Пожалуйте, расскажите мне то разделение и изъяснение слов.

И[БРАГИМ] 90. Философы разделяют вообще тела на твердые (*solida*), текучие (*fluida*) и жидкие (*liquida*); в твердых полагаются тела жесткие, или от давления не поддающиеся, как то камень, стекло; упругие, как то сталь, медь; и мягкие тела, как то плотные части тел у животных; за текучие тела почитаются воздух и огонь; а в жидких телах полагаются вода, спирт, масло, получаемое из разных растений, и другие жидкости; так что жидкие тела разнятся от текучих тем, что первые прикосновением к себе вещам причиняют мокроту, а последние не причиняют, а потому узнать можно, что некоторые тела суть вместе текучие и жидкие, как то вода, спирт и другие жидкости, а некоторые тела только текучие, но не жидкие, как, например, огонь и воздух.

[РАССУЖДЕНИЕ О ТЯЖЕСТИ, ДВИЖЕНИИ И СПОКОЙСТВИИ]

К[АЛАН] 391. Пожалуйте, оставим уже химические лекарства, а станем рассуждать о тяжести, движении и спокойстве земных тел, это будет механическая материя, да к которой же стихии принадлежит механика?

И[БРАГИМ] 392. Тяжесть имеют все земные тела, а движение и спокойство составляют их разные образы, или способы пребывания на свете, а не свойства, потому что тела при таких переменах остаются непременноми; итак, эта материя принадлежит к механике, а механика употребляется безразборно при всех стихиях; но как машины делаются по большей части из земных произведений, да и мы, живучи на земле; больше имеем в механике нужды

при земле и ее произведениях, нежели при других стихиях, то потому приличнее ее поместить в предшествующей пред прочими материи о земле, нежели в которой-либо из материй о других стихиях.

К[АЛАН] 393. Разную тяжесть в разных телах познаем мы весами; итак, расскажите мне, какое они имеют движение и спокойство?

И[БРАГИМ] 394. Кроме непрерывного того движения, которое, по мнению всех новейших и некоторых древних философов, делает земля со всеми находящимися на ней телами коловратное около своей оси в 24 часа (*motus vertiginis*) и раскатное около солнца в год (*motus revolutionis*), есть еще движение тел разное, как то: уравненное — животных, часов, мельничных водяных колес и других машин, ускоренное — падающих вниз тел, укосненное — бросаемых вверх и горизонтально тел, прямолинейное — перпендикулярно бросаемых вверх или падающих вниз тел, криволинейное — косо или горизонтально бросаемых тел; совершенное и зависящее (*mouvement absolu et relatif*), как то людей, идущих на судах по воде, и кажущихся им в движении берегов, простое — от одной или нескольких сил по одному направлению, сложное — от двух или больше сил, по двум или и больше направлениям, а спокойство, или равновесие, тел также бывает на горизонтальных и наклоненных плоскостях или поверхностях. К разному движению и равновесию тел употребляются машины простые, как то рычаг и наклоненная плоскость, и сложные из простых, которых есть великое множество, по как я прежд[д]е о всей этой материи рассуждал с вами довольно, то уже более о том говорить нет нужды.

К[АЛАН] 395. Я хочу у вас спросить о приличной к этому месту земляной материи, которой в механических ваших предложениях нету; правда ли то, что я начитал в сочинении одного философа теорему: что тяжелые тела нисходят по полуциклоиду и по всякой его дуге в одинакое время; там он для доказательства этой теоремы собрал всю богатую родню геометрической пропорции, но они многоглаголаньем своим больше мне затмили понятие той теоремы; я все сомневаюсь, как тому статься, ведь тело, перебегая половину циклоида, перебегает несколько и его

дуг, следовательно, и больше на них времени употребляет, нежели на каждую такую одну дугу.

И[БРАГИМ] 396. Нет, мнение того философа справедливо, что тяжелые тела нисходят как [по] полудиклоиду, так и по всякой его дуге в одинакое время, только правда, что для такого нетрудного дела не надобно было такой затруднительной теоремы и доказательства, потому что это узнать можно самым простым и легким опытом; например, по неудобности выгибання полудиклоидом металлических дощечек, привесьте вы на палке, горизонтальное положение имеющей, две равные тяжести на равных веревочках, или хотя и две другие палки и подымайте те тяжести или палки на разные высоты таковы, каковы у полудиклоида и дуг его быть могут, то увидите, что они, опускаемые в один момент с разных высот, упадут и ударяться будут в привешенную перпендикулярно плоскость всегда точно в один момент; а это делается потому, что тяжести или палки на малой дуге полудиклоида меньшею падают скоростью, а на большей дуге или на всем полудиклоиде большею падают скоростью, приобретаая ее в падении чрез большее расстояние.

К[АЛАН] 397. Прошу мне изъяснить кривую линию изохропу²⁵ (isochrona), которая имеет то свойство, что тяжелые тела нисходят по ней в равные времена движением уравниным, полагая направления тяжести, хотя параллельные или сходящиеся в центре земли.

И[БРАГИМ] 398. Прошу мне найти такое тело, которое бы, пущенное свободно по кривой линии, могло нисходить движением уравниным; а не зная такого действия и пользы в натуре, как я могу изъяснить вам такую линию, которой и вообразить мне не можно.

К[АЛАН] 399. Где я вам найду такое тело, ведь мне не указать натуре, чтоб она для меня переменяла непрерывный свой порядок и непреложные законы. Я знаю, что нет такого тела на свете, чтоб оно могло нисходить движением уравниным, но я вижу, что это не бесполезность такой линии, для которой вы отказываетесь; ведь другие люди воображают же себе такую линию, а трудность в разборе ее; видно, что вам геометрические места (loci geometrica) и дифференциальные и интегральные выкладки

(calculus differentialis et integralis) невкусны, кислы ягоды, что достать их пельзя. Как такая славная и такими высокими выкладками решимая линия не полезна? Правда, мы не находим такого тела в природе, которое бы могло нисходить движением уравненным, однако помните вы, что мы с удивлением смотрим летом на муравью, как она по перпендикулярным к земле деревьям вниз и вверх с одинакою и немалую скоростью бегаёт, так по крайней мере муравья сбежит, или другое флегматичное насекомое животное может сползти вниз по такой кривой линии движением уравненным, а потому вы видите, как эта линия не полезна. Нет, она очень полезна.

И[БРАГИМ] 400. Увольте меня от такого дела, которого я в природе не вижу, а потому и вообразить не умею.

К[АЛАН] 401. О кривой линии тавтохроне ²⁶ (tautochrone) спрашивать я вас не хочу, я знаю, что она родная сестра циклоиду, да и брахистохрона (brachistochrona), или кривая линия самого наискорейшего падения от данной точки до другой данной точки, есть тот же полуциклоид, описываемый по данным тем двум точкам; а названы они особыми такими громкими именами, видно, для умножения знаменитости фамилии кривых линий, хотя она и так уже в порождениях своих не убога. Но я признаюсь, что не знаю, какая б могла быть нужда для самого скорейшего падения в кривой линии, когда мы на то имеем прямую линию, однако мы уж это оставим, а хотелось бы мне познакомиться с кривою линиею синхроною (synchrone) такого свойства, что тяжесть падает к каждой ее точке в одинакое самое кратчайшее время. Но от вас в такой высокой материи получить нечего, так по крайней мере скажите мне то, что раскаленные металлы делаются ль чрез то тяжеле или нет.

И[БРАГИМ] 402. Бургав, взяв параллелепипед из самого доброго железа весом в пять фунтов и семь унций и раскалив его, положил раскаленный на весы, но не приметил ни малейшей прибавки весу, а такой же, каков был до раскаления; там же пишет он, что и в меди раскаленной не нашел прибавки весу, из чего заключает, что огонь не имеет тяжести. А Гамбергер, посылаясь на записки французской Академии, говорит, что свинец, олово,

ртуть и антимония ²⁷, разженные, увеличивают свой вес. Но и о том Бургав думает, что та прибавка весу делается, может быть, от пристающих к ним частиц сосуда, в котором те вещи разжигаются, или от частиц орудия, которым помешиваются, а не от огня; и это последнее мнение почитал бы и я за вернее, основываясь на том рассуждении, как все философы согласно почитают за тяжесть в телах не что иное, как понуждение ²⁸ их к центру земли; а по ежедневным наблюдениям и опытам известно, что огонь как на очаге, так и на зажженной свече даже и под опорожненным от воздуха колоколом подымается вверх, то-есть выше и такой легкой и тонкой материи, каков есть воздух, которого мы кроме прикосновения никаким другим чувством понимать не можем. И когда уж таким образом огонь сам в себе не кажет тяжести, то-есть понуждения к центру земли, а напротив того, кажет понуждение или стремление свое вверх, то как он может то сообщить другому телу, чего сам не имеет; приличнее, кажется, ему по своему свойству делать тела легче, нежели тяжеле. Но г. Деланд опять уверяет, что разженные тела становятся тяжеле. Итак, это дело заслуживает особливо рачительное исследование ²⁹.

К[АЛАН] 403. Нет ли еще какого примечания о тяжести тел?

И[БРАГИМ] 404. Гамбергер говорит, что перья, слабо положенные в мешке, меньше весят, нежели крепко связанные; но надобно знать, что он веревочку, которою они связаны были, клал, как и в первом вешаньи, на весы, а причину тому полагает он, что-де в первом случае воздух их больше поддерживает.

К[АЛАН] 405. Я читал в физических книгах, что действию одного тела на другое делается сопротивление от того другого. Каким бы образом это происходило?

И[БРАГИМ] 406. Философ Гамбергер доказывает сопротивление одного тела действующему на него другому летанием птиц и плаванием рыб, потому что птицы без сопротивления воздуха летать, а рыбы без сопротивления воды плавать не могли бы; также доказывает он и сближением двух лодок на воде; когда в одной сидит человек и тянет к себе другую порожнюю лодку, то они обе взаимно

одна к другой сближаются; еще и тем, когда вбить в какое дерево клин, а потом ударить то дерево с противной стороны острию клина, то он входит в дерево поглубже.

К[АЛАН] 407. Как различают философы разные тела; например, разные металлы по их тяжести?

И[БРАГИМ] 408. Разная тяжесть бывает в металлах или и вообще в телах одного образа или вида по разной их величине, а в телах одной величины по разному их образу.

К[АЛАН] 409. Как же философы называют одно тело (*specificis gravior*) образно тяжелее, а другое (*specificis levius*) образно легче, так будет ли это одно с другим согласно?

И[БРАГИМ] 410. Конечно, согласно, а только в том состоит разность, что выдуман ученый, но притом и варварский термин (*specificis*) образно без нужды и к большему затруднению, поэтому бы надлежало и тела одного образа не равные величиною называть величинно тяжелее или легче одно другого; итак, мы для лучшего покаяния удовольствуемся простым названием, что тела одни ст других тяжелее или легче бывают по величине или по образу.

К[АЛАН] 411. Как бы разобрать разную тяжесть в металлах разного образа, чтоб чрез то можно было узнавать их истину, да и фальшь слитков из разных металлов?

И[БРАГИМ] 412. Истину и фальшь в металлах открывают философы чрез сдвоение тел с водою: когда опускаются в воду разные тела, то примечается, что одни из них, как то металлы, камни и прочая, тонут, а другие, как то дерево, грецкая губка и прочая, плавают по верху воды; а потому заключается, что первые из них тяжелее воды по образу. Итак, тела, тяжелее по образу от воды, хотя и падают в ней до дна, однако меньшею скоростью, нежели на воздухе, и тем меньшею одно другого скоростью доходят до дна, чем легче одно другого по образу. И из того заключается, что все те тела в падении своем по воде нечто теряют от той тяжести, которою они падают на воздухе; а падают уже они в воде до дна по понуждению той тяжести, которая равна разности между совершенною тяжестью тела и тяжестью количества воды, равного тому телу, из чего видима причина, что тела, тяжелее воды по образу, погруженные в воду, меньшею поддерживаются

в ней силою, нежели на воздухе; и хотя будут тела тяжестию разны по образу, но когда они по величине равны, то все теряют одинакую часть тяжести в рассуждении сопротивления воды, то-есть такую, какова равна весу количества воды, равного величиную тем телам, но не одинакую часть теряют каждое из них в рассуждении совершенной своей тяжести, то-есть тяжелее по образу теряет меньшую часть от совершенной своей тяжести, а легче по образу тело теряет бóльшую часть от совершенной своей тяжести; и по этому основанию в древности Архимед нашел, что в золотую сиракузского царя Гиэрона корону примешано было несколько серебра.

К[АЛАН] 413. Философ барон Вольф в своей гидростатике говорит, что можно олово со свинцом сплавить по такой тяжести, которая равна будет тяжести серебра по образу, и по такому умерению ежели смешано будет серебро с оловом и свинцом, то уже той фальши вода не откроеет. А поэтому что надобно делать, чтоб узнать, истинное ли серебро или нет?

И[БРАГИМ] 414. На этот случай не нахожу я другого способа, как только расплавление такого куска, и тогда уж ежели есть в нем олово и свинец, то чрез исхождение из них при расплавлении дыму узнать можно.

К[АЛАН] 415. Скажите мне, где девається та тяжесть, которую теряют тела, тяжелее по образу, в падении их по воде, неужли она вовсе пропадает.

И[БРАГИМ] 416. Никак. Она только теряется на преодоление сопротивления от воды телу; впрочем, давит во дно сосуда такая тяжесть, которая равна сумме из тяжести всей воды в сосуде и совершенной тяжести погруженного тела.

К[АЛАН] 417. А в тех телах, которые легче воды по образу, что примечается?

И[БРАГИМ] 418. Что касается до тел, которые легче воды по образу и плавают по ней, то те погружают в воду часть себя тем больше или меньше одно другого, чем они тяжелее или легче одно другого по образу; и каждое из тех тел такое выдавит собою количество воды, которое равно весом тяжести всего плавающего тела, а из того заключается, что ежели б могло найтись какое тело,

равное тяжестию воде разного с нею образа, то бы оно, опущенное в воду, останавливалось на всяком месте, где ни положено в воде, как доказывают то вместо не находящихся в натуре таких тел искусством делаемые для забавы куколки, опускаемые в воду, которые останавливаются там, где их положит рука или застанет спокойство воды; г-жа Унцорова говорит, что можно соленую воду с пресною смешать так, что ежели положить в средину той смешанной воды яйцо, то-де оно ни на верх воды не подыметя, ни вниз не потонет. Наконец, из всего того известна причина и тому, для чего два тела разной тяжести по образу, приведенные на воздухе в равновесие, ежели опущены будут таким образом в воду, то там уже потеряют равновесие, и тяжелее по образу перевесит того, которое легче по образу.

К[АЛАН] 419. А когда надобно тело, легче по образу от воды, надавить столько, чтоб оно не выставливалось выше поверхности воды, то сколько на то силы потребно?

И[БРАГИМ] 420. На то потребна сила, равная разности между тяжестию тела, которое легче по образу от воды, и тяжестию самой воды, а вся сила, которою действует то погруженное тело на воду, равна сумме из тяжести тела и разности между тяжестью по образу тела и воды.

К[АЛАН] 421. Для чего вы все кладете тела разные, а воду одну, — вы меня тем не удивите; нет, я хочу у вас спросить, что произойдет из того, ежели положить тела одной тяжести по образу и по величине, а вместо одной воды положить две жидкие материи разной тяжести по образу.

И[БРАГИМ] 422. И в таком случае произойдет подобное прежнему действию, только противоположно, то-есть из таких тел, одинаких-как по образу, так и по величине, а притом и по фигуре, опущенное в материю, которая легче по образу, перевесит опущенного в материю, тяжелее по образу, по той причине, что каждое из тех тел потеряет уже не одинакую часть тяжести, как в одной воде, а разную, и именно такую, сколько весить будет количество каждой жидкой материи, выжатое своим телом.

К[АЛАН] 423. Вы говорите, что тела, тяжелее по образу от воды, тонут в ней. Для чего же когда опустить

меньше конопляного семени кусочек какого-нибудь металла или маленькую иголку тихонько на воду, то они не тонут.

И[БРАГИМ] 424. Философ Гамбергер находит в воде липкость ее частиц между собою (*visciditas*), которой липкости силу полагает не больше весу капли воды, равной горошинке, и что такие маленькие частицы металлов не погружаются в воде, объявляет за причину тому тяжесть их так малую, что она не в состоянии преодолеть и малой силы липкости всядячих частиц между собою, и по той причине пустой шар медный в воде также свободно не тонет.

К[АЛАН] 425. Для чего же деревянные опилки, смешанные с водою, тонут в ней, а дерево почитается легче воды по образу.

И[БРАГИМ] 426. Г. Гамбергер говорит: не должно-де заключать от того, что тела кусками плавают в текучих материях поверху, как то: дерево, бумага, грецкая губка на воде, а все металлы, кроме золота, плавают на ртути, чтоб и частицы, составляющие те тела, были по образу легче от частиц, составляющих текучие материи; это-де может быть оттого, что внутренности их наполнены пустыми скважинками, потому что-де дерево, бумага и губка, напоенные водою, оседают на дно, равно как и все металлы, наполненные ртутью, оседают в ней на дно; а из того заключает, что таких тел частицы, когда не все, то по крайней мере большая часть их тяжеле по образу от частиц тех текучих материй, в которых они наконец погружаются; и оканчивает свое заключение тем, что и слиток, сделанный из ртути и олова, по его опыту, всегда тонет во ртути.

К[АЛАН] 427. Что вы упомянули о липкости воды, то нет ли подобного тому свойства и в твердых телах?

И[БРАГИМ] 428. Гамбергер говорит, что и твердые тела имеют в себе вязкость (*cohaesio*) и тем больше, чем они тяжеле по образу, а наипаче металлы при расплавлении их, по с тем примечанием, что расплавленные металлы к погружаемым в них таким металлам, которые от них тяжеле по образу, пристают больше, нежели к таким, которые от них легче по образу, а к другим, неметаллическим, телам, исключая алмаз и стекло, не пристают.

Там же Гамбергер предлагает опыты философа Мушенброка, который сделал два пустые цилиндра из желтой меди, у которых толщина стенок была в $\frac{4}{16}$ рейнландского дюйма, а диаметр основания в $1\frac{11}{12}$ дюйма, и плоское основание у каждого из них выглажено было только не до глянца, или сияния; и когда он между основаниями согретых тех цилиндров положил клею из животных и по охлаждению повесил их за кольцо на крючке, то нашел, что один цилиндр пристал к другому от того клею силою несколько побольше, нежели в 90 фунтов, от канифоли в 805, а от смолы более 1 400 фунтов, а сколько точно — неизвестно-де, потому что медное кольцо и железный крючок, на которых они повешены были, переломились; а ежели взять маленькие свинцовые цилиндры, у которых диаметр основания в 6 или 8 линий, а высота в 8 или 12, и ободрать их основания маленькою пилкою, потом, приложив основание одного к другому, начать прижимать их, сильно поворачивая между тем около их осей, то те цилиндры и без всякой в промежутке их материи так пристанут один к другому, что надобно разорвать их силою в 18 фунтов.

К[АЛАН] 429. Скажите мне, не производят ли еще тела каких действий при сдвоении и с другими вещьми.

И[БРАГИМ] 430. Они производят действия и перемены свои при сдвоении еще со стужею, теплотою, сухостию и сыростию воздуха, как, например: губка, овечья шерсть, хлопчатая бумага от влажности увеличиваются по всем трем геометрическим измерениям против того, как они сухи были; веревки от влажности воздуха становятся толще и короче, да и дерево по широте и толстоте увеличивается, а из этого основания выдуманы гигрометры. Еще тосканцы³⁰ приметили, что и металлические сосуды раздаются от тяжелых жидких материй, что философы находят и в стеклянных сосудах.

К[АЛАН] 431. Как в этой материи дело шло о тяжести тел в воде, то философы для того предлагают ее в гидростатике: так не отложить ли ее к материи о воде?

И[БРАГИМ] 432. Никак: поэтому бы следовало и об ускоренном движении опускаемых вниз тел и о криволинейном движении по горизонтальному и косому

направлениям бросаемых тел и прочая предлагать в аэрометрии, потому что там тела движутся в воздухе, подобно как и здесь опускаются в воду; но как мы при таком опускании тел в воду делаем сдвоение или комбинацию их с водою, подобно как в химии — с огнем, и главнейше рассуждаем не о воде, а о тяжести земных тел, так потому и принадлежит эта материя до земли и ее произведений, а не до гидростатики.

К[АЛАН] 433. Поэтому вы отшибаете весь штат у гидростатики, так что ей не с чем будет казать и параду между науками.

И[БРАГИМ] 434. А у нее остается еще равновесие воды самой с собою и с разным из растений маслом, а ежели ей с таким малым числом легких опытов, затрудненных в ученых книгах без нужды доказательствами и алгебраическими выкладками, казаться между науками будет стыдно, то она может, подобно как статика у механики, так у гидравлики или у воды прожить в соседях.

К[АЛАН] 435. Да к какой же науке принадлежит эта материя?

И[БРАГИМ] 436. Она принадлежит к механике; всякая тяжесть в телах составляет предмет механики, а не другой какой-либо науки.

К[АЛАН] 437. Сколько я ни рылся в книгах, однако не нашел точной причины, почем все тела на земле падают к центру ее: по привлечению ли от земли? или по собственному своему к ней стремлению? Не знаете ли вы, то скажите и мне, пожалуйста.

И[БРАГИМ] 438. Признаться я должен, что не знаю точной тому причины.

К[АЛАН] 439. Как это! вы признаетесь, что не знаете того, чего знать не можете, и что ученые люди толкуют не по прямому образу знатоков; ведь вы это поступаете не по-философски, вы нарушаете древний их обычай; бога ради не проговоритесь вы в том кому другому, а я этого никому не открою. Итак, скажите мне хотя то, как думают о том философы.

И[БРАГИМ] 440. Ох, это весьма трудная и от древних времен между самыми знатными философами спорная материя; и ежели об ней рассуждать хорошо, то надобно

было рассуждать за десять лет ранее, а не теперь, как тела наши требуют от труда больше отдохновения, а от болезней, которые их разрушают постепенно, — больше помочи.

К[АЛАН] 441. Что делать! Однакож когда мы рассуждаем об особенных и частных свойствах многих тел, то уж промолчать об этом общем их свойстве дурно; и когда мы сами того не знаем, то по крайней мере мнения о том других людей предложить здесь должны.

И[БРАГИМ] 442. Ну, мы в этой материи можем наколобродить довольно, а всему тому причиною будет излишнее любопытство ваше к исследованию этого таинства природы, которое, может быть, она скроет от нас навсегда и вечно.

К[АЛАН] 443. Вы по истории знаете, что славный в древности философ Пифагор думал, будто бы между разными животными есть преселение душ (*metempsychosis*). Вот видите, какое это здорное мнение; но тот же самый Пифагор изобрел в математике то правило, что в прямоугольном треугольнике квадрат из гипотенузы равен двум квадратам из катетов; известно, что это правило весьма важно: без него ни вышняя математика, ни интегральная выкладка и шага ступить не могут; а поэтому в науках ежели не держаться нашей индийской пословицы, что попытка не шутка, а спрос не беда, то едва ли ожидать можно какого-либо приращения в науках. Итак, начинайте предлагать мнения философов о причине тяжести тел, станем их разбирать помаленьку; ведь это не святотатство.

И[БРАГИМ] 444. Когда вам так сильно захотелось, то и станем. Г. автор писем к немецкой принцессе ³¹ о разных физических и философических материях (*Lettres à une princesse d'Allemagne sur divers sujets de physique et de philosophie*) пишет о тяжести тел пространно и, сколько мне известно, пространнее других. Во-первых, предлагает он об этой материи вопрос весьма ясный такого содержания: причина тяжести тел в самих ли их находится или вне их, то-есть не от другой ли какой вещи зависит; притом он рассуждает, что антиподы наши стоят на земли по направлению, противоположному в рассуждении нашего

к ним направления, и воображает сделанную от одной поверхности земли чрез центр ее до другой поверхности дыру, и что-де идущий по той дыре человек до центра земли нисходит, а идущий от центра земли до поверхности ее у наших антиподов действительно восходит, а при таком-де случае уже бы слова «низ» и «верх», употребляемые нами, означение свое переменили; а затем уже он говорит, что эти рассуждения доводят его утверждать о тяжести тел такое мнение, что тяжесть есть сила, которою все тела понуждаются или толкаются к центру земли.

К[АЛАН] 445. Что натура или свет не имеет ни верху, ни низу и что мы эти слова употребляем по мелкости нашей ограниченной сферы, то я признаю, не обинуясь; а что касается до того, будто бы тела толкаются или понуждаются к центру земли, то это мнение встречается мне таково, что я великую нахожу трудность, чтоб на него согласиться. Только смотрите, бога ради, все ли вы, побудившие господина автора к такому заключению, коренные, то-есть такие рассуждения, которые служат основанием, тут рассказали.

И[БРАГИМ] 446. Вы знаете, какое я к тому автору почтение имею для великих его достоинств и заслуг пред ученым светом, а по тому рассуждению, а наипаче в таком трудном и спорном деле, крепко остерегаюсь, чтоб не употребить больше сокращения, как только в рассуждении пространства в описании, а что касается до коренных рассуждений, бывших до этого места, то я в предложении их старался не пропустить ни одного, да и в продолжении впрямь этой материи всеми силами стараться буду уберечься от такой погрешности, как то можно вам или кто другой пожелает поверить сокращение мое тех рассуждений с подлинным авторовым сочинением.

К[АЛАН] 447. Я и сам читал то сочинение, но, может быть, кое-что и позабыл; итак, продолжайте материю.

И[БРАГИМ] 448. Затем г. автор рассуждает, что тела под экватором несколько меньшую имеют тяжесть, нежели на местах, ближайших к полюсам, потому что-де они там меньшую падают скоростию, нежели на местах, отдаленных от экватора; а там уж он говорит, что ежели б какое тело могло дойти сквозь воображенную прежде дыру до

самого центра земли, то бы-де оно там потеряло всю свою тяжесть; а из того-де следует, что тела, чем ближе подходят к центру земли, тем больше теряют от своей тяжести; и из того он выводит, что тяжесть тел не так необходимо с натурою их связана. Между тем он говорит, что ежели б какое тело тяжестию при поверхности земли в 3 600 фунтов можно было донести до самой луны, то бы-де оно там не имело более тяжести, как сколько на земли весит один фунт; а полагая, по его же мнению, расстояние от земли до луны в 30 земных диаметров, радиус земной — в 860 немецких миль и делая посылку тяжести в обращенном содержании против посылки квадрата из радиуса земли к квадрату расстояния от земли до луны, так то и выходит, и там он опять заключает, что тяжесть тел действует в них наиболее около поверхности земли и что-де она умалется, когда какое тело удаляется от поверхности земли, как проникая внутрь к центру земли, так-де и восходя вверх от поверхности земли.

К[АЛАН] 449. Заключение г. автора, будто бы тела, чем больше проникают по воображенной дуре во внутренность земли к центру ее, тем больше терять должны от своей тяжести и будто бы-де в самом центре земли должны они потерять всю свою тяжесть, кажется мне не довольно надежным, потому что оно не подкреплено, да и не может быть подкреплено никаким опытом; он говорит, будто бы тяжесть тел наиболее действует около поверхности земли, так, поверхность земли, что под экватором, то и под полюсами в рассуждении тяжести тел все одна поверхность, и какая б тут могла быть причина, что одно и то же тело под экватором легче, а к полюсам приближаясь постепенно становится тяжеле (как то и сам он признает эти опыты), буде не та, что под экватором радиус земли самый большой, а смотря по отдалению от экватора к полюсам и радиус земной становится поменьше, по собственному его признанию большинства, в диаметре земли под экватором против диаметра или оси ее между полюсами, а с другой стороны, г. де ла Кайль полагает, что тяжесть тел за расстоянием от поверхности земли на 1 000 или 1 200 тоазов умалется уже в обращенном содержании квадратов из расстояний от центра земли, и на основании

этого опыта г. автор определяет тяжесть тела, воображением перенесенного от земли к луне, так эти два опыта удерживают меня от согласия на его мнение.

И[БРАГИМ] 450. Далее автор рассуждает, что всякое тело, подвышенное до луны, должно быть там легче в 3 600 раз, или должно иметь там только $\frac{1}{3600}$ долю тяжести против тяжести его на земле; итак-де, луна иметь должна тяжесть или тяготение (*gravitatio*) к земле по той мере, а от падения к земле удерживается весьма скорым и сильным своим движением, потом в пример тому приводит, что горизонтальный выстрел ядра из пушки достаёт очень далеко, и ежели б-де выстрелить ядро на высокой горе, то оно бы-де перебежало много миль, пока бы упало на землю; итак-де, ежели подвысить ещё более пушку и увеличить заряд, то ядро полетит тогда гораздо далее, и это-де дело произвестъ можно до того, что ядро упадет у наших антиподов ³², а продолжая то ещё далее, могло бы-де случиться, что ядро и вовсе бы не упало на землю, а повернулось бы к месту своего выстрела, и оттоль, вновь поворачиваясь около света, составило бы маленькую луну, которая бы обращения свои делала около земли подобно истинной луне.

К[АЛАН] 451. Не вздумайте вы говорить об этом примере артиллеристам, они тотчас скажут: как это! что касается до длины выстрелов, то опыты нам доказывают, что картаунная пушка ³³ зарядом вполы против ядра стреляет горизонтально на 500 шагов, а на самой большой элевации, или подвышении, то-есть в 45 градусов — на 6 000 шагов; большая шланга ³⁴ стреляет горизонтально на 600 шагов, а на элевации в 45 градусов — на 7140 шагов; а что принадлежит до самой большой высоты гор и самого большого заряду, то оба эти случая довольно заменить может множественное количество пороха, находящегося в пороховых каменных погребах, но из бывающих несчастливых случаев, когда загорится порох и разломает погреб, ни один нам не показал того, чтоб какой отломок сделался маленькою луною.

И[БРАГИМ] 452. Затем г. автор говорит, что-де криволинейное движение луны зависит от ее тяжести, которая в 3 600 раз меньше от той ее тяжести, ежели бы она была

при земле, и что-де ежели положить такую луны к земле тяжесть, то такую-де силою она тянет к себе землю, и по основаниям-де математическим можно определить то движение, которому луна следовать должна, и что такое движение точно сходствует с истинным движением луны; далее он пишет, что великий философ аглинский г. Нейтон произвел то важное откровение, что, как луна тяготение имеет к земле, так земля и прочие планеты тяготение имеют к солнцу; нашел силы, которыми движутся все планеты, и чрез то в состоянии был учинить верное описание их движению; опять он рассуждает, что та привлекательная сила вовсе невидима, мы-де не видим, чтобы что действовало на тела и понуждало их к центру земли, а тем паче к телам небесным, мы-де примечаем явление (phénomène), почти подобное в магните, к которому железо и сталь понуждаются или толкаются, хотя-де мы теперь и уверены, что это делается от некоторой весьма тонкой материи, однакож-де можно сказать, что магнит тянет к себе железо, потому что-де это не делает никакой перемены в действии, следовательно-де, не следует больше сомневаться, чтоб планеты Юпитер и Сатурн не были взаимобразно тянуты от своих спутников (satelles) и чтоб-де и самое солнце не подвержено было привлечению от планет, хотя-де та сила весьма мала, и оттого-де произошло нейтоново основание (système) всеобщего тяготения, по которому правильно утверждают, что не только солнце тянет к себе планеты, но и взаимобразно каждая планета тянет к себе солнце, также и планеты тянут себя взаимобразно, и от такого-де взаимного между солнцем и планетами также и планет между собою притяжения должны следовать в движении планет некоторые малые расстройки, которые-де и самым опытом оправданы; также-де и кометы имеют привлекательную силу в рассуждении солнца и планет, которые их взаимобразно к себе тянут, и от такого всеобщего и взаимного притяжения солнца, планет и комет в случае сближения которых-либо из них между собою подвержены кометы и планеты, следовательно и земля, некоторым малым расстройкам в своем движении; наконец, он говорит, что и неподвижные звезды должны также иметь привлекательную силу, но действия той силы

чувствовать не можно, по причине ужасно великого их расстояния; итак-де, это дело доказано из самых сильных оснований, что тела небесные по всеобщему их тяготению понуждаются или тянутся одни к другим и что-де эта сила тем больше, чем ближе тела между собою, но спор-де идет о том, как называть эту силу: понуждением ли или привлечением? Хотя-де это разное название ничего не перемениет в действии, но ежели-де желательно проникнуть в таинство натуры, то надобно знать, понуждаются ли те тела одни к другим от какой-либо тонкой и невидимой материи, или имеют они какое ни есть скрытное качество, по которому они взаимно себя привлекают. Философы-де весьма в том несогласны; и те, которые защищают понуждение, называются понудители (*impulsionnaires*), а которые привлеканье — привлекатели (*attractionistes*). Г. Нейтон весьма-де склонен был к привлечению, и теперь-де все агличане — очень ревнительные привлекатели: они-де не спорят против того, что нет ни веревок, ни машин, которые бы земля на привлечение к себе тел, а солнце на привлечение к себе земли употребляли; и ежели б-де случилось видеть, чтоб телега следовала за лошадьми, не будучи запряжена ни веревками, ни же другим чем-либо к ним прицеплено, то бы-де не сказали, что лошади тянут телегу, а скорее бы-де подумали, что телегу понуждает какая-либо сила, хотя она и невидима, ежели б-де это не была игрушка какой-либо волшебницы. Однако-де господа агличане не покидают своего мнения, а когда-де им говорят вопреки, что ежели два тела положены будут на столе, то станут ли они взаимообразно привлекать себя, на то они отвечают, что нет-де, потому что в таком случае сила будет весьма мала, ибо-де когда весь состав земли не производит во всяком теле более силы, как только его тяжесть или вес, то уж какое-либо тело, которое-де много миллионов раз меньше, нежели вся земля, произведет также и действие во столько раз меньше, и так-де с этой стороны ничего не можно выторговать против привлекателей; они ж-де приводят в подпору свою опыт, учиненный в Америке парижскими академиками, будто бы там примечено подле одной весьма высокой и великой горы действие некоторого малого привлечения,

что-де та гора привлекала к себе близнаходящиеся тела.

К[АЛАН] 453. Здесь, как видно, г. автор подводит под один закон как небесные, так и земные даже и самые малые тела. О небесных телах рассуждать я бессилен, а стану говорить о земных. Итак, что он объявляет о магните, будто бы истекающая из него весьма тонкая материя, которую полагает он тоне самого эфира, понуждает, а не привлекает к магниту железо, то 1. Сам он при рассуждении о разных чудных действиях магнита говорит, что многое-де к тому надобно, чтоб я-де вздумал совершенно истолковать явления (*phénomènes*) магнитной силы, я-де в ней нахожу трудности такие, каких не видел в явлениях электрической силы; и когда он рассуждает о взаимном сближении одного магнита к другому, то тут уже говорит, что те магниты тонкою своею материею не понуждают, а привлекают к себе друг друга; итак, будет ли это убедительно, что он здесь посылается на пример действий магнита, как бы на какое совершенно доказанное дело, от чего он и сам отрекается? 2. Г. Гамбергер в рассуждении своем о пристрастии (*partialitas*) намагниченной стрелки в таком случае, когда она потрется каким-нибудь полюсом магнита от одного острого или тупого конца только до центра, а не далее и до другого конца ее, говорит, что магнит имеет у себя против прочих тел то особенное, что явления его открываются почти только случаями, и как причины им и поныне никто не знает, то-де умствованием (*a priori*) или никакого или весьма мало в том успеху получить можно. 3. Г. Миллер согласно с этою речью говорит, что склонение (*inclinaison*) намагниченной стрелки, может быть, никогда бы не было открыто, ежели б железная стрелка не была потерта магнитом и чрез мореплавание от севера к полудню и от полудня к северу переносима; и там же он объявляет, что ежели приложить к магниту стальную иголку, то она как бы повесится на нем от привлекательной его силы, а ежели к другому концу той иголки приложить другую, там третью и четвертую, сколько угодно, то все-де они одна за другую повиснут, и эта-де цепь из иголок явно делается в таком от магнита расстоянии, насколько, впрочем, сфера деятельности магнитной

(*sphaera activitatis*), чтоб он мог притянуть к себе какое железо, обыкновенно не простирается; также г. Миллер говорит, что ежели взять два магнита и приложить их каждого обоими полюсами к железным опилкам, то представшие к ним опилки стоять будут прямо, потом приблизит те магниты одноименными, то-есть не дружными, полюсами одного к другому, то-де опилки на каждом магните, прежде прямо стоявшие, начнут наклоняться к своему магниту, а от другого как бы отворачиваются; напротив того, ежели приблизить один магнит к другому разноименными, то-есть дружными, полюсами, то-де опилки у каждого как бы привлекают себя взаимно и как бы стремятся во взаимные объятия; итак, вы видеть можете, что не упрямство какое или самоумствование (*entêtement*), а эти основательные причины удерживают меня при том простом мнении, что магнитная сила привлекает, а не понуждает к нему железо. Что касается до подведенного чудного примера телеги, следующей за лошадьми без припряжки к ним, то уж подлинно почел бы я такой случай понуждения или толканья, сходного по направлению со следом лошадей, за действие чародейническое, потому что простой силе уноровить такое толканье или понуждение очень трудно, и всегда она в понуждении своем ошибаться будет против направления лошадей; напротив того, по положению привлекательной силы такое направление уноровить можно, как то припрягиваемые к лошадям те же телеги ясно то показывают. А что принадлежит до написанного опыта парижских академиков о привлекательной силе некоторой американской горы, то он, мне кажется, подведен для насмешки над привлекательною сектою, и будто бы та секта не могла найти примера о привлекательной силе из другого места, как то из химии; например, когда разрешится золото в крепкой водке из морской соли и купоросного масла, то происходит от того желтая жидкость, и хотя золото восемнадцать раз тяжеле от крепкой водки, однако частицы его не оседают на дно, а остаются соединены с частицами крепкой водки, так какую этому происшествию приписать причину, как не силу взаимного притяжения частиц разных тех материй по известному самих же философов

правилу, что ничто не делается без довольной причины, да кроме этого находятся еще и другие многие привлекательной силе примеры, как то в физической материи о связи тел (*cohaesio*).

И[БРАГИМ] 454. Опять продолжает г. автор, что по основанию привлечения или тяготения всеобщего и взаимобразного между небесными телами надобно примечать три обстоятельства, то-есть: 1) привлекающее тело, 2) привлекаемое тело, 3) расстояния между телами; и как он тут полагает тела не по величине их, а по количеству составляющей их материи, то-есть по тяжести, то и говорит, что силы привлекающих себя взаимно тел состоят в содержании, сложном из содержаний прямых составов привлекающих себя взаимно тел, и обращенных из расстояний их между собою, и как-де неподвижные звезды по чрезвычайно великому расстоянию от земли весьма мало производят привлекательной силы на землю, то по той-де причине они не переменяют ничего в движении земли и планет; а солнце, будучи несравненно ближе к ним от неподвижных звезд, главнейше управляет движением земли и планет, потому что-де состав солнца во много тысяч раз превосходит состав каждой планеты; далее рассуждает он, как по известному содержанию сил, привлекающих небесные тела одно к другому, астрономы означают место каждого небесного тела, где оно в небе быть должно в настоящее, в прошедшее и в будущее время, будучи видимо зрителем с земли или с другого какого небесного тела, и как-де в рассуждении разных сил, привлекающих небесные тела, происходят в движении их некоторые маленькие неправильности или усторонения (*aberrationes*) с окружного пути (*orbita*), то-де астрономы и механики согласно трудятся, чтоб хорошо узнать те неправильности, и об этой-де материи французская Академия наук ежегодно предлагает вопросы с определением немалого награждения тому, кто решит лучше; затем он говорит, что привлекательная сила небесных тел простирается не только к земле, но и ко всем ее частям, и, полагая, например, камень, рассуждает, что сила, которою тот камень привлекается к земле, должна быть несравненно больше, нежели силы, которые привлекают его к солнцу, планетам и луне, по

причине великого их расстояния, и такой-де камень, будучи отдален от центра земли на расстояние радиуса земного, 60 раз далее находится от луны, нежели от центра земли; итак-де, ежели б луна была так велика, как земля, то бы-де привлечение к ней камня было в 3 600 раз меньше, нежели к земле, или как 60, помноженные на 60; а как тело луны почти в 70 раз меньше, нежели тело земли, а потому-де привлекательная к ней сила камня еще в 70 раз будет меньше, нежели к земле, то-есть в 252 000 раз; потом, продолжает он, хотя-де солнце во много тысяч раз больше, нежели земля, однакож-де оно и отдалено от нас около 2 400 раз более, нежели центр земли; итак-де, сила привлекательная камня к солнцу весьма мала, и потому-де тяжесть земных тел от привлекательных сил небесных тел не может чувствительно переменяться; впрочем, далее говорит: как бы-де мало ни было то привлечение, но прилив-де и отлив морской от него зависит; и продолжает затем обстоятельно доказывать, как тот прилив и отлив делается привлекательною от луны, а иногда совокупно и от солнца силою.

К[АЛАН] 455. Мне весьма удивительно кажется то, что автор доказывает тут происхождение прилива и отлива морского от привлекательной в луне и солнце силы, когда он сам прежде утверждал, будто бы тяготение тел небесных, также и земных тел тяжесть происходит от понудительной силы эфира.

И[БРАГИМ] 456. Потом г. автор говорит, что ежели-де положить два тела, которые себя взаимно привлекают, то надобно-де знать причину такой их взаимной склонности; аглинские-де философы утверждают, что это существенное свойство всех тел, чтоб привлекать себя взаимно-образно; а другие-де философы это мнение почитают за здорное и противное основаниям благорассудной философии и говорят, что эта сила действует снаружи на тела и что-де она находится в эфире, которым-де все пространства между небесными телами наполнены; и это-де последнее мнение нравится тем, которые любят основания ясные в философии. Затем он толкует о непроницаемости (*impré-
nétrabilité*) и неключимости (*inertie*) тел, то-есть несклонности их ни к движению, ни к спокойствию. Итак, я эти

материи минуя, а разве упомяну там, где она коснется до тяжести тел. Там далее рассуждает он о движении и спокойстве тел как совершенном, так и зависящем и говорит, что основания или законы движения утверждаются главнейше на состоянии совершенном тел, то-есть на спокойстве или движении их истинном или совершенном; и там он рассуждает, что для чего телу, находящемуся в спокойстве или в движении по одному направлению и одной скорости, не пребывать вечно в спокойстве или таком движении; выводит из тех рассуждений известное то философов основание или положение, что всякое тело, ежели оно будет один раз в спокойстве, то пребудет в том спокойстве вечно, ежели оно не приведется в движение от какой-либо наружной или посторонней силы, также что всякое тело, ежели оно будет один раз в движении, то соблюдет то движение вечно по одной линии направления и одною скоростью, ежели в том движении не помешает ему какая внешняя или посторонняя причина; и это основание почитает за первый и главнейший закон натуры, на котором основываться должна вся наука о движении.

К[АЛАН] 457. Я знаю то философское положение, что всякое тело должно пребывать в непрерывном состоянии своего спокойства или движения, ежели не переменит того посторонняя какая сила. Но что делать, что есть такая сила, которая переменяет состояние тел в движении небесных как по скорости, так и по направлению, а земных частью по скорости, а большею частью по скорости и направлению, так уже видима и некоторая разность в движении между небесными и земными телами. Итак, будет ли прилично небесные огромные тела подводить под один закон понуждения с мелкими земными камушками, они привязаны к земле, и потому, кажется, должно им следовать не какому другому, а привлечения ее закону, какая стать быть земным мелким и беспрестанно переменяющимся телам с небесными огромными телами; небесные тела по понуждению вечной небесной силы движутся вечно не равною скоростью и не по одинакому направлению, а беспрестанно их переменяют; напротив того, пущенный сверху к земле или брошенный снизу вверх перпендикулярно

человеческою силою камушек движется по одному направлению, но не одною скоростью, а беспрестанно ее перемещает, а брошенный по другому от перпендикулярного направления перемещает как скорость, так и направление.

И[БРАГИМ] 458. Далее он рассуждает, что как ни крепко утверждена истина того основания, что всякое тело, приведенное в движение, продолжать его будет одною скоростью и по одному направлению, ежели не помешает ему в том какая посторонняя причина, однако-де противоречат ей некоторые философы, которые не показали никогда великих успехов в знании движения, когда-де между тем другие философы, которым мы обязаны за все великие откровения, кои учинены в этой науке, единогласно говорят, что все их исследования утверждаются единственно на этом основании.

К[АЛАН] 459. Да что вы смеетесь? Ведь эта речь для нас не понизительна, ведь мы и сами о себе говорим то, что высоких наук не знаем, а сверх того я еще признаю и то, что и основание их о непреходящем состоянии спокойствия или движения тел верно, да только разве в другом каком свете; а что касается до нашего планетного света, то он ему всегда и везде противоречит, как в совершенном спокойствии тел, которого у нас на свете нету, так и в движении по одинаковому направлению и одинаковой скорости совокупно, которого также здесь на свете нету, так не сходнее ль бы им было то их правило назвать положением к исследованию тех линий, по которым движутся тела, а не основанием, потому что основанием к движению небесных тел служат разные и разнодействующие на них силы.

И[БРАГИМ] 460. Наконец он пишет, что славные Волфиевой секты философы подводят против основания того о непреходящем состоянии спокойствия или движения тел другое основание, прямо ему противное, что-де всякое тело по собственной своей натуре делает беспрестанное усилие, чтоб переменить свое состояние, то-есть когда оно в спокойствии, то силится двигаться, а когда в движении, то силится перемещать беспрестанно скорость и направление. При опровержении этого мнения автор говорит,

что это-де весьма смешно, когда кто спрашивает: кто произвел движение во всяком теле в начале света? И так-де, те, которые делают этот вопрос, признают начало и сотворение, и они-де воображают себе, что бог сотворил все тела в спокойстве; и так-де, им можно отвечать, что тот, кто мог сотворить тела, мог также подать им и движение, и я-де (говорит г. автор) с моей стороны лучше спрошу у них: разве они думают, что легче сотворить тело в спокойстве, нежели сотворить его в движении, хотя и то и другое требует всемогущества божия; далее говорит он, что непроницаемость тел заключает в себе истинное начало сил, которые переменяют беспрестанно состояние тел на сем свете; напоследок, между прочим, он заключает, что когда-де я пушу из руки камень и он упадет на землю, то причина этого падения его есть посторонняя от него; и так-де, тяжесть тел есть не внутреннее их свойство.

К[АЛАН] 461. Так вот что думают о тяжести тел толкательные философы; они, видно, хотят ее вытолкнуть из числа свойств, принадлежащих телам, а секта г. Волфа — неужли она особая какая секта? Мне кажется, что не будет ли она согласна с привлекательною сектою.

И[БРАГИМ] 462. Никак г. Гамбергер, который, чай-тельно, Волфиевой секты, потому что он почитает тяжесть тел за врожденную в них силу (*vis insita*), а притом наступает на привлекательною секту сильными метафи[зи]ческими доводами такими: привлекательная в теле сила как существо сотворенное, а потому-де со всех сторон ограниченное, или вся находится в теле и вместе с поверхностью его кончается, или находится также и вне тела; и так-де, ежели сказать первое, то привлекательная сила, когда действует в отдаленных между собою телах, то-де действует она на том месте, где ее нету; и так-де, действие в расстоянии будет действие, которое происходит от силы, на месте действия не присутствующей, а как сила есть самая ближайшая причина действия, следовательно-де, действие тел в расстоянии есть действие, которого самая ближайшая причина не есть ему самая ближайшая, то есть это противоречие; а ежели-де утвердить второе, то сила та будет или случайность (*accidens*), или сущность (*substantia*), ежели привлекательная сила,

находящаяся вне тела, будет случайность, и как она вне тела, то будет вне своей вещи, или материи (subiectum), а как-де никакая случайность быть не может там, где нет ее материи, следовательно-де, привлекательная сила, ежели она случайность, будет на том месте, где ей быть не можно, а ежели-де привлекательная сила, находящаяся вне тела, есть существенность, то будет-де или часть того тела, около которого она находится, или особая от него существенность; ежели-де будет она часть тела, хотя нам не чувствительная, то может быть она текучая материя, или атмосфера, окружающая тело. Итак-де, видимые тела, которые кажутся, что не касаются одно к другому, в самом деле, однакож, касаются в своих атмосферах, а потому-де действие тел в расстоянии только-де таким кажется, а ежели-де привлекательная сила, находящаяся вне тела, будет особливая от того тела существенность, то будет опять или тело, или существенность какая-либо бестелесная; но существенность бестелесная быть не может, потому что-де имеет телесные принадлежности (attributa), как то занимает пространство и имеет движущую силу. Итак-де, самая эта существенность есть тело, а когда тело, то взаимное привлечение, повидимому, отдаленных тел есть действие не в расстоянии, а в прикосновении.

К[АЛАН] 463. Да, я приметил, что некоторые господа философы не находят нигде там истины, где нет сходства с метафи[зи]ческими их основаниями, но такое их мнение не будет ли несколько спесиво и посягательно против прав природы? Правда, в метафизике, риторике и поэзии, как в выдуманных от людей науках, могут они ворочать, как хотят, а что касается до физических, то-есть натуральных, наук или до природы, то тут метафизике хозяйничать кажется не к стати, она у природы гостить может в случаях надобности, философы выводят свои генеральные правила, или заключения из генеральности, или общественности, вещей, или случаев на свете, но хотел бы я знать, кому бы из философов совершенная генеральность всех вещей или случаев на свете могла быть известна, кроме одного небесного генерала, а философы по мелкой своей человеческой и тленной сфере принуждены довольствоваться для генеральности большинством случаев; например, генеральное

правило будет, что из всех животных, движущихся по земли, скорее движутся те, которые имеют у себя ноги, против тех, которые их не имеют, например, собака, лошадь, волк, имея ноги, скорее ходят по земли, нежели змея или червь без ног, но посмотрите, как натура уничтожает силу и генеральность философического правила: она уполномочила змею без ног скорее ползти по земли, нежели черепаху с ногами; также генеральное правило будет, что из всех животных, которые имеют ноги, могут наилучше ходить по неспособным к хождению местам, как то по кровлям домов, плетням и прочая, те, которые имеют у своих ног когти, против тех, которые их не имеют, как то: кошки, медведи, птицы, насекомые лучше ходить могут по таким неспособным местам, нежели свиньи, овцы, волю; но взгляните в окошко, вон как коза по воле природы с неуклюжими своими копытами ходит по кровле избы, вот как она соскочила и на плетень, вот как собака рвется к ней; но на плетень вскочить боится, потому что, хотя и имеет когти, однако не надеется на них, наверно полетит чурбаном наземь; а коза, посмотрите, как спокойно ходит по плетению и спокойно смеется над бессильными ее порывами, да и над философическими вашими заключениями. Однако со всем тем правда, что доводы г. Гамбергера против привлекательной секты весьма сильны, так что я, несмотря на богатство, честь и красоту этой секты, привлекающих меня и в далеком расстоянии (но то, может быть, помощью какой-либо посредствующей атмосферы), отстал бы от нее и прилепился бы к сильной его секте, да только жаль, что он в подкрепление своей секты не подвел ни одного опыта, ниже наблюдения из природы так сильного и убедительного, каково его умствование против привлекательной секты.

И[БРАГИМ] 464. Вот вы теперь видите, каково легко познать истинную тяжести в телах причину.

К[АЛАН] 465. Да, я вижу, что вышла и третья, а притом сильная секта, вот до какого смятения дошла ученая республика! что разделилась на три партии. Как вы думаете, к которой бы нам пристать партии?

И[БРАГИМ] 466. Я и сам не знаю в таком замешательстве, какую принять партию.

К[АЛАН] 467. Как это? Разве вы не знаете республиканских законов, которые такое беспристрастие к общей пользе ценят уголовным преступлением. Нет, я боюсь! и хорошо ль, или худо будет мое решение, однако я по тому поступить намерен: я себе воображаю, что понудительная, или толкательная, партия сердца; с нею трудно как с лихорадкою ужиться, сильная партия страшна, неровно не угодишь в чем, прибьет до смерти, а привлекательная партия прелестна, я к ней пристану, я к прелести лаком, хотя она за лакомство нередко и школит; однако ж я постараюсь как-нибудь с нею сладить. Говорите поскорее, не хотите ль и вы пристать к этой партии.

И[БРАГИМ] 468. Да что мне вам сказать в таком разногласии философов: г. Гамбергер говорит, что ничего теперь в физике за известное почитать не должно, кроме того, что или здравый ум выведет из верных и несомненных оснований, а притом утвердит то и опыт, или что из верных оснований известно и по крайней мере не имеет никакого себе противного опыта, или что из верного опыта познается, или что из опыта выводится исправно по логическим правилам, посмотрите и подумайте, которая из этих разногласных сект побольше других доветворит этому требованию.

К[АЛАН] 469. Вот еще — подумайте! нет времени думать о людском умничаньи, неужли тут не видишь, что они по своей гордости ищут не только нас, но даже и самую натуру подвергнуть своему закону. Итак, кинь думать: беда будет, как узнают про нашу нерешимость. Надобно нам скорее стараться или согласить их, а буде то не можно, то по крайней мере тотчас пристать к той партии, которая нам по прежним нашим мыслям казалась справедливее прочих, да, то мое горе с тобою, что ты негибок: куда тебя ни ворочай, то все не сладишь. Тут надобно волчий рот и лисий хвост.

И[БРАГИМ] 470. Да! ты гибок, хоть в сук согнись; то что тут сделаешь.

К[АЛАН] 471. О, когда дело до меня дошло, то я как-нибудь слажу, как мы всегда наибольше преклонны были к привлекательной партии, то я вздумал патриотический проект, как бы подкрепить эту слабую, но милую

партию; наша привлекательная партия вздумала, кажется, неправо положить, будто бы находящиеся между огромными небесными телами пространства пусты. Ведь же солнечные лучи наполняют те пространства, как то из наблюдений видно, что Сатурн, по Вгистонову мнению, будучи в расстоянии от солнца на 195 841 земных радиусов, да и там лучами его освещается, но и то правда, что она имела в том нужду, для того что при положении тех пространств наполненными от текучей материи, иной бы сказал подобно Сципионову грезе, что в таком случае планеты, как не-сказанно огромные тела, весьма скорым своим оборачиванием и сильным трением об ту материю должны делать ужасно громкое скрипенье и иметь в ходу своем помеху, но со всем тем помеха такая, по свидетельству и самой толкательной партии, не приметна; и как привлекательная партия в этом мнении о пустоте тех пространств стоит крепко, то я дам такой рей³⁵: я ей постараюсь присоветовать, чтоб она в собрании республики хотя то только признала, что небесные пространства между огромными сего света телами не пусты, а наполнены лучами, а что солнечные лучи суть также тела, то я уверить их в том откладываю на другое, свободное время; я им под веселый над пуншевою чашею случай присоветую каждому попробовать поддержать палец свой в пламени зажженной свечи, то они у меня, хотя и с болью, однако почувствуют, что луч света есть тело, как то там, где ничего нету, то и чувствовать ничего не можно; такое признание приласкает нам как сильную партию, так и понудительную, а наипаче понудительную: они обе не признают пустоты на свете, им в том великая нужда, а наипаче толкательной партии, она без эфиру и ступить не может, тут понудительная партия, почитая, что мы с нею согласны, пристанет к нам против сильной, и тогда мы, вдвоем будучи, уже дюжее разинем против сильной партии волчий рот и скажем: как тому стать, чтоб тела имели врожденную силу? Помните, как мы в малолетстве охотники были по деревьям лазить и выдирать птичьи гнезда; и нередко случилось нам от перелому ветвей падать на землю. Неужли тут кто подумает, что это делалось по нашей воле или силе? нет, больные от того опыты совершенно убеждают,

что есть какая-то другая, посторонняя от нас сила, которая тянет нас вниз, а не вверх, как бы мы хотели; и когда одушевленные наши тела не имеют такой силы, то как могут иметь ее камни и другие неодушевленные тела. Дай им только такую силу, чтоб действовать во все стороны, то они вздумают пойти вверх и поделаются все планетами, так за ними и света божия не увидишь. Такое мнение и Цицерон еще в древности называл безбожным, в этом согласно с нами и понудительная партия наступать будет на сильную, а я под тот случай искусно подведу в собрание республики и неключимость тел (*inertie*): Она хотя и воровка, но что делать! вся ученая республика покровительствует над нею. Она станет жаловаться, что такая сила тел затейна, как бы нарочно к истреблению ее и уничтожению. Тут несравненно превосходящее большинство голосов в республике наступит на сильную партию и отымет у нее всю власть и силу. Видите, как у меня все идет гладко и ладно, пока кто поглаже и посильнее меня не разладит этого ладу. Но вы! что вы тут молчите? Вы видите, что тут уж мы останемся в силе только две партии, а именно, понудительная и привлекательная, и обе равно сильные; а вы знаете, что два кота в одном мешке не поместятся, так не все на меня наваливать: тут ваша очередь говорить основательные рассуждения в подкрепление нашей привлекательной против усилий понудительной партии.

И[БРАГИМ] 472. Я таких ваших прожектов делать не умею, а когда вам таким щучьим помышлением удастся победить сильную секту, то тогда я представлю ученой республике разобрать мнения как понудительной, так [и] привлекательной секты по каким только придумать можно разным опытам или наблюдениям, и на которое мнение найдено будет их больше сходных в натуре, тому бы и следовать.

К[АЛАН] 473. Как же бы думали вы употребить на то опыты?

И[БРАГИМ] 474. Я думаю начать предлагать разные опыты понудительной силы, а там уж по большинству сходства или несходства опытов с приличными этой силе свойствами можно будет узнать, понудительная ли или

привлекательная сила сходнее с натурою вещей, а потому которой из них приличнее признать преимущество; но в этих опытах надобно примечание иметь как к понуждающим, так и к понуждаемым телам по трем обстоятельствам, то-есть: по твердости, или плотности, жидкости и протекаемости тел; и как понуждающая секта утверждает, что все тела на свете, как небесные, так и земные, когда эти последние свободно из рук пускать управляются в движении своем понуждательною или упругою силою эфира, то мы станем разбирать, как действуют тела, понуждаемые упругою силою.

К[АЛАН] 475. Так протолкуйте мне, что значит эфир, и положено ль ему какое-либо от философов определительное описание.

И[БРАГИМ] 476. Что касается до эфира, то древних философов мнение об нем описывает Цицерон, по окончании речи о земле, воде и воздухе, и при начатии ее об огне такими словами: «остается последняя и от жилищ наших самая высшая или отдаленнейшая, все окружающая и удерживающая твердь небеси, которая также называется эфиром, последний край и ограничение света, в котором, к превеликому удивлению, огненные виды течение свое ограничивают, из которых солнце, превосходящее много раз величиною землю, около ее обращается». А что принадлежит до новых философов, то они его почитают за текучую материя, подобную воздуху, но несравненно тоне и несравненно упружее от воздуха.

К[АЛАН] 477. Итак, продолжайте вашу материя.

И[БРАГИМ] 478. Флорентинская академия учинила опыт из поставленного дулом перпендикулярно кверху огнестрельного орудия несколькими ядер выстрелами, и за всяким разом ядро падало на землю подле орудия, что доказывает, что ядро в движении своем соблюло одинакое перпендикулярное направление; тоже приметить можно, ежели начать стрелять перпендикулярно вверх стрелу из лука или бросать ладонью перпендикулярно вверх мяч, что они в движении своем наблюдают одну перпендикулярную линию направления; ежели еще начать бросать толкательною силою вниз к земле тела перпендикулярно к ней, то они наблюдают в падении своем

одинакое перпендикулярное к центру земли направление, также и бросаемые тела по горизонтальному или по косому вверх или вниз от горизонта направлению попадают же в цель; итак, во всех этих опытах видно, что понуждательная сила постоянно наблюдает одинакое прямое направление, и это несколько служить может в подпору понуждательной секте. Но, с другой стороны, сказать можно, что тут бросает тела сила, хотя толкательная и упругая, но притом и плотная, то-есть хотя понудительная секта и признает в порохе сжатый воздух, да даже и самый в промежутках воздуха эфир, но уж он в порохе, а притом и пыжом так сжат, что при всей его упругости нельзя его не почтить хотя не за твердую, однакож за близко подходящую к твердой материи, а тетива у лука, также и ладонь от упругости мускулов хотя и упруги, однакож притом и плотны. И для того изберем мы для понуждательной силы ближе подходящую к эфиру материю, например протекаемую и притом жидкую воду, как то и сама понуждательная секта употребляет ее в примерах подобия с эфиром, когда доски да даже и весьма тяжелые от разорванных плотов бревна прибывает сильная река на берега свои по перпендикулярному или параллельному к ним положению? нет, она их намечет на берег пестройными кучами, вот этот случай уже не полезен для понуждательной секты, потому что тут примечается в понуждении воды некоторая неспособность к сообщению телам одинакого направления, и хотя в эфире по причине его большей тонкости и большей протекаемости заключать можно и о большей еще неспособности к сообщению при понуждении одинакого направления, однакож понуждательная секта все может противоречить, хотя вовсе не натурально и неправильно тем, что эфир гораздо разнится от воды, а наипаче по жидкости, которой он вовсе не имеет. И для того мы к понуждению употребим воздух, который и сама понудительная секта почитает также за текучий и упругий, как эфир, да только гораздо грубее и гораздо меньше упругим, и посмотрим, как он действует понуждательною силою. Так ветер или посильнее движимый воздух летающих в нем бумажных змеек никогда не посит по одному направлению, а мечет их в разные стороны; также

и лист с дерева в осени сорвав, мечет его в разные стороны, пока упадет на землю. Так вот уж выходит, что и воздух при понуждении тел не сообщает им одинакого направления. А почему так, как не по своей тонкости и протекаемости. Так что уж заключать следует об эфире, который гораздо большую от воздуха имеет тонкость и протекаемость.

К[АЛАН] 479. Вот слава богу, что нашли в эфире ту примету, что он неспособен кажется к тому, чтобы всегда и вообще сообщать понуждаемым от него телам одинакое направление. Так тут скажите мне, может ли противоположно привлекательная сила двигать тела всегда и вообще по одинаким направлениям?

И[БРАГИМ] 480. К чему об этом спрашивать, будто вы не знаете, что нет такого ни опыта, ни наблюдения на свете, где бы влекомое тело следовало по другому, а не по тому точно направлению, которое сообщает ему привлекающая сила.

К[АЛАН] 481. Так что далее?

И[БРАГИМ] 482. А далее станем мы разбирать, как действует эфир: по протяжению ли тел или по количеству их состава; и для того положим, что пущенные с высокой башни к земле пуховая подушечка и гораздо меньшее по протяжению, но притом гораздо большее от нее по количеству состава железное или свинцовое ядро, то ядро упадет скорее, нежели подушечка; также и в воде ядро железное скорее упадет на дно воды, нежели обмоченная прежде довольно водою штука холста. Итак, видно из этих опытов, что понуждательная сила эфира действует и не по пропорции величины протяжения тел; а и сама понудительная секта уподобляет эфир воздуху, так уже то всем известно, что воздух или ветер больше действует по протяжению тел, нежели по количеству их состава: иногда бурный ветер срывает ветхие кровли у домов для великого их пространства и легкости, а не слышно, чтоб где сорвал каменную трубу, потому что у них пространство мало, а тяжесть велика, а это уж доказывает, что действие эфира больше угадчивое, а не определительное.

К[АЛАН] 483. А за этим что будет?

И[БРАГИМ] 484. За этим станем мы рассуждать о действии эфира на тела по разности положения их между экватором и полюсами земли, также по разности отдаления

тел от поверхности земли. Тут показывают опыты, что одно и то же тело наилегче под экватором, а что далее к полюсам, то тяжеле, что одно и то же тело в близком расстоянии от земли потяжеле, а в далеком расстоянии несколько полегче. Из этих опытов первый показывает, что эфир под экватором действует слабее, а что далее к полюсам, то сильнее; а кажется, по натуре упругости его, что следовало бы ему действовать противоположно: большею под экватором, нежели к полюсам, силою, по причине большего под экватором диаметра земли, нежели между полюсами, как и подобный ему воздух действует, что производит под экватором восточный непрерывный, или так философами называемый правильный ветер. А другой опыт показывает, что эфир действует на тела на весьма высоких местах, то-есть где большее его количество, меньшею силою, а на низших местах, то-есть где меньшее его количество, большею силою; а это уж доказывает, что он действует еще несоразмерно и собственному своему количеству, следовательно, и неправильно.

К[АЛАН] 485. Что ж вы теперь будете делать?

И[БРАГИМ] 486. А теперь станем приравливать все прежние противоречущие понуждательной силе эфира опыты к привлекательной силе. Осенью в тихую погоду падают листья с дерев чрез несколько переворотов прямо к земли, подобно тому как и тяжелые тела падают прямо к центру земли и не переменяют своего направления, как то натурально привлекательной силе; пущенные с высокой башни пуховая подушечка и железное ядро не в одно время упадут на землю; кажется сходно с привлекательною силою, которая действует пропорционально с количеством составов тел, то-есть с их тяжестью. Одни и те же тела под экватором легче, а к полюсам тяжеле; так же одни и те же тела в близком расстоянии от земли тяжеле, а в далеком легче, кажется согласно с привлекательною силою земли, которая действует по обращенному содержанию расстояний от центра земли.

К[АЛАН] 487. Ну, теперь что станем делать?

И[БРАГИМ] 488. А теперь вы уж по вашим прожекам придумывайте, какие по этим рассуждениям выйдут следствия.

К[АЛАН] 489. О, когда вы на меня это полагаете, то я не стану процеживать и не договаривать своих речей и мыслей в таком трудном случае, как то вы делаете по-философски, а скажу прямо, и чрез то или потрафлю в истину, или заставлю философов о такой трудной и темной материи толковать легче и яснее. Я стану прямо собранию республики советовать, чтоб эфира с толкательною его силою для непостоянства его в направлении, для несоразмерности его подобно воздуху с протяжением тел, а сверх того, и для несоразмерности его и самому своему количеству отправить к небесам, пусть он там таким своим странным и непонятным действием удерживает огромные небесные тела от больших усторонений (aberration), чтоб они, от чего, боже сохрани, или по центроклонной силе не полетели к солнцу, где совсем сгореть могут, или бы по центробежной силе не залетели далеко от солнца. Там они в темноте могут заблудиться и со всеми животными замерзнуть. Об этом и подумать страшно, тут бы небо провалилось и всех жаворонков передалило. А об астрономии уже и не говори, пиши пропала. А здесь при земле удержал бы я притягательную силу для постоянства ее в направлении и для соразмерности ее с составом или тяжестью тел земных.

И[БРАГИМ] 490. Посмотрим, что скажет об этом ученая республика, ведь там ум хорошо, а два лучше.

К[АЛАН] 491. Оставим мы уже эту материю, а примемся за другую. Скажите мне: сколько философы полагают общих свойств в телах?

И[БРАГИМ] 492. Г. Эйлер полагает в телах общие три свойства, то-есть: протяжение (étendue), непроницаемость (impénétrabilité) и неключимость (inertie); а г. Деланд означает их девять *, то-есть: протяжение, непроницаемость, движение, спокойство, образование (la configuration), тяжесть, связь (la cohésion), привлечение и неключимость.

К[АЛАН] 493. Куда с этим добром деваться? Будто бы не довольно было наших чувств к отличению тел от духов, которых мы только одним умом постигаем. К тому ж спокойство и движение сами философы приписывают и духу, а потому уж они и свойствами тел называться не могут.

* В издании 1788 г. напечатано «десять». — *Ред.*

И[БРАГИМ] 494. Да что ж ты сделаешь: ведь это по-твоему не будет.

К[АЛАН] 495. О, ежели бы мне дать волю, то я бы темную и непроницаемую мною непроницаемость тел за ее большую помеху, нежели помочь в науках, отправил с абшидом ³⁶ к планетам, пусть бы она у них проживала, планеты огромны, так что некоторой из них и 48-фунтовым картаунной пушки ядром проникнуть не можно. А что касается до неключимости тел, то она сделала подлог, что под благовидным претекстом бережения в целости невозможного по практике в натуре правила о непрерывном состоянии спокойствия или движения тел, ежели не переменит того посторонняя какая сила, подкравшись под тяжесть, присвоила себе неоспоримо природную тяжести соразмерность с составами тел и тем ищет искусно отбаярить нашу тяжесть. Подумайте, она-то бедная клонит нас к милому покою, которого у людей не найдешь, а хотя бы и тянула, да только б не понуждала, или бы не толкала. Итак бы я неключимость за такой ее подлог лишил обладательства и над небесными телами и посадил бы в тюрьму с ворами вместе: пусть бы она их удерживала от побегу и чрез то бы сберегала излишний расход на сторожей, а наместо того позволил бы пользоваться тяжести, правда, не по всему свету, а при одной только земле всеми телами, кроме огня, а протяжению — пользоваться всеми телами безизъятно и повсеместно.

И[БРАГИМ] 496. Пой какую хочешь ахинею.

К[АЛАН] 497. Полно уж говорить о земле и ее произведениях, вы меня весьма одолжили изъяснением этой материи. Рассуждения ваши хотя и коротки, однакож для меня ясны и вразумительны, потому что вы при всяком натуральном действии полагаете и причину, но дети наши смогут ли все то выразуметь?

И[БРАГИМ] 498. Трудные места изъяснял я по крайней моей возможности, а что касается до легких, то я не находил нужды, чтоб пространно их описывать, и думаю, что чрез то я таланты и дарования детей наших больше почитаю: одни из них не меньше, а другие и больше нас разумеют; и буде которая материя не довольно изъяснена покажется, то я не сомневаюсь, чтоб они и сами

о разуме ее не догадались. Через то я надеюсь убежать от подозрения их во мне надутого педанта или важно бредящего бакалаврия³⁷, которые, с одной стороны, излишним толкованием и ясных материй затмевают их больше и, почитая нас вовсе ничего не знающими, предписывают нам учиться наподобие попугаев, чтоб, не выразумев переднего, не читать далее книги, а с другой стороны, и в трудных материях оставляют нас без довольного изъяснения и чрез то сугубым, да все излишним трудом нас отягощают. И для того мы, следуя умному г. Картезия мнению, посоветуем детям нашим прочесть наши рассуждения сперва как бы бегом, чтоб они только узнали одно содержание материи, другой раз прочесть с несколько побольшим примечанием, а третий уже раз с полным и основательным размышлением, то чрез такое тройное прочтение, конечно, они всю материю выразумают скорее и основательнее, нежели по ученому порядку.

К[АЛАН] 499. Как же читать далее, не выразумев переднего? Не будет ли это попугайское учение?

И[БРАГИМ] 500. Никак. Разберите вы получше эту материю, то найдете, что ежели кто учится какой науке, начиная от частей ее и не имея об ней ни малейшего целого понятия, тот учится ей памятью, а не рассудком; и так он не учится, а мучится, потому что, не зная различия в преимуществе вещей одной пред другою, всех их учит равно, и пока новое выучит, то старое позабудет, не зная ему употребления; напротив того, имеющий целое, хотя малое, понятие о науке учится ей рассудком и различает нужнейшие ее материи от мелких, а потому, стараясь помнить только нужнейшие, мелкие припомнит или и сам выдумает в случае надобности.

К[АЛАН] 501. Да что вы так носитесь с вашею ясностью? Разве вы не знаете, что как бы полезна ни была какая вещь, то она, пока еще новая гостья, имеет свою цену, а как только познакомятся с нами, то и лишится ее и платится пренебрежением.

И[БРАГИМ] 502. Как бы то ни было, однако и по этому рассуждению лучше сносить такую неправость, нежели делать подлог истине и лишать ее такого важного качества, каково есть ее ясность, в таком случае мы не остаемся в долгу.

К[АЛАН] 503. При этом случае вспомнил я о математике: по крайней мере, здесь следует рассуждать о ней; она измеряет так протяжение тел, как механика — их движение.

И[БРАГИМ] 504. Правда, что математика, как рассуждающая о протяжении тел, которое им определила натура, принадлежит к этому месту, да каким образом нам, не узнав прежде света, как вы и сами вначале говорили, приниматься за его меру, то-есть за математику? Надобно прежде осмотреть свет и находящиеся в нем нужные вещи по их другим свойствам и обстоятельствам, которые обыкновенно люди в нововстречающихся вещах примечают, прежде меры протяжения их, а то неравно при первом воззрении на свет, вы, как математик, схватитесь за сажень, чтоб узнать, как велик свет? а медик — за пульс, здоров ли свет? То такая ваша неблагоприятная забота покажется тем людям, которые не объаты страстью к математике и медицине, чудною. Здесь довольно для нас знать то, что всякое тело имеет протяжение, а как мы окончим рассуждения наши о натуре и содержащихся в ней вещах по другим свойствам, то тогда уж, больше познакомившись с ними, примемся и за меру протяжения их и количество. Притом же вы знаете, что математика измеряет не одни земные произведения, а еще воду, воздух и огонь и произвела свои исследования о разнообразной мере вещей чрезвычайно далеко, а чрез то сделалась уже очень пространна и трудна. Итак, не зная особенных свойств этих материй, ежели приняться за их меру, то-есть за математику, то она известною своею сухостию и трудностию отвратит на первом шаге детей наших от учения. А по окончании рассуждений наших о натуре и ее произведениях примемся и за математику, и тогда уж дети наши, узнав, какая в ней нужда, ободрятся великою пользою против ее трудности.

К[АЛАН] 505. Поэтому я вижу, что вы из так многих наук о натуре вещей хотите составить только четыре, то-есть земную, водяную, воздушную и огненную; а этими материями как много занято наук, так не будет ли это для них понизительно, чтоб сбавить с себя столько громких титулов? А притом не произойдет ли от такого

вашего разделения замешательства в науках? Вы знаете, что одною земною материею заняты несколько науки по частно.

И[БРАГИМ] 506. Мне кажется, что от такого генерального разделения натуральных наук по стихиям не только не может быть никакого замешательства, потому что каждая частная наука о частном каком предмете природы может также производить свои приращения, как то делалось и донныне, а напротив того, произойдет лучшее и яснейшее различие материй. Я находил в механике гидравлическую материю, а в гидравлике аэрометрическую, да и в других науках нередко они смешаны, а по наблюдению такого генерального разделения, конечно, того не произойдет; да еще от него и та польза, что всяк с первого разу узнает, какими физика вообще занята предметами, вместо того как то донныне учащиеся думают, что физика занята гораздо большим числом предметов, нежели только четырьмя стихиями, чего в самой вещи вовсе не бывало.

К[АЛАН] 507. Покорно благодарствую, что вы мне открыли некоторые таинства природы в рассуждении земли. Я уж в касающемся до ее не имею больше, о чем спрашивать, я и этим доволен; теперь я имею достаточно запаса для моего болтунства. Сердись не сердись на вас натура, права дружбы моей с вами бессильны удержать меня в пределах молчания, я уж эти секреты разглашу по всем дворам. Это для меня неудобноносимое бремя и смертельная тоска, чтоб, знаячи что-либо, да молчать. А с другой стороны, и вас похвалить нельзя, что вы, ведая мою болтливую лихорадку, открыли мне столько секретов природы: вы чрез то открываете свято почитаемую и неприкосновенную неосвященными руками завесу непроницаемых таинств мудрого Аполлона, соправителя природы; вы чрез то допускаете простых людей во внутренности его храма, дозволенным его любимцам. Да что я говорю! Вы под это огромное и великолепное здание (système), поражающее удивлением человеческий род и укрепленное контреминами и фугасами, которое сам пламенновидный Марс обороняет и сберегает в целости против сильной истребляющей все суровости времени чрез такое множество веков, хотите подвести бедные ваши мины. И хотя это намерение выше

сил ваших и несбыточное, а все то останется так, как было и доньше. Однако в таком случае и намерению приписывается вина самого дела. Вы знаете следствия такой дерзновенной поступки, клонящейся некоторым образом к оскорблению важности и власти Аполлона. Бойтесь его страшного гнева и изыскивайте способы и средства к оправданию себя всевозможным образом.

И[БРАГИМ] 508. Нет, государь мой, не страшите вы меня так сильно натурою и Аполлоном. Я знаю вашу нетерпеливую говорливость, знаю, что вы этот недостаток между свойствами дружбы имаете в крайней степени, но имаете только этот один недостаток, который я для великой вашей и многообразной в нужных случаях меня обязанности сносить должен. Вы думаете, что я против слабости вашей не взял предосторожности? Никак. Первое, знайте вы то, что постоянная натура хранит свою важность постоянно; она по мудрости своей не ищет того, чтоб ее дела скрыты были; она о доброте и пользе их уверена и потому и на открытие их благонадежна, а оскорбляется только на ложь не знающих в точности дел ее людей. Другое: я служил натуре с возможным усердием и между тем имел случай испытать ее тайнства; а как они бесчисленны, то, может быть, где случится и погрешность какая. Да и можно ли требовать такой точности от слабого человека в таком великом и многотрудном деле, каково есть описание общей природы вещей, по различным и многообразным свойствам бесчисленно многих и разных ее произведений; в таком деле надобно быть Янусу, чтоб не просмотреть чего-либо. А что касается и до Аполлона, присвоившего себе правительство природы, то и его я не опасуюсь, потому что и он должен же наблюдать благопристойность, чтоб не показать гнева за правду; это будет неприлично его важности и власти, которая утверждается на одном его правосудии, а гнев его потребен только для укрощения лжи, да и то не гнев, а одно оправдание, которое должно состоять в особливом издании, а не в другом каком неприличном и недостойном важности его и власти средстве; а в случае нечаянного от его и за правду гнева благонадежен я на покровительство великого Юпитера, который к незаслуженному притеснению, конечно, не допустит.

**ПРЕДИСЛОВИЕ
К ПЕРЕВОДУ «ИСТОРИИ ДАТСКОЙ» ГОЛБЕРГА**

Благосклонный читатель!

Всякому народу необходимо надобно знать других форму правления, законы, обычаи, веру, добродетели и пороки, качество их земель, количество богатства и доходов, силу и слабость их оружия, одним словом, все и по всем обстоятельствам рассуждаемое их состояние.

Сие знание полезно для двух причин: 1. Для подражания добрым их законам, полезным учреждениям и честным обычаям и для убеждения и осторожности от противных сему обстоятельств; 2. Для слабости сердец человеческого рода, который в продолжение такого неизмеримого и почти вечного времени никогда не знал прямого своего благополучия или не умел искать его постоянным и разумным образом.

К несчастью человеческого рода и к крайнему об нем сожалению, самолюбие, неумеренное самолюбие¹, тиран человеческого разума и начальник всех его пороков и несчастий, повелевает ему оставлять другие честные дороги и добродетельные средства к приобретению своего благополучия, а заставляет его иметь прибежище к оружию, полагать мнимое свое благополучие в несчастии и разорении своих ближних и на развалинах их воздвигать свою пышность до тех пор, пока дойдет и до сих наглецов очередь претерпевать такие же несчастия от других.

Сего неумеренного самолюбия, сей проклятой и страшной ехидны мерзкие и лютые исчадия суть корыстолюбие, роскошь, несправедное властолюбие, зависть, ненависть, вражда и другие, глубоко вкоренившиеся во всех вселенных народах пороки наполняли, наполняют, и чаятельно, что и предбудущие веки не преминут наполнять весь свет беспокойствием, разорением и горестию.

Ежели только посмотреть в неизмеримую глубину времени и проникнуть великое пространство его истории, то сих моих речей истину ясно и откровенно увидеть можно; сколько ни было храбрых, победоносных и почти всею вселенною обладавших народов, но в продолжение времени все они претерпели разные несчастья, и почти все покоренным прежде ими народам попадали в рабство.

Напрасно иной скажет, что такие славные в военных делах народы попадали другим в рабство от потери храбрости и пренебрежения военной дисциплины. Это правда, что и сия бывала причина, но не начальная, а последующая и служащая только на малое время и по нужде неприязненного обхождения народов между собою; а самые главнейшие и в долготу времени вредящие были самолюбие и от того происходящие властолюбие, сребролюбие и пренебрежение законов и добродетелей; как то ясно видеть можно из того, что славные в военных делах спартанцы, афинейцы и другие греческие народы хотя и по самый конец цветущего их состояния не потеряли нимало храбрости, ни дисциплины, однакож покорены были другими народами; а от чего, как не от излишнего самолюбия и других вредных пороков.

Также можно сказать, что как натура во многих своих делах непостоянна и подвержена переменам, то в согласие тому и род человеческий беспрестанно терпит такие перемены и несчастья; но я и сего не утверждаю, а полагаю, что род человеческий терпит такие несчастья единственно от собственных своих пороков.

От сего неумеренного человеческого самолюбия сделалась война необходимым и почти законным упражнением; и все истории наполнены военными делами, военными упражнениями и военными хитростями, а о полезных

законах, добрых учреждениях, честных обычаях и других добродетелях мало упоминается.

В сие пагубное для человеческого рода мастерство многие народы так влюблены, что хвастают знатностию своего происхождения от каких-нибудь военных героев, хотя справедливым образом ни один из них из такой ужасной пучины времени прямого своего начала почерпнуть не может.

В древние времена обладатели земные сами хаживали на войну, сами бивались с неприятелями народными и часто достигали до такого геройства, что вызывали своих соперников на поединок и дрались с ними, а иногда и отцов своих убивали и свергали с престолов. Ежели кто б то ни был посмотрит на такие дела прямыми и неповрежденными глазами, то не думаю я, чтоб он мог назвать их человеческими; им следовало лучше быть милосердыми отцами, верными экономами, важными и нелицемерными судьями своих народов, нежели вступать в такую, совсем непристойную им должность; на войну, хотя бы она была и законная, можно было определять им генералов, предоставляя сию должность для себя, разве в самой великой крайности.

А ежели б человеческий род поубавил своего самолюбия и правящие его судьбою наблюдали больше правосудия, то бы не было в свете таких несносных и непростительных беспорядков, так что ежели кто может все сии человеческие нестройности, происходящие в разных временах и местах, мысленным своим глазам в одном времени и месте представить, то в таком случае не останется ему сказать что другое, как ту давидову речь: господи! что есть человек, яко помниши его.

К похвале нынешних веков, перестали уже владеющие особы искать себе той тщетной, бесполезной и низкой для них чести, чтоб ходить на войну и повелевать самим собою армиями; дай бог, чтоб они вздумали иметь такие же сожалительные и спасительные мысли и в рассуждении других.

Как мило, как приятно нежному и человеколюбивому сердцу вообразить себе хотя на минуту такую тишину и спокойствие человеческого рода, чтоб все в подсолнечной

обитающие народы пребывали между собою во взаимной любви и союзе и пользовались бы невозбранно один другого земными плодами и произведениями, и ежели б государи и государства жили между собою в такой согласии, как та благополучная фамилия, в которой отцы любят друг друга, любят своих и других детей, милостиво содержат своих и чужих служителей, одним словом сказать: коль добро и коль красно, еже жити братии вкупе.

Но понеже сердца наши неисцелимы, или лучше сказать, что мы сами излечить их от сих порочных язв не стараемся, то для того пускай положить употребление войны, только б начинать ее по крайней мере так, как то делали древние индийцы, которые к войне за причину полагали строгую справедливость, а не силу.

Но то еще не чудно, что языческие народы стремились на войну, хищения и грабления: ложно обещанное за то вечное блаженство некоторых из них к тому побуждало; а чудно и весьма для христианских народов, что они, имея пред глазами своими священный закон божий, не стыдятся перенимать таких худых манеров. Самолюбие вещает им громким голосом: «при таких обстоятельствах не можно иметь превосходства, не можно иметь преимущества». Какого желать можно лучшего превосходства и преимущества, как быть добродетельным и довольным законною своею частию и управлять ею разумно. Я не говорю быть довольным малою и несходною с чьим достоинством частию. В таком случае самолюбие дозвоительно, потому что оно умеренное и потому что оно имеет свое право, а говорю только о неумеренном самолюбии. Я повторяю опять: превосходство и преимущество быть добродетельным и довольным законною своею частию есть весьма велико; оно кроме временной похвалы, чести и славы ведет за собою вечное блаженство; напротив того, преимущество, силою и наглостию приобретаемое, влечет за собою злословия и проклятия народные, и сверх того подвигает к тяжкому отмщению нелицемерное правосудие божие, так что буде не сами такие преступники, то по крайней мере потомки их понесут несносные удары, заслуженные их предками.

Теперь я намерен, благосклонный читатель, продолжить речь мою о датском народе, коего история составляет материю сей книги. Такие хищения и грабления, по объявлению истории, делывали в прежние времена и датчане, выходявшие из Севера под именем цимбров, готов, норманнов и лонгобардов. Они наделали в Англии, Гишпании, Франции, Италии, Греции и почти во всей Европе много наглостей и кровопролития. Они во многих городах спровергли великолепные здания, которые там служили редким украшением; а некоторые города и до основания разорили, на коих пышное [со]здание истощены были многие веки. Правда, что это громкие и славные дела, но слава сия такие ведет за собою следствия, что ежели б все в подсолнечной находящиеся народы единовременно и постоянно ей следовали, пли лучше сказать, ежели б промысл божий не полагал некоторых пределов ярости и неистовству человеческому, то бы уже давно перевелся весь род человеческий.

Я пред сим объявил вам, благосклонный читатель, что каждому народу знание других областей необходимо для двух причин, которые и описал я обстоятельно, и в рассуждении сего перевел пред сим Шведскую историю как близкого и смежного с Россиею народа, а и теперь принял на себя труд сообщить россиянам историю датскую, которую сочинил господин Голберг в трех томах и разделил ее на пять частей, из коих первая содержит в себе историю идолопоклоннических королей, вторая — историю христианских королей, начиная от Канута великого даже до северной монархии², которую основала королева Маргарита; третья содержит в себе историю сей северной монархии даже до побега короля Христиана из своего государства, когда соединение между тремя северными государствами, то-есть Даниею, Швециею и Норвегиею совсем кончилось; четвертая начинается с началом реформатской веры в Дании при владении короля Фридриха первого и простирается даже до великой перемены в правлении, последовавшей при владении короля Фридриха третьего, а пятая и последняя часть содержит в себе историю самодержавных датских королей даже до вступления на престол Фридриха четвертого.

Сей писатель сочинил свою историю из многих датских и других историков, разобрал в них сумнительные места и приписал при них свои мнения.

Такой его похвальный и полезный свету труд много делает чести его отечеству. Желательно б было, чтоб, взирая на сие, и российскую историю писали природные россияне³; правда, что это несходно будет с философскими правилами для подозрения страха или любви к отечеству; но римляне и греки писали историю своих народов, да мы им верим. Правда, что иностранный писатель не может иметь страсти ласкательства, но он, напротив того, может иметь страсть ненависти. Он не умолчит порочных дел другого народа, но от незнания может пропустить много похвальных; по моему мнению, лучше пускай порочные дела потеряются (чему статься нельзя, чтоб хотя иностранные историки об них не написали), однако по крайней мере похвальные дела чрез природных писателей сберегутся; а в таком случае, когда природные и иностранные историки об одном народе пишут историю, яснее узнать можно справедливость.

Но как господин Голберг написал сию историю очень пространно, то я рассудил сократить ее; но при сем сокращении не пропускал я ничего нужного и достопамятного; и как некоторые места сей истории показались мне требующими особливых рассуждений, то для того я в тех местах приписал мои примечания.

Теперь я издаю, благосклонный читатель, первую часть сей истории, которая простирается по конец идолопоклоннических королей в Дании, а за сею частию имеют следовать и прочие. При сем я пребуду

Ваш добροжелатель
ЯКОВ КОЗЕЛЬСКИЙ

[ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ
К ПЕРЕВОДУ «ИСТОРИИ ДАТСКОЙ» ГОЛБЕРГА]

Примечание к стр. 34 I части

ей писатель⁴ объявляет, будто бы император Валенций сделал великую погрешность в том, что пустил в римские земли на поселение такой храбрый народ, каковы были готы, и приписывает причину смерти его и падения Рима сему случаю; да и правда, что, смотря на расположение его истории, читателю без осторожного рассуждения можно согласиться с его мнением; но ежели принять в зрелое рассуждение, 1. То, что бы готы, будучи храбры, тогда сделали, ежели б Валенций их не принял, 2. Пространство Фракии и пространство прочих земель, коими тогда еще владели римские императоры, то думаю я, что можно произвесть заключения, совсем противные мнению сего писателя. Иной может сказать: да чем же бы отвратить падение Рима, ежели б не отказом готам; то я на то в ответ скажу, что всего бы лучше было, ежели б готы и не знали совсем об римлянах и их землях; когда римляне со столь многими землями не могли усмирить готов, вмещенных свободно в одной Фракии, то много ли бы могла им помочь Фракия, ежели б они и не дали ее готам; итак, из сего видно, что Валенций не погрешил в приеме готов, а погрешил в кондициях приема. Когда готы согласились принять христианскую веру, то уж они, не имея еще тогда у себя королей, согласились бы и на то, чтоб перемешать их с римлянами, как поселением в разных

местах, так и союзом брачным, с пожалованием им таких же прав, как и римлянам, а чрез то можно бы было утвердить их во взаимной дружбе и любви. Но и сия погрешность одна, может быть, не довела б до падения римлян, ежели б императоры римские не имели погрешности в правлении. Не стыдно ли было для них то, что они привели народ римский, процветавший чрез толь многие веки, до той крайности и слабости, что спасение его зависело от одного только генерала Стиликона, ежели верить в том сему писателю; правда, я тому не верю, чтоб только один был тогда у римлян искусный генерал, а больше думаю, что он один был по выбору их обладателей. Сие обстоятельство одно доказывает, что выгнано было из их чертогов правосудие и добродетель, что достойные люди не получали достойной части. И сия слабость обладателей римских была причиною падения римлян, а не прием готов; одним словом заключить, что хотя бы готы были сильнее или слабее римлян, то Валенций, в рассуждении обеих сих обстоятельств, хорошо сделал, что их принял, потому что в первом случае готы достали бы то силою, чего не могли получить просьбою, а в другом случае ни по какому праву извинить не можно обладателей римских, что они, будучи сильнее, не могли усмирить готов, кои были их слабее.

К странице 97

Правда, что сии законы⁵ основаны на справедливости, а особливо из воинских законов шестой: чтоб никто не прятал своего имения в сундуки, и из гражданских пятый: чтоб никто из датчан не отнимал ничего у другого. Сии законы подают понятие о короле Фроде, что он крепко наблюдал правосудие, как нужное и необходимое для монархов качество. Что же касается до одиннадцатого и четырнадцатого из гражданских законов, то они мне кажутся весьма несправедливы. Одиннадцатый закон гласит, что когда кто имеет с кем ссору, тот должен решить ее поединком; какое удовольствие может быть в такой разделке обиженному, когда он (как то часто случается) сверх прежней своей обиды может получить еще вновь хороший удар, а иногда и жизни лишиться. Король Фрод,

в издании сего закона, позабыл свою должность и право в наказании виноватого и в доставлении праведного удовольствия обиженному, которое ему, как государственному судии собственно принадлежало; ему не только не следовало законом утверждать такой вредный для общества обычай, но еще и всеми предосторожными и разумными мерами надлежало стараться искоренить его. А в четырнадцатом законе (чтоб казнить за убийство одного датчанина двух иностранцев) сделал он явную несправедливость: 1. Что правосудие не терпит разбору между равнопочтенными людьми, а делает суд между неравными, как бы между равными людьми⁶; 2. Что хотя бы и дозволить такой разбор, смотря по мнимой разности преимуществ разных народов, то и то не для чего, потому что всегдашние опыты уверяют нас, что бог определил дарования всем народам равные.

К странице 129

Сему странному и вредному обычаю⁷ не надлежит удивляться. Он был не в одни сии древние и отдаленные времена, а и ныне в силе. Нынешний свет, как ни хвастает себя политичным, однако он неважное перед прежними временами получил (да и получил ли?) приращение в добродетели, а разность только в том, что теперешние люди не так просто, как прежние, а искуснее обижают своих ближних.

К странице 139

Это похвальная и разумная добродетель, чтоб употреблять таким образом церковные сокровища⁸, как то делал и Иоанн Милостивый. Только жаль, что сему разумному примеру любви к богу, которая неоспоримо основана на любви к ближнему, мало есть последователей. Теперь на свете много водится титулярных чинов, так для чего не быть и христианам титулярным.

К странице 22 II части

Вот какое награждение за грабежи⁹, наглости и убийства. Чаятельно, что датчане по неумеренному своему самолюбию никогда не надеялись такого приема от агличан.

В таких-то случаях и самые добродетельные и человеколюбивые люди принуждены бывають против своей воли делать, а по крайней мере утверждать такие кровопролитные отмищения, так что наглецы в таком случае при всей своей крайней погибели не имеют и той последней отрады, чтоб хотя сожалели об них другие люди.

К странице 29

Король Канут назван от историков великим¹⁰. Я не знаю, какие будут другие его дела, а сия первая его поступка, которую он употребил в убийстве неповинных людей, представляет его больше великим тираном, нежели великим королем, потому что король, который стоит имени великого, такими тиранскими делами погнушается.

К странице 50

Правда, что мудрость, состоящая в чужих деньгах и незаконно приобретенной силе, может решить и такие трудности, коих простым разумом никак преодолеть не можно.

К странице 56

Такие слабые и непростительные сего автора¹¹ рассуждения могут и самого флегматичного человека вывести из терпения; когда он, будучи историк и потому отличный в знании от многих других человек, мог произвести такие малодушные и вредные рассуждения, то чего уж ожидать от простых людей? Когда король Олав был добронравен и искусен, когда он вывел из Норвегии обычай разбойничества, когда он строго наблюдал правосудие, то он делал то, что пристойно истинному поверенному божиему, и был такой король, которого за такие великие качества, без явного нарушения справедливости, титула великости лишить не можно. Но сей автор, по явному пристрастию, не только не удостоил такого прямо великого короля, каков был Олав, имени великого, но еще скрытным образом называет его не знавшим обхождения; а предпочитает в том короля Кнуда и Ярла Гагена¹²; а для чего? Для того, что они потакали разбойникам, делали им соблазнительную

и вредную человеческому роду милость и разделяли с ними такие подлые и мерзкие корысти. Всякий народ разделяется на добродетельных и порочных людей. Добродетельные люди не пожелают, не должны и не могут, ежели они прямо добродетельны, желать милости¹³, а напротив того, правосудия; итак, милость нужна только одним порочным людям; свет ежедневными опытами узнает то, что почти всегда порочные люди обижают добродетельных, а добродетельный человек никогда не хочет обидеть; и таким образом милостивое правительство предпочитает порочных людей добродетельным; и в таком случае и самые добродетельнейшие люди принуждены соблазняться и попускаться в пороки для трех важных причин: 1. Что натурально легче человеку делать пороки, нежели добродетели; 2. Что он имеет надежду неправосудной милости и прощения своих пороков; 3. Что он, обижая своих ближних, может отвращать собственные свои обиды, потому что все добродетельные люди бегают и боятся обидников. Вот какие плоды милости. Но чудно, что многие властвующие особы стараются приобрести сие качество, а о правосудии не заботятся. Бог знает, откуда они взяли себе право милости к порочным людям и обидчикам. Надлежало бы им в таком случае прежде справиться, прощает ли и милует ли обиженный своего обидчика. Сам всемогущий творец, вечно неоскудевающий благодетель человеческого рода, обещает вечное блаженство одним только добродетельным людям, а порочным, напротив того, грозит жестоким отмщением. Сей автор к похвале короля Кнуда так был пристрастен, что за одни его незаконные и кровавые дела назвал великим. Желательно бы знать, назвал ли бы он такого короля великим, который бы без всякой причины устремился с великою силою на его отечество, который бы причинил в нем ужасные кровопролития и убийства, который бы наделал в нем множество вдов и сирот и который бы и собственной его фамилии оказал несносные наглости и ругательства, так чтоб отечество его не представляло ему другого вида, как только поражение и убийство его одноземцев, хищение и ограбление их имений, вздыхание, рыдание и вопль бедных людей о потере своих родственников, которые погублены острием меча?

Нет, я думаю, что скорее бы он назвал его великим тираном, великим похитителем и бесчеловечным кровопивцем, а не великим королем; такого титула стоил и король Кнуд, а не имени короля великого, потому что история не представляет нам нимало таких в нем дел, которые бы сие имя заслуживали, кроме великих его хищений, граблений и убивств; а это уж и самый простой человек понять может, что такие дела худы и поносны.

К странице 184

Хотя сей автор и много выхваляет короля Валдемара, однако сей государь поступил в том худо, что сделал дворянское достоинство наследным. Такие случаи служат хорошими предводителями к порокам; а ежели где такие достоинства простираются на одних только заслуживших особ, то там добродетели беспрепятственно приходят в силу.

К странице 204

Как можно снести без роптания такие тяжкие пороки¹⁴, в тех людях, на коих верность полагались почти все европейские народы в рассуждении полечения о всеобщем их благо[со]стоянии. Из истории известно, что в прежние времена римские папы так сильны были, что иногда самых сильных обладателей лишали престолов, да еще за партикулярные свои озлобления. Из сего видеть можно, сколь велика их была власть, подкрепленная таким страшным орудием, каково есть проклятие и отлучение непослушных их воле от общества христианского; и когда им можно было употреблять сию власть неправедно, то уж праведным и законным образом тем паче. Всякий человеколюбием и здравым разумом одаренный человек ежели представит мысленным своим глазам военные происхождение, то чистосердечно признаться должен, что за какое бы ни было дело предпринималась чародейственная война и каким бы образом ни оканчивалась, то однакож почти всегда она предпринимается с крайнею неправдою предпринимателей и с великим вредом воюющих народов, потому что в таких случаях великое множество неповин-

ных людей для отмщения за неудовольствие, и часто мнимое, малого числа других жертвуют пролитием своей крови и потеряннем живота, чего бы они в полном разуме отнюдь не сделали. Сия заразительная и лишающая человеческого род здравого разума язва наполняет все веки и времена разорением, убивством, воздыханием, слезами и рыданием. На такие проклятые и человеколюбивому взору гнусные и несносные кровавые дела взирая, кажется, что римским папам больше всех пристойно было приходить в сожаление и всеми мерами стараться отучивать христианских народов от такого ядовитого и смертоносного обычая, чтоб отмщевать за свое неудовольствие вооруженною рукою, а приводить их помалу до того, чтоб они и обладатели их решили свои раздоры спокойным и миролюбивым образом, чрез посредство других беспристрастных людей, что им, смотря по другим происхождением, и весьма нетрудно было сделать, потому что когда в прежние времена многие народы к воле их так подобо-страстны были, что и в самых их пристрастных и неправедных прихотях послушны им были, то уж бы в миролюбивых и богоугодных делах и больше могли повиноваться. Но сии мнимые пастыри и опекуны христианских народов вместо того оказали себя во многих случаях начальниками и предводителями всех мятежных, кровавых, властолюбивых, сребролюбивых и других безбожных дел, как то видеть можно из того, что здесь упомянутый папа простиер свое беззаконие так далеко, что лишил архиепископа его сана за одно только его искусство в военных делах; и когда уж исполнились на сих почтенных отцах те Христовы словеса: аще свет тьма, то тьма кольми паче, то должно ли удивляться тому, что другие, простые люди, завязавши глаза, стремятся к оказанию пагубной геройской храбрости и зверского неистовства и давят своих ближних, как волки овец. Грозящий гром пристрастной папской клятвы подверженных им по закону людей уж больше не устрашает, и ослабевшие их преимущества и упадающая их власть, данная им на искоренение беззаконных дел, служат им за такие дела довольным наказанием, и чудно, что в рассуждении таких их дел движутся еще слабые остатки умирающей их власти.

К странице 210

Хорош был этот губернатор¹⁵, что не знал прав подчиненного себе народа, а хотел было заставить собаку пролаять их. Он в сем случае предпринимал излишнее дело. На что ему тут было употреблять собаку, когда он сам не только не по-губернаторски, но ниже просто по-человечески, а точно по-собачьи их отправил. Потому что такую встречу делать людям одним собакам пристало, а наипаче когда голштинцам обещано было судить их по собственным их правам. Правда, сказать можно, что какое б то ни было право, только б оно было право, а не криво, служить может всякому человеку, и всякий закон, уставленный с добрым намерением, не может быть никому отягчителен. Но при сем рассуждении надобно знать, сколь трудное и опасное дело, чтоб предпринять вдруг вывести предрассуждение и суеверие народное. От таких-то предприятий, хотя они иногда и самые праведные бывают, страдали многие великие обладатели. Когда датчанам хотелось, чтоб голштинцы судились по их правам, то следовало ль им так вдруг их переламывать, а не лучше ль бы было, чтоб заласкать охотников посредством чинимых им награждений или каких выгод, которые правящим особам разными образами делать без дальнего убытку можно, к брачному сочетанию с датчанами и чрез то приведши во взаимный союз и любовь, или, лучше сказать, в один народ, легко бы можно было ввести в них одни права, одни законы и одни обычаи. Такие погрешности и происходящие от того печальные приключения по справедливости приписывать должно не кому другому, как только ближайшим при обладателях особам, что они при выборе способных людей к управлению над покоренными народами мало употребляют старания. Ежели прочесть со вниманием историю персидской монархии, то по прилежном исследовании увидеть можно, что к покорению ее под греческую власть нападение Александра Македонского и храбрость его солдат не послужили ни в десятую долю против того, сколько к падению ее поспешествовали неверность, сребролюбие и наглость сатрапов или губернаторов персидских к подчиненным им народам. Кто только

знает военную науку, тот рассудит, что такого сильного государства, в котором было много укрепленных городов, никакими человеческими силами в толь краткое время покорить не можно, ежели б были в нем генералы честные и искусные люди, для того что были такие образцы, что самый храбрый народ брал десять или и больше лет один город. Также и в новейшие времена отпадение швейцарской республики от цесарского владения¹⁶ произошло не от чего другого, как только от наглости и тиранства глупого и негодного губернатора. Да и много таких примеров в истории находится. Такие печальные случаи, всеконечно б, быть не могли, ежели б при поручении губернаторских постов употребляемо было больше осторожности и не давались бы сии чины таким людям, которые больше способны играть комедиантский роль на театре, нежели отправлять губернаторскую должность¹⁷, каков был и сей датский губернатор в Голштинии.

К странице 282

Вот самое похвальное дело, чтоб употребить анафему в таких случаях, где она служить может к укрощению неистовства человеческого¹⁸, а не так, как то другие дельвали, что употребляли ее в отмщение за партикулярные свои озлобления, где она служит больше в соблазн, нежели в исправление.

К странице 336

В рассуждении некоторых дел сего короля¹⁹ должно согласиться всякому на приписываемые ему от сего историка похвалы. Правда, что он достоин великой похвалы, редкой чести и бессмертной славы за то, что поднял упавшую Данию, что присовокупил к ней отнятые провинции, что привел ее из бедности в цветущее состояние; и хотя он на то употреблял мирные или и военные средства, то они были дозволительны, потому что того требовала государственная нужда, польза и очевидно грозящее крайнее разорение Дании. Но понеже история объявляет, что сей король приобрел Дании сверх отнятых у нее провинций, еще некоторые и чужие и как такие приобретения редко случаются без крайней несправедливости, а лучше

сказать, что они почти всегда покупаются на чистую человеческую кровь, то сей случай сто́ит осторожного рассуждения. Всякий народ хвалит такого государя, который распространяет пределы своего государства; только надобно знать, что всякий народ хвалит один, а не все народы, и своего, а не чужого государя. Но известно, что похвалы самому себе собственно приписываемые подвержены подозрению; итак, не надежнее ли будет послушать того, что скажут все другие народы и о чужом государе? Ежели рассмотреть со вниманием всемирную историю, то там довольно увидеть можно примеров, какими немилосердными способами и какими кровавыми средствами распространяемы были области, так что ежели кто представит себе живо происходящие при таких случаях кровопролития и убийства, тот узнает, что нет такого на свете человеколюбивого сердца, которое б в состоянии было вместить в себе пропорциональную жалость в рассуждении тех несчастий и разорений, которые претерпевал во все времена человеческий род от военных распространителей своих областей. В рассуждении чего и Валдемар по неумеренному своему властолюбию подвержен подозрению. Я, несмотря на всю похвалу, приписанную от историка сему королю, примечаю в нем много неумеренности; а сей порок непристоен больше всех владеющим особам. Ответ его на папское увещание, чтоб он имел больше человеколюбия к своим подданным, доказывает истину моего мнения. Хорошо, что он напал на такого добродетельного папу, который прямо наблюдал свою должность и который под покровом ее не хотел производить духовной тирании. Но ежели б он поступил так с папами Григорием девятым и Онорием третьим и другими сим подобными, которые безвинно и по одним своим прихотям делали тяжкие озлобления и коварные подлоги великим обладателям, то чаятельно, что такая шутка стала б ему дорого.

ПРЕДИСЛОВИЕ
К ПЕРЕВОДУ КНИГИ МОЗЕРА
«ГОСУДАРЬ И МИНИСТР»

Благосклонный читатель!

Весьма похвально для человека, когда он полагаемые на него по божью и гражданскому законам должности надлежащим образом исправляет и в звании своем, в которое определила его судьба, не имеет никакого недостатка. До сего преимущества натуральным разумом и другими дарованиями едва достичь можно, а требуется к тому чтение потребных книг и крепкое последование их правилам.

Из служащих к сему намерению книг, которые читать мне доводилось, не нашел я лучше, плодоноснее и полезнее, как сия книга господина Мозера, которую сочинил он по прошению некоторого принца¹; и я в рассуждении доброты и превосходства сей книги, которые приписывает ей и французский полковник господин Шампиньи, переводивший ее с немецкого языка на французский, за благо рассудил помощью перевода сообщить ее вам, благосклонный читатель, на российском языке.

Господин Мозер разделил сию книгу на шесть частей, из коих в первой написал общие правила и примечания о нынешнем состоянии и воспитании немецких принцев; во второй — о дворе и собственной экономии обладателя; в третьей — о выборе и качествах служащих людей; в четвертой — о министрах; в пятой — о делах и отправлении их; в шестой — о жалованьи служащим людям.

Все сии материи описал он разумно, довольно и плодovито, о коих содержании, благосклонный читатель, должен я вам объявить здесь вкратце с приобщением некоторых и моих рассуждений.

Он писал пространно о нынешнем состоянии и воспитании немецких принцев с праведною похвалою и негодованием, смотря на обстоятельства, и порочит некоторых из них за роскошь и неумеренность, что они употребляют излишнее великолепие, на что смотря и министры их то ж делают и держат при себе излишнее число служителей богато, а иногда и бедно одетых и служащих им не столько для дела, сколько для параду; а сей купидон² для простых людей так прелестен, что и самому затверделому раскольщику устоять против его трудно, так что он рад бросить свою соху и обрить себе бороду, чтоб сделаться лакеем и, одевшись в гасы³, ходить по большей части праздным. От сего то, чаятельно, во многих столичных городах хлеб и другие надобности бывают дороги. Может статья, это бы не было, ежели б не терпимо было там и во всей области⁴ великое множество людей праздных.

В том спорить нельзя, что почтенным особам надобно для украшения и славы обществу употреблять великолепие, но умеренное и сходствующее с каждого достоинством, а не излишнее.

Также сказать можно, что всякий человек создан натурально так, что надобно ему есть, пить, прогуляться, отдохнуть; но ежели он при всех сих выгодах добровольно не захочет трудиться, то законным образом можно его к тому и принудить. Сии человеческие нужды в разных народах отправляются разным образом. В иных местах все сии нужды весь народ исправлять может умеренно, а в других, напротив того, одна часть народа едят, пьют, веселятся, а о труде не только не заботятся, но еще его и презирают; а другая часть народа работают и работают без отдыху; каково б то было в таком народе веселье, ежели б другая беспрестанно трудящаяся часть его не промыслила ему хлеба. Ежели б за такую праздность, неумеренную роскошь и другие излишества и пороки наказываны были виноватые денежным штрафом, то бы чрез то доходы в областях могли довольно увеличиться

праведным и законным образом; но жаль, что противное тому делается на свете, и во многих областях собираются подати с людей за земледелие, художества и другие полезные дела. От чего нечувствительным образом может упадать трудолюбие и другие происходящие от него добродетели, а леность и прочие рождающиеся от ее пороки приходить в силу.

Он доказывает, как важны для государей в службе их прямые христиане, только надлежит знать, что прямой христианин от титулярного христианина так разнится, как голубь от ехидны. Такие люди под покровом притворной святости носят в сердцах своих вредный яд, которым они язвят скрытно своих ближних без опасения казни, тем паче, что большая часть людей рассуждают о других по наружному виду. Они заключают об них по их речам или по явным их делам и поступкам, а между речью, явными делами человеческими и скрытым их проворством великая бывает разность. Ежели б не было в нас таких богопротивных святотатств и ежели б мы следовали верно и постоянно христианскому закону, то чаятельно, гораздо бы меньше было язычников на свете, которые, несмотря на всю непорочность и святость христианского закона, остаются чрез толь многие веки в своей темноте; а отчего это делается, как не оттого, что мы, будучи христиане без добродетели, как солдаты без оружия, не имеем столько силы в добродетели, чтоб приласкать их под кроткую и священную власть непорочного закона божия, а употребляем на тот конец мзду. Какой чувствительный ущерб и низкая, недостойная и ненадобная прикраса высочайшему преимуществу христианского закона! Он так непорочен, он так свят, что всякий здравым разумом одаренный человек любить его, почитать и сердечно прилепляться к нему без всякого мздовоздаяния может; а в том нет сомнения, что он верных своих служителей сам чрез себя бесчисленными благодеяниями довольствоваться может.

Он объявляет, как может иной честный и весьма искусный человек, употребленный в каком правительстве к такой должности, к которой он не имеет ни способности, ни охоты, быть бесполезным обществу и чрез то оставаться

в затмении и презрении, который, ежели б употреблен был в своем месте, служил бы подпорою той области; и в рассуждении сего показывает, как располагать разные должности и чины, смотря на различие темперамента или природного сложения разных людей; а при таком хорошем учреждении люди могут трудиться в своих должностях, не чувствуя никакой тягости; а лучше сказать, что труд их похож будет на забаву.

Он уничтожает и опровергает сильным образом то в людях застарелое суеверие и предрассуждение, якобы в великом чине человеку трудно соблюсть добродетель, а утверждает, что, чем больше чин, тем добродетельнее человек занимать его должен.

Он подробным и основательным описанием министерского состояния открывает и изъясняет свету многотрудные и тяжкие их должности и чрез то дает знать другим людям, какое великое почтение иметь они должны к добродетельным министрам и, напротив того, худых министров порицает он праведным и беспристрастным образом, что они, имея случай и силу делать благодеяния другим людям, не имеют к тому охоты.

И как люди, одаренные великим разумом и духом, часто предпринимают намерения выше сил человеческих, в чем они, как ни разумны, погрешают как человеки, то сей писатель, к удивлению почти всего света, доказывает сильным доводами, что такие люди часто бывают не очень полезны, когда они находятся при отправлении всенародных дел, а предпочитает к тому людей, имеющих посредственное в тех качествах дарование, которые, не так сильно надеясь на себя, в предприятиях своих поступают осторожнее.

Он пишет, как военное правление во всех случаях, кроме одной войны, весьма бесполезно. Правда, что военный случай и время баталии не терпит долговременных рассуждений и медленных советов; там требуется, чтоб по одному мгновению ока главного командира все его повеления исполняемы были скоростижным и молниевидным образом, потому что в противном случае многие тысячи людей могут иногда подвергнуться неизбежной гибели. Но ежели где повернется и не во время войны

в полновластное управление одному человеку тысяча людей, который иногда по своему воспитанию не в состоянии бывает управлять и одним самим собою, ни повелевать своими страстями, то в таком случае нет сомнения, чтоб многие честные и добродетельные люди не остались от его пристрастия, упрямства, а иногда и недостатка здравого рассуждения несчастливими. Что сделаться не может, ежели такие дела зависят не от одного старшего командира, а от совету его с своими товарищами и помощниками; и жаль, ежели где поручается такой превосходный жребий одному простому человеку. Промысл божий для благополучия человеческого рода учредил на свете высочайших обладателей, коих одних благословенные дома по званию божию их к такому превосходному жребию, по утвержденному законом Божиим глубочайшему нашему к ним почтению и уважению, по величественному их воспитанию и благоразумному приуготовлению к такому важному и независящему достоинству, которые их к одним благодеяниям человеческому роду побуждать должны, имеют богом данную власть и неоспоримое право управлять его судьбою по своей воле, а не другие простые люди.

Сей писатель советует обладателям народов давать довольное жалованье служащим людям, чтоб они чрез то могли быть добродетельнее и исправнее в своих должностях, также награждения заслуженным, что и справедливо, потому что без того трудно иметь достойных людей; только жаль, что награждениям он не определил времени. Теперь везде на свете так умножилось число заслуженных как по себе, так и по предкам людей, что ежели обладатели еще будут делать награждения новым заслуженным людям, в роды их⁵, то чаятельно, что и самим им не останется ничего.

Я много раз удивлялся тем человеческим неправым рассуждениям, что они обыкновенно называют таких обладателей неправосудными, которые за родительские преступления простирают казнь и на детей их, хотя они в том и не имели участия; и такие их жалобы подлинно справедливы; но когда, напротив того, остается детям богатое наследие после родителей их, которых за важные службы наградили их обладатели, то они от того не отказываются. Ежели подумать чистосердечно о сей

поступке, то она не только чудна, но и смешна некоторым образом.

Такие, чайтельно, прихотливые требования довели обладателей римских до того, что в вечной славе почивающей император римский Марк Аврелий сказал своей армии, которая просила у него за победы и понесенные военные труды награждения, которое, может быть, ей и справедливо следовало, такие слова: «разве вы хотите, чтоб я для удовольствия вашего потребовал новых податей от отцов ваших и матерей»; и сей праводушный, добродетельный и великий монарх приказывал иногда для удовольствия своих солдат продавать дворцовые дорогие вещи. Вот до чего довели неправосудные милости и неумеренные подаяния его предков, которые потомкам своим неоставили, чем награждать достойных людей их времени за их службы. При таком случае вотще правосудие вопиет награждение заслужившему, казнь заслужившему, а не потомкам его. Когда в какой области монаршее попечение простирается на подданных его так далеко, что дети их обоего пола воспитываются на его иждивении, когда они имеют впредь по своим заслугам верно и правосудно награждаемы быть, когда законы гласят, чтоб всякий человек пользовался таким жребием, который бы ни превосходен, ни недостаточен был против его достоинства, то в такой области к чему наследие, к чему приданое. Господня есть земля и исполнение ее. Государь есть отец своих подданных и не оставит их в сиротстве. В том я не сомневаюсь, чтоб такие мои рассуждения не тронули кого из моих читателей, хотя они и на всевозможной справедливости основаны; но ежели они посмотрят на них беспристрастными глазами, то, без сомнения, увидят их правоту и пользу, и в таком случае несравненно большая часть людей или, как прямее сказать, все они были бы гораздо благополучнее обыкновенного. Но сей опыт для иных людей похож на итальянскую музыку. Сладости ее не понимает деревенский мужик, а только те люди, которые учились ей основательно или которые довольно навыкли ее слуху. Когда ж, несмотря и на сие, останутся они в неудовольствии, то по крайней мере пускай не позабудут тех словес божиих: ему же дано будет много, много и взыщется от него. Я признаюсь

чистосердечно, что неприязнь моя к неумеренному самолюбию и недоброхотство мое к другим рождающимся от него порокам, а не другие какие причины заставили меня предложить свету сии рассуждения. Всякий век и каждое время имеют в себе достойных и отличных людей; итак, ежели дозволить им такую привилегию, которая бы утверждала данные им награждения в вечность их родов, то наконец и самая пребогатая натура истощиться должна; и в таких-то случаях один, имея сверх достоинства, а другой, не получая по достоинству, оба мало заботятся о пользе своего отечества, и поручаемые достойным людьми чины вместо уважения приходят в некоторое пренебрежение; а сей важный залог вышней власти надлежало бы для благополучия человеческого рода и для благопоспешествования пользы обладателей почитать лучше. Одно правосудие обладателей, святое правосудие, орудие величества божия, важная клейнода⁶ и необходимое качество монархов может отвратить такие тяжкие несправедливости на свете.

Сей автор порочит немцев за то, что они рвутся вступать в военную, статскую и придворную службу, позабыв, что не одни только сии состояния служат к человеческому возвышению, а столько их быть может, или по осторожному учреждению правительства быть должно, сколько есть законных нужд человеческих; и что во всех сих званиях можно оказать, когда кто имеет, свои дарования, можно получать преимущества и восходить по степеням. Правда, что восхождение по степеням чести иной назвать может суетою; но сию суету, ежели мы желаем благополучия человеческому роду, необходимо позволять должно во всяком роде разных человеческих состояний⁷.

Я не думаю, чтоб кто из смертных мог далее проникнуть в сердце человеческое, кто бы мог лучше открыть и изъяснить свету пороки, пронырства и коварства политические и дать лучшее сияние справедливости и добродетели, как сей разумный писатель; и когда мы обязаны всеми законами иметь благодарность и к таким людям, которые оказывают нам временные благодеяния, то кольми паче сему великому мужу должен благодарить свет за такие его препознанные и почти в вечность времени служащие

наставления, которыми он приводит род человеческий на путь прямого разума, которыми открывает завесу ложных и коварных мнений, которыми отверзает дверь для торжественного входу в мир справедливости, добродетели и святости; и ежели б в подсолнечной какая область могла иметь такое счастье, чтоб были в ней все начальники одарены такою крепостию духа, такою зрелостию и прозорливостию разума и таким чистосердечием, каких требует по справедливости сей беспристрастный муж, то бы человеческий род не видел той горести и бедности, которые несравненно большую часть его лишают натуральной смерти.

Я признаю мою слабость в том, что при изъяснении мыслей сего автора имел великую трудность, и не знаю, мог ли их изобразить в полной их силе и доброте...

При окончании сей моей речи желаю и искренно советую вам, благосклонный читатель, пользоваться сими спасительными наставлениями, которые подает нам сей верный друг человеческого рода. А я пребуду

Ваш доброжелатель
ЯКОВ КОЗЕЛЬСКИЙ

ДЕПУТАТА
ДНЕПРОВСКОГО ПИКИНЕРСКОГО ПОЛКА
ЯКОВА КОЗЕЛЬСКОГО
НА ЧИТАННЫЕ В РАЗНЫЕ ЧИСЛА СЕНТЯБРЯ МЕСЯЦА
ЗАКОНЫ О ПРЕИМУЩЕСТВАХ ДВОРЯНСТВА
ПРИМЕЧАНИЕ

Из прочитанных законов о дворянстве видно, что достоинство это получило начало от самых незнатных фамилий чрез то, что одни, отличая себя добродетелью и превосходством службы перед другими, приобрели сие почетное звание. Когда же с учреждением регулярных войск слава российского оружия достигла цветущей степени, то находившиеся тогда в службе и принимавшие участие в знаменитых и победоносных делах при награждении обер-офицерскими чинами награждались и дворянским достоинством. Они были из людей, отличавшихся не знатностью рода, но добродетелью и военными заслугами. И так как производство в офицерские чины, а вместе с тем и приобретение дворянства по сродному людям честолюбию умножилось, то для примера и ободрения служащих всякого звания установлено было, чтобы и они пользовались разными преимуществами. Но как ныне многие гг. депутаты, подавая свои мнения о дворянстве, разными мероположениями стараются возвысить старое дворянство до такой степени, чтобы заслуживающие офицерские чины не из дворян уже никакими подвигами и достоинствами не могли быть сравнены с ними, и для достижения сей цели приводят многие неправые доводы, то и я, соответственно моей должности, представляю почтенному собранию следующие мои примечания.

Из состоявшегося в прошлом, 1766 году 14-го декабря и по всей империи обнародованного манифеста о созвании депутатов всем известно, сколько неутомимого труда ее императорское величество соизволит предпринимать к восстановлению верноподданным своим общего блага и правосудия, поставляя себе за первое удовольствие видеть всенародное благополучие и человеколюбивые законы. Для достижения сего в данном Комиссии большом Наказе, в главе XV-й, во многих премудрых своих правилах она предоставляет добродетели и заслугам первое право к получению чести и достоинства.

Итак, ежели предки российских дворян начало своего достоинства получили чрез награждение по своим заслугам за верность и добродетель, а не чрез знатность рода, то потомки их не должны бы умалять и презирать офицерские чины. Ежели те лица, которые со времени государя Петра Великого и по его узаконениям заслужили обер-офицерские чины, хотя были и не знатного происхождения, но только добронравного воспитания, и потом в нынешнее уже время показали себя искусными в военных делах, в приведении в отличный порядок подчиненных им солдат, — ежели такие лица неоспоримо достойны почитаться за настоящих дворян, то они должны пользоваться и всеми дворянскими преимуществами.

Нет сомнения, что достоинство сие драгоценно; но кому оно было дороже, предкам ли, которые сами его заслужили, или их потомкам? Если же, как некоторые того желают, умножится одно только старинное дворянство и пренебрежено будет вновь пожалованное, то, по мнению моему, это послужит в подрыв государственной службе, ибо прочие, недворянские сословия, не видя себе равного с дворянами за службу возмездия, будут служить принужденно, без всякой ревности и любви к отечеству. Не имея в виду заслужить в своем же отечестве отличного достоинства, они сделаются как бы не сынами отечества; о воспитании же своем, о науках и о добродетелях не будут иметь повода прилагать какое-либо старание. Между тем как в прошлое время многие из простого звания, усердствуя своему государю и отечеству, чтобы достигнуть сего драгоценного достоинства,

жертвовали в службе жизнью; иные же, посвятив труды свои и знания делам гражданским, заявили себя полезными членами общества. И какое же будет в государственных делах благосостояние и в обществе спокойствие, когда вместо взаимного человеколюбия от такого явного небрежения к ближнему умножится ненависть и вражда? Сверх того, дворянство, умножив высокомерие своего достоинства, будет пренебрегать служащими как по гражданской, так и по военной части. Вместо исправления прав, о котором ее императорское величество прилагает попечение, вселится гордость и презрение к ближнему, тогда как в самом начале Наказа изъяснено, что закон христианский научает нас взаимно делать друг другу добро. Из этого же Наказа мы видим, что милосердие ее величества простирается правосудно и на всех равно, то-есть чтобы каждому достойному дать достойное и не имеющим дворянского достоинства позволить оное приобрести.

В некоторых мнениях дворянское воспитание предпочитается службе; какая же будет польза обществу, если приобретенная от него честь за прежние победы будет наградою только одного старого дворянства и если в чести останутся одни дворянские фамилии единственно потому только, что они старее? Можно будет тогда подумать, что служба, которую несло все общество, была для прославления одних дворян, а не для пользы отечества и сохранения целости государства; такое суждение, хотя и было бы не основательно, но к нему могут подать повод выраженные некоторыми депутатами мнения. Что же принадлежит до воспитания всякого гражданина, то оно необходимо для пользы государственной, а не лично для него одного. На это мы найдем в том же Наказе особенные правила, для всех вообще предписанные. К тому же при одном воспитании без знания действительной службы и без испытания военного искусства на деле нельзя быть ни надежным полководцем, ни добрым гражданским правителем. Мы не знаем, какое было воспитание предков старого дворянства, но всем нам известно, что военными подвигами государство наше не только осталось в своих пределах, но еще и приобрело многие области. Следует

еще присовокупить, что сверх воспитания и наук для службы потребны дисциплина и практика. Состоящие в службе не из дворян, равно как и из дворян, производятся не иначе, как с одобрения командиров о их беспорочной службе, отмечаемой в списках; по таким же спискам, если кто из служащих дворян или не из дворян окажется недостойным, об этом также известно высшему правительству.

В поданных мнениях говорится также, что вышедшие не из дворян в офицеры, получа небольшое поместье, стараются распространить его. Я полагаю, что каждый беспристрастный человек скажет, что тот приносит более пользы, который сохраняет и умножает, нежели тот, кто расточает¹.

В тех же мнениях гг. депутатов выражено, что некоторые офицеры не из дворян безупречны; но эти гг. депутаты, деля им честь этою похвалою, и тут умаляют ее цену, бездоказательно говоря, что они из страха к начальству таковыми себя показывают. Это мнение основано на одной догадке и не совместно с законом, ибо страх к начальству проистекает от соблюдения законов, а соблюдение их есть едва ли не первая добродетель. Упрекают еще некоторых офицеров недостатком их состояния; но мы знаем, что у славнейших из древних народов большую честь имели именно те, которые убожество и бескорыстие ставили себе за долг, и они-то, как ревнительные о пользе своего отечества, избирались народом в самые высокие должности; да и в наше время в Европе есть государства, у которых самое убогое шляхетство² считается по своим преимуществам наравне с богатыми; притом же убожество при добронравии не противно ни чести, ни достоинству.

Итак, по мнению моему, в законах о преимуществах дворянства полезнее следовать правилам, предписанным нашею всемилостивейшею государынею, и прежним установлениям³ без всякой отмены.

Но более всего это зависит от правосудной воли ее императорского величества, пекущейся равно о благополучии всех своих подданных, о чем и представляю на благоусмотрение почтеннейшего собрания.

[МНЕНИЕ О ПОЛОЖЕНИИ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН]

В КОМИССИЮ О СОЧИНЕНИИ ПРОЕКТА
НОВОГО УЛОЖЕНИЯ
ОТ ДЕПУТАТА ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ПРОВИНЦИИ
ОТ ШЛЯХЕТСТВА ЯКОВА КОЗЕЛЬСКОГО
ПРИМЕЧАНИЕ

а поданное сего мая 5 дня в оную Комиссию от господина депутата Коробьина примечание, коим он, сообразуясь Большому ее императорского величества Наказу, представлял об установлении податей крестьянских помещику. Из подаваемых от господ депутатов противных мнений приметил я за основательное, что за разностию климатов, за неспособностию к плодородию земли и по другим обстоятельствам не полезно будет государству таковое установление в податях крестьянских и, соответствуя должности моей как в том, так и в другом, служащем по материи, что нахожу за полезное государству, то и всему высокопочтенному собранию предлагаю. Представляя в уважение разность климатов и разность способности или неспособности к плодородию земель или и такие места, где пахотных земель не находится, каковы по большей части сыскаться могут при городах Москве и С.-Петербурге; а в отдаленных от сих городов деревнях крестьян, что они живут при землях довольных и плодоносных; и как одни из них живут при дорогах больших и торг имеют харчми от проезжающих в домах своих, а в столичных городах — продажею хлеба, сена, дров и других городским жителям нужных вещей, тоже нанимаются всегда в извоз, и потому пред другими, кои в отдаленных местах живут, пользуются в деньгах гораздо больше, так равно, как сии последние

изобилуют в хлебопашестве, — то, по моему мнению, заменяя и сравнивая профиты их, можно их всех подвергнуть равному помещичьему взысканию, с тем только различием, чтобы из живущих около столичных городов и при больших дорогах, или где бы и безземельные сыскались могли, взыскивать подать деньгами определенительно, то-есть за два дня в каждой недели, по такой цене за день, как по изведенным о каждом из сих мест чрез господ губернаторов и депутатов обстоятельствам и опытам достовернее и справедливее законом предписано будет; а в отдаленных провинциях, где земли достаточны и хлебородны, но жители, не имея где хлеба продавать, в деньгах убожее первых, употреблять крестьян на барщину в хлебопашество и в другие экономические дела¹ по два же дня в неделю, выключая воскресный, как одному богу посвященный, день.

Итак, мне кажется, справедливее и человеколюбнее сего не может быть, когда шесть дней в неделе разделены будут таким образом, что крестьянину два дня на исправление в государственных податях, другие два дня на содержание помещика, а два дня на исправление собственных его нужд, седьмой же день на богослужение.

Я полагаю помещиковы дни, по примеру найма, ценою каждый из них (как летнего времени дороже, так и зимнего дешевле) за пару волов с упряжкой или и за пешего человека с харчми крестьянскими — по 10 копеек; и когда же таким образом подать крестьянская ограничена будет, то помещику достанется со двора крестьянского в неделю по 20 копеек, а в год по 10 рублей, только с тем условием или пределом, чтобы и обыкновенная от баб крестьянок помещику подать² и работа туда же вмещена была.

По сей раскладке не будет еще равновесия в том, что два дня на исправление в государственных податях, то-есть в подушном сборе, покажутся крестьянам легче против тех, что на помещика, хотя бы и рекрутский набор сюда же внести; но зато крестьяне заменять будут государственную пользу ту, что, умножая безопасно многолюднее семьи свои, умножат и подушный оклад, потому что они помещику оброк платить или урок работать должны уже не по душам, а от двора, и сим образом расположение

времени крестьянского на подать государственную и помещичью и будет в равновесии, и по сей уже выкладке можно будет в законе отдать на волю помещикам и крестьянам во всем государстве и во всех оног областях, несмотря и на различие земель и продуктов, с тем — хотят ли они согласиться на барщину или на денежный оброк.

Сие расположение полезно будет и для того, что по ревизиям³, в которых будут писать статьями крестьянские дворы и души, известно будет всегда всякому правительству — сколько за каким помещиком дворов и душ и сколько же он в год определенного ему по закону дохода с них получит и каково достаточно, без излишества, не заходя в долги, жить и детей своих воспитывать может, — и служить будет предупреждением права опеки⁴. За сим осталось разобрать только то неравенство, что из крестьян найдутся один семьянистее, а другой одипокий, а всем им подать помещичья полагается одна. Но я иного способа к облегчению одинокого не нахожу, окромя сего, чтобы помещик, не запуская в доимку годовую, подати взыскивал с него понеделно или по крайней мере помесячно, и то ему будет в облегчение; для большего же еще полегчения побуждаем будет крестьянин сам стараться о размножении семейства, а который не сыщет способа умножить свою семью, затем что бездетен, а с другого двора принять ему никого нельзя будет, то таковым в податях и то немало помогать будет, что за неимением детей мало у него хлебоедцев, а что меньше у него хлебоедцев, то больше у него останется на продажу хлеба, а от того и подать платить будет ему нетрудно.

Что же касается до имений крестьянских движимых и недвижимых, то оставить оными пользоваться крестьянам, с тем только, чтобы они без дозволения помещика не властны были ни кому продать, ни заложить из недвижимых имений, а владели бы сами потомственно, без участия помещикова, для того что крестьяне, почитая те имения в собственности, предполагать будут себе за основание то, которое их от побегов удерживать станет, и прилежнее в земледелии упражняться будут, по отделениям 295 и 296 Большого Наказа.

Я из помещиков в самых местах украинских и в таком народе, который из малого какого-либо себе неудовольствия склонен к ежечасному с места на место переходу, но и тот сим законоположением будет доволен, потому что тамошние мужики, подданные, по вольности своей самопроизвольно договариваются, чтобы в неделю работать на помещика по два дня, или по тому же денежный оброк им платят; а что касается до внутренних крестьян⁵, которые в жизни своей основательнее и ко всяким нуждам привычнее, то они и больше того будут довольны.

Когда законное установление в должности крестьянина к помещику последует, то какая от того обществу произойти может польза?

1. Каждое сего рода людей семейство, будучи известно об определительной своей должности, а притом уверено и о свободе времени того, которое для собственной его пользы ему оставаться будет, не имея же прежде бывших препятствий, что крестьяне в долговременные от домов отлучки безвременно употреблены не будут, натурально, постарается о всевозможном себя обогащении и, в таком расположительном времени, почувствовав некоторое облегчение состоянию своему, почувствует желание и о размножении семейства.

2. Последовательное: что они дочерей своих властны будут выдавать замуж благовременно, а не так, как донныне делается, что многие из крестьян, по тридцати лет и более не выдавая их, принуждены держать при себе нарочно, показывая причину, что за всегдашними и дальними их отлучками в доме работать некому. Когда о сем по человечеству и беспристрастно помыслить, то какая жалость! и не бесчеловечный ли отцы и матери против собственного своего натурального желания над детьми своими видят поступок!

3. Многие из крестьян, зависящих до сего времени от единственной, различной и неопределительной своих помещиков воли (как из Наказа во многих статьях объявляется), сносят свое состояние с крайним их отягощением во взыскании с них денежных оброков и в безослабном порабощении и, что им еще тягчайшее, что они и в имениях своих, равно же и в детях бывают невластны; а сим новым

узаконением, ограничивающим каждого волю и состояние, будучи облегчены и ободрены, прилежнее станут употреблять себя к хлебопашеству, как они и побуждаемы к тому будут законом же, от времени до времени униматься станут от злодейств, как многие из них говорят и извиняясь, что-де они трудности и скудости ради и за неимением хлеба понуждаемы бывают на всякое зло; что и вероятность по-дает из того, что в городах, селах и деревнях, тоже и по всем дорогам великое множество ни в чем не изувеченных крестьян просят подающие и приносят жалобы, что они чрез повседневное порабощение не имеют хлеба и для пропитания.

4. Выходящие из деревень в столичные города Москву и С.-Петербург под видом торга и зарабатывания денег мужики, из которых в тех городах множество найдется лишних, возвратятся на свои жребии к хлебопашеству и к другим деревенским работам; а сей полезный способ удвоит еще пользу тем, что, как только толпа сих тунеядцев выбудет, то дороговизна в хлебе избавится, и в деревнях семейство умножится.

5. В рассуждении сего многолюдства могу представить еще и то: во-первых, торгующих, — *как* они все купцы и *что* все за торг принялись? и для разобранья купечества и распознавания состояния их за полезный способ почитаю сей, что как только в здешнем городе расписать и сметить количество суммы, то-есть на сколько миллионов во всех товарах или продаваемых вещах сыскаться может, и число торгующих, то из сей выкладки и найдется, по числу суммы и по множеству торгующих, что иной торгует рублей на десять, а называется купцом. Что же из сего купца прибыли обществу? Хлебоядствует только; да где? в столичном городе, где хлеб и без него многим надобен. Не лучше ли ему жить в деревне и упражняться в хлебопашестве, нежели настоящим купцам в торгах их подрыв делать; а таков же разбор можно сделать и между находящимися под видом зарабатывания.

6. Крестьяне не только что от побегов уймутся, но удобнее можно будет возвратить и бежавших в Польшу, которых наперед сего многими милостивыми указами вызвать было невозможно; а притом надежнее вызвать и

украинских мужиков, бежавших туда же в Польшу, в Валахию и в Венгрию, нежели как способом тем, что ныне в новосербские и другие населенные места⁶ они вызываемы были, потому что вызываемый народ из закону твердо уверен и вызывающими обнадужен будет о непременимой подданнической должности или подати.

Новосочиняемый закон, как из отделения 297 видеть можно, хотя будет наблюдать пользу о хлебопашестве, но он наблюдение иметь будет главное государственное; к приведению же хлебопашества до намеренного конца, мне кажется, что всяк помещик, как член тела или общества, помогая главному правительству, должен законом же обязан быть в наблюдении за крестьянами своими, чтобы они в своем упражнении прилежнее были, как и сам же он от трудов их оброк свой получать будет и ленивых поуждать может. Для чего не полезно ли будет учредить о хлебопашестве государственное правительство⁷, которое от всех помещиков и от всех мест ежегодно собирать станет ведомости — сколько хлеба посеяно и сколько снято будет, и, таким образом, польза государственная и польза помещичья будет связана с пользою крестьянина его; а такое расположение каждого частного правления соответствовать будет расположению народа, ради которого оно и учреждается по 262-му отделению, и служить может к предупреждению причин непослушания рабов против господ своих, ибо крестьяне, под наблюдением своих помещиков всегда будучи, останутся в прежнем страхе о почитании их, как они им и крепки⁸ по отделению 263-му; по облегчению же податей чувствительны будут к благодарности и большему усердию помещикам своим, вместо того что ныне, в отчаянии будучи, недоброхотствуют им и, как известно, многих убивают.

Весьма несправедливо будет, когда я не исключу господ владельцев, кои владеют подданными своими умеренно и без отягощения. Но как предписание закона, ограничивающее помещичью подать, будет для всех полезное, то думаю, что каждый из господ помещиков может быть доволен в рассуждении, что оное для таковых, кои неумеренным порабощением своих подданных отягощают, будет некоторым воздержанием в поправление же им; а кои из

них найдутся человеколюбны и подданным своим не суть тягостны, те без принуждения законного сами себе уже предписали закон, и таковым закон будет в похвалу его домостроительства. Равно несправедливо же будет, если кто защищать станет при добродетельных и таковых помещиков, которые бы во вред себе и обществу подданных своих разоряли, а таковых число едва ли не умножается, и, статья может, оттого, что крестьяне потомкам помещичьим достаются легче, нежели как их предкам.

Что же господа депутаты в мнениях своих пишут, что когда кто из помещиков сыщется разоряющий своих крестьян, с тем-де поступить по законам и отдать в опеку, по мнению же моему, если такие сыщутся, то лучше изыскивать способы к предупреждению разорений так, как и преступлений, нежели впадших в оные сыскивать к суду с затруднением правительств и чрез что умножать процессы или отдавать в опеку разоренное уже. Таковые-то следствия побудили к предупреждению и в самых вольных народах, что по законам установлена опека частным правлениям таким, кои имели бы приходиться в несостояние; и в отвращение того повелевается тамошним правительствам имения их отдавать в опеку; и когда же частные правления в сем случае предохраняются законом в вольных народах, то паче в самодержавном государстве упадающие дома помещичьи и многочисленный народ крестьянства, кои в худом домостроительстве найдутся, для целости всего государства общим законом и единовременно не надлежит ли предохранить от дальнейшего их разорения и жалостное состояние бедных крестьян, сообразуясь Большому Наказу, 270-му отделению, облегчить, в том предаю на беспристрастное рассуждение всему почтенному собранию.

Также господа депутаты в мнениях пишут, что помещики крестьян своих в случае нужды ссужают хлебом, скотом и прочим, а мне кажется, что помещик, сколько бы ни богат был, то он в рассуждении поместья своего и от него же богат. Итак, если он не лишает своих крестьян собственного их хлеба, скота и всего пропитания, так где же он только возьмет всего того, чем бы ему во время нужды, то-есть в самом крайнем недостатке, каждого из крестьян своих снабдить? невозможное дело! от сего благо-

деяния и владеющий принц скоро откажется. Справедливее же можно доказать то, что крестьяне множеством одного помещика во всяком случае могли бы удовлетвориться, ежели бы только они не разорены так, что по миру ходят. Я помещика умеренным и сносным признаю и за одно то, когда он из крестьянского движимого имения ничего взять не пожелает.

Что же и леностью, пьянством и мотовством обвиняют их, крестьян, то пускай, положим, и так. Но я представляю трудолюбивую пчелу в пример: за что она трудится и кому прочит? что она трудится часто не для себя, она того не предвидит, но приобретенное, как видно, почитает за собственное добро, что защищает его и для того кусает, жалит, жизнь теряет, как только человек или другое животное подойдет к гнезду ее. Крестьянин же чувственный человек, он разумеет и вперед знает, что все, что бы ни было у него, то говорят, что не его, а помещиково. Так представьте себе, почтенное собрание, какому человеку тут надобно быть, чтобы еще и хвалу заслужить? и как ему быть добронравну или добродетельну, когда ему не остается никакого средства быть таким? он в сем насилии принужден и себе недоброхотствовать, а оттого разве и пьянствовать, будучи в унынии, а не от лености, а самый бо трудолюбивый человек делается нерадивым во всегдашнем насилии и не имея ничего в собственности. Да и могут ли в сем климате быть ленивые народы, я не понимаю. Лучше, кажется, по человеколюбию стараться возбуждать народ к работе вольной и не томной, то он больший урок вырабатывать будет и не устанет, ежели одною неволею и удручением рабства; и таким образом облегчится рабство его и нечувствительно ему будет.

Впрочем, если бы кто из помещиков был столько прихотлив, который бы желал владеть подданными своими беспредельно, тот, по справедливости сказать можно, пожелает сверх принадлежащего ему преимущества, ибо и самая верховная власть по самодержавию своему от всех подданных не требует более определенной всякой службы, кроме на содержание необходимой войны; но и та бывает для восстановления общего же благоденствия и для утверждения постоянного мира и всенародной тишины.

В сих мыслях я бы рассуждал за полезное и во всех Российского государства областях разделить и отмежевать землю всем подданным, кои в слободах с владельцами живут и владеют принадлежащими к тем слободам землями вообще, для того чтобы мужики, почитая те земли за собственный свой удел, основательнее обзаводиться и постоянно жить могли.

Обнажение государства от жителей всегда быть может и в тех народах, коим переход с места на место дозволен⁹, но как оно дозволение и немалым есть им удовольствием, то, по мнению моему, не нарушая их вольности, полезно бы было ограничить тот переход, чтобы он по точности законов наблюдаем был, обходя притом и извиняя невежествующих простолудинов, и принятыя за приемщиков помещиков, кои, а наипаче сильнейший от меньших помещиков, не наблюдая указов, переходящий или, лучше сказать, бегущий народ принимают без письменного вида, и, пресекая дерзость их, установить, чтобы с приемщика за прием таковых переходцев да беглецов взыскивать штраф — равно как и за великороссийского крестьянина беглого.

Сей способ, по сведению моему о тамошних обстоятельствах и народах, отменить может злоупотребление то, что тамошний народ и владельцы под видом вольного, честного перехода не разнимательно содержат и побег, и отвратит причиняемое всякий час от тех волочаг, мужиков и пастухов тамошним народам и самым трудолюбным хозяевам нестерпимое зло или вред в рассуждении тамошних в скотоводстве профитов. Сей же способ может быть справедлив, потому что он из свойства тамошней же вольности и не отнимать будет свободного перехода, кроме одного побега, сверх же того принести может пользу обществу по нижеписанному.

1. Что тот бродящий народ станет униматься от перехода, который и самому ему разорителен, и обзаводиться будет, для того что другого способа к переходу не останется, как один тот, что ему с отпускным письмом переходить. А когда только с отпускным письмом ходить будут, то разве из ста или из тысячи один сыщется, самый уже бродяга, который, разоряя себя вольно, вздумал бы итти

к другому владельцу, потому что вольно, а не принужденно идет. Но бегающие, а паче наемные работники, под видом вольного перехода, украдкой, как злодеи, примерно сорвавшиеся из тюрьмы, а с ними в шайку замешавшийся и оседлый мужик уходят оттого, что причиненные ими хозяевам их в деревнях и в хуторах в хлебе и в скотоводственных прибылях неописанные воровства, кражи, пьянства и мотовства понуждают их к тому. Посему доказываю я, что таков переход не вольный, но принужденный, причиняющий явный вред и бегающему и жительствующему хозяину, который и пресечь можно по вольности и из привилегий тамошних же, ограничивающих сию вольность честно и без побегов.

2. Как только сей корень зла истребится, то из числа того же народа, дикий (который по большей части безместен и скитается по хуторам и для того умышленно не женат, чтобы ему удобнее вольничать и хозяев своих принуждать им снисходить) принужден жениться и, размножаясь, семейством обзаводиться, селиться и постояннее жить. А какой еще способ употребить, чтобы они могли жениться, я имею объяснить вперед, сообразуясь Большому Наказу, в примечании моем о размножении народа.

3. Что воровство, происходящее в тамошних местах, которое, по добронравию тамошнего народа в одной сей дичи только и заводится, совсем истребится.

4. Тамошние жители, не предвидев от сей вольницы опасности в злодействах, каковые ныне они причиняют, распространят заводы, от коих продукты свои имеют, а от того, умножая беспрепятственно собственную пользу, умножат и государственную.

Но за всем тем остается объяснить причину, для которой я рассуждаю законоположить на приемщиков столь тяжелый штраф за прием предписанных беглецов, и для чего они, в отменность указов тех, кои за прием их винят, дерзают преступать оные, которую и объясняю в следующем.

1. Что штраф у тех указов положен из прав малороссийских весьма мал и сносен, наипаче в рассуждении сильного помещика, а к таковым по большей части беглецы и убежище имеют; и когда таков помещик или еще и

управитель его не выдал бежавшего, так куда же на него бить челом? власть его, сила и дальность расстояния к самому помещику воображают страх волокиты ищущему своего бежавшего; а хотя бы он по претерпении волокит и получил положенное в тех правах награждение или и самого бежавшего, но и то не будет ему награждением, потому что беглец разграблен и разорен, и он больше понесет убытка в харчах, нежели същдет.

2. Ищущий, представляя в мыслях своих толь малое взыскание, представляет и трудность ту, что ему надобно отлучиться от дома и отважиться на взыскание малое и то неизвестное, и потому ехать, оставя все свои нужды и приобретения известные, не льстится, а оставляет то с понесением своей обиды; а беглецы и приемщики, чрез таковое терпение, умножая свою дерзость повадкою, что им сей промысел с рук сходит, и больше таким беглецам убежище дают. Если же штраф сходственный с сим мнением положен будет и в ближайших местах, и на тех имениях, где беглецы укрываться станут, взыскание будет, то всякий из обидимых иметь будет авантаж, не упуская таковым злодеям ехать, и с приемщиками, хотя бы и судом, разведываться. Но и принимающие одним сим тяжелым штрафом уstraшены будут и, не допуская себя до того, тотчас не станут их принимать. Итак, сии злодеи принужденными себя найдут жить и служить постояннее.

Впрочем, предаю в рассмотрение всему высокопочтенному господ депутатов собранию.

Депутат

ЯКОВ КОЗЕЛЬСКИЙ

(с[обственноручно] п[одписал])

Читано 23 мая 1768 г.

П Р И М Е Ч А Н И Я

Большинство произведений русских мыслителей XVIII века воспроизводится в настоящем издании по первопечатным источникам. Отбор сочинений произведен в зависимости от значения каждого из них в творчестве и деятельности данного автора и в истории русской общественной и научно-философской мысли. В извлечениях даны только те произведения, которые по своему объему и содержанию не могли быть полностью включены в наше издание, например, «Рассуждения двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании» Я. П. Козельского, примечания С. Е. Десницкого и Я. П. Козельского к некоторым переведенным ими трудам, проповеди П. А. Словцова.

В некоторых произведениях опущены обязательные в ту эпоху официальные хвалебные по адресу царствующей особы вступления и заключения, как правило, не связанные с основным содержанием излагаемых философских и общественно-политических проблем. Опущен также ряд примечаний на латинском и греческом языках, являющихся цитатами из сочинений античных писателей и мыслителей и обычно излагаемых авторами публикуемых нами текстов.

Где представлялось возможным, текст сверен по архивным спискам (например, «Рассуждение о истребившейся в России совсем всякой форме государственного правления» Д. И. Фонвизина, «Послание к М. М. Сперанскому» П. А. Словцова).

Материал размещен главным образом по хронологическим датам жизни авторов и по датам написания ими произведений.

Сочинения печатаются по современной нам орфографии, но с сохранением характерных языковых особенностей подлинников. Исправлены явные ошибки и опечатки, а также несообразности пунктуации, искажающие смысл и синтаксический строй предложения. Редакционные исправления и переводы иностранного текста даны в квадратных скобках.

Примечания и подготовка текста к печати Л. Б. Светлова.

Н. Н. ПОПОВСКИЙ

Поповский Николай Никитич (1730—1760) учился в университете при Академии наук в Петербурге, где считался «отличнейшим из студентов». Был любимейшим учеником Ломоносова. В 1755 г., после открытия Московского университета, назначен по представлению Ломоносова профессором красноречия и философии. Умер в Москве в 1760 г.

Н. Н. Поповский является автором ряда стихотворений и переводчиком с античных и европейских языков. Ему принадлежит перевод сочинения Локка о воспитании и лучший для того времени перевод поэмы английского поэта и мыслителя Александра Попа «Опыт о человеке». Этот перевод был напечатан в 1757 г. после долгих цензурных проволочек.

Поповский был основателем одной из двух издававшихся в XVIII веке в России газет — «Московских ведомостей», начавших выходить при Московском университете в 1756 г.

РЕЧЬ, ГОВОРЕННАЯ В НАЧАТИИ ФИЛОСОФИЧЕСКИХ ЛЕКЦИЙ ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ГИМНАЗИИ РЕКТОРОМ НИКОЛАЕМ ПОПОВСКИМ

«Речь» является вступительной лекцией к курсу философии, который Поповский начал читать студентам университета в августе 1755 г. Впервые была напечатана в журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (август 1755 г., стр. 167—176), откуда и воспроизводится в настоящем издании. Затем была перепечатана в сборнике «Речи, произнесенные в торжественных собраниях Императорского Московского университета русскими профессорами оного» (изданы Обществом любителей российской словесности, М. 1819, ч. I, стр. 9—17).

В сохранившейся в архиве Академии наук СССР рукописи «Речи» пмеется ряд поправок и замечаний, сделанных Ломоносовым и учтенных при напечатании ее в журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» в 1755 году.

¹ *Естественная богословия* — богословие, основанное на утверждениях о постижении религиозных представлений естественным человеческим разумом; Поповский в соответствии с господствующими в его эпоху взглядами считал так называемое естественное богословие частью философской науки. — 89.

² *Искать старого Рима* — изучать трудные для усвоения древние языки, в частности латинский язык, и произведения древнеримских авторов. — 89.

³ *А мать* — то-есть сама философия. — 90.

⁴ *У логиков* — у древних и средневековых философов. — 91.

⁵ *Barbara, Celarent, Darii* — слова первой строки мнемонических стихов, составленных в средние века для запоминания модусов фигур силлогизма в формальной логике. — 91.

⁶ *Куратор* — попечитель университета. Старшим куратором Московского университета был в то время И. И. Шувалов. — 92.

ПИСЬМО О ПОЛЬЗЕ НАУК И О ВОСПИТАНИИ ВО ОНЫХ ЮНОШЕСТВА

Напечатано впервые Н. И. Новиковым в журнале «Живописец» (лист 8, 1772) под следующим заголовком: «Письмо о пользе наук и о воспитании во оных юношества, писанное покойным профессором Поповским к его превосходительству Ивану Ивановичу Шувалову при заведении Московского университета, 1756 года», откуда воспроизводится в настоящем издании.

«Письмо» посвящено старшему куратору (попечителю) Московского университета И. И. Шувалову, содействовавшему Ломоносову в создании университета.

В своем трактате Поповский затрагивает не только проблемы воспитания юношества, но и осуждает самодержавно-крепостнические порядки, растленные нравы дворянства и завоевательную политику царизма.

Письмо оказало несомненное воздействие на многих передовых мыслителей XVIII века — на Н. И. Новикова, И. А. Крылова, А. Н. Радищева и др.

¹ *Аммон* — бог солнца, главное божество в древнем Египте. *Нехитрому царю* — Александру Македонскому. — 96.

² *Крис* — баснословный богач Крез, мидийский царь (VI в. до н. э.). — 96.

³ *Юлий* — Юлий Цезарь. — 96.

⁴ *В колеблемых стенах* — в непрочных государствах, обществах. — 96.

⁵ *Александр* — Александр Македонский. — 98.

⁶ *Сципион* — древнеримский военачальник. — 99.

⁷ *На Ромулов с горы и Ремов плач сошла волчица*. — Согласно легенде, основатели Рима Ромул и Рем были вскормлены волчицей. — 100.

⁸ *Представив мудрый твой совет*. — Проект организации Московского университета, разработанный М. В. Ломоносовым совместно с И. И. Шуваловым, представлял Елизавете Петровне Шувалов. — 101.

⁹ *Минервин храм* — храм наук, т. е. университет. — 101.

К ПОРТРЕТУ М. В. ЛОМОНОСОВА

Впервые надпись была напечатана к портрету М. В. Ломоносова в книге первой его сочинений, изданных в 1757 г. Московским университетом под названием: «Собрание разных сочинений в стихах и в прозе», изд. 2-е, с прибавлениями. На принадлежность этого стихотворения Н. Н. Поповскому указал Н. И. Новиков в издававшемся им журнале «Санкт-Петербургские ученые ведомости» (№ 22, 2 июня 1777 г.).

А. А. БАРСОВ

Барсов Антон Алексеевич (1730—1791) — видный русский ученый XVIII века, профессор Московского университета. Родился в Москве, в семье переводчика и книгоиздателя (директора Московской синодальной типографии). Первоначальное образование полу-

чил в Московской Славяно-греко-латинской академии при Заиконоспасском монастыре. С 1748 г. учился в университете при Петербургской Академии наук и являлся одним из лучших учеников Ломоносова. В 1753 г. получил степень магистра философии и свободных наук. С 1755 г. начал свою деятельность в Московском университете на кафедре математики. С 1761 г. — ординарный профессор красноречия университета. Состоял членом ряда научных обществ.

Литературное наследие А. А. Барсова состоит из ряда торжественных речей, произнесенных им в университете в разные годы, и оригинальных трудов и переводов. Из его оригинальных трудов главные: «Краткие правила российской грамматики, собранные из разных российских грамматик в пользу обучающегося юношества в гимназиях императорского Московского университета», вышедшие в течение XVIII века в 10 изданиях, «Азбука церковная и гражданская, с краткими примечаниями о правописании» (М. 1768), «Собрание 4 291 древних русских пословиц» (М. 1770). Речи Барсова были изданы в 1788 г. под названием: «Собрание речей, говоренных в императорском Московском университете при разных торжественных случаях красноречия публичным и ординарным профессором Антоном Барсовым». В «Собрании» вошло 9 речей. Некоторые труды Барсова остались в рукописи, как, например, «Обстоятельная российская грамматика», собственноручные записки в 6 томах и др. Ему принадлежит также значительное количество статей, напечатанных в периодических изданиях того времени. Из переводов заслуживают внимания: «Краткая латинская грамматика», переведенная с немецкого языка (М. 1762), «Политические наставления барона Бильфельда», переведенные с французского языка (ч. II, М. 1775), и др.

РЕЧЬ О ПОЛЬЗЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ПРИ ОТКРЫТИИ ОНОГО 1755 ГОДА АПРЕЛЯ 26 ДНЯ

Речь была напечатана в сборнике «Опыт трудов вольного российского собрания при императорском Московском университете», часть первая, 1774. Затем речь была опубликована в книге «Собрание речей, говоренных в императорском Московском университете при разных торжественных случаях . . . Антоном Барсовым» (В университетской типографии у Н. Новикова. М. 1788), откуда воспроизводится в настоящем издании в сокращенном виде (опущены традиционные хвалебные вступление и заключение). Перепечатана в сборнике «Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оного» (М. 1819, ч. 1, стр. 42—49).

Д. С. АНИЧКОВ

Аничков Дмитрий Сергеевич (около 1733—1788) — профессор Московского университета, видный философ и математик XVIII века. Родился в семье мелкого канцелярского чиновника. Первоначальное образование получил в семинарии при Троицко-Сергиевской лавре. В 1755 г. поступил в только что созданный Московский университет,

где усиленно изучал философию и математику. По окончании курса обучения получил ученую степень магистра философии. С 1761 г. Аничков стал преподавать в университете математику, а с 1765 г. — философию. В 1769 г. для получения звания ординарного профессора представил диссертацию под названием «Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания», которая по доносу группы немецких профессоров и протоиерея Петра Алексея была признана «вольнодумной», противоречащей догматам православия. Так, например, профессор Рейхель в специальной речи поставил в вину Аничкову чрезмерное увлечение материализмом «пролетария между философами» Лукреция Кара. Вследствие всего этого напечатанные экземпляры диссертации были по распоряжению святейшего синода сожжены публично в Москве, на Лобном месте. Аничков был вынужден внести целый ряд исправлений в свою диссертацию и даже изменить самое ее название. Однако и это не избавило его работу от цензурных преследований. Дело тянулось, как видно из архивных материалов, вплоть до 1787 г. Звания ординарного профессора он был удостоен после неоднократных ходатайств в 1771 г. Аничков умер в Москве в мае 1788 г.

Аничков сотрудничал как автор и переводчик с известным русским просветителем и книгоиздателем XVIII века Н. И. Новиковым.

Литературное наследие Аничкова состоит из значительного числа «Слов» и «Рассуждений», произнесенных на торжественных актах Московского университета. Главнейшие кроме напечатанных в настоящем издании: «О мудром изречении греческого философа: рассматривай всякое дело с рассуждением, говоренное 20 ноября 1762 года»; «О превратных понятиях человеческого сердца, происходящих от излишнего упования возлагасмого на чувства, говоренное 30 июня 1779 года». К специально философским трудам принадлежит его учебник на латинском языке «Annotationes in logicam, metaphysicam et cosmologiam» («Заметки к логике, метафизике и космологии»), изданный Н. И. Новиковым в 1782 г.

Аничков, кроме того, являлся автором и переводчиком большого числа учебников и пособий по арифметике, алгебре, геометрии, тригонометрии, фортификации и др., неоднократно переизданных во второй половине XVIII века.

РАССУЖДЕНИЕ ИЗ НАТУРАЛЬНОЙ БОГОСЛОВИИ О НАЧАЛЕ И ПРОИСШЕСТВИИ НАТУРАЛЬНОГО БОГОПОЧИТАНИЯ, КОТОРОЕ... НА РАССМОТРЕНИЕ ПРЕДЛАГАЕТ ФИЛОСОФИИ И СВОБОДНЫХ НАУК МАГИСТР ДМИТРИЙ АНИЧКОВ 1769 ГОДА АВГУСТА ... ДНЯ

Напечатано впервые в августе 1769 г. в типографии Московского университета на русском и латинском языках. Является чрезвычайно редкой библиографической редкостью, так как после сожжения книги уцелело не более 3—4 экземпляров ее. Один из них хранится в Отделе редкой книги Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина и один — в Научной библиотеке имени

А. М. Горького Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В настоящем издании текст воспроизводится по первопечатному экземпляру.

Диссертация Аничкова первоначально была напечатана с таким титульным листом: «Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богочитания, которое по приказанию его превосходительства Василия Евдокимовича Адодурова, императорского Московского университета господина куратора, и по представлению его высокородия Михайла Матвеевича Хераськова, оною ж университета господина директора, с согласием притом всех господ профессоров, производимый публичным ординарным профессором в публичном собрании, на рассмотрение предлагает философии и свободных наук магистр Дмитрий Аничков 1769 года августа ... дня. Печатано при императорском Московском университете». Второе же измененное издание было напечатано со следующим титульным листом: «Философическое рассуждение о начале и происшествии богочитания у разных, а особливо невежественных, народов, которое производимый публичным ординарным профессором в публичном собрании на рассмотрение предлагает философии и свободных наук магистр Дмитрий Аничков 1769 года, августа 25 дня. Печатано при императорском Московском университете». Аничков, таким образом, вынужден был в самом заглавии своей диссертации указать, что его рассуждения относятся преимущественно к народам, стоящим на низшей ступени развития. Все вынужденные изменения, сделанные в тексте диссертации, приводятся ниже в примечаниях.

¹ Имеется в виду громоотвод. — 112.

² *Богомудрыми богословами.* — Имеется в виду папство и организованная им инквизиция — жестокая судебнополицейская борьба римско-католической церкви с инаковерующими и неугодными ей людьми. — 114.

³ Во второй редакции слова «состоянии, то» опущены. — 126.

⁴ Во второй редакции слова «и Голиафа» опущены. — 127.

⁵ Опущены слова: «и самые колена Израилевы». — 127.

⁶ Во второй редакции слово «таких» заменено словом «каких», а слова «которые, кроме как только чтоб предстоять олтарию, ни к чему больше не способны» опущены. — 128.

⁷ Во второй редакции все это примечание опущено. — 128.

⁸ В этом примечании сказалось непосредственное влияние трактата Ломоносова «Явление Венеры на Солнце, наблюденное в Санктпетербургской императорской Академии наук» (1761). Аничков вслед за Ломоносовым осуждает нелепые суеверия и бредни, которые распространялись в народе всякого рода невеждами, гадалками и ворожеями, и своеобразно использовал даже слова Ломоносова, который писал, что распространителями суеверных сказок о небесных телах являются «бродящие по миру богоделенки, кои не токмо во весь свой долгий век о имени астрономии не слыхали, да и на небо едва взглянуть могут, ходя сугорбься».

Профессор Рихман — академик Г. В. Рихман, друг Ломоносова, убитый в 1753 г. молнией во время изучения явлений атмосферного электричества.

Во второй редакции диссертации примечание было значительно сокращено. Опущена вся часть, начиная от слов: «И многие невежды и пустомели...» — 129.

⁹ *Кастор либо Поллюкс* (Поллукс) — в античной мифологии два брата (Диоскуры), покровители воинов и мореплавателей. — 130.

¹⁰ Во второй редакции опущена вся фраза, начиная от слов: «И ежели еще та же электрическая сила...», и кончая словами: «...мнимому Кастору или Поллюксу». Вместо нее вслед за словами предшествующей фразы: «...заклучит, что ему явился Кастор либо Поллюкс», вставлены следующие слова: «и не преминет присписать свою победу оным». — 130.

¹¹ *Ансоново путешествие*. — Имеется в виду кругосветное путешествие английского адмирала Джорджа Ансона в 40-х годах XVIII века. — 130.

¹² Во второй редакции опущена вся фраза, начиная со слов: «Иезуиты, самые пастыри христовы стада...», и кончая словами: «мнений своих ложных». — 132.

¹³ *На заблуждающих в бринских лесах* — т. е. на раскольников, скрывающихся в непроходимых дебрях. — 132.

¹⁴ *На непросвещенных в Севере* — имеются в виду нехристианские народности на севере и в Сибири. — 132.

¹⁵ Во второй редакции вся эта заключительная часть опущена. — 132.

СЛОВО О СВОЙСТВАХ ПОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
И О СРЕДСТВАХ, ПРЕДОХРАНЯЮЩИХ УМ СМЕРТНОГО
ОТ РАЗНЫХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ... ГОВОРЕННОЕ
ДМИТРИЕМ АНИЧКОВЫМ ИЮНЯ 30 ДНЯ 1770 ГОДА

Напечатано впервые в 1770 г. в типографии Московского университета и более затем не перепечатывалось. Текст воспроизводится здесь с первопечатного издания в сокращенном виде (опущено традиционное хвалебное заключение).

¹ *Картезиане* — сторонники философии Декарта. — 135.

² *Перипатетики* — сторонники аристотелевой философии. — 139.

³ *Улисс* — Одиссей, древнегреческий легендарный герой. — 142.

⁴ *До Коринфа* — то-есть до совершенства. — 145.

⁵ *К римлянам* — послание апостола Павла «К римлянам». — 149.

СЛОВО О РАЗНЫХ ПРИЧИНАХ, НЕМАЛОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ
ПРИЧИНЯЮЩИХ В ПРОДОЛЖЕНИИ ПОЗНАНИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО... ГОВОРЕННОЕ... ИЮНЯ 30 ДНЯ
1774 ГОДА

Напечатано впервые в типографии Московского университета в 1774 г. Нигде затем не перепечатывалось. Воспроизводится в настоящем издании с первопечатного издания с незначительными сокращениями.

¹ Ссылка на реплику персонажа приписываемой Сенеке трагедии «Троянки». — 154.

² Письмо адресовано императору Августу, где Гораций осуждает всякого рода литературных староверов и консерваторов. — 154.

³ *Гарнии* — в античной мифологии хищные чудовища, «богини бурь». — 156.

⁴ Аничков осуждает здесь ошибочные идеи Жан Жака Руссо об отрицательном влиянии науки и цивилизации на человеческие нравы. — 158.

⁵ Намек на мистические и алхимические занятия масонов, имевших немало сторонников в университетской среде. — 159.

СЛОВО О РАЗНЫХ СПОСОБАХ, ТЕСНЕЙШИЙ СОЮЗ ДУШИ С ТЕЛОМ ИЗЪЯСНЯЮЩИХ... ГОВОРЕННОЕ... АПРЕЛЯ 22 ДНЯ 1783 ГОДА

Напечатано впервые в 1783 г. в типографии Московского университета. Затем перепечатано в сборнике «Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оногo» (М. 1820, ч. II, стр. 29—64). Воспроизводится здесь по изданию 1783 г. с некоторыми сокращениями.

¹ «*Тускуланские вопр.*» («Тускуланские беседы») — сочинение озаглавлено по названию имени Цицерона, находившегося близ города Тускуля (ныне г. Фраскати в окрестностях Рима). — 162.

² *Жизненные души* — Аничков заимствует это «понятие» из так называемой монадологии Лейбница и Вольфа. — 164.

³ *Меркурий* — древнеримское божество, покровитель торговли; изображался с крыльями у щиколоток. — 168.

⁴ Опущено подстрочное примечание, в котором автор ссылается на античных авторов. — 178.

С. Е. ДЕСНИЦКИЙ

Десницкий Семен Ефимович (?—1789) — выдающийся ученый XVIII века, первый русский профессор права Московского университета. Родился на Украине, происходил из «нежинских мещан». Первоначальное образование получил в Троицко-Сергиевской семинарии. Учился также в гимназии при Московском университете; в 1759 г. был студентом университета и затем учился в университете при Академии наук в Петербурге. В 1761—1767 гг. учился в Англии, в университете в Глазго, где слушал лекции Адама Смита. Здесь же успешно защитил в начале 1765 г. магистерскую диссертацию и затем, в 1767 г., докторскую диссертацию «De testamentis ordinariis» (О 28-й книге «Пандектов» Юстиниана). По возвращении в Россию был назначен профессором права Московского университета, где до 1787 г. вел научную и преподавательскую

деятельность. В 1783 г. был избран членом Российской Академии. Умер в Москве в 1789 г.

Десницкий был передовым, демократически настроенным мыслителем. В своих трудах он осуждал крепостническое рабство и самодержавный произвол.

Как правовед Десницкий предлагал и требовал осуществить ряд специальных законодательных мер для улучшения правового положения народа.

По своим философским воззрениям Десницкий стоял на позициях материализма, руководствуясь научными достижениями современного ему естествознания и в особенности трудами Ломоносова.

Он был неутомимым поборником приоритета русской науки, что нашло свое яркое выражение в его борьбе за введение в университете преподавания юриспруденции на русском языке, а не на мертвом латинском языке, за введение в университетский курс изучения истории и теории русского законодательства и «законоискусства». Весьма характерно, что этот курс он смог начать читать только в 1783 г., спустя более полутора десятилетий после начала своей деятельности в университете. Это наглядно свидетельствует о том, какие длительные усилия и борьба потребовались, чтобы ввести в университете преподавание истории русского законодательства. Он придавал очень большое значение связи теории с практикой и требовал учреждения специальной кафедры судебной практики. Много энергии и сил отдал Десницкий борьбе с немецким засильем в Московском университете, в частности в преподавании юридических наук.

Литературное наследие Десницкого состоит из ряда «Слов» и «Рассуждений», произнесенных им в разные годы на торжественных актах в Московском университете: «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции... говоренное... июня 30 дня 1768 года»; «Слово о причинах смертных казней по делам криминальным, говоренное апреля 22-го дня 1770 года»; «Юридическое рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими оные у разных народов защищаются... говоренное апреля 22 дня 1772 года»; «Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оно приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими... июня 30-го дня 1775 года»; «Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства и о надобном возобновлении оного в государственных высокоправительствуемых училищах, говоренное июня 22-го дня 1778 года»; «Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежития... Апрель 21-го дня, 1781 года»; «Слово на день тезоименитства императрицы Екатерины II, говоренное ноября 28-го дня 1775 года»; «Слово на торжество о бракосочетании великого князя Павла Петровича с великой княгиней Натальей Алексеевной, произнесенное октября 15-го дня 1776 года». «Рассуждения» и «Слова» Десницкого были опубликованы в XVIII веке и затем перепечатаны в изданных «Обществом любителей российской словесности» сборниках «Речи,

произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оного» (ч. I и IV, М. 1819—1823).

Десницкий перевел на русский язык труд английского законоведа Блэкстона «Комментарии к английским законам» («Commentaries on the Laws of England») под названием «Истолкования английских законов», изданный Н. И. Новиковым в Москве в 3 томах в 1780—1782 г. Переводчик снабдил издание своими многочисленными примечаниями, в которых изложил свои воззрения на вопрос о правах личности и принципах законодательной деятельности и избличил позорную сторону «хваленых» «незыблемых» английских законов, безнаказанно нарушаемых крупными землевладельцами, богачами, «сокровиществующими миллионщиками».

Следует указать также на перевод книги Томаса Боудена «Наставник земледельческий» (М. 1780), в предисловии к которой Десницкий писал, что крепостническая система, отсутствие покровительства земледельцам-крестьянам со стороны государства служат основными препятствиями к развитию сельского хозяйства в России.

СЛОВО О ПРЯМОМ И БЛИЖАЙШЕМ СПОСОБЕ К НАУЧЕНИЮ
ЮРИСПРУДЕНЦИИ, В ПУБЛИЧНОМ СОБРАНИИ
ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ...
ГОВОРЕННОЕ... ИЮНЯ 30 ДНЯ 1768 ГОДА

Напечатано впервые в типографии Московского университета в 1768 г. Перепечатано затем в сборнике «Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оного» (ч. I, М. 1819, стр. 213—281). Воспроизводится здесь по изданию 1768 г. с незначительным сокращением.

¹ *Гемисфера* — полушарие. — 187.

² Имеется в виду Семилетняя война 1756—1762 гг., во время которой русские войска, разгромив прусскую армию, заняли столицу Германии Берлин (1760) и другие немецкие города. — 188.

³ *Собственный вития*. — Имеется в виду Михаил Васильевич Ломоносов. — 188.

⁴ Взирая на него, перс, турок, готф, сармат
Величеству лица геройского чудится
И мертвого в меди бесчувственной страшится.

(*Ломоносов*, Соч., т. I, Спб. 1891, стр. 207). — 188.

⁵ Имеются в виду экспедиции Беринга — Чирикова и теоретические труды Ломоносова по изысканию морского пути через Северный Ледовитый океан в Америку и на Дальний Восток. — 188.

⁶ *Минерва* — в античной мифологии богиня мудрости, покровительница наук и ремесл; в данном случае иносказательно — Екатерина II. — 189.

⁷ *Олимп* — в античной мифологии обиталище богов; в данном случае иносказательно — Московский университет, где сосредоточены были лучшие русские мыслители. — 189.

⁸ Имеются в виду работы Комиссии для сочинения проекта нового Уложения и широко разрекламированный «Наказ» Екатерины II этой Комиссии о выработке новых государственных законов, долженствовавших якобы обеспечить права народа и прочное государственное устройство. — 189.

⁹ *Стоящая армия* — то-есть регулярная армия. — 189.

¹⁰ *Милиция* — народное ополчение, выставляемое в случае войны и имеющее в мирное время лишь небольшие кадры военных инструкторов, под руководством которых население, призываемое для учебных сборов, обучается военному делу. — 190.

¹¹ *Александр Великий* — Александр Македонский. — 191.

¹² *В последнюю Прусскую войну* — то-есть в Семилетнюю войну 1756—1762 гг. — 191.

¹³ Знаменитая Полтавская битва, в которой были разгромлены наголову вторгшиеся в Россию войска шведского короля Карла XII, произошла 27 июня 1709 г. Вольтер описывает эту битву в своей книге «История России при Петре Великом». — 191.

¹⁴ *Амфикионский конгресс*. — Десницкий ошибочно утверждает, что союз амфикионцев (союз по святилищу или храму древнегреческих племен и областей, созданный для общих празднований и решения различных дел и споров) быстро распался. На самом деле каждый из таких союзов существовал несколько веков. — 191.

¹⁵ Храм римского двуликого божества Януса по установленному обычаю всегда был закрыт в мирное время и открыт в военное. — 193.

¹⁶ *Законы Ликурга* — законы Спарты, выработанные законодателем Ликургом (VIII век до н. э.). — 196.

¹⁷ *Миллер и другие с ним писатели Камчатской истории*. — Имеются в виду работы: историка академика Герарда Миллера «Описание Сибирского царства»; С. П. Крашенинникова «Описание Земли Камчатки» (СПб. 1755); участников экспедиции Беринга — И. Г. Гмелина, Г. В. Штеллера и др. — 196.

¹⁸ *В Туне и Триполе* — в Тунисе и Триполи. — 198.

¹⁹ *Conétable* (фр.) — коннетабль, *constable* (англ.) — констебль — в средние века высшие придворные чины во Франции и Англии. — 198.

²⁰ Философия, основанная на бесплодных отвлеченных рассуждениях, оторванных от опыта и практики. — 201.

²¹ *Право дозволенное* — повинность, обязанность, зависимость. — 206.

²² Имеются в виду древнерусские юридические своды и сборники («Судебники» 1497, 1550 гг., «Стоглав» 1551 г., «Уложение» царя Алексея Михайловича 1649 г. и др.). — 209.

²³ *Голиаф* — по библейскому преданию, филистимлянский великан, убитый в единоборстве царем Давидом. — 212.

²⁴ Опущена цитата из Библии. — 213.

²⁵ Десницкий говорит здесь о легендарных героях «Илиады» и «Одиссеи» Гомера. — 213.

²⁶ *Аякс* — герой «Илиады» Гомера, обладавший необыкновенной физической силой, храбрый из греков. — 213.

²⁷ *Многих к месту доставить* — то-есть определить на должность, на службу. — 218.

²⁸ Столица римской империи была перенесена в 330 г. н. э. в Константинополь при императоре Константине Флавии Валерии. — 220.

²⁹ Десницкий ссылается здесь на различные римские законы об отцовской власти, изданные при императорах: Константине: Lex 1 Codex de bonis matrimon. (закон 1-й Кодекса о брачном имуществе); *Аркадии* (IV—V века н. э.) и *Гоноре* — *Гонории* Флавии (IV—V века н. э.): закон 2 того же Кодекса; *Юстиниане*: закон 6-й Кодекса о том же; *Леониде и Афемии*: Lex 1, 4, 5 Codex de bonis quae liberis, законы 1, 4, 5 Кодекса об имуществе детей; *Диоклетиане*: Lex 1 Codex de patr. qui filiis distraxerunt (закон 1-й Кодекса об отцах, которые расточили имущество сыновей). — 220—221.

³⁰ *Троянская война* — легендарная война греков против города-государства Трои, о которой повествует Гомер в «Илиаде», Вергилий в «Энеиде». Из этих произведений и почерпал Десницкий сведения об уважении древними греками старцев. — 226.

³¹ Опущен библейский текст. — 227.

³² «*Спектатор*» — «Зритель», английский правоучительно-сатирический журнал. — 228.

ЮРИДИЧЕСКОЕ РАССУЖДЕНИЕ О ВЕЩАХ СВЯЩЕННЫХ, СВЯТЫХ И ПРИНЯТЫХ В БЛАГОЧЕСТИЕ, С ПОКАЗАНИЕМ ПРАВ, КАКИМИ ОНЫЕ У РАЗНЫХ НАРОДОВ ЗАЩИЩАЮТСЯ ... ГОВОРЕННОЕ ... АПРЕЛЯ 22 ДНЯ 1772 ГОДА

Напечатано впервые в типографии Московского университета в 1772 году; откуда и воспроизводится в настоящем издании в сокращенном виде (опущены традиционные хвалебные вступление и заключение). Перепечатано в сборнике «Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами онога» (М. 1819, ч. I, стр. 282—319).

¹ *Во дни сем* — в этот день. — 236.

² *Знаемых* — знакомых. — 237.

³ *Тезоименитых* — именинников. — 237.

⁴ *Юпитер Феретрий* — то-есть Юпитер—разитель, блюститель права и порядка — одно из главных божеств античной мифологии. — 239.

⁵ *Кормчие книги* — древнерусский сборник церковных законов и правил. — 242.

⁶ *Церковный тать ночьюм зверем предается* — церковный вор предается на растерзание зверям. — 242.

⁷ *В Регламенте* — то-есть в Духовном регламенте, своде правил деятельности православной церкви, выработанном при Петре Великом. — 243.

⁸ Здесь опущено изложение соответствующего места из названной книги. — 243.

⁹ *Прав истязательных* — прав наказания, уголовных законов. — 246.

¹⁰ *Депутаты*. — Имеются в виду депутаты Комиссии для сочинения проекта нового уложения, созданной в 1767 году. — 248.

¹¹ *В Наказе* — то-есть в Наказе Екатерины II для депутатов Комиссии нового уложения. — 249.

¹² Ссылка на книгу Адама Смита «Теория нравственных чувств или симпатий» (*Theory of moral sentiments or sympathy*, 1759). — 256.

ЮРИДИЧЕСКОЕ РАССУЖДЕНИЕ

О НАЧАЛЕ И ПРОИСХОЖДЕНИИ СУПРУЖЕСТВА
У ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ НАРОДОВ И О СОВЕРШЕНСТВЕ,
К КАКОМУ ОНОЕ ПРИВЕДЕННЫМ БЫТЬ КАЖЕТСЯ
ПОСЛЕДОВАВШИМИ НАРОДАМИ ПРОСВЕЩЕННЕЙШИМИ...
ГОВОРЕННОЕ... ИЮНЯ 30 ДНЯ 1775 ГОДА

Напечатано впервые в типографии Московского университета в 1775 г., откуда и воспроизводится в настоящем издании в сокращенном виде (опущены традиционные хвалебные вступление и заключение). Перепечатано в сборнике «Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оного» (М. 1823 г., ч. IV, стр. 292—324).

¹ *Стречение его* — в данном случае в значении: течение, движение солнца. — 257.

² *Какovým способом день дни отрыгает глагол и ночь ночи возвещает разум*. — Каким способом день дню пропозносит слово (приветствие) и ночь ночи весть подает; иначе говоря, каким образом происходит смена суток. — 257.

³ *Невтон* — Ньютон. — 257.

⁴ Здесь опущена сноска Десницкого, в которой дается латинский текст приведенной цитаты (из книги Юлия Цезаря «Записки о Галльской войне»). — 261.

⁵ Автор цитирует книгу Тацита о древних германцах. — 261.

⁶ Автор ссылается на книгу Цезаря «Записки о Галльской войне». — 261.

⁷ Автор ссылается здесь на трактат Цицерона «Об обязанностях». — 262.

⁸ *Цекропс* — по преданию, египтянин, первый царь Аттики, основатель Афин и аттической цивилизации. — 262.

⁹ В опущенном здесь подстрочном примечании на латинском языке автор ссылается на труды Диодора и на книгу Гуго Гроция «Право войны и мира». — 262.

¹⁰ В опущенном здесь подстрочном примечании автор ссылается на труды Плутарха и «Этику» Аристотеля, а также на собственное «Рассуждение о родительской власти» 1768 г. — 262.

¹¹ В опущенном здесь подстрочном примечании автор ссылается на «Всеобщую историю путешествий» (фр. яз.). — 263.

¹² Здесь опущена ссылка автора на таблицу римских законов. — 263.

¹³ В опущенном здесь подстрочном примечании автор ссылается на высказывания римского юриста Квинта Муция. — 264.

¹⁴ Здесь опущена ссылка автора на труд Гейнекия «Римские древности».

Coemptio — форма брака, сопровождаемая обрядом купли. — 264.

¹⁵ *Confarreatio* — в древнем Риме торжественная форма бракосочетания с приношением в жертву верховному божеству Юпитеру хлеба из полбы. — 264.

¹⁶ Здесь опущена цитата из книги Гейнекия «Римские древности». — 265.

¹⁷ *Вено* — выкуп жениха за невесту. — 265.

¹⁸ *Табель о рангах* — таблица с наименованием военных и штатских чинов, введенная Петром I в 1722 г., устанавливавшая право на получение дворянства недворянами за выслугу определенного чина. — 266.

¹⁹ Опущены примеры из «Табели о рангах», введенной Петром I. — 267.

²⁰ Опущена ссылка на римские законы. — 267.

ЮРИДИЧЕСКОЕ РАССУЖДЕНИЕ
О РАЗНЫХ ПОНЯТИЯХ, КАКИЕ ИМЕЮТ НАРОДЫ
О СОБСТВЕННОСТИ ИМЕНИИ В РАЗЛИЧНЫХ
СОСТОЯНИЯХ ОБЩЕЖИТЕЛЬНОСТИ...
ГОВОРЕННОЕ... АПРЕЛЯ 21 ДНЯ 1781 ГОДА

Напечатано впервые в типографии Московского университета в 1781 г., откуда воспроизводится в настоящем издании в сокращенном виде (опущены хвалебная часть вступления и заключение). Перепечатано затем в сборнике «Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оного» (ч. IV, М. 1823, стр. 367—398).

¹ *Галл* — в данном случае француз. — 268.

² *Батав* — голландец. — 268.

³ В своих *Невтонах и Ансонах* — то-есть в своих ученых и мореплавателях. — 268.

⁴ *Римлянина, поразившего тьмы галлов и германцев*. — Имеются в виду завоевания Юлия Цезаря. — 268.

⁵ *Грека, некогда покорявшего все страны Азийские*. — Имеются в виду завоевания Александра Македонского. — 268.

⁶ По представлению автора неразделяемыми частями являются атомы. — 269.

⁷ Десницкий использует здесь труды древнеримских историков: Саллюстия «О заговоре Катилины», Юлия Цезаря «Записки о Галльской войне», Тацита «Германия», Юстина Марка Юстиниана «Скифы», Аммиана Марпеллина «О гуннах и аланах» и др. — 271.

⁸ Сочинения Блэкстона переводил на русский язык сам Десницкий. Характерно, что Десницкий считает совершенно неудовлетворительными попытки обоснования так называемого права собственности доводами священного писания и указывает, что он намерен научно исследовать вопрос на основе «новейших рассуждений» ученых. — 272.

⁹ *Персональная челобитная* — судебный иск. — 276.

¹⁰ *Севилян* — старинная французская монета. — 278.

¹¹ Ученые записки, издававшиеся при Кэмбриджском университете в Англии. — 279.

¹² *Местническим и окладным спискам*. — Списки земельных угодий, пожалованных в собственность лицам, занимавшим государственные должности в порядке так называемого местничества — замещения должности по признаку родовитости и знатности. Окладные списки — списки земельных угодий, розданных в счет жалования за службу. — 286.

[ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ К ПЕРЕВОДУ КНИГИ БЛЭКСТОНА «ИСТОЛКОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ ЗАКОНОВ»]

Книга Блэкстона переведена С. Е. Десницким и издана Н. И. Новиковым в Москве (т. I — 1780 г., т. II — 1781 г., т. III — 1782 г.). С этого издания и воспроизводятся в настоящем издании «Примечания» Десницкого. Перевод труда Блэкстона остался незаконченным.

¹ *Здешних землевладельцев* — то-есть русских крупных помещиков. — 289.

² *Нижний парламент* — палата общин. — 289.

³ *Оба парламента* — палата общин и палата лордов. — 290.

⁴ Это примечание Десницкого выражает его положительное отношение к закону, ограничивавшему произвол самодержавной власти, в чем он находит «премногое выгоды» для подданных страны. Закон этот был принят во время английской буржуазной революции XVII века. — 291.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

О УЧРЕЖДЕНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ, СУДИТЕЛЬНОЙ И НАКАЗАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Напечатано впервые в «Записках» Академии наук по историко-филологическому отделению (Спб. 1905, т. VII, № 4, стр. 1—45), откуда и воспроизводится в настоящем издании с незначительными сокращениями.

«Представление» является проектом государственного устройства, которое С. Е. Десницкий предлагал осуществить при разработке нового уложения созданной специально для этой цели в 1767 г. Комиссией представителей от всех сословий страны (кроме крепостного крестьянства).

Указанная в рукописи дата — 30 февраля. — конечно, описка.

Представление Десницким императрице Екатерине II своего проекта государственных реформ на втором году работы Комиссии по составлению нового уложения убедительно свидетельствует о том, что он считал деятельность Комиссии неудовлетворительной и, что особенно важно, пресловутый «Наказ» самой императрицы, данный

этой Комиссии в качестве руководства для выработки новых законов, несостоятельным и не отвечающим насущным потребностям и задачам момента, хотя автор по традиции не скупился на многочисленные комплименты по адресу царственной «сочинительницы» «Наказа».

«Представление» является одним из самых ранних известных трудов Десницкого и показывает, как этот прогрессивный мыслитель и просветитель уже в самом начале своей деятельности пытался практически осуществить в жизнь свои государственные воззрения и планы.

¹ *При нынешнем намереваемом в России возобновлении* — то-есть восстановлении в стране законности, которая была нарушена и попорана. — 294.

² *Вычищаются* — в данном случае в смысле — просвещаются. — 295.

³ *Художественных людей* — людей, занимающихся различными ремеслами. — 296.

⁴ *Консистория* — управление по церковно-административным и церковно-судебным делам. — 297.

⁵ *Не будут требовать и кураторов* — то-есть не будут иметь нужды в назначаемых царским правительством специальных почителях и будут независимы. — 298.

⁶ *По герольдии и гильдиям*. — Герольдия — в царской России ведомство по делам о титулах и дворянских правах; гильдия — в царской России разделение купечества по размерам налога и торгового оборота. — 298.

⁷ *Секретарь* — то-есть государственный секретарь. — 299.

⁸ *Доставляет его к месту* — то-есть определяет его служебные обязанности. — 301.

⁹ *Прокуратор* — обвинитель, сторона, предъявляющая иск на суде. — 302.

¹⁰ *По крепостям* — по имеющимся договорам и соглашениям между тяжущимися. — 302.

¹¹ *Свидетелей* — в данном случае имеется в виду институт присяжных заседателей. — 303.

¹² *Управлялись* — упражнялись. — 304.

¹³ *Произвольному монарху* — по воле и усмотрению монарха. — 305.

¹⁴ *В Комиссии* — в Комиссии по составлению нового уложения. — 306.

¹⁵ *Антифлогистоном* — веществом, препятствующим горению. — 310.

¹⁶ *Экономическому собранию* — Вольному экономическому обществу, учрежденному в 1765 г. — 310.

¹⁷ *Магазины* — в данном случае казармы. — 311.

¹⁸ *Строгому истребанию* — строгому выговору, взысканию. — 314.

¹⁹ *Однодворцы* — особая прослойка государственных крестьян (из бывших служилых людей — дворян). — 318.

²⁰ *Пахотные солдаты* — крестьяне, выполнявшие воинские обязанности наряду со своими занятиями хлебопашеством. — 318.

²¹ *Ландмилицию содержащие* — жители пограничных районов, занимавшиеся земледелием и выполнявшие одновременно обязанности по охране государственных границ. Система ландмилиции существовала в России до 1775 г. — 318.

²² *Черносошные крестьяне* — особая прослойка государственных крестьян, обрабатывавших «черную», то-есть невладельческую землю. Во второй половине XVIII века эта земля была признана государственной собственностью, и черносошные крестьяне стали именоваться государственными. — 318.

²³ *Ясашные крестьяне* — крестьяне народностей, населявших Поволжье, Сибирь и Дальний Восток, занимавшиеся преимущественно охотой и платившие государственную подать пушниной и мягкой рухлядью. — 318.

²⁴ *Экономические крестьяне* — так назывались крепостные крестьяне, ранее принадлежавшие монастырям, а с 1764 г. фактически перешедшие в собственность государства. — 318.

²⁵ *Без одобрения* — то-есть без одобрения. — 320.

²⁶ *В Наказе* — имеется в виду «Наказ» Екатерины II Комиссии по составлению нового уложения. — 320.

²⁷ *Сведения* — знания. — 320.

²⁸ *На вывод* — продажа крепостных крестьян в розницу, с получением их с семьей и выселением. — 321.

²⁹ *В крепость* — в крепостную зависимость, в собственность помещика. — 322.

³⁰ В настоящем издании опущено «Приложение II», касающееся организации деятельности духовенства и церковных учреждений. — 322.

³¹ *Орателями* — земледельцами. — 323.

³² *Порубежными* — пограничными. — 325.

³³ *Предлоги* — то-есть объекты обложения налогом (вещи, продукты, действия). — 327.

³⁴ *Исключая соль*. — Имеется в виду налог на соль и соляная монополия, использовавшиеся в ту эпоху царским правительством как важный источник государственных доходов. — 328.

³⁵ *Записанные в посад* — то-есть городские купцы и ремесленники. — 328.

³⁶ *Гужем* — то-есть на лошадях. — 330.

И. А. ТРЕТЬЯКОВ

Третьяков Иван Андреевич (около 1735—1779) — профессор права Московского университета. Родился в Твери, в семье церковнослужителя. Учился в Тверской духовной семинарии, которую окончил в 1761 г., после чего поступил в Московский университет. Отсюда он как студент, проявивший большие способности, был отправлен (совместно с С. Е. Десницким) в Англию, в университет в Глазго, где после защиты диссертации «О позыве на суд» [Disputatio juridica de in jus vocando, 1767] был удостоен ученой степени доктора прав. В 1768—1776 гг. в Московском

университете И. А. Третьяков преподавал юриспруденцию. Умер в Москве в 1779 г.

Сохранились только три речи Третьякова, произнесенные им в разные годы на торжественных актах в университете: «Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях... говоренное 1768 года апреля 22»; «Слово о римском правлении и о разных оного переменах, говоренное 30 июля 1769 года»; «Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов... говоренное... июня 30 дня 1772 года». В этих работах Третьяков выступил с прогрессивными для своего времени идеями и требованиями.

СЛОВО О ПРОИСШЕСТВИИ И УЧРЕЖДЕНИИ
УНИВЕРСИТЕТОВ В ЕВРОПЕ
НА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЖДИВЕНИЯХ...
ГОВОРЕННОЕ... 1768 ГОДА АПРЕЛЯ 22 ДНЯ

Напечатано впервые в типографии Московского университета в 1768 г., откуда воспроизводится в настоящем издании в сокращенном виде. Перепечатано затем в сборнике «Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оного» (М. 1820, ч. II, стр. 134—166).

¹ *Свирепый Марс* — то-есть опустошительная война. — 335.

² *В первобытное отрочество преходящим казался.* — Третьяков излагает здесь свой взгляд на развитие человеческого общества. — 335.

³ *Спокойнейшую жизнь и возвышение в жизни.* — Третьяков утопически подходит к вопросу о разделении общества на классы. — 338.

⁴ *Доставить их к месту* — то-есть определить на службу. — 339.

⁵ Намек на то, что многие русские передовые ученые были по преимуществу выходцы из недворянской среды. — 339.

⁶ *Рукописание изобретено и тиснение печати снискано* — то-есть появились письменность и книгопечатание. — 339.

⁷ *В некторое ergo* — то-есть в некоторую последовательность и стройность. — 340.

⁸ То-есть из различных библейских книг. — 340.

⁹ *Предательною* — то-есть основанной на таинственных преданиях. — 341.

¹⁰ *Зороастер* — религиозный реформатор в древней Персии. — 341.

¹¹ *Стоики, скептики, академики, перипатетики, эпикуры, циники* — разные школы и направления в древнегреческой философии. — 342.

¹² *Духовные при вселенских соборах* — представители различных учений и догм на вселенских церковных соборах (съездах), которые происходили в раннем средневековье. — 342.

¹³ *Наделами таких республик* — намек на утопическую республику древнегреческого философа Платона. — 343.

¹⁴ *Экспедиции аргонавтические и карфагенские* — то-есть отдаленные морские экспедиции, предпринятые древними греками и римлянами: аргонавтические — легендарными греческими мореплавателями на корабле «Арго» к берегам Колхиды; карфагенские — римским флотом к финикийскому городу Карфагену в Северной Африке. — 343.

¹⁵ *Олимпийские увеселения* — празднества, устраивавшиеся через каждые четыре года в древней Греции. — 345.

¹⁶ Третьяков перечисляет здесь различные местоимения и родовые слова из античных и новых европейских языков, без которых, естественно, немислимо изучить какой-либо из этих языков. — 346.

¹⁷ В опущенном здесь подстрочном примечании на латинском языке приведена цитата из английского издания труда Квинтилиана. — 346.

¹⁸ *Scholae triviales* — школы, в которых учебный цикл, так называемый «тривий», состоял из трех наук: грамматики, диалектики и риторики. — 350.

¹⁹ В опущенном здесь подстрочном примечании автор цитирует Альберта Великого. — 351.

²⁰ *Ferio, Barbara* — слова из мнемонических стихов для запоминания модусов фигур силлогизма в формальной логике. — 351.

²¹ *Капуцин* — католический монах. — 351.

²² *В сем царствующем граде* — то-есть в Москве. — 352.

РАССУЖДЕНИЕ О ПРИЧИНАХ ИЗОБИЛИЯ И МЕДЛИТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ ГОСУДАРСТВ КАК У ДРЕВНИХ, ТАК И У НЫНЕШНИХ НАРОДОВ... ГОВОРЕННОЕ... ИЮНЯ 30 ДНЯ 1772 ГОДА

Напечатано впервые в типографии Московского университета в 1772 г. и более нигде не перепечатывалось. Воспроизводится в настоящем издании по первому изданию с некоторыми сокращениями (опущены традиционные хвалебные вступление и заключение).

¹ *Времен различных* — то-есть времен года. — 354.

² *Не дозволять пользоваться банками одному* — то-есть не допускать банковских монополий или монопольного кредитования. — 355.

³ *Ассигнации* — бумажные деньги. — 355.

⁴ *До обретения Западной Индии* — то-есть до открытия Америки. — 356.

⁵ *Иностранные* — иностранцы. — 357.

⁶ *Купечеством извне* — то-есть внешней торговлей. — 357.

А. М. БРЯНЦЕВ

Брянцев Андрей Михайлович (1749—1821) — видный деятель Московского университета. Родился в семье бедного церковнослужителя в Одигитриевской пустыни, недалеко от Вологды. В раннем детстве остался круглым сиротой. Первоначальное образование получил в Вологодской духовной семинарии. Жажда знаний привела

молодого семинариста в Москву, куда он отправился пешком, не имея почти никаких средств; здесь он поступил в знаменитую Славяно-греко-латинскую академию. Отказавшись от пострижения в монашеский сан, Брянцев в 1770 г. стал студентом Московского университета, где был ближайшим учеником и помощником профессоров Д. С. Аничкова и С. Е. Десницкого. Благодаря своим выдающимся способностям Брянцев стал вскоре одним из видных деятелей университета. В 1779—1788 гг. он был преподавателем университетской гимназии. В 1787 г. защитил диссертацию «О критерии истины» (*De criterio veritatis*) и был удостоен ученой степени магистра философии и свободных наук. Диссертация эта не была напечатана. После кончины профессора Аничкова в 1788 г. Брянцев был произведен экстраординарным профессором, а с 1795 г. — ординарным профессором логики и метафизики и трудился на этом поприще до последних дней своей жизни.

Кроме печатаемых в настоящем издании «Слов» Брянцева известен еще ряд его переводов философских и филологических трудов, как, например, «Сокращенное латинское языкоучение, или Грамматика» Шеллера (1787), «Начальные основания нравственной философии» Фергюссона (1804) и др. Принимал участие в переводе Десницким многотомного труда английского законоведа Блэкстона «Истолкования английских законов», изданного Новиковым в 1780-х годах. Многие рукописи и библиотека Брянцева погибли во время пожара Москвы в 1812 г.

СЛОВО О СВЯЗИ ВЕЩЕЙ ВО ВСЕЛЕННОЙ... ГОВОРЕННОЕ... ИЮНЯ 30 ДНЯ 1790 ГОДА

Напечатано впервые в типографии Московского университета в 1790 г., откуда и перепечатывается в настоящем издании в несколько сокращенном виде (опущены традиционные хвалесные вступление и заключение). Затем перепечатано в сборнике «Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оного» (М. 1821, ч. III, стр. 15—37).

¹ *Несекомое* — насекомое. — 365.

² *Произнищает* — возникает, появляется. — 366.

³ *Титель*. — См. в указателе имен. — 372.

⁴ *Трех владычеств природы* — то-есть неорганической природы, растительного мира и животного мира. — 373.

⁵ В опущенном здесь подстрочном примечании на латинском языке автор ссылается на античных философов. — 375.

СЛОВО О ВСЕОБЩИХ И ГЛАВНЫХ ЗАКОНАХ ПРИРОДЫ... ИЮНЯ 30 ДНЯ 1799 ГОДА ГОВОРЕННОЕ...

Напечатано впервые в типографии Московского университета в 1799 г., откуда перепечатывается в настоящем издании в несколько сокращенном виде (опущены традиционные хвалесные всту-

пление и заключение). Перепечатано в сборнике «Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оною» (М. 1821, ч. III, стр. 38—51).

¹ *Количество сил существует* — своеобразное изложение Ломоносовского закона сохранения материи и движения. — 382.

А. А. КАВЕРЗНЕВ

Каверзнев Афанасий Аввакумович — русский естествоиспытатель XVIII века, впервые, задолго до Ламарка и Дарвина, высказавший идею об изменчивости видов. Родился (около 1748 г.) в семье священника в Смоленской губернии. Учился вначале в духовной семинарии. В 1771 г. был отправлен Вольным экономическим обществом в Германию (в Саксонию) для изучения пчеловодства. Через некоторое время поступил в Лейпцигский университет, где занимался естественными науками под руководством ряда известных ученых того времени. В 1775 г. Каверзнев напечатал на немецком языке в Лейпциге диссертацию «О перерождении животных» («Von der Abartung der Tiere»), в которой высказал свои эволюционные идеи. Диссертация была посвящена профессору Лейпцигского университета Натаниэлю Готфриду Леске, учителю Каверзнева.

Когда Каверзнев вернулся в 1775 г. на родину, царское правительство не дало ему возможности посвятить себя научной деятельности. Он был назначен на заурядную канцелярскую должность в Смоленск, якобы в наказание за долги, которые были им сделаны во время пребывания за границей. Из скудных сведений о судьбе ученого видно, что он долго занимался практическим пчеловодством. В 1812 г. его дом и имущество были разграблены войсками Наполеона. Дальнейшие условия жизни Каверзнева пока еще не выяснены.

На русском языке известны статьи Каверзнева «Легчайшие способы, к содержанию и размножению пчел служащие» (напечатана в «Трудах Вольного экономического общества», ч. XVIII, 1774) и его перевод книги немецкого пчеловода Адама Шираха «Саксонский содержатель пчел» (Сиб. 1775).

Диссертация Каверзнева была в 1778 г. напечатана в Петербурге в русском переводе, весьма несправном, с грубыми и курьезными извращениями текста оригинала. Перевел ее учитель Смоленской духовной семинарии И. Г. Морозов. Книга вышла под заглавием «Философическое рассуждение о перерождении животных»; в 1787 г. была переиздана без изменений в Москве «Типографической компанией» Н. И. Новикова. Имя автора ни в первом, ни во втором изданиях не было указано. Из сохранившейся описи книжного магазина Новикова после его ареста и заключения в Шлиссельбургскую крепость видно, что переизданная им диссертация Каверзнева имелась в количестве 1066 экземпляров. Это, вероятно, и весь тираж издания, который либо был уничтожен полицией в числе других книг, либо погиб впоследствии при переходе имущества Новикова в руки его кредиторов.

Диссертация Каверзневса является выдающимся памятником нашего отечественного естествознания XVIII века.

Единственный (немецкий) экземпляр диссертации, являющийся величайшей библиографической редкостью, хранится в Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде и был обнаружен несколько лет тому назад профессором Б. Е. Райковым, который совместно с профессором С. Л. Соболев сделал новый перевод, публикуемый в настоящем издании. Перевод впервые напечатан в сборнике Института истории естествознания Академии наук СССР «Научное наследство» (т. II, 1951, стр. 506—512), откуда и воспроизводится в настоящем издании.

Слова в квадратных скобках вставлены переводчиками для облегчения чтения текста.

О ПЕРЕРОЖДЕНИИ ЖИВОТНЫХ

¹ Термин «перерождение» вместо «изменчивость» употребляется переводчиками в соответствии с принятой в русском естествознании XVIII века терминологией. — 387.

² «*Антилукреций, или о боге и природе*» («*Antilucretius sive de deo et natura*») — философская поэма французского поэта и ученого Мельхиора Полиньяка (1661—1742), в которой он пытался опровергнуть взгляды древнеримского философа-материалиста и поэта Лукреция Кара, изложенные в его знаменитой поэме «О природе вещей». Поэма Полиньяка была написана на латинском языке и издана в Париже в 1747 г.; имеется русский перевод, изданный в 1803 г. в Москве.

Эпиграф, заимствованный Каверзневым из поэмы Полиньяка, помещен на титульном листе его диссертации. — 387.

³ Термин «порода» вместо «вид» употреблен переводчиками также в соответствии с принятой в русском естествознании XVIII века терминологией. — 387.

⁴ *Бесплодных животных.* — Каверзнев излагает здесь приятый в его эпоху взгляд, что виды представляют замкнутые, отграниченные друг от друга группы, охраняемые от смешения бесплодием гибридов. — 388.

⁵ *Существа всевозможных видов.* — Здесь Каверзнев наиболее отчетливо высказывает свое мнение о генетической связи между видами животных. — 390.

⁶ *От енета порабощения.* — Каверзнев имеет здесь в виду изменчивость животных в условиях приручения их человеком. — 390.

⁷ *Единую человеческую семью.* — Каверзнев является, как видим, сторонником теории единого (монофилитического) происхождения человеческого рода. — 391.

⁸ *Смещение различных рас.* — Это единственное место, где Каверзнев говорит об изменчивости как результате скрещивания. — 392.

⁹ *Киренейские полл.* — Киренапка — местность в Северной Африке. — 393.

¹⁰ Здесь опущена цитата на греческом языке из «Истории животных» Аристотеля. — 393.

¹¹ *Sarga ammon*. — Каверзнев смешивает здесь два вида животных. Мусоном Плиний называл дикого барана муфлона; водится или водился недавно на островах Корсике и Сардинии. *Sarga (ovis) ammon* Linn. — каменный баран, или аргали, встречается в СССР. — 393.

¹² Здесь опущена цитата на греческом языке из Геродота. — 394.

П. А. СЛОВЦОВ

Словцов Петр Андреевич (1767—1843) — известный историк Сибири и деятель просвещения. Родился в семье священника на Урале. Учился в Тобольской духовной семинарии и затем в Александро-Невской семинарии в Петербурге (1788—1791). Несмотря на строгий монастырский режим в семинарии, Словцов ознакомился здесь с трудами французских материалистов XVIII века и с произведениями передовой русской антикрепостнической литературы, в частности с «Путешествием из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

По окончании учения Словцов преподавал в Тобольской семинарии философию и красноречие. 10 ноября 1793 г. он произнес в местном соборе проповедь, в которой власти усмотрели «крамольные» идеи, оскорбительные для трона и «начальства». В феврале 1794 г. Словцов был арестован, отвезен в Петербург в Тайную экспедицию — пресловутую охранку екатерининских времен, ведавшую делами политического сыска, и как «опасный государственный преступник» заточен в отдаленный и глухой Валаамов монастырь на Ладоге. После смерти Екатерины II он был освобожден из заключения и назначен преподавателем в Александро-Невскую семинарию. В 1797 г., отказавшись от пострижения в монахи, перешел в гражданскую службу. Однако царское правительство не могло забыть его смелых обличительных выступлений. В 1808 г. Словцов был вновь по ложному доносу арестован и сослан в Сибирь, где и оставался уже до конца своей жизни.

До нас дошли три проповеди Словцова, в которых заметно влияние идей Радищева (см. «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1873, кн. 3).

Среди литературных произведений Словцова, хотя и не отличающихся высокими художественными достоинствами, наиболее примечательным является стихотворение «Материя», в котором он изложил свои материалистические воззрения.

Стихотворение «Материя» свидетельствует о том, что его автор был хорошо знаком с произведениями древних и новейших философов-материалистов.

Словцову принадлежит также ряд написанных им уже в XIX веке трудов по истории Сибири, географии, ботанике и красведению

(«Историческое обозрение Сибири», «Письма из Сибири», «Прогулки вокруг Тобольска» и др.), не потерявших своего научного значения до сих пор.

[ИЗ ПРОПОВЕДИ,
ПРОИЗНЕСЕННОЙ 21 АПРЕЛЯ 1793 ГОДА]

Проповедь впервые напечатана в сборнике «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» (М. 1873, книга 3, стр. 144—146), откуда и воспроизводится в настоящем издании сокращенно (опущен чисто религиозный элемент).

Бесспорной заслугой П. А. Словцова является то, что он сумел и в проповеди, произнесенной по случаю очередного дворцового торжества (день рождения императрицы Екатерины II), изложить свои критические воззрения на существующий самодержавно-крепостнический строй и монархический образ правления.

¹ *Обращающего* — управляющего, руководящего. — 399.

² *Людей, особенно рассуждаемых* — то-есть царей, повелителей народов и государств. — 401.

[ИЗ ПРОПОВЕДИ,
ПРОИЗНЕСЕННОЙ 10 НОЯБРЯ 1793 ГОДА]

Напечатано в сборнике «Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» (М. 1873, кн. 3, стр. 150—153), откуда воспроизводится сокращенно (опущен чисто религиозный элемент).

Эта проповедь послужила непосредственной причиной ареста Словцова и последовавшего затем заточения его в Валаамов монастырь. Имеются сведения, что Словцов, по примеру Радищева, постарался избавиться от опеки цензуры, сделав ряд прибавлений к своей проповеди после просмотра ее властями. Следователь Тайной экспедиции пресловутый Шешковский писал, что «сия речь не похожа отнюдь на проповедь учившегося в семинарии человека... она дерзкая и развратительная, наполнена совершенно возмущением народа противу правительства». Такое заключение и привело к суровому осуждению Словцова царским правительством.

ПОСЛАНИЕ к М. М. СПЕРАНСКОМУ

Послание написано П. А. Словцовым в Валаамовом монастыре (на Ладогe), куда он был заточен по повелению Екатерины II.

М. М. Сперанский, ставший впоследствии крупным государственным деятелем, учился вместе с Словцовым в Александро-Невской семинарии в Петербурге и был его ближайшим другом на протяжении всей жизни.

«Послание» является одним из лучших лирических произведений Словцова, в котором нашли свое отражение многие общественно-политические идеи автора о государственном устройстве самодержавно-крепостнической России.

Воспроизводится в настоящем издании по списку, хранящемуся в Центральном Государственном архиве древних актов среди бумаг, принадлежавших деятелям Сибири — Басниным (ЦГАДА, ф. № 183, д. № 201, лл. 120—122).

¹ *Блуждать* — бредить, мечтать. — 404.

² *Былиа* — травы. — 404.

МАТЕРИЯ

Стихотворение напечатано впервые в журнале «Муза» в марте 1796 г., откуда воспроизводится в настоящем издании.

¹ *А в норде огненными облаками* — то-есть в северном сиянии. — 407.

² *Шифер* — графит. — 407.

³ *До прозябаемых веществ* — то-есть до растений. — 407.

⁴ *Агаты* — драгоценные камни; *литифиты* — кораллы. — 408.

Я. П. КОЗЕЛЬСКИЙ

Козельский Яков Павлович (около 1735—?) — выдающийся русский философ и ученый-энциклопедист XVIII века. Родился около 1735 г. на Украине, в семье помещика (наказного сотника Полтавского полка). Обучался сначала в Киеве в духовной семинарии. С 1750 г. учился в гимназии при Академии наук в Петербурге. Там же начал свою преподавательскую деятельность. С 1752 г. находился на военной службе. В 1760-х годах был преподавателем математики и механики в Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе. В 1766 г. перешел в гражданскую службу, в сенат. В 1767 г. был избран депутатом от Днепровского пикиверского (то-есть вооруженного пиками) полка в Комиссию для сочинения проекта нового уложения. В 1770—1778 гг. состоял членом Малороссийской коллегии, находившейся в городе Глухове. В 1780-х годах он возобновил свою служебную деятельность. В 1788—1793 гг. Козельский служил в возобновленной на бюрократической основе Комиссии нового уложения. В 1791 г. состоял одновременно также инспектором «Гимназии чужестранных единоверцев» в Петербурге. Последние годы жизни провел в своем поместье Крутой Берег, неподалеку от Полтавы.

Правительство Екатерины II старалось всячески избавиться от «беспокойного» мыслителя. Дворянско-буржуазная наука игнорировала Козельского и «забыла» его как ученого и писателя. Достаточно указать на то, что его труды ни разу не переиздавались с XVIII века.

Только в советскую эпоху началось изучение жизни и деятельности Я. П. Козельского. Но в этом сделаны лишь первые шаги.

Литературное наследие Козельского весьма обширно. Основными его оригинальными трудами являются: «Арифметические предложения для употребления артиллерийским кадетам» (Спб. 1764), «Механические предложения для употребления обучающихся при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе благородного юношества» (Спб. 1764), «Философические предложения» (Спб. 1768), «Рассуждения двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании» (Спб. 1788). Эта книга, должно быть, написана совместно с Н. М. Максимовичем-Амбодином — известным врачом второй половины XVIII века, который издал ее отдельно со многими сокращениями и изменениями фактического и стилистического характера под названием: «Китайский философ, или ученые разговоры двух индийцев Калана и Ибрагима, то-есть философические рассуждения о человеческих познаниях касательно физики, врачебной науки, испытания природы и ее таинств, естественною историею открываемых, а именно: о стихиях, земле, воде, воздухе и огне, о человеке и животных, о растениях и ископаемых минералах, во врачебной науке употребляемых, о тяжести, движении и покое земных тел и проч. Изданием Н. М. Максимовича-Амбодика» (Спб. 1788).

Козельскому принадлежит также значительное количество переводов с иностранных языков, которые он почти все снабдил своими предисловиями и многочисленными примечаниями, где высказал свои философские и политические воззрения, обобщенные затем в его оригинальных трудах. Таковы его переводы: «Возмущение против Венеции. Трагедия, сочиненная господином Оттваем». С послесловием переводчика. Переведена с немецкого языка (Спб. 1764); «История славных государей и великих генералов с рассуждениями о их поступках и делах, собранная господином Шофиним из сочинений Роллена, Кревиера и других». С предисловием переводчика. Переведена с французского языка (Спб. 1765); «История датская, сочиненная господином Голбергом». С предисловием и примечаниями переводчика. Сокращенный перевод с немецкого языка (ч. I, Спб. 1765; ч. II, Спб. 1766); «Государь и министр, книга, сочиненная господином Мозером». С предисловием переводчика. Переведена с немецкого языка (Спб. 1766); «История о переменах, происходивших в Швеции в рассуждении веры и правления. Сочинение аббата Вергота». С предисловием переводчика. Переведена с французского языка (ч. I, Спб. 1764; ч. II, Спб. 1765); «Статьи о философии и частях ее из Французской энциклопедии» (ч. I, Спб. 1770); ч. II — в том же году под названием «Статьи о нравоучительной философии и частях ее».

Кроме того, Козельским переведен ряд специальных учебных пособий по математике, фортификации и пр., как, например, «Начальные основания фортификации». Перевод с латинского языка (Спб. 1765); «Сочинение об осаде крепостей». Перевод с немецкого (Спб. 1770), и др.

ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ,
СОЧИНЕННЫЕ НАДВОРНЫМ СОВЕТНИКОМ
И ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СЕНАТА СЕКРЕТАРЕМ
ЯКОВОМ КОЗЕЛЬСКИМ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ 1768 ГОДА

Напечатаны впервые в Петербурге в 1768 г. Нигде затем не перепечатывались. Воспроизводятся по первопечатному изданию.

¹ *От коммерции разных наук.* — В данном случае в смысле: от сочетания разных наук. — 416.

² *Герменевтическое* — объяснительное, вытекающее из толкования исторических текстов. — 441.

³ *Причина Гракховой смерти.* — Имеется в виду убийство древнеримского политического деятеля республиканца Тиберия Гракха (II век до н. э.) за попытку проведения в жизнь прогрессивного аграрного закона об ограничении крупного землевладения. — 451.

⁴ *Нумидия* — древнее название государства в Северной Африке, на территории нынешнего Алжира. — 452.

⁵ Имеется в виду поэма Вергилия «Энеида». — 459.

⁶ *Конь с крыльями* — то-есть Пегас, символ поэтического вдохновения. — 459.

⁷ *Guypens «Kriegsrecht».* — Вероятно, имеется в виду немецкий перевод трактата голландского правоведа Гуго Гроция «О праве войны и мира» (1625). — 465.

⁸ То-есть Послание апостола Петра к апостолу Тимофею. — 489.

⁹ *Раб, скрывший талант господина своего* — в данном случае в смысле раб, не желавший учиться. — 492.

¹⁰ *Фехтмейстер* — искусный фехтовальщик. — 493.

¹¹ *Стерезень* — остереганий, предосторожностей. — 498.

¹² *Неподозревающие* — то-есть неподозрительные. — 506.

¹³ *Невероимчивы* — то-есть недоверчивы. — 506.

¹⁴ *Для своего коммодитету* — для своей выгоды, для своей пользы. — 507.

¹⁵ Имеется в виду книга Мозера «Государь и министр», которую Козельский перевел на русский язык и издал в 1766 г. — 507.

¹⁶ Несомненный намек на закон 22 августа 1767 г., который запрещал крепостным под страхом суровых наказаний жаловаться на злодеяния помещиков. — 519.

¹⁷ Ссылки на других мыслителей Козельский делает по цензурным соображениям, так как, осуждая деспотический образ правления и восхваляя республиканский, он вынужден был обезопасить себя от возможных полицейских неприятностей. — 523.

¹⁸ *Славный автор* — Вольтер. — 523.

¹⁹ *Во всей области* — в данном случае в смысле «во всем государстве». — 537.

²⁰ *Платонова республика* — утопическое государство будущего, описание которого дал в своих произведениях древнегреческий философ-идеалист Платон. — 539.

²¹ Ссылка на книгу Бомеля Лорана Англевиеля «Мои мысли». Вероятно, имеется в виду его дополненное (supplément) изд. 1753 г. — 542.

²² Ссылка на главы о Китае «Философского словаря» Вольтера, изданного в 1734 г. Прославление «воображаемого» китайского монарха — излюбленный софизм Вольтера. — 545.

²³ *Оттоманской силы* — турецкой армии. — 546.

РАССУЖДЕНИЯ ДВУХ ИНДИЙЦЕВ КАЛАНА И ИБРАГИМА О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Издан впервые в Петербурге в 1788 г. только 1-й том, 2-й том вообще не выходил. В том же году эта книга вышла под названием «Китайский философ, или ученые разговоры двух индийцев Калана и Ибрагима...» без указания имени автора, но с указанием, что книга издана «Иждивением Н. М.-А.», то-есть Нестора Максимовича-Амбодика. В этом издании имеется много сокращений и изменений фактического и стилистического характера.

В настоящей томе печатается ряд глав из первопечатного издания книги Козельского: Введение — «Искренний совет истинной дружбы», «Рассуждение об испытании природы и ее таинств», «[Рассуждение о тяжести, движении и спокойствии]».

«Рассуждения об испытании природы и ее таинств» предпослан эпиграф на латинском языке: «Мы никогда не можем познать до конца природу вещей, в чем убеждает нас любое явление» (*Цицерон*, «Академика»).

Книга Козельского является своего рода философской энциклопедией естественно-научных познаний современной автору эпохи.

¹ Имеется в виду гимназия при Петербургской Академии наук, где учился Козельский. — 554.

² Козельский отвергает теорию Руссо об отрицательном влиянии наук и искусств на развитие человечества и подчеркивает отрыв современной ему науки от практики. — 555.

³ *Любезной нашей Индии, Великого Могола*, — иносказательно — Екатерины II. — 556.

⁴ *Вашу параболу* — то-есть вашу притчу, ваш рассказ. — 559.

⁵ *В... Агре* — то-есть в Петербурге. — 560.

⁶ *Халдеи* — жрецы и маги в древней Ассирии-Вавилонии. — 562.

⁷ *Волхвы* — мудрецы и маги (кудесники) у древних персов и других восточных народов, а также в древней Руси. — 562.

⁸ *Брахманы* — жрецы индуистского божества Браммы. — 562.

⁹ *Друиды* — жрецы у кельтских народов. — 562.

¹⁰ *Катоптрика* — отдел оптики, изучающий законы отражения света и описывающий применение этих законов к устройству оптических приборов. — 563.

¹¹ *Диоптрика* — раздел геометрической оптики, где изучаются законы преломления световых лучей при переходе из одной прозрачной среды в другую. — 563.

¹² *Гномоника* — наука об астрономических приборах. — 563.

¹³ Незаслуженными предикатами — то-есть незаслуженными кличками. — 565.

¹⁴ Автобиографический момент; в 1770 году Козельскому были пожалованы деревни с крестьянами. — 566.

¹⁵ В индийском языке — иносказательно в русском языке. — 569.

¹⁶ В философских наших предложениях — то-есть в изданной ранее книге «Философские предложения» (1768). — 570.

¹⁷ Дельфийский Аполлон — в древнегреческой мифологии сын Зевса и Латоны, бог солнца, покровитель искусств и бог предсказаний. — 576.

¹⁸ Славного в нынешнее время философа. — Имеется в виду Христиан Вольф. — 576.

¹⁹ Имеются в виду книги Козельского «Арифметические предложения» (1764) и «Механические предложения» (1764). — 577.

²⁰ Фазтон — в античной мифологии — сын бога солнца Аполлона-Феба, выпросивший у своего отца огненную колесницу и вследствие неумелого управления ею едва не погубивший мир; за это был убит Зевсом. — 577.

²¹ Строгость цензуры в Иберии (Испании). — Подразумеваются инквизиционные правила цензуры в России. — 579.

²² В албионском, египетском и батавском обществах — в Англии, Швейцарии и Голландии. — 579.

²³ Карантинных порошков — то-есть очистительных порошков. — 581.

²⁴ Учились топике — учились искусству использования общих суждений при изложении той или иной проблемы. — 581.

²⁵ Изохрона — кривая равновременного движения тел. — 584.

²⁶ Тавтохрона — кривая одновременного движения тел. — 585.

²⁷ Антимоний — сурьма. — 586.

²⁸ Как поуждение — в данном случае — «как притяжение». — 586.

²⁹ Особо рачительное исследование. — Козельский разбирает здесь различные полумистические и идеалистические учения о флогистоне, теплотворе и прочих веществах, которые по утверждению химиков и физиков XVII—XVIII веков входят якобы в тела во время горения и, поддерживая его, увеличивают вес раскаленных тел. — 586.

³⁰ Еще тосканцы — то-есть Галилей и его ученики; Козельский, возможно, умышленно, по цензурным соображениям, не называет здесь прямо имени Галилея, учение которого осуждалось церковниками. — 591.

³¹ Автором этих «Писем» был Леонард Эйлер; «Письма» были впервые изданы в 1768—1772 гг. в Петербурге в 3 томах. Переведены на русский язык С. Румовским. — 593.

³² Антиподы — то-есть обитатели взаимно противоположных пунктов земного шара. — 596.

³³ Картаунная пушка — по принятой в XVIII веке классификации орудийных калибров, пушка калибром в 1 пуд. — 596.

³⁴ Большая иланга — длинноствольная пушка для стрельбы фугасными снарядами. — 596.

³⁵ *Я дам такой реп* — то-есть я дам такой ответ или совет. — 609.

³⁶ *С абшидом* — с полной отставкой. — 616.

³⁷ *Бакалавр* — в данном случае в смысле ученый педант. — 617.

ПРЕДИСЛОВИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДУ «ИСТОРИИ ДАТСКОЙ» ГОЛБЕРГА

Книга издана в двух частях под таким заглавием: «История датская, сочиненная господином Голбергом, которую сократил и приписал к ней свои примечания артиллерии капитан Яков Козельский». Первая часть вышла в Петербурге в 1765 г., вторая — в 1766 г.

Предисловие и примечания воспроизводятся по первопечатному изданию.

¹ *Неумеренное самолюбие*. — Как просветитель, Козельский ошибочно видит причины войн прежде всего в моральных несовершенствах народов и их правителей. — 621.

² *До северной монархии* — то-есть до создания королевой Маргаритой в конце XIV века объединенного королевства Дании, Норвегии и Швеции. — 625.

³ *Писали природные россияне*. — Здесь Козельский высказывается против немецкого засилья в исторической науке. — 626.

⁴ *Сей писатель* — то-есть автор книги, Голберг. — 627.

⁵ Имеются в виду законы, изданные королем Фродом Миролюбивым в XV веке. — 628.

⁶ Козельский критикует законодательство Фрода не только потому, что оно разрешило дуэли, но особенно потому, что оно узаконило неравенство народов, чего Козельский как передовой мыслитель никак не мог признать справедливым. — 629.

⁷ Имеется в виду пиратство, каким занимался по приказу своих королей датский морской флот. — 629.

⁸ Это примечание сделано к эпизоду, описанному Голбергом, где он указывает, что один архиепископ выкупал на церковные ценности полоненных жестокими норманнами христиан, считая, что человек дороже церковных украшений и сокровищ. — 629.

⁹ *Вот какое наразждение за грабежи*. — Это примечание сделано к эпизоду, где описывается жестокая расправа англичан в конце XI века с датскими захватчиками. Козельский использует этот эпизод, чтобы высказать свое мнение о справедливости борьбы с захватчиками и поработителями родины. — 629.

¹⁰ Козельский не соглашается с титулом «великий» датского короля XI века Канута, так как многочисленные войны, которые он вел, ни в коем случае не делают его достойным такого почета. Вопрос о несправедливости именовании «великим» завоевателей неоднократно поднимался в русской литературе XVIII века, в частности он был затронут в отношении Александра Македонского Ломоносовым в оде «На счастье» (1760), Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву». Козельский также осуждает Канута за неблаговидные личные поступки. — 630.

¹¹ *Сего автора* — то-есть автора книги, Голберга. — 630.

¹² *Короля Кнуда и Ярла Гагена* — то-есть короля Канута и его наперсника. — 630.

¹³ *Желать милости*. — Козельский, сторонник независимого суда, считал, что милость монарха не является истинным правосудием, так как решение судьбы граждан делается зависимым в таких условиях от воли и настроений «властвующей особы», то-есть самодержца. — 631.

¹⁴ Примечание относится к тому месту в книге, где указывается, что папа римский отрешил в 1251 г. от сана Майнцского архиепископа из-за отсутствия у него военных способностей. Козельский осуждал военные насилия, особенно если организаторами их были церковники. Он беспощадно изобличает глав римско-католической церкви, пап, которые не раз являлись поджигателями кровавых войн между народами. — 632.

¹⁵ Имеется в виду датский губернатор в Голштинии, который оскорбил голштинцев и за то был убит ими. — 634.

¹⁶ *От цесарского владения* — то-есть освобождение Швейцарии от австрийского владычества в XIV веке. — 635.

¹⁷ Козельский имеет здесь в виду и современные ему случаи, когда царское правительство назначало губернаторами лиц, неспособных исполнять эту должность. — 635.

¹⁸ *К укромению неистовства человеческого*. — Примечание сделано к описанию эпизода, когда в начале XIV века датский и норвежский короли при заключении мира поручили церковным властям предавать анафеме тех своих подданных, которые нарушат мир. Козельский в соответствии со своими демократическими взглядами считал, что это единственный случай, когда наложение церковного проклятия было оправдано ходом событий. — 635.

¹⁹ *Сего короля*. — Имеется в виду датский король Вольдемар (XIV век), которого Козельский вопреки Голбергу, превозносившему этого короля, резко осуждает за захватнические и разорительные войны. — 635.

ПРЕДИСЛОВИЕ

К ПЕРЕВОДУ КНИГИ МОЗЕРА «ГОСУДАРЬ И МИНИСТР»

Напечатано в Петербурге в 1766 г. Книга Карла Фридриха Мозера (1723—1798) «Государь и министр» («Der Herr und der Diener») была впервые издана во Франкфурте в 1755 г. Автор изложил в ней основные положения политической концепции «просвещенного абсолютизма». Посвящая свой перевод Екатерине II, Козельский тем самым призывал императрицу воплотить в жизнь эти принципы. Вместе с тем Козельский в предисловии к книге подверг критике многие отрицательные стороны современного ему самодержавно-крепостнического строя.

Предисловие воспроизводится по первопечатному изданию.

¹ *По прошению некоторого принца*. — Свою книгу Мозер написал, вероятно, по совету кого-либо из представителей дома принцев Гессена Гомбургского, делами которого он управлял. — 637.

² *Сей купидон* — то-есть эта страсть. — 638.

³ *Гасы* — тонкие шелка. — 638.

⁴ *Во всей области* — в данном случае в смысле «во всем государстве». — 638.

⁵ *В роды их.* — Козельский выступает здесь против непомерных и незаслуженных награждений дворянской знати, что особенно было принято в царствование Екатерины II, щедро задаривавшей за счет государства своих фаворитов и приближенных землями, крепостными, деньгами, драгоценностями и пр. — 641.

⁶ *Важная клейнода* — важный символ, важная принадлежность. — 643.

⁷ *Во всяком роде разных человеческих состояний.* — Козельский отвергает здесь кастовые, сословные ограничения, которые господствовали в самодержавно-крепостническом государстве. — 643.

ДЕПУТАТА ДНЕПРОВСКОГО ПИКИНЕРСКОГО ПОЛКА
ЯКОВА КОЗЕЛЬСКОГО
НА ЧИТАННЫЕ В РАЗНЫЕ ЧИСЛА СЕНТЯБРЯ МЕСЯЦА
ЗАКОНЫ О ПРЕИМУЩЕСТВАХ ДВОРЯНСТВА ПРИМЕЧАНИЕ

Напечатано впервые в Сборнике Русского исторического общества, Спб. 1869, т. IV, стр. 187—190, откуда и воспроизводится в настоящем издании.

Зачитано на заседании Комиссии нового уложения 21 сентября 1767 г.

Речь направлена против узко сословных, кастовых требований представителей так называемого «старинного дворянства», стремившихся всячески ограничить доступ в дворянство лицам незнатного происхождения. Особенно прямолинейно такие взгляды были высказаны депутатом кн. М. М. Щербатовым, которому и адресован главным образом ответ Козельского.

¹ *Кто расточает.* — Имеются в виду разврат и мотовство дворянской знати. — 648.

² *Шляхетство* — дворянство. — 648.

³ *Прежним установлениям.* — Имется в виду «Табель о рангах», введенная Петром I. — 648.

[МНЕНИЕ О ПОЛОЖЕНИИ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН]
В КОМИССИЮ О СОЧИНЕНИИ ПРОЕКТА НОВОГО
УЛОЖЕНИЯ ОТ ДЕПУТАТА ЕКАТЕРИНИНСКОЙ
ПРОВИНЦИИ ОТ ШЛЯХЕТСТВА
ЯКОВА КОЗЕЛЬСКОГО ПРИМЕЧАНИЕ

Напечатано впервые в Сборнике императорского русского исторического общества (Спб. 1881, т. XXXI, стр. 494—502), откуда и воспроизводится в настоящем издании.

В этом «Мнении», зачитанном 23 мая 1768 г. в Комиссии по составлению нового уложения, Я. Козельский изложил свои требования об ограничении крепостничества и помещичьей власти.

В декабре 1768 г. Козельский в числе других депутатов Комиссии по составлению нового уложения был лишен депутатских полномочий и отправлен в действующую армию в связи с начавшейся войной с Турцией.

¹ *В другие экономические дела* — то-есть в другие хозяйственные работы. — 650.

² *От баб крестьянок помещику подать*. — Имеются в виду повинности крепостных сверх барщины и оброка поставлять помещику безвозмездно разного рода продукты: живность, холст, ягоды, грибы и пр. — 650.

³ *По ревизиям* — то-есть по переписям крепостных крестьян, которые проводились царским правительством. — 651.

⁴ *Предупреждением права опеки*. — Разорившиеся помещичьи хозяйства брались в то время царским правительством под опеку, которая выражалась в фактическом отстранении разорившихся владельцев от управления своим имением. — 651.

⁵ *Внутренних крестьян* — то-есть крестьян внутренних губерний страны. — 652.

⁶ *В новосербские и другие населенные места*. — Имеются в виду южные районы страны, заселение которых усиленно проводилось во второй половине XVIII века. — 654.

⁷ *Учредить о хлебопашестве государственное правительство* — то-есть организовать особое ведомство земледелия, что и обеспечит, по мнению Козельского, установление государственного контроля над земледелием. — 654.

⁸ *Они им и крепки* — то-есть крестьяне находятся в крепостной зависимости у помещиков. — 654.

⁹ *Коим переход с места на место дозволен*. — Имеется в виду положение крестьян на Украине, которые не все еще в то время (когда выступал Козельский) были официально в крепостной зависимости. — 657.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Август Гай Цезарь Октавиан* (63 до н. э. — 14 н. э.), первый римский император — 193, 220, 252, 550.
- Август (Клавдий Тиберий Цезарь Германик)* (10 до н. э. — 54 н. э.), римский император — 359.
- Августин (Аврелий)* (354—430), богослов — 162, 176.
- Адриан (Публий Элий)* (76—138), римский император — 221.
- Александр Македонский* (356—323 до н. э.), царь Македонии, знаменитый полководец и завоеватель — 98, 191, 437, 567, 634.
- Алкивиад* (451—404 до н. э.), афинский государственный деятель и полководец — 240.
- Америго Веспуччи* (1451—1512), итальянский географ, первый исследователь Америки — 567.
- Аноним* — см. *Шефтсбери*.
- Ансон Джорджс* (1697—1762), английский адмирал — 130, 268.
- Аристид* (540—467 до н. э.), афинский политический деятель и полководец — 514.
- Аристотель* (384—322 до н. э.), древнегреческий философ — 139, 140, 180, 230, 343, 387, 393, 561, 562, 564.
- Аркадий* (377—408), римский император — 221.
- Архимед* (287—212 до н. э.), древнегреческий математик и механик — 347, 365, 460, 564, 588.
- Аттила* (?—453), царь древнегерманского варварского племени гуннов, орды которых опустошили в V в. почти всю Центральную Европу — 190.
- Афемий* (IV в.), римский император — 221.

Б

- Бакон Веруламий* — см. *Бэкон*.
- Бальтазар Августин* (1701—1779), немецкий законодатель — 207, 350.
- Баркле (Беркли) Джорджс* (1684—1753), английский философ, субъективный идеалист — 202.

- Бавмейстер (Баумейстер) Фридрих Христиан* (1709—1785), немецкий философ-идеалист, сторонник Вольфа — 415, 418, 423.
- Беллидор Бернар Форест* (1697—1761), французский математик и военный инженер — 415, 577.
- Бернулли Иоанн* (1667—1748), известный базильский математик — 416.
- Билефельд Якоб Фридрих* (1716—1770), немецкий законодатель и государственный деятель, автор книги «Учение о государственном управлении» (1761); переведена на русский язык Ф. Шаховским (СПб. 1768) — 527, 541.
- Бильфингер Георг Бернгард* (1693—1750), немецкий философ-идеалист, вольфианец. Был членом Петербургской Академии наук—170, 364, 382.
- Бион Николай* (1652—1733), французский математик и инженер — 577.
- Блакстон Вильям* (Блэкстон) (1723—1780), английский законодатель — 208, 272, 287, 288, 289, 290, 350.
- Бюргав (Бургав) Герман* (1668—1738), голландский медик и химик — 164, 577, 585, 586.
- Бомингброк Генри* (1678—1751), английский социолог и политический деятель — 202.
- Бомель Лоран Англевиель* (1726—1773), французский писатель — 530.
- Боннет (Боннэ) Шарль* (1720—1793), швейцарский философ-идеалист — 369, 374.
- Боннивет Гильюм Гуфье* (1788—1825), французский военный и политический деятель — 543.
- Борелль Альфонс (Борелли Джованни Альфонсо)* (1608—1679), итальянский астроном, математик и физиолог — 170.
- Бриссон Пьер* (XVI в.), французский историк — 243.
- Брукер Иоанн Якоб* (1696—1770), немецкий философ-идеалист — 343, 373.
- Бугер Петр* (1678—1758), французский математик и физик — 415.
- Буддеус Иоанн Франц* (1677—1729), немецкий философ-идеалист — 137, 138, 154.
- Бэкон Веруламский Френсис* (1561—1626), английский философ-материалист — 146, 154.
- Бюффон Жорж* (1707—1788), французский естествоиспытатель, автор «Естественной истории». Русский перевод в 10 частях (СПб. 1789—1808) — 391, 393.

В

- Валдемар* (XIV в.), датский король — 632, 636.
- Валенций (Валент)* (364—378), римский император — 627, 628.
- Вальх Иоганн Георг* (? — 1775), немецкий философ-идеалист и богослов — 367, 373.
- Варрон Марк Теренций* (116—27 до н. э.), римский историк и писатель — 245.
- Ватт* — см. *Уатт*.
- Вистон (Вистон) Вильям* (1667—1752), английский астроном и математик — 609.
- Виргилий Публий Марон* (70—19 до н. э.), древнеримский поэт — 193, 340, 345, 459.

- Витриурий (Витриариус) Филипп Рейнгард* (XVII в.), голландский законовед — 350.
- Вольтер Франсуа Мари Аруз* (1694—1778), французский философ, просветитель — 191, 449, 450, 453.
- Вольф Христиан* (1679—1754), немецкий философ-идеалист — 143, 164, 167, 170, 177, 178, 364, 367, 588, 604, 605.
- Воссий (Фоссиус) Гергард Иоганн* (1577—1649), голландский филолог — 270.
- Вухерер Иоганн Фридрих* (1682—1737), немецкий богослов и ученый — 137.
- Вяземский Александр Алексеевич* (1727—1796), сановник, генерал-прокурор — 411.
- Г**
- Гамбергер Георг Эрхард* (1697—1755), немецкий философ-идеалист — 137, 585, 586, 590, 591, 599, 605, 607, 608.
- Гамел* — см. *Дюгамель*.
- Ганнибал* (ок. 248—183 до н. э.), карфагенский полководец — 188.
- Гарингтон (Гаррингтон) Джеймс* (1611—1677), английский социолог и философ-идеалист — 202.
- Гаррисон Джон* (1693—1776), английский изобретатель — 347.
- Гаузен Христиан Август* (1693—1743), немецкий математик и философ-идеалист — 158.
- Геннекий (Гейнекий) Иоганн Готлиб* (1681—1741), немецкий правовед — 228, 240, 243, 245, 251, 253, 277, 343.
- Гельвеций Клод Адриан* (1715—1771), французский философ-материалист — 418, 436, 453, 457, 510, 514, 529, 566.
- Генрих VIII* (1491—1547), английский король — 290.
- Геродот Галикарнасский* (484—425 до н. э.), древнегреческий историк, автор «Истории греко-персидских войн» — 345, 394.
- Герсон* — см. *Жерсон*.
- Герон Младший* (III в. до н. э.), сиракузский царь, покровитель Архимеда — 588.
- Гиллер Иоганн Фридрих* (XVII в.), немецкий философ-идеалист — 146.
- Гоб (Гоббс) Томас* (1588—1679), английский философ-материалист и социолог — 138, 202, 203, 204, 289.
- Голберг (Гольберг) Людвиг* (1684—1754), датский писатель и историк — 621, 625, 626, 627.
- Гомер* (ок. 900 до н. э.), древнегреческий легендарный автор «Илиады» и «Одиссеи» — 124, 340.
- Гонорий Флавий* (384—423), римский император — 221.
- Гораций Флакк* (65—8 до н. э.), древнеримский поэт — 154, 193, 237, 340.
- Готшед Иоганн Кристоф* (1700—1766), немецкий поэт, философ-идеалист, литературный критик, теоретик классицизма — 415, 418, 469.
- Гофман Фридрих* (1660—1742), немецкий теоретик медицины — 163.
- Гочесон (Гетчесон) Фрэнсис* (1694—1747), английский философ-идеалист — 202, 288, 289.
- Грахс Тиберий* (162—133 до н. э.), древнеримский прогрессивный политический деятель — 451.
- Григорий IX* (XIII в.), папа Римский — 636.
- Григорий Нисский* (IV в.), христианский богослов — 162.

- Гроций Гуго* (1583—1645), голландский правовед — 202, 203, 465.
Гус Иоганн (1369—1415), вождь чешского национального движения, сожженный на костре — 373.
Густава I Ваза (1496—1560), шведский король — 548.
Гюм — см. *Юм*.

Д

- Давид* (1055—1015 до н. э.), древнеиудейский царь — 623.
Д'Аламбер Жан Лерок (1717—1783), французский философ-материалист, математик и астроном — 408.
Даржан Жан Батист де Войе (1704—1771), французский писатель и философ-идеалист — 418, 439, 504, 543.
Де ла Кайль Никола Луи (1713—1762), французский астроном и математик — 595.
Декарт Рене (1596—1650), французский философ-дуалист, математик и физик — 143, 151, 172, 173, 183, 371, 382, 456, 517, 518, 564, 566, 580, 617.
Деланд — см. *Лаланд*.
Демокрит (около 460—370 до н. э.), древнегреческий философ-материалист — 160.
Демосфен (384—322 до н. э.), древнегреческий политический деятель и оратор — 96, 237, 339, 351.
Диоген Лаэртций (Лаэртийский) (III в.), греческий мыслитель и писатель, автор труда «Жизнь и учения людей, прославившихся в философии» — 343, 363.
Диоклетиан Гай Аврелий, римский император (284—305) — 221.

- Дионисий Галикарнасский* (I в. до н. э. — I в. н. э.), древнегреческий историк и оратор — 246.
Дюгальд Жан Батист (1674—1743), иезуит, французский историк и путешественник — 523.
Дюгамель Жан Батист (1624—1706), французский математик и астроном — 164.

Е

- Екатерина II* (1729—1796), русская императрица — 115, 234.

Ж

- Жерсон Жан Шарль* (1363—1429), французский философ-идеалист и богослов — 373.

З

- Зенон* (IV—III вв. до н. э.), древнегреческий философ-идеалист, основоположник школы стоиков — 561.
Златоуст Иоанн (IV в.), древнехристианский оратор и проповедник — 124.
Зороастер (Зороастра), легендарный религиозный реформатор в древней Персии — 341.

И

- Иннокентий IV* (XIII в.), папа римский, церковный законовед — 208.
Иоанн Милостивый (VII в.), патриарх александрийский — 629.

К

- Калигула Гай Цезарь* (12—41), римский император — 359.
- Канут Великий* (XI в.), датский король — 625, 630, 631, 632.
- Карл I Стюарт* (1600—1649), английский король, казненный во время английской буржуазной революции — 203, 290, 291.
- Карл IX* (1550—1573), французский король — 115.
- Картезий* — см. *Декарт*.
- Катон (Марк Порций) Утический* (95—46 до н. э.), римский политический деятель, республиканец — 192, 480.
- Квинтилиан Марк Фабий* (ок. 35 — ок. 100), древнеримский оратор и писатель — 149, 160, 346.
- Кемз Генри Хом* (1696—1782), английский правовед и философ-идеалист — 303.
- Кестнер Лвораам Готтгельф* (1719—1800), немецкий математик и философ-идеалист — 392.
- Кларк Семюзль* (1675—1729), английский философ-идеалист — 288.
- Кнут* — см. *Канут*.
- Кнутцен Мартин* (1713—1751), немецкий философ-идеалист, вольфианец, учитель Канта — 138.
- Кокцей Самуил* (1679—1755), прусский законовед — 204.
- Колумб Христофор* (1446—1506), испанский мореплавателъ — 275, 566, 567.
- Комберланд Рихард* (1632—1718), английский философ-идеалист — 202, 204.
- Коннор Бернгард* (XVII в.), немецкий ученый — 137.

- Константин Великий (Гай Флавий Валерий)* (274—337), римский император — 220, 222, 241.
- Корнелий Непот* (ок. 99 — ок. 24 до н. э.), римский писатель и историк — 240.
- Корсин (Корсини) Эдуард* (1702—1765), итальянский философ-идеалист, математик и историк — 139, 144.
- Кремонини Цезарь* (1552—1631), итальянский философ и математик — 138.
- Крис (Крез)* (VI в. до н. э.), лидийский царь — 96.
- Кромвель Оливер* (1599—1658), вождь английской буржуазной революции. По его настоянию был казнен английский король Карл I Стюарт — 203.
- Ксенофонт* (ок. 434—359 до н. э.), древнегреческий историк и писатель — 280.

Л

- Лабзон Марк Антистий* (I в. до н. э. — I в. н. э.), древнеримский законовед — 252.
- Лаланд Жозеф Жером* (1732—1807), французский математик и астроном — 580, 586, 615.
- Ламберт* — см. *Д'Аламбер*.
- Лейбниц Готфрид Вильгельм* (1646—1716), немецкий философ-идеалист и математик — 171, 172, 173, 176, 180, 183, 364, 365, 367, 371, 378, 564.
- Лекомт Луи* (1656—1729), французский иезуит-миссионер, автор книги «Китайские мемуары» (1696—1701) — 231.
- Леонид* (IV в.), римский император — 221.
- Лешер Валентин Эрнест* (XVIII в.), немецкий богослов — 135.

- Ливий Гит* (59 до н. э. — 17 н. э.), древнеримский писатель и историк — 130, 193, 246, 431.
- Ликург*, законодатель древней Спарты (VIII в. до н. э.) — 196, 344.
- Линней Карл* (1707—1778), шведский естествоиспытатель, создатель классификации растений и животных — 393, 394.
- Лок (Локк) Джон* (1632—1704), английский философ-материалист — 150, 158, 160, 202.
- Ломоносов Михаил Васильевич* (1711—1765), гениальный русский ученый, философ-материалист — 113, 188.
- Лукиан Самосатский* (ок. 125—? н. э.), древнегреческий сатирик и писатель — 237.
- Лукреций Кар Гит* (95—55 до н. э.), древнеримский поэт и философ-материалист, автор поэмы «О природе вещей» («De rerum natura») — 113, 119—122, 124, 165, 166, 343, 375.
- Лутер (Лютер) Мартин* (1483—1546), германский церковный реформатор — 373.

М

- Малебранги (Мальбранги) Николай* (1638—1715), французский философ-идеалист — 174.
- Мандевиль Бернар* (1670—1733), английский философ-идеалист и поэт — 202.
- Маргарита* (1353—1412), датская королева — 625.
- Марк Аврелий Антонин* (121—180), римский император — 642.
- Марциал Валерий* (ок. 40 — ок. 104), римский поэт — 237.

- Макиавелли (Макиавелли) Николло ди Бернарди* (1469—1527), итальянский политический деятель и писатель — 546, 547, 550.
- Менандр* (342—291 до н. э.), древнегреческий драматург — 238.
- Мендельсон Моисей* (1729—1786), немецкий философ-идеалист — 382.
- Миллер Герард Фридрих* (1705—1783), историк, член С.-Петербургской Академии наук — 196.
- Миллер Иоганн Гейнрих* (1671—1731), немецкий математик и философ-идеалист — 577, 599, 600.
- Мицуций Феликс* (? — 210 н. э.), древнеримский правовед — 375.
- Мозер Карл Фридрих* (1723—1798), немецкий писатель и политический деятель — 507, 637.
- Монтескиу (Монтескье) Шарль Луи* (1689—1755), французский социолог, философ-просветитель — 294, 418, 499, 527, 528, 532.
- Мопертюи Пьер Луи* (1698—1759), французский философ-идеалист и астроном — 504.
- Моргоф Даниель* (1639—1691), немецкий ученый — 148.
- Мушенброк (Мушенбрук) Петр* (1692—1761), голландский физик и математик — 591.

Н

- Ньютон* — см. *Ньютон*.
- Норби Северин* (XVI в.), датский адмирал — 548.
- Норден Фредерик Луи* (1708—1742), датский путешественник — 278, 279.

Нума Помпилий, легендарный царь древнего Рима — 435, 547.

Ньютон Исаак (1642—1727), английский физик, астроном и математик — 150, 257, 268, 449, 453, 564, 597, 598.

О

Овидий Публий Назон (43 до н. э. — 17 н. э.), древнеримский поэт — 119, 121, 193, 237, 240, 345.

Олав (Олаф) (XI в.), норвежский король — 630.

Омир — см. *Гомер*.

Онорий (Гонорий) III (XII—XIII вв.), папа Римский — 636.

Остерридер Герман (XVIII в.), немецкий богослов — 147.

П

Папиниан Эмилий (II—III вв.), римский правовед — 241.

Петроний (I в.) — римский поэт — 121.

Петр I Великий (1672—1725), русский император — 188, 191, 243, 248, 266, 267, 646.

Пиррон (360—270 до н. э.), древнегреческий философ-скептик — 373.

Пифагор (ок. 571—497 до н. э.), древнегреческий философ-идеалист, математик — 363, 564, 593.

Плавт Тит Макций (ок. 254—184 до н. э.), древнеримский драматург — 372.

Платон (427—347 до н. э.), древнегреческий философ-идеалист — 135, 148, 363, 539, 561, 562, 564.

Плиний Старший (23—79), древнеримский ученый и писатель — 237, 393.

Плиний Младший (ок. 62—114), древнеримский писатель и политический деятель — 142, 148.

Плотин (204—269 до н. э.), древнегреческий философ-идеалист, основоположник так называемой «неоплатонической философии» — 171.

Плутарх (ок. 46—120), древнегреческий писатель и историк — 231, 363.

Помпоний Секстус (II в. н. э.), римский правовед и писатель — 245.

Поп Александр (1688—1744), английский поэт и философ-идеалист — 112, 119.

Порфирий (232—305), греческий философ-идеалист, неоплатоник — 171.

Посидоний (135—50 до н. э.), древнегреческий философ-стоик, математик и астроном — 363.

Проперций Секст (ок. 50—15 до н. э.), древнеримский поэт — 193.

Протагор (480—411 до н. э.), древнегреческий философ-материалист — 160.

Пурхотий (Пурхот) Эдм (1651—1734), французский философ-идеалист, картезианец — 135.

Пуффендорф Самуил (1631—1694), немецкий законовед и историк — 204.

Р

Рапен-Туаре Поль (1661—1723), французский историк — 115.

Ридигер Андрей (1673—1731), немецкий философ-идеалист — 138.

Рихман Георг Вильгельм (1711—1753), член Российской Академии наук, физик, друг Ломоносова — 129.

Рише Андриан (1720—1798), французский историк — 372.
Робертсон Вильям (1721—1793), английский историк — 271.
Руссо Жан Жак (1712—1778), французский философ-просветитель и писатель — 412, 414, 418, 524, 527, 554.

С

Саллюстий Гай Криспун (86—35 до н. э.), древнеримский историк — 270.
Северий Луций Септимий (193—211), римский император — 221.
Сенека Луций Анней (54 до н. э.—ок. 39 н. э.), римский писатель и философ-идеалист — 149.
Сигоний Карл (1523—1584), итальянский историк и правовед — 229.
Сирбиус Иоганн Якоб (1674—1738), немецкий богослов — 135, 136.
Скандеберг (Кастриот) (1404—1467), руководитель борьбы албанского народа против турецких поработителей — 546.
Слейдан Иоганн (1506—1556), немецкий историк — 373.
Смит Адам (1723—1790), английский экономист — 202, 216, 256, 288.
Сократ (469—399 до н. э.), древнегреческий философ-идеалист — 339, 448, 462, 566.
Солон, афинский законодатель (VI в. до н. э.) — 231, 339, 344.
Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839), русский государственный деятель — 404.
Стефан (XII в.), английский король, отлученный от церк-

ви за проведение судебных реформ, ограничивающих произвол церковников — 208.
Стилихон Флавий (? — 408), государственный деятель и военачальник в поздней Римской империи — 628.
Стратон (?—270 до н. э.), древнегреческий философ-материалист и физик — 407.
Стурмий — см. *Штурм*.
Сципион Корнелий Африканский Старший (ок. 235 — ок. 183 до н. э.), римский полководец и политический деятель — 99, 188, 609.
Сыдне (Сидней) Алджернон (1622—1683), английский политический деятель и правовед — 202.

Т

Тамерлан (Тимур) (XIV в.), монгольский военачальник — 190, 228.
Тацит Публий Корнелий (ок. 55—ок. 120), древнеримский историк — 261, 270.
Тибулл Альбий (54—19 до н. э.), древнеримский поэт — 193.
Тиммиг Людвиг-Филипп (1690—1728), ученик и секретарь немецкого идеалиста Вольфа — 184.
Титель (Тительман) Франк (XVI в.), немецкий богослов — 372.
Торричелли (Торричелли) Эвангелист (1608—1647), итальянский математик и физик — 581.
Трабод (Трабор) Захариас, австрийский физик XVII в. — 577.
Транн Марк Ульпий (53—117), римский император и военачальник — 221.
Туцидид — см. *Фукидид*.

У

- Уатт Бенджамин Дожемс* (1736—1819), шотландский изобретатель, механик и физик — 310.
- Унцеров (Унцер) Иоганна Шарлотта* (1724—1782), немецкая писательница — 589.

Ф

- Фабри Гонорациус* (1606—1688), французский богослов, математик и физик — 138.
- Фемистокл* (525—461 до н. э.), древнегреческий политический деятель и полководец эпохи греко-персидских войн — 514.
- Филипп II Македонский* (ок. 379—336 до н. э.), царь, отец Александра Македонского — 437.
- Франциск I* (1494—1547), французский король — 543.
- Фридрих I* (1471—1533), датский король — 625.
- Фридрих III* (1609—1670), датский король — 625.
- Фридрих IV* (1671—1730), датский король — 625.
- Фридрих II* (1712—1786), прусский король, один из вдохновителей немецкого милитаризма — 547.
- Фрод Миролобивый* (XV в.), датский король — 628.
- Фукидид* (ок. 460 — ок. 395 до н. э.), древнегреческий историк — 345.
- Фушер (Фуше) Симон* (1644—1696), французский философ-идеалист — 170.

Х

- Христиан (Христиерн) II* (1481—1559), датский король — 625.

Ц

- Цекропс*, легендарный царь Атики — 262.
- Цесарь* — см. *Юлий Цезарь*.
- Цицерон Марк Туллий* (106—43 до н. э.), древнеримский государственный деятель и оратор — 143, 149, 154, 162, 163, 174, 192, 197, 243, 262, 343, 345, 351, 374, 431, 433, 436, 555, 558, 561, 564, 581, 610, 611.

Ч

- Чингисхан* (ок. 1155—1227), монгольский завоеватель — 190, 228.

Ш

- Шампиньи Жан* (1717—1787), французский историк и переводчик — 637.
- Шарльвуа Пьер Франсуа Ксавье* (1682—1761), французский миссионер, историк — 195, 276.
- Шаховской Федор Яковлевич* (1740—1782), переводчик — 527.
- Шефтсбери Антони Ашли Купер* (1671—1713), английский философ-идеалист — 418, 502.
- Шребер Иоганн Христиан* (1739—1810), немецкий естествоиспытатель — 390.
- Штурм Иоганн Кристоф* (1635—1703), немецкий физик и математик — 137.
- Штурм Леонард Кристоф* (1669—1719), немецкий математик и инженер — 577.
- Шувалов Иван Иванович* (1727—1797), государственный деятель, первый куратор Московского университета — 95.

Э

Эйлер Леонард (1707—1783), физик и математик, член С.-Петербургской Академии наук — 577, 615.

Эпикур (342—270 до н. э.), древнегреческий философ-материалист — 561, 562.

Ю

Ювенал Децим Юний (ок. 60—130), древнеримский поэт-сатирик — 113, 161.

Югурта (? — 104 г. до н. э.), нумидийский царь и военачальник — 452.

Юлий Цезарь (100—44 до н. э.), римский государственный деятель и полководец — 96, 220, 228, 260, 261, 270, 431, 448.

Юм Давид (1711—1776), английский философ, субъективный идеалист — 202, 270, 290, 347.

Юстий (Юсти) Иоганн (? — 1771), немецкий экономист — 548, 549.

Юстиниан (ок. 483—565), римский император; по его повелению были составлены так называемые «Пандекты Юстиниана», книги, содержавшие римские законы и извлечения из трудов римских законов — 221, 241, 350.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья И. Я. Щипанова
Общественно-политические и философские воззрения русских мыслителей второй половины XVIII века 5

Н. Н. ПОПОВСКИЙ

Речь, говоренная в начатии философических лекций при Московском университете гимназии ректором Николаем Поповским 87

Письмо о пользе наук и о воспитании во оных юношества [К портрету М. В. Ломоносова]. 102

А. А. БАРСОВ

Речь о пользе учреждения императорского Московского университета при открытии оного 1755 года апреля 26 дня 105

Д. С. АНИЧКОВ

Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания, которое... на рассмотрение предлагает философии и свободных наук магистр Дмитрий Аничков 1769 года августа ... дня 111

 I Страх 116

 II Привидение 122

 III Удивление 126

Слово о свойствах познания человеческого и о средствах, предохраняющих ум смертного от разных заблуждений... говоренное Дмитрием Аничковым июня 30 дня 1770 года 134

Слово о разных причинах, немалое препятствие причиняющих в продолжении познания человеческого... говоренное... июня 30 дня 1774 года	152
Слово о разных способах, теснейший союз души с телом изъясняющих... говоренное... апреля 22 дня 1783 года . . .	162

С. Е. ДЕСНИЦКИЙ

Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании императорского Московского университета... говоренное... июня 30 дня 1768 года	187
О натуральном происшествии законоучения и о причинах, которые побудили людей учиться законоискусству	194
О нравоучительной философии, о юриспруденции вообще и о том, что содержится в обеих сих науках	199
О нравоучительной философии	200
О натуральной юриспруденции	202
О римской юриспруденции	207
О российской юриспруденции	209
Рассуждение о происшествии преимущества, власти и старшинства в народах, от которых происходит и их правление	211
Рассуждение о родительской власти, которую у римлян имел отец над своими детьми и которая примечается и у всех народов, когда они в невежественном и варварском состоянии находятся	219
Юридическое рассуждение о вещах священных, святых и принятых в благочестие, с показанием прав, какими оные у разных народов защищаются... говоренное... апреля 22 дня 1772 года	236
I. О вещах, почитаемых священными у римлян-язычников и у римлян, принявших христианскую веру, с уравнением оных с вещьми, почитаемыми в России священными	239
II. О вещах святых у римлян-язычников и у римлян-христиан, с уравнением таких вещей в законе Российском	244

III. О вещах, принятых в благочестие римлянами-язычниками и римлянами-христианами с уравнением оных с принятыми в наше благочестие	249
Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оно приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими... говоренное... июня 30 дня 1775 года	257
Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имени в различных состояниях общежителства... говореннос... апреля 21 дня 1781 года	268
I. Состояние народов, живущих ловлею животных и питающихся плодами, саморождающимися на земле	272
II. Состояние народов, живущих скотоводством, или пастушеское	279
III. Состояние народов, живущих хлебопашеством . .	281
IV. Состояние народов коммерческое	284
[Из примечаний к переводу книги Блэкстона «Истолкования английских законов»]	287
Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи	292
I. Законодательная власть	295
II. Судительная власть	301
III. Наказательная власть	308
IV. Гражданская власть	312

И. А. ТРЕТЬЯКОВ

Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях... говоренное... 1768 года апреля 22 дня	335
О натуральном происшествии наук и удобства, с которою оные у древних спискивались	336
Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов... говоренное... июня 30 дня 1772 года	353

А. М. БРЯНЦЕВ

Слово о связи вещей во вселенной... говоренное... июня 30 дня 1790 года	363
Слово о всеобщих и главных законах природы... июня 30 дня 1799 года говоренное...	377

А. А. КАВЕРЗНЕВ

О перерождении животных	387
-----------------------------------	-----

П. А. СЛОВЦОВ

[Из проповеди, произнесенной 21 апреля 1793 года]	399
[Из проповеди, произнесенной 10 ноября 1793 года]	402
Послание к М. М. Сперанскому	404
Материя	406

Я. П. КОЗЕЛЬСКИЙ

Философические предложения, сочиненные надворным советником и правительствующего сената секретарем Яковом Козельским в Санкт-Петербурге 1768 года	411
Философия	427
Логика	429
Метафизика	446
Философия нравоучительная	462
Юриспруденция	464
Политика	503
Рассуждения двух индийцев Калала и Ибрагима о человеческом познании.	552
Рассуждение об испытании природы и ее таинствах	558
[Рассуждение о тяжести, движении и спокойствии]	582
Предисловие к переводу «Истории датской» Голберга	621
[Из примечаний к переводу «Истории датской» Голберга]	627

Предисловие к переводу книги Мозера «Государь и министр»	637
Депутата Днепровского пикинерского полка Якова Козельского на читанные в разные числа сентября месяца законы о преимуществах дворянства примечаше	645
[Мнение о положении крепостных крестьян]. В комиссию о сочинении проекта нового уложения от депутата Екатеринославской провинции от шляхетства Якова Козельского примечание	649
<i>ПРИМЕЧАНИЯ</i>	661
<i>УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН</i>	696

Редактор *В. Козерук*

Переплет, титульные страницы и оформление книги художника *Н. Седельникова*
Ответственный корректор *А. Михельс*
Технический редактор *Ц. Бейлина*

*

Подписано в печать 15/VIII 1952 г. Тираж
30 тыс. экз. М-39667. Бумага $84 \times 108 \frac{1}{32}$.
Объем $11 \frac{1}{8}$ бум., 36,49 л. л., 35,25 уч.-изд. л.
Заказ № 1282. Цена 9 р. 60 к.

*

2-я типография «Печатный Двор»
им. А. М. Горького Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР.
Ленинград, Гатчинская, 26.